ДЕНЬ и НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения № 2 | 2016

16+

Олеся Горбачёва

Последние лучи
30 × 40
2015

Летели облака
30 × 35,5
2015

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения *№ 2 | 2016*

В номере

ДиН публицистика

Александр Щербаков
3 Сибиряки сибиряковские

Олесь Грек
9 Исполин России

ДиН лит

Дни и ночи Литературного института имени А. М. Горького

Александр Орлов
23 Факторы национальной истории

Андрей Тимофеев
25 На несколько мгновений

Дмитрий Тамбовцев
27 Костров прощальных полыханье

Василий Киляков
28 Посылка из Америки

Александр Евсюков
31 Другой берег

Марина Вахто
38 На улице Лени

Алексей Рудевич
197 Апрель. Bwосьмое

ДиН встреча

39 «Касьяновский дом»

Геннадий Малашин
40 Если бы Гамлета не было…

ДиН диалог

Юрий Беликов, Олег Попцов
55 Отлучение от леса

ДиН память

Александр Астраханцев
63 Варварская лира

Сергей Ставер
65 Настройщик ветров

Инна Половникова
67 Место гибели—Чёрное море

Александр Табунов
69 Владимир Илюшин: «Заходи, чуть что…»

ДиН ревю

Татьяна Верескова
64 Музей без крыши

ДиН юбилей

Геннадий Прашкевич
81 Аравийское море

дикороссы

Юрий Беликов
82 Серпом и молотом

Виктор Мелехин
85 Сельмаг, закрытый на учёт

Николай Глумов
87 Красный флаг над банькой

ДиН СТИХИ

Владимир Берязев
89 Этюды апокалиптического оптимизма

Влад Пеньков
92 Золотая рыбка Клее

Владимир Семенчик
94 Такое вот лёгкое счастье…

Варвара Юшманова
212 Рисует солнце витражи

Ольга Асеева
213 Необретённый крест

Григорий Горнов
215 Мы пришли из тёмных коридоров

ДиН ПРОЗА

Вячеслав Миронов
96 Славка, Колька, Сашка и самолёт

ДиН ПАРОДИЯ

Евгений Степанов
177 Авторы достали!
225 Путь у поэтов тернист

ДиН ПЕРЕВОД

Мирослав Белович
53 Оставь мне эту маску

Томаш Соберай
178 Финал Театра Креста

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА

Эдуард Русаков
181 Бумажное пианино

Ольга Скибинская
190 Совсем другая женщина

Татьяна Ильдимирова
198 Нежность

Елена Тимченко
207 По красной дорожке

ДиН ДЕБЮТ

Альбина Мамаева
208 Земля́чки

ДиН КРИТИКА

Владимир Яранцев
217 Водный мир современной прозы

КЛУБ ЧИТАТЕЛЕЙ

Владимир Замышляев
226 Просто женщина и просто мужчина

ДиН ДЕТИ

Синяя тетрадь
231 «Если окажусь на распутье…»

233 ДиН АВТОРЫ

Александр Щербаков

Сибиряки сибиряковские

Ледовая путина

Как начнёшь вспоминать — невольно подивишься: куда только не заносили журналистские и писательские дорожки! Самой северной точкой нашего края, до которой я добирался, был остров Большевик. Настоящий «остров в океане», притом в Ледовитом! О нём отдельный сказ. На материковом же Крайнем Севере нашем довелось мне побывать, к примеру, в посёлке Караул и далее него, в таймырской тундре, почти у Енисейской губы, где великая река сама становится если не морем-океаном, то его обширным заливом, у которого не видно берегов.

Помню, на оленьей упряжке с местной проводницей — работницей Усть-Енисейского райисполкома — ездили мы в рыболовецкую бригаду. За Караулом, вниз по Енисею, прямо на льду расположился целый посёлок из дощатых «балко́в» на полозьях и островерхих чумов. Над ними курились дымки́, уходившие в холодное синее небо, но кочевое селенье казалось безлюдным.

Первых жителей его мы встретили далее, на заснежённой ледяной равнине. На ней там и сям работали рыбаки. В меховых одеждах, сакуях и малицах, с округлыми капюшонами, в меховых же бокарях, высоких сапогах, они, несколько скованные в движениях, издали напоминали пингвинов.

Шёл подлёдный лов корюшки, своеобразная весенняя путина в здешних местах. Нашему приезду рыбаки не удивились. Со мною поздоровались приветливо, за руку, но расположения к беседе не проявили. Подробней представила их моя проводница, начав со «старшого» Василия Ямкина, известного тогда на Севере рыбака и охотника из колхоза «Заря Таймыра».

И мне он запомнился своей отменной деловитостью. На мою просьбу рассказать о «секретах» лова он лишь ответил:

— Смотри за мной, — и приступил к делу.

Вытоптал в снегу две небольшие площадки по краю проруби, называемой майной, крепко встал на них и, ловко орудуя длинным шестом-норилом, погружаемым в воду, принялся вылавливать концы сети, запущенной под лёд из соседней майны, пока они не оказались в его руках.

Затем запустил их вместе с норилом далее по выверенному течению и пошёл от майны к майне по ходу ставок, проделывая ту же операцию. А когда протянул всю сеть подо льдом и закрепил её концы у последней проруби, похожей на обледенелый сельский колодец, сказал мне удовлетворённо:

— Половина дела готова. Осталось подождать свой срок, потом вытянуть сеть и собрать урожай. Всего таких сетей у нас за двадцать…

Суть процесса мне стала ясной. Я поблагодарил Василия за «наглядные» объяснения. На том мы и расстались с мастером подлёдного лова корюшки.

В кочевое поселение вернулись к обеду. В крайнем тесовом балке с квадратным оконцем жила бригада бывалого рыбака Гавриила Попова. Хотя «бригада» звучало, пожалуй, громковато, ибо в ней состояли всего двое. На пару с Гавриилом работал Владимир Комаров, молодой рослый мужчина с умным прищуром живых глаз. Владимир, по распространённому на северах обычаю, выехал на весеннюю путину всей семьёй. Лишь старший сын остался с бабушкой дома, в посёлке Носок, «за хозяина», а трёхлетний Валерка, пятилетний Костя и годовалая Дуся жили с родителями походной жизнью.

Правда, ребятам было пока не до «походов». Над крышей балка сияло по-весеннему ослепительное солнце, но мороз ещё хозяйничал вполне по-зимнему, к тому же тянул такой обжигающий хиус, что лучше было не высовывать носа из жилища. И мальчишки, «обманывая» холод, лежали под тёплыми оленьими шкурами, вместе с матерью Нимпэ. А крохотная девочка — в уютной люльке, эпсе, со своеобразным меховым балдахином, который, задёргиваясь, разом день превращал в ночь. Ночью же положено спать, что и усердно делала младшая «рыбачка».

Вслед за нами к Комаровым заглянули соседи Тэсидо Хосе и Яптунэ Нюке, тоже рыболовы, работавшие на пару. В балке весело гудела железная печка, дыша сухим теплом, однако у окна, где за столом расположились гости, было прохладно. В качестве угощения была подана свежемороженая корюшка. Тэсидо вынул охотничий нож с наборной ручкой, тут же разделал несколько рыбин на ровные дольки и с одобрения хозяина пригласил всех, включая нас с проводницей, отведать строганинки. Приправой к ней служила горка соли,

сдобренная чёрным перцем. От корюшки исходил запах свежего огурца, казавшийся странноватым в этом краю «белого безмолвия».

Речь у рыбаков, естественно, шла о рыбе, об особенностях начавшегося лова. Дела у них обстояли неплохо, хотя они пока работали вполсилы, ставя лишь половину сетей, выданных каждой бригаде. Ожидали «настоящего» хода рыбы, который, по приметам, вот-вот должен был наступить. Однако что-то медлил… Выражались сомнения, будет ли он вообще, ибо год на год не приходится. В результате «летучего» совещания было решено «не ждать милостей от природы» и завтра же выставить все снасти. Мы с проводницей пожелали промысловикам удачи.

Повыше балков на острове стояло несколько чумов, густо выбеленных пургой, что бушевала прошлой ночью. Они походили на заснежённые стога. Но над этими белыми стогами, с чёрными, закопчёнными перекрестьями стропильных концов на верхушках, густо клубились дымы. В чумах тоже жили рыбаки, прибывшие на весенний лов. Проводница предложила мне посетить один из них. Я охотно согласился, тем более что прежде видел подобные жилища лишь в музее, и от них всегда веяло на меня не просто экзотикой, но древностью, почти пещерной. Между тем, несмотря на сплошь кирпичные и деревянные современные посёлки, на те же передвижные балки, получавшие распространение среди коренных северян, многие местные жители по-прежнему предпочитали традиционные чумы. Стало быть, они, на взгляд кочующих оленеводов, охотников и рыбаков, имели какие-то свои преимущества перед балками в условиях суровой тундры.

И, оказавшись впервые в этом круглом жилище с крутыми сводами, я действительно нашёл его уютным, тёплым и на удивление «глухим». Оленьи шкуры, из которых оно состояло, обладали редкими звукоизолирующими свойствами. Впрочем, в зимней тундре и вне чума немного громких звуков, кроме разве лая собак да завываний вьюги.

Мы навестили чум рыбака Яптунэ Нюке. Он, как и Владимир Комаров, прибыл на Енисей всем семейством — с отцом, матерью и молодой женой Ниной. Пока мы находились у них в гостях, они не оставляли обычных хлопот по хозяйству. Старик кормил ездовых и охотничьих собак, колол и носил в чум дрова, предварительно пакуя их в небольшие вязанки. Домовитая старуха, не разгибаясь, хлопотала у очага. В нескольких котлах и кастрюлях, подвешенных по кругу над огнём, кипели, дымились паром различные варева. На бечёвке, крест-накрест протянутой через чум, висели белые полярные куропатки, видимо, ожидая разделки.

Нина занималась шитьём, чинила меховую одежду. Рядом с нею на шкурах сидела маленькая простоволосая девочка. Сидела удивительно спокойно, «беззвучно» и неподвижно, словно кукла, только чёрные бусинки глаз бегали, следя за проворными материнскими руками. Помнится, кивнув на неё, я спросил с некоторой иронией:
— Рыбакам помогаете?

Нина понимающе улыбнулась, но затем вполне серьёзно объяснила, что выезды семьями на путину — не просто дань обычаю или прихоть, а хозяйственная необходимость. Женщины — прямые помощницы рыбаков-мужчин, собирают их на промысел, готовят бокари, рукавицы и другую «экипировку». Ну и, само собой, за ними остаётся кухня. В тот день у четы Яптунэ на обед была уха из свежей корюшки, по-местному — зубатки.
— Что в сетях да на стволе, то у нас и на столе,— пошутила Нина.

Из короткой беседы с нею я узнал, что она закончила в Дудинке школу-интернат, вернулась домой, в родной посёлок, вышла замуж и с тех пор ведёт хозяйство, помогает мужу во всех делах. У её «должности» было даже официальное название — чумработница. Как, впрочем, и у других северных женщин. Большинство из них уходили вместе с мужьями не только на рыболовный промысел, но и в далёкие кочевья со стадами оленей, летние тропы которых простирались до самого Ледовитого океана.

Когда мы покидали рыбацкий посёлок, он мне уже не казался временным поселением. Видно было, что рыбаки на весеннюю подлёдную путину устроились основательно. Ход рыбы набирал силу. Число выставляемых сетей всё увеличивалось. Люди работали с утра до ночи, весь световой день, долгота которого по-северному стремительно возрастала. На моё сочувственное замечание насчёт столь напряжённого графика работ Яптунэ Нюке шутливо ответил:
— Ничего, мы выспались зимой, когда ночи были круглосуточные. А теперь спать некогда, солнце не дремлет — и нам не положено.

Сибиряки сибиряковские

Завернув с Енисейского тракта в сельцо Сибиряк под Красноярском, спросил я первых встречных, двух женщин с хозяйственными сумками, где живут Борисовы. И добавил при этом: «большая семья». Женщины понимающе кивнули и стали наперебой объяснять, что надо ехать в самый конец улицы, свернуть направо, потом ещё направо и ещё… На втором повороте пришлось уточнить у мужичка, спешившего по обочине. Он махнул мастерком, который держал в руке:
— Это дальше… Там ворота открыты, въезжайте прямо во двор, к особняку, и посигнальте — кто-нибудь выйдет.

По тону чувствовалось: Борисовы в селенье известны и уважаемы…

И вот — широченный двор с берёзами, баскетбольная площадка, у забора микроавтобус, грузовик, посредине — дом, действительно «особняком» стоящий, да и смотрящийся: кирпичный, двухэтажный, с кружевным фронтоном. В ответ на сигнал колыхнулась штора в одном из окон, выбежал на крыльцо русый паренёк в спортивной куртке:

— Мамы дома нет, а батя сейчас выйдет.

Вскоре появился коренастый мужик в камуфляжной паре, черноусый, с крупными чертами лица, подошёл не спеша, с достоинством. Объяснив ему кратко, кто я такой и зачем прибыл, в ответ услышал отрывистую скороговорку, несколько неожиданную в устах усатого «кряжа». С трудом уловил из неё, что передо мной хозяин, которого зовут Андрей Викторович, однако, учитывая его «никакую дикцию», лучше бы подождать из города жену Наталью и «на диктофон» побеседовать с нею. Не сумев скрыть огорчения оборотом дела, я разочарованно развёл руками, но вдруг отец семейства махнул с явным облегчением:

— Да вон и наша мама!

Во двор влетела красноватая, словно божья коровка, «Ока» и резко остановилась рядом с нами. Из-за руля выскочила небольшенькая женщина, тёмно-русая, с короткой стрижкой, живая, как ртуть, и, подавая мне руку, тут же застрочила швейной машинкой. Но, слава Богу, куда разборчивей, чем её благоверный. Пригласила в дом. В просторной гостиной мы сели за предлинный стол. Две девочки, лет семи и пятнадцати, подали нам чай с малиновым вареньем, хорошо подогревший нашу беседу…

Я уже был наслышан о супругах Борисовых как о «чудаках», взявших при четверых кровных ещё одиннадцать чужих, беспризорных детей в свою семью. В приёмную, говоря суховатым канцеляритом. Шаг в те времена был, можно сказать, героический и вроде бы нелогичный, если учесть бытовые трудности и многолетнюю пропаганду либеральных эгоизмов да гедонизмов. Хотелось выяснить, что за ним стояло.

— По-моему, всё закладывается в детстве, в семейной атмосфере, — уверенно, как о давно решённом, сказала Наталья Владимировна. — Мой папа был девятнадцатым ребёнком в семье, до конца дней тепло относился к сёстрам, ко всем семерым братьям своим. Очень внимательно — к маме и нежно, при всей внешней суровости, к нам, двум дочерям. Ничего удивительного, что и мне с детства, отрочества хотелось иметь много детей. И я, кажется, мечту осуществила…

Отец Натальи, коренной сибиряк, был родом из таёжной глубинки, но жизнь прожил в Красноярске, работая машинистом большегрузных составов. И умер ветераном труда прямо на работе, в локомотивном депо. Мать, швея-рукодельница, поныне живёт в пристанционной слободе — старинной Николаевке. Наташа после школы, не раздумывая, пошла в педучилище, потом работала воспитательницей в детсадике, вышла замуж, родила двоих детей… Однако брак оказался неудачным. Сестра, жившая в Солнечном, посёлке строителей экскаваторного завода, позвала её вместе с детьми к себе, устроила воспитателем в молодёжное общежитие. Вот тут-то Наталья и встретила свою настоящую судьбу.

В средине восьмидесятых поселился в общежитии Андрей Борисов, сварщик, после службы в армии прибывший строить красноярский экскаваторный. «Корни» почти рядом, в кемеровском посёлке Яшкино: мать — продавщица, отец — шофёр, братья — тоже рабочие, один здесь же, на экскаваторном. Андрей «подкупил» Наташу серьёзностью, трезвостью и… немногословной сибирской деловитостью. Познакомились, поженились, родили ещё двух детей, получили просторную четырёхкомнатную квартиру в Солнечном и стали жить-поживать да добра наживать. Мебель, дача, машина… Очень кстати, ибо Андрей заканчивал вечерний автодорожный техникум.

В стране между тем множились новые веяния и перемены. К концу 1980-х, под модные охи о «слезинке ребёнка», возникло и впрямь нечто доброе — семейные детдома. Год 1990-й начался всесоюзным рождественским телемарафоном, посвящённым судьбе сирот. Борисовы почти сутки просидели перед телевизором, наплакались, нарыдались и решили: возьмём брошенных детей на воспитание.

На следующий же день обратились в краевое отделение Российского детского фонда, в крайоно. Там на создание семейного детского дома им дали добро, но прежде потребовали целую кучу справок — медицинских, финансовых, жэковских и прочих. Едва прошли они всю эту бюрократию, как столкнулись с новыми трудностями. В ответ на массовый душевный порыв опекунов и усыновителей, вызванный телемарафоном, работники государственных детдомов, боясь остаться без работы, стали отвечать, что у них нет желающих идти в семью. А то и прямо упрекали «просителей» в корысти, в желании поживиться за счёт сирот. Слышали и Борисовы упрёки в стремлении «разбогатеть», чему позднее, когда всё же набрали по разным детдомам одиннадцать приёмышей, горько усмехались, ибо на первых порах едва сводили концы с концами. Но со временем дело наладилось. Нужда отступила. Наталья получила статус родителя-воспитателя. Андрей, при свёртывании производства на экскаваторном заводе, перешёл на другую работу по специальности — стал водителем-инструктором на одном из предприятий. Не отказывался и от приработков. Да и дети подрастали, становились помощниками.

— А сегодня уже многие вполне самостоятельны, сами в дом несут, — не без гордости заметила Наталья. — Ведь старшему Ивану, тоже водителю (кстати, у всех совершеннолетних ребят в нашей семье — водительские права), уже под тридцать, а малышей осталось всего двое: шестилетняя Тася ходит в садик, семилетняя Лера — в школу, в первый класс…

Увы, обо всех пятнадцати не рассказать мне в этой статье. Тем более что и Борисовых-старших грешно обойти добрым словом. Хотя, разумеется, беседа наша вращалась в основном вокруг детей, ибо главной собеседницей была мама Наташа… Мне даже, помню, пришла на ум одна далёкая аналогия. Когда-то Софья Толстая попросила императрицу о встрече, желая посоветоваться насчёт издания произведений своего великого мужа, но многодетные матери два часа проговорили о… детях. Так и наша беседа с многодетными Борисовыми волей-неволей склонялась к их «тихому подвигу». И это не преувеличение.

— Представьте: женщина родила тройню! — горячо говорила Наталья Владимировна. — Это что? Это пусть и счастливый, но психологический удар. Так? А тут к четверым сразу пятеро, да следом ещё два, ещё два и ещё… И если бы только кормить, а ведь их воспитывать надо, в люди выводить.

Благо хоть во властных кабинетах, куда обращались Борисовы в трудные минуты, к ним относились с пониманием. И в Советском районе, из приютов которого они брали детей, и в Емельяновском, на земле которого жили. Да, семья Борисовых прочно села на землю, и давненько уж. Почти с самого начала, как только в городской квартире, пусть и расширенной, со спальнями, со спортивным уголком и прочими «углами», собралось более десятка детей, для Натальи и Андрея стало ясно: при такой ораве нужен отдельный дом, притом — на земле. И не столько ради зелени-огородины (хотя и она важна), сколько ради того самого воспитания, становления человека. Особенно мужчины, который, по известной максиме, должен построить свой дом, чтобы «состояться». Или уж хотя бы пожить своим домом.

И вот Борисовы взваливают на себя и эту ношу. Заручаются поддержкой городской соцзащиты. Объезжают пригородные районы и останавливают выбор на емельяновском Сибиряке. Название селенье получило по бывшему здесь подсобному хозяйству воинской части «Сибиряк». Но теперь ни части, ни подхоза. Люди живут подворьем, приторговывают в городе продуктами, «дарами природы». Благо — вокруг леса, богатые ягодой, грибами, озёра — рыбой. Словом, место Борисовым понравилось. Как водится, стройку начали «миром» — собрали родню, друзей со стороны хозяина и хозяйки, расчистили бурелом на окраине села, подготовили площадку. Всей семьёй «нарисовали» дом, проектировщики «перевели» его в проектно-сметную документацию. Набрали Борисовы кредитов и сунулись было в строительную фирму — в одну, в другую, но там такие деньги заломили, что…

Пришлось искать другие варианты, браться самим, да и мир не без добрых людей. Общительная Наталья пошла по заводам, ещё дышавшим, — ЖБИ, «Железобетон», домостроительный «тёзка» «Сибиряк»… Одни выписали подешевле, другие просто отдали в «дар детям» разные блоки, балки, кирпич, раствор. Наняли экскаватор, кран. Впряглись сами. Повезло с военными. Обратилась Наталья в стройбатовскую часть, а там офицеры собрались да вызвались взять шефство над домом для детей. И стали наезжать в Сибиряк по субботам-воскресеньям, помогать — где советом, где техникой, а где и умелыми руками. Да так подружились с Борисовыми, что уже и жён, детей стали брать с собой на «народную стройку», в «трудовой санаторий». И, кстати, по сей день дружат. Но, конечно, главная тяжесть легла на плечи Андрея, Натальи, их подраставших чад. Стены все, считай, выложил сам хозяин, который не только сварщик-ас, но и каменщик, и плотник-бетонщик, и столяр, и маляр…

Не в один и не в два года, но всё же построили Борисовы свой дом, притом — на славу. Два этажа, на первом прихожая, столовая, зал, рабочие комнаты, на втором спальные, притом — на каждого домочадца. Котельная своя, и все удобства — в доме: свет, тепло, вода и это самое… А за домом — огород в целый гектар. Пахали мотоблоком. Выращивали не только картошку да овощи, но и множество фруктов и ягод — яблоки, ранетки, сливу и вишню, крыжовник, смородину и малину, вареньем из которой меня угощали. Огород вели отец с детьми; Наталья, по её словам, ни разу в руки тяпку не брала. Держали Борисовы и живность всякую, за которой тоже ухаживали сами дети. Вообще, от работы эти ребята не бегали. И секрет усердия был прост: к труду их приучили с детства. Ещё в городской квартире за каждым значился «ответственный пост» — директор коридора, директор кухни, директор туалета… Потому и в новом доме, во дворе держался порядок идеальный. И наводили его дети без всяких напоминаний.

Об их трудолюбии в Сибиряке знали все, ибо оно было наглядным. Кто ставит общую новогоднюю ёлку на футбольном поле? Борисовские ребята. А само поле это кто сделал? Они же. Как и волейбольную, баскетбольную площадки, хоккейную коробку и ещё многое. Но особенно, пожалуй, удивил земляков Борисов Вова-старший (младшего Вову, встретившего меня у дома, звали Вовочка), когда перед уходом в армию, по своей инициативе, с помощью приятелей выкопал колодец два на два метра и двенадцать глубиной! Копал всё лето, к ноябрю закончил и ушёл служить.

А уж траншею от колодца к дому провели и трубы проложили младшие братья с отцом Андреем. Надо ли говорить, что Вова прослужил срочную образцовым солдатом? Потом таковым стал и Рома, «армейские» письма которого показывали мне. Он писал идущему за ним «неродному» Ване: «Здорово, брат мой…» И никогда не жаловался на какую-то там дедовщину. Это было бы не по-сибирски, да и не по-русски.

К слову, на мой вопрос, каков он, сибирский характер, по её представлению, Наталья заметила:
— Как был у моего отца, строгого, но справедливого в жизни и упорного в деле. Или как вот у Андрея: не языком, а больше делом…

В семье Борисовых, приобщая детей к труду, к «братству», исподволь воспитывали и настоящих патриотов. Не нотациями — примером, делом, знанием. Чего стоили, к примеру, одни семейные путешествия по стране, в которые они, лёгкие на подъём, не однажды пускались на своём микроавтобусе «Соболе». За рулём — Андрей или Наталья, а то и кто-нибудь из старших ребят «с правами». Объехали не только родную Сибирь, но побывали и на «Золотом кольце России», у её духовных истоков — в Угличе, Суздале, Владимире, и в местах, дышащих недавней героической историей, — Орле, Курске, Белгороде… Особое впечатление произвели на детей места великой Курской битвы, «Огненной дуги», знаменитое Прохоровское поле, ныне встретившее их морем золотых подсолнухов… А ещё — поклон «отеческим гробам» и предкам, тихой могиле бабушки Андрея Викторовича в светлых Валуйках на Белгородчине. Валуйки и Сибиряк — такая «дуга» тоже не может не щемить русское сердце, не трогать в нём гражданскую струну.

Не забывали у Борисовых и эстетическое, духовное воспитание. Все дети прошли музыкальную школу. Притом в городе, куда возила их сама Наталья Владимировна на «Соболе» или «Оке». Часто выезжали они всем семейством в музеи, театры, на выставки и концерты. Бывали и в церкви, ибо все до единого крещены в православие. Не по моде — по традиции и вере.

По интересам, по судьбам все пятнадцать «братьев и сестёр», конечно, разные: есть рабочие, есть служащие и студенты. Но все они «одинаково нормальные» люди, с нравственным и гражданским стержнем, трезвые и трудолюбивые. Это подтвердит каждый, кто встречался с ними. Недаром за «секретами» воспитания ехали к Борисовым со всех концов края опекуны, пестователи больших приёмных семей и «просто» родители многодетных.

Отчасти и потому, что Наталья Владимировна много лет возглавляла Красноярское отделение общественной организации «Приёмная семья», но больше потому, что дом Борисовых был открыт, распахнут навстречу всем добрым людям, как и души его хозяев, взрослых и юных, действительно широкие, воистину сибирские.

Малая Тумна — великая Тумна…

Те, кто бывал со мною в дальних поездках по главным дорогам нашего необъятного Красноярья — хоть в енисейском, хоть в ачинском, хоть в канском или минусинском направлениях (но особенно — в последнем, южном), — подтвердят, что я люблю в пути вспоминать о разных событиях, о людях и примечательных фактах, связанных с теми или иными местами, мелькающими за окнами автомобиля. А этих воспоминаний в моей памяти хранится уйма с гаком, ибо, как уже отмечал не однажды, поездить мне на веку довелось немало. И в силу «подвижной» профессии, и просто по природной «охоте к перемене мест», выражаясь словами поэта…

Положим, на пути из Красноярска в Абакан, когда за спуском к Балахте остаётся позади старинная автозаправка, в прежние времена бывшая единственной на этом перегоне, то слева за нею, в глубине пологого склона, показывается на минутку деревня Малая Тумна. Так вот, проезжая мимо неё, я обычно запеваю собственную песню, состоящую всего из одной строчки: «Малая Тумна — великая Тумна…» На мотив широко известной когда-то не песни даже, а этакой торжественной кантаты «Малая Земля — великая земля…», созданной в брежневскую эпоху с явным намёком на участие самого генсека в героической защите той земли от фашистских захватчиков. И далее, в ответ на вопросительные взгляды спутников, рассказываю историю, имеющую прямое отношение к этой самой деревеньке, что промелькнула слева от магистрали.

Историю, может, и незатейливую, но почему-то запавшую в душу и живо памятную до сей поры…

Однажды поздней осенью, уже по снежку, по «белотропу», как говорят охотники, возвращались мы с боевым шофёром «известинского» корпункта Валей Михаревым из командировки в наши любимые южные районы — Минусинский, Курагинский, Каратузский… И когда, пересекая балахтинскую холмистую лесостепь, проехали сворот на Приморск и покатили под горку к Малой Тумне, вдруг впереди нас из придорожного леса вынырнул небольшенький мужичок в шапке, в чернёном полушубке, в синих штанах, заправленных в катанки, и проворно, с перебежками, затрусил вниз по обочине. При этом он то и дело оглядывался и как-то странно держал на отлёте левую руку, словно бы «голосовал» перед попутками. Но попутки эти, в основном легковые машины, обгонявшие нас, проскакивали и мимо странного пешехода. А когда мы на своём не слишком расторопном «уазике» нагнали его, то я разглядел, что

под мужской ушанкой была женщина, притом весьма немолодая: из-под шапки выбивались седые пряди, обрамляя худые, ввалившиеся щёки. А вся кисть её руки, вытянутой в сторону, была бордовой от запёкшейся крови. По моей отмашке шофёр подрулил к бабке поближе и притормозил. Я открыл дверцу, обращённую к ней, и крикнул:
— Что-то случилось? Нужна помощь?

Бабка шагнула к машине и, покачав окровавленной рукой, певуче заговорила, почти запричитала:
— Ох, милые мои, стряслось такое, что не дай Бог! Пошла я, старая галоша, в энтот лес, думала хворосту нарубить вязанку-другую на растопку, да так секанула, аж до самой кости, по руке топором, что бросила его прямо у валежины. И вот бегу домой… Поди, ещё фершалку застану на месте… Вишь, кровишша-то хлещет… Может, подбросите до своротка к нашей Тумне, а?

С кончиков пальцев и впрямь капала кровь, метя снег красными пятнами.
— Подбросим, но сперва подлечим! — отозвался Валентин.

Он тут же выдернул из дверного кармана походную аптечку, выскочил из кабины, махнул мне и подбежал к незадачливой дроворубице. Ловко (не зря отслужил недавно в пограничниках) обработал рану между указательным и большим пальцами, оказавшуюся действительно обширной и глубокой. Потом туго-натуго перевязал руку и даже подвесил на бинте, закинув ленту за шею. Я, как мог, ассистировал ему в этой «полевой» операции. Мы помогли бабке подняться на заднее сиденье «уазика» и повезли её к деревне.

Всю дорогу растроганная вниманием пациентка со слезами на глазах не уставала благодарить своих «спасителей»:
— Ой, спасибочки, родненькие! Видать, само провиденье послало вас на выручку мне, а иначе, гляди бы, истекла кровью, косорукая, или зараженье какое схватила и окочурилась до времени… Вправду, значит, сказано, что мир не без добрых людей… Храни вас Господь, сердешные…

А когда Валентин, завернув в деревню, остановил машину по просьбе пассажирки, она стала настойчиво приглашать нас в гости:
— Прошу от сердца: зайдите хоть на полчасика. Отведаете домашней колбаски, чайку попьёте со свежими сливками, и медок есть, и оладушек поджаристых утречком напекла. А сметанки дак и в дорогу крыночку дам…

Перспектива была соблазнительной. Однако мы с Валей переглянулись, молча поняли друг друга, представив «однорукую» хозяйку хлопочущей на кухне, а ещё — лежавшие впереди горные спуски-подъёмы, петли-повороты, поблагодарили бабку за гостеприимство и приглашение отклонили. Сослались на то, что, мол, очень спешим, да и недавно перекусили в придорожном кафе над Новосёлово…
— Ну и что ж за беда, коль перекусили? Это чурку на чурку положить нельзя, а обед на обед всегда можно! — не унималась бабуля.

Наконец, видя нашу непреклонность, она вылезла из машины, поддерживаемая Валентином, однако, прежде чем захлопнуть дверцу, ещё раз повторила своё приглашение, а закончила его форменным наказом:
— Тогда так, ребята: в любое время зимы и лета, дня и ночи, как будете в нашенских местах, обязательно заверните в Тумну. Вот моя избушка, третья по околотку. Забудете — спросите про Ильинишну, всяк покажет. Заезжайте, будто к родне. Так и знайте, что у малотумнинской тётки Ильинишны вас всегда ждёт крынка наилучшей сметаны. А не заедете — обижусь кровно…

На том и расстались мы с благодарной пациенткой. И ни единожды потом не собрались подвернуть к её воротам за обещанной крынкой сметаны. Но с той поры всякий раз, когда случается проезжать мимо Малой Тумны, я для попутчиков неизменно запеваю о ней песню на «брежневский» мотив и рассказываю историю про славную знакомую крестьянку, которая живёт там в третьей избушке по околотку и постоянно держит для нас с «хирургом» Валей Михаревым целую крынку отменной домашней сметаны. Рассказываю, понятное дело, не без намёка и на нашу с ним отзывчивость, но всё же главным образом затем, чтобы лишний раз подчеркнуть добросердечие, бескорыстие и великодушие нашего народа на примере скромной бабки Ильинишны. И богохранимая её деревенька Малая Тумна с годами представляется мне всё более великой.

К месту будет сказать, что ещё в семнадцатом-восемнадцатом веках, по свидетельству немецких историков, среди народа Германии широко бытовало присловье: добрая, как русская крестьянка…

Олесь Грек

Исполин России

Е-ни-сей!
Внимательно вслушайтесь в звучание этого горизонтально написанного слова: «Е-ни-сей!» Это шестая по величине река земного шара и самая многоводная в России. В ней красота и величественность, в ней необъятность вековой тайги и неприступность диких скал и ущелий, в ней симфония бесчисленных ручейков, речек, рек и водопадов. А какой изумрудно целительный воздух, настоянный на смолистом запахе кедрачей, сосновых боров, трав и ягод, какая палитра цветов: от изящных царских кудрей, синих ирисов, жёлтого подмаренника, астрагала, венериных башмачков, иван-чая и до золотых эдельвейсов. Он, Енисей, всемогуч, вседобр, вселасков. В нём и таинственность, и загадочность, и непредсказуемость.

Из века в век племена, народы селились на его берегах, потому что он давал и кров, и пропитание, и надежду. Реки ведь собирают и объединяют людей. Енисей — не просто река, Енисей — судьба. Вот почему он в разных частях Сибири наречён как бы непохожими именами, но везде значение их одно и то же: Ионесси, Иоандези, Енаси, Ким-Суг, Улуг-Хем. Всё это — «Большая Вода», «Великая Река».

С высоты легкокрылого самолёта видишь, как зарождается эта единственная в мире необыкновенная двуглавая река. В отличие от других, она вытекает не с одной точки, а сразу с двух, образуя своеобразные рачьи клешни, верхняя из которых ласкает Бурятию, а нижняя — Монголию. Енисей начинает бег с уклона горно-таёжной части Тывы, от подножья пика Топографов, что на высоте 3044 метра над уровнем моря, и носит название Бий-Хем (Большой Енисей).

Путешествуя по Енисею на резиновом плоту вместе с художником-пейзажистом Тойво Ряннелем, мы заночевали в Тоджинской котловине, раскинув палатку прямо на берегу реки.

Тоджа — это самый большой северо-восточный район Тывы, целая горная страна с территорией почти сорок пять тысяч квадратных километров. Больше Швейцарии, больше Дании. А население — не более пяти тысяч человек. Тоджинская котловина лежит на высоте 800–1200 метров над уровнем моря. Хребты, обрамляющие её, вымахивают свыше двух тысяч метров. Высокие горные цепи отделяют котловину от остальной Тывы. В Тоджу не проложены ни железные, ни шоссейные дороги. В неё можно попасть лишь на вертолёте или по Енисею на речном комфортабельном теплоходе «Заря». Район получил своё название от озера Тоджи.

Ночь. Костёр. Потрескивают сгорающие сучья, вскидывая галстучные факелы огня. Райская тишина.

Узнав, что художник снова появился на их земле, старый тувинец-зверолов Агар-оол, выполняя в первую их встречу роль проводника на водопад, пришёл в гости.

— Эки, эш! — расставив широко руки, Агар-оол обнял Тойво. — Здравствуйте, товарищи, друзья!

— Как здоровье, дорогой? — расспрашивал гостя художник, обрадованный встрече.

— Крепкое!

— Вот это и главное. Я тебя часто вспоминаю и благодарю за помощь. Кажется, у меня получилась неплохая картина, которую я назвал «Рождение Енисея». Будешь в Красноярске, заходи, покажу, а сейчас вот дарю тебе репродукцию с неё.

Тойво, выросший на сибирской реке, знал её самые потаённые уголки, но долго не мог добраться до колыбели батыра. И эту его мечту помог осуществить тоджинский зверолов.

— Места там совсем необжитые, а шивера быстрые, перекаты почти на каждом метре, — вспоминал художник, больше уже рассказывая для нас. — Бий-Хем совсем узок, не более пятидесяти метров, но течение его там сумасшедшее. И тайга там тёмная, мрачная, сбегает прямо к воде. Немало лиственничных завалов, вершины гор заснеженные. А что выделывают хариузá? Эти рыбы прямо пляшут над водными бурунами!

— А как ты, Тойво, беспокоился, что мы не пробьёмся к водопаду! — засмеялся гость. — Но мы всё же на печку вылезли, — так на своём языке охотник назвал участок реки, по которому моторка карабкалась к водопаду.

От озера Кара-Балык до колыбели Енисея всего-то метров сто. И на всей этой длине такой шум стоит, что друг друга не слышно. Кажется, будто горные великаны там ворочают валуны, закрывая вход. Огромная белопенная завеса туманом

обволакивает ущелье, водотворение длится без перерыва. Потом всё пилит и пилит гранитное ложе, пытаясь раздвинуть каменные щёки, между которыми не более трёх-четырёх метров. Вот в эти ворота и врывается зеленовато-серый, даже стальной водяной вихрь.

В таёжной дали непролазной,
Где сказкой кажется заря,
В краю богов мы правим праздник
Рождения богатыря.

Салют! И троекратный выстрел
Встречает громом водопад,
Гудит, гудит на горной выси
Лавинным грохотом раскат.

Вот так, торжественно и просто,
Бросая брызги в облака,
Здесь набирается упорства
В борьбе рождённая река.

Поэтические строки тоже принадлежат Тойво Ряннелю, чем ещё раз подтверждается сказанное мудрецами, что если Бог кому-то и даёт талант, то меченый талантлив во всём.

Бий-Хем успокаивается только у Тоджи, где разбивается на несколько рукавов, приобретая привычное для Сибири название «Сорок Енисеев». Наш плот, свободно выдерживая четверых наездников, плыл с какой-то ленивцей. Берега то сходились, то расходились, хребты скалистыми рёбрами нависали над Енисеем. Вёслами махать не надо было, они сушились. Над головой — солнце и голубое безразмерное небо. Не раз задумывался: а действительно ли, что Бий-Хем начинается с ручейка?

Из головы не уходит легенда, рассказанная Агар-оолом, о всемогущем Беле. Не знаете, кто такой Беле? Да это же по-тувински бог солнца! Его владения простирались без конца и края. Было у него шестнадцать сыновей. Жили они в горах Удэгена, откуда всегда и выкатывалось солнце. И услышал Беле жалобный голос ручья из долины, что его злые циклопы завалили каменными глыбами. Беле озадачил сыновей за пятнадцать дней очистить ручей и освободить его. Ушли сыновья выполнять отцовский наказ, но по дороге так заболтались, что даже потеряли счёт времени. А жалобный голос ручья всё слабее и слабее доносился до Беле. Он никак не мог понять: что происходит? На пятнадцатый день бог ушёл проверить, как выполнено его задание. Увидев сыновей сидящими и занимающимися пустопорожними спорами, Беле разгневался и с укором превратил их в речки, чтобы они на себе почувствовали, хорошо ли, если в тебя бросают камни. Ручей Бий-Хем бог солнца расчистил сам, и с тех пор он течёт и течёт в узком лесистом ущелье. Значит, бог солнца Беле спас Бий-Хем от неминуемой гибели. Бий-Хем бежит относительно спокойно до Хутинского порога, находящегося в семнадцати километрах ниже реки Хут и названного её именем. Высокие скалы сжали реку до восьмидесятиметровой ширины. Грозная и мрачноватая скала Демир-Сал испытывающе взирала и на порог, и на путешественников. Бий-Хем, разорвав хребет Таскыл, похож на спринтера у самой финишной ленточки, касающейся его груди. Ещё усилие, ещё рывок — и река преодолеет последнее горное испытание. Над порогом стоит грозный рёв, белая пена покрывает буруны, воздух насыщен влажной пылью. По фарватеру порога на расстоянии чуть больше километра разбросаны камни-сундуки, курумы, которые надо умудриться обойти.

Где-то за час до приплытия нашего резинового плота Тойво рассказал, как этот порог однажды покорил картограф и писатель Григорий Федосеев. Он привязал свою левую руку к носовому концу лодки, зная, что так поступают умудрённые плотогоны, хватаясь за козлины, чтобы их не завертело в хаосе водоворота. Лодку Федосеева хотя и перевернуло, но он победил порог.

Что будем делать мы?

Зацепившись за береговую скалу, наш экипаж: Тойво Ряннель — как капитан, его сын Геннадий — рулевой, художник Анатолий Байзан и я — весловики, — решил не позориться перед писателем Григорием Анисимовичем Федосеевым. Мы вынесли на берег этюды картин художников, записные блокноты, книги, солнцезащитные очки, продуктовые запасы, привязались левой рукой за кольца плота, поправили каски на голове, спасательные жилеты на груди, и плюхнулись в ледяной котёл кипящей стихии. Тойво что-то кричал, шевелил губами, скорее всего — матерился в адрес весловиков, которые не знали, что им делать в том водовороте, и лишь бесцельно вращали вёслами, как клоуны на манеже. Мигом нас выбросило за порог, будто щепку. Страха не было, холода не ощущали, наоборот, спины вспотели. Лодка полная воды, но мы сидели в ней вертикально, приходя в себя. Вот мы да я!

Вытащив лодку на берег, осмотрев её, мы развели костёр, обсыхая и рассказывая друг другу впечатления ныряльщиков. Хотя я раньше бывал и на Большом пороге, о котором сложены мешки легенд и рассказов, но Хутинский по ощущению куда как сложнее.

От порога до устья Уюка Бий-Хем никаких уже сюрпризов не преподносил. На подступах к Кызылу река сбрасывает зелёные одежды, горы понижаются и переходят в степи, ширина реки в устье — 220 метров. Общая длина Бий-Хема от истоков — около 560 километров, а высота падения — 1280 метров.

Другой исток Енисея, Каа-Хем, короче Бий-Хема и не столь многоводен. Его длина около 550 километров. Скорость тоже велика — пять

и более метров в секунду. А когда, пробежав сто километров, в Каа-Хем впадает правый приток Кызыл-Хем, который сам по себе более чем в два раза многоводнее самого Каа-Хема, здесь уже задумаешься, кто из них главнее. Однако, несмотря на меньшую водоносность, главной рекой всё-таки называется Каа-Хем.

У города Кызыла — столицы Тывы — Бий-Хем и Каа-Хем сливаются, образуя Улуг-Хем (Великую Реку). В Кызыле установлен обелиск «Центр Азии». Его автор — друг Тойво Ряннеля, художник Василий Дёмин, который и встретил наш экипаж плота прямо на берегу слившихся притоков. Обелиск представляет собой земной шар на двухметровом квадратном постаменте с устремлённым ввысь трёхгранным шпилем.

Так вот где Азии средина,
Она в Туве,
В Кызыле, друг!
Центр Азии.
Сильнее грома,
Сильней набата бьют слова,
А он примкнулся возле дома…
Но всё ж гордится им Тува.
(Александр Прокофьев)

Тыва находится на стыке сибирской тайги с полупустынями и пустынями Центральной Азии. Вся Тыва — географический центр Азии, а обелиск — не геодезический пункт с координатами, точно обозначающий вполне «привязанную» точку, а всего лишь географический символ.

Именно у Кызыла рождается тот Енисей, который известен всему миру. Впадая в Ледовитый океан, он сбрасывает в него каждую секунду двадцать тысяч кубометров воды, тогда как самая большая река Европы — Волга — доносит до Каспия только восемь тысяч кубометров в секунду. Объём стока Енисея равен стоку Волги за два с половиной года или стоку Днепра за десять лет. Две Волги, две Камы, два Днепра и Дон в придачу — такова мощь одного Енисея. Эта сибирская река — одна из самых полноводных рек мира. Площадь её бассейна равна 2 600 000 квадратных километров, что в два раза больше бассейна великой русской реки Волги. По своей протяжённости Енисей уступает в России лишь Амуру, Лене и Оби, но он многоводнее каждой из них.

Поскольку я гидротехник и строил Красноярскую, Саяно-Шушенскую и Майнскую ГЭС, то для меня Енисей прежде всего интересен с этой стороны. Его ежегодный сток воды с основными протоками достигает пятисот кубических километров. И этот гигантский поток несётся с высоты 2580 метров, который, естественно, обладает огромным энергетическим потенциалом — среднемноголетней выработкой электроэнергии около 316 000 000 000 киловатт-часов в год.

Я живу на берегу этой красивейшей и могучей реки в мире — Енисея — почти пятьдесят лет. Конечно, я знаю её характер в пределах моих профессиональных занятий и ежедневных наблюдений. И если я имел когда-нибудь дорогие мне награды, то вот это она и есть — возможность жить, возможность работать, возможность встречаться с друзьями на берегах Енисея. Он — моё счастье и моя судьбинушка.

Прежде чем рассказывать о Енисее после слияния Бий-Хема и Каа-Хема у Кызыла, укажем на одну часто встречающуюся путаницу. А какая же всё-таки истинная длина этой реки, откуда начинать отсчёт?

Разная. И вот почему. Енисей одновременно может находиться в трёх разных точках.

Начинаясь с левобережного притока Бий-Хема с озера Кара-Балык — это уже Енисей. И тогда отсюда и до Енисейского залива Карского моря будет 4092 километра.

С правобережного Каа-Хема — 4050 километров, а от места слияния двух притоков у Кызыла — 3487 километров.

Учитывая, что к бассейну Енисея относится и дающий начало Ангаре Байкал со всеми впадающими в него реками, в том числе Селенгой, то от верховий Селенги и до Карского моря расстояние вырастает до 5940 километров.

Мы прощаемся с Енисеем — тувинским.

В поднебесных скалах Удэгена
Первой струйки капля дорога.
Та земля вовек благословенна,
Где такая родилась река.
(Степан Щипачёв)

— Байырлыг, эштер! — говорим друзьям. — До свидания, спасибо!
— Байырлыг, байырлыг, — кивают они нам головами, а когда резиновый плот всё удаляется вниз по течению, ещё долго машут руками.

Слившись почти под прямым углом у города Кызыла, Бий-Хем и Каа-Хем с родственным пониманием передают свои права брату Улуг-Хему, который под этим названием и течёт до впадения в него реки Хемчик, после чего и возникает название Енисей, не меняющееся до Северного Ледовитого океана. Течение относительно спокойное, если считать скорость течения десять километров в час спокойным течением. Среднемноголетний расход реки после слияния — 1010 кубометров в секунду. Здесь нет таких порогов, как на Большом и Малом Енисеях. Река делится на рукава, образуя острова, поросшие тополями.

Оставив знойные тувинские степи, Енисей течёт в обширной котловине, а затем врезается в Саянский хребет. Представьте себе, с каким упорством великану пришлось пробивать себе дорогу сквозь Западный Саян. И этот узкий коридор тянется

на триста километров, оставляя много порогов, шивер, перекатов. А один из порогов, Большой, практически был непреодолимым для судоходства между Кызылом и Минусинском. Лишь с образованием водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС Большой порог «утонул», и над ним не менее чем стометровая глубина нового моря.

Устремляясь к Северному Ледовитому океану, Енисей пересекает горно-таёжную, степную, лесную и тундровую природные зоны. Большая протяжённость бассейна реки по меридиану определяет температурные контрасты юга и севера, а следовательно, и разную продолжительность навигации. Когда в степях Тывы и Хакасии уже цветут сады, за полярным кругом ещё бушуют снежные метели и стоят двадцатиградусные морозы. Енисей голубым меридианом разделяет Сибирь на Западную и Восточную, пробежав огромное расстояние и вобрав в себя 116 257 малых и больших рек, из которых семнадцать имеют длину более пятисот километров и три — более тысячи. Это не река, это «Текучий меч» Сибири, как выразился один из поэтов.

— Вопросы на засыпку, — экзаменует нас Тойво-капитан. — А всё же сколько параллелей северной широты пересекает Енисей?

— Три! — выкрикиваю, чуть поднявшись с места на плоту.

— Садись, два! И без обдумывания больше не высовывайся, — бескомпромиссный наш старшой давал экипажу наглядные уроки. — Следующий кто?

Молчат. Только за бортом хлюпает вода. Зачем нарываться на комплименты?

— Эх вы! — гримаса разочарования покрывает крупное загорелое лицо Тойво Ряннеля. — С кем я только связался? Запомните, неучи средней школы (у нас у всех высшее). Енисей пересекает двадцать параллелей северной широты!

— Да ну?! — почти одновременно вырывается у всех.

— Прибудете домой, попросите у своих детей учебник по географии и убедитесь! — поставил точку Тойво Васильевич, теперь признанный нами не только как замечательный художник, но и как профессор, академик.

Мы уже плыли не по реке, а по морю, «хвост» которого пересекли у старинного тувинского городка Шагонар. Благодаря водохранилищу Саяно-Шушенской ГЭС, разлившемуся на 320 километров в длину, Шагонар, как и переселяемые поселки Чаа-Холь, Хайыракан, обновляются, переносятся на незатопляемые отметки. И это делали мы, гидростроители, за счёт сметной стоимости гидроузла. Гидростроители платили и науке за изучение памятников, спасение их при затоплении, хотя, к сожалению, некоторые из них спасти не удалось. Особенно так называемые «енисейские писаницы», то есть древние наскальные рисунки.

В гранитных порогах пути пробивая,
От вольных тувинских степей
Спешит к океану река штормовая,
Красавец тайги — Енисей.
(Игнатий Рождественский)

По природным условиям, характеру долины, русла и естественного подводного режима на Енисее выделяется три участка: Верхний Енисей (от Кызыла до впадения реки Тубы — 633 километра); Средний Енисей (далее до впадения реки Ангары — 717 километров) и Нижний Енисей (далее до устья — 2137 километров).

Бассейн Верхнего Енисея представлен Тувинской межгорной котловиной и системой горных хребтов Саян, Танну-Ола, нагорья Сангилен и Кузнецкого Алатау. До заполнения Саяно-Шушенского водохранилища река имела горный характер, изобиловала шиверами, перекатами, порогами, наиболее коварными из которых были Большой порог, Дедушкин, Берёзовый, Джойский и Майнский.

Теперь всё это под глубокой, не менее ста метров, толщей воды нового рукотворного моря. А у нас остались лишь воспоминания о Большом пороге, где мы не раз бывали, ночевали на берегу в домиках егерей, слушали рассказы бывалых людей да разные байки, передаваемые в устной форме, от которых порой волосы дыбом становились.

Грозно выглядел Большой порог. Енисей здесь сжимался до семидесяти пяти метров, что в три-четыре раза у́же обычной ширины. Река летом и осенью с рёвом рвалась в узость, несясь с бешеной скоростью двадцать — двадцать пять километров в час. В половодье подскакивала до сорока километров. Поверхность воды сплошь покрыта пеной, от рёва воды не слышно голоса друг друга. Плот подхватывали гривастые волны и перебрасывали его секунд за пятьдесят. Лоцманы вступали в жестокое единоборство с порогом и, стоя привязанными на плотах верёвками, умело направляли ставы плота козлинами. Иногда плот закручивало, швыряло на скалы, разбивая в щепки. Спастись в такой ситуации было невозможно, и люди гибли среди разъярённой стихии. От тех случаев долго сохранялись почерневшие кресты на правом берегу Енисея и крохотная часовенка.

Гибли и лихачи-сплавщики на деревянных плотах. Предупреждения их не останавливали.

Идущие вверх суда самостоятельно одолеть порог длиной семьсот метров тоже не могли. Механики и речники придумали систему подъёма транспортов при помощи блоков и системы полиспастов да двух тракторов. «Запрягая» теплоход, который содрогался от ярости волн, медленно, но верно порог побеждали. Первым судном, прошедшим с помощью канатов и воротов через Большой порог, был пароход «Минусинск». Затем, в 1929 году, через

порог провели значительно больший по размерам пароход «Улуг-Хем», построенный специально для плавания в верховьях Енисея, а ещё через несколько лет — пароход «Литвинов».

А какие кедрачи, какие лиственницы были на пороге! А ещё смородина с чёрными ягодами. Вы такую хоть раз видели? Нет? Я видел. И форма куста, и вкус ягод — все такие же, как и у красной смородины, но только цвет чёрный, чернее, чем у нормального куста чёрной смородины. Тувинцы называли её караган — «чёрная кровь».

Последнее время на Большом пороге «комендантом» был егерь Александр Григорьевич Сухомятов, прозванный «пара-блямбой». Это безобидное прозвище досталось ему от опытного лоцмана, считавшего, что добиваться почётного звания лоцману надо ежедневным трудом, а не так, лишь бы, «понимаешь, пара-блямба».

Не лучше были и другие пороги. На протяжении ста сорока пяти километров ниже Большого порога в русле Енисея находились ещё четыре крупных порога: Дедушкин, Берёзовый, Джойский и Майнский. Но там река текла шире, и их можно было обходить.

Образование Саяно-Шушенского водохранилища создало все условия для транспортного освоения Верхнего Енисея.

Высотная арочно-гравитационная плотина в Карловском створе не могла не ускорить создание заповедной территории. Ведь человеку важно знать, какое воздействие на всё окружающее живое, на природную среду оказывает гидроэнергокомплекс, какие надо предпринимать природоохранные мероприятия. Институт леса и древесины Сибирского отделения Академии наук СССР ещё в начальные шестидесятые годы проводил предварительные обследования побережий будущего водохранилища. В качестве аргумента ставился вопрос о сохранении первозданной природы. И 17 марта 1976 года, сразу после перекрытия русла Енисея, по постановлению правительства был создан заповедник, которому в 1985 году решением ЮНЕСКО был присвоен статус биосферного.

Территория действующего заповедника — горная. Минимальная их высота — 500 метров над уровнем моря, максимальная — 2735 метров. На таёжной обширной площади в более чем 390 тысяч гектар обитают свыше пятидесяти видов зверей и свыше трёхсот видов пернатых. Да каких! Сибирский горный козёл, марал, косуля, красный волк, медведь. Сохранились снежный барс и скопа. В биосферном заповеднике произрастает свыше тысячи видов растений, в том числе ряд из них занесён в Красную книгу. Заповедник учит человека мудрости, щедрости и доброте.

Вы хотите увидеть чудо Саян? Приезжайте в Сибирь, на Енисей, на Саяно-Шушенскую ГЭС и в биосферный Саяно-Шушенский заповедник!

Погостив у сотрудников сказочной территории, мы попутно на их катере прибыли к тогда ещё не достроенной плотине Саяно-Шушенской ГЭС. Но она вскоре заработала на всю проектную мощность — 6 400 000 киловатт. Самая могучая в России, самая могучая на всём Европейском континенте. Саяно-Шушенская ГЭС периода её строительства была монументом советско-кубинской дружбы, как самая мощная на Кубе ТЭС имени Максимо Гомеса в Мариэле — монументом кубино-советской дружбы. Такими они остаются в сердцах ветеранов и сегодня.

Если раньше Саяно-Шушенская ГЭС была объектом строительства Красноярского края, а Хакасия являлась автономной областью края, то с 1991 года Хакасия приобрела статус республики Российской Федерации. Сразу за высотной плотиной расположен уютный посёлок гидростроителей и эксплуатационников Саяно-Шушенской ГЭС — Черёмушки, а от него через двадцать пять километров — контррегулирующая Майнская ГЭС мощностью 321 000 киловатт, имеющая значение не только энергетическое, но и экологическое, что вместе с гидроэлектростанцией-великаном создаёт уникальный энергокомплекс. Так Верхний Енисей приобрёл сразу два моря. Кстати, при Майнской ГЭС смонтированы линии садкового рыбного хозяйства, где разводится и выращивается царская рыба — форель. Какая же она красивая! И вкусная.

Да разве только форель? Черёмушки, Майна, Саяногорск — это сплошные сады. Яблоки, груши, сливы, абрикосы, вишни, даже черешни, виноград и персики. Цветы — не только сиреневое море багульника на скалах, но и заросли белоснежных черёмух, давшие название посёлку, белая и сизая сирень, гортензия, форзеция и даже японская сакура, диковинные для Сибири деревья — дуб, каштан, липа, грецкий орех, туя.

> До сих пор ходят глупые сказки,
> Что Сибирь-де без солнца, без ласки.
> До сих пор ходят басни досужие,
> Что Сибирь знаменита лишь стужею,
> Мол, метели там песни заводят,
> Да медведи по улицам бродят.
> ………………………………
> Всем Сибирь и щедра, и богата!
> Здесь для юности край непочатый.
> Впрочем, что убеждать вас стихами?
> Приезжайте… Увидите сами!
> *(Казимир Лисовский)*

Миновав посёлки Майна, Сизую, Голубую, через десять километров Енисей салютовал совхозному селу Означенное. На этом участке, выходя из Саянского коридора, среднемноголетний расход реки достигал 1460 кубометров в секунду. Далее она неслась к Шушенскому, Минусинску, чтобы за городом Абаканом слиться с могучим притоком

такого же названия, как и столица Республики Хакасия. Кстати, в Абакане в 1998 году было создано Хакасское республиканское общество друзей Кубы, которое возглавил директор государственного унитарного предприятия «Институт „Абакангражданпроект“» Леонид Неклюдов.

Объединившись с Абаканом за Майдашинским камнем, Енисей вновь попадает в море. Возле Абакана выклинивается водохранилище Красноярской ГЭС.

Проводив друзей-путешественников по Верхнему Енисею, которые из Саяногорска улетели на самолёте Як-40 в Красноярск, я сразу же пожалел, что, оказывается, так быстро пролетели отпуск и такое увлекательное плавание.

Далее о Среднем и Нижнем Енисее я расскажу по своим воспоминаниям.

Средний Енисей и его бассейн начинаются от северной периферии Хакасско-Минусинской котловины. Он включает западную часть Восточного Саяна, отроги Кузнецкого Алатау, южную часть Енисейского кряжа и Канско-Рыбинскую котловину. Между устьями Абакана и Верхней Тунгуски-Ангары Средний Енисей имеет характер то равнинной, то горной реки.

Комфортабельный теплоход «Заря» от Абакана до Красноярска легко летит на своих подводных крыльях по водохранилищу. Оно разлилось почти на 400 километров от плотины гидростанции, до неузнаваемости изменив прежний Енисей. Затоплены все шивера и перекаты. Ширина моря три-пять километров, а в отдельных местах доходит и до пятнадцати километров. Енисею приходится жить по морским правилам, а потому он знает, что такое и шторм, и штиль.

Сразу за Усть-Абаканом и Черногорском появляется гладь Тубинского залива, где Туба впадает в Енисей. Здесь хорошо видна гора Тепсей — самая внушительная между Минусинском и Красноярском. Недалеко от неё другая громада — Оглахты. В период строительства гидростанции об этих двух вершинах писали все газеты, потому что археологи раскопали здесь много интересных и уникальных находок материальной культуры. Гора Туран тоже интересная, но куда интереснее село с поэтическим названием Лебяжье.

Промелькнёт и Сыдинский залив, где как раз Енисей впервые и разливается на внушительную пятнадцатикилометровую ширину. Но это не самая морская вольность. В устье реки Ерба море вновь почти вдвое сжимают скалы Батеневского кряжа. За селом Анаш холмистая лесостепь сменится тёмной зеленью тайги, где густыми лесами раскинулись лиственные и хвойные массивы.

Заканчивается территория Республики Хакасия. Начинается Новосёловский район Красноярского края. Пойдут посёлки Приморское, Даурское. Промелькнёт и устье речки Черёмушки.

И нечего москвичам хвастаться, что якобы все другие Черёмушки — это из столицы. Как бы не наоборот!

У Езагашского залива Красноярское море в полной своей силе: ширина — двадцать километров, глубина — восемьдесят метров, высокие обрывистые берега, поселений нет. В кедровых и пихтовых рощах вольготно промышляют медведи, охотятся прыткая рысь, росомаха и хищные волки. От Езагаша до стадвадцатиметровой бетонной плотины, которая своей высотой и удерживает объём моря почти в семьдесят восемь кубических километров воды, уже недалеко. На этом участке интересно левобережье речки Бирюсы. Опять же, это не та Бирюса, о которой поётся в песне. Та речка в Иркутской области.

Но Бирюса красноярская куда интереснее своими карстовыми пещерами, многие из которых затоплены, но около сорока пещер всё так же посещаются спелеологами до сегодняшних дней. Самые глубокие из них — Жемчужная и Кубинская — затоплены морем. Название своё Кубинская получила при её открытии в мае 1963 года, когда через Красноярск из Братска возвращался Фидель Кастро. Молодые гидростроители Красноярской ГЭС предложили назвать её не иначе как Кубинская, и она тогда была самой глубокой — 257 метров, а самый красивый грот в ней нарекли гротом Фиделя.

Красноярская ГЭС — первенец Енисейского каскада. Её мощность — шесть миллионов киловатт, где установлены двенадцать агрегатов, каждый единичной мощностью пятьсот тысяч киловатт. В Шумихинском створе этой гидроэлектростанции впервые в зимних условиях за шесть с половиной часов был перекрыт створ Енисея. Это была мировая сенсация, о чём и писали журналисты многих стран. Тот, кто хоть раз увидит, как перекрывают реку, влюбится в профессию гидростроителя на всю оставшуюся жизнь.

Но обязательно вспомнит и мудрые слова, выстраданные практикой, личным опытом и впервые сказанные здесь: «С водой — как с огнём». Они принадлежат выдающемуся гидростроителю, начальнику Управления строительства «КрасноярскГЭСстрой», Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской премии, заслуженному строителю РСФСР, почётному энергетику СССР Андрею Ефимовичу Бочкину, памятник которому в полный рост был отлит в бронзе и установлен в Дивногорске в феврале 2008 года.

Красноярская ГЭС — единственная в Сибири, где создан проход через плотину. Как? Ведь шлюзы в сибирских условиях строить нельзя. А вот судоподъёмники можно! Немало сложностей и трудностей причинило столь необычное новшество, но судоподъёмник функционирует. Без этого механизма невозможно было строить Саяно-Шушенскую ГЭС.

Прощай, Дивногорск, город нашей молодости и зрелости.

> Знаю — будут дома-громадины,
> Богатырская встанет ГЭС,
> Верю — здесь соберут романтики
> Свой Всемирный Конгресс!
> *(Владлен Белкин)*

В семи километрах ниже Дивногорска в Енисей справа впадает река Мана. Её протяжённость — пятьсот километров. Она перенесла на себе миллионы кубометров древесины. Река берёт свой путь в отрогах Восточных Саян. На Мане нет порогов, её ширина — до ста метров и глубина — от полуметра до четырёх метров. Это хорошие условия для прохождения плотов. У Красноярска возрастают среднемноголетние расходы Енисея до 2900 кубометров воды в секунду.

Неотделим от Красноярской ГЭС миллионный город Красноярск, который делится Енисеем на две части. Это важный исторический, промышленный и культурный центр Сибири, это родина всемирно известного художника-живописца Василия Сурикова. Ещё до шестидесятых годов прошлого столетия через Енисей был перекинут лишь один железнодорожный мост, а для колёсного транспорта и для прохода людей наводился в весенне-осеннее время понтонный мост. Теперь же красноярцы пользуются двумя современными автомобильными мостами, один из которых строил и автор этого очерка.

Вспоминаю о том времени с удовольствием ещё и потому, что, живя на острове Отдыха, я впервые увидел, что такое настоящий ледоход. Хотя, казалось бы, чем ледоход на Днепре, где я родился и учился, или на реке Великая Высь, где впервые пошёл в школу и закончил девять классов, должен отличаться от енисейского ледохода? О, вы себе не представляете, что же это за явление — ледоход по-сибирски.

Стоял конец апреля 1961 года. Выходной. Не зная всех тонкостей, удивлялся, почему это и днём, и вечером многие мужчины, да и женщины тоже, собирались кучками на обоих берегах Енисея и подолгу молчаливо смотрели на реку. Оказывается, у неё перед ледоходом есть особый зов, который притягивает людей, особенно ветеранов-старожилов.

Время уже было послеобеденное, когда я услышал возбуждённые голоса соседей, которые сорвались и помчались на берег реки. Я — за ними. Что случилось?

Оказалось, ничего необычного. Вокруг стояла какая-то звенящая тишина. Лучи солнца тонюсенькими дротиками пронзали ледяную шубу Енисея. По берегам образовались промоины, лёд, до этого толстый и прозрачный, как-то необычно потускнел, сник, скукожился, просел. По нему запретили ходить уже недели две назад. Много людей собралось и на строящемся Коммунальном мосту, до которого метров двести, не более. Хотя мост ещё и не был сдан в эксплуатацию, но люди пытались ходить по нему, и теперь там, особенное у двух первых пролётов, ленточкой рассредоточились пешеходы, понимая, что вот-вот ледяной покров сорвётся и пойдёт.

Где-то что-то треснуло, полетели длинноватые и прозрачные, как стеклянные стрелочки, мушки-ледоколки, засеменили со льда на берег танцующие трясогузки, не любящие много летать, а лишь проворно пританцовывать, помахивая своим дирижёрским хвостиком-ходунчиком. Образовавшаяся кривая трещина на льду потихоньку расширялась, из неё фонтанчиками выливалась вода и растекалась по ледяной глади. Верхний участок льда напирал на низший, который ни с места. Может быть, он ещё удерживался бетонными бычками мостовых полусводов.

Но вот стихия всё же двинулась, и там, где образовалась промоина, лёд стал обламываться, нырять под ещё недвижимое поле, вздыбливаться льдинами толщиной полтора-два метра, сверкая зеленоватыми боками. Трещало, скрипело, крошилось, шуршало, плескалось, ухало. Льдины, которые не ныряли, а падали на низовую часть ещё упирающегося ледового покрова, звенели и бухали, создавая тот хаос, что казалось — начиналось светопреставление. Некоторые из них, чем-то выталкиваемые из воды, громадились, поднимались во всю свою трёхметровую или даже бóльшую высоту, устрашающе шли тараном на впереди взгромоздившиеся.

Сердце уходило в пятки, глаза вылезали из орбит при виде такого явления. Вот это ледоход! Кто может с ним поспорить?!

Через считанные минуты вся левобережная часть Енисея — а остров делил реку на два рукава — кипела и дрожала. Уровни воды росли и затопляли береговую линию. Было такое опасение, что ледовая атака снесёт железобетонный мост. Не знаю, кто как, а я почувствовал, что нахожусь как бы в эпицентре дикой пляски, вполне реальное ощущая, что Енисей несётся вперёд, а я — назад. Страх охватил мою душу.

Ледоход продолжительным не бывает. Через час-полтора взъярённый Енисей как-то обмяк и уже не бежал, а будто плёлся, усталый, как крестьянин из пашни. На берегу лежали вытиснутые и выброшенные льдины, которые потом таяли несколько дней. Не так ли чувствует себя обессиленная акула, родившая детёнышей?

Хорошо прогреваемый весной Енисей накапливает огромное количество тепла. Особенно на участке Минусинск — Казачинск. Вскрытие реки происходит неравномерно. Если в верхнем течении начинается в третьей декаде апреля,

то лишь через месяц-полтора он происходит в низовье. Количество льда, проплывающего в период ледохода у Красноярска за одну секунду, по подсчётам гидрологов, приблизительно равно 30–50 кубометрам, на участке впадения Ангары — 100–150 кубометрам, а в устье Подкаменной Тунгуски — 300–400 кубометрам. Если подсчитать всё количество льда, то у Красноярска он составит около сорока миллионов кубометров, у Енисейска — двести миллионов кубометров и ниже впадения Подкаменной Тунгуски — триста миллионов кубометров. Больше такого ледохода я не видел ни в Шумихинском, ни в Карловском створах, где возводились Красноярская и Саяно-Шушенская ГЭС, а после их завершения и совсем исчезает такое понятие, как ледоход, потому что никакого ледохода не бывает: тот, что образуется за плотиной, там и растаивает, а в нижнем бьефе Енисей не замерзает вообще. И в Красноярске в том числе. Ледостав настаёт километров двести ниже краевого центра. И такие явления имеют свои особенности.

По дороге на остров Сахалин в 1890 году побывавший на берегах Енисея Антон Павлович Чехов, русский писатель большой культуры, с какой-то особой пристрастностью заметил, что Красноярск — самый красивый город Сибири. А его слова о Енисее не знают разве что аборигены Австралии: «Я не видел реки великолепнее Енисея. Пусть Волга — нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей — могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость… Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!» Видимо, хорошим предвидением обладал А. П. Чехов. Так оно и произошло, хотя последнего слова ещё никто не сказал о Енисее.

Красноярск не только красивый, но и самый крупный город Восточной Сибири. Он — административный, экономический и культурный центр огромного края, центр многоотраслевой промышленности, учебных заведений, академических и проектных институтов, университетов, театров, крупнейший транспортный узел.

От Красноярска и его речного порта лучше всего на комфортабельном теплоходе отправиться по Енисею к морям Северного Ледовитого океана, совершив «хождение от трёх морей». Отдохнув от гидростанций, река вновь становится рекой.

Лет двадцать назад, миновав три больших острова — Отдыха, Молокова и Татышев, алюминиевый комбинат на левобережье, мало кто сообщал, что за уникальное предприятие располагалось на правобережье Енисея. Коротко о нём иногда в разговоре употребляли: «Красноярск-26». Ныне в этот район города хотя и по пропуску, но можно въехать, а на самом предприятии прочтёшь: «Научно-производственное объединение прикладной механики имени М. Ф. Решетнёва». НПО ПМ долгое время возглавлял Михаил Фёдорович Решетнёв — выдающийся инженер-конструктор, учёный в области космической техники, действительный член Академии наук СССР, Международной и Российской инженерной академии, Герой Социалистического Труда, четырежды лауреат Ленинской премии, восьмикратный лауреат Государственной премии СССР, генеральный конструктор и директор «Красноярска-26». А ещё проще и короче — ученик и последователь Сергея Павловича Королёва. Под руководством М. Ф. Решетнёва созданы были все отечественные спутники связи, телевещания, навигации и геодезии. Более двадцати лет он заведовал кафедрой космических аппаратов Сибирской аэрокосмической академии, преподавал и в других вузах города и внёс значительный вклад в развитие науки Красноярского края.

Долина Енисея до самого устья реки Ангары то расширятся до десяти километров, то сужается, ненадолго принимая горный характер. Вечнозелёная тайга правобережья тянется почти до устья Подкаменной Тунгуски вдоль Енисейского кряжа, а по левобережью — холмистая лесостепь с полями, лугами, берёзовыми перелесками и сосновыми борами.

На 234-м километре от Красноярска через весь Енисей вытянулась полуторакилометровая гряда Казачинского порога шириной 350–600 метров. Теплоход, идущий вниз, проскакивает препятствие за несколько минут, а судну, идущему вверх, требуются часы, и то без помощи туера не обойтись. Мы, гидростроители, всегда с большим вниманием вслушивались в сообщения речников, когда специальное судно «Лодьма» доставляло из Ленинграда рабочие колёса для агрегатов Красноярской ГЭС, а на баржах речного пароходства, перегрузив рабочие колёса с морских сухогрузов в Дудинке, — для Саяно-Шушенской ГЭС. Это целые морские эпопеи.

От села Казачинского долина Енисея постепенно суживается. Её крутые и высокие склоны подступают прямо к руслу реки. У села Стрелка, расположенного в самом устье Ангары, заканчивается Средний Енисей. Здесь его среднемноголетние расходы против Красноярска увеличиваются до 7980 кубометров воды в секунду.

Если посмотреть книги и справочники о крупных реках мира, то там названия Ангары не найдёшь. Почему? Да потому что эта река — общей длиной 1850 километров, с площадью водосброса 1 040 000 квадратных километров, средним годовым расходом воды 4800 кубометров в секунду и общим падением 378 метров, что более чем в полтора раза превышает водность Енисея до впадения в него Ангары, — является притоком Енисея. Это самая южная из трёх рек-сестёр (трёх Тунгусок),

«стремительных дочерей гор», как образно назвал их академик А. Ф. Миддендорф, русский учёный середины девятнадцатого века, составивший первое описание Нижнего и Среднего Енисея. Ангара — единственная река, вытекающая из озера Байкал. А раз единственная, то понятно, как она ему дорога.

Не отсюда ли родилась легенда, рассказываемая и на Енисее, и в далёком каком-то уголке от Ангары, и за тысячи километров от Енисея, в том числе на самом Байкале? Рассказывают легенду по-разному, хотя смысл один и тот же — любовь.

Итак, было у грозного Байкала триста тридцать шесть жён (по количеству рек, впадающих в него) да единственная, синеглазая, с длинной косой, дочь Ангара, мать которой умерла. Для дочери Байкал выстроил царский дворец, а стражником назначил Чёрного ворона. Если Ангаре надо было поиграть с кем-то, попеть песен, потанцевать, она призывала белых чаек, которые, прилетев во дворец, превращались в хоровод её подружек. Однажды эти чайки и принесли с собой Ангаре письмецо от саянского батыра Енисея. Он звал её в гости в свои владения. Ангаре понравилось письмецо Енисея, и она послала ему ответный привет и голубой платок. С тех пор чайки немало писем от любимого богатыря приносили во дворец, а ответных — Енисею в Саяны. Но об этой тайне разузнал Чёрный ворон и донёс грозному Байкалу. «Ах, вон оно что, перехитрить меня вздумали! — стал строить коварные планы Байкал. — Нет, вы будете делать то, что я скажу!» А к Байкалу уже не раз наведывался богатый Иркут, всё выторговывая Ангару. Байкал просил много, а Иркут давал мало. И понятно, что когда Ангара запросилась в гости в Саяны, где обитали белые чайки, Байкал запретил ей даже мыслить об этом. «Тебе, дочь, пора думать о замужестве!» — загадочно как бы намекнул отец.

Ангара уже знала, какую партию ей подбирал Байкал. Возлюбленная быстренько послала письмецо Енисею, который тоже уже не раз признавался ей в своей любви. Ответ прилетел незамедлительно: «Беги, беги ко мне, родная! Будь моей женой!» Да Байкал тоже не спал. Вместе с Чёрным вороном и Иркутом они по пути к Енисею наворочали столько камней-препятствий, что не так-то просто убежишь. Но медлить было уже нельзя, и в один поздний вечер, когда глубокий сон свалил всех с ног, Ангара со стаей чаек пустилась в бега. Одни чайки с двух сторон поддерживали Ангару, и она просто парила в воздухе, другие указывали дорогу, третьи клевали всех догоняльщиков. Долго ли, коротко длился этот поединок, но когда заблестело солнышко, увидела Ангара, как ей навстречу кинулся богатырь Енисей, поднял её к самому небу, крепко обнял её, и они понеслись, уже вдвоём, к океану.

Счастливая байка гуляет уже сотни лет. Но я, как и многие другие, кто бывал у Стрелки, не мог не видеть светлый поток, который выбегает с Ангары и впадает в более тёмный енисейский, придав богатырю второе дыхание. Даже если не веришь, то подумаешь так, как рассказывается в легенде.

На левом берегу Енисея, на месте посёлков Новоенисейск и Маклаково, построен и быстро вырос город Лесосибирск с крупнейшим центром лесопереработки. Его возвели гидростроители Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС, подготавливая здесь региональную базу стройиндустрии для перебазирования коллектива с Черёмушек. Это как раз ниже села Абалаково, что возле утёсов Бурмакинского Быка, где наметился створ для Среднеенисейской ГЭС. Региональная база в дальнейшем должна была стать опорой и для строительства Осиновской и Туруханской (Эвенкийской) гидроэлектростанций.

Перестройка и неумелое реформирование энергетики перечеркнули дальнейшие планы гидростроителей. Только сейчас, спустя почти двадцать пять лет, снова заговорили о планах северных гидростроек.

Конечно, от прежней стремительной и бурной Ангары почти ничего не осталось. Правда, она не потеряла своей прелести, но разлившиеся водохранилища от гидростанций Иркутской, Братской, Усть-Илимской и завершившейся Богучанской «притормозили» стремительный бег и скрыли в толще воды те многочисленные пороги-препятствия, которые фигурируют и в легендах, и наяву: Похмельный (Братский), Пьяный, Падунский, Долгий, Шаманский.

Енисей и Ангара работают вместе на нижнем, самом длинном участке реки. Сделав четыре поворота от Абалаково, они подходят к Енисейску. И когда взглядом провожаешь течение реки, вспоминаешь вдохновенные поэтические строки:

Ты штурмуешь высокие скалы,
Ты в работе с утра до утра.
Нет, не зря навсегда от Байкала
Убежала к тебе Ангара.
Что Байкал? Только славное море.
А тебе — океаны сродни.
А тебе — бушевать на просторе,
Зажигать путевые огни.
(Казимир Лисовский)

Енисейск основан в 1618 году как Енисейский острог. Он сыграл главную роль в освоении русскими Восточной Сибири. Отсюда землепроходцы проложили пути на восток, шло также проникновение на Средний и Верхний Енисей. Сотник Дубенский отсюда в 1628 году повёл свой отряд на Красный Яр и основал там острог. А после на енисейской линии появились Канский, Ачинский, Абаканский, Саянский остроги. И не всё так просто досталось

вольным людям-казакам, так как на освоение приенисейских земель ушло почти сто лет. Саянский острог был возведён лишь в 1718 году.

Енисейск славился своими мастеровыми, металлургами, рудознатцами. Отряды на Лену, Братск, Илимск тоже снаряжались отсюда. Все великие учёные, академики, изучающие Сибирь, не миновали этот северный русский форпост.

В восемнадцатом веке Енисейск был самым крупным городом на Енисее.

Красноярские гидростроители любили бывать в этом городе-музее, где сохранены старинные дома, здания, церквушки: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»

Всего через каких-нибудь минут двадцать пассажиры теплохода могут видеть, как тремя рукавами в Енисей впадает небольшая таёжная река Кемь. Она большой петлёй опоясывает гору Железную. Понятно без объяснений, почему она так называется: енисейские мастеровые добывали и перерабатывали здесь руду.

Почти рядом с Кемью раскинулся большой посёлок Подтёсово, где теплоходам могут сделать ремонт, если он понадобится. Ниже по Енисею населённые пункты встречаются всё реже и реже.

Много интересного узнаёшь, минуя левый приток Енисея—небольшую реку Кас. С этим притоком связана история Обь-Енисейского канала, ныне уже порядком подзабытого. А оказывается, что ещё коренные жители—ханты и селькупы—свободно перебирались из правого притока реки Оби—Кети—в Енисей. Это и подсказало предприимчивым купцам приступить к строительству канала. Несмотря на все сложности и трудности, каторжные условия работы, канал стали рыть. А страсти вокруг него разгорелись нешуточные! Кому-то он мешал, конкуренция капиталов тормозила работы. Много времени ушло на согласования, увещевания, едва ли не десяток лет. Пусть и не так, как задумывалось, но канал всё же задействовали. Большие суда в то время уже ходили по Оби и Енисею, а по каналу в 1891 году могли пройти лишь большие лодки и очень небольшие суда. С постройкой Транссибирской железной дороги надобность в нём отпала. Но идея воспользоваться каналом возникала и позже.

На высоком левом берегу нельзя не заметить большое село Ярцево. Село в 1605 году основано мангазейскими казаками. В Ярцево расположена пристань, обслуживающая суда на линии Красноярск—Дудинка. А живут в селе потомки сосланных участников восстания Емельки Пугачёва. Как и во многих других населённых пунктах, его жильцы занимаются заготовкой леса, охотничьим промыслом и рыболовством. Отсюда караваны плотов отправляются в Игарку.

Пересекается северная граница Красноярского Приангарья, а за ней начинается обширнейший Туруханский район. От Красноярска уже 775 километров. С юга на север район тянется вдоль Енисея на 850 километров, а с запада на восток—на 300–320 километров. На его территории свободно могли бы разместиться такие европейские страны, как Англия, Бельгия, Люксембург, Голландия, вместе взятые.

Коренные жители этих мест—кеты. Это сейчас единственные малочисленные представители древних енисейских палеазиатских племён, когда-то живших в Хакасско-Минусинской котловине. Енисейский Север одним из первых был официально присоединён к Российской империи ещё на рубеже шестнадцатого и семнадцатого веков, когда отряды землепроходцев-казаков и полярных мореходов в 1601 году возвели на реке Таз первый острог—крепость Мангазею.

В Енисей на участке Туруханского района впадает много притоков; наиболее крупные из них: Нижняя Тунгуска, Подкаменная Тунгуска, Турухан, Курейка. Правые притоки имеют характер горных рек—они бурные, порожистые, стремительные. И все они прячутся среди тайги, где растут кедр, сосна, лиственница, осина, берёза. Кедр, конечно, редеет, исчезает сосна, а в основном преобладает лиственница. Чудное это дерево! Его называют деревом вечности. По твёрдости и крепости лиственница не уступает дубу, а то и превосходит его. Известен факт, что фундамент итальянского города Венеция, расположенного на ста восемнадцати островах, сооружён в воде шестнадцать веков назад именно из стволов сибирской лиственницы. Через четыре века понадобилось исследовать фундамент. И что же? Сваи не разрушились, наоборот, они как бы окаменели и были такими твёрдыми, что топор отскакивал от них. Стоит тот фундамент до сих пор. А внутренние деревянные элементы башен и соборов Московского Кремля и храма Василия Блаженного тоже ведь из этой лиственницы. Стоят уже по четыреста-пятьсот лет!

А сколько былей и небылей о сибирском кедре! Советовал бы всем посмотреть если и не оригинал картины моего друга Тойво Ряннеля «Горные кедры», то хотя бы репродукцию с неё, и вы тогда ощутите всю магическую силу «царя лесов тайги».

Прощаясь с тайгою, нелишне вспомнить слова писателя Антона Чехова: «Сила и очарование тайги не в деревьях-гигантах и не в гробовой тишине, а в том, что разве одни только перелётные птицы знают, где она кончается. В первые сутки не обращаешь на неё внимания; во вторые и третьи удивляешься, а в четвёртые и пятые переживаешь такое настроение, как будто никогда не выберешься из этого зелёного чудовища». Как просто и верно!

Небольшая живописная речушка Вороговка, что слева впадает в Енисей, подарила название и русскому старинному селу Ворогово. Оно тоже

обязано казакам-мангазейцам, заложившим в 1644 году Дубческое зимовье, переросшее со временем в слободу с нынешним названием.

Ниже Ворогово в русле Енисея образовался островной архипелаг, насчитывающий девяносто девять больших и малых островов, песчаных кос и гряд, подводных камней. Эти острова раздвинули реку километров на пятнадцать. Теплоходу надо маневрировать почти полста километров, выбираясь на простор.

Но только судно как бы облегчённо вздохнуло, Енисею путь тут же преграждает Осиновский порог, стиснув реку до трёх километров. Это самый трудный участок фарватера от Ангары до Подкаменной Тунгуски. Большую помощь капитанам оказывают опытные лоцманы, о которых здесь рассказывают немало забавных историй.

За порогом потянутся Осиновские щёки, где глубина Енисея доходит до пятидесяти-шестидесяти метров с колоссальным напором воды и узким створом, что всегда радует проектантов. Именно в этом сужении и намечено сооружение мощной гидроэлектростанции Енисейского каскада. Вот тогда под толщей водохранилища и исчезнет Осиновский порог, как исчез Большой порог в глубинах Саяно-Шушенского водохранилища на Верхнем Енисее.

Тридцатью километрами ниже Осиновского порога, из-за высокой, густо поросшей таёжным лесом горы правого берега, заблестит Подкаменная Тунгуска — вторая из трёх «стремительных дочерей гор». А ещё она известна под названием Катанги и Средней Тунгуски.

Подкаменная Тунгуска — третий по величине приток Енисея. Подкаменной её назвали потому, что она вливает свои воды в Енисей немногим севернее Енисейского горного кряжа, именовавшегося в народе Камнем. Начавшись в горах Иркутской области, Подкаменная Тунгуска протекает по территории Красноярского края на протяжении свыше тысячи километров. И эта площадь, по которой она протекает, очень богата пушным зверьём, рыбой, а также полезными ископаемыми — углём, железными и медными рудами.

Как похожи между собой горные реки — бурные, порожистые, своенравные, неукротимые. Из всех трёх Тунгусок Подкаменная — самая красивая. И о ней, как и об Ангаре, сложена похожая легенда: и она, оказывается, убегала к Енисею, какие только препятствия не преодолевала, пока, увернувшись от преследователей и не нырнув «под камень», не припала к груди могучего батыра. Длина Подкаменной Тунгуски, пересекающей всю южную часть Эвенкии, — 1865 километров. А планируемая ГЭС на ней должна стать невиданной для России мощности. Однако эта станция вызвала и лавину споров, в основном природоохранных, экологических. Какая сторона победит?

На 584-километровом участке между Подкаменной Тунгуской и Туруханском Енисей принимает ещё немало притоков. Здесь кончается средняя тайга, а за устьем Нижней Тунгуски уже начинается северная тайга.

Нижняя Тунгуска — самый крупный после Ангары правый приток Енисея. Его протяжённость — 2989 километров. Она также вторая и по многоводности. До неё от Красноярска 1475 километров. Истоки её находятся близко к реке Лене, и протекает Нижняя Тунгуска в зоне вечной мерзлоты.

Почти четыре столетия назад, в 1630 году, отряд русских казаков под командованием Мартына Васильева отправился вверх по этой реке и достиг верхнего течения Лены. Обложив ясаком (данью) живших там якутов, казаки расположились на берегах Нижней Тунгуски, следы стояния которых в виде маленьких крепостей-«острожков» сохранились и до настоящего времени.

На 847-м километре от устья Нижней Тунгуски расположен большой посёлок Тура. Это центр Эвенкии, где проживает коренное население — эвенки и якуты. Именно эвенки и нарекли реку ласково звучащим именем Ионесси — «Большая Вода», которое в чуть изменённом виде стало её русским названием — Енисей.

Природные богатства эвенкийской земли огромны. Прежде всего, здесь растут ценные породы таких деревьев, как лиственница, кедр, ель, пихта. В тайге много и пушного зверя — соболь, горностай, белка, росомаха, серебристо-чёрная лисица, голубой песец. Мир пернатых наполнен большим количеством гусей, уток, рябчиков, куропаток, тетеревов, а в реках и озёрах полно ценной рыбы.

Геологи разведали немало полезных ископаемых, среди которых столько запасов каменного угля, что этот бассейн простирается от Подкаменной до Нижней Тунгуски и исчисляется сотнями миллиардов тонн. Кроме того, есть железная руда, графит.

Эвенки и якуты, не имевшие в прошлом своей письменности, сегодня читают на родном языке и классиков русской литературы, и, конечно, своих поэтов и писателей.

Ярким и талантливым поэтом был Алитет Немтушкин, автор более двадцати книг, издаваемых не только в Красноярске, но и в Москве, Якутске, Ленинграде. Его стихи переведены на десятки языков народов бывшего СССР и социалистических стран. Он удостоен звания «Заслуженный работник культуры Красноярского края», отмечен Государственной премией Российской Федерации.

Алитет Немтушкин резко выступал против строительства Эвенкийской ГЭС, сооружение которой грозит затоплением обширной территории коренного населения.

В одном из своих стихотворений, как заклинание, он писал:

…Коль смогу в душе сохранить
Землю милую до конца,
Будет слово моё входить,
Точно друг, в людские сердца.
А забвеньем ей отплачу,
Станет сердце пустым, как чум—
Старый, драный чум на снегу,
И замёрзнет песня у губ.
(Перевод с эвенкийского Майи Борисовой)

Нижняя Тунгуска больше известна как Угрюм-река, благодаря роману писателя Вячеслава Шишкова под таким же названием. На её высоком правом берегу при впадении в Енисей раскинулось село Туруханск. Оно тесно связано с историей опального священнослужителя Тихона, сосланного в Восточную Сибирь, в Мангазею, где он и основал Туруханский Троицкий монастырь, вокруг которого развил многоотраслевое производство и торговлю. Монастырь поставлял тысячи пудов соли ежегодно, а его промысловые угодья протянулись по всей тайге, тундре и даже на побережье Северного Ледовитого океана.

Русские землепроходцы, пользуясь Туруханским зимовьем, совершили немало географических открытий. А основанная здесь Новая Мангазея, или город Туруханск, просуществовала триста лет. В девятнадцатом веке сюда ссылали поляков и декабристов, разночинцев и социал-демократов.

Севернее Туруханска в Енисей двумя рукавами впадает река Турухан. За его устьем промелькнут сёла Селиваниха, Горошиха.

Туруханскому краю, и в частности Селиванихе, немало страниц посвятил самобытный, талантливый писатель и художник, рыбак, охотник, зверовод, лесничий, заслуженный работник культуры Республики Хакасия, почётный гражданин Туруханского района Генрих Батц. Он входил в литературное объединение «Стрежень» строительства Саяно-Шушенской гэс, но северный край любил неимоверно, чему и посвятил ряд повестей и романов.

Ширина долины Енисея у Туруханска составляет несколько десятков километров. В его русле встречается много островов. Особенно выделяется группа крупных под названием Лазоревых, один из которых вытянулся вдоль русла на целых тридцать километров.

Границей Туруханского района является устье реки Курейка. На этой северной реке уже зажглись электрические огни Курейской гидроэлектростанции, в сооружение которой значительную лепту внесли гидростроители «Красноярскгэсстроя».

Туруханский край известен ещё и тем, что здесь с 1913 года отбывал ссылку видный революционер Я. М. Свердлов, а в Курейке в 1914–1916 годах— И. В. Сталин, активный участник Великой Октябрьской социалистической революции, соратник и продолжатель дела В. И. Ленина, руководитель Советского государства до 1953 года.

В десяти километрах ниже Курейки Енисей пересекает линия полярного круга (66 градусов 33 минуты 44 секунды северной широты), за которой и начинается Заполярье. На пятьдесят втором километре от неё, на левом высоком берегу, расположен крупный населённый пункт Ермаково. За Ермаково судовой путь пролегает ближе к левому берегу. На этом же берегу встречается и селение Полой. От него русло Енисея пролегает прямо на север. За островом Самоедским отходит дугообразная протока. Она надёжно укрыта от ветров, а поэтому и послужила прекрасной стоянкой не только для речных, но и для морских судов.

Именно поэтому здесь, в 1771 километре от Красноярска, и вырос город и порт Игарка, куда приехали первые строители в 1929 году. Трудно было, но все выдержали, город заложили.

И в котлованах узких, как в окопах,
Кайлом вгрызаясь в мёрзлую кору,
По грудь в воде стояли землекопы
И кровельщики стыли на ветру.
В землянках мёрзли, чёрствый хлеб жевали,
Встречали грудью ливни и пургу,
Недосыпали и недоедали,
Всё испытали, всё перевидали,
Но заложили порт на берегу.
(Казимир Лисовский)

Игарка—крупнейший речной и морской порт международного значения. Он возник не так давно, при Советской власти, славится своим лесопромышленным комбинатом и мерзлотной станцией, изучающей характер и поведение этих самых мёрзлых грунтов, на которых сам и построен. Игарчан называют людьми твёрже стали.

В центре Игарки, на площади, расположено педагогическое училище народов Севера, которое в тридцатые было детдомом. Так уже произошло, что в нём, бродяжничая, окажется и Витька Астафьев из Овсянки, ставший позже известным писателем, лауреатом различных премий, Героем Социалистического Труда Виктором Петровичем Астафьевым. О своём нелёгком детстве он расскажет в автобиографической книге «Последний поклон». В то же время на его пути в Игарке повстречается ему учитель русского языка и литературы, поэт Игнатий Дмитриевич Рождественский. Он обратит внимание на одно из сочинений Витьки. Сочинение похвалят и напечатают в школьном журнале. Так Енисей соединил две судьбы выдающихся литераторов. Об этом мне много расскажет мой друг—однокурсник по университету Валерий Кравец, ставший на многие годы норильчанином.

Что испытывает человек при встрече с полярным кругом?

Прежде всего то, что он—в Арктике!

— Сделав всего один шаг,—подчёркивает Валерий,—ты уже за пределами полярного круга, где и солнце, и всё другое—неласковое и холодное. Это зимой, когда солнце уходит за горизонт на несколько недель. Новичку и покажется, что наступил конец света, хотя это всего-навсего приходит полярная ночь. Северное солнце спит до февраля. А когда появляется, у всех радости нет предела. Настолько важно подобное явление, что о нём сообщается в каждом газетном и электронном выпуске.

Начинается божественная феерия!

Я понимаю, что сейчас Валерий заговорит стихами.

Хочу запомнить эти ночи,
Их белизну и тишину.
Порой такой любви росточек
Пускает корни в глубину.
А в мерзлоте скупой и вечной
Своё тепло припасено.
Любви и верности сердечной
Всегда откроется окно.
(Валерий Кравец)

— А потом день все прибывает и прибывает. И в конце мая солнце будто замирает, не уходя из горизонта. Да здравствует солнце!—завершит свой рассказ журналист, писатель, поэт Валерий Кравец.

За Игаркой русло Енисея устремляется строго на север. На восемьдесят первом километре от неё из правобережья выбегает бурная горная река Хантайка, где с участием «Красноярскгэсстроя» возведена Усть-Хантайская гэс. И тут же начинается Крайний Север, главный город которого—Дудинка, центр Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа, земля ненцев и нганасан. По площади округ больше, чем Бельгия или Голландия.

Таймырский национальный округ—самая северная административная единица России. Он раскинулся на двух полуостровах: на 1250 километров с запада на восток, как Куба, и на 1120 километров с юга на север.

Один из полуостровов—Таймыр. Его омывают холодные моря Карское и Лаптевых, а заливы—Енисейский, Пясинский и Хатангский—позволяют судам заходить в глубь материка. Реки как бы продолжают Северный морской путь. Три крупных арктических порта—Дудинка, Диксон и Хатанга—принимают караваны судов в короткую навигацию. Узкая прибрежная полоса материка, омываемая Северным Ледовитым океаном, занята тундрой.

Неописуемое впечатление оставляет порт Дудинка. Какие только флаги мира не были у неё в гостях! Мы, гидростроители, понимая, какой трудный путь преодолевали суда, доставляя многотонные рабочие колёса для агрегатов Саяно-Шушенской гэс из Ленинградского металлического завода, выезжали на встречу с экипажами, чтобы поблагодарить их за необычную морскую вахту. Особое уважение было отдано первому и последнему рабочим колёсам. А все члены экипажа теплохода «Пертоминск» увозили в город на Неве кедровые орехи, а каюты украшали кедровыми ветками. Речники Енисея уже на баржах доставляли ценный груз в Карловский створ, совершая обратный путь, по которому мы прошли с тобой, дорогой терпеливый путешественник.

Из Дудинки единственная в мире северная железная дорога приведёт в легендарный Норильск. Если бедна растительность Таймыра, то насколько же сказочно богаты его недра! И всё же Норильск—это отдельная жемчужная песня.

В Норильске я не раз бывал в гостях у журналиста, поэта, моего однокурсника по университету Валерия Кравца, более двадцати лет прослужившего верой и правдой Северу, Норильску. Сколько же упорства он приложил, чтобы доказать,—прежде всего себе!—сколь ты, человек, нужен той земле, что называется холодной, крайней, морозной. Он, я считаю, совершил свой настоящий подвиг.

Лавров на северах не сыскал,
Не скопил всемогущей копейки.
Но храню в себе вечный накал
Заполярной своей эпопеи.
Я узнал, как грустны севера,
Этой грустью прекрасной болею.
И о долгом промёрзшем «вчера»
Иногда, как о правде, жалею.
(Валерий Кравец)

Великий французский писатель Виктор Гюго величественно отозвался о водных труженицах-реках: «Реки, словно гигантские трубы, поют океану о красоте Земли, о возделанных полях, о великолепии городов и о славе людей».

Остаётся за кормой Дудинка. За островом Кабацкий Енисей разливается на десять-двенадцать километров, водная гладь сливается с горизонтом.

От мыса Крестовского начинается Низовой Енисей, длина которого 332 километра. Этот участок изобилует островами. Ширина Енисея всё увеличивается. У Бреховских островов расстояние между берегами достигает семидесяти пяти километров. Потом начнутся песчаные отмели, сужения, и Енисей у деревни Гальчихи сожмётся до пяти километров. К мысу Сопочная Карга ширина постепенно увеличивается, глубина по фарватеру не падает ниже восьми метров. В Низовой Енисей впадает несколько рек, из которых заметными являются Малая Хета, Большая Хета и Танам с притоком Яра.

За устье Енисея обычно принимается линия, соединяющая мыс Сопочная Карга на правом берегу с устьем реки Нарзой на левом.

Здесь начинается Енисейский залив. От Карского моря залив отделён островами Оленьим,

Сибирякова, Диксон и другими, которые препятствуют проникновению в него льдов.

Енисей по праву считается братом океана, так как объём его годового стока у Игарки составляет в среднем около 548 кубических километров, что соответствует среднегодовому расходу воды 18 000 кубометров в секунду, а в устье Енисея он ещё больше—19 400 кубометров в секунду, и объём годового стока равен 611 кубическим километрам.

На своём огромном пространстве Енисей впитывает в себя большие запасы тепла. Его количество, вносимое в Карское море за год, способно растопить пятьдесят кубокилометров льда.

Если подсчитать всё количество льда, которое переносит река за период ледохода, то есть сток льда, то у Енисейска он составит двести миллионов, а ниже впадения Подкаменной Тунгуски—триста миллионов кубометров.

Под влиянием пресной воды Енисея происходит понижение солёности вод даже Карского моря.

Колоссальный объём стока Енисея можно, как сказали бы математики, представить наглядно. Возьмем, например, резервуар длиной сто восемьдесят шесть метров, шириной по дну десять метров, и такой же высоты пусть будут его стены. Так вот, эту посудину, перенеся сюда величину водности Енисея, можно наполнить всего за одну секунду. Одну!

Нет, не зря проектировщики влюблены в Енисей. Они наметили места возведения на нём и его притоках сорока гидростанций с суммарной установленной мощностью свыше семидесяти миллионов киловатт и среднегодовой выработкой электроэнергии более трёхсот миллиардов киловатт-часов в год. Где те наиболее удачные створы возможных гидроэлектростанций?

На Бий-Хеме и Каа-Хеме можно было бы построить тринадцать гидростанций, в среднем по триста тысяч киловатт каждая; на реках Абакане, Тубе, Подкаменной Тунгуске, Курейке, Хантайке и притоках Ангары—ещё девятнадцать примерно таких же. Основное строительство гидроузлов намечено на самом Енисее—одиннадцать, на Ангаре—шесть и одна гидроэлектростанция—на Нижней Тунгуске.

Скажете, фантазируют? Но ведь Иркутская, Братская. Усть-Илимская и Богучанская ГЭС на Ангаре—это реальность. Красноярская, Саяно-Шушенская, Майнская ГЭС на самом Енисее—работают, и как красиво работают!

Северные Усть-Хантайская и Курейская гидроэлектростанции озарили полярные ночи.

Без силы Енисея никак не получится выполнить ту программу, которая предусматривается новым, вторым планом ГОЭЛРО.

Тысячи километров от заснеженных вершин Саян через горы, равнины, тайгу и степи, от южных широт до студёного Северного Ледовитого океана бежит Енисей—величайшая река России. Енисей катит свои воды через всю Сибирь и, словно измеряя её необъятную ширь, разрезает руслом эту огромную территорию на две равные части и отдаёт их Оби—с Западной Сибирью и Лене—с Восточной Сибирью.

Вы бывали когда-нибудь на Енисее?
Если не были, я не завидую вам!
Много рек я видел, но тоски не рассеял
По его белопенным, студёным волнам,
Начиная стремительный бег исполинский,
Он упрямо несёт караваны судов,
Синий—в Тодже, зелёный—у скал бирюсинских,
Светло-серый—у самых арктических льдов.
(Казимир Лисовский)

Незабываемые впечатления. Словно на киноэкране, меняются ландшафт, климат и падение реки. От Кызыла до устья общее падение Енисея составляет около 1600 метров. И это подчёркивает неординарность реки, что заставляет меня усомниться в правильности написания слова «Е-ни-сей». Нет, его нельзя писать горизонтально. Его нужно писать только вертикально:

Е-	Е-	Е-
ни-	ни-	ни-
сей!	сей!!	сей!!!

Александр Орлов

Факторы национальной истории

Великий русский учёный-энциклопедист М. В. Ломоносов писал, что история «даёт государям примеры правления, подданным—повиновения, воинам—мужества, судьям—правосудия, младшим—старых разум, престарелым—сугубую твёрдость в советах, каждому—незлобивое увеселение, с несказанною пользою соединённое». Говоря о роли истории в жизни людей, «птенец гнезда Петрова» В. Н. Татищев писал: «Можно кратко сказать, что никакой человек, ни един стан, промысл, наука, ниже какое-либо правительство, меньше человек единственный без знания оной совершен, мудр и полезен быть не может».

Сегодняшнее состояние исторического знания нашего народа можно сравнить с кривым зеркалом. Книжный рынок наводнён самой разнообразной литературой о прошлом, которое интерпретируется с самых различных позиций. Само по себе это неплохо, ибо ни у кого нет монополии на истину. Но должна же быть «серьёзная» академическая наука, основанная на доказательности и знании. И она, конечно, существует, поражая непредвзятого читателя, с одной стороны, обилием фактического материала, с другой—отсутствием серьёзной попытки объяснять ход исторического процесса.

Как мне кажется, два подхода доминируют сейчас в сознании людей, пытающихся понять сегодняшний день через призму своей истории, своего прошлого, в их попытках понять, что же такое Россия и её история.

Первый. Как могла Россия стать величайшей в мире державой, если все её политические деятели от Грозного до Сталина были тиранами и кровопийцами, а её народ костен, равнодушен к личной свободе и правовым нормам общежития. Поистине—«империя зла»?!

Второй. Кто мы—Запад или Восток? В одном из последних учебных пособий, изданных фондом Д. Сороса и рекомендованных для изучения истории России в вузах, читаем: «Россия представляет собой как бы „дрейфующее общество“ на перекрёстке цивилизационных магнитных полей», сдвигаясь то ближе к Западу, то ближе к Востоку.

Ответ же на эти оба вопроса, а число их можно было бы значительно увеличить, в знании своего прошлого. Не обвинять, а изучать прошлое, объяснять его—задача научного знания. История открывает своим великим сынам то, что за горизонтом: она учит каждого гражданина и политика тому, что нельзя делать, что разрушает и уничтожает жизнь.

История нашей Родины—часть мирового исторического процесса. Конечно же, она должна рассматриваться в контексте общемирового развития. Однако нельзя сбросить со счетов и особенности русского варианта пути развития человеческой цивилизации. Великие историки России, от Нестора до Татищева, Карамзина, Соловьёва, Ключевского, Платонова, дали нашим ещё не признанным современникам пример служения поиску истины, не изуродованной полностью политической целесообразностью.

Особенности типа эволюции огромного геополитического пространства и его освоения с неизбежностью привели, и корифеи исторической науки это блестяще доказали в своих трудах, к выявлению постоянно действующих факторов нашей национальной истории. Назову некоторые из них.

— Наша история—это и Киевская Русь, и Московское царство, и Российская империя, и Советский Союз. Нельзя каждый раз, отрицая прошлое, начинать всё сначала. Нельзя обезьянничать, дрейфуя между Востоком и Западом и желая выбраться к более богатому берегу. Каждая великая цивилизация, а Россия, несомненно, таковой является, имеет присущие ей формы общежития и народной нравственности.

— Евразийское геополитическое положение нашей державы, природа, климат, соотношение размеров территории и её заселённости, многонациональный и многоконфессиональный состав населения, неосвоенность её значительной территории.

— Факты, без учёта которых «умом Россию не понять». Люди должны прежде всего обеспечить своё выживание и воспроизводство…

— Цель жизни не сводится к богатству. Нравственные начала определяли всегда в нашей стране значимость личности и смысл жизни. Российская традиция всегда предпочитала богатству и власти изначальные вечные ценности: добро, справедливость, равенство, братство, веру, надежду, любовь. «Не в силе Бог, а в правде»,—вот правило и вечная ценность, которой следовал наш народ.

— Необходимость сильной, но «мудрой» (слово Карамзина) власти. Эта мудрость заключается сегодня не в тоталитаризме, а в участии граждан и регионов в управлении страной. Только свободное, истинно демократическое, открытое общество, где нет перегородок, сословий, привилегий, способное саморегулировать своё общежитие, имеет тенденцию к развитию своего потенциала.
— Неизбежность мощного государственного сектора в экономике страны, территория которой находится в процессе освоения. Это, разумеется, не исключает, а подразумевает наличие других форм собственности.
— Труд — основа всего. Каждый человек имеет право на равные стартовые возможности для себя и своих детей. Будущее народа — его дети. Дать им должное образование, воспитание, обеспечить их нравственное и физическое здоровье — приоритетная общественная задача. С разрушением образовательной системы обычно наступала гибель цивилизаций.
— Земля — одно из главных богатств страны, а аграрный вопрос в такой стране, как Россия, всегда был одним из ключевых. Большая часть территории находится в зоне рискованного земледелия, отсутствует инфраструктура для ведения индивидуального фермерского хозяйства в большинстве регионов (бездорожье, специализированная техника, системы обслуживания и т. п.). Форсированно, за счёт прежде всего крестьянства, долгие годы велась модернизация страны. В этих условиях нельзя отказывать труженику в организации фермы. Однако необходимо учитывать, что только крупные хозяйства способны обеспечить продовольственную независимость страны. Нельзя, чтобы пахотная земля уходила из хозяйственной жизни. Вот почему так опасна бесконтрольная продажа земли в частные руки. Земля должна оставаться общенародной собственностью.
— История нашей Родины, как и других великих держав мира, убеждает, что каждое цивилизованное общество должно уметь защитить свою территорию, свой народ, ценности своей жизни. Сильные Вооружённые силы и справедливые правоохранительные органы — гарант существования великой державы. Армия должна защищать, а не карать. Общество должно сделать всё, чтобы никогда не повторилась Чечня, бессмысленная и бесславная гибель солдат и офицеров, мирных жителей ради амбиций бездарных политиков и генералов, живущих чужим умом и личными интересами.
— Россия с момента своего возникновения складывалась как страна с многонациональным составом населения. Конечно, следует учитывать огромную консолидирующую роль восточно-славянского, а потом и русского начала на территории евразийского пространства. В совместном труде здесь растили хлеб, строили заводы и транспортные магистрали, ковали оборонную мощь державы люди десятков национальностей. Труженики любой национальности — за дружбу между народами, их равенство, свободное развитие каждого из них. Это позволяет говорить, что в условиях, когда в мире идёт процесс интеграции, давние традиции людей к объединению для выживания на евразийском пространстве будут одним из факторов создания нового объединения народов — преемника Руси-России-СССР-СНГ.

Здесь перечислены далеко не все из постоянно действующих, долговременных факторов, определяющих историю России. Наверное, не всё сказанное бесспорно. Цель этих заметок — показать, как связаны между собой наука, в данном случае история, и современность!

Андрей Тимофеев

На несколько мгновений

В Дивеево я приехал на неделе перед Троицей. Мои знакомые по Институту русского языка посоветовали мне не обращаться в паломнический центр при монастыре и в многочисленные гостиницы, а поселиться в деревенском доме на въезде в посёлок, где предоставляли кельи иногородним. Там мне отвели маленькую комнатку, в которой вплотную стояли восемь кроватей, но в те дни паломников было мало, и потому я жил один. В доме шёл ремонт, и, проходя мимо душевой для сестёр, я видел нескольких мужиков, клавших кафель; они громко и матерно ругались друг на друга.

Днём я посетил все святыни монастыря, поклонился мощам святого Серафима Саровского. Вечерняя служба была длинная, но я отстоял её всю и назад шёл в том состоянии внутреннего удовлетворения, какое бывает, когда выполнишь тяжёлое, но правильное дело. Рядом шагали другие паломники, три женщины что-то бойко обсуждали у монастырской лавки. На колокольне зазвонили гулко и немного грустно. Я подал нищему старику у ворот и в приподнятом настроении направился в дом.

Когда я пришёл в свою комнату, то ещё немного полежал, отдыхая, а потом стал вычитывать положенные перед завтрашним причастием молитвы. Я чувствовал особенный настрой, и молитва шла в радость, что нечасто бывало у меня в городе. Вдруг послышался стук. Я поморщился и, торопливо отложив молитвослов, сделал несколько шагов к двери.

В комнату вошёл худощавый человек с большими коричневыми мешками под глазами.

— Здравствуйте,— сказал он, топчась на пороге.— Скажите, можно у вас попросить телефон? А то я свой потерял, а мне нужно матери позвонить… Я свою карточку вставлю, не переживайте…

Секунду я сомневался, как бы опасаясь чего-то, но потом постарался как можно быстрее найти свой телефон и протянуть незнакомцу. Тот мелко закивал и заверил, что вернётся через пять минут.

Когда он вышел, я опять встал перед иконой, пытаясь восстановить потревоженное молитвенное состояние, но на душе стало как-то поверхностно и беспокойно. Слышен был скрип половицы откуда-то снизу и чей-то отрывистый голос.

Мужчина на самом деле скоро возвратился.

— Спасибо,— сказал он, как-то весь сжавшись.

Я взял телефон, но тот не спешил уходить.

— Знаете, всегда жалко, когда люди вот так вот встречаются и даже не узнают ничего друг о друге,— вдруг заговорил он.— Давайте познакомимся. Меня Андрей зовут. А вас?

Я назвался. Он подошёл ко мне и, как-то нелепо взмахнув руками, опустился на краешек моей кровати.

— А я вот тут у матушки живу, работаю…

Я кивнул, стараясь быть приветливым и не показать, что мне неуютно. У Андрея был длинный шрам на щеке, а на костлявых руках не осталось места от сморщенных бледных наколок.

— Кто вы по профессии?— спросил он, пододвигаясь ближе, так что я почувствовал стойкий запах табака. А когда узнал, что я занимаюсь фольклором, вдруг оживился.— То есть вы народные истории собираете? А давайте я вам расскажу свою историю?

Я хотел было вежливо объяснить ему, что занимаюсь немного другим и что мне ещё нужно готовиться к причастию, но не решился, и оттого на душе стало тоскливо и противно за свою мягкотелость. Мужчина же, кажется, обрадовался, что я не прогнал его, и с воодушевлением принялся потирать руки, подбирая первые слова.

— Освободился я первый раз в двадцать лет и думал: найду себе женщину и завяжу с тюрьмой,— начал он, так что я невольно усмехнулся этому неожиданному началу.— И нашёл, Катей звали, старше она меня была года на три. Мальчик у неё был, Максимка, папой меня назвал. Тёща моя, Лидия Михайловна, говорит: живите,— а я ей говорю: да мы живём, Лидия Михайловна.

Он рассказывал хрипло, но со странной, неестественной напевностью, будто воображал себя былинным сказителем.

— Как-то поругались мы, я лёг в сени прямо на пол. А там доски у нас лежали неубранные, как вот здесь вот,— продолжал он, показывая на угол моей комнаты, где на самом деле оказалось несколько досок.— Закурил сигарету, лежу — курю. Раз, слышу, а в досках зашуршал кто-то. Я поднимаюсь, раз — никого вроде. Опять лежу, опять слышу. Поднялся, подошёл — нет никого. Лежу, прислушиваюсь. А там опять. Кричу ей: Катя,

слышишь ты, кто-то возится в досках, кот, что ли? А она мне отвечает с кровати: не бойся, это Славик. Кто?—спрашиваю. Славик, говорит, муж мой, он ко мне приходит. Я испугался, спрашиваю: призрак, что ли? Вот так вот,—улыбнулся он, опять довольно потирая руки.—А через полгода посадили меня на восемь лет—и в лагеря в Кировской области. И вот, значит, тысяча девятьсот восемьдесят девятый, декабрь месяц. Как сейчас помню, бросили меня в штрафной изолятор, это если провинишься, тебя в штрафной изолятор сажают. И вот сижу я такой, а мороз шестьдесят четыре градуса, кому говорю—никто не верит. Так вот, курточку на голову натянул и дышу в неё, греюсь,—он подскочил с кровати и, присев на корточки, стал сильно выдыхать, показывая, как он грелся.—И тут слышу—шорох в дверь. Смотрю—стоит такой, как образ, неживой. Я спрашиваю: ты кто такой? Он говорит: Я Славик, пошли со мной. А я так для себя думаю: это ведь бес ко мне пришёл, он мне предлагает петлю на шею себе набросить. Тогда я дурачком прикинулся и спрашиваю: а куда идти-то надо? Он мне говорит: а туда, где мы живём. Нас много, мы весь день развлекаемся, людей пугаем. Я говорю: не верю тебе. А он: сейчас я тебе покажу. И тут как будто из меня что-то вышло, и одни губы остались, мы с ним взлетели над тюрьмой и летим. А там вышка, я ему кричу: меня же сейчас охранник застрелит,—и смотрю, а вертухай на вышке и правда автомат вскинул и стреляет, а мне хоть бы что. Дух ведь нельзя убить, понимаешь, он ведь дух! Вернулись мы, и тогда меня тот спрашивает: ну что, убедился? Убедился, говорю, но ты бес, сатана, я с тобой никуда не пойду… И пять лет он меня мучил, шептал и в образе скелета приходил… А я ничего! Смирение, знаешь, это самое большое оружие: когда человек смиряется, бес убегает…

Я недоверчиво смотрел на него. Конечно, я много читал похожих историй, так что удивить меня было сложно. Но во всех движениях мужчины была странная нервная эмоциональность, казавшаяся мне неестественной. Я подумал вдруг, что он где-то подслушал этот забавный рассказ и теперь с удовольствием пересказывает его каждому паломнику.

—И вот в девяносто седьмом я вышел, женщина у меня появилась, Марина, жили мы с ней хорошо. А в девяносто девятом опять посадили. Да нет, это по глупости,—заторопился он, замечая мой неодобрительный взгляд.—Один дружок сказал: давай квартиру обворуем, там сигнализации никакой нет, а денег—миллион. Залезли мы туда, а там ничего и не оказалось… Да вы не переживайте, я у вас ничего не украду, потому что я знаю страх Божий. Вот мне понадобился телефон, я ведь пришёл и попросил… Мне матери только позвонить надо было, она старушка, ей восемьдесят два года…

Он так сказал это, что мне отчего-то разом стало стыдно. Я вдруг подумал, что если всё это правда—и бес, и больная мать, то как я могу вот так свысока рассуждать об этом человеке и подозревать его во вранье?

—Вот,—тем временем продолжал Андрей.—На этот раз меня отправили в «Белый лебедь». Не слышали про такой? Там уголовников ломают, воров в законе всяких. Ну я-то, конечно, не уголовник, я просто мужик… Приезжаешь туда, и тебя сразу бьют. Вот заходишь—сразу дубинкой по башке, загоняют в туалет, потом бежишь по коридору, а потом раз—и начинают избивать. Потом раздевают догола, вещи отнимают—и в камеру! Какие же мы уголовники? Мы же люди, а они из нас кого делают?! Кормят, правда, неплохо, но и бьют прилично! Это когда вам говорят, что у нас демократия, не верьте, это всё—блевотина, везде бьют и везде за скот считают!—закончил он, сжимая руку в кулак.

—…Потом меня перевели в посёлок Нерыб, там уже «Красный лебедь», кругом одни лебедя,—усмехнулся он уже совсем невесело, с какой-то неясной тоской.—Так вот там-то всё и случилось! Сидел я опять в изоляторе, папироска у меня была припрятана. И так закурить захотелось—невмоготу,—спалили меня! Прибежали солдаты и стали избивать. А потом завхоз говорит: ну, доживи до утра. Мол, начальник придёт утром, и смерть тебе. И тогда я взмолился, так взмолился: Господи, помоги мне! А утром заходит начальник, полковник, весь такой чистый, в рубашечке, и начинает меня бить. А раз попал по больному месту, по локтю, а я не выдержал—и так про себя: сука… А он услышал! И тогда я понял, что конец мне, и только молюсь про себя: Господи, прими мою душу с миром… И представляете—не убил. Бросил в коридоре, пришли солдаты, говорят, иди в камеру. А я зайти не могу, ползу на коленках. В обед пришли из санчасти, дали мне цитрамон, таблеточку.

Я видел, что он был в сильном болезненном вдохновении. Голос его хрипел и срывался, так торопился он рассказать.

—Но что самое главное! Лежу я тогда на спине в камере, курточкой прикрылся с головой, думаю: умирать—да и пусть! И слышу голос: «Андрей»,—вроде женский, думаю, это моя Марина. Я раз—куртку снимаю и испугался даже, думал, что я в аду—кругом огонь, свет. Вот не сойти мне с этого места! Стен нет, потолка нет. Это необъяснимый, неземной свет! Клясться не хочу, но я видел этот свет. И вот теперь за него и страдаю… Несколько раз потом я слышал этот голос, и всё повторял он: найди Завет, прочитай Завет. И тут по воле Божьей меня положили в санчасть. И там я и нашёл этот Новый Завет, стал читать, и представляете—всё стал понимать! Мне открылась истина! И сегодня,

например, ко мне пришёл батюшка Серафим, говорит: ты ведь спасаться приехал, так спасайся, а ты всё пьянствуешь!

Он горько уронил голову и вздохнул. Я хотел было начать утешать его, но не мог ничего сказать. Я подумал, что совершенно не знаю этот грубый мир таких людей, как Андрей, а в нём, возможно, гораздо больше Христа, чем во мне… И тогда на душе у меня стало пусто от ощущения своей чёрствости.

— У меня вот всё это в голове,— тем временем договаривал Андрей, уже медленнее, как бы машинально,— я проповедую, рассказываю, я Завет знаю наизусть. Я каялся, мои слёзы покаяния, но я недостоин, я грешник такой, что земля должна разверзнуться…

Он замолчал и теперь только осторожно покачивался, глядя перед собой. Стало тихо, и слышно было, как на окне вразнобой пищат комары. Я чувствовал, что хочу остаться один, но отчаянно боялся, что Андрей заметит это. Я ждал, что он опять начнёт говорить, и приготовился всеми силами показать ему свою доброжелательность, но вдруг он встал и начал прощаться. Я с чувством пожал сухую ладонь.

Когда он ушёл, я ещё долго сидел в полумраке своей маленькой комнаты. Где-то за окном лаяли собаки, шуршала от ветра деревенская дверь. И тогда меня поразило странное ощущение, будто в безобразном мире безобразные люди сталкиваются друг с другом, что-то делают, что-то говорят, но ни одно их движение не случайно, и в каждом есть смысл. Я знал, что скоро мне станет стыдно за мою наивность, но я старался сохранить это ощущение осмысленности хоть на несколько мгновений.

Пока оно ещё не скрылось от моего взгляда завесой будничной лицемерной реальности.

ДиН лит

Дмитрий Тамбовцев

Костров прощальных полыханье

* * *

Всё вышло так,
Вновь небо плачет соком,
Как мне знаком
Сентябрьский пейзаж,
Когда листвою алой—
Лежебокой,
Как снегом,
Заметён весь город наш.
Опять скрипят
Подшиферные доски,
И птичий клин
Последний сделал жест,
И, чтоб не мёрзнуть,
Вечером подростки
Опять облюбовали
Наш подъезд.
Я снова вижу,
Что она другая,
И по погоде
Здесь у нас не Крым,
Та осень—
Как струна была тугая,
А эта—хрупкая,
Как листьев сизый дым.
Она пришла,
Ведь так кому-то надо,
Она пришла
В глаза нам посмотреть,
Чтоб в зимнюю,
Безлюдную блокаду
В декабрьском рассвете
Умереть.
А мы, прощаясь,
Затаим дыханье,
Но не увидим
Взмах её платка—
Одних костров прощальных
Полыханье,
Да каплю сока
Затаит рука.

Василий Киляков

Посылка из Америки

Ехал на мотоцикле большим селом с запущенными садами и палисадниками, с осенними жёлтыми цветами. Стояла осень, бабье лето. Дул сильный порывистый ветер, срывая с тополей остатки листьев. Нудный мелкий дождь моросил с утра, а к обеду небо сплошь затянуло облаками.

Улица села Рожково так была разъезжена тракторами, что по дороге местами приходилось останавливаться и толкать мотоцикл, а дождь, как назло, не унимался. Я свернул к знакомой избе с крыльцом и скамеечками. Мотоцикл поставил под навес двора, закурил, сидя на скамеечке. Порывы ветра пронизывали и под навесом, с мелкими всепроникающими каплями, и холодно было сидеть. Вдруг растворилось окно, хозяйка позвала меня в избу, открыла сенцы. В кухне домовито стояла русская печь, занимавшая всю кухню, свежевыбеленная и зашторенная ситцевой занавеской. Хозяйка тяжело полезла на печь, сняла валенки и подала мне. Валенки оказались как раз впору, по ноге.

Мокрую куртку я повесил на гвоздик у притолоки, и вода закапала на пол, собираясь в лужицу. Хозяйка уселась на большом старинном сундуке с паголенком в руках и спицами. На простенке чуть выше её головы висели пожелтевшие фотокарточки в старых рамах, обсиженные мухами. Я подошёл поближе. На фотокарточках были незнакомые мне лица. На одной фотографии рядышком, плечом к плечу, сидели младшие офицеры.

Бабка Марфа отложила паголенок в сторону, устроила поудобнее свои очки и с живым интересом показывала мне фотографии детей, внуков и внучек, дальних родственников. Я слушал и думал: как странно, что мы все, особенно в городах, потеряли эту традицию—красный угол с образами, хоть маленький, но иконостас, где главенствует Спас. Под ним—Божья Мать, икона, почитаемая в семье, «чудо»-икона, к которой прибегали наши прадеды и бабушки в годины лихолетий или радости… А что же было рядом с красным углом, вправо или влево по стене? Родители, умершие и почитаемые «из рода в род». Как сказано в литии по умершим. И вот в деревнях так и молились: за здравие—на Спаса и Божью Мать, а потом—«за папку и за мамку», то есть—литии об умерших или Псалтырь, помощник и покровитель… И вот до сих пор мы не знаем, как уходит «туда», на небо, наше поминание о родственниках и как это поминание возвращается обратно. Нет сомнений, что мы молимся за нашу родню тут—а они «оттуда»—благословляют нас… Фотографии родителей всегда были большого формата, с серьёзными лицами, как бы напоминая живущим, что жить—не поле перейти, жизнь—дело серьёзное… И так было всегда. Много было фотографий погибших… Не так, как в городе хранят эти фотографии в неких «талмудах»: коснись—и все они валятся россыпью… Деревня—это другое. Иное мировоззрение… Так было и здесь, в этой избе у Марфы…

На пожелтевшей от времени фотографии она с трудом отыскала младшего лейтенанта и, тыкая корявым старческим пальцем, проговорила милым трогательным басом:

— А это мой Митя, в начале войны прислал… Ишь, снялся в офицерском…

— Он тут младший лейтенант, офицер,—сказал я бабке.

Она заулыбалась, показывая ущербные зубы, ответила с юмором:

— Я вначале тоже поверила, что мой Митя офицер. Когда получила письмо и фотокарточку с фронта, всем соседкам показывала, хвалилась: мой Митя офицер, далеко пойдёт, может, и до генерала доберётся! А он пошутил, в чужой шинели снялся и прислал вместе с письмом. Он любил пошутить, покуражиться. И выпить любил. А я-то вначале поверила. А какой из него офицер? Две зимы в школу ходил и до самой войны пас овец. Троих я ему нарожала девок, а четвёртого, мальчика, он так и не увидел.

— Что же, погиб на фронте?—спросил я, всё ещё разглядывая старые фотографии.

— Нет, он не погиб,—бабка всхлипнула, вытирая слёзы уголком платка,—не погиб, письма присылал и посылок. Это, кажись, уже при Хрущёве. Девки мои поссорились из-за посылки: не могли разделить юбки и кофты американские. Мне коврик достался и письма. Письма дороже всего.

На стене в горнице висел небольшой коврик с затейливыми тропическими цветами среди небольшого озерка с лебедями, а на берегу из-за густого камыша в лебедей целилась стрелой полунагая женщина индейского обличья, с густыми

чёрными волосами, схваченными алой лентой. Из камыша можно было разглядеть колчан со стрелами и нерусские узкие бёдра и груди. Рядом с охотницей было вышито какое-то корявое дерево с мелкими алыми цветами и маленькие райские птички на ветках.

Я довольно долго смотрел на этот лубочный рисунок, а бабка Марфа, тыкая пальцем в «охотницу-индеанку», проворчала:

— Не ндравится она мне, эта женщина, да и ковриком девки мои побрезговали, вот и висит у меня. Память о Мите. Соседки тоже прыскают со смеху, твердят: сыми да сыми (сними) срам-то,—а я гляжу и Митю вспоминаю, думается, может, ещё и жив, живёт себе с какой-нибудь американкой, Бог его знает, может, и забыл про нас…

— А письма не пишет?

— Лет десять—ни строчки, ни слуху ни духу о нём. А может быть, и помер, похоронен в чужой земле…

Тут бабка Марфа залилась горючими слезами, открыла старозаветный сундук и вытащила ящик с наклейками из-под «посылки». На ящике—замысловатые рисунки, надписи, а в ящике она хранила письма от мужа. Среди пожелтевших старых писем были фронтовые треугольники с печатями цензуры, весточки из Америки в наклейках и марках с адресами на русском и английском языках.

— Почитай-ка мне, сынок. Я в школе ни одного дня не училась, ни читать, ни писать не выучилась. Мамка заставляла пряжу прясть и ткать, не до учёбы было нам, дуракам, да и время лихое шло, тяжелое, леворю… леворюцию заварили, свару…

— Какое письмо читать?—спросил я бабку Марфу.

— Читай все, а я буду слушать. Ехать в такой дождик нельзя. Читай и фронтовые треугольнички, давненько никто мне не читал их, уважь, почитай…

В письмах с фронта не было ничего нового, обыкновенные патриотические фразы: «Идём в наступление, бьём врага… На зиму выдали тёплое обмундирование…» На страницах было множество помарок—верно, поработала цензура. Письма писались разными почерками, адреса писал сам Митя Попов, такими каракулями, что трудно было прочитать написанное рукой Дмитрия Ивановича Попова. В конце каждого письма, видно, под диктовку, фронтовик присылал поклоны: жене Марфе, трём дочкам, близкой и дальней родне.

А Марфа отложила паголенок со спицами и ручьём разливалась, плакала, временами подсказывала, о чём шла речь. Письма из Америки писал сам Попов, а на конвертах множество наклеек и адреса с переводом на русский. И посылка, и письма были присланы во времена «оттепели», но и тут было много вымарок, вычеркнуты целые страницы о жизни в Америке; работал он там на каком-то станке в мастерской у хозяина, зарабатывал хорошие деньги, прислал «посылок» с дорогими подарками жене и детям. Последнее письмо дышало ностальгией, Митя заболел и с тех пор ни писем, ни посылок не присылал.

В последнем письме Дмитрий Попов проклинал войну и чужбину. «Проклятая война нас разлучила,—писал он жене,—теперь бы хоть одним глазком взглянуть на детишек, родную деревню, погулять бы с тобой, Марфа, в берёзовой рощице… Помнишь, как я там пас овец, а ты мне приносила еду?..» И бабка Марфа заулыбалась, хмыкнула, прикрыв сухонькой ладошкой ущербные зубы…

Я сам отлично знал этот ничем не знаменательный берёзовый колок, заросший ежевикой и терновником, в низине вечно росла высокая осока. А по краю рощицы из года в год пасли овец и коз… Я прервал чтение письма, но бабка, всё ещё улыбаясь, пустилась в воспоминания о неприметной рощице, точнее—сухом болотце на краю села Рожково.

— Ишь, не забыл и рощу,—говорила Марфа с понятной мне гордостью,—да и я всё помню… Митя мой пас овец вместе с козами, под пушистым дубом каждым летом он строил шалаш, чуть поодаль ставил таганок для чугунка. Жили мы до войны бедно, семья была большая, кормились молоком, хлебом да картошкой. Мясо только по праздникам. Молодые были, нам и без мяса весело было… Всё, бывало, целовались да обнимались. Я ему до войны четырёх дочерей подарила, а сына так и не довелось ему поглядеть, на фронт взяли, я тяжёлая была… Ему уж больно хотелось сына-то, помощника-то, наследника…

Бабка Марфа отыскала фотокарточку сына вместе с женой и дочкой; не умолкая, рассказывала о муже, о тихой мирной жизни до войны, то—вспоминала ссоры и нужду…

— А бывало, и ругались, и до драки дело доходило,—вспомнилось Марфе.—Как-то раз, дело было осенью, дожди шли холодные, а одежонка на нём—телогрейка да плащ, а на ногах—лапти с бахильцами прорезанными, штопанными и перештопанными. Принесла я ему горшок щей и картошку в мундире, хлебушек. Он проголодался так, что съел всё, что было, и не наелся досыта, спросил картошки. Я сказала, что вся тут, больше нету. Он обиделся, палкой на меня замахнулся, поддал ногой пустой чугунок, заорал благим матом: «Что же ты, дура, картошки мало принесла?! Чугунок-то побольше бы притащила, а этот чупиздик дома бы оставила…»

Я не понял, переспросил. Бабка объяснила:

— Маленький чугунок он не любил и называл «чупиздик», ругал так. Сейчас я тебе его покажу, чудом уберегла. Память об нём сохранилась. Когда в печь ставлю горшки и этот «чупиздик», Митя, сердешный, так и стоит перед глазами.

Бабка Марфа принесла с кухни заветный чугунок литра на два, краешек был сверху отбит Митей, а в памяти старухи случай этот застрял навсегда.

Все прочитанные мною письма бабка Марфа вновь связала шпагатом и положила на дно посылки, закрыла сундук ключиком, уселась вновь, но было уже не до вязания. Особенно помнилась ей эта посылка и то, как она была получена: наделала переполох, хотя во время хрущёвской «оттепели» всё знали из газет.

— Посылку нам принесли с почты. Тут же явилась председательша сельсовета, Анна Григорьевна,— вспоминала бабка Марфа.— Испугалась председельсовета больше-то за себя, а не из-за меня, мне-то нечего было бояться… «Шутка ли в деле,— повторяла мне Анна Григорьевна,— посылка из Америки! Ну, теперь не ныне завтра ждите гостей из гэбэ… И меня заберут из-за вашей посылки». Стала мне говорить про статьи за связь с заграницей: что ж, мол, сразу мне не сказали, не посоветовались? Отправили бы назад, в Америку, через знающих людей… И начальнику почты тоже не поздоровится, мне не сообщил. Замяли бы дело, а теперь всё село знает. На каждый роток не накинешь платок…

Бабка Марфа сбивчиво и непоследовательно рассказывала о посылке, как соседи смеялись над ковром, а председательша совестила: «Ишь, какую красоту голую на стену повесила,— и вот этак-то по столу кулаком:— Жизнью рискуешь, Марфа, жизнью и свободой — и своей, и моей… за этот срам, опомнись! Опомнись, пока не поздно… О девках своих подумай. Что с ними-то будет?.. И не стыдно тебе самой на голую бабу смотреть? Сними, сними и спрячь подальше…»

— Словом, не рада я была и посылкам-то, а только вестью, что Митя жив, может, и вернётся домой, к детишкам. На коврик гляну — Митю вспомню. Что мне до его мериканской красоты, коврика-то?.. Посылки он больше не присылал, а письма изредка приходили, одно горше другого. Последнее прислал из больницы, где-то у меня затерялось, или ребята увезли в Москву. А может, сын хранит у себя, он собирался тут к отцу в гости, в Америку. Видно, не разыскали его там, Митю-то, или не пустили наши начальники. А теперь, может быть, и умер мой Митя, письмо-то из больницы было лет десять назад…

Тут Марфа Тимофеевна и вконец расстроилась, запричитала всё одно и то же:

— Положили бы меня рядышком, на родимой стороночке. На родимом кладбище и смерть красна, и земля пухом…

Стараясь хоть как-то успокоить бабку, я перевёл разговор на земные дела, поспешил снять валенки и надеть куртку, уже пообсохшую… Небо расчистилось, ветерок поутих, и на горизонте мрачно и тревожно алела вечерняя заря.

Бабка Марфа вдруг спохватилась, торопясь, ставила чайник, просила подождать часок-другой. Но надо ехать в объезд, пока ещё светло и можно было проехать кружной дорогой.

— Как же супруг ваш в Америке оказался? — спросил я бабку.

— А Бог его знает,— ответила она.— Может, в плену у немцев был? Не все из плена вернулись, Сталина боялись, расстреляет. На-ка вот носки сухие, на, на-ка, надень…

Как я ни спешил, как ни отказывался, всё же пришлось мне надеть безразмерные бабкины носки.

— …Бабке своей, моей подружке, поклон от меня. Молодые были — дружили, да и теперь заходит она ко мне, а я к ней, когда в вашей деревне бываю, мимо не прохожу…

Бабка вышла на крыльцо, помахала мне старческой рукой. Я ехал уже затемно и всё думал о бабке Марфе, о себе. Об этих полях непаханых с колками берёз… Что в них? Даже и на чужбине человек заболевает, страдает и гибнет, не видя их… Есть какая-то особенная торжественная тоска в этой серединной Руси. Тоска обречённого, влачащегося русского по своему голгофскому пути, всего лишённого веками, даже и простой почтовой связи с миром. Эта — общая и одновременно частная дорога для каждого — голгофа России. И песни такие же… Я пытался вспомнить весёлые песни — и не мог. Все народные песни или ставшие народными — грустны… Русский народ идёт, неся крест, битый и заушаемый, в терновом венце, в поту и крови.

Бабушке своей я передал привет от Марфы.

— И-и-и… Да ты как там у неё оказался-то? Это ведь — вон где… Кошебеево, Рожково… У святого колодца… И носки подарила? Ну и я в долгу у неё не останусь, отомщу…

Это её «отомщу», против обычного понимания, вызвало у меня не смех, а слёзы. Какой-то жалостью пролилось в сердце к земле нашей бесприютной, ко всем людям, жившим до нас и живущим со мной. И долго ещё глядел я на поля, на горизонт в дожде… На нашу русскую голгофу…

Александр Евсюков

Другой берег

Караим

— Шторм. До утра парома не будет.

Эти слова означали: Борису надо смириться, что он застрял здесь без малого на сутки. Влезть в автобус, вернуться на нём в Керчь, а там — выйти, чтобы слоняться по городу.

На раскалённых улицах — духота. Гроза, стремительная и желанная, бродила где-то за горизонтом.

«Ну какой ещё шторм в такую погоду?..» В любой нормальной, привычной к материковым порядкам голове такое укладывается с трудом. Определив направление, он скоро вышел к набережной. Море било о берега под безоблачным небом и долетало брызгами, холодными и освежающими.

Поодаль белые яхты и серо-коричневые катера сбились у причала, как куры на невидимом насесте. А совсем рядом огромный, будто всплывшее морское чудовище, нагруженный корабль медленно и грандиозно менял курс, готовясь пришвартоваться. Несколько минут, заворожённый зрелищем, как в детстве, Борис не мог оторвать от корабля взгляда.

Наконец кипящие волны были побеждены — исполин, покачиваясь, на самом малом ходу двинулся прямо.

—...Если, оказавшись здесь, идти не торопясь и оглядывать дома, читать вывески, вдыхать причудливую смесь запахов города и моря и сворачивать с новых на старые улицы, то город начнёт вам приоткрываться...

На тесном перекрёстке Борис догнал экскурсию и ненадолго задержался среди группы людей, внимавших приятному поставленному голосу.

— И тогда под маской промзоны, стратегического порта и транспортного узла различается сначала недавняя история, отчаянная и героическая. Вы, конечно, уже слышали об Аджимушкайских каменоломнях, об их стасемидесятидневной обороне. О бессмертных героях Эльтигенского десанта. В честь тех и других названы улицы нашего города. До этого — времена чужих властвований, когда город и окрестности были одними из самых дальних окраин Крымского ханства и его покровительницы — Блистательной Оттоманской Порты[1]. Мы проезжали сюда мимо Босфорского переулка. Ещё раньше был период запустения и упадка — он не слишком хорошо отражён, да и незачем. А перед ним, до всего этого, — далёкая эпоха расцвета столицы могучего царства[2], бросившего вызов величайшей империи древности. Если бы война тогда завершилась по-другому, то и центр мира, то самое место, куда ведут все дороги, могло быть не где-то в Риме, а прямо *здесь* — в Пантикапее! — обладатель приятного голоса приподнялся на какую-то невидимую из-за спин ступеньку и оказался пухлым с заметной залысиной гидом.

Он сделал паузу и пристально оглядел своих подопечных, как будто решая, стоит ли ещё взвинтить пафос своей речи или же рассказать подходящий случаю анекдот.

Борис отразил долгий подозрительный взгляд соседки в пятнистой панамке, цепко прижавшей сумочку к животу, и заставил себя двинуться дальше.

— А там — знаменитая лестница без малого в полтысячи ступеней, — продолжал за спиной гид. — Мы на неё ещё поднимемся!

В ответ донёсся восторженный и горестный гул.

Борис остановился под навесом с вывеской *«Вино на розлив»*. Сразу отвернулся от фруктов и бутербродов — в животе и так уже урчало от голода, а взял только стакан каберне. «Денег-то в обрез. Ночевать придётся, сидя на переправе. Или на скамейке под платаном. Или... Или?..»

Огляделся. Через дорогу — старинный дом среди большого сада. Красная черепица над белой стеной. Такие крыши ему здесь не встречались.

— Кто там живёт? — спросил смуглого парнишку-продавца.

Тот выглянул из-под навеса и наморщил лоб, припоминая.

1. Блистательная (Высокая) Порта — резиденция турецкого султана либо местопребывание турецкого правительства, а также наименование самой турецкой монархии.
2. Оратор неточен: Пантикапей (одно из названий Керчи в древности) был столицей Боспорского царства, поглощённого Понтийским при Митридате VI Евпаторе, царе, активно противостоявшем римскому государству.

— Самуил,— ответил наконец.— Да, точно. Караим. Так его зовут.

Борис кивнул, опрокинул в себя последний глоток и двинулся в сторону дома. Даже не спросил, что за странная фамилия — Караим.

Тёмный Угол выгнал старика Самуила на крыльцо.

Самуил прошептал молитву, глядя на заросший переплетёнными кустами юг, и сразу отправился к выходу, держа в поле зрения стену, чтобы опереться, если устанет. Теперь вот сидел на скамейке по колено в тени — так что ступни пекло солнце — и никак не решался вернуться.

Фасад его дома выходит на одну улицу, сад — на другую. А Самуил — самый старый на них обеих. И как же долго у него никак не получается умереть. Это последняя его забота. В ящике стола под лампой лежит особая тетрадка с потрёпанными углами, где записано, кого звать на похороны. Раз в полгода он сверяется и уточняет: все ли приглашённые живы сами, в уме ли они и точно ли в силах приехать? Порой приходится вычёркивать и думать дальше.

Жаль, что уже нет Симы. Хорошо, что есть Майя, её сестра. Она обо всём позаботится и ничего не упустит. Зря только он ей *так* сказал в тот раз. Но это, понятно, стариковское. И она, кажется, отошла от обиды. Но всё равно — зря…

Борис подошёл к ограде. И за каким лешим его сюда потянуло? Дом как дом, каменный, крепкий. Сад за ним видно, что хороший, хотя и малость запущенный. Но пугало в шляпе вон выставили от птиц, чтоб не так клевали. Ладно, постоит, посмотрит и решит, куда двинуть дальше,— ничего страшного в этом нет.

Всё вокруг было тихо и неподвижно. Подняв голову, Борис заметил, что прямо над ним нависла отяжелевшая ветка груши. Руки потянулись сами и сдёрнули два спелых плода. Почему не попробовать обмануть ими голод?..

Вдруг ему показалось, что пугало в шляпе пошевелилось и взмахнуло рукавом. А потом с глухим стоном опрокинулось назад, на горку насыпанного щебня. Борис тоже невольно вскрикнул. Из дома никто не появился. Тогда он поддел щеколду калитки и вбежал внутрь.

Шляпа отлетела в сторону. На щебне лежал старик и пристально смотрел на него.

— А спросить язык отсохнул? — глухо выговорил он, не отводя взгляда.— Не пацан уже.

Глупо. Ни на чём подобном Боря не попадался лет с одиннадцати.

— Вам помочь?

— Руку дай.

Опершись на молодую крепкую руку, старик снова сел на скамейку.

— Шляпу.

Борис наклонился и, стряхнув с неё пыль, подал ему. Старик водрузил шляпу на голову, чуть поправил.

— Спасибо.

Борис пожал плечами:

— Не за что.

— Ну что? Ешь.

Тут Борис заметил, что обе груши по-прежнему сжаты в другой его руке.

— Неудобно,— тихо ответил он.

— А рвать чужое — удобно? — и, помолчав, старик решил: — Дай мне одну, а второй угощайся.

Откусив и старательно прожевав кусок сочной мякоти, хозяин сада представился:

— Я — Самуил.

— А меня Борис.

Старик улыбнулся краем губ:

— Присаживайся, Тебя-Борис, есть место.

Они сидели в доме за столом. Самуил показал гостю, где что искать, и тот сам выставил на стол и холодное мясо, и разогретые на плите фаршированные перцы, и козий сыр, и фрукты из сада, и округлую бутыль с крепкой многолетней настойкой.

— Будем знакомы! — решился на тост Борис.

Оба выпили до дна.

— А ты откуда сам? — выдохнув, спросил Самуил.

— Родился в Крыму. Но мы рано переехали, так что я почти ничего не помню.

— И так бывает,— согласился хозяин.

— Вы ешьте тоже, Самуил. Чего ещё положить?

— Доем — тогда и добавишь. Мне бы твой аппетит. И лет на двадцать пять поменьше.

— А вы скиньте мне из своих?

— Сам наживёшь — и не заметишь.

Борис налил ещё «под перцы».

— Я давно живу,— с усилием заговорил старик,— и с детства знаю, что у нас почётная фамилия. Моего деда помнят в Японии. До сих пор. В своём последнем бою он один убил восемнадцать самураев. Сначала у него был наган, потом только сабля. Вон те ножны,— он кивнул на дальнюю стену,— от неё. На лезвии остались зазубрины от всех ударов. Вокруг него одного лежал взвод мёртвых солдат с командиром. Говорят, у тех, кто упал на спину, у всех были удивлённые молодые лица. Почести к его телу приходил воздать сам их генерал. Саблю они вернули, но сперва выковали точно такую же и выставили в своём музее славы. Написали, что это — оружие великого воина[3]… Здесь? — он произнёс немой вопрос, который ожидал увидеть в Бориных глазах.— Нет, никто про него не знает.

Старик замолчал и тяжело вздохнул.

3. В основе — реальный исторический факт героической гибели поручика караимского происхождения М. Ф. Тапсашара при обороне Порт-Артура в 1904 году.

— А ваша почётная фамилия — Караим?

— Нет, бойдакъ[4]. Караимы — это народ; его называли святым народом. И особая вера, которую предки считали самой верной. Мы не евреи, не татары, не литвины и не турки. Доводилось уживаться с ними со всеми. Мы одни чеканили монеты для хана всего Крыма; наших сородичей брал телохранителями Великий князь Литвы. Но отстаивать себя всегда выпадало самим.

— Я понял, — кивнул Борис.

— Ты мало что в этом понял, но слушай дальше. Я ушёл работать ещё совсем юнцом. Был чересчур худым, но очень настырным. И быстро научился прикрывать глаза своему страху. Потом пришла война, и я решил, что ни к чему от неё прятаться. До деда мне далеко, но своё дело я знал. Бывало, каждую ночь ходил за «языком», жаль, что донести их живыми не всегда удавалось. За одного, которого посчитали особенно ценным, представили к ордену и сразу выдали трофей — его вальтер. Два раза меня крепко задевало, но вернулся обратно с руками, с ногами и со всем, что нужно мужчине. Как раз тогда решили заново строить город. Вот этот дом уцелел — отделался несколькими шрамами, как и я, — Самуил приподнял руку и провёл пальцами вдоль стены, как бы проверяя. — А мы стали строить назло войне. В это время мне встретилась моя женщина, та самая, в чьи глаза не страшно смотреться до самой старости. И она что-то такое разглядела во мне. Мужчин в поре было тогда немного, но к ней уже сватались: и наши, и русские. Нам тогда казалось, что мы ждали очень долго, а сами обвенчались по старому обычаю уже через месяц.

— И что потом?

— Знаешь, — отпив воды из кружки, продолжил Самуил, — я не рвался в начальники, однако меня ценили. Звали в другие города. Я уезжал на месяцы. Возвращался. Бывало, я вдруг дико ревновал её там, в сотнях километров. Я звонил самым близким и доверенным, с каждого требовал присмотреть за ней и сразу сообщить мне, но никто так и не узнал про неё ничего плохого. А к моим приездам у нас рождались дочери. Пять дочерей. По их повадкам я вновь убеждался, что все они — мои. Старшей уже нет. Так бывает редко, но её я любил и баловал больше всех. Мы дали ей нежное имя: произносишь — и будто цветок распускается.

— А как её звали?

— Айтолу. Это значит — полная Луна. Она родилась в полнолуние.

— Можно влюбиться в одно только имя.

— В неё было за что влюбиться. Святая правда. И говорю так не потому, что я отец. После неё сильно ждал сына. Достойного правнука моему деду. А вместо него — новая дочь. Я очень переживал. Ждал и молился, подолгу и горячо, — и сын очень поздно, но должен был у нас появиться. Я понял сразу, что в этот благословенный раз будет *он*. Мне казалось, что это видно уже по её животу. Другие сомневались, но у них-то не рождалось столько дочерей. Жена рассказывала счастливым шёпотом, что он бил изнутри не часто, но сильно и требовательно. По-мужски. Я купил ему колыбель и повесил в отдельной, его, комнате. Он точно должен был вырасти красавцем и настоящим батыром. Только сначала родиться, задышать и заговорить. Я всё и всюду успевал. Мне казалось, что кто-то скинул с меня лет двадцать и я теперь могу взлететь без крыльев, на одной своей будущей радости. И вот в один из дней на последнем месяце ожидания я вернулся из сада перед самой жарой и заглянул с порога в его комнату. Айтолу стояла там — не знаю, что на неё вдруг нашло, — и качала колыбель со своей старой куклой, и напевала ей. Что-то шептала от себя и снова напевала. Она стояла спиной и меня не видела. А об этом есть дурная примета. Глупое суеверие. По нему выходит, что младенцу не выжить. Я вспомнил об этом и едва не задохнулся. Язык не слушался, и я ничего не мог ей сказать. Она учуяла взгляд. И мой взгляд был такой, что она — совсем уже не маленькая девочка — прижала к себе ту проклятую куклу, выскочила отсюда и не появлялась в доме до самой ночи. Роды были долгими. Ребёнок оказался слишком большим. Пять с половиной килограммов, как сказала потом сестра. Нужно было решаться, помочь ему и сделать то, что они называют «кесарево». Но молодой врач так ничего и не сделал. Только успокаивал её и ждал. Рассчитывал, что сойдёт и так. У роженицы ведь были дети, и все как-то выбирались сами. А потом мой сын задохнулся…

Сказав это, Самуил сам задышал отрывисто, приподнялся было со стула и снова сел.

— В комнату… там, возле головы… справа, белая пачка…

Борис стремительно затопал по кухне и коридору и вернулся с таблетками.

Старик дошёл бы туда и сам, если бы не Тёмный Угол. Хорошо, что есть тот, кто о нём ещё не знает.

— …Как похоронил? Его принесли в деревянном гробике. Я сам копал могилу. Единственный раз после войны. Могильщики были не в обиде на меня. Яму длиной в неполный метр рыть дольше и труднее всего. Я закончил поздно вечером. А потом, на что-то надеясь, просидел на кладбище всю ночь и вернулся утром. Жена быстро встала на ноги, но очень стыдилась себя в следующие дни. А у меня не получалось жить со всем этим. Я продал по хорошей цене вещи, заведомо не нужные моим женщинам: мотоцикл, мотор для лодки, парадные пиджаки. Потом снял все сбережения с книжки, добавил к ним деньги от этих продаж, завернул в

4. Бойдакъ (bojdach) — парень *(караим.)*.

пакет и положил дома, за известным только мне и жене кирпичом. А на следующий вечер я пошёл к тому врачу в гости. Принёс с собой жареного барана и лучшего вина. «Сегодня у нас будет Курбан[5],—сказал я,—последний день траура». У него нашлось что-то вроде большого подноса, и мы сели вместе возле его дома. Доктор знал свою вину. Сначала бормотал что-то невнятное, а потом перестал. Сидел, опустив голову. «Ешь». Помню, как судорожно он жевал, испуганно выглядывая из-за куска в своей руке. Казалось, от него даже пахло каким-то особым предсмертным потом. «И пей». Его глаза выпучились. Было видно, как входит в него каждый глоток, готовый отрыгнуться. Добра от меня он точно не ждал. Но повиновался. «А теперь будь мужчиной. И помолись, если есть кому молиться». Доктор ошалело мотнул головой. Как я понял, это значило, что молиться он не станет. Не торопясь, привычным движением я просунул руку за пазуху. Рукоять была тёплой—согрелась на груди. Этот трофейный ствол как следует смазан и надёжно заряжен. Осечек с ним не бывало—это я помнил и тогда, через четверть века после моих ночных вылазок. Я смотрел на него в упор, дожидаясь, чтобы поднял взгляд, когда с крыльца сошёл маленький сын доктора. У сына были огромные светлые глаза. Он был совсем крохой и пролепетал мне что-то радостное и доверчивое. Наверно, поздоровался, но разобрать непривычным ухом у меня не получилось. Я вынул руку и поднялся. А доктор всё сидел со своей опущенной головой. «Береги его, как он сегодня сберёг тебя»,—сказал на прощание. И тогда, услышав это, он весь задрожал. Позже я видел доктора всего раз. На вокзале. Он суетился, подавая чемоданы в вагон. Поезд отходил через несколько минут. Я сделал шаг из-под навеса и остановился на освещённом месте, пристально глядя. И люди, даже те, кто очень спешил, молча обходили меня. Тогда я разглядел, что на виске у доктора выступила седина. Он всё копался во внутренних карманах, а потом сразу полез по ступенькам в вагон. Так и не поднял голову. И глаз не показал. Может даже, я ошибся, и в тот раз это был вовсе не доктор. А через несколько лет дочери стали разъезжаться. Ещё чуть позже, повыдавав их всех замуж, во сне умерла моя жена. Я был ещё крепок и женился снова, но и она, моя Сима, опередила меня.
—А дочь Айтолу?
—Однажды она попала в крушение на море. Её тела так и не нашли. От неё растут чудесные внуки. Они у меня редко здесь бывают, но недавно зять прислал мне их фотографию.

Они вместе помолчали.

—Знаете,—негромко произнёс Борис,—мой отец—врач.
—Надеюсь, он хороший врач?
—Да. У него был мудрый учитель. А вы простили того врача за сына?
—Я же никого не тронул.
—А там, в сердце, где болит?.. Простили?

Самуил задумался, протянул руку и сам разлил им обоим. Поднял стакан и опрокинул залпом.
—Что смотришь, бойдакъ?
—Никогда не видел живого караима…
—А мёртвого карая?
—Надеюсь, никогда не увижу,—мотнул головой Борис.—Идёте спать?
—Иду. Только соберусь с духом и пойду.
—А что там?
—Знаешь, я стал бояться его—Тёмного Угла. Там, слева от изголовья. Там ничего, совсем ничего. Я раньше не думал, не приглядывался. Но там совсем ничего нет. Ни разу не пробежала по стенке ящерица. Паук не вьёт паутину. Кажется, даже мухи туда не садятся. И я таки уже очень старый.

Борис проводил его до кровати. Потом вгляделся, пытаясь определить, где этот самый страшный Угол, но так его и не различил. Упал на диван в другой комнате и уже ночью, очнувшись среди короткой, кипящей в листве грозы, увидел под потолком в отблеске молнии крюк для колыбели.

И накрылся покрывалом с головой.

Утром Борис проснулся от надсадного кашля из соседней комнаты. Он обулся, накинул рубашку и вошёл.
—Мои годы уже не такие лёгкие,—повернул голову Самуил.
—Если надо, я останусь.
—Нет, сынок, тут теперь нужен не ты. Встреть лучше Майю на переправе, она там работает. С виду такая полная, улыбается глазами и волосы тёмные закалывает всегда вот так…—он с трудом приподнял кисть руки с неуклюжими скрюченными пальцами, чтобы показать.—Это сестра второй моей жены. Сегодня её смена. Она всё устроит как надо.
—Тогда прощайте, Самуил!
—Иди, огълан[6].

И уже в спину Борису донеслось:
—Я простил его!

Шторм почти улёгся. Вдалеке к югу мерещились в дымке контуры исполинского судна. Борису мельком припомнился вчерашний манёвр в порту.

Он вошёл в зал и, ещё не достав паспорт, приметил и узнал её. Обратился:
—Вы—Майя.

Она кивнула.
—Мне передали просьбу для вас. Когда освободитесь сегодня, то зайдите…—он запнулся и махнул рукой назад в утренний сумрак.

5. Курбан у караимов означает последний, а не первый (как у многих тюркских народов) день траура.

6. Огълан—сын, сынок.

Майя сама назвала улицу и дом.

— Точно. Туда.

— Я обязательно зайду вечером.

Он прошёл досмотр быстро, без лишних вопросов.

С парома смотрел на уходящий крымский берег и думал сразу об отце и об этом неизвестном ему раньше народе; и о странном человеке, который вдруг отчётливо выступил из тумана младенческой памяти; и о таком нескончаемом горестном дне, к исходу которого нельзя не прийти вслед за своей раненой душой в единственном кипящем и выжигающем стремлении, в своём праве и своей ярости; и о том моменте, когда вот так невозможно становится поднять руку и убить.

Огромный, очертившийся корабль, уже без груза, с протяжным гудком уходил от берега в море.

В это время старик прикрыл глаза. Он давно отвык, что его седая голова может быть такой ясной и лёгкой, только пульс бьёт чаще. Он на быстром и послушном жеребце мчится по степи. Жмурится от солнца, сбавляет шаг. Издалека он видит двух женщин. И сразу понимает, что это жена и старшая дочь с нежным именем. Поворачивает коня к ним. Они узнают его, радостно переглядываются, тянут к нему руки, почти касаются. И вдруг оказываются на кургане в нескольких сотнях метров. Он пришпоривает, яростно колотит пятками в горячие бока и чувствует, что коня под ним уже нет…

…Жгучие капли находят путь сквозь многие морщины. Солнце раскалённым шаром вкатывается в комнату. Так хочется вдохнуть ещё раз, но привычно-густого солоноватого воздуха тоже нет. Самуилу удаётся скосить глаза и поглядеть туда, вбок. Страшный, вечно тёмный Угол переливается сверкающей на досках смолой. Выше под потолком тонко колышется паутинка.

И застывает в нестерпимом свету.

Другой берег

Этим летом погорело всё. Никто из стариков не припоминал такого. Роса иссыхала до первого солнца. Пожухлая трава прижималась к земле. Комья глины под ногами рассеивались пылью. Кабачки лежали на грядках как испечённые. Почерневшие сморщенные помидоры неподвижно свисали с кустов.

Отвыкшими глазами мы вглядывались в небо, и каждый молил о дожде. И казалось, он пришёл, когда прямо над деревней нависла огромная туча. С краю этой черноты просвечивала круглая прореха, как будто кто-то разглядывал нас сверху. Всё затихло, ожидая.

А потом туча, не слушая причитаний, сорвалась вдруг с места и уплыла прочь, чтобы пролиться за лесом.

Духота навалилась с новой силой. Нас будто коптили заживо. Мы исходили пóтом. Даже ругаться не могли. А главное, никто не знал: на что и подумать?..

…И вот вечером на Самогонном дворе громко брякнула щеколда. В помятой форме с расстёгнутым воротом ввалился Семён, участковый. Сел на лавку, отсчитал две купюры, прохрипел:

— Налей здесь.

Хозяйка двора Лариска вытаращилась изумлённо, но в дом тут же сбегала.

Семён сидел неподвижно, упёршись ладонями в колени, и глядел на стакан, как на чугунную гирю. Затем рывком поднял и опрокинул.

— Всё. Бросил я её… — выговорил и весь обмяк, в землю уставился.

Лариска присела рядом. Ладонью по плечу погладила. А у мужика, как у ребёнка, слёзы из глаз: *«Помнишь?.. Ты — помнишь?»*

…Она объявилась у нас в посёлке осенью. Да, дождик как раз моросил. С собой у неё был узелок с вещами и в чистой ткани под мышкой ещё что-то: картина — не картина. В тряском кузове грузовика приехала. Так в кабину и не села.

Огляделась и подошла к первой открытой калитке. Сказала: я — Оксана, здесь прабабка моя жила. Что за прабабка? Промолчала, подождала. А что умеешь? Всё умею, говорит. Что делать надо? И добавила: у вас поживу, всё одно комната пустует. Хозяйка, баба Зина, только руками всплеснула, а язык будто к нёбу присох. Про лишнюю-то комнату одни соседи знали.

А Оксана эта в комнате расположилась, пол отскребла, картошки наварила и потом за всё бралась: и урожай с огорода убрать, и телят недоношенных выходить, и воды принести, и пирогов напечь. Молодая, а взгляд строгий. Ходила в ветхом и латаном, не поймёшь издалека: девка ли, бабка? И говорила мало, по делу всегда. Как будто забывалась она в тех заботах, от боли отворачивалась. А если делать вдруг нечего, то могла сесть и уставиться на стену. Час так просидеть. Или вечером уйти за околицу и вглядываться в небо над лесом, пока не стемнеет.

Так и прожила осень и всю долгую зиму.

А по весне Семён приехал, участковый — нашу деревню за ним закрепили. Он тогда видный был. Лариска — соседка бабы Зины — уже глаз на него положила и не упускала случая перемигнуться или в гости на чай позвать. Вылез он из «уазика» и ровно зашагал по просёлку к восьмому дому, свидетеля опросить.

А Оксана как раз навстречу вышла. С колодезным ведром, в котором солнце играет, и не в рванье, а в светлом платье, и куртка на плечи накинута. Глянул Семён и будто к земле пристыл.

Поравнявшись, она вдруг улыбнулась — в первый раз, как приехала. Потом назвала себя внятно и дальше пошла. А из него пот вышибло, хоть

и прохладно в апреле. У забора стал и давай все бумаги из папки перелистывать, а припомнить не может. Побежал тогда к телефону: *«Зачем я здесь?.. Какого телка свели?..»*

И зачастил Семён — каждый вечер к нам. Для профилактики. Удивлялись сперва: тихо здесь вроде. Потом смекнули.

Ходил он кругами, и ко всем — с вопросами. Два-три для отвода, а потом про Оксану: кто да откуда? А мы толком и не знаем. Поди да расспроси, говорим, у тебя все полномочия.

Соглашался Семён, но сам никак не шёл. Вместо этого собрался у Лариски что-нибудь выведать. А уж она бы этой приезжей все кости добела перемыла.

Стоял он у самой её калитки, а тут из соседнего двора Оксана вышла. В другом платье, потемнее. Подошла:

— Ну, вот я.

— А я — С-семён, участ…

— Пойдём. Там спросишь.

И ушли вместе за околицу. Поздно вернулись.

Говорят, недели не прошло, как в городе их расписали. Семён связи подключил, и сразу всё устроилось.

«Будем здесь жить», — решила Оксана, и поселились они в крайнем доме. Семён его выкупил и стал всё обустраивать: баню, сараи, сеновал. С чего такое место выбрала, непонятно. За домом пустырь пологий, от огорода в одну сторону лес, в другую — болото. Может, там и не каждую ночь нечисть шляется, но жуть любого берёт.

Не один год прожили. Как жили — неизвестно, с отшиба много не услышишь. Но детей у них всё не было…

— Говорит: дыни посадим. А я ей: дура, у нас на севере какие дыни? Отродясь такого не росло. У меня вырастут, сказала. И пошла жара.

— Да?.. — доверительно кивнула Лариска.

— Да.

И правда, сидел он рядом с ней весь выжатый. Не как все — от жары. А будто нутро отшибли.

— Не могу я с ней. Ведьма она. И мать её была ведьма. И этот, на стенке, не брат ей совсем. Авдеев. Северьян. Петрович. Я досье запросил. Был он бродягой, убило по дурости.

…Это его портрет привезла она с собой в чистой ткани. И с тех пор он, чёрно-белый, с острыми скулами и строгим взглядом, висел на стене. Недалеко от иконы.

После досье Семён вошёл в форме с пистолетом. При ней сдёрнул с предохранителя. Приказал:

— Сними.

Она головой покачала: нет.

Тогда Семён ствол вскинул и расстрелял всю обойму. Щёлкнул раз вхолостую. Шагнул посмотреть — не попал ни разу. Спрятал в кобуру так, будто в любовном деле обмишулился. Взгляд отвёл:

— Ты ж все годы — не моя. Это я — как на привязи…

— Иди, — сказала она тихо.

И пошёл он, как чумной. Мимо семи дворов прошёл и задохся, свернул к Лариске.

Она осторожно привстала с лавки.

Всё сходилось. Вот откуда засуха! Из-за неё и огороды полегли, и скотина еле держится. Потому что ведьмачка она. У неё одной вызревали проклятые дыни и наливались янтарным цветом.

Никто не спал. Мигом собрались. Прихватили дубьё, вилы, ножи и пошли. Будто крепость брать. А в крепости — одна баба.

Дошагали враз, а с чего начать — не знаем. Стали все — переглядываемся. Где она? Свет не горит.

И тут из-за спин слышим:

— Сёму моего не видали?

— Видали, видали, — повернулась к ней Лариска. И зашлась: — У меня сидит. Что с мужиком сделала?.. Шалава подзаборная, упыриха подколодная. К кому ходила?..

— Посмотреть хочешь? — Оксана двигалась через толпу так, будто шла по безлюдному полю. — Пойдём, если не слаба в коленках.

— Так бы да-а… — отступая, Лариска завертела головой, ища поддержку.

— Я с ней пойду, — это баба Зина подвернулась.

Калитка скрипнула, и они втроём вошли. Над головами, ухнув, пролетела огромная сова, и обе делегатки невольно прижались друг к дружке.

В доме на стене возле печи, правда, висели икона и большая старомодная фотография. Вокруг неё — несколько круглых дырок. А под столом разлеглись те самые распроклятые дыни: отсвечивая жёлтым, они чуть покачивались от шагов.

— С прабабки это началось. У неё первой дар проявился. И дальше. У матери много денег скопилось. Бумажные, облигации, даже царские монеты. Знали про её силу и, кому припекало, всё ей несли. Куда девать, уже не знала. И я у неё одна. Очень она хотела, чтобы её дела продолжила: *«Скоро будут времена такие, что нам все дороги откроются. Не по глухим углам отираться — будем на самом виду»*. А мне — не надо этого. Я с любимым жить хотела. И чтобы дом наш у речки на самом берегу. И вот близко, видно его, но не каждой жизни хватает добраться. Его звали по-чудному — Северьян. Приплыл и задержался возле нас, коровник строил. Спал прямо в лодке под брезентом. Мне и самой непонятно было, чем взял. Другие парни, самые видные, за мной гуртом ходили. А он — не ходил. И не торопился никуда. Но взглядом будто душу выворачивал. И руки его загрубевшие такие были ласковые. «Не для такой босоты я тебя рожала», — отрезала мать. И я, решаясь, спросила его: «А я смогу? Мать отпустит?..» Вгляделся он мне в глаза и серьёзно так ответил: «Ни за что не отпустит. Ты сможешь. Сама». Ночью дождалась, пока мать уснёт, тихо собралась и выскользнула. До реки

добралась быстро. Северьян уже ждал. Оттолкнулся легко веслом, и — поплыли. Река с утра всё ширилась. Ясное небо отражалось в воде. Сидела я, прижавшись к его груди, и не верила своему счастью. «Отпустила? Да, Севушка?» — шепчу. Не ответил, только в глазах его отразилось что-то тёмное, а из-за спины взрывом прокатился гром. «На нос», — скомандовал он и налёг на вёсла. Пересела и навсегда запомнила, как молния вошла в воду. И тот всполох электрический — такое свечение, будто горит спирт из бочки. И выжженную прежде, чем волны снова сомкнулись, воронку в воде.

…Их лодка неслась к берегу.

«Налегай. Омут обходи», — сорванным голосом, как заклинание, шептала.

После третьего — близкого — удара Северьян вдруг побледнел и замер, вёсла едва держал: «Не выберемся…»

И, откинув налипшую прядь, вскочила — перехватить, грести самой, выплыть. Тут и полыхнуло третий раз, в самое днище. Оранжевая дуга поднялась по голой ноге к животу и чуть не достала до сердца. Когда дуга сошла вниз и пропала, Оксана без сил повалилась на дно лодки…

Северьяна ей не показали — схоронили у холма. Сказали: лучше и не видеть. Выпросила только эту фотографию. Из больницы она — совсем ещё слабая — сразу поплелась к нему. И там одна рыдала в голос, а потом долго лежала возле могилы; но земля не взяла.

Потом ходила, себя не помня. Пока к нам не добралась, на прабабкину родину, и тут осталась.

Баба Зина ошарашенно закачала головой.

— Врёшь ты… — начала Лариса, но осеклась.

Непривычный звук донёсся из-за окна. Что-то жуткое бродило совсем рядом. Бродило и жадно принюхивалось. Волк?.. Кабан?..

Свет в комнате вдруг моргнул и погас.

Круглая чёрная голова приплюснулась к самому стеклу.

— Аспид! — отшатнулась старуха.

Ларискино лицо побелело в темноте. Но Оксана напряжённым, будто крича сквозь водопад, голосом зашептала что-то у них за спиной, и морда сгинула от окна. Только хохочущий визг донёсся издалека.

Переведя дух, Оксана указала на дыню:

— Дам, самую лучшую. Только все вместе съешьте.

Обе охнули, когда вместе подняли. Но понесли. За забором их обступила толпа.

— Пошли отсюда. Потом расскажем.

— А как же?.. — приподняв вилы, спросил кто-то за всех нас.

— Всяк свят, пока черти спят, — урезонила баба Зина.

Нести дыню передали мужикам. Собрав дубьё, мы все развернулись. Двинули, не понимая и спотыкаясь, сквозь пыльную непроглядную духоту.

Дошли до единственного горевшего в ночи фонаря. Постелив клеёнку на старый чурбан, дыню опасливо разрезали. Поделили на множество кусочков. Баба Зина, перекрестившись, первой положила ломтик в морщинистый рот. Поглядев на неё — и остальные. Мякоть растекалась на языке и таяла, как лёд на солнцепёке.

Тогда, запинаясь, Лариска выложила всё, что увидела и узнала сегодня в доме на краю. Не приврать ей было невмоготу, поэтому баба Зина несколько раз её поправляла. Тесно сбившись, все слушали. Потом разошлись по домам, качая головами. Днём всё увидится по-другому.

Но среди ночи, в самый глухой час, загрохотал гром и влупило по крышам. Повыскакивали в чём были, и вода по нам катится, смывает всё. Босые мы, мокрые, волосы поприлипали — будто только родились и слова первые говорим: «*Ты, Егор?*» — «*Ты, Ванёк?*» Не узнаём друг друга. «*Тонька твоя?*» — «*И Лариса! Как Семён там?..*» А когда проорут в ответ — узнаём;заново.

Тогда же под грозовой вспышкой видели, как Оксана забрала Семёна обратно в дом. Опираясь на жену, он медленно переступал среди пузырившихся луж, как будто шёл по глубокой воде.

Дождь лил трое суток. И когда стали думать уже, что затопит нас, — вдруг прекратился.

А Сёму она вы́ходила. Пять дней от койки его не отходила.

И снова шёл он по дороге — прямой и важный. Издалека видно — Оксанин муж.

Марина Вахто

На улице Лени

* * *

Что осталось, мой друг, нам с тобою?
Ворох листьев да груды песка…
Да вечерние гуды гобоя,
На котором играет тоска.

Эти долгие, низкие гуды
Из безлюдных скалистых миров—
Нестерпимей слезливой простуды,
Неотвязней нытья комаров.

Скука марта… ах, как всё знакомо:
Небо жидкое, клейкий снежок.
И гудит над весенним погромом
Этот сиплый английский рожок.

Как роднит он с бездонным сиротством,
С миром брошенным, с небом ничьим.
Что ещё нам с тобой остаётся?
И сидим, и молчим. И молчим.

* * *

Ты спишь, и тебе ничего не снится.
Я беспомощна перед сном твоим.
Ярость моя—моя волчица.
На пару с яростью мы не спим.
Тихо лежу. Унизительно смирно.
Волчица поскуливает щенком.
Постранно, погородно, поквартирно
Ночь прогуливается пешком.
Время оттикивает понемногу,
Попугивает чернью щелей и ниш.
Я бы загрызла тебя, ей-богу,—
Как ты довольно и сыто спишь!
Такой посторонний, такой не ближний—
Неодушевлённый—нигде, ни с кем.
Беспамятен весь, как всякий булыжник,
Как всякий камень—и глух, и нем.
Ты спишь, мне кажется, лет уж двести.
Состарилась я за эти века.
Мы вместе спим, но совсем не вместе,
Лежим бок о бок, отлёживая бока.
Ночь всё тащится… вяло-вяло.
Нестерпим бледный свет луны!
Мёртвый цвет нашего одеяла
И безмятежной твоей спины.

* * *

Голубая каёмка на блюде.
Самобранка, вязальный клубок.
Лес дремучий, да нелюди-люди,
Да избушки курячий задок.

А взаправдашний бог то ли помер,
То ли спит, завалясь в облачок…
Хочет то ли в Тамбов, то ль в Житомир
Плосколицый Иван-дурачок.

Хочет-хочет лететь или ехать,
Всё одно—не пахать и не жать.
Да зияет в кармане прореха,
Да рожает беспутная мать.

Всё гугнивых рожает, мохнатых
Дурачку братовьёв да сестёр.
А к бумажным обоям заплатой
Приколочен летучий ковёр.

Самобранка изодрана в ветошь,
И в клубке размножается вошь.
Ничего, дурачок, скоро лето.
Ничего, дурачок, проживёшь.

* * *

Занималось утро голубое,
Пах росой и соснами рассвет.
На окне топорщился алоэ
Все свои исполненных сто лет.

Прел под телом перегной червивый,
Зрел укроп, дурился девясил.
И стоял всё тот же некрасивый
Старой жизни вечный старожил.

Зарастёт амбар чертополохом,
Плесенью покроется сусек.
Только он, всё тем же тихим чохом,
Будет жить и длить мясистый век.

Я увижу, лишь глаза открою,
В бледном свете голубой зари:
На окне топорщится алоэ…
Не хочу. Не надо. Убери.

* * *

Ты меня разлюбил, это ясно.
Отвернулась, да только лишь масла
Подлила. Говорил: я—и то, я—и сё,
А ещё говорил: мол, я сделала всё,
Чтоб меня разлюбить
Да забыть.

Ты меня разлюбил-разобидел.
Закричал-замахал: «Чур! Изыди!»
По столу застучал: я—и так, я—и сяк,
На губе—кумоха, на глазу, мол, песьяк.
Мол, измаялся весь.
И не лезь.

За сто вёрст конный-пеший ты мчался.
А теперь разлюбил… забоялся.
У порога сказал: мол, любил—выше сил,
Мол, без памяти был, что такую любил,
Мол, сюда—ни ногой…
Бог с тобой.

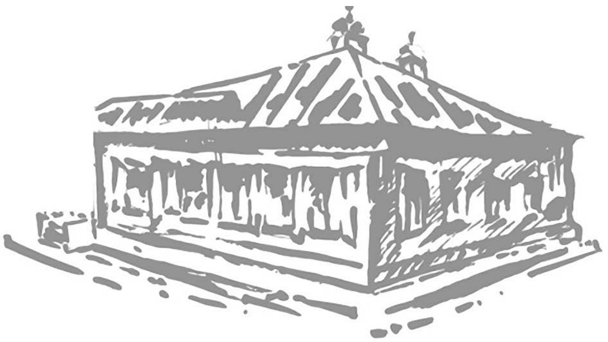
На улице Лени…

На улице Лени… когда-то и где-то:
Все радости те же и те же горя,
Всё то же стоит слабоумное лето,
И палец во рту, и в башке—без царя.

Козявка в ноздре и синяк на колене—
Чухонец курносый, чудин, черемис…
И плавно проходят по улице Лени…
Неясные тени откуда-то из.

Нечёткие полосы, блики и пятна—
Как память старухи из дома «Ля-Ля»…
Стоит себе лето на замшевых пятках,
И те же, и те же над ним тополя.

Всё так же клубятся их пыльные снеги,
Во всей своей дивной и душной красе.
И след застилают от старой телеги,
Той, что на пятом ползёт колесе.



«Касьяновский дом»

Литературный журнал для семейного чтения «День и ночь» и Музейно-просветительский центр духовной культуры Красноярского края «Касьяновский дом» начинают совместный проект, цель которого—публикация и распространение документальных и художественных произведений, способствующих духовному и нравственному возрождению Сибири, восстановлению связи поколений и культур славянских народов, развитию современной молодёжи в духе интереса и глубокого уважения к прошлому Родины и заботы о её успешном будущем.

Первый музейно-просветительский центр духовной культуры в Красноярском крае создан по благословению главы Красноярской митрополии митрополита Красноярского и Ачинского Пантелеймона и при поддержке губернатора Красноярского края В. А. Толоконского, администрации губернатора и правительства Красноярского края.

Деятельность Музейно-просветительского центра духовной культуры Красноярского края «Касьяновский дом» осуществляется на базе Красноярского региональной общественной организации попечения о духовно-нравственном возрождении Сибири «Ладанка». Работа центра проходит под руководством и при участии Общественного совета Красноярской митрополии по культуре, науке и образованию, а также деятелей культуры и науки Красноярского края, регионов Сибири, Москвы, Санкт-Петербурга, ближнего и дальнего славянского зарубежья. В работе центра принимают участие духовенство и прихожане Красноярской митрополии.

Редакция журнала «День и ночь» и музейно-просветительский центр «Касьяновский дом» в совместной деятельности предполагают поддерживать поэтов, прозаиков, публицистов, творчество которых затрагивает существенные вопросы духовной жизни современного человека, а также восстанавливает страницы «непредсказуемого прошлого» России, так или иначе связанные с религиозно-философской проблематикой.

«Касьяновский дом»

Геннадий Малашин

Если бы Гамлета не было…

Если бы не было Гамлета, миром правили бы Розенкранцы и Гильденстерны.
Мирослав Белович

Имамо йедну тайну. Врло йе йедноставна: човек само срцем добро види. Важно йе очима невидљиво...
Антоан де Сент Егзипери. Мали принц

Почеток (Начало)

…В каком-то смысле Балканы начались для меня по-настоящему только в 1994-м, в тот самый день, когда мой по телепрограмме «Русские вечера» молодой коллега, а по жизни тогда—закадычный друг Сергей «опубликовал» свою новую «потрясающую идею»: создать в Красноярске общественную организацию—«Славянский дом», провести в крае «широкомасштабные Славянские чтения» и пригласить на них «самого Мирослава Беловича».

—…Беловича?.. А кто это?..

—Как?! Ты не знаешь, кто такой Белович? Стыдись! Это же великий сербский режиссёр, поэт и человек…

Тут Сергей сделал отстранённое лицо и махнул куда-то в сторону десницей с длинными пальцами. На уже известном мне тогда языке Серёжкиных мимики и жестов это должно было означать, что в его красивую и умную, черноволосую, как у настоящего серба, голову только что, причём «совершенно невзначай», забрела какая-то очередная авантюрная идея.

—Слушай, а давай сделаем вместе книжку его стихов в переводе на русский? Это будет впервые в России! Ты будешь—редактором, а я—просто переводчиком,—умильно улыбнулся он.

…И я имел глупость, я имел счастье—ответить на это предложение нахальным согласием:

—А, давай! Чего там. Переведём, отредактируем, издадим! (Читай: «Запросто. Шапками закидаем».)

Когда-то, ещё в Красноярском педагогическом институте, учась на филфаке, я четыре года подряд увлекался теорией перевода. В последовавших затем—сначала учительском, а потом журналистском—периодах моей биографии знания, почерпнутые из толстенных фолиантов (чудесная и уже забытая теперь серия «Мастерство перевода»!), к сожалению, впрямую пригождались мало. Но, видимо, всё, чем бы мы ни переболели в детстве и юности,—всё рано или поздно даёт о себе знать. Так случилось и с моей пресловутой влюблённостью в искусство перевода. От умозрительных, хотя и безумно интересных «сопоставительных штудий» по маршаковским и пастернаковским переводам шекспировских сонетов, от блужданий по переложению Василием Андреевичем Жуковским гётевского «Лесного царя» и по цветаевскому аналитическому его подстрочнику,—от великой и—теоретической… классики перевода мне предстояло теперь перейти к самой что ни на есть практике—начать редактировать моего друга, увлёкшегося абсолютно незнакомым мне поэтом, чьи стихи к тому ж ещё и написаны были на абсолютно незнакомом мне, хоть, как я догадывался, и родственном моему родному, славянском языке.

Впрочем—так ли уж и незнакомом? Какое-то давнее воспоминание настойчиво ворочалось в памяти и просилось на волю.

Ну конечно же. Год 1974-й. Год моей великой влюблённости в красавицу N.—однокурсницу, взявшую надо мной, недавним деревенским мальчишкой, снисходительное менторское шефство и с недавних пор сидевшую за одним со мной студенческим столом.

Год 1974-й. Спецкурс по сербскому. Очень смешной язык и ещё более смешная преподавательница. Зовут её Бранислава Милишевна; говорят, что родом она из самой Югославии, а муж её покойный, архитектор Белавин,—напротив, русский.

—То је диван језик, јединствени, леп, сяйен!..

Нам очень смешно, абсолютно без причины, мне и моей прелестной черноволосой однокурснице. Мы смотрим не столько в розданные нам смешные учебники, сколько—друг на друга. Смотрим—и смеёмся, чему—и сами, кажется, не знаем. И в финале первого «сербского» занятия нас с позором (раз и навсегда!) изгоняют со спецкурса:

—То йе невероватно! Молим вас!

Всё понятно было и без перевода! Не понял я тогда только одного: в этот день юношеская влюблённость роковым образом помешала встрече с самым лучшим языком мира. Моё настоящее знакомство с ним (равно и с «профессором Белавиной», с её дочерью доцентом Светланой Александровной Агаповой и с внучкой её Светланкой,

живущей теперь где-то в Сербии) состоится ровно двадцать лет спустя. Впрочем, ещё одну попытку встретиться с сербско-хорватским в том же, семьдесят четвёртом, я всё-таки сделал.

...Для людей моего, по всем параметрам — советского, поколения Югославия Тито была чем-то вроде библейского древа познания добра и зла: оно почти рядом с нами (всего-то — четыре тысячи километров!) существовало, но приближаться к нему близко никак не следовало. Социалистическая вроде бы, по определению, держава неизменно перечислялась — например, в проспектах бюро молодёжного туризма «Спутник» — как-то на отшибе, вкупе со странами капиталистическими: «Страны капиталистического мира и — Югославия».

Загадочный, маняще несоветский «третий мир». В поисках информации, хотя бы сколько-то отличающейся по подаче от отечественной, сусловско-ленинской, я попытался в отделении почтовой связи подписаться на белградскую газету «Политика» (печатавшуюся на сербском, конечно; пробовать выписать русскоязычные глянцевые журналы «Америка» и «Англия», даже при моей потрясающей в те времена наивности, я всё же не рискнул).

— Да вы что, в своём уме? Это же только для членов партии! — отбросила квитанцию тётка, ведавшая подпиской.

Чувство разочарования, мною в этот момент испытанное, сопоставимо было разве только с другим, имевшим место аккурат неделей раньше, — с объявшими меня ужасом и отчаянием, когда в краевой научной библиотеке мне гневно, чуть ли не крутя пальцем у виска, в присутствии заведующей студенческим читальным залом, возвращали читательскую заявку, в которой я написал одно простое слово: «Библия». Так моё знакомство и с «третьим миром», и с основами православия было отложено — на неопределённое время, на те самые двадцать лет.

Конечно же, таким, как я, «не членам партии» уже и тогда доступны были и пушкинские «Песни южных славян», и увесистые фолианты «почти социалистического» Иво Андрича.

Но времени их основательно прочитать у провинциального школяра не было: хватило бы счастливых студенческих лет хотя бы на только что выпущенных, пусть и в общипанном цензурой виде, Ахматову, Бабеля, Цветаеву, Булгакова... Ядовитый ярлык «декадент» («диссидент» — тогда ещё не вошло в обиходные идеологические арсеналы), которым одарила меня однажды после моей «научной» с ней «дискуссии» на семинаре по Джерому Дэвиду Сэлинджеру гроза филфака, член КПСС, знаток античности и Джона Голсуорси N., напомнившая мне о «партийности литературы и литературоведения», приклеен был уже ко мне намертво и, как последующие события показали, сопровождал меня потом в различных вариациях всю мою жизнь: так, видно, белой, изрядно пощипанной в «научных дискуссиях» вороной до конца дней и пребуду...

Между тем язык, которым говаривал в подлиннике пушкинский королевич Марко, был так созвучен языку столь желанного и — увы! — недоступного советскому студенту-«декаденту» Нового Завета!.. Но об этом я тогда ещё даже и не догадывался...

Двадцать лет спустя

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые...

Ф. Тютчев

Годы 1993–1994-е...

Это было — говоря словами «Повести о двух городах» Чарлза Диккенса — поистине худшее из времён, это было — лучшее из времён...

Вместе с советским строем к 1994-му были автоматически «выкинуты из набора» и ненавистные всем журналистам ЛИТО-цензура, и партийные «надзорные инстанции» — словом, всё былое идеологическое оснащение советского телевидения.

Загребущие руки березовских и гусинских до телевидения тогда ещё по-настоящему не дотянулись: успеть бы им было урвать «ваучерный» кусок пожирнее из промышленности и недр. Начальству нашему телевизионному было тоже не до нас. Твори и выдумывай, если Бог дал тебе молодость и талант, и выдавай потом без участия ЛИТО, без санкции коммерческо-рекламного монстра (тогда ещё — только рождавшегося на свет в муках и «зелёном» шелесте) свои шедевры в телевизионный «вольный эфир», казавшийся подлинно свободным и бесконечным. Конечно, как и всем бывшим советским россиянам, журналистам бывало в это время и голодно, и холодно; и зарплату нам выдавали, как правило, в «миллионах» — если, конечно, выдавали. И, конечно, горько и едко было в глазах от дыма, всё ещё витавшего над расстрелянным «народным» президентом Белым домом.

Но чем острее ощущалась синонимичность слов «политика» и «грязь», чем неуютнее бывало на душе и в желудке, тем сильнее хотелось обрести что-то действительно стоящее, подлинное. Не обрести — так выдумать! А что может быть по́длиннее, чем самим тобой придуманное и созданное, обретённое в смонтированной и виртуальной реальности?.. И неухоженную грубую житейскую реальность мы каждый день меняли на прекрасный воздушный — в буквальном смысле — за́мок, меняли на — Телевидение.

Год 1994-й. Второй год выхода в красноярский краевой эфир популярной и кажущейся теперь такой далёкой еженедельной нашей телепрограммы «Русские вечера». Зрительское признание, успех на фестивалях — отчасти немного горьковатые

из-за регулярных скандалов, устраиваемых нам: «А почему — „русские“, почему — не „российские“?.. А как же быть с атеистами, с другими нациями и верованиями? Кто для них будет делать телепрограммы?..»

Любимые дежурные риторические вопросы наших местных зоилов, среди которых особо истеричны были даже не «отдельно взятые» чиновники, а… наши «коллеги», к примеру, однажды, буквально назавтра после разгрома Советов в августе 1993-го, успевшие опубликовать на страницах краевой газеты идеологический донос сразу на всех врагов — своих и «российского народа». В числе «фашиствующих», «контрреволюционных» изданий, подлежащих немедленной проскрипции, оказались тогда и злополучные «Вечера».

Но смысл нашей жизни в 1994 году заключался всё же совсем не в этих, кажущихся сейчас смешными, тогда же — ощутимо болезненных, блошиных укусах. Помимо скудной технической базы, помимо купленных на последние личные деньги видеокассет для съёмок и еженедельного телевизионного, по понедельникам, эфира, у нас была и прекрасная творческая команда, были единомышленники. И ещё — было то, без чего любое творчество бессмысленно: у нас были герои передач — по существу, вся интеллектуальная и творческая элита края. У передачи были — благодарные зрители…

А хронически не хватало нам не столько техники даже, сколько — времени. Вот в этот-то момент моей жизни Сергей и умудрился коварно вырвать у меня обещание стать участником его нового «сербского проекта». Надо было начинать работать со стихами какого-то мне неведомого Беловича…

Белович

Горько знать, что я никогда не смогу с тобой больше поговорить, Мирослав. Безотрадно осознавать вновь и вновь это — даже сейчас, когда уже третий год идёт с тех пор, как ты ушёл с Земли в ту самую, загадочную и неведомую — и многократно тобою в стихах упомянутую, с тревогой и сдержанной надеждой, — «вечность».

Здесь, на Земле, тебя больше нет.

Смерть режиссёра

Поднимите подушку!
Уберите одеяло!
Приглушите свет!
Тишина в зале!
Почему без моей команды?
Занавес!

В моей жизни за полвека было немало встреч и знакомств, даже если посчитать только те семь лет, когда мы вели с Сергеем «Русские вечера»: каждый понедельник, без единого перерыва, без выходных и отпусков. В каждом из трёхчасовых(!!!) вечеров бывало минимум по три-пять новых героев, и были это, как правило, очень интересные и неординарные люди, были это, как правило, — личности… Даже если по минимуму посчитать, получается — не меньше тысячи участников, тысячи новых знакомств…

Но такой человек, как ты, Миро, — у меня был один.

Режиссёр

Создавал миры,
Образы,
Строил на песке воздушные замки,
Любил весь мир — и Бога,
И Хиросиму,
И наконец
Устало сошёл
С опустевшей сцены.
А дальше —
Тишина.

Смешно сказать, виделись-то мы с тобой всего-то — несколько дней на протяжении двенадцати лет. С 1994-го по 2006-й. Личного общения было — в общей сложности совсем немного: если механически сложить вместе все наши с тобой за десять лет личные и телефонные разговоры — суток трое или от силы четверо. Да и бо́льшая часть этих счастливых суток ушла на «дело»: сначала на видеосъёмки для телепрограммы, а последние три раза, когда я уже на ТВ не работал, — на диктофонные записи для газеты и просто про запас, «впрок». Но…

Каменоломня

Каменоломня была
Для других, до неба, строений.
Раздала свой гранит,
И — яма теперь.
Ожидаю землетрясения.

…Но более родного и духовно близкого мне человека в жизни у меня за все пятьдесят моих лет не было. Меня сразу, при первой же встрече, ошеломили его масштаб и величина. Хотя нет, вру, первым ощущением были — его доброта, простота и — лёгкость. С первой минуты с ним рядом на аэродроме в Емельяново мне было так легко, как будто бы я знал его всю жизнь. Это потом, когда мы через несколько дней со слезами на глазах будем на том же аэродроме провожать его и драгоценную его жену и единомышленника красавицу Майю на самолёт, я вдруг осознал: я впервые в жизни встретился с по-настоящему великим человеком. Впрочем, опять ошибаюсь. В аэропорту при прощании меня придавила больше другая мысль: с этим титаном у меня было целых пять дней общения — и ни одного вопроса я не задал ему просто

так, «для себя»… Всё—для этого безжалостного, для этого обожаемого Молоха, которому я был предан тогда всем своим существом: всё—для телевидения…

Осознание

Где раньше был я—не знаю ответ.
Жил или просто дремал,
Во мгле не видевший свет,
Названия красок я всех забывал,
Тумана лишь помню цвет.

Ему не надо было ничего объяснять. Он с первой же встречи знал меня всего и видел—насквозь. И когда он вдруг обронил при второй нашей с ним встрече, в Белграде уже, он—«велики редитель и глумац», великан поэзии и сцены,—что «дорожит нашей с ним (!!!) дружбой (!!!)» и считает меня «одним из самых дорогих и важных на земле его и Майи единомышленников»… Это был аванс, который я никогда уже теперь не отработаю. «Геннадию, Ариэлю моей поэзии»,—его неописуемо щедрый дарственный автограф-потрясение на одной из данных мне навечно книг.

Ариэль

Поселился во мне
Добрый дух любви.
Останавливает мою на расправу скорую руку,
Удерживает от поспешных решений,
Нашёптывает слова прощения.
Ариэль мой без ореола!

…«Поэзия—это то, что мы не знали о себе». Так ты написал, Миро, мне на титульном листе одной из числа драгоценных, подаренных за эти годы книжечек твоих стихов. Эта чеканная и лёгкая, как бессмертный полёт стрекозы над вечной землёй знойным летом, формула объясняет всё; как сказал бы ты сам: «в ней заключено всё»—и то, что ты всё и всегда понимал, на лету, с полуслова и с полувзгляда, и то, что не потребовалось для этой нашей «дружбы» с тобой никаких предварительных долгих разговоров и дипломатических церемонных бесед (порою—и пяти минут по международному телефону хватало), и нашу близость—ученика и учителя, провинциального подмастерья и великого мастера. И то, что боль твоего ухода из жизни я могу сравнить только с горем, которое испытал несколько лет назад, когда хоронил своего родного, жившего с другой семьёй отца (которого знал тоже только по нечастым встречам после первого с ним, в тридцать пять лет моих уже, знакомства, но любил его—от этой редкости встреч, видимо,—ещё беззаветнее и преданнее…).

Но даже теперь, после твоей смерти, я не чувствую себя до конца одиноким—потому что у меня остались твои книги, осталась твоя поэзия.

Приснились стихи.
Записываю полусонный.
Снова засыпаю,
На пути к эпитафии.

Когда иссякну—
Помилуй меня, Мария.
И я воскресну—
Чтоб упасть пред тобой на колени.

За окном холодная ночь.
Под моей подушкой
Полусонный бормочет сверчок.

Смешно теперь вспоминать, но первый опыт редактирования стихотворных переводов оказался сопряжён у меня с мучительной технической прозой, с первобытным ужасом от первого знакомства с компьютером. Как сейчас помню, это была модель из серии «IBM-286» (!!!). Сейчас их, наверное, можно отыскать только в музее; тогда же, в девяносто четвёртом, это тоже была большая редкость, но совсем по другой причине—безумной дороговизне. До этой встречи я вполне довольствовался для написания своих шедевров купленной на первую телевизионную зарплату портативной пишущей машинкой «Москва». Стучали её литеры как трактор, каретку переводить надо было с большими усилиями, качество печати было то ещё, заставлявшее забыть о качестве самих текстов; отпечатанные буквы, совсем как моя тогдашняя причёска, разлетались в разные стороны, печатал я свои сценарии преимущественно на тоненькой папиросной бумаге—вместо четырёх «слепых» экземпляров получалось целых восемь листов, тоже, правда, не больно-то зрячих…

Доступ к необходимой технической базе, соответствовавшей тогдашнему уровню технической мысли, обеспечил нам с Сергеем уникальный человек, первый председатель правления нами учреждённого «Славянского дома» Александр Седельников. Сан Саныч Седельников был прирождённым общественным деятелем. Начинал он свою карьеру, после блестящего окончания университета, со служения оперуполномоченным в милиции, поймал какое-то невероятное количество правонарушителей. Но начавшаяся эра перестройки и гласности разбудила в Седельникове дремавшее в нём до поры до времени природное общинно-общественное начало. Он организовал одно из первых в Красноярске жилищных товариществ, мечтая о большем—возродить со временем на берегах Енисея прикрытое в 1917 году легендарное земское движение. На это благословил Седельникова не кто-нибудь, а сам Александр Исаевич Солженицын, с которым Сан Саныч однажды лично виделся и беседовал, когда великий писатель возвращался из Америки на родину, в Москву,—поездом через всю Россию.

А потом они время от времени переписывались и созванивались. С Сан Санычем и его очаровательной супругой Ириной Витальевной познакомились мы благодаря всё тем же «Русским вечерам», где он побывал однажды в качестве участника.

Запоздалое раскаянье

Стыжусь запоздало,
Что в юности много
Не отданных сразу
Наделал долгов.

Идею создания «Славянского дома» Седельников не только принял на ура, не только поддержал, но и полтора года ходил за нами, витающими в облаках устроителями, как нянька: составлял уставы и прочие мудрёные юридические бумаги, договаривался о месте и времени проведения наших мероприятий, брал справки, открывал счета—словом, делал всё для того, чтобы мы, ведя свои многочасовые философские дискуссии, небрежно покуривая и втихомолку поругивая его за «неоперативность» и неспособность оценить по достоинству всю меру наших талантов, могли бы воплощать потом в жизнь все свои неимоверные творческие мечтания.

Когда мы взялись с Сергеем за создание первой книги, которая должна была выйти под издательским грифом «Славянского дома», Сан Саныч своим единоличным распоряжением обеспечил нам доступ к казённому компьютеру возглавляемого им жилтоварищества и лично дал первые уроки компьютерной грамотности… Сознаюсь, что ни одна последующая программа, даже «Photoshop», не далась мне так тяжко, как эта первая—доброй памяти незабвенный русский «Лексикон»…

—Сан Саныч, а почему у меня экран гаснет?.. Я, наверное, нажал что-то?.. А почему у меня снова текст исчез? Нажать F1?.. А теперь что нажимать?

Но однажды, после нескольких первых уроков, я вдруг почувствовал себя вполне профессиональным «юзером»… И вот, закончив все наши телевизионные дела, каждый вечер мы с Сергеем приезжали на остановку «Затон», входили в заветную комнату, небрежно оттесняли от компьютера активистов жилтоварищества, составлявших для налоговой инспекции текущие финансовые отчёты, и—с головой, как спустя десять лет—в тёплые воды впервые мною увиденной Адриатики, с разбегу бросались в стихию стихов Мирослава Беловича—в русском, в сербском, в русском, снова в сербском вариантах…

Диалог

Ясная ночь:
Рандеву со звёздами,
Обучение языку вечности,
Диалог с небесами.
Всё меньше человек,
Всё громче тишина.

Со мною происходило примерно то же, что было описано в беловичевском «Диалоге со звёздами»: всё меньше становилась моя вера в себя как в талантливого редактора переводов, всё громаднее—фигура упорно не поддававшегося «редактированию» поэта. Я начинал понимать, что Белович—это не слишком-то управляемые «буря и натиск», что без знания сербского, по подстрочникам только, мне не понять нюансы и многозначности оригинала, а значит—и не суметь отшлифовать переводы Сергея, который, как всегда, с доверчивой надеждой смотрел на меня. И, параллельно с занятиями по компьютерной грамотности, начались «уроки сербского», которые взялся вести для меня Сергей. Где-то уроке на пятом я поймал себя на том, что невольно, безвозвратно (и, увы, пока—безответно) влюбился в этот язык: ласковый, как мать, нежный, как отрок, внезапно резкий, как удар кинжалом из-за угла.

—Ћутати—молчать, Ћутанье—молчание, тишина, безмолвие. Ћ—как наше „ч“, но гораздо мягче, нежнее…

—Может быть—безответнее?—острил я, перефразируя уже пропитавшие всего меня афористические строки стихов Беловича.

Дело пошло на лад, когда я уловил наконец, что главный, с точки зрения переводчика, парадокс Беловича как автора был в смешении почти домотканой простоты формы (несколько строчек, в каждой—всего по три, по четыре слова; сами слова—казалось бы, проще не придумаешь) и неимоверной философской глубины содержания этих «невзначай» оброненных вместе слов. Из столкновения знаков, на перекрестье слов—высекалась, как искра из кресала (как блеск скрещённых шпаг, как посвист разбойничьей пули), мысль; образы—теснили и убивали друг друга; стихи завершались на пронзительной, как музыка уходящего навсегда полка в «Трёх сёстрах», ноте; они как в пропасть полуобрывались—на открытии, на озарении. Поистине—это было то, «чего я раньше не знал о себе»… Это была—Поэзия. И ещё это был—Театр, приглашённый Беловичем со старомодным изяществом, вытащенный великим режиссёром с грубостью крестьянина-мачо, ласково выманенный им многозначными репликами а-ля Жан Ануй на подмостки поэзии…

Ещё совершенно не зная Беловича как театрального режиссёра, я начал вдруг понимать, что в театре он—мастер блистательных мизансцен и остроумных неожиданных финалов, обладатель оригинального, только ему присущего способа непочтительного порой, без ложного пиетета, но мощного прочтения классики; что его режиссура—это безусловный авторский деспотизм, замешанный на колдовской магии театра и постоянном ироничном, философски глубоком,

житейски оправданном смешении смешного—с трагическим…

Свадьба

Было море цветов
И света.
Венчались Ромео и Джульетта
На пороге семидесятого лета.
Невеста вся в белом сияет,
Грациозно вуалью играет.
Венчальное кольцо молодожёна падает.
Молодой резво наклоняется за ним
И—так и застывает, в поклоне.

Похороны

Вчера, на ранней заре,
Бывший великий Отелло
Предал свой дух и тело
Матушке-смерти.
Погребение было торжественным,
Весь Дом плакал.
Горше же всех—Она,
Игравшая Дездемону.

Телеспектакль

В гостиной актёрского Дома
Нет свободного места.
Сегодня премьера:
Дают «Малатесту».
Драма искусная, но затянутая.
В пятом акте задремали
Гамлеты, Дон-Карлосы
И чеховские Маши.
Грезят о цветах и премьерах,
О зрителях и овациях.
Сон возвратил,
Что старость украла.
(Зарисовки из Комарова)

Эти, о телеспектакле, стихи я потом, в какую-то минуту нашего последнего с Беловичем свидания, вспомню пронзительно-чётко, будто только что набирал их на стареньком «затонском» компьютере. Но это будет спустя десять лет, в 2004-м, а сейчас—я только-только сделал первые шаги к нему. Тема смерти, тема ухода, тема «другой—второй весны» («Друго пролече»)—пронизывает всё его позднее творчество. Но это я понял только потом, когда начал подводить первые итоги своих уже «первых вёсен», а тогда, в 1994-м, для меня гораздо явственнее было беловичевское жизнелюбие, его спокойный оптимизм, с потрясающей силой проявленный в одном из лучших, на мой взгляд, его стихотворений, точнее—фактически в нашей с Серёжкой книжке получившемся завершённом цикле из трёх стихотворений: «Открытие», «Предчувствие», «Завершение».

Открытие

Ночью приснилась мне смерть.
Не меньше вечности
Длился последний мой вздох,
В нём умирали все мои дни,
Моря,
Реки
И четыре времени года,
Всё, что встретил на своём пути:
Счастье, свидания и любимые глаза,—
Вся моя безумная жажда—жить.

…Вся моя безумная жажда—жить…

Общее, объединяющее всех художников мира, умение обрести в короткой мгновенной земной жизни почву, основание для своих бессмертных творений.

В книге Мирослава Беловича 1989 года «Зазирање од ноћи» («Страх ночи», «Предчувствие ночи», «Бегство от ночи», «Боязнь темноты»—точнее всего, мне кажется, перевести это не дословно, а по внутреннему смыслу: «В ожидании темноты» или «Сумерки подошли») две темы, как две подруги, идут всё время рядом: жизнь и смерть, солнце и тьма, далёкое «илиджанское» утро и поздний белградский вечер…

Равнозначное этому—«А смерть всё уходит—и всё не уйдёт из таверны», гениально переведённое на русский Гелескулом, строчка Федерико Гарсиа Лорки…

Лоркой я с институтской юности бредил, им запойно зачитывался, и, может быть, именно в тот самый миг, когда я вчитался, уже на сербском, в «Гранадский триптих Гарсиа Лорки» Мирослава Беловича, меня и настигло долгожданное озарение, внезапное понимание. Состояние свободного парения, чудо проникновения в чужие строки. То движение—сердца, ума, всех пяти известных учёным человеческих чувств, и—чувства шестого, известного только поэтам. То движение души, после которого мы, говоря словами сибирячки, русского поэта с шотландской фамилией Елизаветы Стюарт, «чужое слово в душу принимаем».

Гранадский триптих Гарсиа Лорки

1.

Пение в нашем дворе,
От ликованья до стона.
Тихо мне мама скажет:
«Это и есть—cante jondo».
На ресницах моих дрожат слёзы.
Моё сердце голосом стало.
Губы узнали слова
Ещё не написанных песен.

2.
Разбужено грубо утро,
Грузовик набит смертью,
Откос сочится росою,
Ожидание у края обрыва
Дольше, чем вечность:
«Разве
Это—последняя песня?
Разве будущего—не будет?»
Скомкался голос в горле.
«Наизготовку! Огонь!»
Cante jondo
Смерти.

3.
Под землёй снится смерть поэту:
Похожа на слепую гитару.
И я слышу его голос:
«Не приходи,—говорит.—
Обернись самой маленькой травинкой
И дождись ещё одного рассвета».

В те четыре месяца, когда мы работали над книгой, сошлось в одной точке всё: Белович, наша молодость, чужой и желанный компьютер, наша общая с Серёжкой любовь к театру, его фанатическая преданность Югославии и, наконец, простая человеческая любовь, которая меня внезапно в те же дни посетила. И даже свой новый дом, который я тогда невзначай обрёл и который надо было срочно обживать, не мог отвлечь меня от тесной комнатки в жилтовариществе на Затоне.

Если бы не Сергей, вряд ли бы я сумел так быстро стать пленником мира Беловича, стать подданным этого театрального королевства. Наши с Сергеем разговоры напоминали порой бред сумасшедших. Мы перебирали синонимические ряды, ища самое верное слово. Перебивая друг друга, вспоминали, какую клавишу на «компе» надо бы сейчас нажать. Вспоминали всех мировых драматургов, выясняя «родословную» беловичевских персонажей. И до хрипоты спорили, спорили. Спорили над каждым словом, над порядком слов, над размером, над интонацией и ритмом. А когда уставали, Сергей начинал свои бесконечные рассказы о Югославии—которую и видел-то он до этого всего один только раз, почти проездом, но знал и любил её наизусть.

Когда год спустя я приеду с ним в Белград, я то и дело на каждом шагу буду мысленно восклицать: «Дежавю!»—это уже было, было в те летние дни 1994 года, в тех спонтанных Серёжкиных лекциях-рассказах, которые я, оказывается, запомнил и знал. Да и я теперь не только знал Сербию, но ещё и умудрился мысленно, тем самым «шестым чувством», заранее понять и—в нужный миг—увидеть…

Может быть, этому тоже научил меня Белович—своим циклом «Города и люди», с которого мы и начали с Сергеем составлять эту первую в моей жизни книгу.

Слепой Боб

Труба слепого Боба
Зовёт небесных горнистов.
В Презервейшн-холле
Играют чёрные
Тоску Нью-Орлеана,
Цепи и галеры,
Праматерь Африку.
На полу народ хиппи
Погружается в своё изгнание,
Слушая трубу,
Которая зряча.

Свобода—то, что отличает художника от ремесленника, творца от обывателя. «Труба, которая видит»—такой дословный вариант перевода последней строчки приняли мы с Сергеем после долгого спора. Сейчас, когда я пишу эту книгу и перевожу Беловича заново—на персональном компьютере и в кромешном одиночестве,—я теряю дословную точность оригинала. Но ведь мудрость—это искусство терять, искусство отказываться от своих заблуждений и иллюзий (от «Госпожи иллюзии»!); в данном случае—от своего зрения: слепой Боб видит больше и дальше зрячих,—от своего видения. И—от своего прошлого?

Завершение

Сколько увидели мои глаза,
Сколько легло в мою душу,
Сколько запало в мою память,
Сколько—тьмы, и сколько—света…
Неужели всё это исчезнет,
Сгинув навсегда в ночи?
Сомнение сменяется пониманием:
Это—только репетиция спектакля
Накануне премьеры.

И всё-таки—жизнь продолжается, до той самой секунды—пока ты дышишь, чувствуешь, видишь этот мир. Пока ведёт тебя к этому последнему мигу Господь.

Этому учит Белович: по крайней мере, я научился этому у него—и у искусства, чрезвычайным и полномочным послом которого был он в этом мире. Как тот его голубь с площади Святого Марка (или—голубка? пытаюсь перевести эти строчки так, но возвращаюсь к оригиналу, хоть «голубица»—в русском эквиваленте стихотворения вызывает целую массу ассоциаций, вытягивает их, как нить из бабушкиного уютного рукоделья).

Голубь

На площади Святого Марка
Вдруг признал я голубя с Сены.
Он приснился мне потом в Альгамбре,
Я кормил его у Парфенона,
Подманивал к себе на Страдуне.

Маленький белый голубь,
Что повсюду на плечо ко мне всегда садится.

Месяца три-четыре длилась работа с текстами. Когда они шли — всё думалось: ну поскорей бы! Сейчас я их вспоминаю как едва ли не самое счастливое время в своей жизни. Жена все эти четыре месяца совершенно справедливо каждую ночь ругала меня за то, что полученная мною на излёте советской власти квартира — пятнадцать лет до того бывшая служебной — так и пребывает в стадии «предремонта». И на пару недель я всё же прерывал работу над переводами: надо было вскрыть и перестлать дома все полы, под которыми ночами гуляли, как по Невскому проспекту, крысы… Никогда не подумал бы, что сам, в одиночку, смогу с половицами совладать. Но, видать, крестьянское происхождение дало о себе знать: справился, перестлал и, будто на родину, вернулся на другую «служебную жилплощадь» — на Затон, к компьютеру, к Беловичу.

Между тем, как сон во сне, прошло учредительное собрание нашего «Славянского дома». Было оно на удивление многолюдным, затянулось на три-четыре часа. Когда владыка Антоний пару раз, оговорившись, назвал будущую структуру «Русским домом», разгорелись «прения». Сначала оживились махровые русофилы, из числа тех, что повадились до того анонимно звонить нам на прямой телеэфир и ехидно допрашивать меня: а разве Пастернак и Мандельштам — имеют право звучать в программе с гордым именем «Русские вечера»? Тут же в бой пошла и «оперативная конница» разных кровей и мастей, начавшая кричать об «опасности русского фашизма».

Я сидел и хлопал глазами: Господи, да при чём здесь всё это? Мы же говорим — о славянстве, мы же хотим развивать культурные связи! Интеллигентная (и — большая!) часть аудитории вместе со мной недоумённо пережидала «дискуссию».

Это была первая моя серьёзная публичная, «изнутри», встреча с так называемой общественной жизнью. С крикунами, с критиканами, с людьми, предпочитавшими делу — вербальные «мероприятия», в ходе которых они могли бы лишний раз заявить миру о своём существовании. Поскольку у приличных людей времени на пустопорожние разговоры никогда не остаётся, именно эта часть «общественности» всегда становилась членами правлений, президиумов (а ныне, наверное, и «общественных палат»). Или же — уходила потом вся эта горластая, без тормозов и без подлинных идеалов, публика в чиновники, благо там по определению следовало уметь бежать от конкретных дел и мочь вместо этого составлять красивые бумажки в виде отчётности за потраченные по своему усмотрению бюджетные деньги. Впрочем, красноярские чиновники — разговор особый и отдельный. Слава Богу, мне и в этой среде иногда везло и на приличных людей, людей дела, а — не слова (сиречь — вербального пустословия), на — настоящих единомышленников.

Но вернёмся из кущ общественной жизни к хижинам творчества, из «серого дома» на площади Революции — в служебное помещение на остановке «Затон». Переводы Беловича мы решили разбить моим текстом «от уредника», то бишь — от редактора. Вся книга заканчивалась письмом Беловича к Сергею, датированным вторым июня 1994 года. Мирослав в нём рассказывал о пятидесятилетии своей творческой деятельности, о желании своём и его супруги, актрисы Майи Димитриевич, приехать в Красноярск на наши I Славянские чтения. Как-то сразу из этого вежливого и делового послания вычленилась наособицу для меня одна фраза: «В последние годы рядом с Майей и мной было слишком много докторов — и мало поэтов». Тогда она не была ещё понятна той своей неизбывной тоской, которую испытывал Белович, видевший, как постепенно угасает его смертельно больная жена, тоской, о которой мы постепенно будем узнавать после знакомства. Но что-то в этой фразе нас зацепило, отозвалось тем самым колокольчиком, который всегда звонит — и по тебе…

Надо было теперь издавать книгу, которую мы сделали, — её автор через несколько месяцев должен будет взять её в руки… Боже, и как меня угораздило ввязаться в эту историю?..

Потом уже, годы спустя только, начну я постигать его творческую лабораторию. Пойму, к примеру, что последние, предсмертные, по существу, сборники Беловича были все решены в жанре хокку (хайку). Собственно, он всю жизнь шёл к этим великим философским трёхстишиям, к философскому и эстетическому жанру далёкой Страны восходящего солнца. Они как нельзя лучше отвечали режиссёрскому началу, пронизывавшему и всю предшествующую поэзию человека, теперь уже лишённого театра, а вскоре — почти неподвижного. Ведь ещё читая «раннего позднего» Беловича, то и дело натыкаешься на короткие, скупые (но не скудные!) зарисовки, экспликации, в одной-двух мизансценах выражающие самую суть конфликта, суть и вектор действия. Один из рецензентов Беловича, доктор Радослав Йосимович, очень точно отмечает два основных состояния беловичевского лирического героя: статику и движение, — и их взаимопроникновение (их взаимозависимость и — взаимозаменяемость, наверное?).

Потому—как и любой мастер—Белович смело и мастерски использует опыт японских мастеров пятистиший (танка или вака), трансформируя их в сугубо «беловичевские» формы. Переход от свободного использования традиций танка к творению в жанре хокку в его творчестве оказался созвучен такому переходу в самóй японской поэзии, где школа хайкай выросла из школы вака.

Белович—интернационален, всеяден, совсем в русских традициях (или—«в традициях искусства»?), будучи открыт—и Лорке, и японским мастерам, и великому уроженцу Стратфорда-на-Эйвоне, конечно.

И всё это—можно было узнать мне уже тогда, в году 1994-м… Столько времени—потеряно почти что даром…

Кружево

Теперь во сне
Перебеляю черновики,
Делаю работу над ошибками,
Исправляю жизнь.
И начинаю заново—
Ещё хуже,
Ещё горше,
Ещё мучительнее.
Пытаюсь разминуться
И с днём, и с ночью,—
С собой,
Со своей судьбой,
Сплетённой
Когда-то.

…Между тем после решения всех формальных проблем, связанных с учреждением и регистрацией, наш «Славянский дом» начал потихоньку обживаться. Нам фантастически, безумно повезло: если бы не стояли тогда во главе краевого телевидения и краевого управления культуры два удивительных человека, ставших нашими снисходительными и заботливыми опекунами, не было бы тех нескольких неправдоподобно прекрасных лет.

Едва ли не впервые за последние годы—волнуюсь перед девственно белым листом бумаги на экране моего «компа». Не раз рассказывал о том, как создавался легендарный «Славянский дом»,—в интервью и в релизах в связи с фотовыставками, презентациями и проектами последних лет, ещё чаще—новым друзьям и коллегам, в качестве примера того, как можно на пустом месте дом построить, почти из ничего, если не считать, конечно, интеллекта, энтузиазма и знаний многих его известных и неизвестных создателей (и как можно—легко, в одночасье—остаться без этого дома, «приватизированного» людьми, которые и жить-то в нём не собирались…). А вот поди ж ты—сейчас трудно мне этот рассказ начать.

Может быть, потому, что слишком много дорогого и незабвенного с этим связано—столько людей, столько встреч, столько творчества, столько счастья?.. Или просто понимаю, что, помещённый на сей раз уже средь солидных книжных страниц, рассказ этот, видимо, переживёт и меня, и всех других людей, которых я с гордостью числю среди создателей «Славянского дома»?..

Это сродни ощущению, испытанному мною вчера. Взял перед сном в руки томик Георгия Иванова—из серии «Литературное наследство» того ещё, советского, перестроечного года издания, 1989-го. И вдруг, среди сладкой боли от стихов, написанных им о навсегда потерянной России (и эту утрату он сознаёт не сразу, не вдруг. Вот—ещё надеется вернуться… Вот—ещё со слегка ностальгической, но светлой (печаль—светла) иронией вспоминает Неву и Мойку… Вот—как будто уже начав понимать что-то, предчувствовать—проклинает и клеймит «тулупную» и страхом полную родину… И вот—рождает, как русская баба рожает на поле летом, в боли и страдании раскинувшись на чернозёме,—рождает с уже ностальгией и временем анестезированной тоской, не пишет—впечатывает на века чернилами в лист бумаги гениальную строчку: «Мы жили тогда на планете другой…»), среди той ненависти и любви, которой окутана, как шелками упругими, блоковская Незнакомка-Россия в его стихах,—обнаружил я вложенный в томик между страниц листок, невесть как в книгу попавшее, написанное тогда же, двадцать почти лет назад, своё письмо, так до адресата никогда и не дошедшее… Сколько бывшего и пережитого, забытого было уже и—всё ещё, оказывается, тлеющего под пеплом памяти моей,—всколыхнулось во мне в эти минуты… Другой, молодой и полный веры в жизнь, с душой, широко распахнутой миру,—будто в том самом, в стихах Георгием Ивановым трагически вспомянутом «Тринадцатом году», без знания и понимания того, что надвигалось тогда на Россию,—другой человек это писал, не я, хоть и звали его так же, как и меня сегодняшнего. Видно—и мы тоже жили тогда на другой планете…

На планете другой

Итак, если бы не два человека—изгнанные, выброшенные, вытесненные потом «генерал-губернатором» Лебедем и его сподвижниками с постов, которые они занимали по полному праву (в отличие от пришельцев, совершавших свои «операции» на завоёванной территории «живьём», без всякой даже видимости анестезии),—если бы не начальник тогдашнего управления культуры Красноярского края Геннадий Рукша и не генеральный директор тогдашней красноярской гостелерадиокомпании Валерий Коротченко (потом к ним добавится ещё один прекрасный и очень порядочный руководитель, тогдашний начальник краевого управления

профтехобразования Анатолий Таюрский) — не было бы ни «Славянского дома», ни наших потом с Сергеем поездок в Югославию, ни фильмов, ни встреч, да и страниц этих тоже не было бы.

Но сначала — было начало. С Серёжкиной идеей создания «Славянского дома» мы пришли к Галине Максимовне Шлёнской.

Шлёнская и другие учители

…Только с годами, сами начавши учить — по праву опыта и по прихотям возраста — других, юных и бесстрашных (совсем таких же глупых и наивных, какими и мы с вами были когда-то), ощущаем мы вес этого слова: учитель. Учитель, то есть не обязательно тот, кто — с педагогическим дипломом, не непременно — на ставке преподавателя вуза, но всегда — с высоким к этому призванием. Мне, как и многим красноярцам моего поколения, поступавшим на единственный тогда во всём миллионном почти городе филологический факультет, безумно повезло в жизни. Единственный филфак — он и «преподов» собрал уникальных, штучный, что называется, товар.

Учителей у меня было много, начиная с самого первого и до сих пор с трепетом душевным и с безмерной благодарностью вспоминаемого — нашего куратора, фронтовика Адриана Георгиевича Григорьева. Он читал нам самый первый вузовский лингвистический курс — «Введение в языкознание», он ввёл нас и в другие, ох как «по жизни» потом пригодившиеся предметы: учил знать классическую музыку и правила хорошего тона, учил уметь работать в библиотеке и следить за журнальными новинками, учил он нас любить своих учеников и быть доброжелательными и ровными в общении со старшими. Именно его я должен благодарить за инстинктивные теперь уже, наверное, во мне — как и во всех других его студентах — вещи: за стремление быть порядочным и в мыслях тоже, за брезгливость по отношению к плагиату, к подлости, лицемерию. И ещё — он был первым в моей жизни человеком, который сказал мне, что из меня «выйдет очень неплохой, своеобразный журналист, а может быть, даже — и писатель»… Сказал на основании одной-единственной, мне самому показавшейся очень слабой, случайной (о чём была она? Бог весть…) заметки в нашу студенческую вузовскую газету. Грешным делом, я тогда безмерно удивился — и Адриану Георгиевичу даже как-то и не поверил, хоть и приучен тогда уже был верить этому человеку во всём, даже в самой мелочи. (Это, наверное, и есть безошибочная примета того, стал ли человек для тебя настоящим, с большой буквы, Учителем: ты во всём ему веришь, ты под сомнение не ставишь ни единое его слово, ты слепо, для себя самого незаметно — и к безмерному веселью окружающих — копируешь его интонацию, заимствуешь его любимые обороты и словечки, манеру мышления… Ты во всём стараешься хоть немного — да походить на свой идеал, на своего — в прекрасном смысле этого слова — кумира…) Именно к нему я пришёл, когда партийное руководство вуза для меня, круглого отличника, закрыло путь в аспирантуру одной-единственной, на самом последнем, но — по научному коммунизму (!) госэкзамене, поставленной тройкой, а затем — направило работать в глухую деревню.

— Что же делать, Адриан Георгиевич? Неужели — ехать?

— Да, ехать — и возвращаться! Это тебе — испытание, которое надо выдержать и с умом использовать. Надо начинать взрослеть, Геннадий…

И в других таких вот ситуациях приходил я к нему — ничем мне уже вроде бы не обязанному — и просил совета или помощи, и ни разу он ни в чём мне не отказал.

…Адриан Георгиевич умер через несколько лет после того, как наш курс выпустился. До сих пор мне больно и горько оттого, что я не смог быть на его похоронах (потом эта горькая история повторилась ещё и ещё раз — поздно узнавал, не успевал, и кусал локти, и вспоминал, вспоминал потом…). Коммунист и, наверное, формальный атеист при жизни — если слышите Вы сейчас, дорогой мой Учитель, там, за гранью земных мук и забот, эти слова, если доступны Вам речи одного из многих Ваших, может быть — одного из не очень случайных Ваших учеников, — отсюда, из далёкого от Вас двадцать первого века, я шепчу Вам: спасибо за всё, Адриан Георгиевич, я помню все Ваши уроки, я стараюсь, Учитель, и сейчас, вступив уже в Ваш — казавшийся нам тогда таким огромным (!) — возраст, оставаться тем «талантливым и неформально мыслящим студентом», которому Вы доверяли и в будущее которого верили. Я и сейчас стараюсь никогда, ни за что, ни в чём не подвести Вас…

…Каждый из них оставил в душе моей свой зримый и незримый след.

Валерия Калистратовна Размахнина — блестящий лектор, любимица студентов, надо мною взявшая шефство и оберегавшая новоявленного «декадента» (слово «диссидент» в 1974-м в партийно-советско-кагэбэшный оборот ещё в полной мере не вошло, по крайней мере — до нашей провинции не докатилось…) от расточаемых ему «правильными» преподавателями тычков и затрещин. Нелли Александровна Новосёлова — умница, подарившая мне любовь к фольклору, давшая первый урок написания «научной статьи» (Боже! — самому теперь это вспомнить смешно: но ведь — это было самое начало!..) и подарившая мне однажды томик Тютчева, с которым я всю свою послешкольную, от-вузовскую жизнь, уже сорок с лишним лет, — не расстаюсь никогда…

Но и среди самых любимых преподавателей были самые-самые любимые. Те, которые вошли в жизнь твою надолго, органично стали частью твоего внутреннего мира — как и ты, наверное, для них тоже. Учитель и ученик — тоже ведь история любви, со своими триумфами и падениями, с ревностью и счастьем, с ненавистью или с постоянством. Таким учителем стала и для меня (а потом, через пятнадцать лет, — и для Сергея) Галина Максимовна Шлёнская. Сергей любил иронически подтрунивать: «Тебя учила доцент Шлёнская, а меня — профессор Шлёнская! Есть разница?..»

Разницы, на мой взгляд, не было. Пожалуй, ни об одном преподавателе на нашем курсе так много, порой — с пеной у рта, студенты не спорили. Впрочем, и сейчас, общаясь с её студентами «образца 20... года», я вижу, что спорят о ней по-прежнему не меньше. Ещё одно неоспоримое свидетельство того, что — личность, и личность незаурядная! Были у нас и такие преподаватели, о которых не спорили никогда. N., вычитавшая нам весь курс русской литературы девятнадцатого (!) века по своим конспектам едва ли не пятидесятых годов прошлого столетия («Белинский — выдающийся революционный демократ и лучший российский критик»), или — одна её коллега, свой «теоретический» курс также буквально прочитавшая нам, не отрывая от листов глаз, по своим «теоретическим» конспектам. То, что и этот курс нам придётся изучать самостоятельно, было ясно абсолютно для всех — и об этом мы тоже не спорили...

Итак, Шлёнская, Галина Максимовна... 1932 года рождения, русская, представительница полуопальной династии Костриковых, более нам известных по фамилии самого знаменитого этой фамилии представителя, блестящего большевистского трибуна, известного, в свою очередь, под партийным псевдонимом — Киров (во избежание неминуемых проблем после загадочного убийства трибуна в 1934-м, отец Галины Максимовны в паспортах ухитрился две буквы изменить, и получилось вместо Костриковых — Кастрюковы). Видимо, наследственным был тот совершенно невероятный дар устного слова, которым Галина Максимовна в полной мере владела и владеет. А прибавьте к этому феноменальную память: всю поэзию Серебряного века и русской эмиграции, всю «русско-советскую» двадцатого столетия, все имевшие к ней отношение мемуары и критические разборы помнить, на лекциях, в беседах, в машинах и в автобусах — «с лёту» цитировать без всяких листов и записей — к неописуемому восторгу благодарных и уже очарованных Словом студентов... Можно ли было не любить поэзию, учась у Шлёнской?

В Сибирь, в Красноярск, она приехала из Барнаула, где тоже заведовала кафедрой после блестящего окончания Томского госуниверситета и блестящей же защиты диссертации по «лирической прозе» ещё одного советского «декадента» — Владимира Солоухина. Точнее — вынуждена была приехать: с выговором в карточке партучёта «за утрату политической бдительности», взявшая на себя вину за коллегу по кафедре, читавшего вслух запретные сочинения опального тогда Солженицына.

Шутка из времён её более позднего блистательного же преподавания в течение нескольких лет в Пражском университете: когда диссидентствующие её друзья-чехи спрашивали: «А как вы в Сибирь попали, Галина?» — она с улыбкой отвечала: «Как все...» Живо помнящие сталинские репрессии и ссылки чехи из Общества чехословацко-советской дружбы отвечали: «Всё с вами нам теперь ясно, Галина...»

Шлёнская. Блестящий знаток русской дореволюционной и послереволюционной поэзии, великолепный педагог, кристальной нравственности человек, мечтатель, энтузиаст, друг надёжный. С нею мы и начали «Славянский дом» — поднимать. И — подняли!..

Через несколько месяцев — прошли I Славянские чтения в Красноярском крае, и приехали на них — Мирослав и Майя...

У одного из отцов-основателей сербского национального театра Маты Милошевича читаю статью о «Беловиче — режиссёре и песнике (поэте) югославянской сцены». Милошевич пишет, что одно от другого почти неотделимо. Вторая статья из этого же прекрасного сборника, о миссии Беловича в театре, — и снова о его поэзии, неотрывно от его судьбы, от — миссии.

Белович, знавший актёра и любивший его, знавший театр весь, наизусть («как трагик в провинции — драму Шекспирову»), — воспел и запечатлел его поэзией. А в поэзии — он продолжал свои режиссёрские эксперименты, свои искания. Поистине — свою миссию... Перефразируя самого Беловича, «поэзия моя стала сценой», где осуществлял он, полновластный, свои монодрамы. От сонетовых, шекспировских четырнадцати до — его Фудзиямы, до последних его, предсмертных (до — ночи, наступления которой он так трепетал с усмешкой) хокку, хайку...

Йован Чириллов, выдающийся югославский «человек-театр» (режиссёр, критик, театровед, драматург, с которым познакомил нас однажды Белович, и — ничегошеньки не записал я после этого вечера, простодушный Кандид!), друг его и соавтор, начинает своё блестящее эссе в сборнике примерно так: можно было бы сказать, что для театра Белович-режиссёр — всё равно что пророк или человек на пути к святости, можно было бы так сказать, не иди речь о театре, не слишком-то обычно соизмеряемом с делами церковными...

Великолепный сборник, подаренный мне Мирославом в 1995-м, с гордостью и — по-королевски щедро (примерак, тираж — всего пятьсот

экземпляров…), который открыл я по-настоящему только сейчас. О, что за проклятая суетность, человеческая небрежность моя!

Сборник, ставший — по существу — итоговым авторезюме для культурной, для художественной Югославии его пути, его вклада, его — подвижничества… Одно утешает — последние строчки его «автобиографии», почти пижонское: «Остальные сведения о нас с Майей — в моих постановках и в моей поэзии». И вот, посыпав свою уже тоже далеко не молодую голову в очередной раз пеплом, продолжаю разговор с Мирославом, продолжаю читать и переводить…

Из афоризмов Беловича о театре (и не только театре: это целый раздел, целый жанр его жизни): «Если бы не было Гамлета, миром правили бы Розенкранцы и Гильденстерны».

У него многие образы, многие мифы, многие персонажи театра — как знаки — повторяются, растут, меняются, как сама его жизнь, в конце — завертевшаяся как калейдоскоп. Уж он-то этот бег времени — сквозь пальцы всё быстрее — чувствовал как никто ясно и сердцем — режиссёр, поэт. А ведь с годами — я теперь тоже это знаю — время убыстряется со страшной силой. Видишь — а сделать уже ничего не можешь, единственный способ время остановить — запечатлеть его, зафиксировать (проклятье Фауста: «Остановись, мгновенье…»). Недаром слово «меняется» — такое частое, почти навязчивое у него в стихах. Метаморфозы, Протей…

Театр…

Снега Илиджи

В детстве время тянется как бесконечность. Мы так долго, так бесконечно долго ждём: когда же оно наконец наступит, это «завтра»? Завтра, когда мы с братом снова пойдём в зоопарк. Когда с отцом поедем — только вдвоём, только мы, двое мужчин! — на рыбалку. Завтра, когда мы с друзьями наконец-то отправимся на поиски старинного клада…

И в какой-то день мы забрасываем все клады и всё ищем — и никак не находим — усы на своём мальчишеском скуластом лице. Мы всё ещё — маленькие, мы всё ещё — небольшие. А потом, рано или поздно, это «завтра» внезапно наступает.

«Может быть, этой ночью всё это и случится — бессмертье и чудо смерти?..»

Мы за одну ночь выросли из своих костюмчиков и платьев, и нам мешают наши руки и ноги. Мы, сами того не поняв, встали взрослыми. (Может быть, кэрролловская и такая театральная «Алиса» — как раз про это, про драму взросления, переселения из мира детства в эту кажущуюся такой странной и неправильной взрослую жизнь?)

И после этого дня или этой ночи мы — перестаём замечать время, нам абсолютно не до него, мы слишком заняты своими приключениями и открытиями в новом мире, а потом в нём — самоутверждением, а потом — потом мы начинаем заботиться о том, как бы удержаться, как бы не выпасть из этой колесницы. А потом, потом… Потом — время перестаёт замечать нас.

И мы снова физически ощущаем его бег, только сейчас — это совсем другое, чем в детстве, неспешное — и запыхавшееся, медленно-тягучее — и загнанное, и — нас загнавшее время. Только сейчас — с каждым днём оно бежит всё быстрее и быстрее. Поезд, который нам уже не догнать.

Оно уже бежит мимо нас, оно уже бежит — без нас, оно уже бежит — с другими. И мы понимаем, как недолго, как несправедливо, как ничтожно мало нам осталось.

Мы, за одну ночь растратив всё, как Дмитрий Карамазов с Грушенькой в полуночном трактире, — мы понимаем, что мы — нищие. И начинаем судорожно беречь каждую копейку, оставшуюся у нас, каждый рубль, динар, каждый ломаный грош, каждую медную полушку и каждое евро. Каждый час, каждый месяц, каждый день, каждый рассвет и каждый закат.

Но мы — к счастью: «О, милосердная смерть!» — мы не знаем хотя бы того, какой же из этих закатов однажды станет последним.

Предчувствие
Того последнего дня,
Когда время оставит меня.
Пусть будет чистый голубой небосвод.
Нет, пусть будут звёзды.
И будет нелегко
Завершать
Путешествие,
Земные гастроли.

Как же тоскливо и одиноко ему было в этих стенах на Врачаре, в его квартире, номер которой он дал однажды во сне очередной туда проскользнувшей веверице, белке… Под портретом, запечатлевшим его на самом пике его свершений.

Трагичен не Дориан Грей — трагичны мы, день изо дня вынужденные смотреть на свои неменяющиеся (вот где — настоящий-то ужас!) портреты.

Два стихотворения из двух книг.

Одна — изданная в городе Валево, «Боязнь ночи», 1986-й.

Пастораль

В семейном кругу —
Листаю снимки,
Листаю года.
Голова идёт кругом
От превращений,
От себя —
Знакомого
И незнакомого,
От того,
Что сам с собой сотворил.

Другая, которую я уже в эти дни, готовя другую рукопись, для себя открываю,—«Снега Илиджи», 1996-й. Илиджа—это городок его детства. Как я понимаю, для нас, его—уроженца Илиджи—читателей, это по-русски могло бы прозвучать примерно так: «Снег детства», «Снега детства», «Снеги детства».

Разглядываю старые снимки.
Изумляюсь себе!
Что это было?
Кто-то из младших братьев?
Один из рассветов?
Звон колокола однажды?
И чистота нарцисса?
...Кем крадётся к нам жизнь?

Дословно, у Беловича: «Кто крадёт нам *у нас* жизнь? Кто дарит её, украв, вырвав из лап вечности? Кто крадёт её потом у нас? Вечность? Мы сами?» («Тренутак или вечност...»)

...Тренутак или вечност...

Нет, не снег детства—по-русски это звучит немного упрощённо. Снег—из детства.

Может ли быть что-то более эфемерное и в то же время—такое памятное (на слух, на ощупь, на взгляд и даже—на вкус...), чем—снег?

Лучшей метафоры детству не найти. Снег из детства. То, что вернуть вдвойне—невозможно.

Встретил во сне
Заплаканную белку.
Дал ей
Номер нашего домашнего телефона.

Снег, который тает мгновенно, как само детство.

Но ведь детство—оно всю жизнь с нами? Мы возвращаемся в него, мы живём и растём—из него. Мы всё время потом, всю свою взрослую, настоящую—якобы—жизнь окунаемся в него—как в сон, как в любовь, как в спасение, в ласку матери.

Сон меня провёл
Сквозь все времена года:
Вскарабкался по черешне,
Плавал в тёплой речке,
Рвал виноград,—
И долго валил снег
С белого неба.

Он не тает никогда, снег из нашего детства.

Он тает на наших ресницах в тот миг, когда мы умираем.

И падает на них вновь, когда последний наш дом—домовину, когда тело, в котором мы так долго и так нелепо существовали, на руках понесут зимним полднем из квартиры на Врачаре...

И этот снег уже не растает, потому что это—другое сияние, потому что это—другой, это—ослепительно чёрный снег...

Два стихотворения. Первое—когда ему не было ещё и шестидесяти. В тот тяжкий для любого мужчины промежуток после пятидесяти, когда диагноз уже поставлен: вы больны старостью, это серьёзная болезнь, и неизбежный итог её—смерть. Но для вас, мой друг,—благодаря новейшим и очень эффективным лекарствам (любовь, театр, поэзия)—для вас исполнение приговора будет отложено. На некоторый, достаточно неопределённый срок...

Второе стихотворение было написано, когда ему было уже почти—семьдесят. Когда болезни нахлынули, когда уходила на его глазах из их общей, такой уютной и насыщенной жизни его любовь—Майя, когда театр, любимый его театр, оставался уже за стенами его квартиры, остался—за «горизонтами дня»...

И он уже не винит себя за то, «что с собой сотворил». Оно, сотворённое самим с собой,—эта жизнь—уже в прошлом.

Что это было?

Кто это был?

Когда стали стареть не портреты, а мы сами?

И—«кто крадёт для нас жизнь» (которую придётся вернуть однажды), то есть то, что мы и назовём потом собой?

Тогда я был дитя.
Но я был всем:
Маленьким человеком, рекой и цветком,
Деревом, которое выросло,
И берегом под солнцем.

(Наверное, под влиянием его стихов я однажды, когда от меня самого уходила—уходила бесконечно быстро, мгновенно и навсегда—любовь, набросал эти вот строчки:

Распахни своей памяти пухлый альбом.
Фотографий, случайно оставшихся в нём,
Лиц, событий и судеб—немало:
...Это—было тогда, в старом городе том.
...Это—позже...Чуть раньше... Мы снова вдвоём.
...А вот здесь—меня старость застала...)

И Белович, запертый в стенах своего Врачара, вспоминает снега Илиджи, самое в жизни светлое и чистое. И спрашивает себя только об одном. Когда мы поняли наконец, что мы—живём? Когда же мы ощутили себя не неотъемлемой частью природы (= вечности), а—самостоятельным её субъектом? Когда мы оторвались от детства, как Антей от земли,—и потеряли его навсегда, начав—жить? То есть—приближаться к её, жизни, концу...

Певец

Пою—подрастает жито,
Пою—наливается яблоко,
Пою—приближаюсь к смерти.

Но вернёмся туда, в мой счастливый и безвозвратно ушедший от меня, вернёмся снова в тот далёкий 1994 год.

Белович… Точнее—книга ведь уже была написана и ждала печати, а затем и своего автора—в год 1995-й… Мы набирали её заново, уже в какой-то другой, тогда—немыслимо сложной для меня, программе вёрстки, скорее всего—в допотопном теперь для наших дней «Пейдж Мейкере»,—вместе со штатным верстальщиком и компьютерным богом КГТРК Димой (фамилии—не помню, помню только—проворные уверенные пальцы, усмешку в глазах, какое-то тайное знание—того, вероятно, чего мы с Серёжкой не понимали тогда…); мы набирали её и печатали совсем как настоящую книгу… На КГТРК-шном принтере, тиражом—аж двадцать пять нумерованных экземпляров.

Д*и*Н ПЕРЕВОД

Мирослав Белович

Оставь мне эту маску

(Из книг: «Снега Илиджи», «Заповедник знаков», «В ожидании темноты»)

Перевод с сербского Геннадия Малашина

Трансформация

Благодатная сила забвения…
Трагедия, превращённая в фарс,
Беспамятство—с послушными лицедеями,
Благодарными
За шутовские костюмы.

Трагикомедия

Попался в капкан хорошего тона:
Попробовал прыгнуть выше головы.
Зря:
Только язык прикусил.

Смерть актёра

Умирает актёр,
Трепеща перед последней ролью.
Как сыграть покойника—
И успеть выйти на поклоны?

Мой театр

Душа моя стала сценой.
Занят в главных ролях и в эпизодах,
Трагедию обращаю в комедию,
Комедию доигрываю до фарса.
Забавная выйдет эпитафия.

Мольба

Не презирай моё актёрство,
Им спасаюсь от страха смерти.
Оставь мне эту маску,
С ней живу двумя жизнями,
Одна из которых—твоя.

Пробуждение в Дубровнике

Пробудился город вокруг меня,
Для себя,
Для друзей,
Для желаний земных и небесных,
Пробудился для того, что—будет.
Пробудился для вечности,
Не для короткого мига,
Пробудился для слова и для молчания,
Пробудился для тех,
Грядущих…

Оптимистическая комедия

Каждое утро
Разыгрываю утреннее представление:
Наклоняюсь
За воображаемой подковой,
Кладу её
В отсутствующий карман
И шагаю дальше походкой счастливого
Человека.

Удел ряженого

Ещё одна сумасшедшая ночь.
Ещё один бокал вина.
Смешались
И города,
И маски,
И сны.
Скорей бы уж время
Вправило себе сустав.
Тру спозаранку глаза:
Приснился февраль.

Беседы со старой маслиной

Беседа первая

Поделился с маслиной
Мифами о себе
И всем, в чём запутался.
Она отдарилась
Своим терпением
И умением
Держаться до конца.

Беседа вторая

Мои печали
Погружают меня
В хандру и слёзы.
Маслина забирает мою тоску,
Укладывает спать на крепчайшую свою ветвь
И укачивает меня
Руками прабабушки.

Беседа третья

Нынче выглянуло солнце,
Хочет пособить беседе,
Но зря старается.
Воспоминания растревожили купол ветвей,
Клонят их к земле,
Разлучают самые древние из них
С грузом бесполезных надежд.

Песня

Ткутся ль песни из снов
Невнятицей колыбельной?
Стихи—из букв и из слов,
Предельностью дня—предельных?
И ночью, и днём,—вот жалость-то!—
Где б песня ни рождена,—
В пылающем хворосте августа
Сжигает прохладу сна.
Нет лучше стихов—чем молчание,
Об этом шепнул мне ветер.
В нём птиц перелётных дыхание
И первый осенний вечер.

Метаморфозы

Сон меня превращает в пугало—
Ночи напролёт отпугиваю птиц.
День меня превращает в птицу—
День-деньской шарахаюсь от пугал.

Ожидание

Дождусь мгновения—
И всё станет простым
И навсегда понятным.
Будет это
Началом молчания,
Не речей.

Выход

Долго смерть со мной кокетничала.
Не выдержал—
Предложил обручиться.
С тех пор так и шагаем по жизни,
Рука об руку,
В ожидании
Венчания.

Колокола Дубровника

Звон древних звонниц—
Не по тебе, не по мне,
Не по тем, которые были,
Не по тем, которые будут.
Звонят колокола—будто любят,
Ждут,
Страдают в разлуке.
Звонят колокола—
Сотворяют Дубровник.

Больница

Придумаю весну—
И побреду по ней.
Придумаю всё:
Шаги,
Белые деревья,
Кого-то,
Кто ждёт меня…
…Отсрочу старость,
Обгоню сам себя
С усталой усмешкой.

На Карловом мосту

Застыла чайка,
Застыла река,
Застыла мысль.
Чужой туман,
Чужой мост,
Чужая душа.
Вижу море,
Вижу маслины,
Вижу родину.

Иллюзии

Молчала ты,
А я подумал—
Что от счастья.
Смеялась ты,
А я поверил—
Что от радости.
Ушла ты,
А я сказал себе—
Что ненадолго.

Юрий Беликов, Олег Попцов

Отлучение от леса

Его узнают на улицах, и, несмотря на то, что он «давно отошёл от дел» и встретил своё восьмидесятилетие, к нему по-прежнему подходят знакомые и незнакомые люди, считая его едва ли не единственным, могущим оказать содействие и помощь. Всё как в его же рассказе «Без музыки»: «Он многое мог, он был влиятельным человеком. Даже в его затворничестве угадывалась молчаливая сила».

В квартире Олега Максимовича стоит обычный телефон, а не «вертушка», но время от времени, словно соперничая с боем старинных часов, он прорезается «неотложными» звонками, казалось бы, далёкими от государственных дел. Допустим, по поводу остановки лифта в доме. Однако хозяину квартиры — по стародавней привычке, когда «он многое мог», приходится, невзирая на то, что он сейчас пишет «книгу жизни», отвлекаться на собственное участие в «реанимации» лифта. И вправду: кто, если не Попцов?..

Мы пьём чай с яблочным вареньем.

— Я обожаю эти коричневые яблоки, которые не развариваются, — замечает Олег Максимович. И не без гордости уточняет: — Они в моём саду растут. Берите варенье, накладывайте на блюдечко. Эти яблоки я сам собираю…

Яблоки его дружбы… Например, с академиком Евгением Максимовичем Примаковым, между прочим, ещё до его премьерства, шефом советской разведки, и писателем Виктором Петровичем Астафьевым, который во всех биографических анкетах в графе «Воинское звание» указывал неизменное: «солдат». Примакова несколько часов кряду мой нынешний собеседник уговаривал выдвинуть свою кандидатуру в президенты России. Не удалось. А что, если б уговорил?..

С Астафьевым поступил примерно как Вергилий с Данте. Будучи во время одного из писательских съездов в гостинице «Россия», которой сейчас уж нет и в помине, бредя по её затяжным, причудливым коридорам, вдруг разглядел: подложив под голову папку и шарф, прямо на полу спит Виктор Петрович.

Оказывается, человек заблудился в «России», ходил-ходил, а собственного номера так и не нашёл. Вот и решил прикорнуть… Олег Максимович поднял будущего классика и повёл заколдованными гостиничными кругами. Нужный номер они отыскали… Потом в журнале «Сельская молодёжь», который редактировал Попцов, начала печататься с продолжением знаменитая астафьевская «Царь-рыба».

А если бы не разглядел и не поднял?.. Кто знает, может, и «Царь-рыба» ушла бы на свою непредсказуемую, молчаливую глубину?

— Олег Максимович, вы пишете сейчас новую книгу с парадоксальным названием — «Жизнь вопреки». Возникает вопрос: это было вашим неосознанным качеством, которое со временем переросло в осознанное? Или вы однажды выбрали единственную линию поведения и следовали ей на протяжении всех перипетий судьбы?

— Жизнь не выбирают. Она либо есть, либо её нет. Однако так уж сложилось, что с самого начала самостоятельной моей жизни всё опрокидывалось. Я любил и люблю три вещи: море, лес и горы. И после окончания школы хотел поступить в мореходку. Но сел не в тот трамвай. Смотрю: еду куда-то не туда. Что такое?.. А этот куда идёт? Оказалось, к Лесотехнической академии. Вышел у академии. Старейший, второй после университета вуз. Создан ещё в начале девятнадцатого века, когда утвердилось понимание, что главное богатство Российской империи — лес. Итак, лес вместо мореходки. И это было первым моим «вопреки».

И вот я уже заканчиваю лесохозяйственный факультет и снова еду… На сей раз — на практику в Краснодарский край, помощником лесничего. Но был я человеком заводным. Учась в академии, придумал сатирическую газету. Она называлась «Сачок». И за это получил свой первый выговор. Тогда я создал сатирические газеты на всех факультетах. А потом — общевузовскую газету «Баня». И когда приехал на практику, то и здесь решил организовать театральный кружок. Но тут — звонок. На том конце провода — ректор академии: «Собирайся и немедленно приезжай в Ленинград!» Я возвращаюсь. Захожу в кабинет ректора. Смотрю: сидят три человека. И говорят: «Товарищ Попцов, скоро выборы, и мы бы хотели избрать вас секретарём комитета комсомола Лесотехнической академии». Я — про диплом. В ответ: «Мы слышали, что вы вступили в партию?»

Так я стал комсомольским секретарём академии. И это было вторым моим «вопреки». Я перенёс сдачу диплома на год. Через год защитился на отлично. Знаю, что меня ждут в Тихорецком лесхозе. И я полон желания там работать. Однако меня вызывает первый секретарь Ленинградского обкома комсомола Вадим Саюшев: «Есть мнение, чтобы вы перешли на работу в обком комсомола». Я всячески начинаю отбрыкиваться. Тем более что, как сказал мой научный руководитель: «Ещё два месяца — и у тебя готовая кандидатская диссертация!» Но Саюшев: «Двадцать восьмого числа вы выходите на работу!» Двадцать восьмого числа я на работу не выхожу. Через четыре дня меня вызывают на бюро обкома комсомола и объявляют выговор с последующим резюме: «Завтра чтоб быть на работе, иначе мы поставим вопрос о вашем пребывании в партии!» На меня грузят студенческий отдел, замыкают на мне все вузы. Я работаю, хотя меня, сам понимаешь, ждёт лес…

— Прямо-таки по пословице: сколько волка ни корми, он всё равно в лес смотрит!

— К слову сказать, уже потом я купил старый дом в Тарусе, расположенный в лесах на берегу Оки. И, конечно, всё время думаю о лесе, вспоминаю о лесе, и в какой бы поездке ни был, если я в Испании — нахожу лес в Испании, если в Финляндии — тем более.

Но слушай, что было дальше. Вскоре Саюшев мне говорит: «Тебя вызывает Павлов». Меня?! Инструктора обкома комсомола?! Вызывает первый секретарь ЦК ВЛКСМ?! Бред! Я приезжаю в Москву. Захожу к Павлову. Он: «Товарищ Попцов, у меня есть к вам один вопрос: почему секретари обкома комсомола не пользуются популярностью в вузах?» — «Очень просто, Сергей Павлович. Потому что у всех секретарей комитетов комсомола вузов есть высшее образование. А у первых секретарей обкома — не у всех, а у вторых — вообще нет высшего образования». — «Ерунда какая-то». И тут я совершил величайшую глупость: «Если вы даже пять раз повторите, что это ерунда, это не перестанет быть правдой!»

Павлов вскочил — он был очень вспыльчивым: «Товарищ Попцов, за вас — ваш возраст, но против вас — ваша дерзость. До свиданья!» Возвращаюсь в Питер. Саюшев уже всё знает: «Попцов, я всегда говорил, что язык твой — враг твой. Тебе надо его вырвать!» Оказывается, в Москву вызывали меня затем, что хотели предложить избраться секретарём обкома комсомола. И я действительно, вопреки всему, стал им, в двадцать четыре с небольшим — самым молодым в Советском Союзе первым секретарём Ленинградского сельского обкома комсомола.

Далее, чтобы больше не утомлять своими комсомольскими «вопрекизмами», скажу лишь, что, когда я работал первым замом заведующего отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ и курировал печать, вдруг обратил внимание, что журнал «Сельская молодёжь» гибнет. Общественно-политический и литературно-художественный журнал с издевательским тиражом в тридцать семь тысяч экземпляров. Захожу к Павлову, который, как потом выяснилось, планировал сделать меня секретарём по пропаганде ЦК, и говорю, что я хочу взять журнал. Он встаёт: «Слушай, ты когда-нибудь освободишь меня от своих фокусов?»

Вот ещё одно «вопреки»: я ушёл из ЦК и проработал главным редактором «Сельской молодёжи» двадцать два года. А оставил журнал при тираже два миллиона семьсот пятьдесят тысяч экземпляров. В ту пору это было одно из самых популярных периодических изданий. Мало того, одно из самых острых. Представь себе, что главного редактора журнала ЦК ВЛКСМ вызывает к себе Суслов — партийный идеолог страны. Я приезжаю. И он меня спрашивает своим покашливающим педерастическим голосом: «Не кажется ли вам, что вы выпускаете антисоветский журнал?» Я: «Не кажется, Михаил Андреевич». — «Вот как? А вы читаете его?» — «Три раза! Первый раз — в рукописи. Второй — в гранках. Третий — в вёрстке». — «Да? До свиданья…» На том и кончилась беседа.

— Вы, наверное, Михаила Андреевича обескуражили?

— Он был просто в шоке. Сколько раз он меня одёргивал!.. Как-то в «Сельской молодёжи» мы напечатали Сухомлинского, блестящего учёного-педагога, написавшего прекрасную работу о трудовом воспитании школьников. И на одном из совещаний, которое вёл Суслов, я выступил и сказал, что «есть такое явление, проходящее практически незамеченным, и это по меньшей мере несправедливо». Суслов взвинтился: «Вы что, продолжаете нас учить?» Я: «Михаил Андреевич, через три месяца у каждого секретаря обкома партии эта книга Сухомлинского будет настольной!» Ответ не преминул себя ждать: к юбилею «Сельской молодёжи» ЦК комсомола представил журнал и меня к ордену Трудового Красного Знамени. Вдруг звонок от Павлова. Не по «вертушке», а по обыкновенному телефону, чтобы не прослушивалось: «Ты знаешь, что наш „серый кардинал“ отчебучил? Перечёркнуто всё! И приписано: „С него достаточно «Знака Почёта». Суслов“». Так я получил орден «Знак Почёта». И журнал — тоже.

— Мне также пришлось ходить аппаратными коридорами, правда, не столь долго, как вам. Если пролистать мою трудовую книжку, там значится витиеватая запись: главный методист по работе с художественными коллективами агитпоезда ЦК ВЛКСМ «Ленинский комсомол» Нечернозёмной зоны

РСФСР. Но я как сейчас помню: один из тогдашних руководителей агитпоезда, на борту которого крупными буквами было выведено: «Учимся коммунизму, строим коммунизм!» — мой друг Алексей Антонов в одночасье меня озадачил: «Комсомол — это мафия будущего!» И сказано это было ещё, если память мне не изменяет, в восемьдесят втором году. Вы с этим утверждением согласны?

— Чушь абсолютная! Могу сказать вам как человек, действительно в этом разбирающийся, создание комсомола было одним из самых лучших изобретений партии. Партия сформировала свой резерв, превратила комсомол в школу жизни и благодаря комсомолу создала ресурс, я бы сказал, своего мобилизационного развития.

— Это-то я как раз оспаривать не собираюсь. Но не кажется ли вам парадоксальным, что выходцы из комсомольской среды, откликаясь на негласный призыв о том самом «мобилизационном развитии», пополнили плеяду отечественных олигархов и вообще людей сверхбогатых? Если поскрести, то носителей этого «знака качества» можно отыскать и среди губернаторов, и в составе нынешнего российского правительства, включая его вице-премьеров. Но при этом Россия, захлёбываясь, плывёт по волнам кризисов. Вы могли бы назвать хотя бы одного вчерашнего комсомольца, который бы, работая нынче в верхах, следовал идеям, впитанным, что называется, с молоком партии?

— Для этого надо достаточно хорошо понять, что случилось в стране в девяностых годах. Произошла стопроцентная революция, но… Она была, условно говоря, бескровной, как и Февральская революция тысяча девятьсот семнадцатого года. Всё, что было потом, это уже другое дело. Я хочу сказать, что и комсомол тоже жил как революционное явление, но очень быстро, встроившись в партийные структуры, начал опережать их по части реформаторства. Работая в ЦК комсомола, я по просьбе Александра Николаевича Яковлева однажды написал раздел к докладу Брежнева о комсомоле. Яковлев, прочтя, чуть не упал в обморок: «Ты чё написал?! Комсомол умнее партии, да?» Я ему ответил: «Написал то, что есть, Александр Николаевич». Он: «Если Леонид Ильич это прочтёт, нас завтра здесь никого не будет!» Я: «Ну когда-то кому-то прочесть это надо». Кстати, Хрущёв очень хорошо относился к комсомолу. Особенно — к его новаторству. И когда — уже на новейшем этапе истории — эти люди устроились в жизни, не свидетельство ли это того, что они обладали хорошей организаторской хваткой?

— Вы в точку попали! «Хваткой». Начинку-то эти ребята в себе поменяли… Впрочем, похоже, что, кроме волчьей хватки, той самой начинки «о равенстве и братстве» в них и не бывало?

— Начинка была. Но жизнь стала другой, и эта начинка ей не соответствовала. Потому что распад Советского Союза, конечно, был катастрофой. Жуткой.

— В девяносто первом году я оказался среди защитников Белого дома. Здесь, на Краснопресненской набережной, неподалёку от которой мы сейчас с вами разговариваем.

— Я тоже там был…

— Но прошло месяца три после того, как в революционной эйфории сдёргивали памятник «железному Феликсу» на Лубянке. И я начал понимать, что на наших «победных плечах» в жизнь въехало превращающееся в лавочников и бакалейщиков племя вчерашних комсомольских функционеров, по мере своего устремления от революционного августа в глубину нынешних времён вырастающее до тех самых мафиозных размеров. И я совершенно чётко осознал, что нашей тогдашней победой воспользовались. Разве не так?

— В своё время я напрямую сказал Ельцину, что мы переживаем сейчас хаос, демократию в виде самодеятельности, и эта демократия без управления приведёт страну к катастрофе. Говорили о том, какой бандитский капитализм мы строим, о том, что сотворила приватизация… Он очень внимательно слушал. Я предлагал ему совершать какие-то шаги по преодолению этого хаоса. Но Борису Николаевичу не хватало интеллектуального окружения. И когда я возглавил российское телевидение и радио, то делал всё возможное, чтобы люди с интеллектуальным диапазоном попали в его окружение.

— Это, к примеру, кто?

— Пожалуйста: академики Олег Богомолов и Жорес Алфёров, режиссёр Марк Захаров…

— Но, по-моему, «агенты вашего влияния» кардинального воздействия на Бориса Николаевича не оказали?

— Понимаешь, какая вещь: вся трагедия в том, что с Гайдаром всю эту камарилью, и прежде всего Бурбулиса, познакомил сидящий перед вами человек. Ну кто знал Гайдара?! А я знал его отца, самого Егора и то, что он делал в журнале «Коммунист»…

— Какой же вы груз, Олег Максимович, однако, на себе несёте!.. Не позавидуешь…

— Если бы я сказал, сколько натворил в этой жизни… меня бы, наверное, разорвали. Я лечу из Питера. Сажусь в самолёт и вдруг смотрю: в этом же самолёте — Собчак. Увидел меня, садится рядом: «Олег, у меня есть к тебе одна просьба. В моих зáмах — очень талантливый, прекрасно знающий экономику человек по фамилии Чубайс…»

А я этого Чубайса знать не знаю. Но знаю другого Чубайса—его старшего брата-историка. И говорю: «Как? Он и экономику знает?! Так он же историк». Собчак: «Ты о каком Чубайсе говоришь? А я—об Анатолии. Я хочу, чтобы Ельцин пригласил его к себе…» Удивляюсь: «Анатолий Александрович, подождите: вы—юрист, но не экономист. Значит, он, Чубайс, нужен вам как воздух?»—«Понимаешь, там, у Ельцина, он будет нужнее». Думаю, что у Собчака был комплекс—в известном смысле он побаивался Чубайса: дескать, а что, если подсидит? Спрашиваю Анатолия Александровича: «А почему вы думаете, что Ельцин меня послушает?»—«Надеюсь, что послушает». У меня не было с Борисом Николаевичем таких чтобы уж очень близких отношений. Но я говорю Собчаку: «Попробую». Появляюсь у Ельцина. Он, надо сказать, недолюбливал Собчака, потому что ревновал. Я пересказываю ему разговор с Анатолием Александровичем. Борис Николаевич слушает меня и, разумеется, спрашивает: «А ему шта, этот самый Чубайс не нужен?» И тут я попадаю в «десятку»: «Собчак очень ревнивый человек…»—«Д-да? Думает, что Чубайс может составить ему конкуренцию?»—«Конечно!»—радостно восклицаю я. Недели через две Чубайс появляется в Москве. Я никому и никогда об этой истории не говорил. Тебе рассказываю сегодня первому.

А вот ещё одна история. Однажды я оказался в министерстве иностранных дел, которое тогда возглавлял Козырев, и пришёл в состояние ужаса: какая вокруг грязь! В буквальном смысле этого слова. И, совершенно потрясённый, при очередной встрече с Ельциным я говорю: «Борис Николаевич, как можно им существовать в таком запустении?! Смотрите: вот у вас сидит наш посол в Афганистане Борис Пастухов…»

—Бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ?

—Да. Блестящий организатор. И я спрашиваю Ельцина: «Почему он—послом в Афганистане? Давайте сделаем его заместителем министра иностранных дел. Козырев же как организатор ноль! Вы что, не понимаете этого?»

—И что же Ельцин?

—Ельцин сказал: «Ну, вы, конечно, правы. Давайте подумаем». Через две недели Пастухов появляется в Москве и становится заместителем министра иностранных дел. Я никогда Борису Пастухову об этом не говорил. Хотя у нас очень хорошие отношения…

—Оглядываясь на вашу жизнь, приходишь к выводу: судя по всему, вас то и дело сбивало с курса—хотели выйти в море, а оказывались у леса, мечтали посвятить свою жизнь лесу, а вас катило функционерскими коридорами. И чем больше вы от этих коридоров отказывались, тем дальше вас в них затягивало?

—Ты прав. Особенно—про отказы. Я уже был избран депутатом Верховного Совета РСФСР, входил в комитет по СМИ, разрабатывал разные идеи, в том числе—о создании российского телевидения и радио. И тут президент Ельцин предлагает мне возглавить министерство печати. А министром печати—Полторанин, мой друг. Я, естественно, отказываюсь: мол, человек-то на месте. Ельцин: «Мы найдём ему место!» Но я настаиваю на своём. Потом включается в игру Басилашвили. Он тоже депутат. Я—питерец. И он—питерец. Я хорошо знал Товстоногова и вообще вырос в театральной семье—у меня мать была актрисой, которую принял во МХАТ Станиславский. И Басилашвили предлагает меня на пост министра культуры. Я опять отказываюсь. Не хочу сейчас быть чиновником. Я чувствую себя хорошо—раскрепощённо.

—То есть только-только стали народным избранником?..

—А меня—снова обратно. И вот проходит энное время, я сижу у Ельцина, является Руцкой и, глядя на меня, выдаёт: «А чего мы ищем министра иностранных дел? Вот он—напротив вас, Борис Николаевич!» Тот приподнимает бровь: «Д-да?.. А шта, хорошая мысль…» Я говорю: «Саша (я с ним на «ты»), заткнись, мать твою за ногу! Борис Николаевич, я не знаю английского языка». Хотя первый язык, который я учил в школе,—английский. И в этой ситуации у меня был вариант—за год его изучить. И мне надо было сделать выбор: либо я напишу книгу (в ту пору я уже вступил в Союз писателей), либо, изучив английский за год, стану министром иностранных дел. Я выбрал книгу. Написал и издал—всё как полагается. Но на том мои отказы не заканчиваются. Ельцин предлагал мне стать пресс-секретарём президента, но при этом контролировать все пресс-службы: телевидение, радио, газеты. Я снова отказался. И это было, как ты понимаешь, четвёртое предложение…

—Иными словами, вас постоянно искушали предложениями вопреки вашим намерениям? И вы с этими искушениями успешно боролись?

—Да, но мне через какое-то время позвонил Илюшин, секретарь Ельцина: «Борис Николаевич хочет с вами поговорить…» Слышу в трубке характерный голос: «Олег Максимович, приезжайте, мне надо с вами побеседовать!» Поехал. Депутат как-никак. А дело в том, что когда я был заместителем председателя депутатского комитета по СМИ, то как-то сказал: «Мы входим в новую эру. И не можем зависеть от „Останкино“. Россия должна иметь своё телевидение и радио». Идея всем понравилась. И вдруг Михаил Полторанин

и Белла Куркова предлагают Ельцину поддержать эту идею и поручить Попцову создать российское телевидение и радио, поставив его во главе. И Ельцин приглашает меня к себе. Ничего ещё нет. Ни стола, ни стула, ни копейки денег. Пустота. Но Ельцин настаивает: «Это ваша инициатива. Вы—автор её. Так шта—вам и карты в руки!» Но я в очередной раз начинаю отказываться, потому что понимаю: всё придётся начинать с нуля. И тут Ельцин поступил блестяще. Встал: «Товарищ Попцов, вы шта—вообще не хотите нам помочь?!» И я соглашаюсь, но говорю: «Борис Николаевич, в революцию, когда назначали комиссаров, давали хотя бы маузер и кожанку». Слышу в ответ: «Маузер не обещаю. А о кожанке подумаю». Я—ему: «У меня есть одно условие: если вы поручаете мне это дело, пусть никто больше в него не вмешивается. Включая, Борис Николаевич, президента! Но я несу ответственность за всё». И Ельцин меня поддержал полностью.

Я вышел в пустоту. Что делать? И решил пригласить Лысенко. Мы с ним были знакомы. Он читал «Сельскую молодёжь» и очень её любил. Он приглашал меня в «Останкино». Я выступал у них во «Взгляде». Я рассказал ему о предложении Ельцина. Лысенко: «А кто ещё есть?»—«Я и ты. Ты—генеральный директор. Я—председатель компании».—«А что у нас есть?»—«Ничего нет, Толя!»—«А деньги?»—«Нет денег!» Ну и мы начали…

На дворе—тысяча девятьсот девяностый год. Существовало ещё союзное руководство. И мы собирались практически инкогнито. И не где-нибудь, а в здании Гостелерадио! Там выделили мне двенадцатиметровый кабинетик, где и собирался наш первый состав. Обязательно ставили одного человека в коридоре. Как только кто-то из руководства Гостелерадио шёл по коридору, тот троекратно стучал в дверь. Все замолкали. То есть и здесь всё приходилось делать вопреки.

— В девяностые вы с нуля создали ВГТРК, в двухтысячные стали президентом ТВЦ. То есть без всякой натяжки вас можно назвать отцом-основателем сегодняшнего телевидения. Но если вы—отец, стало быть, несёте ответственность за своих телевизионных детей и внуков? Насколько вы ими довольны?

— Никогда не бываешь доволен своими детьми и внуками полностью, но существуют люди, которыми я горжусь. Я вырастил талантливых телеведущих. Среди них—Илья Колосов, Дмитрий Киселёв и Сергей Брилёв. Мне удалось внедрить идею, чтобы в информационных программах появилась аналитика. Со мной спорил Познер и спорит до сих пор, что в новостных передачах не может быть аналитики, а я, напротив, на том настаивал: дескать, это даже не обсуждается. И теперь вижу, что аналитика-то как раз на канале «Россия» присутствует, чему я очень рад. Самое главное—я создал российское радио. И оно полностью, стопроцентно взяло этот курс и развило его в своём направлении. Сегодня «Радио России»—лучшее радио. Такого у нас больше нет. Помню, когда вышла в эфир первая радиопередача, произошли события в Вильнюсе—захват телецентра. Это была первая поездка нашей команды. Кравченко, возглавлявший тогда Гостелерадио СССР, дал нам четыре часа в эфире на волне вместе с «Маяком». Задача, которая была мной поставлена,—выиграть у радиостанции «Маяк», потому что в тот момент это была лучшая радиостанция. Я сказал своим: «Только—правду! Поняли?» Они привезли материал. Он был как нежданное озарение на фоне той дребедени, которая шла со всех сторон—по радио и по телевидению. И мы вышли в эфир. Эту передачу услышал Горбачёв. И пришёл в бешенство. Он позвонил Кравченко и спросил: «Ты слушал „Радио России“? Знаешь Попцова?»—«Знаю»,—сказал Кравченко. «Ты можешь его уволить?»—«Нет, не могу».—«Как не можешь?»—«Потому что это „Радио России“».—«Ну, тогда загони этого Попцова за Можай, чтобы у него не было эфира!»

«Маяк» шёл сразу после нашей передачи. Я никогда не забуду слов ведущих: «Только что вы слышали материал, переданный по „Радио России“, о событиях в Вильнюсе. Мы не будем повторяться—вернёмся к этому сюжету вечером…» Они поняли: их передача была просто ужасной после того, что мы выдали в эфир…

Кравченко не мог—мне позвонил его зам Тупикин: «Значит, так: либо отныне все ваши передачи проходят через программную дирекцию Гостелерадио, либо вы лишаетесь волны…» Что такое программная дирекция? Это—цензура. Я собрал своих. За то, чтобы остаться на прежней волне, высказался только Толя Лысенко. Я решил: «Мы выбираем другую волну!» Правда, Лысенко, как человек искушённый, предупредил: «Вы потеряете в четыре, если не в пять раз, свою аудиторию!» На что я ответил: «Лучше свобода в подвале, чем тюрьма в зале конгресса». С той волны мы ушли. Это было тяжело. Но вот еду я в Тарусу. На переезде, как всегда, очередь машин. Вдруг смотрю: у одной—толпа народу. Подходят и подходят. Спрашиваю: «А что это там такое?» Говорят: «Работает приёмник. Да тише ты, тише!»—«Да почему—тише?!»—«„Радио России“!» В общем, случилось то, что и должно было случиться…

А недоволен я вот чем: деньги разложили телевидение. Кроме того, уходит режиссёрский профессионализм—он обретает однообразие, ибо все ток-шоу сделаны под одну копирку, все телевизионные дискуссии похожи друг на друга, и на них, как правило, одни и те же личности, как будто в огромной России нет других, не менее ярких и убедительных. У нас появилось телевидение,

которое не касается острейших проблем общества. Мы сегодня можем обсуждать события в Сирии и на Украине, но мы должны говорить и о том, что делается в том или ином ТСЖ или управляющей компании, что творится с квартплатой — короче говоря, что происходит внутри России…

— В памяти моей — передача, ведущим и автором которой были непосредственно вы, и она называлась…

— «Ваше высокоодиночество». Это уже было время, когда президентом России стал Путин, а я был президентом ТВЦ.

— Что подвигло вас на создание этого смелого, но и аргументированного проекта, который, я так понимаю, стал причиной вашего ухода с ТВЦ?

— Когда Владимир Владимирович пришёл к власти, я взял лист бумаги и написал: год рождения, месяц. Знак — Весы. Дальше: КГБ, разведчик, закончил отделение вербовки, значит, никогда не сдаст своих и команду будет формировать только из них, всегда в своих выступлениях будет демонстрировать нечто вроде сеанса гипноза и никогда не будет принимать окончательного решения, всегда будет взвешивать. Показательно, что после выступлений Ельцина в парламенте все бросались друг на друга и президентские противники рвали на себе рубахи. После выступления Путина я, как обычно, выхожу в холл, смотрю, идут коммунисты: «А ведь он нашу программу взял!» Идут «справедливороссы»: «Всё в порядке! Это наша программа…» И так — все фракции. Всех удовлетворил и обаял. Или вот ещё один характерный пример. Приходят к Путину Кудрин и Греф с планами экономического развития. Каждый — со своим. Путин читает первый и второй. Они отличаются едва ли не диаметральным образом. Владимир Владимирович вызывает Кудрина и Грефа: «Значит, так: четыре дня — стыкуйте и принесите мне!» И когда я об этом написал в своей книге, последователь Суслова в его новейшем воплощении — Сурков, обращаясь к Лужкову, с которым я дружил и в чьё ведение мэра входила, разумеется, и опека столичного телевидения, сказал свою сакраментальную фразу: «Юрий Михайлович, определитесь: вы — с нами или с Попцовым?» И Юрий Михайлович, ввиду того, что у меня заканчивался контракт, его продлевать просто-напросто не стал. Помню, иду я по коридору, и Лужков, только что проводивший Путина, кричит: «Олег, остановись!» Подходит: «Я был не прав. Я должен был с тобой поговорить и всё тебе объяснить». Я — Лужкову: «Юрий Михайлович, да не расстраивайтесь вы. Я же знаю, что вам сказал Сурков…» — «А что он мне сказал?!» Я привёл фразу Суркова. Лужков ко мне наклонился: «Вот это точно — тебе язык надо вырвать!»

— Олег Максимович, в этом месте я не могу не заметить, что едва ли не все, начиная от былых комсомольских начальников, заканчивая политическими деятелями последующих времён, охотились за вашим языком. Не откажу себе в удовольствии процитировать «избранные места» из своего рода попцовских досье, приведённых в конце вашей книги «Хроника времён „царя Бориса“»: «Объявив о программе „500 дней“, стал примерять мантию отца реформ. Отцовство признать отказались…»; «Живёт и действует по принципу: компромисс — это та лошадь, которая не обязательно выигрывает скачки, но зато всегда возвращается в конюшню… Неравнодушен к технике. Мог бы стать королём ремонта частных машин»; «Сельское хозяйство не поднял, но все надлежащие речи Петра Столыпина прочёл»; «По характеру поведения лидер. При благоприятном стечении обстоятельств может выдвинуть свою кандидатуру даже в президенты. Знает, что Жозефина была супругой Наполеона». Вы как будто раскрашиваете игральные карты: вот валет, вот король, вот туз, а вот шестёрка, но козырная… Вы знаток «колоды». Скажите, готовя ту историческую телепередачу, вы уже наперёд знали, что вас отодвинут?

— Нет, я продолжал работать. Во-первых, я симпатизировал и симпатизирую Путину. Во-вторых, меня раздражало, что его обманывают. И я видел в нём человека прозорливого. Я считаю, что он как президент сверхнеобходим России! Конечно, он сумел стабилизировать ситуацию в стране. Но вот что меня не устраивает: нет отработанного, продуктивного управления страной. Путин перевёл страну в ручное управление. Да, это вынужденный шаг. Но тогда надо признать: то управленческое ядро, которое создано в России, некомпетентно и неэффективно. Ты можешь перевести управление на себя. Но тебя одного не хватит. Нет тебя — и всё обвалится! Но он, как разведчик, многократно верен только своим и никогда их не бросит. Потому что в разведке, если ты кого-то бросишь, а он, не дай Бог, перейдёт на другую сторону, что ты тогда будешь делать?

Так уж сложилось в моей жизни, что я всё время, в любой ситуации находился в конструктивной оппозиции. Я всегда верил и продолжаю верить, что конструктивная оппозиция возьмёт верх. Именно опираясь на философию конструктивной оппозиции, я создал журнал «Сельская молодёжь» в том её укрупнённом варианте, в котором он запомнился читателям. Точно так же идею конструктивной оппозиции я отстаивал на российском радио и телевидении. Возникает вопрос: почему я эту конструктивную оппозицию занимал и занимаю? Попытаюсь ответить. Занимал потому, что понимал: не нужно взращивать

недовольство, но надо всегда задавать себе вопрос: «Что тебя в этот момент не устраивает?» Вот этот момент — момент конструктивной оппозиции, он помогает жить, вовлекать в круг твоих идей новых единомышленников по той простой причине, что ты ничего не уничтожаешь, а жаждешь продолжения в новом качестве, хочешь единственного: чтобы общество учитывало ошибки, чтобы оно не отдавало себя на откуп или во власть чьей-то бестрепетной воли.

— Вы, кроме всего прочего, стояли у истоков создания Крестьянской партии России?

— Да, это было моё предложение — создать Крестьянскую партию…

— Но согласитесь, сегодня из политического оборота как бы выпали два класса: создаётся впечатление, что в России больше нет крестьян и рабочих. Что-то не слышно, что у нас в стране существовала бы реальная политическая сила, которая бы защищала интересы собственно крестьянства и собственно рабочего класса. Если, конечно, не считать отдельно взятых пассионарных депутатов Госдумы — агрария Харитонова и токаря Трапезникова. Как вы к такому положению дел относитесь?

— Я отношусь к этому очень болезненно. Однажды Виктор Астафьев сказал о Хрущёве следующее: «Человек он, конечно, хороший, но культурёшки ему не хватает». И был прав: «культурёшки» Никите Сергеевичу не хватало. И его капризы мы расхлёбываем до сих пор, хотя он сделал немало и хорошего. Я к Хрущёву отношусь скорее положительно, нежели отрицательно. Почему? В нём было много внутренней стихийной народности. Он слетал в Америку, встретился там с Кеннеди и заразился идеей двухпартийной системы: республиканцев и демократов. И эту идею привёз в Россию, переаттестовав под те интересы, которые здесь существовали: крестьяне и рабочий класс. Он считал, что прежде всего сельские обкомы партии сделают рывок в развитии деревни. Это было совершенно правильно и очень важно. И с другой стороны, когда партия сконцентрируется на развитии промышленности и рабочего класса, результат тоже не заставит себя ждать. А ещё из Соединённых Штатов Хрущёв привёз кукурузу. У нас начали орать: «Зачем кукуруза на севере?!» Потому что были идиоты. Поверьте мне: я разбираюсь в сельском хозяйстве, и появление в наших широтах кукурузы как массового явления сняло проблему сочных кормов, с решением которой страна задыхалась.

— Недавно был на юбилее школы, которую закончил. И вот, когда уже вся торжественная часть завершалась, начали раздавать так называемых «слонов»: «Выражаем благодарность индивидуальному предпринимателю такому-то (далее шёл длинный челобитный список тех самых индивидуальных предпринимателей)». Я подумал: раньше благодарили за ударный труд передовиков производства — рабочих и колхозников. А сейчас их как будто всех выселили на Соловки, а вместо них нагнали индивидуальных предпринимателей. Вместо крестьян, о которых так пёкся Никита Сергеевич, не то аграрии, не то фермеры…

— Секундочку! Да, из понятийного оборота исчезает слово «крестьянство». Точно так же рабочий класс как социальная сила ушёл, к примеру, из Москвы. И это недопустимо как в первом, так и во втором случае. Однако социальный строй меняется, и если крестьянина назовут фермером, ничего в этом плохого не будет. Я категорически — за! Но вот сейчас, когда мы заговорили об импортозамещении, выпадает бесспорный шанс вернуть на круги своя российское крестьянство и придать ему должное значение. Именно — через фермерство, ибо сегодня наши фермеры, достигшие результатов, приносят реальную пользу.

Вот я, будучи секретарём Ленинградского сельского обкома комсомола, привёз так называемую конструкцию-карусель. Это автоматизированная установка по дойке коров. И нам удалось её внедрить, что моментально повысило производительность в животноводстве в четыре раза. Но я тебе хочу сказать, что это было осуществлено всё тогда же — в хрущёвский период, когда наличествовало большее понимание к передовым новшествам в сельском хозяйстве. Да, Никита Сергеевич злобился на приусадебные участки — от этих перегибов он впоследствии отказывался. Да, капризов вроде Порт-Артура и Крыма у него было с избытком. Никита Крым отдал Украине за просто так — как некую плату за то, что он был когда-то первым секретарём компартии Украины. Я же писал об этом: почему в Крыму ничего не строилось? Потому что Украина ждала, пока Россия поднимет этот вопрос. Вопрос поднимался в девяностом году, по этому поводу собирались, но у России не было денег, а в Крыму ничего не делалось, и мы тогда от той затеи отказались…

Но если вернуться к тому, что условно можно назвать вариантом двухпартийной системы по-советски, с её паритетным вниманием к промышленности и сельскому хозяйству, вот это хрущёвское раздвоение было подлинным рывком в то самое, о чём ты меня спросил. Рывком с единственной целью: чтобы крестьянство как производительная и социальная сила с общественного и политического горизонта не ушло.

Сегодня ушёл и рабочий класс. К чему мы в результате пришли? Я написал статью, посвящённую лесу и земле, где сказал, что от века главным богатством России были лес и земля. Ибо

газ и нефть—это богатства преходящие. А лес и земля—вечные, потому что они восстановимы и идут по кругу.

—Получается, мы опять возвращаемся на круги своя—к Лесотехнической академии, которую вы закончили, и к тому, что лес—главное богатство Российской империи?

—Вот именно! Потому что тотальная ориентация на нефть и газ ни к чему хорошему не привела и не приведёт. Я написал, что есть только один вариант: президент собирает все сферы, связанные с лесным хозяйством, и принимает программу спасения лесов. Потому что происходит разграбление страны. На сегодня в России работает только тридцать процентов пахотных земель, дающих продукцию питания. Семьдесят процентов либо заросло, либо застраивается так называемыми особняками.

—Насколько я знаю, Сергей Миронов, лидер «Справедливой России», развивает идею о выделении ста соток земли каждому россиянину безвозмездно. Ещё раньше с подобным же призывом выступил полномочный представитель президента на Дальнем Востоке и вице-премьер Юрий Трутнев.

—Да, они сейчас эти идеи транслируют. В ответ слышится, что никто, мол, не поедет. Поедут. Медленно, но поедут. Я сам, несмотря на возраст, вскапываю огород и смотрю, каким это потрясающим подспорьем может быть. Вот эти тыквы, которые ты видишь в комнате, это с моего огорода. Первый раз я их на своём участке посадил, и они у меня удались—и пошли! И это было безграмотностью, когда мы уничтожили сельскохозяйственную кооперацию. На две тысячи пятнадцатый год пришёлся бешеный урожай яблок. И если бы существовала кооперация, её представители должны были бы на машинах объезжать эти сады, чьи хозяева могли бы безвозмездно отдать собственные, не битые и не гнилые, яблоки на отечественные прилавки. Но этого нет, потому что перекрыты торговые сети…

—Как вы думаете: если бы Виктор Петрович Астафьев, который ушёл от нас в две тысячи первом году, будто бы не захотев глядеть на двадцать первое столетие, дожил до сего дня, что бы он, по-вашему, сказал?

—Для меня Астафьев был, есть и остаётся эталоном великого русского писателя. Он из той категории, к коей относятся такие авторы, как Лев Толстой, Горький, Чехов, Лесков. Астафьев очень значим. Во-первых, своим удивительным знанием русского человека. Он черпал собственное творчество из народной мудрости. И был ей верен. Во-вторых, каждое его произведение измерялось глубиною. И всё, что у Астафьева читаешь, по мере прочтения осознаёшь, что ты сам становишься значительнее. Как только появились его первые рассказы, ты понимал, что в твоих руках—проза, которая делает взрыв. Она такого уровня, с таким языком, с таким отношением к человеку, что остаётся только развести руками. Это невероятная по силе проза. Не претендующая на какую-то сверхсовременность. Главный герой Виктора Астафьева—сам Виктор Астафьев. И вот если бы ему сейчас дали слово, убеждён, что, глянув на происходящее, он бы, что называется, высказался без обиняков: «Вы когда-нибудь можете кончить весь этот бардак, или он будет продолжаться вечно?!»

Александр Астраханцев

Варварская лира

О стихах Сергея Ставера

По-моему, сегодняшнего читателя невозможно не только удивить, но даже ненадолго удержать его внимание на чём-либо, написанном стихами, потому что в нынешней, поголовно грамотной России — сотни тысяч поэтов, профессионалов и любителей, ими написаны уже многие миллионы стихов, и в них нет ничего, о чём бы не было уже многократно поведано. Внимательного читателя современной русской поэзии поражает образованность и интеллектуализм лучших из этих авторов и виртуозность их стиха; кое-кто из критиков и стихотворцев уже поговаривает о явлении в наше время нового, только теперь уже суммарного, коллективного Пушкина — а интерес к поэзии всё падает и падает. В том числе и у меня, грешного. Думаю, это — потому, наверное, что писание стихов стало нынче чем-то вроде составления сканвордов (разгадывание которых, что тоже характерно, — едва ли сегодня не поголовное увлечение), где по горизонтали и по вертикали «всё идеально сходится». Однако чтение этой массы стихов душевного голода не утоляет — из них совершенно исчезло то, что А. Пушкин называл «божественным глаголом» (которым следует «жечь сердца людей»). Чтобы прочитал одно стихотворение — и хватит, чтобы оно продолжало звучать во мне целый день и мешало мне жить, как забитые в голову гвозди. Чтобы меня обжигал пресловутый аристотелевский катарсис.

Но ещё в 1994 году в руки мне попалась тонюсенькая, скромно, на серой газетной бумаге, изданная в районном центре Назарово Красноярского края книжечка стихов совершенно незнакомого мне автора со звучным именем: Сергей Ставер. Я открыл её на первой странице, стал читать:

Колокола поют, колокола…
По всей России благовест прозренья.
В руинах храмы, не взлетает пенье,
Зовущее на добрые дела;
Колокола поют, колокола…

Забывший Бога, внемли и проснись
От дикой спячки, равнодушья, лени,
Стряхни свой сон и преклони колени —
И за грехи земные помолись…

Ведь ты забыл в духовной слепоте
Дорогу в храм — не созидал, а рушил!
Прости, Господь, обманутые души
За их грехи, блужданье в темноте!..

И стихи эти сразу обратили на себя моё внимание. Нет, совсем не темой — о России, «забывшей дорогу к храму», к тому времени уже был написан свой миллион строк. Стихотворение обратило на себя моё внимание тем, что я услышал, как, во-первых, автор совершенно плотски, чувственно наслаждается каждым меднозвучным словом, музыкой и ритмикой поэтической фразы, а во-вторых (и это главное) — как простодушно, искренне и убеждённо, с поистине Аввакумовой страстностью, минуя всё и вся, продираясь сквозь литературные условности, вырастает передо мной сам автор, темпераментный, страстный, и обращается прямо ко мне, чуть ли не насильно хватая меня «за грудки», встряхивая и заставляя вместе с собой переживать, печалиться, возмущаться. И я поверил ему и пошёл за ним — внимательно прочёл книжку… Потом познакомился с ним самим.

С тех пор у него вышло ещё двенадцать поэтических сборников; почти все они напечатаны в том же Назарово, и все их я прочёл.

Причём — странное дело! — при чтении стихов С. Ставера мне почему-то всегда вспоминается образ дикого скифа с его «варварской лирой» из блоковских «Скифов», страстно зовущего «на братский пир труда и мира». Думаю, не только потому вспоминается, что автор, внешне крупный, могучий, с лицом грубой лепки и шевелюрой цвета воронова крыла, будто сам вышел из этих блоковских «Скифов»: «Мы любим жизнь — и вкус её, и цвет, и душный, смертный запах плоти… Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет в тяжёлых, нежных наших лапах?..» — а ещё и потому, что ему претит академическая строгость письма — он яростен, горяч и непричёсан в своих стихах, и при этом широко распахнут и искренен, причём часто — до детской доверчивости; спектр его поэтических чувств необычайно богат — от огненного гнева до глубокой печали, до «слова, со слезами смешанного»; пышна и контрастна в его стихах палитра цветовых тонов, чёрно-белых, золотых, серебряных,

синих, алых, зелёных; он пристрастен в своих стихах к яркому, звучному слову, он чувствует его красоту и силу, благодаря чему навязшим в ушах, затёртым до безнадёжных штампов словам о России, о русской деревне, о цветущих черёмухах, о пышных красках осени, о синеве неба и реки можно, оказывается, придать новизну и свежесть…

К сожалению, не всё равноценно в поэтических книжках С. Ставера; многое тому причиной: нехватка образования, полное творческое одиночество в районном городишке, в страшном далеке от крупных культурных центров, отсутствие какой бы то ни было редакторской и составительской работы над сборниками… Причём всё это — характерные проблемы любого автора, живущего в глубочайшей российской провинции.

И всё-таки в каждом его сборнике обязательно присутствуют отлично сделанные, прекрасные, удивительные стихи. О чём бы он ни писал: о природе ли, о деревенском детстве, о радостях и драмах любви, о современной России, о горестных итогах двадцатого века, о собственных жизненных итогах, — в традиционный русский певучий стих с его лирическими мотивами он умеет вносить жёсткие современные мотивы, драматическое или трагическое начало, горький смех и иронию, удаль и силу, прорывы искрящихся протуберанцев иногда доброй и мягкой, а иногда и грубой мужской энергетики:

…И не вирши — словесная жижа!
И не песни — пустая попса!
Ухожу, не люблю, ненавижу
Очумелой толпы голоса…

При этом он легко вводит в поэтический оборот современные научные и технические термины: «гемоглобин», «сорбенты тоски», «обесточить», «эзотерический»… А какие неожиданные поэтические образы он изобретает, пользуясь, казалось бы, самыми заурядными словами: «солнце, словно блинчик в блюдце, будет в озере лежать»; «и желанней шоколадки, и милее шоколадки — двухпудовый куль с мукой» (из стихотворения, посвящённого воспоминаниям о послевоенном деревенском детстве); «закат свернул свои знамёна»; «крепко припаяны к сердцу любви провода»; «пролистал я земную книгу добыванья любви и хлеба»; «век серебряный вспыхнул в рассвете, чтоб в железных застенках сгореть»… эти и подобные им находки его можно цитировать бесконечно.

Но что самое удивительное — есть в его сборниках настоящие поэтические шедевры (не побоюсь этого слова), которые можно смело включать в любую антологию русской поэзии при самом тщательном отборе — настолько строга их форма и глубоко содержание, что нет в них ни лишнего слова, ни зазора между ними.

Литературное Красноярье ∴ ДиН ревю

Татьяна Верескова
Музей без крыши

Красноярск: «Печатный двор», 2015

● ● ●

Моё прошлое-позапрошлое,
не ходи ты за мной по пятам.
Письма те, что в шкатулочку сложены,
я порву и долги все раздам.
Моё прошлое-позапрошлое,
отпусти ты меня, я прошу.
Позабыта я, позаброшена,
и зачем эти цепи ношу?
Моё прошлое-позапрошлое,
ещё будет свет впереди,
только ты, я прошу по-хорошему,
уходи,
уходи,
уходи!

● ● ●

Неважно, сколько ты лет проживёшь.
Неважно, что ты там пьёшь и жуёшь,
а важно, что ты посеешь
и что ты пожнёшь.
Посеешь слезинку —
пожнёшь гром и град,
посеешь улыбку —
любви будешь рад.
И веришь ты мне
иль не веришь,
пожнёшь ты лишь то,
что посеешь.

Сергей Ставер

Настройщик ветров

● ● ●

Колокола поют, колокола…
По всей России — благовест прозренья.
В руинах храмы, не взлетает пенье,
Зовущее на добрые дела;
Колокола поют, колокола…

Забывший Бога, внемли и проснись
От долгой спячки, равнодушья, лени.
Стряхни свой сон и преклони колени —
И за грехи земные помолись.

Ведь ты забыл в духовной слепоте
Дорогу в храм — не созидал, а рушил!..
Прости, Господь, обманутые души
За их грехи, блужданье в темноте!

И освети им путь, дорогу в храм,
И осуди поводырей ничтожных,
Всех пастырей идеи ложной,
Святыми долго кажущихся нам.

Колокола поют, колокола…
По всей России — благовест прозренья,
Великий час труда и обновленья —
И сокрушенья подлости и зла!
Колокола поют, колокола…

● ● ●

Не повторяй ошибок снова —
Всё начинается с нуля.
Скворцы роняют песню-слово
На эти тучные поля,

Где синий кобальт с белой дымкой
Оттенены голубизной,
Где солнце круглой золотинкой
Струит тепло на шар земной,

Где пахнет мёдом и травою
И всё естественно, как жизнь,
Где светлый дождь водой живою
Ко мне за шиворот бежит,

Где тёплых струй прикосновенье —
Как будто милой поцелуй.
Рождай, земля, стихотворенья
Из жёлтых зёрен, белых струй!

● ● ●

Избавь, Господь, раба от суеты.
Коль разум дал, не искушай пороком!
Ты видишь всё своим небесным оком,
На землю глядя с синей высоты.

Ты в нас вдохнул познания искру́,
А мы её раздули — взвилось пламя!
Дай знак, Господь, что будет завтра с нами —
Быть может, завтра рано поутру.

Дай знак, Господь, творенью своему,
Заблудшему в пути людскому стаду,
Казни за ложь и награди за правду,
И я Тебя тогда душой пойму.

И в храм приду, колени преклоня,
И помолюсь за всех, Тобой прощённых.
Дай им, Господь, Твоих садов зелёных
И в смертный час избавь от мук меня!

● ● ●

Мы уходим, уходим, уходим
На покой, в мир иной, в темноту,
Приближаясь в последнем походе
Кто к огню, кто к звезде, кто к кресту,

Оставляя всё милое с детства
Вам, живущим, кто в дар, а кто в долг.
И уносим разбитое сердце
В свой последний сколоченный дом.

Не отпетые в храме, мы ляжем
В землю-матушку, в глиняный ком —
Ничего никому не расскажем,
Не заплачем уже ни о ком.

Всё уйдёт постепенно, не зная
День кончины, минуту и час,
И прервётся дорога земная,
И впитает земля в себя нас.

Смолкнет музыка; скажет прохожий:
— Спите, сёстры и братья, пока, —
И цветы из бумаги положит
На могилу чужая рука.

● ● ●

Не печалься, сердце не трави.
Не судьба быть вместе; горько очень.
Кончилась весна—парад любви,
Вместо лета воцарилась осень.

Май завял, как роза, как жасмин,
Оборвали у стрекозки крылья.
Ты теперь одна, и я один.
Каюсь, злюсь и плачу от бессилья.

Ах, не надо слов, слова пусты.
Ни к чему болтать про то и это.
Уронили лепестки цветы
На обломки канувшего лета.

Соловей замолк, и взял аккорд
Баянист на стареньком баяне.
Умер май. И осенью цветёт
Горькое вино в моём стакане.

● ● ●

За окошком закаты и зори;
Жизнь течёт, как река, как ручей,
И находится в вечном дозоре
Солнце красное в нимбе лучей.

И летают стрижи и синицы,
И вороны и галки кричат.
И мелькают забытые лица
Деревенских парней и девчат.

На душе и печаль, и истома,
И какая-то светлая грусть—
Потому что я вышел из дома,
А назад всё никак не вернусь.

● ● ●

Не хожу на свидания—
Видно, стал староват.
И пою я страдания
На лирический лад.

И пою не печальную—
Величальную песнь:
Как на землю случайно я
Опустился с небес.

Рву струну золочёную—
От тоски, от тоски!
Видно, горести чёрные
Серебрят мне виски.

Видно, счастье стреножили.
Птица—в клетке судьбы.
И печали умножили
Дни, что были слепы.

● ● ●

Иди на подвиг и на муки,
Скользя по льду, топча стерню!
Я протяну худые руки
И сердце к вечному огню,

Я попрошу тепла у Бога
И доли лучшей, света дня—
И уведет с собой дорога
Из места гиблого меня.

И будем жить, любить, не ссорясь,
Прощать друг другу всякий раз;
И будут править честь и совесть—
И сам Господь услышит нас!

● ● ●

В жестоком нашем мире
Не дам за жизнь гроша.
Как будто бы на мине
Лежит моя душа.

И сердце очерствело,
И в голосе металл.
Душа своё отпела,
А я шагать устал.

Движенье по спирали,
Потом обвал—и вниз…
Здесь люди—как пираньи.
Копейка—наша жизнь.

Под маской, полной фальши,
Личину прячет зло.
Пропащий здесь—упавший,
Покинувший седло.

Утративший опору
Отстал, скатился вниз.
И прёт по трупам в гору,
Кто подличать привык.

И делают карьеру
И плут, и лизоблюд,
На Совесть, Честь и Веру
С презрением плюют.

Но я пройду по краю
И тем, кто не в раю,
О совести сыграю
Мелодию свою.

И пусть печаль напева
Собьёт оковы зла—
Чтоб к нам Святая Дева
С прощеньем снизошла.

Инна Половникова

Место гибели — Чёрное море

Глеб Георгиевич Воробьёв, мой дядя, родился в Красноярске 5 ноября 1917 года. Он был младшим из троих детей моей бабушки, Таисии Яковлевны, и её второго мужа Георгия Васильевича Воробьёвых[1]. А единственный сын бабушки от её первого брака, Алексей Половников, в свои одиннадцать лет стал восприемником Глеба от купели, его крёстным отцом.

За несколько лет до начала Великой Отечественной войны дядя приехал в Ленинград учиться на военно-морском факультете, открытом при Первом медицинском институте имени академика И. П. Павлова. К тому времени мы, Половниковы, — мои родители и я — уже несколько лет жили в Ленинграде, на Лахтинской улице на Петроградской стороне (П.с.), неподалёку находился и Первый медицинский институт. Будущие военморы-курсанты находились на казарменном положении, их отпускали в город только по выходным. Глеб стал часто бывать у нас дома, он читал мне, пятилетней, книжки, а иногда мы с ним отправлялись гулять в сад недалеко от дома — на углу улицы Ленина и Геслеровского проспекта (сейчас от сада осталось одно воспоминание, так как на его территорию «впихнули» два многоэтажных дома). Мы с дядей подружились. Глеб удивлялся: «Ведь я конфет ей не ношу, а она меня любит!» Однажды на Большом проспекте П.с. какой-то военный начальник громогласно распёк Глеба, не отдавшего ему честь: в этот момент Глеб держал меня за руку, и мы о чём-то упоённо беседовали. Было так обидно за дядю!

Вскоре стал своим в нашем доме (и, как оказалось, до конца жизни) друг Глеба Аркадий Антонович Зеленкин (1912–2010), тоже будущий военный медик.

Перед войной моя мать, музыкальный педагог, работала в детских садах. Она устраивала замечательные детские «ёлки», майские и другие праздники. На этих праздниках дети танцевали русского, украинский гопак, лезгинку, пели про белорусскую бульбу, любимую песню Сталина «Сулико» и другие. Первомайский праздник 1939 года в мамином детском саду возле радиозавода на Петроградской стороне закончился потрясающе: в зал под торжественную музыку вступил величавый верблюд, на котором важно восседал мальчик в тюбетейке и узбекском полосатом халате, с мешком подарков в руках. Радостные, занятые подарками дети не обратили, конечно, внимания на то, что все четыре ноги верблюда были обуты в ботинки: ведь роль верблюда героически взяли на себя два друга, Глеб и Аркадий. А шкура верблюда показалась мне странно знакомой, потому что была сшита из чехла от нашего домашнего рояля.

Курсантскую жизнь Глеб Воробьёв описал в письме в Красноярск: «Занят я с утра до поздней ночи, такова уж нынче обстановка, нужно потораплиecon с учением, скоро государственный экзамен и выпуск» (16.12.1939; письмо сохранилось в поваренной книге, подаренной автору в 1957 году Таисией Яковлевной)[2].

Весною 1940 года состоялся ускоренный выпуск военно-морских медиков. В газете «Кадры флота» (орган политического отдела военно-морских заведений Ленинградского гарнизона), в статье о выпускниках, Глеб Воробьёв был упомянут среди «товарищей, показавших блестящие познания». Эта газета, как и «Ленинградская правда», поместила фотографию лучших курсантов вместе с их учителями-медиками — З. Оглоблиной и Ю. Джанелидзе.

Глеб получил назначение в Севастополь, стал ординатором Севастопольского морского госпиталя в звании военно-морского врача 3-го ранга. Сохранилось письмо начальника хирургического отделения родителям Глеба. Вот оно (орфография и пунктуация сохранены):

1. *Таисия Яковлевна Воробьёва* (1884–1963) — дочь купца, родом из с. Новосёлово Минусинского уезда.

   Георгий Васильевич Воробьёв (1878–1945), родом из г. Енисейска, в 1917 году — казначей 14-го Сибирского стрелкового запасного полка, чиновник военного времени; был выслан из Красноярска в Уяр, где работал счетоводом на фаянсовой фабрике.

2. Глеб Георгиевич Воробьёв окончил 19-ю школу города Красноярска. Его фото с братом Юрием Георгиевичем есть в Народном музее «Память» школы №19. (Автор публикации, эвакуированная из блокадного Ленинграда в 1942 г., окончила первые 3 класса начальной школы в этом учебном заведении, 1942–45 годов. Похвальная грамота, полученная ею в 1945 году, находится в ККМ).

«Дорогие мои заглазно-знакомые
Георгий Васильевич и Таисия Яковлевна!

Ваш сын, Глеб Георгиевич, под моим наблюдением, с перерывом, уже второй год. Вам вероятно интересно знать моё о нём мнение к сегодняшнему дню: Вот оно — Прилежание к труду, незаурядные способности, сумма знаний, полученных в Институте и с большой настойчивостью пополняемых непрестанно, при уживчивом характере — гарантируют ему место большого специалиста. Так и будет. Ваш он сын, а мой ученик. Наш совместный труд, глубоко верю, будет не напрасным. Представляю Вашу радость по случаю приезда сына — на последнем я настаивал. Есть мелкие пятнышки и на солнце, так говорят люди знающие, но мы в характере Глебушки в силах их смести. От всей души желаю Вам провести время с сыном, на Вашу общую радость. Подробно о своей работе Глеб Георгиевич Вам расскажет. Но уже не одна сотня людей с его помощью получила исцеление. Это знайте, этим гордитесь — это Ваша заслуга...» (02.10.1940)

Видимо, по пути из Севастополя в Красноярск, Глеб заехал в Ленинград. Помню, как мама, обнаружив под своей кроватью ряд укупоренных стеклянных баночек, набитых шевелящимися букашками, с ужасом выставляла их вон — Глеб занялся особо опасными инфекциями. После войны из Севастополя к матери Глеба приезжали медики, интересовались, не сохранилось ли каких-нибудь его записей.

Теперь о гибели Глеба. Из киевской газеты «Факты» 2005 года, из статьи о безуспешных поисках теплохода «Армения», на котором в ноябре 1941 года эвакуировали раненых из госпиталей Ялты и Севастополя: «7 ноября 1941 г. погибло около 7 тыс. человек... два самолёта-торпедоносца „Хенкель-111“ утопили теплоход за 4 минуты». Спасли лишь восемь человек, а «недавно... удалось установить в архивах имена 172 врачей и медсестёр, сопровождавших раненых». Глеб Воробьёв — среди них. Его имя есть на памятнике воинам — выпускникам Военно-медицинской академии Санкт-Петербурга, погибшим на Великой Отечественной войне (на углу Боткинской улицы и Большого Сампсониевского проспекта, на Выборгской стороне).

Последнее воспоминание: лето 1942 года, наша семья, эвакуированная из блокадного Ленинграда, оказалась в городе предков — в Красноярске. На пути в Сибирь отца-дистрофика сняли с поезда и подлечили в больнице города Вязники. Из Красноярска мы сразу поехали в Уяр, к Воробьёвым. И вот как-то меня выпроводили из дома, я должна была, сидя на крыльце, следить, чтобы куры не рылись в грядках. Вдруг я вздрагиваю от пронзительного крика в доме: это бабушка узнала о гибели сына.

Отец мой, Алексей Половников, по профессии журналист, а в военную пору редактор Красноярского радио, взял псевдоним — подписывал свои публикации «А. Глебов» — в память брата.

Два правнучатых племянника Глеба носят его имя. Глебу Черепанову сейчас шестнадцать лет, он живёт в Новосибирске вместе с родителями и братьями. 9 мая 2015 года, в день семидесятилетия Победы в Великой Отечественной войне, он вместе со своей двоюродной сестрой, тоже правнучатой племянницей Г. Г. Воробьёва, участвовал в шествии «Бессмертный полк» по центру города. У обоих в руках было по портрету Глеба Георгиевича в морской форме.

Недавно, разбирая архив отца, я нашла среди его стихотворений листок:

Белый гребень

Друг мой, брат мой, товарищ милый,
Нерушим твой последний покой.
Над бездонной твоей могилой —
Белый гребень волны морской,
Белый гребень, да вольный ветер,
Да звезда голубая светит.
(Красноярск, 20 октября 1944)

Александр Табунов

Владимир Илюшин: «Заходи, чуть что…»

Приключения, реверсы и рассуждения амурского прозаика

Об истинном художнике говорят не только его книги, но и образ жизни, и обязательно — слагаемый молвою миф о нём. Скажу даже, без мифа нет большого художника. Заговорите о нём… везде расскажут многое такое, чего не знал о себе сам писатель. И я такие мифы знаю.

Михаил Петров

Вот компания какая…

При всём его легендарном затворничестве, подчас вынужденно демонстративном, вокруг Илюшина постоянно «тусовалась» литературная молодёжь. Льнули к нему и ровесники, и люди повзрослей. Независимо от того, кто где работал и каких взглядов придерживался. Оксанка Розум. Три Евгения — Юдин, Бронников и Гончаров. Танюша Ильина (в проникновенной заметке-прощании Борис Черных её назвал божьим одуванчиком). Геннадий Хорошавцев. Двое Владимиров — Едифанов и Куприенко («Купер» — счастливчик: его «Изморозь» Илюшин, не хваливший обыкновенно вслух ни других, ни тем паче себя, одобрял в нашей с ним беседе). Викторы — Алюшин и Волчков. Александр Маликов. Светлана Борзунова… Нашлось в той разношёрстной компании местечко и мне.

Про Илюшина я услышал в декабре восемьдесят четвёртого, попав на областное совещание молодых литераторов. Как сейчас вижу радостно возбуждённого Марка Либеровича Гофмана: оба дня издатель наш без устали повторял имя, для большинства из присутствующих новое…

Пройдёт семь лет, и в «офисе» ивановского корпункта, то есть на кухне у меня, встрепенётся дрыхнущий обычно телефон. Звонил Владимир. Оказывается, отныне мы работаем в одной редакции. Он просил передать какую-нибудь информацию. Любую. Мои отговорки об отсутствии сколько-нибудь серьёзных новостей на Илюшина не действовали, он мягко настаивал, и с грехом пополам я набросал прямо на подоконнике и продиктовал что-то. «А вы не промах, ориентируетесь в обстановке, — удовлетворённо хмыкнув, подытожил он. — Правда, одно словечко я не разобрал. Повторите, какое там, вокруг Ивановки, настроение. Ровное? Ага. Ну, это ты… вы… короче, ловко сформулировано. Да, и ещё понравилось это вот, в самом начале разговора: „Точно не знаю, а врать не хочу“. Так и резануло, знаете. Ладно, Александр, в город к нам наведаетесь — рад буду свидеться».

…Апрель девяносто второго. С утра пораньше на задрипанной попутке добрался я до газетного комплекса. По служебному вызову. Покончив с делами, пошёл по кабинетам — повидаться, поболтать с дружками, с которыми встречаемся годом да родом. Набегавшись, решил отдохнуть. Где-то на девятом этаже нашёлся полупустой закуток. Вдруг шум в коридоре. Шаги. Дверь отворилась и впустила высокого, статного, чуть сухопарого и не по-весеннему смуглого красавца-бородача лет тридцати — тридцати пяти. «Грек!» — пронеслось в голове; очевидно, незадолго перед этим заглядывал в хрестоматию по «античке», оттуда навеяло. (Занятно, что лет через двадцать и волгоградский писатель Александр Цуканов обрисует Володю так же: «Грек».) Ухоженный, бодрый, он громко и весело поздоровался разом со всеми. Но, заметив меня, встал как вкопанный. Делать нечего, занимаю примерно такую же диспозицию. «Илюшин Володя, — тихо подсказывают мне. — Обозреватель наш». Думаю, странно это выглядело со стороны: стоит перед вами человек, смотрит на вас и смущённо, и так, будто вы ему чем-то обязаны. Ах да, ведь расположился-то я на его рабочем месте. Хе-хе!

Дальше? Сидим внизу, в столовке для газетчиков. Тут безлюдно, никто не мешает. Похохатываем, вспоминая обоюдное замешательство в минуту знакомства, пьём пивко из-под полы да поочерёдно повествуем каждый о себе.

Впрочем, поощряя откровения других, про себя Володя предпочитал помалкивать. Скрытничал? Скромничал? «Он мало говорил», — заметила как-то Светлана Борзунова, дружившая с ним. Да, как ни трудно в такое поверить, ещё лет пять назад об Илюшине знали мы немного. Теперь-то составлена довольно связная биография. Есть и библиография, охватывающая не только отдельные книги, но и газетные, альманахо-журнальные публикации его произведений, ссылки на публикации о нём самом. А белые пятна всё же остаются. Даже на сайте Амурской областной библиотеки, например, нет указания на подборку

воспоминаний «Проза его жизни», опубликованную газетой «Моя Мадонна» в мае 2001-го, к илюшинским сороковинам. Жаль, воспоминания там содержательные, да и написаны по неостывшим следам.

«Короткая» биография: уроки словесности

Владимир Владимирович Илюшин родился в 1960 году, 14 июня, в селе Новоалександровка Тамбовского района Амурской области. В 1977-м, окончив благовещенскую школу №11, поступил в Дальневосточный госуниверситет, на отделение журналистики, но проучился всего два года. Затем был призван в армию, служил в Приморье и на Камчатке. Впечатления этого времени отразились в повестях «Выстрел», «Трое суток д/б» и рассказе «Острова». Демобилизовавшись, в 1982-м поступил в Литинститут имени Горького, однако и на этот раз учёбу оставил. Работал в типографии, грузчиком, кочегаром, во вневедомственной охране, землекопом в геодезической партии «Дальгипроводхоз». Сотрудничал в газетах Амурской области и Хабаровского края. Печатался в журнале «Дальний Восток», альманахах «Литературный Владивосток» и «Приамурье моё».

Первый рассказ его — «Заячий пастух» (1979) — опубликован в альманахе «Литературный Владивосток». Затем последовала созданная в традициях «деревенской прозы» повесть «Путина», в 1987-м её включили в авторский сборник «Тихоокеанское шоссе», куда вошли также несколько рассказов: «Конфуз», «Буханка», «Человек, который любил Кафку», «Свистопляс» и другие. В 1990-м во Владивостоке издан сборник малой прозы «Первому встречному», получивший литературную премию имени Шукшина. Следующая творческая ступень — роман «Письма осени» (1989).

В 1990-м Илюшина приняли в Союз писателей России. Литературный талант его отмечен известным русским писателем Л. И. Бородиным, учредителем упомянутой премии. В девяностые Илюшин публикуется редко, в основном это рассказы: «Республика Шантаж», «Зверь», «Соль», «Иностранец», «Острова».

Умер он в Хабаровске 11 апреля 2001 года.

Обо всём этом сообщается на библиотечном сайте «Литературное Приамурье». Данные сайта созвучны появившейся несколько ранее статье Татьяны Смыковской в «Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков» (БГПУ, 2013). Приняв эти материалы за исходные, пройдём по тем же самым вешкам, но с привлечением иных источников.

Повесть «Глиняный человек» сложена в основном из художественно преображённых воспоминаний автора о детстве. Главный герой, он же рассказчик, спрашивает у матери, откуда дети берутся. Мама шлёпает чадушко: лучше, дескать, у папки узнай. Нам же гораздо интереснее, как писатели рождаются. В существующих биографиях амурского прозаика почти ни слова нет про общеобразовательную школу. Хотя это важно — знать, чему или кому обязан Володя столь гладкой речью, где почерпнул он первоначальные навыки русского литературного языка. Первый проблеск — Глеб, Илюшин-младший, на сороковинах по брату вспоминал: «Он читал очень много — по книге за вечер. Причём серьёзные вещи. Ремарка, например. Как-то в старших классах написал сочинение, из-за которого было много шума и проблем. Просто он написал что думал (думал он, надо сказать, нестандартно), а в школе перепугались. После школы уехал к отцу в Хабаровск, работал в геологоразведочной партии…»

К отцу — потому что жили родители порознь, и мать оставалась в Благовещенске, в нескольких десятках километров от родной для Володи Новоалександровки. «А дом дедов, в котором я родился и вырос, снесли, — сетует В. Илюшин в статье «Куда крестьянину податься?» («Амурские вести», 1992, 1 июля). — После смерти деда в него заселили семью азербайджанских переселенцев. В первую же зиму они вырубили деревья в саду на дрова. Потом глава того гортанного семейства недолго промышлял арендой, потом стал заниматься перекупкой и переехал в город. Я вижу его на рынке, процветает мужик. Дом снесли, деревья вырубили. И всё кончилось».

Из Хабаровска — в Приморье. По наблюдениям брата, в тамошний вуз он «очень легко поступил… так же легко и бросил». Мне, при нашем знакомстве, объяснял это тем, что учебная программа не понравилась, пустопорожнего слишком много. Ох, сомнительно что-то. Но у меня стародавнее правило: не хочет человек перед тобой раскрываться — и ладно, будет настроение — сам всё выложит. Ну а на нет и суда нет.

1979 год. Дальневосточное книгоиздательство. Редактор Геннадий Малых случайно выглянул в окно. На противоположной стороне улицы в глаза ему бросился худощавый лобастый паренёк с папкой под мышкой, он явно томился, намереваясь войти в их служебный подъезд, но не смел шагнуть вперёд. «Надо же, какой зажатый», — улыбнулся Малых и окликнул его. Итогом той встречи стала публикация в «Литературном Владивостоке» первого рассказа Илюшина.

А первого ли? Да, так принято считать. Но ведь одновременно с приморским готовился к выходу и другой альманах — «Приамурье моё». Неизменный его составитель показал Валерию Черкесову, жившему в ту пору в Благовещенске, несколько заполненных ровным чётким почерком тетрадных листков. При этом Гофман сказал растроганно:

«Вот вчерашний школьник рассказ прислал. Очень приличный». Молодого поэта поразило, что на рукописи почти не было характерной для Марка Либеровича правки чёрными чернилами, только название было изменено. Под новым заголовком — «Письмо» — и опубликовали. Тогда же, в семьдесят девятом.

Тем временем вчерашнего учащегося поджидала повестка из военкомата. Полагаю, именно в армии Владимир сформировался как гражданин. Дело не только в пресловутой дедовщине и прочих неуставных явлениях. В эпилоге повести «Глиняный человек» главный герой, уже взрослый, навещает родное село и на окружающее смотрит глазами военного: «Было странно и дико думать, что его лётчики, поднимаясь в небо на современных машинах — этом чуде техники, где под крыльями, как сторожевые псы, гнездились ракеты с телескопическим наведением, что вся армия с её суперсовременной техникой, весь этот выверенный чёткий механизм защищает и охраняет вот эту вялую, словно по принуждению идущую жизнь с гипсовыми скульптурами в парке, прохожими в телогрейках, разваленными домами, больше похожими на трущобы, вот эту кобылу, что под вывеской продуктового магазина в ожидании хозяина лениво машет хвостом, и лосятину с маслинами, которую ему подали. Почему, отчего так? В чём причина?»

А это — из внутриармейских впечатлений автора (и однофамильца героя) повести «Трое суток д/б»: «Ещё в Приморье, в учебке, я заметил — сколько же охотников до дармовой рабочей силы! А солдаты лучшая рабочая сила, гораздо лучше зеков. Чем только мы не занимались! Камень ломали в карьере, вагоны грузили-разгружали, сено косили, заготавливали дрова. <...> Огромное небо мостом лежало над нами, перехлестнув сопочные вершины в кедровом стланике. Чёрт, и ведь где-то люди ходят вольно, зевают, чаёк попивают, газетками шелестят, а тут стой как прибитый, жди неизвестно чего, будто человека убил. <...> Режим выматывает хуже всякого мордобоя. <...> В армии ведь просто стать садистом. И я видел, как нормальные с виду ребята в садистов превращаются, когда отслужат по году. Власть старослужащего солдата над молодым выше власти офицера, но далеко не каждый, такой властью обладающий, получает удовольствие от безопасного мордобоя, от чужого унижения, для чего надо родиться с вывихом в мозгах. Это нечто вроде врождённого уродства, что ли. Я б таких уничтожал в детстве, после первой повешенной кошки, но как распознаешь, как вычислишь, где просто жестокое любопытство, а где порок?»

Со временем он расскажет о многом из пережитого и прочувствованного в армии (в том числе на гауптвахте с её «д/б» — добавочными сроками наказания). Расскажет с «бронетанковой» прямотой. Пока же сдерживает себя: «Вообще-то на фоне всеобщего бардака плевать мне на это было с высокой колокольни, но иной раз просыпалось это самое гражданское чувство, и я принимался про себя составлять доклад министру обороны... У меня хватило ума ничего не записывать, но кое-какие ненужные наблюдения в записной были, я записывал то, что боялся забыть, потому что надеялся уже потом, на гражданке, написать роман, в котором был (бы) прослежен путь солдата от призывного пункта».

Мечта эта осуществится лишь отчасти, но её хватит на всю оставшуюся жизнь. Замысел, как видим, возник в конце семидесятых. Много лет спустя разыскал я популярного ныне в Приморье поэта Константина Дмитриенко. Уроженец Благовещенска, он подкалымливал у нас в «Вестях» на хлеб насущный. В одном и том же номере, бывало, сдвинется кирпичиками пара столь разновесных рубрик — «Страницы минувшего» и «Ну и ну!». Сверху — беседа Володи с руководителем солидной научной экспедиции. Ниже — размышления Кости об участи обитателей студенческой общаги, куда перед самым началом учебного года никого не впускали ввиду крайней обветшалости помещений. В иных номерах эта неразлучная двоица то в «бесплатный „Журнал союза графоманов“» приглашает «вольных художников, пишущих от булды и сердца», то под видом приколов невинных вдруг об «эстетике безобразия» молвит мимоходом. Значит, не только озорничали. Дмитриенко припоминает, как в Амурском отделении Союза писателей России они с Владимиром «говорили о литературе и концепции „великого романа“». Подробности беседы стёрты временем.

Иван Бессонов, поэт, редактор журнала «Мурманский берег», тоже недавно откликнулся: «Мало кто знает, т. е. вообще никто не знает, что в известных, донельзя талантливых Володиных „Островах“ отражены, помимо всего прочего, и наши с ним разговоры-воспоминания о Советской армии: он служил на „Шилке“ (зенитной самоходной установке. — *А. Т.*), а я — на оперативно-тактических 8К-14 („Скадах“ по-натовски); в то время я объездил много гарнизонов от Иркутска до Улан-Удэ, Нерчинска и т. д. и позднее рассказывал Володе о быте и нравах, стиле службы и т. п. в разных войсковых частях, сравнивая их с учебкой под Ленинградом, где начинал службу. Некоторые детали он использовал в „Островах“, например, где речь идёт о кавалерийской шинели с разрезом от задницы почти до самых плеч. Это — из моего ему рассказа о „трижды судимой 65-й ракетной бригаде“, так её в шутку называли проверяющие».

А сдружила парней Москва. Мне бы и доселе не узнать об этом — случай помог. Кипа древних «Вестей», покоившаяся у меня дома среди книг и разных бумаг в сырой нише, ветшать стала,

портиться. От совсем уж негодных номеров я, повздыхав, избавился, на выпуски же, содержащие что-либо илюшинское, не поднялась рука. Сгруппировал их, подсушил, почистил да и, сам того не заметив, начал читать. И просто очаровала меня Володина преамбула к некой экспериментаторской вещице с броским названием «Акелдама». Что за акелдама? Под заголовком, в скобках, значилось: «Поэма о сирени. Посвящается погибшим от любви». Во вступлении поведал Илюшин об авторе этих стихов:

«С Иваном Бессоновым мы жили когда-то полтора года на шестом этаже общежития Литературного института. О, эта общага! Остров свободы в закостеневшем дерьме зрелого андроповского тоталитаризма. Там Бердяева давали почитать на ночь, а утром через твои руки передавался „Архипелаг ГУЛАГ", и ты просыпался на лекции по научному коммунизму и цепенел, про всё забыв, над этими ледяными страницами. Пьяные гении шастали по тем коридорам и всякому желающему читали стихи… Литературная общага, быть может, была самым требовательным и пристрастным слушателем в этой стране, но именно в ней стихи Бессонова шли на ура. Мы все тогда готовились к схватке со зверем, истово веруя: поэт в России больше, чем поэт».

Илюшин помнил Бессонова, Бессонов — Илюшина. Пусть же они хоть виртуально встретятся через десятилетия разлуки.

«Мы, — продолжал Владимир, — жили коммуной — четверо русских, два узбека, татарин, чеченец, и нам нечего было делить, кроме нищей похлёбки, сваренной чёрт знает из каких составляющих… Пришли иные времена, звучат иные имена. Одних уж нет, а те далече. Разметало. Узбеки стали иностранцами, один из четвёрки русских пишет эти строки, второй погряз в бизнесе, третий уехал на практику в „Континент", да и застрял в Париже, похоже — навсегда. А где ж Иван? Канул, пропал, может, в России, а может быть, уже на Брайтон-Бич. Я представляю, как он бродит по улицам, вышёптывая стихи арапскими губами и ёжа под свитером лопатки. Жив ли он вообще?»

«Да, Володя, — мысленно отвечал я после того, как заинтересовался личностью и судьбой илюшинского приятеля. — Жив курилка. Готовя этот „мемуар", выяснил я, что в год, когда у тебя первая книжечка вышла, окончил он Литературный, потом в Союз российских писателей был принят. Рано или поздно воротился на Кольский полуостров, малую родину свою. В Мурманске вёл на облтелевидении цикл передач о поэтах Серебряного века. Печатался в журналах — нашей „Литературной учёбе", израильском „Эль-Шааб". Собственные сборники, в том числе „Книгу символов", сколачивал. Короче, одногодок твой по-прежнему идёт выбранной вами дорогой».

«„Эль-Шааб" — это арабский, а не израильский журнал, — поправляет Иван. — Вообще же, обо мне есть главка-справка в „Википедии". Размещена она там исключительно в интересах дела, поскольку я, как и Володя, человек замкнутый, не люблю публичность, суета это всё. Об атмосфере наших студенческих и последующих лет любопытно написал Александр Белокопытов в нашумевших „Рассказах о Литературном институте". Саша ещё чуть-чуть застал Володю, в основном по легендам Лита и немного — через нашу сокурсницу Анжелику Головенько, она сейчас живёт в Бельгии. Некоторые персонажи как бы зашифрованы по примеру катаевского „Алмазного моего венца", но узнаваемы. Есть в книге неточности и авторские вольности, граничащие с вымыслом, но это — художественное произведение, а не мемуары. В ней, если вам это интересно, фигурирует Алексей Зотов, один из лучших друзей Илюшина по институтскому семинару.

Ещё один общий наш друг — Александр Цуканов. У него на „Прозе.ру" есть роман „Жив, всё отлично!". Правда, в романе этом, как и в белокопытовских „Рассказах", есть вымысел, неточности. Там и я фигурирую, и Игорь Кузнецов, и Андрей Косёнкин, и Володя Илюшин, и тот же Алексей Зотов. Там, кстати, описано, как автор-герой Пешкин заезжает к матери Володи уже после его смерти».

«Этот эпизод сохранился только в интернет-версии, в „бумажную" он, к сожалению, не вошёл. Иван Аркадьевич, уже из первых ваших писем ко мне видно, что про Илюшина в целом знаете немало, а нельзя ли в двух словах… об отношениях его с родителями? При мне он, бывало, очень тепло упоминал о деде своём, но вот об отце — как-то глухо и недружелюбно, с мрачной такой ухмылкой, то есть определённо не желая или, может быть, стесняясь говорить на эту тему. Отец что — оставил их?»

«Кажись, да. Я Володю об этом не спрашивал, но заметил его натянутые как бы отношения с отцом. Отца я знал: он останавливался в нашей с Володей шестьсот шестнадцатой комнате на Добролюбова, 9/11, когда приезжал в Москву, угощал нас красной икрой; кстати, Володя лицом был очень на него похож. Есть у него и младший брат. Мать и брата он любил. Мать Володе деньгами помогала. Однажды, помню, и джинсы прислала, тогда это редкость была, джинсы-то. Он мне их предложил, когда я в Крым с одной девушкой поехал. Мать помогала, но денег не хватало, поэтому одно время он на стройке ночным сторожем подрабатывал, я его заменял несколько раз, „место держал", чтобы не пропало. Со своей стороны, зная, что я в машинку печатную ни разу в жизни лист бумаги не вставлял, в Лите мне печатали, когда надо было, то Володя, то Зотов, то ещё кто.

В Литинститут Володя поступал с рассказом или маленькой повестью „Путина“, там у него Одноухий-медведь фигурирует. Мы с Володей познакомились на „абитуре“, я потом в Мурманск уехал, а он комнату занял для нас; вот когда я вернулся, он и дал мне „Путину“ почитать — в ответ на мой вопрос, с чем он сюда поступал, на творческий конкурс что посылал. До сих пор помню эту вещь, даже некоторые фигуры речи… Владимир Илюшин, на мой взгляд, — один из лучших молодых писателей восьмидесятых — девяностых годов прошлого века: и по умению, и по стилю, и по пониманию художественной литературы. Недаром Виктор Астафьев сравнивал его с современным Гоголем (впрочем, как мне кажется, немного как бы авансом), а Александр Проханов, тоже не последний писатель, пригласил его на свой семинар… И я рад, что судьба свела меня с Володей: ещё со времён „абитуры“ мы шли с ним по жизни в Москве плечом к плечу, около двух лет, каждый день. Что называется, прошли через горловину (я имею в виду воронку времени).

Причём оставил он Москву и бросил Литинститут сам, по своей воле, после того как у него вышла первая книга — „Тихоокеанское шоссе“. Рецензентом её, что немаловажно, был тогдашний проректор Лита, будущий его ректор и министр культуры РФ Евгений Юрьевич Сидоров. Тот самый, который по личной просьбе Константина Симонова написал предисловие к первому советскому изданию „Мастера и Маргариты“… Последний раз публичное упоминание об Илюшине я встречал в „Огоньке“ в начале девяностых, в большой статье-обзоре современного литпроцесса одной из Ивановых — то ли Татьяны, то ли Натальи (их всего две, известных-то). Речь шла о „Глиняном человеке“ Володи, но там, если мне не изменяет память, он назван был „песочным“. Возможно, Володя повернул, перевернул его название с Гофмана на Голема. Или это — моя аберрация?..»

Так почему же он и со столицей досрочно раскланялся, думал я над словами Бессонова. И тут, словно угадав мои мысли, шлёт из Тольятти весточку Владимир Мисюк, ещё один сотоварищ Илюшина:

«Может, это и не столь важно, а было так: нас отчислили троих — Вовку, меня и карачаевца С. У. (пьянка — ментовка — ректорат…). Когда Володя приехал с первой изданной книгой восстанавливаться, то Сидоров не возражал и отправил его к зав. учебной частью. Он вернулся весёлый, говорит мне: как, мол, представил физиономию Светы, так ноги сами остановились. Короче, не пошёл он восстанавливаться, а пошли мы выпить».

«Как вышло, так уж вышло, — комментирует признание однокашника Александр Цуканов. — Ещё ранее можно было пойти на поклон к Проханову, но Володька не пошёл… Годы сглаживают острые углы. Многие талантливые люди неудобны в быту, и надо иметь большое терпение, чтобы выносить их разные выверты. Я прожил с ним дней десять в одной комнате без особых для себя потрясений; может быть, потому, что был старше и осаживал его по ту пору. Более года с ним жил Ваня Бессонов».

А Игорь Кузнецов успел познакомить Владимира с поэтом Юрием Влодовым. Весна, стипендия, магазин «Российские вина». Дорога ведёт через Столешников переулок к старому дому, помнящему ещё Гиляровского. Двор, спуск в подвал, дверь с выбитым замком. Стучат. Их встречает «человек без документов» — герой одноимённой зарисовки Илюшина. «Этот вечный бомж, бродяга, растерявший документы, сумел, однако, сделать то, что удалось единицам! — утверждал Владимир. — Он написал о войне, избежав соплей и лишнего пафоса. Написал так, что стихи эти по праву можно считать классикой жанра».

Эти строки появятся у Илюшина уже в Благовещенске, вскоре после нашего с ним знакомства.

«Я живу на вилле Боргезе…» Бежать надо отсюда, но куда?

Специальности нет, диплома нет, но пером-то он владеет. И в чём же, если не в газетном деле, попробовать себя начинающему литератору по завершении студенческо-солдатской одиссеи? Ко всё растущему кружку илюшинских биографов-«неформалов» присоединяется Александр Рябов, москвич, бывший редактор областной молодёжки:

«Я помню его красивым, уверенным в себе молодым человеком. Пытался работать у нас в „Амурском комсомольце“, но журналист из него, необученного, был никакой. Тогда он решил написать повесть — что-то вроде фантастики и детектива одновременно. В „АК“ к тому времени с успехом прошла публикация повести Славы Лецика „Дед Бянкин — частный сыщик“. Это его вдохновило. Мы с Володей заключили нечто вроде творческого договора. Он приносил очередную главу своего „Заколоченного дома“, мы её печатали. Но потом то ли из-за сырости сюжета, то ли из-за молодости и неопытности автора повесть перестала получаться — он всё никак не мог придумать ей конец. При подготовке глав к печати я тоже кой-чего дописывал, усиливал. „Рулил“ то есть. Но „велосипед“ катился по своей дороге, не обращая внимания уже ни на автора, ни на редактора. Не знаю, что тут сработало, но это недостроенное действо стало меня раздражать. Да и Володя охладел к своему детищу. В конце концов он принёс завершающую главу, там уже чуть не Господь явился главному герою и начал изрекать что-то нравоучительное.

Этого только не хватало в печатном органе обкома комсомола! Как мог, я дорулил „последние

метры“ и зарёкся связываться с Илюшиным как писателем. Он и сам уже ни на что не претендовал. Но вскоре у нас на бюро обкома стали просить предложения на звания лауреатов премии Амурского комсомола, и сама собой возникла кандидатура Илюшина. Я заверил коллег, что, в принципе, этот молодой человек не без литературного дара, настроен на новые труды на этой стезе. И вскоре радостный Илюшин получил официальное признание. Как ни странно, он и в самом деле начал писать какую-то новую повесть».

Повесть-новинка — это «Выстрел», одно из наиболее удачных произведений нашего прозаика. В дни полувекового его юбилея вот что скажет уже упомянутый здесь Владислав Лецик:

«Я познакомился с Володей в тысяча девятьсот восемьдесят четвёртом году. Это было пиком советской затхлости. И я, помню, был поражён, когда в этот период Илюшин выдал повесть о дедовщине „Выстрел“ — просто шок. Спустя некоторое время в журнале „Юность“ мне попалась повесть столичного прозаика Юрия Полякова „Сто дней до приказа“. Сюжет практически полностью повторял то, что написал Илюшин. Только у Полякова, по-моему, вышла бледная беллетристика. Главная особенность Володи, что бы он ни писал, — это умение охватить время».

А вот каким представлялся тот же период Ирине Ушаковой — тогдашней сотруднице нашей молодёжки, ныне редактору газеты «Моя Мадонна», где она и поместила когда-то этот свой рассказ:

«Когда он вернулся из Москвы, пришёл работать в „Амурский комсомолец“. Ему было двадцать четыре года. И это было его лучшее время. Признание, книги, друзья. Будто всё счастье, которое отмерено судьбой, обрушилось на него сразу, а потом пошла чёрная полоса. Однажды я спросила: „Сколько тебе лет?“ — и он ответил: „Восемьдесят. У меня год идёт за три“. Это очень похоже на правду: Илюшин был не просто умным, а понимал о жизни что-то такое, чего в его возрасте, кажется, невозможно понять. В его книгах это особенно чувствуется. Кстати, за „Письма осени“ его исключили из комсомола. Он уволился из редакции, чтобы писать, а Пограничный райком ВЛКСМ признал его тунеядцем. Когда Володя об этом узнал, он рассмеялся: „Ну, не буду вечно молодым“. Но было видно, что его это задело. Задело, что работу писателя не считают работой...»

Это, собственно, и вся «внешняя» биография Илюшина. В остальном — непрерывное самозабвенно-жертвенное корпенье над новыми и старыми текстами да попытки хоть как-то устроить личную жизнь. Конечно, к значимым фактам-событиям в его жизни следовало бы отнести свадьбу, сыгранную 23 августа 1989 года.

«Я был там, — сообщает мне Виктор Рыльский, работавший тогда на Амурском радио. — Гуляли в ресторане „Амур“. А по окончании произошла драка. Вовкин друг по кличке Окунь затеял. Вот так. Свадьба без драки — не свадьба. Жизнь молодых не заладилась».

Наш с Илюшиным сослуживец по «Вестям» Павел Тудвасев, укоренившийся позднее в Перми, с Владимиром сблизился во второй половине восьмидесятых.

«Познакомила нас N., она была его поклонницей. Всё мне читала рассказ „Абзац“. Наизусть. И вот я не могу понять его отношения к женщинам. Поклонение, как от N., он принимал. А влюблённым я его вообще не помню. То, что он женился, для меня было чудо, как будто скульптурный Ленин встряхнулся и пошёл с благовещенской площади перед Заксобранием. Не нужны были ему бабы».

Не исключено, что и так. Однако на первых порах Владимир и его избранница неплохо ладили, даже одному из любимейших его занятий предавались вместе. С Цукановым он делился планами насчёт очередной такой вылазки:

«Здравствуй, Саша! Я пьян. Я пью бражку. Поэтому пишу, как Шкловский. Посылаю роман. И письмо. Жаль, что ты не поедешь на всесоюзное совещание, можно было (бы) всё конкретно обговорить. В июле идём на Амгунь. Пять человек. А может, четверо. Медведи. Горбуша. Конкретно времени не знаю, но в июле. Делай командировку. В Хабаровске всё устроим от бюро пропаганды. Делай. А я, наверное, женюсь. Уже женился! Но штамп не поставил. Такая, понимаешь, морока... Думаю, мы с ней в июне поедем на Вятское на неделю и там потихоньку распишемся. А то ведь у меня нет костюма, я их вообще ненавижу, эти костюмы».

Вятское — это озеро, популярное у хабаровских рыболовов. И, между прочим, есть у Илюшина рассказ «Рыбалка на Вятском», очень лиричный по тональности — явно женское влияние, хотя все персонажи — мужчины.

В другом письме тому же адресату говорится:

«Я тут, чёрт подери, уж затосковал в этом нашем Благовещенске. Ни поговорить, ни выпить толком, живём-то в общаге, вполне по-блатному: в одной комнате грузин и грузинка, в другой — директриса кабака, в третьей каждый день скрипят панцирной сеткой какие-то люди, которых не знает никто, в четвёртой, как водится, — мать одиночка. Сначала ужасался, теперь уж привык и со всеми здороваюсь. Осенью вышла третья книжка, в серии „Молодая проза ДВК“. Зажал с неё немножко деньжат в зубы, теперь сижу за городом на станции Белогорье и вымучиваю роман про советского человека, неверующего, пьющего, похабного и ни на что не годного. Написал почти триста страниц и задумался: стоит ли о таком сукином сыне писать? Что подумают обо мне потомки? Не перегнул ли я палку? Эти грубые мысли измучили тонкий мой

организм, и без того отощавший от вынужденной трезвости. А вообще-то здесь хорошо, тихо, за протокой фазаны бегают, банька имеется.

„Современник“ меня отодвинул на следующий год. Да оно и к лучшему. Есть повод стиснуть зубы, хотя это трудно. В зубах—толика деньжат и перепуганная перестройкой жена, так что, если зубы сжать, будет хреново жене и деньгам. Очередной, так сказать, кризис, надлом палки, которую я всё же перегнул.

Бежать надо отсюда, но куда? Видимо, в Хабаровск. Во Владивостоке очень стало похабно».

Примечательно, что в первом из только что процитированных писем заявлено: «Владивосток—хороший город». Вышедшая в нём книжка—это сборник «Первому встречному». Стало быть, на дворе 1990 год. Около этого времени у Владимира состоялись важные встречи-знакомства—с писателем Борисом Черных и преподавателем французского и английского языков и литературы Веталлой Маликовой; о ней жена Илюшина как-то сказала мне, что это единственный в Благовещенске человек, с которым Володе в те годы было по-настоящему интересно. Слово—Веталле:

«Мы не были любовниками, но—душевно близкими единомышленниками в оценках местной литературы и местных литературных деятелей. Того же Б. Черныха. У нас были общие литературные вкусы, и моя специальность и его начитанность позволяли нам общаться на интересные для нас темы. Генри Миллер был одним из любимых нами писателей. И фраза „Я живу на вилле Боргезе“, которой мы шутливо приветствовали друг друга,—цитата из его романа „Тропик Рака“—звучала как издёвка над нашими серыми и малоденежными буднями. Вот что об этой книге пишет Норман Мейлер: „Миллер начал там, где остановился Хемингуэй. Мы читаем «Тропик Рака», эту книгу грязи, и нам становится радостно. Потому что в грязи есть сила, и в мерзости—метафора. Каким образом—сказать невозможно“. Если не читали, прочтите, великая вещь для понимания молодого писателя, каким тогда был Володя. Но вечная беда всякого русского мало-мальски интеллигентного и талантливого, но слабого человека—алкоголь—сгубила его».

Бобыль

После вышесказанного мне легче разобраться и в собственных воспоминаниях. Их осталось не так уж много; в какой-то момент забылось даже, что иногда записывал то или иное западавшее в душу. И записывал не только для себя (хотя раньше не помышлял говорить о Владимире публично). Например, впечатления от начальных контактов с ним пересказывал по-дружески Валерию Черкесову, лет за десять до того переселившемуся в Белгород:

«А вот—литературные и прочие новости. Волчков из материалов его газеты „Ни пуха, ни пера“ сделал книжку, первый сборник из предполагаемых четырёх. Надо бы найти, посмотреть. Твоего Егорыча в нашей редакции боготворят, и это мне—приятно. Гену Хорошавцева „ушли“ за известное пристрастие. Вроде бы и сам виноват, и жалко до чёртиков, чуть подумаешь, на что же он жить-то будет. Из всех „вестевцев“ он для меня, пожалуй, самый симпатичный.

Володя Илюшин ушёл сам. Не вынес, должно быть, служебного соседства… Это также печально. Отличный парень, умный, душевный, хотя гнёт своё подчас крутовато. За время знакомства мы стали приятелями. А сегодня он мне говорит: заходи, чуть что. Зайду, конечно. Мало-помалу приучаю его к мысли, что есть на свете такой человек—Валерий Черкесов. Слушает с интересом. Недавно подарил мне свою книжку, выпущенную во Владивостоке,—знаешь ли, это действительно литература, а не… Кстати, это он, Володька, был моим душеприказчиком в проталкивании Могильникова; так, бывало, и говорит: „Запомни, Сашка, я твой душеприказчик в этом деле“. Однажды, правда, спросил, зачем это мне. С такими, как он да Геннадий, людьми общаться—это же чистое удовольствие, душа просветляется. Нам бы встретиться раньше!»

Или вот ещё пометка, на сей раз дневникового свойства, из той же весны девяносто третьего: «15 апреля был я в его новом обиталище—во втором микрорайоне. Пили чай, допоздна засиделись…»

Недели через три супруга выпроводила меня в облцентр с наказом: без денег не возвращаться. Пришлось отсидеть на газетной летучке. Устав от говорильни, выбираюсь наружу. Близ троллейбусной остановки у Калининского переезда вижу Володю. Он брёл на вокзал за билетом: хотел тёще своей в Шимановске или Сковородино вскопать землю под огород. «У тебя в редакции дела есть?—спрашиваю.—Так зашёл бы: новый шеф на злобу дня выступить собирается. Может, и про зарплату».—«Это мне не надо»,—отрезал Владимир и пригласил меня к себе—«чуть что». Благодаря этим двум словечкам и вызрело письмо к Черкесову.

«29 мая 93, суббота. Вчера опять отметился в редакции. На последний автобус опоздал. Ночь—у Илюшина. Тут я был предупреждён, что у него третья, а то и четвёртая степень алкоголизма. Жена между делом клеймит его весьма нелестным для нас, мужчин, эпитетом и как только ещё не называет по возвращении со службы, а всё-таки любит; сошлись они поздновато, ребёнка не имеют, вот и бранятся-тешатся. У самого входа стоит… топор внушительных размеров. Ради товарища я ударился в дипломатию и, кажется, небезуспешно: понося мужа, Ирочка нажарила карасей, по её

просьбе иду будить „ужасного“ Владимира. Из „Вестей“ он ушёл, подрядился на часть ставки в „Амурской газете“. Опростав пол-литры три белой, заговорили мы о литературе. „В принципе, после Джойса в ней делать нечего“,— обронил он. Великодушно отдал мне „Колымские рассказы“ Варлама Шаламова, какие-то „Опасные связи“, настойчиво предлагал вдобавок томик Анатолия Кима. Я сказал, что подарок и без того шикарен, Кима же, если не передумает, возьму в следующий раз. Что ещё интересно, Володе понравилось начало моей новой вещицы».

«3 июня, четверг. Меня сегодня Гофман похвалил. Это он теперь правит мои материалы, и это ему в прошлую пятницу, до того как заглянуть к Володе, я сдал нечто безжанровое из впечатлений от командировки к горе-фермерам. „Хорошо написано“,— сказал Марк Либерович, и мне бы радоваться, но, поблагодарив, отвечаю пословицей: „На безрыбье и рак рыба“. Сие к тому, что „Вести“ чересчур ввязались в политику, стали из-за этого скучнее, плохо раскупаются в районных и городских киосках. Хотя раньше не залёживались на прилавках, шли нарасхват. Отказ нового губернатора финансировать нашу газету как больше не нужную обладминистрации и переход „АВ“ на самоучредительство отпугнули от нас Илюшина, Тудвасева, сказывается и полууход из редакции Хорошавцева, продолжающего сотрудничать здесь внештатно, по контракту. Без участия в общем деле таких крепких ребят могут и мои материалы казаться „хорошо написанными“».

Сомневался в себе. Но старался. И успевал не только в дежурной тематике. В январе 1993-го напечатал целевую страницу «Память» (а в 2006-м на её основе дописал очерк «Человек, любивший Гейне» для альманаха «Амур»). Посвящалась она Анатолию Могильникову. Кто это? Успешный переводчик. И поэт. Пытался он также заявить о себе в публицистике, прозе. Выходец из Приморья, немалую часть жизни провёл в нашей области, где—на поселении под Райчихинском—и скончался. Мы дружили, он писал мне из лагеря, хранил у меня свои свежие работы в прозе.

Со слов коллег, сам Гофман прослезился, и не раз, над рукописью «Памяти» моей. Ведь это была и его память, он ценил моего друга как поэта, привечал-поддерживал не только морально, оттого и растрогался. А Илюшин? Понятия не имею, что он там вычитал, но потом долго ещё вытягивал из меня какие-нибудь новые сведения. Редкая встреча обходилась без таких разговоров, и образ Анатолия служил эдакой арматурой в «бетонировании» наших дальнейших отношений. Любопытствовать Володя умел. Его занимало всё: внешность, характер, бытовые обстоятельства, личные связи, мировоззрение, привычки и даже причуды этого необыкновенного человека. Лишь сейчас догадываюсь, что, вероятно, он сравнивал Толика со своим хабаровским другом, поэтом Виктором Еращенко, также до обидного рано умершим.

По выходе той странички Владимир начал и ко мне больше проявлять интереса, а я постепенно разглядел в нём душу сродни могильниковской, это сблизило нас ещё теснее. Не раз подумав, именно к нему обратился я за помощью в продвижении повести «Потерянные пенаты», которую Толя оставил мне на хранение с условием возврата по первому же требованию. С февраля 1979-го отдавать «Пенаты» стало некому. Рассчитывать на пропуск такой вещи к массовому читателю в советские годы было бесполезно, оставалось только ждать... неведомо чего. Но вот и ветер перемен. Кто хлебнул его, тот знает, что это такое. Случалось тогда и отрадное. Так или иначе, наряду с подборкой «Память», в которую вошли отдельные места нашей с Анатолием личной переписки, его стихи и мой рассказик о нём, я предлагал «Вестям» эту повесть. Редактор, обычно сговорчивый, отмахивался: мол, я же не писатель, мало в литературных делах понимаю. Ладно, говорю, будет тебе писатель. И подвожу к нему Илюшина. Гофман тоже находил нелишним замолвить словечко. Увы, не помогало ни то, ни другое. Ничего, мы и не под такие крепости подкапывались.

«12 августа 93, четверг... И многое другое можно перенести, да вообще всё, кроме жёниного упрёка—взамен прежней, доброй улыбки—по моём приезде из города: „Неужели мы должны содержать тебя?“ „Мы“—это она и дети. Вот сказанула так сказанула! Лучше б уж нашумела, расплакалась даже, и то легче. Пора искать приварок. Есть смысл наведаться в „Амурскую газету“, в старинный двухэтажный особнячок, где не менее уютно чувствовала себя в своё время редакция нашей молодёжки. Там теперь и Володя Илюшин, он переходит не сегодня-завтра на полную ставку и всячески оберегает от меня Бориса Черных. Тот в последней декаде июня обещал посмотреть неопубликованное из Могильникова».

Таким возбуждённым, как в то утро, я никогда Владимира не видел. Он то и дело отлучался из фотолаборатории, куда сам же меня затащил на разудалую журналистскую пирушку, возвращался и опять исчезал. Что-то случилось?

«Борис приехал!—пробасил он.—С экспедицией от журнала „Родина“ готовится к сплаву по Амуру. Нынче явился ни свет ни заря, сидит в кабинете у шефа да по телефону денежку на дорогу выколачивает».—«Стало быть, это к нему ты бегаешь? Слушай, а можно и мне зайти? Минут на пятнадцать, не больше».—«Ну зайди, коль надо. Только, пожалуйста, держись там посолидней».

Пока с гостем из Ярославля, где Черных руководил своей газетой «Очарованный странник», мы

толкуем о незавидной участи могильниковских трудов, Илюшин время от времени входит сюда, стоит или прохаживается рядышком, покашливая деликатно в кулак, вставляет и собственные суждения, если его спросим. Черных угрюм обычно (что я заметил ещё зимой 1971-го, когда Черкесов представил нас друг другу в этом же здании), а тут и вовсе непроницаем. Велит мне говорить—и не отрывает взгляда от каких-то бумаг, разложенных по столу. Слышит ли он меня? Да ещё в разгар беседы про «Пенаты» интересуется у Володи качеством стихотворных переводов, большинства которых мой товарищ и в глаза не видал.

«Скажи, Владимир, как ты считаешь, талантливо это или не талантливо?.. А у кого сейчас авторский вариант повести? Понятно,—Борис Иванович встаёт из-за стола, но взгляд его по-прежнему устремлён вниз, на документы.—Вы, Александр, присылаете мне любой, хотя бы и третий, экземпляр машинописи, я его смотрю и решаю судьбу переводов. Увижу, что это талантливо,—предложу их, допустим, „Литературной газете“. Согласны?»—«Конечно, согласен. И куда же я вам такой экземпляр, если он найдётся, пришлю?»—«Можно оставить здесь, у редактора. Предупредить, что для меня. Успеете сделать всё это—я возьму вашего Могильникова в экспедицию и почитаю. Сплав начнётся первого июля. У вас—всё? Благодарить меня рановато. Всего доброго».

Тем бы дело и кончилось, но у самых дверей я затоптался на месте, поворачиваясь всем туловищем к определителю талантов. Он: «Что ещё?»—«Извините, но это не мой Могильников, а наш. Общий. Он ведь не только для своего удовольствия и тем более не для моего писал. Он писал для всех. Где сейчас переводы, неизвестно. Анатолий держал их у своей матери. Где она, тоже не знаю. Кроме того, она под старость лет могла передоверить рукописи кому-нибудь ещё. В любом случае за неделю вряд ли что удастся. А судьбу повести решить и здесь можно. Даже нужно. Сколько лет ещё маяться ей в моей гнилой коммуналке? И, может быть, вместо „всего доброго“ нам лучше „до встречи“ сказать?»

Тут наконец что-то живое шевельнулось на дотоле бесстрастном лице Черных. Он, усевшийся было, вновь привстал, подался ко мне правым плечом, и хотя продолжал изучать мысленно бумаги на столе, но место внятного властного голоса вдруг заступило полубормотание-скороговорка: «Да... вот вам... держите руку на прощание».

«Красиво провёл ты эту встречу! Борису понравилось,—воскликнул Илюшин, догнав меня в коридоре.—Ну что, потопали в фотолабораторию, хлопнем по чарочке за успех нашего безнадёжного дела? Шучу».

Так публикация последней прозы Могильникова, этой социальной сатиры под маской фантастики, стала явью. В июле повесть напечатали в «АВ». Причём не кусками, как предполагалось, а полностью и в сопровождении приличного рисунка.

«1 сентября 93, среда. На днях отвёз Володе огурцов да помидоров свежих, и снова мы загуляли до безобразия... Где нас только не носило с Илюшиным! В редакцию—на пару минут. Домой—в пятницу, к вечеру. Половинка моя над столом хлопотала, говорит: „Приехал, гулёна?“ Такая ладная собою, стоит спиной ко мне, лица её не видно, лишь голос выдаёт улыбку. Отвечаю нахально: „Приехал“.—„Нагулялся?“—„Ох, нагулялся“. Дети рады миру между нами, взрослыми».

Из недатированной записи в блокноте; около тех же дней: «А Володя потому так ревнует ко всем Черныха, что, наверное, тот помогает ему пробивать разные чисто литературные дела. Однажды, ещё в „Вестях“, я случайно увидел на илюшинском столе объёмистый конверт с подмосковным адресом Бориса Ивановича. Стоило же последнему очутиться в Благовещенске, как в двух номерах „АГ“ прошла глава из нового романа Владимира—„Генсек и музыкант“. Прошла, надо полагать, не без содействия Черных. Не об этом ли романе говорила мне, жалуясь на мужа-бессребреника, Ира илюшинская? Когда, мол, он писал это, она всё-всё терпела, кормила его и т. д. Кстати, в августе—четыре года, как они женаты».

А на шестом году замужества ушла Ирина от Владимира. Опираться в Благовещенске оказалось ему не на кого, и новоиспечённый бобыль зажил «на три города». Так выразится Александр Лобычев, бессменный приморский литредактор и доброжелательный критик Илюшина. Владивосток—один из этих городов-пристанищ писателя. Там и поныне охотно выпускают в свет прозу нашего земляка.

Старик лохматый в белом балахоне, сержант милиции, Лоншаковы, Фролов и другие

«В тихих переулках окраин пыль скапливается десятилетиями. По ночам она серебрится, и тогда кажется, что это не пыль даже, а прах ветхой жизни, дотлевающей за глухими заборами под брёх цепных псов. Бродят по переулкам куры, отыскивая в пыли косточку или семя, сонно зевают на улицу окошки, но небо над крышами широкое, как над степью, звёзды крупные, и если хорошо поискать, то обязательно найдётся в благополучной путанице дворов, гаражей, пристроечек и огородов ветхая развалюха, где среди хлебных корок и пустых бутылок тоскует одичавший и нищий русский гений, изобретающий машину времени или там эликсир правды. А в общем же, неистребимый старушечий дух всё здесь себе подчинил, и даже свежий человек, забежав сюда случайно с шумной заасфальтированной улицы, по которой нескончаемо катят автобусы и грузовики,

начинает медленно переставлять ноги, тишает, как бы заворожённый видом этого пепла житейского».

Таков зачин «Свистопляса». И таков же, говоря обобщённо, мирок, в котором обитает большинство литературных героев Илюшина, «людей в прошлом тоже деревенских». В этом рассказе он побуждает читателя «обонять» неистребимый старушечий дух, «видеть» пепел житейский. Впечатление сильное. Гораздо острее передано такое же, отнюдь не весёлое, настроение в «Письмах осени». А склонившись над «Буханкой», мы сопереживаем герою-рассказчику — юнцу-беглецу, могшему бы и сгинуть по неопытности вдали от родительского дома, в чужих краях за Уралом, не вмешайся тут бывалый милицейский служака, сердобольный сержант Сидоренко.

«Казалось, какая-то целенаправленная злая сила держала меня на привязи вот уже третьи сутки. Утро — вечер, утро — вечер, солнце по кругу, и всё тот же вокзал в облупившейся вылинявшей краске; или, быть может, в самом названии „Филоново“ есть намёк на некую ленивую тягомотину, на безалаберность, которая даже в безбилетном проезде на товарных поездах даёт себя знать? <…> Бессознательно я старался идти другой дорогой, по другим улочкам, мне казалось, что, может быть, где-то на незнакомой мне улочке караулит удача, ведь всегда надеешься на лучшее, а где ж ему быть, как не там, где ты ещё не был? Но улочки все были похожи одна на другую…»

И в «Глиняном человеке» — опять про «вот эту вялую, словно по принуждению текущую жизнь». Так случайно ли Витюху, героя «Свистопляса», неукротимостью своей напоминающего мне шукшинского Сураза, наделил автор той же фамилией, что и в «Глиняном человеке» — местную знаменитость времён Гражданской войны, в чью честь в центре села поставили незамысловатый памятник из подручных материалов? Оба они Лоншаковы, предположительно — дед и внук. То бишь налицо преемственность поколений. Другое дело, к чему она, преемственность-то, ведёт. Нет, никак не случайно это совпадение фамилий. У Владимира вообще случайного нет, всё выверено, вымерено, всё что-нибудь да значит. И то, что представляется нам непонятным или загадочным в одном произведении, непременно «расшифровывается» в других. Так, в повести «След в след» и романе «Письма осени» развёрнутой многозначной метафорой предстаёт перед нами «серое бетонное кольцо, какими выкладывают колодцы канализационных коллекторов». Не говорю уже о роли зеркал в тех же «Письмах…» и «Тихоокеанском шоссе». Да и не только зеркал-перевёртышей. В едином пространстве-времени сосуществуют, сближаясь или отдаляясь, два действующих лица: Павел Андреевич и Андрей Павлович («След в след»); едва ли случайно и это противопоставление. Я порой думаю: не пытался ли он таким вот образом обходить цензурные кордоны? Одиннадцать лет не печатался «Выстрел», могло быть и дольше — и пишутся «Трое суток д/б». Тоже об армии, и не менее жёстко, но уже не сугубо реалистично, а трагикомично исполненные.

Да, немало всплывает из глубины илюшинской прозы при неспешном и вдумчивом чтении. Жаль, не до этого стало мне в годы живого общения с писателем, всё время забирали газетная служба и семейные хлопоты. Впрочем, есть люди более везучие. Те, для кого разбор «изящной словесности» был обязанностью. Далее рассказывает Анатолий Полищук. Его, как и Виктора Еращенко, заочно отрекомендовал мне Владимир в качестве одного из ближайших своих друзей.

«В тысяча девятьсот восемьдесят четвёртом году я пришёл работать в отдел прозы журнала „Дальний Восток“. Начались лучшие пять лет моей жизни. Я пришёл с иновещания, с заработка в триста шестьдесят рублей — на оклад в сто двадцать. С новичка шкурку драть. „Наградили“ меня грудами пыльных рукописей. Сиди и отвечай авторам, почему их нельзя напечатать. За пару месяцев я впал в печаль и тоску, так как убедился в закате советской литературы. И вот в конце лета, после тысяч страниц графоманства или холодного московского словоблудия, под руку попалось несколько Володиных вещей. В тех тетрадках точно помню маленькую повесть „Путина“. Очерёдность знакомства с его дальнейшими вещами соблюсти не могу. Помню, как по мозгам ударил рассказ „На берегу“. Вот с чего, кстати? Пара пьяниц, один к тому же слепой… От чего там прийти в восторг или нервное метание по комнате? И так же доставали потом „Глиняный человек“, „Буханка“. Той же осенью сообщил ему, что не сомневаюсь в своём открытии нового сильного писателя. Много позже Лобычев с улыбкой вспоминал, как в следующем году я их с Сашей Колесовым и Раей Мороз достал восторгами о некоем писучем молодом таланте, который сравним с Лермонтовым. В конце концов оба Саши из Дальиздата сказали: Полищук прав».

Первым делом к Полищуку и устремился Илюшин вскоре после семейного разрыва. Да ещё-то с распростёртыми объятиями никто его тут не ждёт, и он возвращается не солоно хлебавши. Повторяет и повторяет подобного рода заезды, а, по большому счёту, в низовьях Амура не прижился. Встречи наши поредели, но не прекращались.

«5 января 96, пятница. Утром двадцать девятого Глеб Илюшин больше для меня, нежели для себя самого, звонил брату в Хабаровск. Так я накоротке переговорил с Володей».

«20 февраля 96, вторник. Попил кофейку с Глебом, узнал, что Вовка своё хабаровское детище, монархистскую газетку, развалил и устроился в „ТОЗ“ (здесь — традиционно-просторечное

наименование краевой газеты „Тихоокеанская звезда“.—*А.Т.*)».

«7 мая 96, вторник. У братьев Илюшиных дядька повесился, Володя приезжал на похороны; всё это—с неделю назад».

«31 января 98, суббота. В позапрошлую пятницу, двадцать третьего, между собкоровским и общередакционным собраниями видел Вовку Илюшина. В нашей „Амурской правде“ (куда меня забрали полутора годами раньше.—*А.Т.*) ему в приёме на работу отказали ввиду его известной слабости, зато Борис Черных—теперь он тоже в Благовещенске—помог устроиться в общагу».

«24 мая 2000, среда. Думаю над очерком о Могильникове к его шестидесятилетию; да и Алюшину (в августе) будет столько же, а Илюшину в этом году—сорок».

«Последние его десять лет были очень нехороши,—горюет Полищук.—Я пристраивал его то туда, то сюда, всюду потом получал за него. Хотя дружили до последнего. В общем, его мощно уже несло. После развода основным жильём стала хлипкая хибара его бабки на „втором Хабаровске“. Бабка была сварливой, регулярно внука выгоняла—так воспитывала за пьянство. Без своего угла, без заработка, без единой близкой души, с могучим талантом и невыключающимся интеллектом… Я тогда—после онкологической операции и долгой химиотерапии, в разрушенном своём семейном очаге—был похожим кандидатом на тот свет, но меня окружали мои родные стены, у меня хоть горшок был родным, а у Володи—абсолютно ничего. Даже плохонькую пишущую машинку скоммуниздили в Союзе писателей. О краже он мне сообщил с обычной своей мрачной усмешкой, а я тогда, помню, жёстко подумал: вот и смертынька неподалёку, и никто не защитит.

Ещё через несколько дней его в очередной раз выгнала бабка. Я пристроил его на „второй Воронеж“ к знакомому старику—на третий день Володя с ним подрался. Пристраиваю к одинокой женщине, пятью годами младше Володи,—протерпела его около месяца. Пыталась и пить с ним, и отучать его от водки. Но помочь ему уже было невозможно. Вскоре судьба сама прибрала его. Шёл—снова—к бабке в её халабуду. Гипотонический криз. В общем, от голода».

На сороковинах Илюшин-младший рассказывал о брате:

«Последнее время в Хабаровске много писал. Была сдана в печать книга, она выйдет осенью. (Посмертный том избранного действительно выпущен. Только не в Хабаровске—там не озаботились ни одним отдельным изданием произведений Илюшина—и не в Благовещенске, а во Владивостоке. И не в 2001-м, но в 2012 году.—*А.Т.*) Свою собственную жизнь он менять не боялся, а вот когда страна распалась, когда начались перемены и всё пошло кувырком, брат страшно переживал, часто говорил, что он монархист по природе. У него словно выбили почву из-под ног».

Тут поневоле приходит на ум «свистопляс». Хлёсткое словцо легко принять за прозвище, однако в нём не что иное, как характеристика образа—нет, образца поведения, который Лоншакову-внуку осторожненько нахваливает «скользкий один мужичок по фамилии Копцов. Не любили его—чувствовалась в нём какая-то червоточина. Появился он неизвестно откуда, вида был неприятного. Лысенький, с брюшком. В разговоре хитёр. Похихикивал. Никогда слова грубого не скажет, не обидит, про жизнь спросит с участием, ребёнку конфетку даст. Но дети его не любили, прятались от него, и собаки на него не лаяли, вот что удивительно. Точнее всех его определила старуха Бобкова… не терпела, величала пауком. <…> Старый Лоншак стал примечать, что из комода деньги пропадают, пробовал с Витькой говорить, но тот строил невинную физиономию, и старик только кряхтел от огорчения. Был у Копцова по этому поводу даже стишок:
—Живём,—говорит,—Витя, только раз! И жизнь наша—свист да пляс».

Таких персонажей немало у Илюшина; есть среди них и полное ничтожество, вероятно, переведённое автором из недописанного в зазейском Белогорье романа—«про советского человека, неверующего, пьющего, похабного и ни на что не годного»—в герои рассказа «Рассуждения и похождения Ивана Фролова в отгульный день». Вспоминается мне коротенькая перемолвка с Владимиром: «У тебя Ванька там как живой. Ты и сам, наверно, с бочонок зелья на грудь принял, чтоб в образ войти?»—«Хуже! Кололся…»

(Очерк этот был почти окончен, когда почта моя пополнилась дружелюбной весточкой от Бориса Лукина, поэта из Подмосковья, составителя известной литантологии «Наше время», в предпоследний том которой включён и раздел об Илюшине. Борис Иванович подсказывает: «Интересное хочу вам дать размышление-догадку. В одном из произведений есть имя Иван Фролов. Так вот, я больше чем уверен, что прототипом его был настоящий человек… сыктывкарский поэт. Один из известнейших и многообещающих тогда авторов. Судьба его печальна, к сожалению… Обратите внимание».)

Образы эти, конечно, собирательные. Здесь надо бы ещё добавить, что у него совсем нет пресловутых положительных героев, за исключеньем, пожалуй, чудака Сушилина из рассказа «На собрании». Положительных в смысле, общепринятом для советской беллетристики. Уже в начале восьмидесятых студенты Литинститута, как мы помним, «готовились к схватке со зверем». В девяностых личное представление писателя о потенциальном

противнике резко расходится с предшествующим, то бишь «зверь» меняет личину. Прототипы Ивана Фролова превратились в бомжей либо малоимущих, им Илюшин по-прежнему сострадает. Копцовы же из вечерних и предрассветных сумерек выбрались на дневной свет и почувствовали себя хозяевами жизни. Всё перевернулось. Растерявшись от неожиданности, Владимир пишет статью, выдержанную в совершенно ему не свойственном упадочническом духе. Чего стоит один заголовок: «Война в литературе закончилась. Взаимным поражением». Он вопрошает: «Что же приключилось с самым читающим в мире народом? И с его творцами? Давно не появляются книги Астафьева. Не слышно Кима. Почему в необъятно раскрывшихся книжных развалах люди выбирают дешёвку, дерьмо? Куда вообще подевались писатели?.. Почему новых нет?»

И сам себе отвечает: «Всё очень просто, литература в России всегда шла чуть впереди общества и первой вступила в рынок. Рынок литературы у нас уже есть, и он чётко поделил потребителя, покупателя на несколько категорий. И оказалось, что самая читающая в мире страна предпочитает детективы. Оригинальная российская литература умирает, её не хотят читать... ...Правда людям не нужна, они живут в ней и знают её не хуже писателя. <...> Русский писатель как особый вид человека разумного, видимо, исчезнет с лица земли. Литература победила, а потому—проиграла».

Минувшей зимой решил я проверить актуальность этой публикации. Скопировал и выложил её в социальную сеть. Представьте себе, поступил не один комментарий. В том числе—от известного российского поэта Сергея Арутюнова, доцента кафедры творчества Литинститута. Выводы Владимира он оценил как «мысли, тогда относительно новые. Вспоминая тот период, критики говорили: синдром катафалка. Хоронили поэзию, малую и большую прозу, саму критику. Что, удалось? Страны не стало, но литература старается быть в обстоятельствах гибели, как только выяснилось, что погибла не Россия, а форма её бытия в двадцатом веке. Потеряв треть территории, мы пытаемся свыкнуться с мыслью о том, что жертвы были напрасны и вина за них лежит на нас, допустивших их. Илюшин был прозорлив в девяносто втором так же, как мы слепы сегодня».

...В повести «Трое суток д/б» пятеро военных «двинули к вулканам через дивизионное стрельбище». Отдохнуть от службы, природою полюбоваться. Рассказчик—сержант Илюшин:

«Отсюда хорошо было видно, как вся местность довольно крутыми, но мягкими уступами падает к океану, и видна была земная покатость. В самом воздухе разлита была какая-то туманная блёклая рыжина, так что нельзя было разглядеть ни дороги, ни нашего лагеря. Казалось, сама природа отсекала их как нечто неважное, несущественное, а здесь, на высоте двух тысяч, воздух был немыслимо синий, плотный, казалось, по нему можно ходить босиком. Мы стояли, боясь спугнуть эту неземную, грозную тишину, и тут случилось что-то непонятное. В прогал между Корякским вулканом и Авачинским наплыла огромная расхлябанная тень, чем-то похожая на старика в балахоне...»

И всё вокруг пришло в движение, налетел шквальный ветер, он принёс град.

«...А через пять минут вдруг всё кончилось... И воспоминание об этом плотном, высоком, очень синем небе, похожем на иную твердь, ещё долго беспокоило и тревожило меня.

Я вспомнил о нём в одиночке и вдруг понял, что видел воочию *иное* (курсив мой.—*А. Т.*) бытие. Понял и испугался неизвестно чего. Лучше было думать о чём-нибудь другом, земном и тёплом. Дичь чистой воды, но я беспокоился...»

Неземное, непостижимое человеческому рассудку соседствует во всей прозе Илюшина (в главном остающегося, однако, реалистом до мозга костей) с обыденным, «земным и тёплым», что позволяет ему—и читателям—возвышаться над суетным в любой обстановке:

«Сам себе кажешься командированным на этом месте. Идёшь ночью по шоссе, если вдруг приспичит прогуляться, и никого, ни души! Фонари горят, в болоте квакают лягушки, а ты знаешь, что шоссе—до самого океана. И ведь тебе ещё предстоит тронуться дальше, ты этого ждёшь подспудно и представляешь все города и деревни, которые тебе предстоит пройти. Мне кажется—мы все такие. Временно командированные. А может, я ошибаюсь».

Воистину дивные строки! Но если для кого-то из нас жизнь—временная командировка, то для Илюшина—миссия. И он её выполнил. Стремление к совершенству—вот ключ к его творческому методу. Из удачного абзаца—рассказ, от рассказа—к повести, а повесть трансформируется в роман, или же роман—в рассказ.

«*Ещё не конец*, потому что жизнь не кончается с рассказом. Себя не жаль, но куда уходит живое, в какие дали? Где оно—бывшее ещё вчера? Вот рассказ, он лежит на подоконнике весь, кроме последней страницы» («Абзац»).

Пять лет назад, посмотрев пробные мои заметки о Владимире под названием «Проза, которую мы не прочли», Борис Черных произнёс одно-единственное слово: «Нормально». А вскоре обнародовал собственный документальный очерк «Отче наш», в который он переиначил «Мазурку», один из лучших своих же художественных рассказов. Такая вот метаморфоза. Или «притча», если угодно.

к 75-летию
со дня рождения

Геннадий Прашкевич

Аравийское море

● ● ●

Араукария в саду
доисторическом приснится,
встопорщенная, будто птица,
с которой ветер не в ладу.

И дивный параллельный мир,
давно описанный Шекспиром,
становится обычным миром,
как и предсказывал Шекспир.

И у тяжёлых мерных вод,
выкатывающихся из клетки,
срывается с шипастой ветки
всё тот же безымянный плод.

● ● ●

Это даже не туман,
это просто дымка, дымка—
голубая паутинка
от Гоа на Хиндустан.

Это молния в окне,
это спятившая пена,
ошалелая сирена
в опрокинутой волне.

Это набирает ход,
уходя в иную местность,
как в бездонную безвестность,
белый-белый пароход…

И, как прежде, ночь нежна,
и Луна светла, как прежде,
и тончайший луч надежды
достигает даже дна.

● ● ●

Вечер тени удлиняет,
на песке медузы стынут,
гладь песков запотевает,
будто зеркало в гостиной…

Так бы жить, не зная горя,
с ветряками не сражаться,
уходить с отливом в море
и с приливом возвращаться…

Охота

Шакалов, что рыщут в пустыне Мазандерана,
достанут только собаки Мазандерана.

Альдебаран расцветает в ночи, как рана,
и это значит: охота кончится рано.

И это значит: опять ползёт из тумана
Сухая тоска—забытой сурой Корана.

Шакалов, что рыщут в пустыне Мазандерана,
достанут только собаки Мазандерана.

De Profundis

(рыбный ресторан)

Из глубин взываю к тебе, о Господи!

Рыба плачет. Аквариум полон слёз.
Покупатели, нежась в распадах роз,
нежной сладости лотосов и олеандров,
в клубах дыма, как в гибких, размытых меандрах,
в берегах, как в обвалах тяжёлых мимоз,
выбирают…

Ещё не меня, о Господи!

Аравийское море

Звёздная мгла расцветает, как нежный колос,
беспомощным взрывом растёт в квадрате
Весов.
Совершенно и величественно Колесо—
и никогда не отклоняется
ни на один волос.

Золотистые веера
низких пальм синхронно раскачиваются.
Это файлы грядущего мерно скачиваются,
приходящее *завтра* мешая
с ушедшим *вчера*.

Юрий Беликов

Серпом и молотом

1.

Меня всегда забавляло ранжирное выражение: «А это — наш местный автор!» Вроде как слово ни при чём, хорошее, привязанное к местности, а тем не менее, «обработанное устами», приобретает снисходительно-уничижительный оттенок. Однажды критик Валентин Курбатов, позднее ставший одним из главных астафьеведов, вспоминал не без укора в собственный адрес, как, будучи старшеклассником чусовской средней школы, не пошёл на встречу с «местным писателем В. П. Астафьевым». Не пошёл именно по той самой причине: что писатель-то — местный. «Разве что-то путное может выйти из Назарета?»

Некоторые поэты и критики, живущие в Москве или барагозящие по миру, тоже пользуются табелью о рангах. В девяносто втором году, когда я гостил у Виктора Петровича в Овсянке, он подарил мне составленную им и Романом Солнцевым поэтическую антологию «Час России», вышедшую четырьмя годами ранее в издательстве «Современник». «Час России»… Сколько вольной или невольной горечи — в названии! Как известно, в сутках двадцать четыре часа, и если исходить из этого само собой разумеющегося знания, то, получается, у России не было и часа, который наконец настал или настанет?..

И вот я читаю, что составители антологии собрали, дескать, под её обложкой стихи «областных поэтов». Казалось бы, в этом словосочетании — тоже ничего обидного. Однако по умолчанию-то превосходство уже заложено: есть «столичные» — и есть «областные». И без первых «Час России» — не час, а так, разве что его четверть…

«Кое-кто из них, из „областных", или, как ещё принято изъясняться, региональных, — с осадком в голосе размышлял Астафьев, — с даденной им участью свыкается — всё-таки есть какое-никакое преимущество в сравнении с теми, кто вообще произрастает в районных городках или в лесных посёлках, где условия-то, если сопоставлять с областными или краевым центрами, тем более — со столицей, — не приведи Господи…» Однако Виктор Петрович уточнил: «А есть и те, которые не свыкаются». И дальше — сокрушённое: «Эх, сколько спилось, повесилось!..»

Тех, «которые не свыкаются», я именую дикороссами. Дикороссы — не местные, не региональные, не областные и не краевые. Дикороссы — поэты края бытия… Вот только двое из этой *дико-россыпи.*

2.

Сейчас уже не доискаться, кто первым слил воедино слова, получив крепчайший сплав: «Россия-мать». Впрочем, уже у Тредиаковского находим: «Россия, мати, свете мой безмерный…» Александр Блок в цикле «На поле Куликовом» дерзнул наречь Родину иначе: «О, Русь моя! Жена моя…»

Можно, конечно, и дальше изощряться в уподоблениях (и такие умельцы отыскивались), но в двадцать первом столетии уроженец Юрлы — «русского острова» в Коми-Пермяцком автономном округе, вчерашний геолог, исходивший Россию вдоль и поперёк, бывший горный мастер гремячинской шахты, а затем преподаватель Пермского горного института, всю жизнь писавший стихи, Виктор Мелехин, ничего не меняя у Тредиаковского, всего лишь сместил акцент в тех сакральных родственных отношениях: «И судьбою, видно, недоношенный, / наш народ забыл родную мать…»

Жёстко? Да. Горько? Да. Но ведь справедливо?

Мелехин выпускает рукодельные книжки, где в качестве иллюстраций — полученные им снимки (он ещё и пожизненный фотограф!). А на снимках, как правило, — лица его земляков-юрлинцев, потомков старообрядцев, беглых из Вятки и Чердыни крестьян, не принимающих никакое ярмо. Мелехин — за эту часть народа!

Посему предлагает: «Вы всмотритесь в эти лица, / вы в глаза вглядитесь эти?! / В чём тут ваша небылица / про казарменные плети?!»

Я гляжу на фотографии, сделанные Виктором Николаевичем. Мужики и бабы, старики и старухи, привыкшие к ежедневному крестьянскому труду, включая ребятню. Потрясающая строчка: «Последнее — „парадное" — бельё, / как на „Варяге", бабы надевали». Это — про подготовку к сенокосу. И тут же — отсыл к чуждому для них миру некоторых персонажей из литературной жизни: «Не в пример Иосиф Бродский — / нет его на снимках с нами!»

Когда я узнал, что автор этих стихов давно коллекционирует минералы, сразу возникла параллель: а ведь и в строфах его тоже рассыпаны минералы образов — то малахит, то яшма, то агат… Например: «Речь русская — как ниточка для бус: / все камушки в одно объединяет». А?

У Мелехина в стихах камушки необработанные, дикопородные. Виктор Николаевич сам признаётся: «Простите, люди, самоучку! / Не зная правила игры, / я взял копеечную ручку / и ей пишу до сей поры».

Вот заглавия его книжиц, которые бы прежде нарекли самиздатом: «Юрла», «Чёрно-белая Русь», «Сон-трава, или Цветная Русь», «Сумятица души». На задней обложке обозначено: «Главный сын — С. Мелехин, главный внук — Н. Мелехин». Это вроде как главный редактор и главный дизайнер, причастные к выпуску. Виктор Мелехин — в полном смысле этого слова актуальный поэт. Сейчас объясню.

Не так давно телевизионно-либеральная тусовка отмечала семидесятилетие того самого нобелиата. Мелехин же уточняет: «В его принципах уродских — / разрушительность цунами». И дальше: «Нобелюга — как измена…» Нет, Виктор Николаевич не подгадал к дате — просто достало!

Или, допустим, всё та же тусовка изощряется в реверансах и книксенах на воображаемом балу в честь столетия «Чёрного квадрата» Казимира Малевича. Открываю «актуального» Мелехина и буквально вздрагиваю от выданной им характеристики: «…где наши малевичи / нашего Ваньку валяют». Скажете, опять подгадал? Да нет — заранее и далеко провидел.

Его поэтическая речь — смесь юрлинского с диссертацией горного инженера. Мелехинский «мужик нестиранный, в лохмотьях бороды» легко может выговорить: «Тяжёлые фракции тянут на дно». И, судя по всему, в сегодняшней поэзии нашей — дефицит такой самобытности.

Да, Виктор Николаевич писал стихи на протяжении всей своей жизни, но, думаю, не ошибусь: поэта в нём по-настоящему спровоцировал обвал. И если Россия — шахта, то рождение самобытного голоса совпало с обвалом страны.

Герои мелехинских стихотворений — те самые «работные люди», нынче выпавшие из оборота: «шахтёры да литейщики, лесорубы да крестьяне», «бывший токарь прошлой пятилетки», устроившийся шутом в Берлинский зоопарк, «мент», который, чего доброго, «может стать лейтенантом Шмидтом». А значит, иногда вызревают огнеопасные строки: «Сегодня аллергия на страну».

И хотя много повидавший и переживший автор предрекает: «Я свой сельмаг закрою на учёт», — он слышит ободряющий зов со стороны лучшей части своих соотечественников: «Народ ворчит: „Пора, «сельмаг» открой!“ / Сельмаги не должны-де закрываться…»

3.

Глумов — это не псевдоним. Это фамилия такая, от которой бывает порой непросто ни её обладателю, ни окружающим. Глумов — это персонаж под стать гоголевскому Башмачкину или капитану Лебядкину Достоевского. На вид — тишайший и скромнейший. Кому-то может даже показаться — замордованный жизнью. Вот сидит он на писательском токовище, почти безгласный. Изучает глубину своей чашки чаю. Всё умножающиеся витии отпасовывают его в магазин. «Яволь!» — складывая руки по швам, ответствует Глумов почему-то по-немецки. Он покорно встаёт и выходит на улицу, но, возможно, при этом думает: «Я настолько велик, что могу сходить и за пивом!» Он движется «через пролетарские дворы» и возвращается с сумкой, полной горних мелодий. И вновь помалкивает. И кажется: что́ ему сдавливающий его шум?! И вдруг Глумов вскидывает руку вверх и торжественно произносит: «Задолбали!» И все видят: человек — едва ли не громовержец. Зевс. Перун. Георгий Победоносец. Зря, что ли, он брёл теми самыми дворами? И вот раскрывает он свою заветную, недавно изданную книгу, названную им ностальгически «Пролетарские дворы» и уже получившую премию имени Алексея Решетова. И воскрешает давно, казалось бы, обветшавшие слова.

Нам бы не грех припомнить, как в одночасье, особенно — в произведениях литературы, мы начали морщиться при слове «советский», «пролетарский», «красный» (если речь о флаге). Прямо-таки их избегали! А если не избегали, то применяли исключительно с отрицательным знаком. Может, единственным, кто совершенно искренне попрощался с красным флагом, был Евгений Евтушенко: «Я не из „коммуняк“. Но глажу флаг и плачу». Далее на поэтическом горизонте проклюнулась плеяда не «плачущих», а подхихикивающих: Всеволод Емелин, Андрей Родионов, Дмитрий Быков, Орлуша. И если Евтушенко во всеуслышание попрощался с красным флагом, а все прыгающие за его левым плечом и шаловливо нисходящие до «низших» эпитетов «советский» и «пролетарский» приравняли ушедшую эпоху к надувной игрушке стёба, то рабочий человек Николай Глумов словно бы призван возвратить «советскому», «пролетарскому» и «красному» их благоприобретённые значения.

Вслушайтесь (это пишет машинист оборонного завода «Пермские моторы»): «На советском том велосипеде / Я качу в советскую страну»; «Как в детстве, Советский Союз сторожу / С большой деревянной винтовкой»; «В перевёрнутой чаше небес / Рдеют СССР облака». И наконец: «Перед нами советские дали, / И несёт нас всё дальше с тобой / В красный мир, без тоски, без печали, / Пароходик советский смешной».

Скажете: «Так уж — „без тоски, без печали“? А сталинские лагеря? А хрущёвские гонения на церковь? А…»

Однако вспомним Александра Блока: «Сотри случайные черты — / И ты увидишь: мир прекрасен». Вот и Николай Глумов отворяет нам прошлое без «случайных черт» и становится своего рода проводником в область утраченного, но сохранившегося в истории и во Времени — и, конечно же, в памяти тех, кто в том Времени жил: «Но выйду я в хмурое утро / На грязный и пошлый перрон / Суров и спокоен, как будто / Живёт во мне Божий закон».

Живёт ли в бывших советских людях «Божий закон»? Как ни парадоксально, он оказался прочнее, нежели у рождённых в эпоху, когда «Божий закон» стал разрешён. По Глумову, иногда умереть — значит остаться живым: «Умер я! Для жизни слишком / Был советским я в стране». Заметьте, какой человеческой теплотой и стержневой значимостью наполнено здесь определение «советский».

Но, само собой, воскрешая потускневшие от многолетнего злоупотребления слова, Глумов не мог не возвратить к жизни, соответственно, и их антагонизмы, стёртые из нашего сознания ластиком рыночной экономики и оставшиеся разве что в речи Владимира Ильича Ленина. Я имею в виду слово «буржуй» и его производные: «Что осталась лишь самая малость, / Чтоб буржуя держать в кулаке».

Был бы жив создатель провиденциальной «Розы Мира» Даниил Андреев — он определил бы Николая Глумова в череду поэтов-вестников. Кто знает, возможно, Глумов призван исполнить не только собственную миссию, но и, к примеру, реабилитировать потускневшие поэмы шестидесятников — «Двести десять шагов» Роберта Рождественского, «Братскую гэс» Евгения Евтушенко и «Лонжюмо» Андрея Вознесенского?

Читая «Пролетарские дворы», ты ловишь себя на мысли, что так называемый «лирический герой» — защитная уловка некоторых авторов, и в случае с Глумовым она, пожалуй, не проходит, потому что, если бы мы даже не знали, что поэт трудится на пермском оборонном заводе, мы бы и без этого уточнения поняли: он — свой в доску среди рабочих, причём в доску — без всякой кликушеской грунтовки и уж тем более — лака: «И прогнали меня из начальства, / И пошёл я тогда на завод, / И, простив мне былое бахвальство, / Меня принял рабочий народ…»

В истории советской поэзии (а Глумов, несомненно, русский советский поэт, но уже постсоветского образца) на самом деле не так уж много, как ни странно, поэтов-рабочих, однако — не по записи в трудовой книжке, а по сути и, если хотите, по идеологии. Ежели навскидку, то мне вспоминается «сын водопроводного труда» и друг Сергея Есенина, воспевший «тревогу каждого гвоздя», Василий Казин, позднее — шахтёр Николай Анциферов с его афористичным двустишием: «Я работаю, как вельможа. Я работаю только лёжа». Если взять Пермь, можно назвать и Алексея Решетова, отдавшего, по его собственному признанию, соляной шахте в Березниках, как солдат царской службе, почти двадцать пять лет, правда, в дальнейшем признавшегося, что «приобрёл своё лицо, но потерял при этом руки».

Николай Глумов не стесняется словосочетания «пролетарский поэт». Напротив, он им гордится. Однако чем отличается национальный тип поэтической личности от интернационального? Только глубоко русский поэт, несмотря на всю свою «пролетарскую закваску», мог написать такие стихи: «Весна. Холодный мелкий дождик. / Парк. Клумба. Белые цветы. / Напьюсь сегодня, как сапожник, / Из-за вот этой красоты. / Ведь можно только очень пьяным / Хоть как-то разумом объять / Весну, холодный дождик странный / И лепестков нарциссов гладь».

Оказывается, в «Пролетарских дворах» цветут и нарциссы. Может, это оттого, что Николай Николаевич Глумов по одному из генеалогических ответвлений, как выясняется, ещё и дворянин?

Виктор Мелехин

Сельмаг, закрытый на учёт

● ● ●

Голодными глазами малышей
стыд гнал его по свалкам и помойкам.
Где, отнимая корки у мышей,
копался он подобно землеройкам.
И алкоголь безжалостным котом
когтил его истерзанную душу.
И он же приволок его потом
на берег речки, разрезавшей сушу.
На дальнем берегу коттеджей ряд
мясные запахи причудливых оттенков
слал, убивая доводы подряд
в усталой голове былого Генки.
Широким ртом чернела полынья
на перекате вопреки морозу…
Он написал: «Во всём виновен я!»
И выполнил-таки свою угрозу.

● ● ●

Успешно работал Малевича
«Чёрный квадрат»,
от света спасая солей серебро
на бумаге и плёнках.
И фотолюбитель был этому
чувственно рад,
спасая наследников наших —
нагих и в пелёнках…
Сегодня «шедевр» этот —
штора в развратный альков
и тёмная ночь
для бродяг от труда и искусства.
Он прячет от света
заблудших вампиров-хорьков,
добавив игре в домино
«пусто-пусто»…
Похоже, что спрос на Малевича
только растёт.
И цену аукционы
на том набавляют…
И в этом мне видится
общеглобальный расчёт,
где наши малевичи
нашего Ваньку валяют…

● ● ●

Я часто вспоминаю сенокос.
Всю подноготную. Все радости-печали…
Там роем пчёл спешил в луга колхоз,
где заспанно коростели кричали.
Последнее — «парадное» — бельё,
как на «Варяге», бабы надевали.
Солёным шуткам мужиков внимали,
где выпукло звучала буква «ё».
Как перед боем, сядут, посидят…
Сосредоточатся — и… дальше не до шуток!
Настороже на небеса глядят,
где гром богов последствиями жуток…
Заезженными клячами гордясь,
мы — пацаны — в Чапаева играли.
И копны сена к стогу доставляли
солидно, по-мужски, не торопясь…
О детство белобрысое моё!
В оркестре чувств там первой скрипкой — голод…
Спартанское до точки бытиё.
И выживали только те, кто молод.
Но весь народ, Победою гордясь,
не рвал ногтями грудь за трудодень с доплатой.
Не жадными мы были отродясь
и не стыдились за штаны с заплатой.
Теперь луга осиной заросли:
иные времена, и тут хоть тресни…
Скорблю о тех, кто навсегда ушли
и унесли с собою наши песни…

● ● ●

Не кладите меня головой на восток,
а заройте ногами на север,
где Полярной звезды ослепительный ток
манит души, как пчёл красный клевер.
Южный Крест для меня — это просто слова,
я Медведицей Малой приру́чен,
и магнитною стрелкой моя голова
смотрит только туда и сквозь тучи.
Я в прозрачные дни холодов сентября
слышу шёпот и зов метеоров.
Значит — нужен. И, может быть, прожил не зря
в очень смутную русскую пору…

• • •

Дым из трубы то стелется, то вьётся.
Мужик нестиранный, в лохмотьях бороды,
последним радостям бесснежья предаётся,
избавившись от гнёта борозды.
Озябший лес к деревне ближе жмётся,
покров провёл зачатие зимы.
(Сегодня трезвым мало кто смеётся…)
А грязь кругом! И посредине—мы…
А город ночью пялится в экраны,
дыхание сбивая мужику.
И густо сыплет соль ему на раны
своим неизбываемым «ку-ку»…

• • •

Ко мне зимой повадилась синица
в кормушке крошки хлебные клевать.
Забавная, скажу вам, эта птица—
ей на невзгоды наши наплевать!
Она про журавлей кой-что слыхала,
да высоко подняться не могла.
И счастлива, когда дают ей сало,
а утром землю покидает мгла…
А я по журавлям не первый год скучаю:
давно не слышал журавлиный плач!
Теперь уже пять тысяч получаю—
хватает нам с синицей на калач!

• • •

Я паду пшеницей переспелою,
    к радости мышей и хомяков.
След оставлю в небе точкой белою
    без отметки: дескать, был таков…
Пахарям моей деревни брошенной
    сил не стало урожай снимать.
И, судьбою, видно, недоношенный,
    наш народ забыл родную мать.

• • •

Мой плацдарм на Земле—сорок метров жилплощадь,
Что за кровные деньги купил у страны.
С детства очень хотел завести себе лошадь,
Да остатки хватило едва на штаны!
Зато сразу имею аж два «лисопеда».
Правда, стёрлась резина—не езжу уже…
И не нравится мне моя роль дармоеда,
Что с большущею ложкой сидит на меже…
Из рук в руки плацдарм перейдёт моим деткам.
Как цыгане—кобылу, «загонят» кому,
Положив на могилу пихтовую ветку…
И вздохнут, как Герасим, сгубивший Муму…

• • •

Я свой «сельмаг» закрою на учёт,
    точнее, на переучёт закрою…
А телу предъявлю реальный счёт,
    чтобы не мучило, подобно геморрою.
Да, жизнь прошла и выпита до дна.
    Износ физический превысил аморальный,
но есть ещё соломина одна:
    так называемый прогноз астральный.
По гороскопу я-де—Козерог,
    ошибочно попавший в Водолеи…
(И сделать это, видно, чёрт помог,
    хоть я о том нисколько не жалею!)
Воспользуюсь сумятицей такой—
    я жизнь продлю годков эдак на двадцать.
Народ ворчит: «Пора, „сельмаг“ открой!»
    Сельмаги не должны-де закрываться…

Николай Глумов

Красный флаг над банькой

* * *

Комната, ночь и четыре поэта.
Стол и бутылка вина.
Злые потоки холодного света.
Яркая, злая луна.

Вот Передреев, склонённый над книгой,
Чуть захмелевший Рубцов,
Праведный Прасолов с думою тихой,
А во главе—Кузнецов.

Скорбно и тихо. Ни слова, ни вздоха.
Блещет луны циферблат.
Плохо России, и им в раю плохо.
Молча поэты сидят.

Комната, ночь и четыре поэта.
Стол и бутылка вина.
Не о чем им говорить с того света,
Если на этом страна.

* * *

Сразу за полночь в спальне моей,
Растревожив всю душу мне начисто,
Кто-то крутит былых моих дней
Киноленту без звука и качества.

И опять мне одиннадцать лет,
И иду по Кремлю я с мамашею,
И во что-то смешное одет,
Неопрятное, виды видавшее.

Нестерпимы столицы черты—
Чудо-колокол, пушка и прочее,
Мавзолей неземной красоты,
Иностранцы, до шуток охочие.

И исчезнуть бы напрочь, совсем,
От постыдной одёжки не маяться,
Стать воробушком, щепкой, ничем
И рвануться, от боли избавиться.

А рванусь—надо мной потолок
Гробовою доскою некрашеной,
И рисунок на фоне досóк:
Кремль—беззвёздный,
уже и безбашенный.

* * *

Я горестным фактам в лицо не гляжу,
В военной фуражке отцовской,
Как в детстве, Советский Союз сторожу
С большой деревянной винтовкой.

Пусть спросит меня любовь жизни моей
Заботливо и с состраданьем,
С игрушкой зачем я стою у дверей
И в поле гляжу со вниманьем.

Отвечу, что снова Союз за спиной,
Всё та же шестая часть света,
Что руки сжимают приклад боевой
С заката опять до рассвета.

Что места сомнениям тягостным нет
В воспрянувшем чудом сознанье,
Что снова сияет над Родиной свет
Кремлёвской рубиновой гранью.

Пусть дети играют на нашем лугу,
Пусть бабы сажают морковку,
Я твёрдо уверен: Союз сберегу,—
И крепко сжимаю винтовку.

* * *

Моя мать на свердловском заводе
На сверлильном пахала станке,
Я же вышел в начальники вроде,
Но сорвался и запил в тоске.

И прогнали меня из начальства,
И пошёл я тогда на завод,
И, простив мне былое бахвальство,
Меня принял рабочий народ.

И обрёл я народную силу,
И почуял вкус речи простой,
И решил всех буржуев в могилу
Загонять пролетарской рукой.

И рука моя так накачалась
На родимом сверлильном станке,
Что осталась лишь самая малость,
Чтоб буржуя держать в кулаке.

● ● ●

Печальная пони больших городов
Катает мальчишку в пылающем парке.
Мальчишка смеётся. Мальчишка здоров.
И пони здорова. На улице жарко.

Но мальчик, волнуясь, уже прочитал
Про Щорса, про Фрунзе, про славные годы.
Он больше не мальчик. Ведь он возмужал,
Услышав раскаты грядущей свободы.

И вновь революцией русской полны
И парк новорусский, и мальчик, и пони,
И кружатся листья Гражданской войны,
И просится шашка мальчишке в ладони.

И чудится новое в ярких штрихах,
Оно сквозь листву пробивается густо.
Всё то, что являлось мальчишке во снах,
Разбросано правды рукой безыскусной.

И парк на глазах изменяется вдруг,
Становится правда реальной до дрожи,
И пони—единственный преданный друг—
Мгновенья грядущего чувствует тоже.

Повсюду разбросаны щедро они,
Танцуют у пони прыгучие ноги,
Как будто бы пони сквозь мирные дни
Копытцами бьёт фронтовые дороги.

1991

Поезд мчался с грохотом и воем…
Николай Рубцов

Поезд мчал с роковым напряженьем,
Поезд мчал, выбиваясь из сил,
Хоть бы кто тёмных сил приближенье
Из сидящих в купе уловил.
Соплеменник—подвыпивший малый—
Да глухая старушка в углу,
Все дремали прилежно, устало,
Не внимая грядущему злу.
Я один беспокойно, бессонно
Всё глядел и глядел за окно,
Как бежит за окном отрешённо
Всё в ухабах сплошных полотно.
Ни машины нигде не пылило,
Ни фигуры печальной не шло,
Лишь вечернее наше светило
Опускалось за край тяжело.
И подумал тогда с облегченьем:
Раз вечерний покой за окном,
Разве может случиться крушенье,
Разве можем столкнуться со злом?
И откинулся я на сиденье,
И спокойно, как все, задремал.
В этот миг и случилось крушенье,
То, которое я прозевал.

● ● ●

Удивительно синее небо,
Удивительно красный закат,
Даже волны реки на потребу
Праздной публике ярко блестят.

Перед нами советские дали,
И несёт нас всё дальше с тобой
В красный мир, без тоски, без печали,
Пароходик советский смешной.

● ● ●

Прекрасные русские дали,
Печальные чуть облака
В вагонном окошке сияли
И мне улыбались слегка.

И я, прислонившись к окошку
Большой электрички пустой,
Мечтал, что лечу понемножку
Над ставшею раем землёй.

И знать не хотел, что прибудет
Состав на привычный вокзал,
Что грешный рассудок забудет,
Как в светлом раю побывал.

Но выйду я в хмурое утро
На грязный и пошлый перрон
Суров и спокоен, как будто
Живёт во мне Божий закон.

● ● ●

Гордо над банькою реет
Старый, замызганный флаг:
Ткани кусочек краснеет
Как независимый знак.

Из полинявшей рубахи
Я его выкроил сам,
Я его радостным взмахом
Поднял к родным небесам.

Нет на нём грешных отметин,
Нет в нём измены стране,
Миру всему был известен,
Дорог теперь только мне.

Ветер встречая жестокий,
Реет над банькой простой,
В чём-то, как я, одинокий,
В чём-то, как я, он смешной.

Это мой знак сокровенный
В том, что я сам по себе
Снова в Советской Вселенной—
В проклятой Богом судьбе.

Владимир Берязев

Этюды апокалиптического оптимизма

Ответ Бахыту

Ошибся Афанасий Ше́ншин,
а уж тем более Бахыт!
Нет Музе равной среди женщин,
ей злато, жемчуг, малахит—
словесные—поэт дарует,
она ж в награду за труды
его стославно премирует
до самой северной среды.

Давно к мордве, якутам, чукчам
добрались Тютчева стихи!
Давно в сиянии текучем
от Вислы до Акалахи
поют его живые строки!
Питайся ими и молчи,
иначе, мысли на пороге,
взрывая, возмутишь ключи…

Ты то цитируешь, я это,
шутя по сорок раз на дню.
Не дело русскому поэту
перетолковывать родню.
Любовь бедою называя,
ты отрицаешь меру мер.
И вряд ли вывезет кривая.
И шляхтич—твой Аполлинер.

Русская притча

Пришла баба в кабак:
— Где мой муж-пропойца?
— Был он, выпил на пятак.
Глянь, табачны кольца
от него ещё висят.
Упылил, бродяга…

— Ах, разбойник! поросят
не кормил… и брага
перекисла, и навоз
скоро хлев заполнит…

Гомон, крики и допрос:
— Был? Ужо запомнит
и кабак, и мир-бардак,
и чарочку-царівну!
Говорите—на пятак?
Наливай на гривну!..

Предощущение гражданской войны

Когда ты стоишь у Стены иудейского Плача,
Когда тебе некому слово сказать после ланча,
Когда ты таращишь глаза, а на бельмах лишь кровь,
Когда тебе жёстко диктуется: «Не прекословь!»,

Когда соловьи и скворцы не поют о Победе,
И заупокойны молитвы о Маше и Пете,
Когда только мщенья стволы на границе видны,
Тогда ты почувствуй, как оно нас
Настигает—
Пред-о-щу-ще-ние гражданской войны!..

Когда небеса упадают в сирень палисада,
Когда вместо веры—инструкций слепая засада,
Когда эго «нации» морфием впрыснуто в кровь
И тьма одиночества теплит на донце любовь,

Когда тело книги пылает на стогнах столетья,
А слово Спасителя не перешибаемо плетью,
Лишь Мёртвого моря пустынные воды в веках солоны,
Тогда осязай до основ—
Как душу переполняет
Пред-о-щу-ще-ние гражданской войны!..

Помни же, помни о том, что конь Блед
Уж одолел через иноходь морок сомнений и лет.
Может быть, может быть, имя земли таково,
Что ограждаемо будет от зрящего зрака его!..

В небе над Кремлём замечена пирамида

От небесного Египта
в небе знаки манускрипта
или месседжа Кремлю…

Семь вселенских Иерархов
Рима Третьего монархов, поддержав, ведут к рулю—
плыть большому кораблю!

Славны Гор и мать Изида,
Русь—большая пирамида,
что пронзает времена…

Что ж ты хапаешь, детина?
Это путь, а не путина… да держи штурвал, скотина!
Не дремает сатана,
не поднять потом со дна.

Ангарские кадры

Можно ель обратить в целлюлозу,
Если долго и нудно жевать…
Эту странную метаморфозу
Нам с Овидием не воспевать.

Будем думать про день единенья,
Как велел господин президент!
Чтоб в порыве грудного раденья
Доломать переломный момент…

То мазут, то минтай, то ментовка,
То под дых, то под зад, то под суд—
Перестройка, рекогносцировка
Да святых в экспертизу несут.

Вновь пойду по следам экспертизы
За причастьем в соседний ларёк,
Где увижу родные эскизы:
Двух душманов, косяк, пузырёк…
……………………………………

Что ж ты падаешь, подлая баба?!
Ну давай добредём до беды
Иль найдём тебе злого прораба
Из потомков Великой Орды.

Бог с тобою, я только проездом,
Как-нибудь коротай до утра.
Съеду—будет одним койко-местом
Больше в городе Рідна Дыра.

Все мы бублики с маком тачали,
Все мы прыгали—эй!—в ширину…
Бог с тобой, хорошо помолчали,
Лей в послед и чужую вину.

На младенце построен Детинец,
Храм—на вере, а Спас—на крови.
Пей, старуха, остатний гостинец,
Бог с тобой, если можешь—живи…

Синдром Левши

Самовар полетел в Ле Бурже,
Возвещая и граду, и миру
О весёлом пропойце Левше,
Что в таланте сжигает гамыру.

Вертикального взлёта предмет—
Самодвижец! не просто тарелка!
В брюхе пара крылатых ракет,
А пилотами—Белка и Стрелка.

Духа медна един экземпляр
На спор собран в кб Королёва.
Нам в ломы тиражировать дар,
Дело плёво, а слава—рублёва.

Вся Россия—сплошной эксклюзив:
Пушкин, Гоголь, Надёжа и Вера…
И летят, парижан поразив,
Таз, матрас, самовар и фанера!..

Мегавирус

Прерии Америки накрыла
Лихорадка западного Нила,
В хлам осатанели комары,
Жалят без пощады, без разбору,
Нет ковбоя сил об эту пору
Выхватит пистоль из кобуры.

По заветам Мунка или Босха
Наступил сезон отёка мозга,
Торжествует вирус-кровосос,
Над Техасом от такой обиды
Распыляют ядо-пестициды
С ароматом лотоса и роз.

Над полями с корном и бобами,
Прям-таки под выборы Обаме,
Тучею звенит энцефалит.
Кем-то со вселенского кейборда
В мозжечок укушена Свобода
И уже не гуглит, не болит.

Тут тебе ни гольфа, ни бейсбола,
Подъязычным холодом обола
Разве удивишь тебя, Харон?
По делам и мука, и расплата…
В кровь пора, под именем Кондрата,
Впрыскивать страстей тестостерон.

На уход вождя-основоположника Ким Чен Ира

Умственный острый
и острый физический
перенапряг…
Вам ли понять
труд вождя тектонический—
грек и варяг?

А иудею
и вовсе по циркулю
слово «чучхе»!
Я лишь сижу здесь
да зубьями цыкаю—
на кочерге.

Слова хозяин
и полный достоинства—
весь из себя!—
я положил
на бесовское воинство,
миру грубя.

Ибо превыше
всего тайно-явного
выразил Ким:
«Главное
в деле главнее не главного!»
Так и сидим…

● ● ●

Чудь начудила иль меря намеряла…
А. Блок

Если случится от Нарвы до Ревеля
Вам простудиться в пути,
Надо, не тратя гриппозного времени,
Сразу в аптеку идти.

И изъясняться лишь жестами, жестами:
Вот, мол, опухла гортань!
С гордыми и самобытными эстами
Языкознания дань
Нам не осилить, уж лучше немотствовать,
«Северный» строить «поток»
И на Совете Европы юродствовать,
Вооружившись чуток.

Чудь моя, рыбку златую не милуя,
Снова ты бьёшь о скалу…
Воля шенгенская, доля постылая
В тёмном Европы углу.

«Рабочий и колхозница» вернулись

В тёмном зале, в ранней рани—
Вздохи Вовочки-мальца:
Тётя с дядей на экране
Поворачиваются.

Это значит—зажужжало
Вдруг луча веретено,
И по жилам побежало
То кино, кино, кино.

Ни царя, ни комиссара,
Новых грёз большой завод,
Нержавеющая пара
В мир иллюзии зовёт.

Два железных человека
Проплывают над Москвой…
Не гадай, Мартын Задека,
Ты живой, живой, живой.

У неё в руке секира,
Молот судный—у него.
Повлиять на судьбы мира
Им не стоит ничего.

Будут грипп, чума, холера…
Будут кризисы цвести…
Будет Вова на галерах
Всё грести, грести, грести!
………………………………
Только детство не обманешь,
Даже если сказка—ложь.
Шиш сверни в своём кармане,
А мелодию не трожь.

● ● ●

Будь проклята носков непарность!..
Мне боле нечего сказать.
Чтó наша тварность и нетварность
Пред их талантом—исчезать?!

Чтó наша служба и призванье,
Чтó пунктуальность, долг и честь,
Когда явленью нет названья,
Зато само явленье—есть?!

Но ще поэзия не вмэрла!..
И я швыряю ком носков
В космогоническое жерло
Стирально-пенных облаков.

Миры закружит центрифуга,
Спиралью свиста изойдя,
Уже немае друг для друга
Кохано-парного життя.

Теперь—ни лева и ни права!..
Непарногласен град и мир.
Читатель ждёт уж рифмы «браво»,
Но в строку лезет «Мойдодыр».

Киев. Февраль 2014

Хромая свобода
кричит в инвалидной коляске
кровавое «Геть!»—
во славу народа
срывая посмертные маски,
сквозь траура медь…

Всё та же!..
Всё то же булыжное эхо Парижа
и пламя в горсти.
Ты хочешь свободы?
Суди же, громи же, бери же,
сколь сможешь снести.

Незыблемо небо,
где Божии звёзды на тверди
любовью—равны,
а с гневом свободы—
мы верные данники смерти,
гордыни сыны.

Не по принужденью
я выйду на труд и на битву
за русский *авось*,
по благословенью лишь,
к Сергию став на молитву,
дружиной—не врозь…

23 февраля 2014

Влад Пеньков

Золотая рыбка Клее

Плечо

S.

Туземный дворик. Вечера канава
домашним мраком дышит горячо.
И ослепляет, как земная слава,
твоё незагорелое плечо.

Ещё не поздно повернуться к стенке,
благословенья тихо бормоча,
не дать себе привыкнуть к тонким венкам,
сбегающим с миражного плеча.

Вершины

Ил. Б.

Лучик света блесною забрось-ка
в этот трижды неласковый мир,
где под небом стою я с авоськой,
а в авоське—батон и кефир.

Бултыхается что-то такое,
как в кефирной бутылке, во мне—
предвкушение сна и покоя
в стороне от себя, в стороне

от разбрызгавшей воду машины,
от гадючьего шороха шин.
Там, где Лермонтов видит вершины,
ярче всяких наземных вершин.

Улица Свердлова

В этом районе шлаковом,
слепоглухонемом,
выйди на улицу Якова—
перетереть псалом

(лестницы не предвидится,
Яков ведь тот ещё)
с белой сиренью-провидицей,
встав под её плащом.

—Кто на нас с нею, Господи,
если и Ты вот тут?
....
А по проезжей в госпиталь
свежий товар везут.

Мёд

Эту вот ненастную погоду,
что давно накоплена внутри
и сошла однажды за свободу,
выплюнь и ногою разотри.

Ничего свободе не прощают.
Только понимающий поймёт:
осень, шелестящая плащами,
собирает вересковый мёд.

В ноябре малютки-медовары—
воробьиной масти вечерки—
заполняют буквенную тару
лёгкими движеньями руки.

Только *после*, словно после пыток,
детских непрощаемых обид,
отразится в каждой из попыток
смерти немудрёный реквизит.

Ничего о временах и сроках.
Только—привкус сроков и времён
в нежном мёде, сдобренном жестоко
карканьем пророческим ворон.

Голландия

S.

Вопят крестьянские обноски,
фальцетом голосят заплаты.
И мир земной, пока что плоский,
качают три кита горбатых.

Вино крестьян не блещет вкусом.
Дурная кровь не знает ласки.
Но долетят до Иисуса
с горы обычные салазки.

А после май разводит влагу
таким дрожащим нежным светом—
художник, развернув бумагу,
утрётся ношеным беретом.

Но почему? Да потому что
его глаза земные слишком.
А это райская опушка
сияет райским золотишком.

Поэзия

О ты, прекрасное искусство
врать в рифму, попадать в размер
и солнца розоватый сгусток
сравнить с печалью, например.

В тебе нет проку, смысла тоже.
Да, что-то есть, а смысла нет.
Но проведёшь тобой по коже
и видишь—режущий предмет.

Игла

А во рту у меня—игла,
и словесное сердце стучит.
И смородина звёзд кисла
в подошедшей впритык ночи.

Самый горький, кровавый вдох
на заветную почву посей,
и проклюнется выдохом Бог,
в крайнем случае—Моисей.

Распрострёт надо мною мглу,
опрокинет вовнутрь зрачки.
И покажет мне райский луг
через босховские очки.

В голове—золотой туман.
Как докажешь потом другим—
не оптический был обман,
херувим там был, херувим?

Волхвы, offret

Блажен доверившийся миру,
не доверяющий—вдвойне,
его медийному эфиру,
змеиной радиоволне.

Он видит—как на самом деле—
сползаются со всех сторон
волхвы (чьи кости отвердели)
с глазами раненых ворон.

Источник света страшно зыбок,
простым чутьём неуловим,
и старикашки без улыбок
и без надежд следят за ним.

Надежда есть. Надежды нету.
Что хочешь, то и выбирай.
Ползут волхвы. Встают рассветы.
И льётся нежность через край.

Надежда есть? По-стариковски
размякли губы мудрецов.
Скажи хоть что-нибудь, Тарковский.
Ты *там* уже, в конце концов.

Золотая рыбка Клее

Всё на самом деле очень просто—
синева прощает нам грехи.
Так, наверно, видятся с погоста
экзистенциальные штрихи.

Ангелы слетелись к изголовью,
окружили звонкой тишиной.
Изошёл сиянием, что кровью,
голубым сияньем—перегной.

Человек не злой и не хороший
протянул к сиянию ладонь,
и туда упал, совсем как грошик,
чешуёю ангельской—огонь.

Ходит-бродит рыбка золотая.
Это рай сверкнул из-за угла.
Кажутся безделкой из Китая
важные наземные дела.

Моментально, вечно-моментально
всё вокруг, и сводится к цветам
явное, но явленное тайно,
крыльями сверкающее Там.

И роняют райские высоты
зябкими ночами вот сюда
тихие мерцающие соты—
адвокатов Страшного суда.

Книга Исхода

Машет ветер пустым рукавом,
бьёт прохожих по спинам и лицам.
К сожалению, я ни о ком
не умею как надо молиться.

Потому что и сам не прощён,
вспоминаю с тоскою Египет.
Машет ветер холодным плащом,
предлагает горячего выпить.

Я зайду в кабачок небольшой,
где Израиль мой пёстрой толпою
пьёт во здравье и за упокой,
на душе не имея покоя.

Значит, так. Называется—Русь
и маячит во мгле Палестиной.
Не смущайся, тем паче—не трусь,
свежий сок нацеди из осины.

И тогда ты поймёшь, что почём,
что такое даруется свыше,
что стоящий за правым плечом
и диктует молитвы, и слышит.

Владимир Семенчик

Такое вот лёгкое счастье…

* * *

…А когда на рассвете сердце твоё заглючит,
бестолково и страшно захлёбываясь в крови,
не пугайся—это к нему подбирает ключик
заступивший на вахту бессонный ангел любви.
Он трещит воробьихой, метлой по двору скрежещет,
плачет кошкой бездомной, ревёт выхлопной трубой…
И глядит прямо в душу глазами желанных женщин,
промелькнувших в облаках над твоей судьбой.
А на кухне ночь сахарком растворится в чае,
сигаретным дымом завьётся куда-нибудь,
где опять за углом ангел смерти тебя встречает,
и лишь ангел любви ему преграждает путь.

* * *

Юной леди, скроенной из улыбок и острых углов,
влюблённой в звёзды и презирающей числа,
он послал электронным маршрутом сто тысяч слов,
но ни в одном из них не нашлось бы смысла,
если бы в каждой буковке и запятой,
в воздухе между ними, в нажатьях клавиш
не трепетало по искорке золотой:
вдохнёшь одну—и уже ничего не исправишь.
Грустному джентльмену, стыдившемуся очков,
потёртых щёк и прокуренного дыхания,
она в ответ отправила стайку ночных облаков
и замороженный отблеск северного сияния,
из которого прямо над его головой
выпал—остриём в землю—зеркальный осколок…
А джентльмен в этот миг по случайности роковой
искал в небесах её глаз марсианский сполох.

* * *

Сквозь клики лебедей, под клёканье орлана
флотилию листвы вода несёт туда,
где в прошлом—пустота, а в будущем—нирвана,
где есть лишь тьма и свет, «всегда» и «никогда».
По лезвию реки, по донышку стакана,
по кромке облаков, по линиям судеб
мы улетим в края, где колосится прана,
в печи живёт огонь и счастьем пахнет хлеб.
На перекатах лет труху желаний смоет.
И загрохочет свет,
и засияет звук,
зовущий в «никогда»—в таинственное море,
где мы всегда парим, не разнимая рук.

* * *

Когда над странами Магриба
звезда плакучая встаёт,
всплывают каменные рыбы
из глубины сибирских вод,
в кальдерах западной Камчатки,
на стыке пламени и льда,
грызёт свои же отпечатки
термитов белая орда,
а за киоском «Пиво—воды»,
где чахлый скверик и уют,
ехидны водят хороводы
и птеродактили поют;
там плачут девы, ржут мустанги,
там под беспечный звон гитар
испить святой водицы в Ганге
собрался юноша-кентавр;
он вышел в круг—в крови копыта,
пошёл вприсядку под гармонь,
о том, что сердце не разбито,
а брошено раздуть огонь,
что перед вечностью убогой
никто не в силах уберечь
то, что даровано дорогой,
и не об этом вовсе речь,
а лишь о том, что серой глыбой
нависла ночь, и навсегда
взошла над странами Магриба
твоя плакучая звезда;
её пророчества—обманны,
её душа—белым-черна,
неуловима, и желанна,
и тихой нежностью полна.

● ● ●

Всё равно остаёшься один,
как бы ни был любим и возлюблен,
в зыбком нимбе упрямых седин,
на планете, внезапно безлюдной.
Перекинуться б словом…
Да кто
расшифрует сверкающий лепет?
Замер клоун в пустом шапито.
Что за грим, что за шарфик нелепый!
Где веснушчатый хохот бровей?
Разудалые зубы в полоску?
Но пока ты всех мёртвых живей—
не печалься, сверни папироску…
Оглядись: в этой куцей ночи
нестираемы звёзды и руки
площадей, где, как прежде, звучит
гром оваций сквозь вальсы разлуки.
Перемелется дым в колобок,
из морщин испечётся улыбка.
Видишь—тени свернулись в клубок,
и поёт перелётная скрипка.
Жизнь длинна, как полярный закат—
безупречный синоптик ненастья.
И букеты так долго летят,
что пора уж свихнуться от счастья…

● ● ●

Дождёмся вечернего клёва,
засветим костёр у пруда.
Друзья мои, жить—это клёво,
пока есть огонь и вода,
пока облака пламенеют,
и по ветру искры летят,
и травы растут, как умеют,
и птицы свистят, как хотят.
Слетает к нам в руки нечасто,
быть может—единственный раз,
такое вот лёгкое счастье,
по-птичьи поющее в нас,
по-ласточьи и по-синичьи,
порхая, скользя, щебеча,
внезапно меняя обличье
и тая светло, как свеча…
Закат обрывается круто.
Зевает спросонья луна.
Друзья мои, жить—это круто,
пока твоя чаша полна,
пока из соседнего сада
все песни доносит сюда
и лучшая в жизни награда—
вспорхнувшая с ветки звезда.
Уже переплавлены в сердце
навеки любовь и печаль,
и в небе распахнута дверца
в беспечную страшную даль.

● ● ●

Д.

Ну что тут скажешь?
«Прощай… держись…
не выпади из седла…»
Я старше тебя на целую жизнь,
смертельную, как стрела.
Тебе пора—обгонять рассвет.
А мне—идти на закат,
следить, как в пропасть сгинувших лет
стрелы дождём летят.
Мы вынырнем в море экранных снов.
Там запахам места нет,
там наши губы не помнят слов
и гаснут глаза планет.
Кривляются тени, лгут голоса,
пространство рвут на куски
эти кинжальные пояса
безвременья и тоски.
Там ночь перекусывает гортань
крайней минуте дня.
И луки вскинули Инь и Янь,
целясь—в тебя? в меня?
Ну что тут скажешь?
«Плыви… держись…
корми электронных птах…»
Быть может, к берегу дура-жизнь
домчит на всех парусах.
И ты заметишь в чаше цветка
радужный блеск росы—
знак, что пора уж наверняка
переводить часы.

Северная элегия

Дикий ветер рыскает во фьордах,
тычется в просветы между скал,
а на их замшелых битых мордах
то улыбка брезжит, то оскал.
Облачко, упавшее с востока,—
словно флаг на шпиле маяка.
Маяку теперь не одиноко
на твоём краю материка.
Ты стоишь, где дымом пахнет вереск,
где виднее первая звезда.
Ты поёшь о том, во что не веришь
и чему не сбыться никогда.
Дикий ветер в космос улетает,
вырывая вереск из земли,
флаг над маяком дрожит и тает,
и бегут на запад корабли.
Почему горит твоё сердечко
и над кем в ночи парит ладонь,
знают только тающая свечка
да снежок, летящий на огонь.

Вячеслав Миронов

Славка, Колька, Сашка и самолёт

«— Хокинс,— говорил мне Сильвер,— заходи поболтай с Джоном. Никому я не рад так, как тебе, сынок. Садись и послушай. Вот Капитан Флинт — я назвал моего попугая Капитаном Флинтом в честь знаменитого пирата,— так вот, Капитан Флинт предсказывает, что наше плавание окончится удачей. Верно, Капитан?

И попугай начинал с невероятной быстротой повторять:

— Пиастры! Пиастры! Пиастры!

И повторял до тех пор, пока не выбивался из сил или пока Джон не накрывал его клетку платком».

Книга подрагивала в руках у Славки. Налобный фонарик освещал текст.

Он читал под одеялом. Родители давно его уже отправили спать, завтра рано вставать. Но он не мог уснуть, не мог оторваться от книги «Остров сокровищ».

Представлял себя Джимом Хокинсом. Одеяло предательски сползло с головы, и луч от фонаря ударил в сторону двери.

Мама заметила свет и вошла в комнату, щёлкнула выключателем, зажёгся верхний свет.

Она укоризненно посмотрела сына:

— Ты уже большой. Тебе десять лет. Сказано же, что встаём в пять тридцать и едем в деревню. Значит, едем. Отец сказал. Сам же знаешь. А ты читаешь.

— Да понял я, понял.

Славка осознал, что попался. Со вздохом снял очки, положил их в футляр. Отключил фонарик, положил рядом. Заложил страницу книги закладкой. Посмотрел на обложку книги. Там корабль под всеми парусами нёсся через ураган, рядом с мачтой стоял огромный пират. Одна нога у него была деревянной, а на плече сидел попугай.

Мама дождалась, когда Славка положит книгу, потом забрала её и вынесла из комнаты.

— Мама! А можно я не поеду завтра с вами? Я буду дома. Читать.

— Нет. Ты поедешь с нами. Это не обсуждается.

— Не хочу! Я даже квартиру пылесосом пройду!

— Поедешь с нами! Спокойной ночи!

Она выключила свет и закрыла дверь. Книгу унесла с собой.

Эх! Было обидно! Он бы читал бы дальше. О пиратах. О сокровищах. Карту острова сокровищ он запомнил.

И снилось ему, как он сражается с пиратами. Стреляет из однозарядного пистолета. Отбрасывает его после выстрела и тут же из-за широкого пояса достаёт другой такой же пистолет. Бьётся на саблях.

И сокровища! Огромный сундук, перетянутый металлическими лентами. Он поднимает тяжёлую горбатую крышку у сундука. А там… А там — сокровища! Золотые пиастры. Золотая корона. Огромные драгоценные камни. Сундук забит доверху. И это всё его! Славкино счастье!

Отец у Славы был военный. Майор. Служил в Ракетных войсках стратегического назначения. Секретная служба. И сын привык не задавать отцу вопросы. Отец часто пропадал на службе неделями. Потом приезжал весь пропылённый, от него пахло лесом, иногда машинным маслом, канифолью и ещё чем-то неведомым. Спал ночь, а утром снова на службу. И никто не знал зачастую, когда отец снова будет дома. А тут два выходных!

Из-за службы отца, его обучения в академии они часто переезжали. Славка пошёл в первый класс в одной школе, а последующие два заканчивал уже в другой школе и другом городе.

Он носил очки, немного заикался, когда волновался. Поэтому его часто дразнили. Славка каждый раз вступал в драку, когда его дразнили «очкариком» или «заикой». Не всегда побеждал, но никогда не отступал, пусть даже это были старшие ребята или их было больше. Из-за его подрывного нрава некоторые за спиной его называли «психом». Даже хулиганы — любители отобрать у младших или тех, кто слабее, мелочь на карманные расходы — опасались Славку. Старались лишний раз не задирать.

Славке приходилось поддерживать свою физическую форму. Каждый день отжиматься от пола, подтягиваться на турнике. Отец-военный, понимая, как сложно сыну общаться со сверстниками, показал несколько приёмов из рукопашного боя. Всячески поддерживал сына не бояться противника. Не бояться ничего. Слово отца, майора, для Славки было законом. Если отец сказал — значит, так это и будет! Он же офицер! И точка!

Папа говорил Славке:

— Я не смогу всегда быть с тобой. Я не смогу всегда решать твои проблемы. Но знай! Если тебе понадобится помощь, какая угодно, словом или делом, то я всегда помогу тебе. Ты можешь рассчитывать на меня! И ещё. Всегда оставайся мужчиной! Будь мужиком! Не роняй чести! И всегда думай о последствиях своих слов и поступков. Думай прежде, чем что-либо сказать или сделать. Думай!

Только Славка не приставал к отцу со своими проблемами. Он понимал, что тот всегда на трудной службе. И забот у него невпроворот. И свои проблемы он решал сам.

Славка хорошо учился. Он доказывал всем и себе, что очкарик и заика может хорошо учиться. И ещё у него была одна страсть — он любил читать. Много. Запоем. Особенно ему нравились приключения. Про пиратов, сокровища, путешествия, подлых шпионов, благородных разведчиков. Фантастику он не любил.

С друзьями он играл часто, что устраивали всякие тайники. И рисовали карту. А потом вторая команда должна была найти эти сокровища. Но не просто карта. Там были указатели, намёки, подсказки.

Любитель и знаток компьютеров Юрка Семёнов презрительно обозвал их любителями. Сказал, что в Интернете полно виртуальных игрушек таких, и они называются «квестами». И он большой специалист. Проходит все игры за день.

Друзья пригласили Юрку сыграть с ними в их игру. Не смог Юрка обнаружить тайник. Славка с друзьями посмеялись над ним.

— Юра! Ты не переживай! Тискать компьютерную мышь — это не одно и то же, что лазить по подвалам, деревьям и искать настоящий тайник, в котором настоящие сокровища.

Юрка не обиделся. Его уважали. У него папа был программист, и Юрка лучше всех в классе разбирался в компьютерах. Он часто помогал в настройке или починке такой сложной техники.

— Пацаны, я плохо бегаю по подвалам, но зато хорошо разбираюсь в компьютерах. Каждый силён в том, в чём разбирается. Я буду компьютерщиком! Как папа!

Рано утром, как мама и сказала, Славку поднял отец. Он не как мама, которая подходила, и ласково трогала за плечо и вполголоса говорила: «Слава, вставай! Пора! Доброе утро!» Папа просто громко распахивал дверь и громким командирским голосом командовал: «Славка! Подъём! Живо умываться, завтракать, через полчаса выезд!»

Если с мамой можно было поканючить: «Мама, ну ещё пять минут!.. Мама, всё, сейчас встану, только сон досмотрю за минуту!..» — то с папой такой номер не проходил.

Славка подскочил с кровати, кое-как раскрыл глаза и почти на ощупь, сбивая косяки дверей по ходу движения, побрёл в ванную умываться.

— Что ты так орёшь! — мама укоризненно говорила отцу. — Он же не солдат. Привык командовать у себя в казарме. Орать в казарме во всё горло: «Рота, подъём!» Мёртвого поднимешь!

— Отставить разговорчики в строю! Он — будущий солдат. Захочет — и офицером станет! Главное — дисциплина. Пусть с детства привыкает! Вон, Гайдар в четырнадцать лет полком командовал! Под его командованием было почти три тысячи человек! Три тысячи сабель! Мощь! Сила! Когда полк шёл лавой в атаку, то противник бежал. А уж когда сеча начиналась, то это была настоящая кровавая мясорубка! Люди, кони, дым от выстрелов, блеск от сабель! Ад на земле! И Гайдар в бою впереди всех был на коне! То есть через четыре года Славка может, теоретически, конным полком командовать! А ты его защищаешь! Отставить разговорчики! Завтрак готов?

— Готов, товарищ майор! — мама шутливо отдала честь.

— К пустой голове руку не прикладывают, — буркнул отец. — Слава! Ты скоро?! Еда стынет! Скоро выезжать!

— Иду! Иду!

Славка брёл на кухню. Ему страшно не хотелось никуда ехать. Каникулы только начались, и он мечтал подолгу читать и вставать попозже. С друзьями гулять. На велосипедах гонять. Не в школу же! Поспать бы!

Родители собрали вещи с вечера. Книжку Славке не дали взять с собой:

— Ты на природу едешь.

— А планшетный компьютер?

— Не надо хитрить, юноша! Не брать! Тем более что там, куда едем, нет сотовой связи. Тайга! Природа! Красота! Стихия!

— Я мог бы просто почитать или посмотреть кино на планшете. У меня уже загружено, — ворчал Славка, пока брёл к машине.

— Можешь поспать, ехать долго.

— Я бы и дома поспал хорошо, — Славка продолжал ворчать под нос, усаживаясь назад и пристёгиваясь ремнём.

— Отставить разговоры, молодой человек! В путь!

Отец повёл машину.

Ехали они в заброшенную деревню. Там у друга отца по службе был дом. Он достался от родителей. Они умерли. Вот сейчас они и едут туда. Отец пообещал помочь в ремонте дома. Также Славке обещали рыбалку, баню и шашлык.

Он не выспался, не дали взять с собой книгу. Он так хотел дочитать её сегодня!

Двести километров дороги. Закемарил. Просыпался на больших ухабах и ямах. Когда машина съехала с асфальтированной дороги на грунтовую, автомобиль затрясло. Славка окончательно проснулся.

Отец опустил стёкла:

— Понюхай! Почувствуй воздух! Какой чистый! Дыши, сын!

Слава высунул лицо в окно и тут же убрал назад, в салон.

— Фу! Пыль!

— Эх, сынок, не жил ты в деревне. Я хоть и не здешний, но воздух здесь чистый. Он настоян на травах, лесах, реках, озёрах.

— Я думаю, что морской воздух лучше пахнет, — у Славки по-прежнему было дурное настроение.

— Так ты же им не дышал! — отец хохотнул.

— Надеюсь, что когда-нибудь и подышу. Чтобы ветер и брызги солёные в лицо!

— Романтик ты у нас! — мама оглянулась и с любовью посмотрела на сына.

— У тебя вся жизнь впереди. Всё сможешь сделать, если сильно захочешь! — папа рулил, объезжая очередную яму.

Дорога была заброшенная. По ней крайне редко ездили, и она поросла уже основательно травой.

Между сопками открылся вид на долину.

— Красота!

Вид действительно был красив. И суров, как вся сибирская природа. По краям долины стояли высокие сопки; казалось, что они зацепятся за облака. Все сопки поросли тайгой. Густой, дремучей.

Справа вилась речка. А далеко слева был пруд и стояла деревня. Когда-то большая, а теперь заброшенная. Не видно, чтобы люди ходили, пасся скот. Только полуразвалившиеся дома. Тёмные провалы на месте окон. У многих крыши сгнили и провалились.

Некоторые дома, правда, хорошо сохранились. Со стёклами. Где-то даже закрыты ставни, у некоторых окна были заколочены досками крест-накрест.

На дальнем конце стояла маленькая часовенка. Крест не покосился. Она возвышалась над всей деревней.

«Как маяк стоит!» — подумал Славка.

Тишину над деревней прерывал только визг бензопилы. Вот на этот звук и ехал отец.

Было видно, что у одного из домов стоит грузовик, забитый досками, гофрированными листами железа. Рядом стояла женщина и махала рукой. Мужчина в старом армейском камуфляже пилил бревно бензопилой.

Это был дядя Паша. Майор Дадонов. Сослуживец и друг отца. Также дружили семьями. У них была дочь Светка. На год младше Славы.

«Не дай бог она будет с ними! — думал Славка. — Девчонки такие противные, вредные. Сами не знают, чего хотят. Развлекай её! Тьфу! Поспать не дали. Книгу не дали! Планшет не дали! Светку навязали! Что за каникулы такие?!»

Но девочки не было рядом. А может, её и не будет? Надежда шевельнулась в душе.

Приехали. Выгрузились, поздоровались. С дядей Пашей — за руку, по-мужски.

Дядя Паша звал Славу по-взрослому — Вячеславом, и никак иначе. Славке это очень нравилось. Он и обращался с ним без сюсюканий, как с взрослым. Всегда выслушивал Славу. Поддерживал его. Давал дельные советы. Это тоже нравилось.

Мужчины начали обсуждать, что и как лучше делать.

— Сначала столб у ворот поменяем. Старый совсем сгнил. Поможешь, мужик? — дядя Паша спросил у Славки.

— Конечно, помогу.

Выкопали старый столб. Он совсем сгнил, был трухлявым; низ нового, что уходил под землю, обильно смочили соляркой, чтобы не сгнил быстро; с трудом, с оханьем, покряхтыванием установили. Выверили отвесом, чтобы ровно вертикально стоял. Засыпали землёй основание. Утрамбовали землю вокруг. Не просто ногами. А «трамбовкой» — куском бревна с прибитой перекладиной. Слой за слоем земли. Взрослые держали столб, смотрели, чтобы он не наклонился, не завалился, а Славка, пыхтя, поднимая до уровня груди, резко опускал вниз. Вспотел. Устал.

— Сильный парень растёт! — дядя Паша похлопал по плечу Славку.

— Сильный, — отец подтвердил. — Каждый день отжимается и подтягивается. Мужиком растёт. И руки откуда надо растут. Многое уже может делать. А где дочь?

— Мы её в летний лагерь на месяц определили. Там какая-то программа есть по закаливанию. А то всю зиму горлом болела. Пусть попробуют, может, и болеть меньше будет, — и, уже обращаясь к Славе: — А в этом доме, Вячеслав, я прожил много лет. С двенадцати до восемнадцати. Потом в военное училище поступил и вот не знал, что Родина отправит меня служить, после нескольких переездов, в родные края. Каждый отпуск здесь проводил. Все окрестные леса вокруг излазил.

— А чем деревня занималась? — спросил отец.

— Леспромхоз был. Лес заготавливали. А вот видишь за часовней болото?

— Вижу.

— Это Славкина падь.

— Чего? — Славка был удивлён.

Он здесь первый раз, а у него уже есть какая-то падь!

— Нет, Славка! Это не твоя падь. Не в твою честь названа. До революции был здесь золотопромышленник Славкин. Фамилия такая. Здесь раньше часть старого русла реки проходила. Где-то километрах в ста пятидесяти Славкин и устроил дамбу. Там большая долина. Чтобы реку перекрыть и золото мыть. Народу это сильно не понравилось. Остался народ без воды для огородов, без рыбалки

на тот момент. Бунтовал. Но кто же при царе народ слушать будет? Никто не будет слушать. А место заболотилось быстро. Места другими стали. А однажды Славкин с обозом намытого золота шёл в нашу сторону. Десять подвод, двадцать мужиков. Все вооружённые. Места глухие. Вышли и пропали. Ни выстрелов никто не слышал, никто на помощь не звал.
— Так целый обоз там где-то и лежит?— Славка приподнялся, вглядываясь в лес за часовней.
— Не знаю,— дядя Паша рассмеялся.— Так рассказывали мне. А как там было — не знаю. Только нам строго-настрого запрещали ходить в падь. Да и Ведьмак там то место сторожил. Боязно было. Да и в то время старших принято было слушать. Сказали — ни ногой, значит, ни ногой!
— Ещё чем знаменита ваша деревня, кроме потерянного обоза? Это же надо! Обоз с золотом потерять!
— Охочих молодчиков до золота всегда было много. И своих, и пришлых. Как уходили, так и не возвращались. Только иногда, когда грибы да ягоды собирали большой компанией, находили то череп конский с частью старинной уздечки, то человеческий череп.
— Настоящий?— у Славки глаза чуть из-под очков не выпали.
— Настоящий, Вячеслав, настоящий,— дядя Паша потрепал его по голове.

Покрутил дядя Паша головой, вспоминая.
— Чем ещё знамениты эти места? То ли один самолёт упал, то ли два. Народ по-разному считает, от этого и говорит по-разному.
— Давно упали?
— Давно. Во время Великой Отечественной войны. Над нами проходила трасса Алсиб. Аляска — Сибирь. Река вон новое русло пробила. Они «цеплялись» визуально за речку и шли по ней. Ориентиров-то мало. По ленд-лизу Америка нам самолёты поставляла, вот наши лётчики с Аляски и перегоняли их до Красноярска. А там уже что поездом, крылья отстёгивали, что своим ходом дальше на фронт гнали. А потом самолётами грузовыми лётчиков обратно на Аляску забрасывали. Золото, говорят, самолётами в Америку возили, чтобы рассчитаться частично за технику. Меха, пушнину, соболя, говорили, что и алмазы, бриллианты тоже возили. И что самолёт один разбился зимой. Говорят, что тот, который золото вёз в Америку. Зимой дело было. Лётчик выполз из тайги, вот по замёрзшей Славкиной пади. Весь раненый. Постучался в первый дом. Там бабка Авдотья жила. Вон её дом, с когда-то синими воротами,— он махнул рукой в сторону того дома.— Это я её помню как бабку, во времена войны молодая была. Он три дня у неё прожил, как могли его выхаживали всей деревней, а потом и помер. На деревенском погосте и схоронили его.
— А про золото он сказал?— у Славки аж уши на голове зашевелились.
— Не знаю,— дядя Паша рассмеялся.— Меня тогда здесь не было. Да и не родился я тогда. Но вот байки про золотой обоз и золотой самолёт постоянно ходили в деревне. Как тема для разговоров на вечерних посиделках заканчивалась, так стариков просили рассказать про это золото. Одно и другое. Может, и брехня всё это. И лётчик был не с золотого самолёта, а с того, что из Америки перегоняли. Кто говорил, что два самолёта падало. Один из Америки, а второй, с золотом, навстречу. Кто же его знает, как оно на самом деле было?
— А почему они падали, дядя Паша?
— Кто же их знает, почему они падали, Вячеслав? Самолёты сейчас более совершенные падают. И порой не находят их вовсе. А в те времена! И техника не такая совершенная была, топливо тоже играет фактор значительный. Люди уставали. Без радиосвязи. Карт тогда толком не было, про аппаратуру навигации никто не знал. По карте, звёздам, солнцу, по приметным рельефам местности. Да! Забыл совсем! Помню, при мне уже было дело. Геологи приходили к нам. Два сезона работали. От ранней весны до глубокой осени. Нашли они у нас где-то залежи магнитной руды. Они мощные, но мало. И ведут себя как-то странно. Видимо, от подвижек почвы. Когда коренная вода идёт, болото вспухает, или по другой причине, но тогда либо они на поверхность выходят, либо болото их выталкивает, но тогда магнитное поле меняется. Часы останавливаются. Компас с ума сходит, крутится, как бак в стиральной машине. Чудится всякая чертовщина.
— Какая чертовщина?
— Фигуры в белом. Кто-то караван с золотом видел. Идёт вереница подвод, и люди рядом. Но это может быть и болотным газом. Вот вместе с изменённым магнитным полем вызывают видения. Хотя по себе могу сказать, что у меня была одна ситуация в детстве… Навсегда запомнил. Мы тогда жили в Новой Солянке Рыбинского района. Мне было десять лет, как тебе, Вячеслав. Меня взяли коней пасти в ночное. Старшие ребята ушли на рыбалку. Меня с лошадьми оставили. Туман пополз по траве. Красиво и страшно. Он белый, густой. Я на лошади, она медленно бредёт, а тут встрепенулась, захрипела, испугалась. Стоит на месте. Куда-то вперёд глядит и не идёт вперёд. Не вижу, чего она так испугалась. Ну, туман да туман. Я поддал ей пятками, она двинулась вперёд. Буквально два метра прошла лошадь, а очутились как будто в другом измерении. Всё стало вокруг чёрным и ярко-серым…
— Как это ярко-серым?
— Да вот так. И место как будто другим. Те места я хорошо знал. Облазил на коленях, собирая ягоды да грибы, на лошадях и велосипеде всё объездил,

а тут… Всё иное. И холодно. Очень холодно. Сыро и холодно. До костей холод враз пробрал. И тоска. Вселенская тоска в душу проникла. Наполнила безысходностью изнутри всего. Всё тело… И страх как будто за сердце холодной липкой мохнатой лапой схватил. Прошло-то, понимаю, не больше тридцати секунд, а показалось, что час. Я лошадь за поводья, назад развернул. Её и понукать не надо было, она галопом рванула оттуда. Еле в седле удержался. К шее наклонился. Глажу её, успокаиваю. Вынесла она нас на прежнее место. Дрожит от страха, хрипит, пена с губ у неё срывается. Наутро я там всё облазил. И ничего. Всё как было раньше. Многое не помню из детства, а этот случай до сих пор перед глазами стоит.

— Ладно, не пугай сына. Пошли работать,— отец встал.

— А ты, Вячеслав, иди погуляй. Только аккуратно. Дома заброшенные, не провались. Посмотри, как люди раньше жили. Многих вещей ты наверняка не видел.

Славке уже стало интересно в этой деревне. Может, и не зря он сюда приехал? Золотой обоз, золотой самолёт…

Прямо как в «Острове сокровищ»! Только без пиратов. Кто бы мог подумать, что вот здесь, в Славкиной пади, спрятаны такие сокровища?! И название хорошее. Славкина падь! Его падь. И золото его!

Он пошёл с обходом по деревне. Его интересовал дом с синими воротами. Там, где жила Авдотья и куда приполз лётчик с самолёта с золотом.

Его туда тянуло, манило. А вдруг ему удастся там найти что-то связанное с золотым самолётом? С самолётом, который перевозил золото! С золотым самолётом!

Синие ворота были покосившиеся. Одна из створок почти отвалилась, оперлась на другую, от этого и держалась на весу. Калитка рядом сгнила и валялась на земле.

Двор порос травой. Она была ещё не слишком высокая, но густая. Земли не видно. Дверь была приоткрыта.

Доски на крыльце предательски прогибались, готовые провалиться под ногой.

Осторожно, предварительно трогая ногой перед собой доску и только потом твёрдо опуская ногу, Славка подошёл к порогу дома. Стал осматривать комнату.

Его охватило чувство охоты. Охоты на конфеты. Он знал, как это происходит.

Родители часто прятали от него конфеты. Он любил их и мог скушать, наверное, сразу килограмм!

Но говорят, что нельзя, вредно.

Не всегда, но бывало, что Славка, когда дома был один, а конфет очень хотелось, стоял на пороге комнаты и смотрел. По кругу, от угла к углу. И неведомая сила показывала ему, где был тайник с конфетами.

Он безошибочно находил его. Брал горсть. Мама всякий раз удивлялась Славкиному чутью и перепрятывала. Но всё было бесполезно. Всякий раз он снова находил. Пусть это было в посуде, в постельном белье, за книгами, в диване, в кармане отцовской шинели. Конфеты находились, и часть немедленно съедалась.

Вот такое же чувство азартной охоты, смешанное со страхом перед старым домом, сейчас бурлило в груди у Славки.

От порога начиналась комната. Почти посередине стояла русская печь. Справа стоял обеденный стол. Лампа-керосинка с мутным, пыльным стеклом. Большая стопка старых газет. Два табурета и один стул. Все предметы были массивными, сделанными местным столяром. Таких в городе не увидишь. Даже по прошествии лет они выглядели добротно.

Висели часы-ходики на стене. Сгнившие половики на полу. Их вязали из лоскутов ткани.

Шкаф с посудой. За пропылившимся стеклом были видны тарелки.

Славка подошёл к часам-ходикам. Потянул цепочку, вытянул гирьку, качнул маятник. Часы пошли! Тик-так! Тик-так! Но меньше чем через минуту маятник стал уменьшать амплитуду и постепенно остановился.

Жалко.

Осторожно, прощупывая пол, чтобы не провалиться, Славка шёл вперёд. За печкой была ещё одна комната.

Широкая металлическая кровать, с шарами на спинках. Некоторые ещё поблёскивали. Комод. Диван. Стул как на кухне. На стене с кроватью какой-то ковёр, с нарисованными оленями на фоне леса.

Стёкол в доме не было. Всё было старым, ветхим. Славка внимательно осматривал. Но ничего не видел, что бы указывало на лётчика, который здесь жил три дня и умер.

Он пошёл к выходу, как вдруг споткнулся о железное кольцо в полу, чуть не упал.

«Подпол! Как я о нём забыл?»— Славка несильно хлопнул себя по лбу.

Он начал дёргать крышку люка, но она не хотела подаваться. Славка пыхтел, дёргал. Но она чуть вышла, и всё. Славка сел на стул, вытер пот со лба. Уф. Надо что-то придумать, чтобы выдернуть крышку!

Снова обошёл комнаты, чтобы найти какой-нибудь предмет, чтобы использовать как рычаг. Например, лом, топор или цепь, чтобы продёрнуть через кольцо и рвануть вверх.

Ничего подходящего не было.

Пошёл во двор. В этой траве ничего тоже не найдёшь! Отчаяние почти охватило его. Надо идти по соседним избам в поисках рычага!

Он уже пошёл, когда увидел, что под крыльцом что-то лежит. Там был лом с приваренным топором. Таким сбивают дворники в городе лёд на тротуаре.

Тяжёлая штуковина! Не сразу удалось поднять его! Очень тяжёлый и страшно грязный. Ржавый весь, в грязи! Фу!

Славка, держа за один конец, втащил его в дом. Попытался выковырять люк из лаза. Но лом большой, длинный, тяжёлый. Неудобный.

Положил табурет набок и через него, как через точку опоры, с третьей попытки выдрал неподатливую крышку люка!

Из подполья пахну́ло чем-то сырым, резко неприятным.

И темно. Там вообще ничего не видно. Просто чёрный квадрат в полу.

Надо посветить! А как?!

Потом Славка вспомнил, как он на уроках выжигал на тетрадке различные фигурки.

Очки были для дальнозоркости, которая у него была от рождения. Стёкла слегка увеличивали. Это, конечно, не те увеличительные стёкла, что продаются в магазинах, но всё равно фокусировали солнечные лучи, и если держать долго на ладони, очень сильно жгло. И на бумаге оставляли чёрно-коричневый след, и пахло жжёной бумагой.

В стопке старых газет Славка нашёл те, что посуше, и вышел на двор. Солнце хорошо припекало.

Примостившись на крыльце, Славка начал терпеливо фокусировать солнечные лучи через линзу очков на газету.

От тонкого луча поднялся сначала лёгкий дымок, а потом и маленькое пламя занялось. Оно росло, и уже газета загорелась.

Нацепив очки, Славка побежал в дом. Наклонился над входом в подпол. Лестницы не было. А до земли метра два. Упадёшь — костей не соберёшь! А обратно как?

Славка поставил стул, попрыгал на нём. Крепкий. Держа, в одной руке горящую газету, другой медленно опустил стул вниз. Главное, чтобы он не завалился набок! Сунул огонь вниз, пламенем чуть не обжёг себе лицо! Но наметил, куда нужно ронять стул. Разжал пальцы. Стул мягко упал на землю. Потом взял табурет. В середине сиденья прорезь, чтобы брать его за крышку.

Газета уже почти догорела. Зажёг другую. Снова в подполье её. Но уже более грамотно. Чтобы не обжечь себя. Запомнил, как стоит стул. Стал прицеливаться по памяти, чтобы опустить табурет на сиденье стула.

Табурет полетел вниз, ударился о спинку стула и упал рядом набок.

Славка разозлился. На табурет. На стул. На свою криворукость.

Остался ещё один табурет. Зажёг новую газету. Внимательно смотрел вниз, долго целился, останавливал раскачивание руки с тяжёлым табуретом. Медленно, плавно, без рывков разжал пальцы. Табурет полетел вниз, в темноту. Славка тут же сунул газету вниз. Табурет упал на стул и стоял, покачиваясь, на сиденье стула.

Расстегнул несколько пуговиц на рубахе, засунул туда несколько газет, стал опускаться вниз. Опустился на вытянутые руки. Даже носками ног не доставал он табурета. Страшно. Руки уже стали предательски подрагивать под весом тела.

Разжал пальцы. От страха зажмурил глаза. И полетел вниз.

Приземлился на край табурета. Тут же развёл руки в стороны, чтобы не упасть, сохранить равновесие. Ножки стула ушли в землю, скомпенсировали удар.

Славка медленно слез с табурета на стул, потом на землю. Почва была влажная.

Были полки на стенах под банки. Несколько пустых банок там стояли. Был короб под картошку.

Он заглянул в короб, подсвечивая себе чадящей газетой. В углу что-то лежало. Наклонился, чуть не свалился внутрь. В углу лежала высохшая крыса.

Славка отпрянул, ударился спиной о стену.

Он начал говорить вслух сам с собой:

— Так. Я — раненый лётчик. Должен что-то спрятать. Сил у меня мало. Куда бы я спрятал? Можно в комнате, но сразу найдут. А зачем прятать? Просто сказать, где самолёт, чтобы передали. А если самолёт с золотом, так никто никому говорить не будет, сами поедут и разграбят. Значит, надо прятать карту. Куда? На чердак? Дело зимой было. Я — раненый. Сил немного. Со стороны можно увидеть, что полез. Следы на снегу. Тоже заметно. Да и зачем раненому выходить на улицу и лезть на чердак? Думай, Слава, думай! Значит, в комнате. За столько лет после лётчика ремонтов было много. Значит, нашли бы точно. И тогда бы в деревне бы знали, где самолёт, и обнаружили бы. Сами или поисковые отряды. Так. Куда? В подпол. Можно незаметно спуститься и подняться, когда хозяев нет в избе. Вот здесь была лестница.

Славка запалил новую газету. От дыма уже ело глаза.

— Вот здесь стояла лестница. Вон она, сгнила и валяется. Я спускаюсь. По лестнице. Сил мало. Времени мало. Куда?

Он взобрался на свою шаткую конструкцию из стула и табурета. Стал освещать стену. До крышки ещё было высоко. Слез, с трудом водрузил второй табурет. Рискуя сорваться и сломать себе шею, поднялся почти вровень с уровнем пола.

Стал светить под полом. Там были запиханы какие-то тряпки, чтобы сыростью и холодом не тянуло в кухню.

Славка начал выдёргивать полусгнившее тряпьё. Светил как мог, засовывал руку. С левой стороны нащупал что-то металлическое. Прямоугольное.

Сердце забилось! Казалось, что выскочит из груди. Во рту пересохло.

Прямоугольная продолговатая металлическая коробочка. Есть!!! Есть!!! Нашёл!

Резко выдернул руку с коробочкой. Конструкция из мебели под Славкой зашаталась, накренилась и обрушилась. Каким-то чудом ему удалось взять коробку в зубы, бросить газету вниз. Она уже почти закончила своё горение. И, уже падая, Славка схватился за край лаза.

С грохотом табуреты упали на землю.

Тело Славки раскачивалось над ними. Он скосил глаза вниз. Там на сырой земле догорала газета, освещая тусклым светом поверженную мебель.

«Мне ещё пожар не хватало здесь устроить!— подумал Славка.—Отец три шкуры спустит!» Но газета потухла. Надо выбираться.

Доски пола толстые, ухватиться толком не за что, пальцы были грязными от земли, ладони вспотели, пол грязный.

«Лететь далеко, да ещё в темноте. Костей не соберу! Только вверх!»—мысли роем носились в голове.

Он подтянулся, пальцы почти соскочили. Подбородком зацепился за пол, одну руку перехватил, вторую выбросил вверх и максимально назад, цепляясь за крышку люка.

Выворачивая руки, срывая ногти, Славка кое-как выбрался из тёмного плена подпола.

Лежал на спине, раскинув руки, коробку вынул изо рта. Она была в пыли, земле. Сплёвывал эту гадость и глубоко дышал. Пот катился по лицу. Было страшно, что мог сорваться вниз на эти табуреты.

Встал, закрыл подпол. Крышка не входила, он попрыгал на ней, чтобы загнать. Понимал, что много следов здесь оставлять нельзя после себя. Будет понятно, что он лазил вниз и что-то там искал.

Газеты из-за пазухи—в кучу, где лежали.

Стал рассматривать коробку. Она была сделана из тонкого металла, типа алюминия. Надписи почти стёрты. Неразборчивы. Читалась только верхняя. Чёрными жирными буквами было написано: «U. S. ARMY FIELD RATION».

Сердце в груди забилось ещё сильнее. Откуда в глухой сибирской деревушке упаковка от американского военного пайка? Только лётчик! Он получил на Аляске продукт, засунул себе в комбинезон.

С торца была крышка по форме этой коробочки.

«Так, Слава, спокойно. Очень спокойно. Бумага могла высохнуть со временем и стать ломкой. Спокойно! Очень спокойно!»

Руки предательски дрожали от напряжения, когда он подтягивался, и от волнения. Сердце бешено колотилось в груди.

Он снял крышку и заглянул внутрь. Там была вложена бумага. Дрожащими от волнения и напряжения руками он начал миллиметр за миллиметром вынимать её оттуда.

Она не крошилась, не ломалась. Вынул. Это был двойной листок в клеточку, как от обычной школьной тетрадки.

И там…

Там от руки карандашом нарисована примерная карта местности. Вот река. Вот конусом выходит Славкина падь. Вот и деревня. И на широкой части конуса… нарисовано два самолёта. Один под вопросом. И зачёркнут. Потом чёрточка заштрихована. Как будто лётчик сомневался. Второй— дальше от деревни, и стоит восклицательный знак. Деревья нарисованы. Какая-то винтовка в прямоугольнике недалеко от самолёта схематично указана под ёлкой. Какая-то скала, как мост, только с проломом посередине.

«Долго рассматривать не буду,—решил Слава для себя.—Дома разберусь».

Убрал карту в коробочку и засунул в карман штанов.

Уже пошёл на выход, но оглянулся. Увидел лом с приваренным топором, которым он открывал крышку люка, схватил за конец и поволок на улицу. Не нужно привлекать к себе внимание. Ни к чему всё это.

Он запихнул лом под крыльцо, где и нашёл его. Пока он ковырялся, его кто-то окликнул тяжёлым голосом:

—Эй, малец, что ты там делаешь?

Славка выпрямился и обомлел от страха. Такого страшного, ужасного мужика он ни разу не видел.

Огромный, выше отца и дяди Паши. Широкий в плечах, с огромной, по грудь, чёрной-пречёрной бородой. Такие же чёрные брови, из-под которых не видно глаз. На голове большая шляпа. Она когда-то тоже была чёрная, а сейчас где-то серая, где-то рыжая. Но с большими полями. Вся старая и бесформенная. Одет был этот страшный великан в старый брезентовый дождевик. На ногах—стоптанные кирзовые сапоги; брюки с заплатами, прихваченными широкими стежками, заправлены в сапоги.

В руках у него, как посох, большая толстая палка. Мужику почти по плечо. Палка была много выше Славки.

Глаза у этого чудовища, когда развернул голову в сторону мальчишки, тоже были чёрные.

Руки были огромные. Широкие.

—Что молчишь? Обомлел?

Славка просто молча смотрел на незнакомца, готовый в любой момент дать стрекача и удрать от него к родителям.

—Что делаешь в мёртвом доме? Что искал?

Мужчина грозно смотрел на него.

От страха Славка начал волноваться. Сквозь спазм выдавил:

—Н-н-ничего. П-п-п-просто смотрел.

— Ты что, заикаешься?
— Д-д-да!
— Испугали?
«Ещё чего! — подумал Славка. — Я — сын офицера! И ничего не боюсь! Ха! Три раза „ха"!»
— Н-н-нет! Я п-п-просто з-з-заикаюсь! Никто меня не п-п-пугал!
— Ты с Дадоновыми приехал?
Славка просто кивнул головой. Этот страшный человек просто сковал его ужасом. Скорей бы к родителям уже!
— Пошли! Нечего по заброшенным домам лазить. Не ровён час, что-нибудь обвалится! Пошли!
Славка стоял.
— Боишься?
Славка молчал.
— Ладно. Я вперёд, а ты следом! Ты ничего не взял в доме?
Славка отрицательно помотал головой.
— А хотел что-нибудь взять?
— Д-д-да! Т-т-там часы на стенке. Ходики. Я их завёл. Но они не ходят. Сломаны.
— Да. Часы. Такие часы уже не делают. Они когда тиктакают, так и на душе спокойно. Как будто в доме ещё одна живая душа. И говорит тебе, что всё в порядке. Ты не один. Понимаю, малец. Понимаю. Но ты их не взял?
— Н-н-нет. Они сломаны.
— Ну и ладно. Пусть висят. Сломанные часы в мёртвом доме. Им там как раз и место.
Он покрутил головой, как будто ещё ища кого-то.
— Пошли.
Он махнул палкой, показывая направление к дому дяди Паши. Славка на почтительном расстоянии держался от него, шёл следом, готовый в любой момент драпануть от этого страшного дядьки.
Рука в кармане, крепко держит алюминиевую коробочку.
Вот и дом дяди Паши.
Подошли к калитке. Отец с дядей Пашей на крыше приколачивают доски. Видно, что часть толя на крыше они уже заменили. Новый чёрным пятном чётко выделяется на фоне старого, серого, выгоревшего.
— Бог в помощь, — зычно сказал незнакомец.
Взрослые перестали колотить. Обернулись. Дядя Паша козырьком поднял ладонь над глазами, солнце светило ему в глаза.
— А! Дед Епифан! Сейчас спущусь!
Славкин папа тоже стал спускаться следом.
Дядя Паша подошёл к калитке, отец следом.
— Здравствуйте, дед Епифан!
Дядя Паша был почтителен. На фоне этого здоровяка он выглядел очень скромно.
— Здравствуй, Павел! Крышу делаешь?
— Делаю. Родовое гнездо. Нельзя бросать.
— И это правильно, — дед Епифан кивнул своей большой головой.
— Кто знает, может, на пенсию пойду да сюда и переберусь. Красота здесь. В городе такого не увидишь. Да и чисто здесь. Чистый воздух. Чистая вода. Да и вам будет веселее.
— Перебирайся. А то охотников до чужого добра тут много. И летом приезжают, и зимой, чтобы поживиться чужим добром в домах. Чуть ушёл в тайгу, глядь, а птицы уже встревоженные кружат над деревней. Вот и возвращаешься, чтобы шугануть нечисть приезжую. Худой люд пошёл ноне. Вороватый. Работать не хотят, только бы чего утащить, что плохо лежит. Тут были умники, пытались дома разобрать да увезти. Еле отбил.
— Тяжело было?
— Да нет! — дед Епифан пожал плечами. — Их четверо всего было. Я жердиной от них отбился, потом в машину загнал, чтобы убрались. А зимой этой завал из лесин соорудил. На снегоходах не пройдут, на машине не проедут. По бокам брёвна на противовесах поставил. Мимо на лыжах или в снегоступах не пройдёшь: тронешь ветку, а бревно сбоку прилетит. Не зашибёт насмерть, я осинку поставил, она лёгкая. Но зубы и рёбра помнёт. Вот ежели берёзку приспособить да заострить, то звериному обитателю пир будет. Но грех на душу брать не буду, — он широко перекрестился.
— Рыба-то на пруду есть, дед?
— Рыба есть. Много не бери.
— Да нет. Не больше ведра. Карасей.
— Бери, — дед великодушно махнул рукой. — А на речке чего не хотите? Там и хариус есть.
— Снасти взяли на медленную воду. Спокойно посидеть да пацана к рыбалке приучить, — дядя Паша кивнул на меня.
— Так это, значит, ваш мальчишка?
— Наш, наш. Помогал ворота чинить, потом отправился осматривать окрестности. На крышу его брать побоялись.
— А я иду, смотрю, кто-то там под крыльцом Авдотьи шерудит. Вот и подошёл, поинтересовался. Понятно. А дочь твоя где?
— В лагере летнем отдыхает.
— Понятно. Я ей прополиса заготовил. Настойку сделал. Ты же говорил, что у неё горло слабое. Прополисом смазывайте — верное дело. И перги дам тоже. Для здоровья — пользительное средство будет. Ну и просьба, Павел, к тебе.
— Говорите, дед Епифан.
— Воска я приготовил. Отвезёшь в город, в церковь. Там немного. Около пуда будет. Не больше.
— Конечно, отвезу. Ну а я вам соли привёз, крупы.
— Вот за заботу такую — поклон тебе. Никто уже из земляков не приезжает. Плохо. Ладно. Пойду я. Завтра принесу, что обещал. Ну и мёда прошлогоднего. И брусники с мёдом.

— А вот за последнее — отдельное спасибо, дед Епифан! — дядя Паша встрепенулся.
— Да. Мальчугану накажите, чтобы по мёртвым домам не лазил. Не ровён час, придавит его. Дело такое… Брошенное. Дома будут мстить людям за то, что их бросили. И не дело это…

Он махнул рукой, в которой был зажат посох. И пошёл обратно.
— Славка, ты чего такой грязный? — отец подошёл к сыну.
— Да ладно, папа, сейчас умоюсь.

Славка быстро потёр щёки ладонями, как будто от этого лицо стало чище.
— Я тебе дам сейчас «ладно»!
— Дядя Паша, а кто это? — Славка махнул рукой в сторону удалявшегося великана.
— Ведьмак это, Вячеслав, Ведьмак! — дядя Паша покачал головой. — Сколько я его помню, а всё такой же. Здоровый. Ни одного седого волоса. Только стал сутулиться он.
— Он? Сутулиться?
— Раньше он больше был. Откуда пришёл — не знал никто. Пришёл и стал строить себе дом. На окраине. Почти в лесу. Обычно соседей просят о помощи. Этот сам. Сам валил лес для дома. Тщательно выбирал деревья. Сам добывал, сам шкурил — кору снимал, сам на себе лесины вытаскивал из тайги. Сушил. Сам чашки рубил, сам сруб ставил. Никого ни о чём не просил. Людей сторонился. К себе никого не подпускал. А пока дом строил, то у бабки Авдотьи на постое был. Помогал по дому. Ремонтировал дом. По хозяйству помогал. Все шушукались, что роман у них. Ничего не было. Болтовня одна. А когда дом построил, то вообще отдалился от всех. Пасека у него была и есть. Травы он собирал, сушил. Если у кого какая хвороба случалась, так все к нему обращались. Но все шли к нему, когда всё уже, нет мочи терпеть. Он и отвары делал, и припарки всякие. Многим помогал. Его благодарили. Он сам начал сруб делать под часовню. Председатель приходил, стыдил: мол, советская власть на дворе, а ты часовню ставишь. Он молчал. Только тюк да тюк топором. Не любил говорить. Вот сейчас он разговорился. А так — всё молча. Даже когда я первый раз после смерти родителей приехал, так он и не пришёл ко мне. Издалека посмотрел, что я делаю. И ушёл. Я вечером к нему пришёл. Сахара, крупы, муки принёс. Только тогда он поблагодарил. Наутро принёс мёда да брусники на меду.
— А что это такое?
— Это он бруснику собирает. В бочки, закопанные в землю, засыпает, а сверху мёда много льёт. И всё это у него стоит. Год, два, три. Получается для иммунной системы очень хороший стимулятор, ну и хмель присутствует. Съедаешь миску такого вот желе — и ноги как ватные, но наутро сил столько, что можешь марафон бежать, и организм очищается от всякой дряни. Однажды он пришёл ко мне, я с дочкой был, говорит: хотите посмотреть на медвежонка? Пошли мы. А там у него сарай, и там эти бочки закопаны. Медвежонок — пестун. Это годовалый, забрался, землю раскопал и сколько смог съел этой брусники с мёдом. И свалился рядом.
— Умер? — Славке жалко было медвежонка.
— Нет, Вячеслав. Не умер. Он стал пьяным. Уснул. Мы с ним фотографировались. Светка поначалу боялась, за меня пряталась, а потом даже за лапу его держала.
— А потом что с медведем сделали? Убили?
— Да что ты заладил: «Убили! Убили!» Никто его не убивал! Погрузили на тележку и вывезли подальше в тайгу. Земли потом на бочки побольше накидали.
— Это хорошо! А почему Ведьмак? Потому что людей не любит?
— Да кто ж его знает? Вся деревня его так звала за глаза. Но боялись. Силища невероятная в руках у человека. Он всех отвадил от Славкиной пади. Все тихо охотились. В каждом доме были ружья. Тайга же кругом. А этот нет. Только волчьи ямы. Силки, петли, брёвна на противовесах. У него ульи стояли там. Медведи шли на мёд. Так ни одного улья они не взяли. Вот такую оборону он устроил вокруг. А тут как-то скот стал пропадать. Медведь стал скотину драть. Отбилась корова от стада — он её и драл. Охотников полно в деревне, они и засаду на медведя устраивали. А он как заговорённый. Уходил от них. Обходил все ловушки, волчьи ямы с кольями на дне. Прямо как знал, что ему готовят. Как заговорённый. Обычно зверь так себя не ведёт. Бабки судачили на завалинках, что это оборотень вернулся. Того самого Славкина вспоминали. Это бабки. Им бы лишь бы лясы почесать. Ну, у народа мысль и созрела, что это раненый на ведьмаковской пасеке мишка мстит так людям. Выпили мужики и гуртом, человек тридцать, повалили к деду Епифану. Я тогда мелкий был, но тоже увязался. Интересно же! Зашли во двор, а кто на улице остался. Мы с пацанами забрались на забор, глядим, что дальше будет. Выходит Ведьмак. В рубахе навыпуск. «Чего надоть?» Мужики горланят, перебивают друг друга, руками машут, угрожают. Понятное дело, пьяные. Ведьмак посмотрел на них недобро так. Все враз заткнулись. У него над входом в дом была подкова конская прибита. На удачу. Он так её легко потянул на себя, как будто она не прибитая была вовсе, а приклеенная. Оторвал её. Гвозди аккуратно вынул, в карман к себе положил. Потом, не сильно напрягаясь, разогнул её. Бросил под ноги пришедшим: «Как сумеете снова согнуть — так и приходите снова. А от меня раненый зверь не уходит. Я над зверьём не измываюсь. Либо не подходит совсем, либо не уходит. Не мой медведь. А вы, мужики, ступайте подобру-поздорову, а то

места будет мало. Вы же потом лечиться пойдёте да власти жаловаться. Так что не надо. Если нет среди вас охотников, способных с медведем справиться, так я сам с этим мишкой разберусь. Только не надо всем кагалом ко мне бродить. Пришёл бы один-два да по-человечески попросил бы о помощи. Я помогу. А вот так… не надо. Меня горлом не возьмёте. Самим потом больно будет. А мне вас припарками лечить». И мужики молча, ни одного звука, развернулись и вышли. Мы остались сидеть на заборе. Так Ведьмак подобрал это разогнутую подкову. О перила на крыльце снова её согнул. Подправил на камушке, чтобы ровная была. Сходил в дом за топором и обушком снова повесил на место. Гвозди из кармана старые вынул, тоже поправил на камне том и на место приладил подкову. А потом ушёл в тайгу. И через неделю на центральную площадь приволок медвежью лапу. Я медведей видел. Но такой лапы — никогда! Огромнейшая лапища. Раза в два больше привычной. Страшная. Когти больше, чем мой средний палец, раза в два и толстые. Как большой палец на ноге. А он в одиночку его взял! После этого случая Ведьмака все стали ещё больше бояться и по мелочи старались не беспокоить. А он и не лез ни к кому. Власти его тоже стороной обходили. Он сам по себе строил часовню. Потом уже и мужики к нему приходили. Сами. Спрашивали, что делать. Он говорил. А потом всё молча. Откуда-то привезли попа. Он освятил. Дед Епифан добыл где-то рынду с корабля, повесил на звонницу. Нам интересно было позвонить. Он не пускал. Только в Пасху пускал, чтобы звонили все, кто хочет. Но лишь бы без баловства. А когда лесные пожары были, то колоколенку использовали как наблюдательный пункт и звонили, когда пожар близко подходил.

— Сколько же ему лет?

Отец Славы молча слушал.

— Говорю же — не знаю. Может, восемьдесят. Может, и все сто. Никто не ведает. Всех пережил. Когда у бабки Авдотьи он жил, то всё про лётчика выспрашивал. Часто его на кладбище видели у могилы пилота. Он её обихаживал. Своих родственников у него нет. Вот и взял шефство над ней. Снимет шляпу свою, стоит, крестится, что-то говорит вполголоса. Голос-то у него — что труба иерихонская. За версту слышно. А тут вроде как и шёпотом. Слышно, что что-то говорит, а про что и что именно — не разобрать. То ли молится, то ли с душой покойного говорит. Не знали мы. И близко не подходили. И вопросов не задавали. Он вроде как и среди людей жил, а в то же время и в стороне. Мы его не трогали, он нас не беспокоил. Ладно. Хватит отдыхать. До темноты надо успеть с крышей закончить.

— Славка! Марш к матери помогать! Умойся и помоги женщинам баню растопить как надо! Если надо, то и воды натаскай. И ещё! Накопать червей на завтрашнюю рыбалку! Побольше! Задание понятно?

— Так точно, товарищ майор! — Славка, памятуя, что отец не велел прикладывать руку к голове без головного убора, вытянулся по стойке «смирно».

— Молодец! Выполнять!

Славка пошёл к маме. Ему не терпелось ещё раз посмотреть на карту, изучить её внимательно.

Он никому не сказал о своей находке. Славкина падь — это знак! Это его золото! Славкино золото! Славкино сокровище! Славкин самолёт!

Самолёт, полный золота! Даже сокровища капитана Флинта меркли по сравнению с самолётом, доверху забитым золотыми слитками!

У Флинта его сокровища — это жалкая горсть старых, истёртых монет! А здесь *самолёт!!!*

Самое главное, чтобы родители не нашли заветную коробочку, тогда всё пропало! Всё пойдёт прахом!

Славка не мог дождаться, когда они поедут домой. Хотелось, чтобы время побыстрее прошло. Только когда он копал червей, специально отошёл подальше, ему удалось мельком ещё раз осмотреть её. Старался запомнить ориентиры, которые были здесь на местности. Но, кроме реки, деревни, ему не были известны другие.

Эх! Поскорее бы домой!

Но вечером была баня. Сначала пошли мужчины со Славкой. От души хлестались свежими берёзовыми вениками. Потом ужин. Славка пораньше пошёл спать. В деревне не было электричества, а генератор, который привёз дядя Паша, давал только электричество для того места, где сидели взрослые.

Не удалось ещё раз посмотреть на найденную карту с сокровищами.

Утром его потащили на рыбалку. Солнце ещё не встало, туман был над прудом. Рыба как будто озверела. Клевала почти на пустой крючок. Славка быстро проснулся и с азартом удил рыбу. Меньше чем за час полное ведро было наловлено. Все караси как будто из инкубатора — одного размера. С ладонь взрослого мужчины.

Азарт охватил Славку. Ещё! Ещё! Поплавок резко уходит под воду, удилище выгибается. Небольшой рывок делает Славка чуть вправо — подсекает, потом без рывков, быстро, равномерно вытягивает карася на сушу. Отводит удочку на берег и снимает рыбу, кидает в ведро, насаживает червяка, плюёт на него по старой рыбацкой традиции и забрасывает крючок в воду. Не проходит и трёх минут, как всё повторяется снова.

Славка даже поначалу не услышал, как дядя Паша сказал:

— Вячеслав, ещё два карася — и заканчиваем! Эй! Ты меня слышишь?

— А?! Что?!

Славка смотрит непонимающе на отца и дядю Пашу.

— Клюёт же! Зачем уходить?

— Ведьмак что сказал?

— А что он сказал?

— Одно ведро. И хватит! Так мы и наловили ведро.

— А почему он такой жадный? Это же не его пруд, а общественный!

— Он здесь живёт. Ему тоже надо кушать и на зиму рыбу заготавливать. Засаливать, как селёдку, в кадке, сушить. И потом чтобы рыба осталась в пруду, разводилась. А так мы всю рыбу выловим, и кушать Ведьмаку будет нечего. Он и за домом моим смотрит. И ещё,—дядя Паша перешёл на шёпот.— Можешь смеяться, но я его как-то побаиваюсь с детства. Может, и смешно звучит со стороны. Но он нисколько не изменился, сколько его помню. А люди стареют. Мне уже скоро сорок лет, а ему хоть бы хны. Как замороженный или заговорённый. И тому, что про него болтали всякое, типа, может и порчу навести, отчасти я верю. Поэтому давай, Вячеслав, сматываем удочки. В следующий раз поедем—наловим. Обещаю.

Женщины приготовили жареных карасей на сковороде прямо на костре. Ох, как вкусно-то! С дымком!

Славка уплетал за обе щёки, только косточки успевал выплёвывать. Из-за рыбалки он почти забыл про карту. Коробочку он носил в кармане брюк, периодически поглаживая ткань, проверяя, на месте ли карта сокровищ. Его сокровищ! Славкиных сокровищ! Славкина падь—Славкины сокровища! В Славкиной пади скрываются Славкины сокровища! Ах! Как звучит-то!

Когда обедали, подошёл Ведьмак.

Его не сразу заметили, не сразу увидели. Он просто как будто вырос из-под земли за калиткой. Стоял и смотрел. И как будто долго уже там стоял.

— О! Дед Епифан! Проходите!—дядя Паша пошёл навстречу Ведьмаку.—Кушать будете?

— Благодарствую. Скоромное сегодня не кушаю,— басовито ответил дед.

На левом плече он нёс два мешка, придерживая их за горловины одной рукой. Легко опустил на землю.

— Это воск,—он легко, как будто мешок был набит ватой, передвинул его вперёд.—В приходе скажи, что если не пуд, пусть не серчают, я без весов накладывал. А это,—он пододвинул второй мешок,— гостинцев вам таёжных. Там брусника с мёдом, как обещал. Я на две семьи положил. Карасики сушёные да медвежатины вяленой. Мёда немного. Он в туесах берестяных. Не разольётся. Немного. Так, чтобы разговеться вам. А это,—он достал из кармана бутылку, заткнутую старой газетой и обёрнутую в чёрную тряпку,—для дочки. Настойка прополиса. Пусть полощет, а хозяйка пусть ей горлышко смазывает. Первое дело, когда горло болит. Поможет. Не сомневайтесь. Я туда ещё немного золотого корня добавил. Для верности.

Все стояли и слушали. Молча.

— Спасибо, дед Епифан! Неудобно. Так много. Может, вы деньги возьмёте?

— Пустое. Зачем мне деньги в тайге? Ты и так помогаешь, то сапогами, то провиантом. Не надо.

Потом он долгим, тяжёлым взглядом посмотрел на Славку:

— Малец! Ты точно в доме ничего не взял?

У Славки язык присох к нёбу от страха. Он пытался выдавить из себя звук, но челюсти свело от волнения судорогой. Заикание не дало ему ничего сказать, только невнятное мычание вырывалось из него.

Славка просто отрицательно замотал головой. Казалось, что очки слетят с носа.

— Смотри!—он приподнял посох.—Часто мёртвые приходят к тем, кто что-то у них берёт без спроса. Так брал или нет?

Славка снова замычал и замотал головой.

— Хватит мальчишку пугать!—Славкин отец встал перед сыном.—Он сказал, что ничего не брал,— значит, не брал!

— Ну, не брал так не брал! До свиданья!

Дед Епифан развернулся и пошёл по дороге. Все стояли и молча смотрели ему вслед.

Впервые в жизни Славка порадовался, что заикается. Этому страшному дядьке было бы сложно соврать. И спасибо папе, что он встал, закрыл собой.

Стали собираться в дорогу. Дядя Паша с трудом забросил мешок с воском в машину.

— Уф! Тут не пуд будет, а все двадцать килограммов! А Ведьмак как будто пакет с хлебом из магазина нёс. Ну и силища у него!

— Д-д-д-дядя Паша!—обратился Слава.—А как он так тихо подошёл? Никто же не слышал и не видел.

— Он в тайге, почитай, всю жизнь провёл. Лес тишину любит. А он и охотился там. Зверя, птицу не спугнёт. Тем более ни разу не слышал, чтобы он с ружьём по тайге ходил. Странный и страшный человек. Будешь идти по лесу—и не увидишь его, и не услышишь. Мимо пройдёшь, как возле дерева.

Взрослые укладывали вещи в машины.

После обеда поехали домой. Выходные заканчиваются. С утра родители пойдут кто на работу, кто на службу, а Славка займётся изучением карты…

Ему было сложно усидеть на месте. Так и хотелось поделиться с отцом и мамой, что он нашёл. Но знал: родители не верят ни в сокровища, ни в золотые самолёты. Папа, как человек государственный, пошёл бы куда-нибудь с этой картой и доложил бы по форме.

А Славке хотелось иметь эти сокровища и родителям помочь. Вон они всё в кредит покупают. Ему не отказывают, но он же не пацан сопливый, понимает, что тяжело родителям. Поэтому лишнего и не просит.

От этого и пацаны из «А»-класса задирают голову выше носа. В этом классе собрали детей богатеньких. Они только и знают, что хвастаются, у кого какой телефон лучше и новее. А у кого хуже — держат за неудачников. Как будто сами заработали.

Вон в этом году пришёл в «Г»-класс, где Славка учился, парень Сашка. У того отец долго жил в Лондоне, потом они с Сашкиной мамой развелись. Сашка с отцом приехали сюда, в Сибирь. Отец нефтью занимается. Сашка тоже с телефонами ходит такими, что в «А»-классе ни у кого нет, и не выпендривается. У него свои есть, конечно, недостатки. Но телефонами и компьютерами он не хвастается. У него другие проблемы. У мамы в Лондоне другая семья. И сестра младшая осталась с мамой. И мама ещё родила брата от нового мужа.

И у папы здесь новая жена. И здесь у Сашки родилась новая сестра. От новой папиной жены.

Сашку постоянно заставляют нянчиться с новой сестрой. Хотя есть и няня. Но всё равно заставляют. Поэтому и постоянные ссоры с отцом и мачехой. И Сашка толстый. Он постоянно ест. Не такой, конечно, как американцев по телевизору показывают. Но всё равно толстый.

Его постоянно дразнят. Обидные слова.

В классе придумали, что новеньких нужно избивать. Посмотреть, как они будут себя вести. И Славку попытались избить. Когда он стал возмущаться, начал заикаться, тогда его обозвали «заикой» и «очкариком». И Славка плохо помнил, как оно получилось, но к нему больше никто и никогда не лез. А сам Славка первым драку не затевал.

Потом в класс пришёл Колька. Он переехал из деревни. Как он сам говорил, что там нет работы. Вот он, родители и маленькая сестра перебрались в город. Сняли маленький дом-развалюшку. Папа пошёл работать на КАМАЗе водителем, а мама из-за сестры пошла работать в детский сад воспитателем.

И Кольку хотели избить. Но тот сразу взял большую толстую указку учительскую и сказал, что проткнёт, как кабана, любого, кто полезет в драку. И сказал он так убедительно и держал указку уверенно, как вилы, что Славка поверил. И чтобы никто никого не покалечил, Славка принял решение.

Славка встал рядом. И тогда любители подраться разошлись. Поняли, что «деревня» (так стали обзывать Кольку) и «псих» (Славка) вдвоём могут побить тех, кто числом и ростом больше их.

Славка и Колька стали сидеть за одной партой. На последней парте, рядом с окном.

Потом пришёл в класс Сашка. И когда его пытались тоже избить, Славка с Колькой заступились за него.

Сашка не умел драться. Ему было проще отступить. Его и пинали исподтишка на перемене, обзывали толстым, часто хулиганы из старших классов отбирали у него часть, а то и все деньги.

Когда Колька со Славкой были рядом, то Сашку не трогали. Однажды, когда всё-таки завязалась драка с пятью хулиганами, Колька крикнул Сашке: «Саня! Спины нам прикрой! Как хочешь, но прикрой! Славян! Ты левого, я — правого!» Ох и битва же была! Пацаны на год-два старше напали. Славка и Колька бились на руках, пинались, лягались. Славка бил, как учил отец, а Колька поднаторел в деревенских драках. Всё было бы хорошо, но Сашку-увальня сбили с ног, а потом и Славку с Колькой повалили на пол. Их попинали ногами. Но от Сашки отстали на какое-то время, Кольку и Славку, особенно когда они были вместе, старались не трогать.

Славка и Колька стали друзьями. С Сашкой они вместе гуляли. Пытались его натренировать, как правильно драться, но ему это было не нужно.

Он говорил: «Когда мне надоест, я скажу отцу, и его охрана всем покажет, где раки зимуют».

Это было непонятно ни Славке, ни Кольке. Как так?! Его пинают, оскорбляют, отбирают деньги, а он как тюфяк с соломой. Непонятно!

И Славка хотел поделиться тайной со своим другом Колькой, тайной сокровищ, и взять его в долю. Одному ему ни за что не найти самолёт с золотом.

Славка был типичный городской житель. Был в деревне, ходил в лес по грибы и ягоды с родителями, на рыбалку, но идти много километров по тайге в одиночку… В болото можно провалиться. Да и не знал он, как выживать в тайге. И в книгах много написано про опасности, которые подстерегают при поиске сокровищ.

И дядя Паша говорил, что многие охотники за золотом сгинули в Славкиной пади. Никто не вышел. И следов не нашли. Но они искали наугад! А у Славки — *карта!*

Он развернул её, аккуратно разгладил бумагу. Посмотрел, подумал. Залез в кухонный шкаф. Там у мамы лежала полупрозрачная бумага для запекания. Калька! Она была белая, полупрозрачная. Славка несколько раз ей пользовался, когда нужно было размножить карту, где они при игре прятали тайники. Рисуешь одну карту, а потом накладываешь эту полупрозрачную бумагу и обводишь всё, что там нарисовано.

Славка понимал, что эта карта ветхая и бесценная. Поэтому нужно сделать копию. На копии можно указать не всё. А то и ложный путь. Это на тот случай, если вдруг кто-то попытается отобрать карту, то ему можно подсунуть и неверную копию. Путь ищет в Славкиной пади, но в другой стороне. Пусть пропадёт.

Это Славка прочёл в книгах про пиратов. Они так делали. Много фальшивых копий, и никто не знал, где карта настоящая, а где поддельная.

И настоящая была у всех под носом, но все думали, что подделка.

Конечно, можно было бы отсканировать карту… Но не было у Славки сканера.

Можно и сфотографировать карту на телефон или фотоаппарат, но нет гарантии, что телефон не попадёт в ненужные руки. А если он водой зальётся?!

И самое главное! У пиратов не было ни сканеров, ни фотоаппаратов!

Вот поэтому и нужны обманные карты! Никому не говорить, никому не показывать карту! Никому! Кроме друзей!

Но Колька — друг! И Славка решил, что не будет с ним хитрить и расскажет ему всю правду, тем более что они вместе пойдут в поход за золотом!

Славка потратил почти полдня, пока делал копии. Две настоящие. Одну — фальшивую.

Взял карту, копии, сел на велосипед и поехал к Кольке.

Во дворе у Кольки сидел большой пёс по кличке Черныш. По масти он чёрный был. Они его с собой из деревни привезли.

Колька говорил: «Собака — она член семьи. И нельзя члена семьи, друга бросать. Даже если ты переезжаешь в город. Это всё равно если бы твои родители переезжали в город и бросили тебя в деревне, потому что в городе мало места для тебя. Одного в деревне подыхать с голоду. Так же никто не сделает? Вот и мы не смогли оставить. И кошку Мурку с собой привезли. Им, как и нам, поначалу здесь плохо было. Всё чужое. А потом — ничего, обвыклись».

Черныш был злой. Кроме своих, он никого во двор не пускал.

Славка слез с велика, подошёл к калитке, чуть приоткрыл её. Пёс стал лаять и рваться с цепи. Вставал на задние лапы, буквально возле Славкиного лица огромные зубы клацали. Но Слава знал, на какое расстояние способен злобный пёс дотянуться.

— Колька! — крикнул он, просунув голову в калитку. — Колька! Ты дома? Колька!

— Сейчас иду! — откуда-то крикнул Колька.

Славка не удержался и подразнил собаку.

— Ой, какой маленький пёсик! Утю-утю-тю! Щеночек маленький! Щеночек хорошенький. Ой, как ты можешь гавкать! — Славка сюсюкал и корчил рожи огромной собаке. — Какая хорошая собачка! А ещё можешь погромче погавкать?

Пёс от такой наглости мальчишки ещё больше распалился и чуть не удавился на ошейнике, прыгая, пытаясь достать наглого мальчишку.

— Черныш! Фу! Черныш, место! — закричал Коля, выходя во двор.

Пёс не унимался. Славка показал ему язык, приставил ладони к своим ушам и покрутил головой. Собака уже брызгала пеной от ярости.

— Черныш! Морда твоя собачья! А ну-ка уймись! А то сейчас накажу!

Черныш обернулся, увидел маленького хозяина, в последний раз сделал отчаянную попытку достать сорванца и лёг на землю, готовый в любую секунду сорваться с места и разорвать штаны чуть пониже спины у наглого очкастого мальчишки. Язык вывалился из пасти, он тяжело дышал.

Колька подошёл к собаке, крепко взял за ошейник и почти волоком оттащил к конуре.

— Черныш! Давай на место! Разлёгся!

Колька тащил огромного пса, помогая себе коленями, подпинывая несильно его. Черныш двигался с явной неохотой. И вот грозная собака была загнана в конуру. Колька, держа его по-прежнему за ошейник, крикнул:

— Славка, давай катись в огород! Я держу его!

— Точно держишь?

— Давай быстрее!

— Крепко держишь? — Славка затащил велосипед во двор и начал катить его рядом с собой.

— Крепко. Кати быстрее.

Когда Славка с великом проходил мимо конуры с Чернышом, он не удержался и показал язык собаке.

Конура прыгнула на месте — так Черныш рвался на волю, чтобы поквитаться с обидчиком. Он злобно лаял из будки.

— Ты с ума сошёл? — Колька с трудом удерживал собаку в конуре. — А вдруг не удержу? Он с тебя три шкуры спустит! Самый грозный пёс на улице! Когда мы с ним гуляем, так соседские шавки прячутся, и все знают, что Черныш идёт! Он шалости не любит!

Славка не удержался и снова показал язык:

— Бе-е-е!

Черныш с Колькой, который болтался за ним, как флаг пиратский за кормой чёрного фрегата, вырвался из конуры и рванул к Славке, но тот уже был за калиткой, которая ведёт в огород.

— Тьфу! — Колька встал с земли, отряхивался, отплёвывался от пыли, что попала в рот.

— Здоро́во! — Славка протянул руку.

— Здоро́во! Не дразни мою собаку, — Колька пожал руку.

— У меня другой знакомой собаки нет. Вот поэтому твою дразню. Чем занимаешься?

— Батя сказал, чтобы жерди ошкурил. Старые совсем сгнили на ограде, что в огороде. Пойдём, там и поговорим.

Они прошли в дальний конец небольшого огорода. Там лежала куча тонких стволов деревьев без веток. Колька небольшим топориком сдирал с них кору.

— Пить хочешь? — спросил Николай.

— Давай.

— Квас берёзовый будешь?

— Квас из берёзы? Это как? Не шутишь?

— Не шучу. Это сок берёзовый сброженный. Говорят, что полезный.
— Давай! Хм. Квас берёзовый.
— Вот. Холодный. Только с погреба принёс.

Славка принял пластиковую бутылку. Приятный, чуть кисловатый вкус.
— Вкусно. Спасибо.
— Пожалуйста.

Славка тоже собирал ранней весной сок берёзовый. Отломишь веточку небольшую и баночку привяжешь, чтобы сок капал. Или на стволе неглубокий V-образный надрез сделаешь, бинтиком привяжешь баночку и направляющую сделаешь, чтобы сок туда стекал. А потом пьёшь. Он сладкий! Вкусный! И все говорят, что очень полезный. Витаминов там, говорят, как в аптеке, много.

Колька продолжил ошкуривать стволы. Пауза затягивалась.

Славка не знал, с чего начать.
— Колька! Тебе деньги нужны?
— Хм! Деньги всем нужны. И тебе нужны. И мне нужны. И моим родителям нужны, и твоим. В чём вопрос-то? Работа на каникулах есть?
— Нет, Коля, не работа! Хотя, может, и работа.
— Говори ясно. Что ты, как лис, на месте крутишься? Мы же друзья! Вот и не финти!
— Колян, ты клад когда-нибудь искал?
— Клад?
— Д-д-да! — Славка от волнения начал заикаться. — Клад. Искал?
— Нет. Не искал.
— А хочешь?
— А там много денег-то? А то все ноги истопчешь, устанешь, найдёшь, а там кот наплакал. Вертаться не что будет.
— Много, Коля, много. Много денег! — Славка руками выше головы показал, какая там куча денег.

Коля оторвался от дерева. Долго, внимательно смотрел на Славку, воткнул топорик в чурку, снял кепку и почесал свою кудрявую голову.
— Ну, если много, то хорошо. А чего сам не ищешь? Всё твоё будет.
— Ты сам сказал, что мы с тобой друзья. А ещё там в тайгу идти надо. А там я ничего не знаю.
— Тайга, она разная, — Колька по-деревенски был рассудителен и нетороплив. — Та, что в моей деревне, так я в ней как в собственной кладовке. А чужая… Смотреть надо. Думать надо. С кондачка к этому делу так подходить нельзя!

Колька опёрся локтем на торчащее топорище.
— Рассказывай, Слава, друг!

И Славка, размахивая руками, подробно, в лицах, поведал другу историю, как он нашёл карту. И про рыбалку. И про страшного Ведьмака. И как чуть в подполье не сорвался и не сломал себе шею.

Колька молча слушал друга, только травинку гонял во рту.

Потом Славка достал алюминиевую коробочку и показал её и содержимое:
— Вот!

Николай взял коробочку. Покрутил её, пытаясь прочесть полустёртые надписи. Снял крышку, вынул карту, засунул нос в коробку, понюхал.
— Чем пахнет? — Славка не нюхал, ему это и в голову не приходило.
— Ничем. Старостью. Плесенью какой-то, что ли. Коробочка старинная.
— Американская! Вон видишь, что написано. Американская армия. И коробка. Такие уже не делают! — Славка был взволнован. — Старинная! С войны!

Коля молчал, крутил коробочку и крышку к ней, что-то думал, гоняя во рту тонкую травинку.
— Чего молчишь? — Слава нервно поправлял очки на носу.
— Если ты говоришь, что самолёт летел в Америку… Так?
— Ну, так. И что?
— Откуда у лётчика, который летел из России…
— Тогда был Советский Союз, — автоматически поправил его Славка.
— Хорошо, — Коля вынул изжёванный стебель. — Из Советского Союза в Америку. Откуда у лётчика американские продукты? Он должен был их слопать по пути в Советский Союз, а?
— Дело было так, — Славка понял, что Кольку просто так не возьмёшь. — Продукты американцы поставляли тоже по ленд-лизу. Ты про ленд-лиз слыхал хоть?
— Конечно, — Колька кивнул.
— Это могла быть часть продуктов, которые поставляли американцы. Лётчик летел в Америку с грузом золота. И чтобы он не голодал, Родина ему выделила продукты. Он, может, регулярно летал в эту Америку и у него был запас таких продуктов. Может, те лётчики, которые гоняли истребители из Америки, ему привезли. Он и не съел всё сразу, а оставил на рейс. Высоко, холодно. Я смотрел фильм про Чкалова, так они когда летели, так холодно было. А когда холодно, то кушаешь много. Организму требуются калории для обогрева. Может, в самолёте был запас продуктов для аварийной посадки. Я могу ещё тебе пять версий рассказать. Давай уже карту разворачивай. Только аккуратно. Она ветхая.
— Надо копию сделать! Давай я сфотографирую на мобильный телефон!
— Не надо фотографировать! — Славка протянул руку и прикрыл карту.
— Почему? — Колька был искренне удивлён. — Она что, рассыплется в прах оттого, что я сфотографирую?
— Нет! Мне отец рассказывал, что по телефону ничего лишнего говорить нельзя. Нельзя фотографировать что-то секретное или ценное.
— Почему?! — Колька уже начинал злиться.

— Папа говорит, что телефон прослушивают иностранные разведки и просматривают все фотографии. Представь, мы с тобой будем говорить по телефону про самолёт, а там карта. Они же не дураки. Самолёт летел к ним с золотом. Значит, золото, по идее, их?

Колька почесал лоб.

— Ну да, получается, что так оно и есть.

— Так вот, чем меньше знают, тем больше шансов, что найдём самолёт. Ты и я! Как?

Колька молчал. Изучал карту. Крутил её. Потом осторожно сложил её, убрал в коробочку. Протянул её Славке.

— Убери. Надо подумать. Жаль, что карта одна. Я почти её запомнил.

— Не надо запоминать! Я копию сделал! — Славка достал копию и протянул её Коле.

— Точно! Копию! — тот хлопнул себя по лбу. — Если нельзя сделать фото, можно сделать копию! И ни один враг не узнает про неё, если молчать и хорошо прятать!

С копией он обращался уже не так церемониально. Крутил её, водил не очень чистым пальцем по ней.

— А на случай врагов я сделал ложную копию! Мы её будем носить поближе. Чтобы, если захватят, мы её отдали, и нас отпустят. Не будут же детей убивать!

— Ты хитрый, Славка! — Колька хлопнул друга по плечу.

Слава, довольный, пододвинул очки на переносице указательным пальцем.

— Стараюсь! Как корсар.

— Это кто?

— Пират, Колян, пират! Они тоже искали и охотились за золотом!

— Понятно, — Николай деловито кивнул головой. — Сам-то как думаешь, с чего начать? Как корсар. С чего бы пират начал, получив вот такой рисунок?

— С чего бы начал капитан Флинт? — Славка почесал лоб под белобрысой чёлкой. — Наверное, он бы достал карту местности и попытался бы точно определить, где лежит золото.

— Логично, — Коля кивнул. — А где взять карту это пади, как её?

— Славкиной пади.

— Во-во. Где взять, а?

— Отец у меня военный. У него можно попросить, чтобы со службы принёс.

— Он спросит: а для чего, сын, карта? Он же военный, значит, тоже не глупее нас.

— Скажу, что хочу внимательно изучить то место, где стоит деревня.

— Хм, — Коля потёр подбородок. — Неплохо. А если не принесёт? Карты же, они на дороге не валяются. Что делать будем?

— В Интернете есть карты! — Славка аж подскочил на месте.

— Ты сумеешь их там найти?

— Не знаю. Можно попробовать.

Воцарилась пауза. Мальчишки думали. Думали так, что пыхтели от мыслей.

— Знаю! Знаю! Знаю, кто найдёт нам их!!!! — Славка от возбуждения потряс правым кулаком на уровне груди.

— И кто? — Коля заинтересовался.

— Сам догадайся!

Колька пожал плечами.

— Ты — самый головастый, вот и думай.

— Юрка! Юрка Семёнов! Он лучше всех в классе в компьютере разбирается. Он целыми днями в нём сидит, гулять редко выходит. Помнишь, как он хвастался, что весь мир виртуально объездил, когда запускаешь программу и смотришь весь мир. Как люди по улицам ходят. По музеям можно ходить, а сам дома!

— Точно! — Коля снова хлопнул по плечу Славку. — Голова! А что мы ему скажем?

— Ничего. Скажем, что надо, и всё!

— Юрка — жадный. Попросит чего-нибудь.

— Пусть даст карты, а там мы с тобой уже посмотрим, что ему дать или не дать. Ну что, долго будешь свои дрова обдирать? — Славка кивнул на кучу жердей.

— А! — Колька махнул рукой. — Вечером да завтра утром закончу! Завтра с батей и поменяем забор. Звони Юрке, где он.

Славка достал мобильный телефон, нашёл в телефонной книжке Семёнова и нажал кнопку вызова.

— Алло, Юра? Привет! Ты где? Чем занимаешься? А! И как? Ты один дома? Мы сейчас с Колькой приедем. Разговор есть. Ну всё! Давай!

— И что? — Коля смотрел внимательно.

— Нормально. Дома, один, играет в какую-то войну. Он назвал, я не запомнил. Покатили?

— Сейчас. Инструмент приберу да ве́лик из сарая выкачу.

— Зверюгу только запри, а то съест меня!

— И правильно сделает! Не будешь больше дразнить Черныша.

— Да его хоть дразни, хоть не дразни, всё равно пытается перекусить на обед. Кормили бы получше собаку!

— Ладно. Я первым пойду. Спрячу его. Потом за тобой.

Колька убрал топор, запер дом, ключ на верёвочке повесил на шею. Из сарая выкатил старый велосипед «Урал». У него была только одна прямая передача, и тормозить на нём нужно было, не нажимая ручки тормозов на руле, а крутить немного педали назад. Раньше, говорят, все такие велосипеды были.

Потрёпанное, из настоящей кожи, сиденье у Колькиного велосипеда было опущено до самого низу, и то он не всегда уверенно доставал до педалей.

У Славки велосипед был, конечно, не суперпупер, но смотрелся более выгодно. Полуспортивный. Красный, с синими молниями. Но зато двадцать четыре скорости! Три «звёздочки» спереди — там, где педали, и восемь на заднем колесе!

Славке нравилось гонять на нём! И ещё у него было преимущество. Он был в очках! А значит, ни мухи, ни мошки, ни мусор, никакой сор не попадали в глаза! И от пыли тоже немного защищали! И ветер не сушил глаза! О!

У Кольки же была одна передача. И на этом велосипеде ещё его отец ездил после армии. Он тогда его купил себе. Колька его любил, постоянно смазывал, подтягивал цепь, она часто слетала. И не обращал внимания, когда его дразнили «деревней», «дедушкиным наследством» и прочими глупыми обзывательствами.

Особенно старались два дружка из класса, Лёха Протасов и Сашка Соков.

Они почти всех держали в страхе. И Славку, и Кольку, и Сашку Толстого они пытались избить. И им было очень обидно, когда им дали отпор.

Лёха был среднего роста, белобрысый, с узким лицом, смахивающий на крысу. Его длинный тонкий носик постоянно шевелился, как будто принюхивался.

Соков же был на голову выше всех в классе. Здоровый. Он плохо учился. Протасов же был отличником, постоянно давал Сокову списывать, помогал с контрольными работами.

Протасов и Соков пытались стать «королями» класса. Они отлавливали поодиночке кого-нибудь, зажимали в угол. Вернее, Соков зажимал, а Протасов бил по животу и требовал деньги. И отбирали почти все деньги. Один мальчик попытался вызвать на честный бой Протасова. Назначили встречу вечером на мостике, который был через ручей недалеко от школы.

Дуэль без секундантов. Только их двое.

Соков спрятался за деревом. Потом мальчика они вдвоём придавили к перилам, перила сломались, он упал на спину на мост. Протасов специально заранее подпилил перила мостика.

Соков навалился на него, а Протасов бил по лицу.

Мальчик наутро пришёл в школу в синяках и ссадинах. Родителям ничего не сказал, а потом при всех рассказал про Протасова и Сокова, сказал, что у них нет чести.

Те посмеялись и бросились в драку вдвоём на него. Он схватил стул, сломал о парту ножку и кинулся на них. Сокову он успел разбить голову. Но тут все налетели и растащили драчунов.

Зашёл учитель и увидел, что у Сокова разбита голова.

Весь класс защищал Серёгу Щаденко, так звали мальчика. Но родители Сокова и Протасова пришли в школу и сказали, что подадут на школу в суд, потому что их сына искалечили.

Щаденко перешёл в другую школу, а через полгода уехал с родителями в Германию

А Протасов и Соков теперь стали задираться ещё сильнее. Пытались Славку и Кольку отловить поодиночке, но у них не получилось. Двое на двое или один на один, в честном бою, Соков и Протасов боялись. Только оскорбляли, пытались пнуть или плевались. Правильно сказал Серёга Щаденко, что у них обоих не было чести!

Славка и Колька ехали во двор, где жили и гуляли Протасов с Соковым. Далеко от двора они не гуляли. Могли получить по шее от тех, кого обижали.

Славка не сильно крутил педали, понимал, что друг Колька не сможет за ним угнаться.

Вот и двор, где жил Юрка.

Славка снова ему позвонил:

— Юрка! Мы приехали! Подниматься? А как же велики? Украдут же! Ладно, сейчас поднимемся!

— Чего? Не выйдет?

— Не-а. Не выйдет. У него там решающий бой, финальная схватка. По боксу.

— Так он вроде как в войну играл?

— Играл, сейчас в бокс играет.

— И как ему не надоедает-то?

— Сам и спроси,— Славка пожал плечами.

Велосипеды спрятали в кусты.

— Надеюсь, не украдут,— Колька тяжело вздохнул.— Батя убьёт на месте.

— Меня просто повесит,— Славка тоже вздохнул.— Родители мне велик в прошлом году в кредит купили. Только вот рассчитались. Хоть бы найти этот самолёт! Я бы родителям всё купил, чего бы они только ни пожелали!

— Да! Я тоже! Дом бы в деревне купил. Даже два. Себе и родителям! Трактор. Комбайн! Скотины бы! Три коровы, пять поросят! Земли бы купил! Мы с батей зерно бы сеяли! Пшеницу бы собирали! И мельницу бы купил!

— Ладно, агроном, пошли!

— Только быстро!

— Конечно!

Поднялись на лифте, позвонили в квартиру. Долго не открывали. Из-за двери был слышен шум. Как будто это не обычная дверь в квартиру, а вход на стадион.

Мальчики долго звонили. Пока не послышались шаги.

— Кто?

— Дед Пихто! Открывай, Юрка! Это мы! А то звонок вам уже сожжём. Сколько звонить можно? Перегорит же звонок!

Открылась дверь. Юрка тоже носил очки, но, как он говорил, из-за постоянного сидения за компьютером.

В квартире стоял шум. Это из колонок доносился шум с поединка боксёров. На большом экране какой-то огромный дядька танцевал на

ринге, исполнял танец победителя. Судя по телу, которое лежало на ринге и не подавало признаков жизни, это был спортсмен, за которого играл Юрка.

— Что, проиграл, Юра? — спросил Славка, кивая на монитор.

— Да из-за вас же и проиграл. Пошёл открывать вам дверь, вот и проиграл, — Юра махнул рукой. — Ерунда. Я каждый день по три поединка выигрываю. Легкотня!

Тут на мониторе появилась таблица выигранных и проигранных боёв. Получалось, что Юра пока не выиграл ни одного боя. А таблица была длинная.

И тут у Славки забрезжила идея.

— Слушай, Юра, ты же лучше всех в компьютерах разбираешься. Так помоги нам.

— Что сломалось?

— Нет, ничего не сломалось. Другая помощь нужна. Ты говорил, что можешь по свету путешествовать по монитору. Так?

— Так оно и есть, — Юра пожал плечами. — А что показать? Лондон? Париж? Лувр? Там Джоконду могу показать.

— Нет, Джоконду оставь себе, потом посмотрим.

— Зря! А чего надо?

— Карта нужна. Нашего края.

— Сейчас загрузим. Легкотня! — Юра стал закрывать игрушку и полез в Интернет.

— Не весь край. А вот знаешь деревни, такие как Малая Камала и Кедровка?

— Нет. Не знаю. А что?

— Надо, Юра, надо.

— А зачем?

— Юра! Ты можешь найти карты этих деревень и окрестностей их?

— Легкотня! Сейчас запустим поиск и найдём вам вашу Малую Кобылу и Зайцовку!

— Юрка! Ты слышишь вообще? Малая Камала и Кедровка, Юра! Не тупи!

Юрка уверенно защёлкал клавишами, появился вращающийся земной шар. Юрка вбил в строку поиска название края и названия указанных деревень. Названия деревень он забил с ошибками. Друзья указали ему на это. Исправил Юра. Земной шар немного покрутился и остановился, потом автоматически стал приближать текст.

— Аж дух захватывает, — Колька как заворожённый смотрел на экран. — Как будто в кино!

У Коли не было дома компьютера. И когда звали его в гости, он с удовольствием играл в игрушки, путешествовал по Интернету. Такую программу, такой сайт друзья видели впервые.

— Ага. Здорово! — восхищённо подтвердил Славка. — Я тоже не видел.

— Ну вот, смотрите!

— Показывай! — Колька подтолкнул Славу к монитору.

— А вот сюда, чуть правее. Ага. Вот видишь, речка бежит? Увеличь. Нет, не то. Там сопки были и пруд. Давай левее. Ага. Увеличь! А ещё?!

Юрка крутил колёсико компьютерной мыши, максимально приближая изображение, пока оно не расплылось одним большим пятном.

Славка надеялся, что, может, он вот так увидит какие-нибудь признаки самолёта, но не было видно ничего, кроме одного огромного размытого зелёного пятна.

Колька тоже, вытянув шею, через Славкино плечо всматривался в монитор. Ничего.

Они как по команде вздохнули. Жаль!

— Юра, вот видишь, тут деревня заброшенная.

Даже со спутника было видно, что крыши домов разрушены, деревня заброшена.

Юра посмотрел куда-то вниз экрана.

— Фотки-то старые! Два года уже!

— Ничего страшного. Чем старее — тем лучше, — невольно вырвалось у Коли.

— А что вы ищете там?

— Золото, бриллианты! — резко ответил Славка.

Юрка немного как-то «завис». Был в одной позе, взгляд устремлён куда-то в пустоту. Потом рассмеялся.

— А-а-а! Я тоже смотрел этот старый фильм! Классная комедия, «Бриллиантовая рука»! Нет, пацаны, а серьёзно, что ищете? Зачем вам?

— Колька хочет с родителями туда перебраться.

— Возможно, — растягивая слова, осторожно заметил Николай.

— Присматривается. Я был на выходных в этой заброшенной деревне. Вот и рассказал ему. Коле стало интересно. Вот и пришли к тебе, чтобы показал.

— Тогда понятно. Ну вот, землевладелец, смотри! — Юрка широким жестом показал на монитор.

— А вот это что? — Славка ткнул пальцем в монитор.

— Аккуратнее! Дырку проткнёшь! Знаешь, сколько он стоит?! Отец мне не простит!

— Ладно, ладно. Не ворчи, — примирительно пропыхтел Славка, выглядывая на экране знакомые очертания, что были на карте.

— Болото какое-то, — Юрка передвинул изображение.

— Так ты его и покажи.

— Болото-то вам зачем?

— Лягушек выращивать, во Францию отправлять. Говорят, они их очень уважают за ужином кушать! — пробурчал Коля, не отрываясь от экрана.

— Тьфу! Тоже слышал, но не представляю, как их можно есть! Тьфу! Гадость какая! — Юра был возмущён.

— А ты сделай так, чтобы сначала далеко, а потом поближе. Чтобы весь участок рассмотреть.

Юрка так и сделал. Стало сразу видно, как среди скал, сопок конусом расходится болото — Славкина

падь. Остриё конуса упиралось в деревню, в которой Славка нашёл карту сокровищ.
— Юра, а ты можешь вот так этот конус распечатать, и потом вот вдоль речки кусками, насколько можно? А вот здесь, где как перекрёсток слева, влево дальше. И вот этот кусок.
— Краска же денег стоит. Что мне за это будет?
— Ничего не будет, Юрок! — Коля был серьёзен.
— А что ты хочешь? — Слава заинтересованно спросил.
— Колькину рогатку! — Юра пальцем показал на Колю.

У Кольки была самая классная рогатка не только в классе, но и во всей параллели.

Даже когда все увлекались компьютерами, Колька заразил всех рогатками. Он сам её сделал. Била далеко, точно. Ни одна из рогаток, у кого родители были богатые, купленная в магазине, рядом не стояла!

Коля рукоятку разукрасил ножиком искусной резьбой, чтобы никто не мог украсть и потом сказать, что это его. А внизу вырезал букву «К» — Коля.

Кольке неоднократно предлагали поменяться на что-нибудь. Но он всегда отказывался.

Протасов с Соковым несколько раз пытались отобрать у него рогатку, но Коля быстро, умело, метко расстреливал их.

Бил по ногам, рукам. Некоторые, кто был рядом и Лёшка с Сашкой их раньше обижали, теперь орали, чтобы Колька стрелял им в голову.

Но Коля никогда не стрелял в голову ни по птицам, ни по животным.

Только по банкам. И давал пострелять только Славке и Сашке Толстому.

Протасов с Соковым визжали, уворачивались от камней. Потом позорно побежали. Колька выстрелил ещё по разу в сторону убегавших. Протасов и Соков получили по заряду из рогатки в зад. Почти разом они подпрыгнули в прыжке и схватились за попы. Каждый за свою.
— Нет, Юра! Не отдам рогатку! — Колька был непреклонен.
— А я не буду распечатывать на цветном принтере, — посмотрел в глаза Коле. — Я хочу рогатку!
— Так! Подождите! Вы ещё подеритесь! — Славка протиснулся между ними. — Юра! Я предлагаю другой вариант.
— Какой? Что может быть лучше Колькиной рогатки?
— Юра, мы всем расскажем, что ты быстро, без ошибок нашёл клад по нашей карте сокровищ. Всем расскажем.

Юра почесал нос, потом поправил очки. Задумался.
— Хорошо. Но вы скажете, что я нашёл пять раз!
— Юра! Только один раз. Никто же не поверит! Вспомни, как ты искал? Ты неправильно прочитал карту. И пошёл вообще в другую сторону. А тут пять раз подряд!
— Хорошо. Два раза, — Юрка с вызовом смотрел на Славку.
— Пусть будет два раза, — Колька вздохнул. Ему очень не хотелось расставаться с рогаткой. — Слава, я сам всем скажу, что мы играли и Юрка победил два раза за два дня. Мы с тобой сами рисовали хитрые карты, но Юрка разгадал все подсказки. Давай так!
— По рукам? — Славка протянул руку Юрке.
— По рукам!

Они пожали руки.

Принтер начал печатать. От бумаги пахло краской.
— Юра! А ещё есть так, чтобы не снимки были, а карты?
— Ну, тогда ещё одна игра, которую я выиграл! — Юрка снова начал щёлкать клавишами.
— Юра! Одна игра за спутниковые снимки. Вторая — за карты.
— Тогда — рогатка! — голос Юрки был твёрд, он не отрывался от монитора.
— Да подавись ты! Тьфу! Слава, я согласен! — Колька разочарованно махнул рукой.
— Итого три игры, которые я выиграл! — в голосе Юрки звучало торжество.
— Хорошо. Хорошо! Только распечатай!
— Я выиграл три игры! — Юрка почти пел.
— Ты хоть из дома иногда выходи, а то никто не поверит. Ты, как ботаник, сидишь дома все каникулы, а когда у нас выиграл три раза подряд?
— Ладно. Понял. Буду выходить. А карты вам зачем?
— Мы с тобой там играть будем. Составим карту сокровищ, а ты их ищи.

Юрка опять задумался.
— А-а-а! Разыгрываете!
— Конечно, Юрок, разыгрываем. Сказали, что думаешь лягушачью ферму там открыть. Знаешь, там какие лягухи?! Во!!!

Славка показал размер с футбольный мяч.
— Да ну! Таких не бывает! — Юрка недоверчиво посмотрел.
— Бывает, бывает, — заверил Славка. — Там заброшенные урановые рудники. Вот мутанты и народились. Людей там нет. Один Ведьмак ходит. Лягушек охраняет, чтобы не разбежались. А мы их будем разводить и лапки французам слать. Там не лапка, а лапища! Как куриные окорочка! Верное дело говорю! Правда, Колька? — Славка толкнул товарища локтем.
— Истинная правда! — соврал Коля, не моргнув глазом.
— Бе-е-е! — Юрка очень правдиво изобразил рвотный рефлекс.
— Тебе «бе», а нам деньги! Ну ладно! Бывай!

Друзья попрощались с Юркой за руку.

— А когда рассказывать будете, что я победил вас?
— Да прямо сейчас и начнём. Как кого увидим, так и расскажем! — Славка пошёл к двери.
— Юра! Ты только про ферму никому! Ни гу-гу! — Коля был серьёзен.
— Никому, — Юра изобразил, как будто застёгивает рот на молнию. — Да и никто и не поверит, когда расскажу, — он вздохнул.
— А ты и не говори никому.
— Как же в Сибири будете их разводить-то? Холодно же.
— Так они же мутанты, говорю тебе. В спячку не впадают. Подо льдом живут в болоте. Особые такие лягушки. Науке неизвестные. Как начнём разводить, так и своё имя присвоим. Например, «Слав-Кол» или «Кол-Слав».
— Первое больше нравится, — Юрка почесал затылок.
— Вот видишь, Коля, я же говорю тебе, что первое название лучше звучит. И народу нравится.
— Юрка ещё не народ, — Коля буркнул и направился на выход. — Ладно, Юра, пока!
— Пока.

Друзья вышли на улицу. Велики их никто не взял. Но когда они начали отъезжать от Юркиного подъезда, то навстречу им вышли Протасов и Соков.
— О! Сладкая парочка! — Протасов сделал глумливую рожу. — Два друга — метель и вьюга! Ха! Оборванцы, что вы делаете в приличном районе? Кто вас сюда пустил?
— Слава, я не выдержу, — Коля уже хотел слезть с велосипеда и затеять драку.
— Коробка, карты, — вполголоса сказал Слава.
— Понял, — так же тихо ответил Коля.
— Что вы там бормочете? А? Не слышу! — продолжал кривляться Лёха. — Знаешь, Саша, посмотри на этих двух неудачников. Один катается на помоечном утиле, а второй на китайском барахле. Мне отец рассказывал, что в годы его юности вот на таких «Уралах» катались лишь крестьяне и неудачники. Так что то, что передаётся по наследству, так и будет преследовать всю жизнь. Неудачники! Что молчите? Сказать нечего?

Коля покраснел, как помидор, и вцепился в руль.
— Коля! — тихо сказал Славка. — Не сейчас, Коля! Потом мы ответим. Потом.
— Очкарик, что ты там заикаешься? Бе-бе! Му-му! Ну иди сюда, ударь нас!

Тут уже Слава стал закипать.

Колька рванул с места неожиданно вперёд. Протасов с Соковым только успели отскочить в сторону.

Славка тоже крутанул педали, сколько было мочи, следом, пока дворовые хулиганы не сообразили и не погнались вслед.

Друзья быстро, молча ехали. Злость на этих двух забияк их душила. Им хотелось ввязаться в драку. Пусть даже в чужом дворе, где у Протасова и Сокова друзья и родители, но всё равно наказать!

Кольке было обидно за оскорбления в свой адрес, про своего отца, про старенький, но верный велик.

Славка же злился на обидные прозвища про очкарика и заикание. И про то, что у него велик — китайское барахло.

Молча, на огромной скорости, друзья мчались по городу. Колька крутил педали так, что Славке было сложно за ним угнаться. Друзья приехали на школьный стадион. Сейчас были каникулы, и только две мамочки гуляли со своими малышами.
— Фу, — Колька отёр лицо от пота. — Хорошо прокатились!
— Ага. Точно, — Славка тоже тяжело дышал.
— Карта есть. Примерная.
— Я сейчас дома прикину, где и что расположено. Все глаза проглядел, думал, что есть признаки самолёта. Не увидел. Ни самолёта, ни поломанных верхушек деревьев. Плохо.
— Так чего ты хочешь? Больше семидесяти лет прошло. Лес новый уже вырос. Не увидишь. И это хорошо.
— Почему?
— Потому, Слава. Если ты не увидел, то и другие не заметят тоже. И это хорошо!
— Да.

Помолчали.
— Что ещё надо? В поход, Коля, что брать будем? Я в тайге слабо понимаю.
— Много что надо. Одежду надо, обувь…
— У меня есть спортивный костюм и кроссовки.
— Не пойдёт! — резко сказал Колька и рубанул воздух ладонью. — Спортивный костюм — для спорта! В тайге ты его изорвёшь о ветки через километр. Голым пойдёшь? Там гнус, мошкара, комары, клещи. Кроссовки тоже о корни и коряги через три километра в прах разорвёшь. Мне тебя на своём горбу потом тащить? Нет, Слава, для тайги нужна «энцефалитка».
— Чего?!
— Одежда такая. Она из тонкого брезента сделана. Карманы закрываются. Швы специально сделаны, чтобы клещ вверх не полз. Манжеты на резинках, капюшон затягивается. Обувь — сапоги нужны, чтобы по болоту гулять. О коряги спотыкаться можно.
— Ух ты! — Славка задумался. — Это же сколько денег-то надо?
— Не знаю, — Колька пожал плечами. — Много. И это ещё не всё! Нужны рюкзаки…
— А старые школьные не подойдут?
— Не подойдут. Маленькие, они для учебников, а не для похода по тайге. Палатка нужна. Верёвка нужна…
— Ну, это копейки. Бельевую возьмём, — Славка беспечно махнул рукой.

— Не пойдёт, может, придётся через болота, речку перебираться по верёвке.
— Ого! Это как у альпинистов надо?
— Да. Такую.
— Так она стоит-то! О-го-го!
— Дорогая,— Коля кивнул.— Потом продукты нужны. Высококалорийные. Тушёнка, сгущёнка, сало. Много чего надо. Билеты нужны на автобус.
— Да. Много денег надо.
— Много,— Коля тяжело вздохнул.— Это так. Навскидку я тебе перечислил. А если подумать, так ещё больше понадобится. Свечи, спички, соль, фонари, запасные батареи я уже и не считаю. Копейки!
— А сколько примерно денег-то надо?

Колька посмотрел в небо, как будто там был написан ответ, шевелил губами, загибал пальцы, морщил лоб.
— Тысяч двадцать надо, чтобы точно наверняка!
— Ой, ё!— Славка был ошарашен.— У меня нет таких денег. В копилке рублей триста у меня, ну, попрошу у родителей, дадут ещё рублей сто. Не больше. Где остальную сумму брать-то?
— Не знаю,— Коля пожал плечами.— У меня сто рублей моих денег. И всё.
— Значит, нужно ещё девятнадцать с половиной тысяч!— Славка смотрел на стадион, где гуляли дети.— Где же их взять-то?!
— Не будет денег — не будет похода. Будет прогулка на пару километров по лесу и назад. Нам денег только на автобус хватит. Туда и назад.
— Да. Дела. Тоска. Что же делать? Что же делать?!
— На меня не рассчитывай. У меня мама меньше в месяц получает,— Колька тоже приуныл.

На поле появилась новая фигура. И мальчикам была знакома эта фигура. Даже очень!
— Смотри! Сашка!
— Точно! Толстый! Он с сестрой гуляет.

Сашка пришёл на стадион с девочкой двух лет. Сам сел на трибуну для болельщиков, а сестра побежала играть с другими детьми. Саша достал пакет чипсов и начал их есть.

Славка с Колькой крутанули педали своих великов и подкатили к трибунам.
— Здорово, Саня!
— О! Здорово! А я смотрю, вы или не вы! Солнце в глаза бьёт. Плохо видно.
— Мы!
— Чем занимаетесь?
— Ничем,— Славка с Колькой переглянулись и синхронно пожали плечами.— Каникулы. Отдыхаем. На велосипедах гоняем. Давай с нами.
— Не могу,— Сашка тяжело вздохнул.— С сестрой заставляют гулять. Ненавижу!

Девочка подбежала к Сашке, оглядываясь на Славку с Колей с опаской. Отдала совочек, взяла мячик. Встала на цыпочки и чмокнула Сашку в щёку. Побежала снова к другим детям.
— Ненавижу,— повторил Сашка, зло отирая щёку.— Лиза-подлиза! Тьфу! Мачеха Наташка заставляет меня с ней гулять, хотя нянька есть! И отец её поддерживает. «Это твоя сестра! Это твоя сестра!» — подражая чьему-то голосу, писклявил Сашка.

Потом засунул руку в большой пакет с чипсами, вытащил полную горсть и засунул себе в рот. Начал жевать, рот был весь в крошках. Тыльной стороной ладони вытер рот. Продолжая жевать, протянул пакет друзьям. Колька взял пару штук, Славка отрицательно покачал головой.
— Не буду. Папа называет чипсы и подобную пищу «обезьяньей едой». Не буду.
— Как хочешь,— Сашка не прожевал ещё полностью, говорил, запрокинув голову.

Потом достал из рюкзака бутылку сладкой газировки и сделал большой глоток из горлышка. Протянул бутылку друзьям. Они по очереди сделали по глотку.
— Зря ты так о сестре,— Колька кивнул в сторону девочки.— Она на самом деле тебе сестра.
— Моя сестра осталась в Лондоне с мамой!— Сашка был груб.— А эта… Не сестра! И всё!
— Она же не виновата, что родилась. Она не виновата, что твой отец женился на другой тёте. Ей так же плохо, как и тебе.
— Ничего ей не плохо!— Сашка почти кричал.— У неё есть и мама, и папа. А у меня есть папа, который любит больше её, а не меня. От меня он только откупается деньгами и подарками! И всё! Я его почти не вижу. Он всё на своих нефтепромыслах. А когда дома, так играет с Лизкой! А со мной почти не говорит! Ненавижу!
— И часто папа делает тебе подарки?— невинным голосом спросил Славка.

Сашка пожал плечами.
— Часто. Если я чего-то попрошу, так покупает. Ну и деньги даёт. Наличными и на свою вторую банковскую карту забрасывает, она у меня. Только мне его деньги не нужны! Мне папа нужен!
— Саша! Друг!— задушевным голосом начал Слава.— Займи нам с Колей немного денег.
— Вам занять денег?
— Да, Саша,— Славка смотрел на Сашку невинными преданными глазами.— На пару месяцев. Хочешь, мы расписки напишем? А?
— Много?— Сашка насторожился.
— Нет,— Колька вступил в игру.— Сущие пустяки. Двадцать тысяч рублей.
— Сколько? Кхе-кхе,— Сашка подавился чипсами, скорее запил из бутылки.
— Всего-то ничего,— сказал Славка.— Двадцать тысяч рублей.
— Ни фига себе! Двадцать тысяч! Большие деньги. Месяц можно жить на эти деньги!— Сашка был ошарашен такой суммой.— А зачем вам такие деньжищи?

— Надо, Саня, надо! — Колька тоже излучал саму невинность, как дети, что бегали по стадиону, — хоть сейчас бантики привязывай к ушам.

Волосы у Кольки хоть и кудрявые были, но короткие. Не держались бы банты.

Сашка забросил очередную порцию чипсов, запил газировкой, долго, внимательно смотрел куда-то вбок, вдаль.

Потом, глядя в глаза товарищам, чеканя каждый слог, произнёс:

— Пока не возьмёте в дело, ни копейки не дам. Возьмёте — будут деньги!

Коля и Слава молчали. Переглянулись.

— Извини. Нам надо посоветоваться.

— Валяйте! — Сашка сделал равнодушное лицо.

Друзья отошли в сторону.

— Вот же гад! В дело его возьмите! — Колька шипел от ярости.

— Надо брать. Иначе никак. Без денег у нас с тобой ничего не получится!

— Ты, что ли, потащишь эти сто тонн живого веса? — Колька не унимался.

— Да не бойся! — Славка шептал ему в ухо. — Я придумал. Мы все идём в тайгу. На него вешаем самый тяжёлый рюкзак, палатку. Через пять километров он поранит пальчик, захныкает и уедет домой. Здравствуйте, родители! А мы топаем дальше!

Колька тёр яростно в раздумьях подбородок.

— Чего молчишь? Коля! Ау! Пора проснуться и идти завтракать! Ау! — Славка в шутку потряс его за плечо.

— Слышу я, слышу, — отмахнулся Николай.

— Так говори. Не молчи.

— Думаю.

— А чего думать-то? Денег нет. И другого способа добыть их у нас нет. Нет иного способа получить денежки.

Коля вздохнул. Выдохнул.

— Ладно. Согласен, — он рубанул воздух рукой.

Подошли к Сашке. Он по-прежнему жевал.

— Слушай, Саня!

Тот снова забросил новую порцию чипсов и громко захрумкал.

— И хватит есть уже! Раздражает этот хруст!

— Ладно. Ладно! — Сашка сделал большой глоток, вытер рот тыльной стороной кисти. — Я готов. Только не врать.

— Врать не будем. Но ты поклянись, что никогда никому не скажешь!

Сашка недоумённо смотрел.

— Клянись!

— Клянусь! — он поднял правую руку.

— Ну смотри, Санька, ты поклялся!

— Я помню.

— Тогда слушай!

И Славка с Колькой, перебивая, дополняя друг друга, рассказали Сашке всё, что они знали, сделали и свой план по поиску самолёта с золотом.

Сашке показали коробочку с рисунком местности, копии, которые сделал Славка, и карты и спутниковые снимки, которые сделали у Юрки.

У него округлялись глаза.

— Боже! И это правда? Вот это всё? Правда?

— А как думаешь, зачем нам понадобилось двадцать тысяч?

— Не верится! Это же… Это же… — Сашка был возбуждён.

— Как в книге «Остров сокровищ»! — подсказал Славка.

— Точно!

— Тогда ты, Сашка, будешь Сильвером! — Славка тоже разошёлся.

— Почему я — Сильвер?

— Потому что Окорок!

— Хм. Согласен. А ты, Славка, кто?

— Я — капитан Флинт!

— Ну тогда я — Билли Бонс! — Колька протянул руку вперёд.

— Капитан Флинт! — Славка положил свою ладонь сверху.

— Джон Сильвер! — Сашка накрыл всех своей пухлой ладонью.

Они стояли гордые. Понимали, что сейчас они стали настоящими друзьями, которые отправляются на поиски сокровищ.

Разомкнули руки.

— О! А это кто?

— Где?

Сашка показал в сторону края стадиона. Там по кромке шли Протасов и Соков. Они демонстративно шли медленно и делали вид, что не замечают команду новоявленных пиратов.

— Они что, следят за нами?

— Да ну. Просто так совпало. Гуляют туда-сюда.

— Ну да ладно! Пусть гуляют. Лишь бы к нам не лезли!

Друзья договорились, что на следующий день они встретятся и снова обсудят план действий.

Славка должен наложить рисунок на карту и понять, куда и как идти.

Колька — составить подробный список покупок.

Сашка же должен добыть денег. Посчитать всё, что он сможет добыть.

Друзья разошлись по домам. Славка по пути должен был заехать в магазин, мама попросила купить продукты для ужина.

Когда Славка выходил из магазина, он столкнулся в дверях с Протасовым.

— Чего-то ты у меня весь день крутишься под ногами, очкарик! — Протасов пытался толкнуть Славку.

Тот поначалу вспылил, но вспомнил, что при нём коробка с рисунком, копии рисунка, карты и фотографии, понял, что не время для драки, отскочил в сторону быстро:

— Крысонос, ты сам у меня крутишься под ногами. Чего-то вынюхиваешь?

— Как? Как ты меня назвал? — Лёшка стал пунцовым от гнева.

Его так никто не дразнил. Обычно боялись.

— Крысонос.

Славка быстрым шагом пошёл к велосипеду, оглядываясь на ходу.

Протасов остался стоять в дверях магазина, посетители задевали его, но он стоял и ненавидящим взглядом сверлил спину Славки.

Пока не было родителей дома, Славка разложил снимки, карты, взял ножницы и аккуратно подрезал, подогнал края, чтобы были идеальные стыки, потом проклеил их с обратной стороны липкой лентой — скотчем.

Потом достал копии на полупрозрачной бумаге и положил на карту и снимки.

Отправная точка — деревня с Ведьмаком.

Славка вспомнил этого страшного дядьку и поёжился. Вот с кем бы не хотелось встретиться в походе.

Он искал на карте и снимках похожие ориентиры.

Славка думал: «Вот речка, — он вёл палец по речке. — Вот здесь нужно перейти на другой берег. Здесь самое узкое место, и скалы образуют почти свод, края почти смыкаются. Разорванная скала. Наверное, давным-давно вода в скале пробила отверстие и расширила его, а потом вот такой образовался разрыв. Так. Понятно. А вот что здесь рядом? Непонятно. Винтовка в квадрате. При чём здесь винтовка? Улётчиков же не было винтовок. Они были у пехотинцев. У лётчиков были пистолеты ТТ. Ну, может, у кого-нибудь, на экстренный случай, автомат? Нет. Папа говорил, что автоматы появились позже, а тогда был пистолет-пулемёт ППШ. Да какая разница — автомат или пистолет-пулемёт?! Какая ерунда в голову лезет! Не мог лётчик по тайге ползти с винтовкой. Даже если он закопал где-нибудь, то за много десятилетий она сгнила в труху! Так. Лётчик передвигался зимой. Раненый. Может, и поломанный. В смысле, что у него могли быть какие-нибудь кости поломаны, переломаны. Значит, по идее, он не мог далеко отойти от самолёта. Он по пояс проваливался в снег. Папа говорил, что если заблудился в лесу, то иди по реке вниз. Там, где река, ты всегда найдёшь людей. Люди всегда селятся поближе к воде. И иди вниз по течению. Так идти легче. Силы экономишь. Значит, так лётчик и делал, когда шёл по льду реки. Ему и перебираться через реку с одного берега на другой было проще. Лёд же! Но не ждать же зиму, зимние каникулы? Нет! Надо сейчас! Так! Включай воображение! Карта и снимки плоские. А на рисунке лётчика — они как с Земли. Вот и думай, как они выглядят сверху!»

Славка смотрел внимательно на карту и снимки, выискивая знакомые очертания. Достал линзу из своего ящика, пожалел, что не слушал маму, которая призывала его хранить увеличительное стекло в коробочке или обёртывать тканью. Было много царапин на лупе.

Смотрел русло реки; там, где что-то было похожее на контуры на карте, он зажмуривался сильно-сильно, представляя, как выглядит с поверхности.

Единственное, что он нашёл, так это разорванную скалу. И всё.

Ни скал, которые, как будто люди, смотрят друг на друга в упор, ни что такое винтовка в квадрате, ни тем паче самолётов он не увидел.

Решил, что надо проложить маршрут почти до этого мостика, а там уже смотреть на месте.

Зная, как расположена деревня, и не желая попасть в поле зрения Ведьмака, он начал рисовать на карте и на снимках, как выйти к реке, а там уже двигаться по берегу вверх по течению.

Пришли родители. Славка только и успел спрятать свои бумаги, чтобы не привлекать внимание и избежать ненужных вопросов.

Вёл себя весь вечер прилежно. Дочитывал «Остров сокровищ». Рядом наготове лежала другая книга, тоже про пиратов, «Одиссея капитана Блада».

Читая книгу, Слава невольно проводил параллели со своей ситуацией. И это будоражило его воображение. Пираты и золото. Самолёт и золото.

Он был погружён в свои мысли, не сразу услышал, как мама зовёт ужинать. За ужином ел механически, думая о своём, прокладывая маршрут. Он понимал, что ответственность за всю операцию на нём. Это он взбаламутил Кольку и Сашку. И если что-то пойдёт не так, то виноват будет он.

Но он гнал эту мысль прочь от себя! Всё будет хорошо! Рисунок верный. Лётчик рисовал! Откуда в подполье спрятанная коробка из-под американского продукта?

А что там, на коробке, всё-таки написано? Он так и не удосужился прочесть полностью.

После ужина он закрыл дверь в своей комнате. Маме позвонила подруга. Слава знал, что этот разговор, пока папы не было дома, минимум на полчаса.

Он попытался с помощью увеличительного стекла рассмотреть надписи, но получалось плохо.

Тогда он на мобильный телефон сфотографировал коробочку и перенёс изображение на компьютер, увеличил изображение. Так оно стало лучше и понятнее.

Залез в Интернет, стал переводить. Получалось, что там когда-то хранился шоколад, предназначенный для питания военнослужащих армии США.

Это открытие укрепило Славку! Он воспрянул духом! Это хорошо! Наверняка лётчиков, которые летали, кормили шоколадом! Вряд ли, что кто-то пришёл с войны и принёс шоколад домой. Нет! Это были только лётчики!

Мысль, что кто-то с фронта принёс невиданный продукт в качестве гостинца, Славке в голову не приходила. А зря.

Утром, проснувшись, проводил маму на работу, снова взялся за свои записи, наброски, и его поразила одна мысль. Очень важная! Он позвонил Кольке и Сашке и отправился на встречу на школьный двор.

Когда все собрались, то каждый пытался рассказать, что сделал. Славка молчал и смотрел под ноги.

— Славян, ты чего?

— Что случилось?

— Что мы скажем родителям? Как мы улизнём из дома?

— О-па! — Сашка аж хлопнул себя по ляжкам.

— Вот и я про то, — Слава поправил очки.

— Да. Как-то мы это не продумали, — Колька был хмур и теребил руль велосипеда.

— Какие есть идеи? — Славка внимательно рассматривал друзей.

— Думать надо. Если не продумаем, то никакой экспедиции, похода не будет. Будем здесь сидеть и мечтать, как мы бы потратили свои деньги. Эх! — Колька был мрачен.

— Деньги я уже достал. А вот как удрать от Наташки… Сказать, что полетел в Лондон, так она же матери позвонит, чтобы встретила. Надо такое придумать, чтобы никто не искал и по телефону не мог позвонить.

— Пацаны, я тут подумал… — Славка замолчал на полуслове.

— Говори уже!

— Не тяни кота за хвост!

— Вот! — Слава достал из кармана сложенный листок.

Коля с Сашей взяли, стали читать его. Переглянулись между собой, недоумённо вернули Славке.

— И что это?

— Какое-то фото путёвки какой-то девчонки Ивановой Екатерины, которая едет в летний оздоровительный лагерь. И что нам?

— Пусть едет. Мы ей мешать не будем.

— А! — Славка махнул рукой.

От волнения он начал снова заикаться:

— П-п-п-представьте, что вы едете в лагерь!

— Какой лагерь? — почти хором спросили Саша и Коля.

— В-в-в-в оздоровительный! В-в-в-в летний! Какая разница?

— Не понял я, Слава! — Колька был искренен.

— Когда я был в деревне, то дядя Паша говорил, что свою дочь Светку они отправили в летний лагерь в группу закаливания, чтобы горло не болело зимой.

— И что?

— А то. Я посмотрел в Интернете, сейчас можно в любую группу записаться в лагере. Хоть на карате, хоть на эту, как её! — Славка от отчаяния щёлкнул пальцами, пытаясь вспомнить — О! Вспомнил! Хоть на йогу! Хоть на закаливание! Хочешь, и из тебя сделают следопыта!

— Славка! Не понимаю! У меня почтовый ящик в подъезде забит такими бумажками. То одно предлагают, то другое. Чёрта лысого только не предлагают! Всякую ерунду. И лагеря эти тоже. Нам-то с этого какой прок?

— У родителей нет денег на путёвки, — Колька был угрюм, смотрел исподлобья.

— Вот это! — Славка потряс бумажкой, которую показывал друзьям. — Это образец. Нужно изготовить путёвки для нас. Написать, что поощряется ученик такого-то класса. И расписать по группам. Например, меня — в группу по излечиванию от заикания. Тебя, Саня, в группу для похудения. Не обижайся.

— Да ладно, — Сашка добродушно махнул рукой.

Славкина идея ему явно пришлась по душе.

— Тебя, Колян, в группу… — задумался. — Ну, не знаю в какую. Может, в юные следопыты или пожарные.

— В следопыты сгодится. А деньги?

— В том-то и дело, что нужно написать, что они бесплатные! И написать крупно, чтобы родители читали сразу. Денег ни у кого нет, кроме Сашки, а тут бесплатно! На десять дней. Думаю, нам хватит десять дней на поход?

— Десять дней хватит, — кивнул Колька. — Мы больше продуктов не унесём. Если, — он быстро посмотрел на Сашку, — кто-нибудь их раньше не слопает.

— Не боись! Не съем! — Сашка покровительственно похлопал Кольку по плечу.

— Это понятно. А где их взять, эти путёвки-то?

— Надо напечатать, — Славка кивнул головой так яростно, что чуть не потерял очки.

— Это понятно. А где?!

— Где? У Юрки Семёнова! Вспомните, как он голову толстого завуча приделал к юной красотке! И так классно получилось! Все поначалу поверили, что она так похудела! А Тарасов сказал, что даже пошёл бы с такой на школьную дискотеку!

— А-ха-ха-ха! Точно! Было такое! — Сашка заливисто рассмеялся.

— Пацаны, если есть другой план, то давайте. Говорите, — Славка напрягся.

Воцарилась небольшая пауза. Сашка и Колька напряжённо думали.

— Да нет, Слава, всё нормально. Ты нашёл карту, ты всех заразил. Ты — мозг этой операции, — Колька говорил неспешно, рассуждая по ходу своей речи. — Я — следопыт. А Сашка…

— А я — ваш банкир! — вмешался Саня. — И я приглядываю за своими инвестициями!

— За чем? — удивился Николай.

— За своими деньгами, которые вкладываю в это предприятие! — гордо и важно произнёс Сашка.

— Саня, не лопни от важности! — Славка усмехнулся.

Друзья поболтали ещё немного ни о чём.

— Ну что, идём к Юрке Семёнову?
— Пошли!
— Вот и пошли к нему.
— Он много требует,— Колька был мрачен.— Слишком дорого берёт!
Колю обуревали мрачные предчувствия.
— Коля! Друг! Ты пойми, если дело получится с золотым самолётом, я готов выйти на школьной линейке первого сентября и в микрофон директора школы заорать на всю школу, что Юрка Семёнов выиграл у нас сто раз подряд в игре по поиску сокровищ! Ерунда всё это!— Славка снова разгорячился и начал слегка запинаться.— Главное— дело! Читал, как иезуиты и пираты говорили? «Цель оправдывает средства!»
— Это как?
— Да по фигу, каким путём. Главное— добиться победы. Любой ценой. У меня папа часто говорит, что победителей не судят! Он даже на учениях спецназ московский обманул! У него за это золотые часы на руки наградные! А сейчас главное— отправиться в поход. А для этого нужны путёвки в летний лагерь. Да! Надо указать, что в лагере не будет сотовой связи и Интернета! О! Чуть не забыл!
— Хорошо, что вспомнил. А то бы они нас с собаками бы искали.
— Это надо в примечании записать!
— Ну что, к Юрке?
— А он дома? Может, куда уехал?
— Этот? Ха! Он от своего любимого компьютера не отходит. Так все глаза и проглядит. Все каникулы просидит. У меня такое ощущение, что его родители пинком выгоняют гулять.
— Ага! А он хватается руками и зубами за стол и пытается мышкой что-нибудь на экране щёлкнуть! А родители его за ноги тянут. Мама за правую, а папа за левую!
Друзья рассмеялись, представили эту картину. И покатили в сторону Юркиного дома.
Спрятали велосипеды там же, где и вчера. Оглянулись. Никого.
Юрка был дома.
— О! Снова понадобились карты? Здорово! Проходите! Сашка, ты тоже будешь лягушек выращивать?
— Не лягушек, а жаб!— Сашке вчера рассказали всё, включая про лягушачью ферму.
— Жаб-то зачем?!— Юрка был удивлён.
— Я когда в Лондоне жил, то заходил в китайский квартал. Чайна-таун называется. Там сушёных жаб продавали как целиком, так и шкуры отдельно.
— Бе-е-е-е!— Юрка снова изобразил рвотный рефлекс.— Нашлись три дурака! То лапы лягушачьи во Францию, а этот— шкуры жаб! Тьфу!
— Юра. Мы к тебе по секретному делу,— начал Славка.
— Поклянись, что никому не скажешь!— потребовал Колька.
Юрка прижался к стене, выпучив глаза.
— А мне оно надо? Ваши секреты? Я послушал про лягушек и жаб, и мне уже плохо оттого, что вы задумали. Терпеть не могу этих гадов! Тьфу! Бр-р-р!— его натурально передёрнуло.
— Клянись, что никому не скажешь, что сейчас узнаешь,— Сашка был серьёзен и тушей нависал над Юркой.
— Если секретное дело, значит, и цена двойная!— пискнул Юрка, слегка присев от нависающего Сашки.
— Сколько?— Сашка продолжал давить животом и грудью Юрку, тот присел ещё ниже.
— Да не бойся! Мы скажем, что ты у нас десять раз выиграл в поиске сокровищ!— Славка великодушно махнул рукой.
— Мне и вчерашних трёх хватит!
Юрка продолжал слегка приседать, а Сашка давить.
— Мне его рогатку отдайте!— крикнул Юрка, присел ещё ниже и выпрыгнул из-под Сашки.
Трое друзей хором охнули.
— Ничего себе!— Сашка вытаращил глаза.— Самая лучшая рогатка в округе. У меня покупная. Я в Лондоне за евро покупал свою, так она и близко не валялась с Колиной рогаткой! Ты белены, что ли, объелся? Давай я заплачу тебе деньгами!
Хмурый Коля вышел из тени. Насупился.
— Не надо, Саня, деньгами. Они нам ещё пригодятся… — он споткнулся на полуфразе.— Для фермы пригодятся. Для фермы. На, вампир!
Колька достал из кармана свою рогатку. С глубоким сожалением посмотрел на неё.
— На. Клянись! Самой страшной клятвой клянись. А то…
— Что «а то»?— Юрка передразнил его.
— Я тебя убью!— Коля был полон решимости.
Славка и Сашка не верили своим ушам и глазам. Колька отдал свою рогатку! Ту самую рогатку!
Рогатку, за которую ему и деньги предлагали, и много чего ещё! А он вот так… Ботанику Юрке!
Семёнов и стрелять-то не умеет! Просто хвастаться. Ведь кто-нибудь отберёт у него или обменяет её на всякую чепуху! Не может быть! Если бы собака замяукала, то они бы меньше удивились, чем сейчас!
— Клянусь! Никому не расскажу!— протянул руку.— Давай рогатку!
Николай медленно, прощаясь со своим оружием, отдал рогатку Юрке. Даже не отдал, а медленно вложил её в раскрытую ладонь Семёнова.
— Эх!— только и сумел выдавить из себя Славка.
Юрка с удовольствием крутил в руках рогатку. Рассматривал искусную резьбу на рукояти, поднимал, растягивал резину, прицеливался куда-то, потом отпускал кожанку и с удовольствием смотрел, как резинка выбрасывала воображаемый камушек и вылетала вперёд.

Колька сопел, как разъярённый бык.
— Потом поиграешь! Давай дело делать! — Коля был готов уже побить Юрку.
— Показывайте, что надо! — Юра убрал рогатку в ящик стола, сунул среди всякого компьютерного хлама.

Там было много спутанных проводов, сломанные компьютерные мыши, много всякого непонятного барахла.

И легендарную рогатку — с таким хламом! Теперь уже удавить Юрку хотел не только Колька, но и Славка с Сашкой.
— Вот! — Славка достал из кармана образец путёвки в летний лагерь.

Парни объяснили Юрке, что надо.
— А! — он небрежно махнул рукой. — Легкотня! Сейчас сделаем!

Он зашёл на сайт, с которого Славка скачал и распечатал путёвку, скопировал и начал обрабатывать.

Сначала надо было придумать название. Общим голосованием выбрали нейтральное: «Ласточка». Предложений было много по названию. Самое экзотичное предложил Сашка: «Молодые боевые слоны Сибири». Предложение понравилось, но посчитали, что родители не оценят это по достоинству. Решили, что «Ласточка» больше подходит.

Напечатали название. Скачали и прилепили логотип: птица с острыми крыльями и слегка раздвоенным хвостом летит в угол листа.
— Это ласточка или стриж? — деловито спросил Коля.
— А что, большая разница?
— Вообще-то разные птицы. Абсолютно. И ласточки бывают береговые и…
— Заткнись, зануда! — Сашка вспылил. — По мне, написано, что ласточка, значит, ласточка!
— Если под картинкой со слоном будет написано, что это осёл, ты поверишь?
— Коля! Мы почти час уже потратили! Мне ещё Лизку выгуливать!
— Это сестра, а не собака! — Коля возмутился.
— По мне, лучше бы собака была! Я бы тогда её больше любил, чем эту… непонятную сестру!
— Так нельзя говорить!
— А я говорю! И буду говорить! И никто меня не переубедит! Ладно! Поехали дальше! — Сашка махнул рукой.

Вчетвером ещё долго обсуждали детали, правили, чтобы выглядело убедительно.

Расчёт был на то, что родители должны были «клюнуть» на то, что группы — по интересам. Каждый родитель заботится о своём ребёнке. Что Славка будет меньше заикаться, Сашка сбросит пару килограммов, Коля отточит своё искусство перемещаться по тайге, выслеживая зверей.

Ну и то, что путёвки бесплатно выдавались. Решили, что будут валить на классного руководителя: мол, она нашла, вызвала ребят в школу. Предложила. Сказала, что сама едет в лагерь заместителем директора лагеря. И ей нужны свои ребята для поддержания порядка, вот и выделила три путёвки.

Друзья точно знали, что «классуха» отдыхала за границей и телефон у неё отключён. Поэтому родители могли ей со спокойной совестью хоть зазвониться! Телефон классного руководителя был недоступен!

А всё потому, что она уже уехала в лагерь, а там нет связи. Об этом написано мелким шрифтом внизу путёвки. А также чтобы дети могли какое-то время обходиться без своих любимых компьютеров и телефонов!

Стали заполнять путёвки на каждого. Юрка уже хотел начать распечатывать на принтере. Ради рогатки он даже подключил отцовский огромный лазерный цветной принтер.

Славка бросил взгляд на экран.
— Э-э-э! Обожди!
— А что? Всё же нормально!
— Ага! Сейчас! Здесь как написано? Какая группа? «Лагапедическая»!
— И что здесь неправильного?
— Логопедическая, грамотей! Исправляй давай! А то мне мама выписала бы по первое число! А когда папа придёт с дежурства, так продлит до десятого!
— Подумаешь! Кто это читать будет!
— Моя мама — будет! — Славка сказал, как рубанул.

Лист бумаги, отпечатанный на лощёной бумаге — Юрка ради такого случая достал папину заначку для торжественных случаев, — вышел из принтера.
— Проверяй!

Славка внимательно изучил, потом ещё раз. Много зависело от этого цветного листочка.
— Пойдёт!
— Поехали! Следующий!

Коля обнаружил ошибку в слове «следапыт». Он не удержался и дал подзатыльник Юрке, заставил исправить.
— Ты, учи русский! Пригодится!
— А зачем он мне?
— Документы будешь подделывать — и пригодится! Вот хотя бы для чего!
— Логично! — Юрка согласно кивнул. — В следующем году придётся поднalечь. Может и пригодиться.

Мальчики ещё раз изучили свои «путёвки». Печати и штампы выглядели как настоящие. А подпись директора Юрка взял у премьер-министра России. Скопировал её и перенёс. Красиво, и фамилия такая же.

Потом они проверили друг у друга. А вдруг ошибка вкралась, а они не заметили.

Вышли, взяли велосипеды…

У всех были спущены колёса. Неподалёку стояли Протасов и Соков. Они откровенно надсмехались.
— Ну что, недоумки! Как поедете домой?

— Чух-чух. Толкать будете рядом!
— Это вы сделали? — Колька рвался в бой.
— У тебя, деревня, утиль сдох от старости!
— А у тебя, очкарик, потому что китайское барахло!
— У толстого — колёса не выдержали от жира! Велик классный — спору нет. Но ездок слишком толстый. Потом амортизаторы полетят!

Соков с Протасовым откровенно потешались, находясь на довольно приличном расстоянии.
— Ну всё, я сейчас вам задам! — Славка собрался идти и отомстить за «очкарика» и спущенные колёса велосипеда.

Колька тоже бросил велосипед в траву и собрался идти к обидчикам.

Сашка схватил за одежду:
— Стойте, стойте! Не время! Не сейчас!
— Санька, они второй день насмехаются, сейчас вон колёса спустили! Ладно, если только ниппеля скрутили и воздух выпустили! А если порезали… — Славка горячился.
— Бить буду больно! Заодно и за рогатку пар выпущу, — Колька резко наклонил голову к одному плечу, потом к другому. — Хана котёнку! Больше гадить не будет!
— Пацаны! Стойте! — Сашка зашипел. — Путёвки! И как мы пойдём к родителям в лагерь проситься с разбитыми лицами морд? Не пустят!

Его слова подействовали как холодный душ.
— Ёлки-моталки! — Колька резко остановился. — Точно. Батя никуда не пустит!
— Тьфу! — Славка смачно плюнул под ноги. — Пошли отсюда, покуда не сорвались! А так кулаки чешутся!

Друзья пошли, толкая рядом велосипеды.
— Эй, девочки! Вы куда? — Соков был возмущён, он жаждал драки.
— А мы так надеялись! А вы испугались! Трусы! Неудачники! — Протасов кричал вслед.

Друзья обернулись. Протасов с Соковым махали вслед вырванными из забора штакетинами.
— Вот видите. Пошли бы в драку, а они для вас палки приготовили. Вот бы попали, — Сашка внимательно смотрел на двух недругов, которые что-то кричали вслед, размахивая палками. — Ну чисто папуасы! Только бус не хватает

Славка с Колькой обернулись и тоже рассмеялись. Так были похожи Сашка с Лёшкой на папуасов из старых фильмов.
— Да, встретили бы они нас такими кольями, то худо было бы, — Колька покачал головой. — Против лома нет приёма, если нет другого лома.
— Но они всё просчитали. Спустили колёса, потом знали, что мы кинемся в драку, а против нас они слабаки, дохляки, вот и вооружились палками из забора, — Славка был в ярости.
— Не отвлекайтесь на всяких подонков! — Сашка успокаивал товарищей. — Главное — думайте! Думайте, как родителям врать убедительно. Надо проситься.
— Вот и папа мне всегда говорит, чтобы думал. Тьфу! — Славка сплюнул на газон. — А ведь могли в засаду попасть. Спасибо, Сашка!
— Да пожалуйста! — Сашка пожал плечами. — Мы же друзья и вместе идём искать… — он оглянулся на прохожих. — Искать приключения. А один я в карте заблужусь и не выживу в тайге. Без вас я никуда один не пойду!
— Саня! — Колька остановился. — Давай начистоту.
— Давай.
— Если ты захнычешь, будешь канючить, то мы пойдём дальше, а ты возвращайся домой. Я серьёзно. Ты готов? Это не прогулка с шашлыками на даче в ближайший лесок. Там сложно, опасно для здоровья, а то и жизни. Гнус будет облеплять твоё тело, комары, клещи энцефалитные, могут быть и дикие звери, переправляться через реки, держась только за канат, спиной вниз, без страховки. Сорвёшься — ты погиб. Никто не поможет. Переходить болота, где можешь попасть в трясину и тебя будет засасывать. Если ты готов, то пошли, если нет, то клянусь, что твою часть… — Колька оглянулся на прохожих. — Твою часть приключений мы со Славкой тебе принесём. Главное, чтобы ты сам был готов к таким опасностям и сложностям! Если готов — пошли. Не готов — мы поймём, что ты останешься. Нам некогда будет нянькаться с тобой. Решай! Без обид, Саня! Мы за десять дней должны обернуться. Туда и назад.
— И ещё, Саша! — вступил в разговор Славка. — Так может случиться, что мы ничего не найдём. Но это я так. На всякий случай! Сам-то уверен, что мы найдём самолёт. Но вдруг не найдём?! Одна миллионная — и она сработает? Так вот. Не найдём — то как быть с деньгами? Я буду отдавать. Но долго. Все деньги, что мама будет давать на обеды, год я буду отдавать тебе. Так пойдёт? Без обид, Шура!

Сашка почесал затылок. Посмотрел на Славку и Кольку.
— Знаете. Не деньги меня беспокоят. Мне нужно доказать своему отцу, что я не маленький, никому не нужный кусок сала. А то, что я — мужик и могу многое сделать сам! Деньги… ну что же. Не каждое предприятие на первых порах приносит прибыль. Нужны вложения и время. Но самое главное, что я в деле, а не гуляю по стадиону с девчонкой. Из меня делают няньку. А я не хочу! Вот ради всего этого я иду с вами. И не заплачу от комариного укуса, и не буду хныкать, когда порежу ладонь о канат, когда буду на высокой скорости спускаться вниз. Обещаю! — и протянул ладонь.

Славка положил свою ладонь сверху, потом Колька поверх Славкиной.

Дошли до шиномонтажной мастерской.
— Дяденька! Можно колёса подкачать?

Вышел здоровый мужик с большими усами. В руках у него была промасленная тряпка, он вытирал ей руки.
— Чего вам, мальчишки?
— Да вот. Колёса накачать.
— О! У всех колёса спущены! Где это вы так гвоздей насобирали?
— Думаем, что не гвозди. А ниппеля выкрутили.
— Это мы сейчас проверим! — мужчина взял пистолет от компрессора и стал накачивать колёса, попутно ощупывая степень накачки и слушая, не выходит ли где воздух. — Это какие злодеи вам скрутили?
— Да так. Есть такие. Рядом живут.
— Понятно. Обижать велик — это подло! — дядя горестно покачал головой.

Потом обратил внимание на Колькин велосипед.
— Хороший велик! Береги его. Такие не выпускают уже. При должном уходе твои дети ещё на рыбалку будут гонять на нём! Везде пройдёт, везде проедет.

Все колёса накачаны. Проколов нет.
— Дяденька, мы вам что-нибудь должны? Сколько с нас?
— Езжайте, пацаны! Каникулы! Наслаждайтесь, пока молодые! Гоняйте на велосипедах, ездите на рыбалку, с девчонками дружите. Потом будете вспоминать это время золотое! Ничего не должны! Езжайте!
— Спасибо, дядя!
— Спасибо!
— Огромное спасибо!

Немного отъехав:
— Всё хорошо. Но с девчонками дружить — не-а!
— Ну да, они все воображалы! И вредные!
— И плаксы! Сами не знают, чего хотят. Ну их!

Друзья договорились, что вечером созвонятся, когда пообщаются с родителями по поводу «летнего лагеря». Все понимали, что нужно приложить максимум артистизма и убедительности, чтобы пойти в экспедицию за золотом.

Славка репетировал перед зеркалом, как будет разговаривать с мамой. Папа придёт со смены только через два дня. А Славке нужно было улизнуть из дома до приезда отца. Тот, казалось Славе, видел его насквозь. Стоит только папе взглянуть на сына — и младшему ничего не надо говорить. Отец всё сам за него рассказывал, что тот получил «трояк» или сотворил какую-нибудь проказу.

Поэтому нужно убедить маму. И вот мама пришла с работы, приготовила ужин, позвала сына за стол. За ужином:
— Чем занимался?
— Да, в принципе, ничем, — Славка пожал плечами. — Почитал, погулял, с Колькой и Сашкой на великах погоняли.
— Надеюсь, не по дороге?
— Нет, мама! Вы же с папой запретили! Мы по школьному стадиону. Там встретили «классуху»…
— Слава, что за слово такое? Такого слова нет в русском языке! Выражайся нормальным, привычным языком.
— Нину Алексеевну встретили. Ах да! Чуть не забыл!

Славка выскочил из-за стола. Сбегал в свою комнату, принёс «путёвку» в лагерь.
— Вот!

Он протянул матери «липу» и, сделав равнодушное лицо, стал ждать её реакции.

Мама тщательно вымыла руки, вытерла. Стала читать.

Славка тем временем комментировал:
— С поездкой в Турцию у неё не получилось. Стало дорого там, говорит.
— Жаль. Она так хотела туда поехать. Полгода собиралась. Жаль, — прокомментировала мама.
— Она поехала в лагерь. Заместителем директора. И нас позвала втроём. Говорит, что помощь нужна ей там. А на нас можно положиться.
— Путёвка какая-то короткая. Всего десять дней.
— Так зато бесплатная, мама! РОНО больше не может оплатить. Остальные, она говорит, по большим начальникам разошлись. Вот, сумела только три выцарапать для нас.
— Я ей сейчас позвоню, — мама встала за телефоном.
— Мама, не трать батарейку! Она уже уехала, а там связи нет. Там даже в путёвке написано.
— Я позвоню!

Мама позвонила на телефон классного руководителя. Но записанный голос оповестил, что абонент недоступен.
— Действительно, недоступна.
— Я что, тебя обманывать стану?! — Славка сделал обиженное лицо.
— А там есть действительно логопедическая группа?
— Нина Алексеевна говорит, что есть. Там не только кто заикается лечится, но и кто шепелявит, кто букву «Р» не выговаривает. И ещё кто-то. Сашку в группу для похудения отправляют. А Кольку — в следопыты определили. Их родители уже подписали путёвки.
— Сам-то хочешь ехать?
— Не знаю, — Славка пожал снова плечами. — Дома как-то скучно. Но и ехать не особо-то хочется. Там нет Интернета, нет ничего. Тоска, наверное. Но класс… то есть Нина Алексеевна говорит, что специально, чтобы детей отучить от всяких гаджетов, чтобы глаза отдохнули. Скучно, наверное, там. Ни вай-фая, ни мобильного Интернета. Там, наверное, и компьютеры древние стоят. За ними ещё Ленин в ссылке работал.
— Ты же знаешь, что во времена Ленина не было…
— Знаю, мама, знаю. Просто показать, как там скучно. Прямо и не знаю. И здесь как-то каникулы бестолково проходят, и там тоже. Хотя там друзья

будут. Они уедут—тут совсем тоскливо станет. Значит, надо ехать! Можно, мама, я поеду?
— Ты точно уверен? Что ты хочешь ехать?
— Хочу! А то десять дней без друзей будет мне не очень…
— Хорошо. Я папе позвоню только.
— Звони.

Славка сделал максимально равнодушное лицо, хотя сердце бешено колотилось. Хоть бы всё получилось! Хоть бы всё получилось!

Папа, когда на смене, находится глубоко под землёй, и там связи вообще с внешним миром нет никакой. Ты по телефону болтаешь, а тут война началась! Непорядок!

Мобильные телефоны у них вообще запрещены на территории части. А вдруг враг подслушает военную тайну?

И поэтому можно звонить только в комнату отдыха. Даже если папы там нет, то когда пойдёт отдыхать, то дежурный солдат ему передаст, чтобы позвонил жене. И папа перезванивает по обычному проводному стационарному телефону. Родители, только чтобы общаться вот так, провели стационарный телефон домой.

Славка тоже часто болтал по нему с друзьями, у которых тоже проведён стационарный телефон. Экономил деньги на своём мобильном.

После ужина он ушёл в свою комнату, залез в Интернет. Делал вид, что ему всё равно, отпустит его мама или нет в «лагерь». По опыту он знал: если что-то сильно просить, то это вызывает подозрение у родителей. Поэтому делал равнодушное лицо.

Сам он искал в Интернете, что нужно брать с собой в многодневный поход в тайгу. М-да уж. Прошерстил много сайтов. Много вещей на себе придётся тянуть. Кое-что запомнил.

Время медленно тянулось. Очень медленно. Может, солдат не передал папе, чтобы он позвонил домой? Эх!

И вот—звонок! Мама взяла трубку. Славка превратился весь в слух. Он подкрался на цыпочках к своей двери, тихо-тихо, чтобы не скрипнула, приоткрыл её и высунул в щель ухо.

Мама сначала поговорила с папой ни о чём. О всякой ерунде, по мнению Славки.

И только в конце она рассказала про классного руководителя.

Славка не слышал, что отвечал отец, мог судить только по разговору мамы.
— Да, я звонила Нине Алексеевне… Нет. Ничего она не рассказала… как Слава сказал, что телефон недоступен… да, всё, как он рассказал. Там нет сотовой связи и Интернета. Отучают детей от компьютеров… Да, думаю, что неплохо будет немного оздоровить глаза без монитора и телефона… Как Славка? Похоже, что хочет. Два друга у него едут… Да. Тоже на десять дней… Говорит, что Нина Алексеевна предложила сама, они на велосипедах собак по школьному стадиону гоняли… Да нет. Не настоящих собак. Фигура речи… Конечно, соберу… Выезд через два дня… Конечно, жаль, что не попрощаетесь. Он приедет и тебе всё расскажет… Сейчас позову,—и, уже обращаясь к сыну:—Слава, иди, папа с тобой будет говорить.

Слава в мгновение ока оказался у телефона:
— Аллё, папа! Привет!
— Как у тебя дела, Слава?
— Хорошо, папа! Два друга едут бесплатно. И мне можно бесплатно. Можно? Всего десять дней! Пожалуйста! Ну пожалуйста! И всё бесплатно.
— Хорошо. Обещай, что не будешь делать глупости!
— Обещаю, папа!—Славка готов был пообещать что угодно, лишь бы отправиться в тайгу.
— Хорошо. Позови маму.

Мама ещё общалась с отцом, а Славка уже набирал смс друзьям: «Я еду! Как вы?»

От Сашки немедленно поступил ответ: «Поздравляю! Меня тоже отпустили!»

От Кольки ответ поступил ответ через час: «Я в деле. Но тяжело было! Надо найти во что бы то ни стало!..»

Наутро друзья отправились по магазинам. Радостные, что удалось провести родных и близких, активно обсуждали, кто, что и как врал. У каждого были своя тактика и свои слова.

Сашка:
— Я Наташке сунул под нос «путёвку» и сказал, что еду отдыхать в летний лагерь совершенно бесплатно! Она почитала. Позвонила отцу, потом отсканировала её и выслала по электронной почте. Затем папа мне позвонил. Сказал, что ему не нравится, что бесплатный вариант. Говорит, что бесплатный сыр только в мышеловке.
— А ты?
— Я сказал, что пытаюсь экономить семейный бюджет. Не могу зарабатывать, так надо экономить. И ему понравилось. Он разрешил и Наташке так и сказал, чтобы помогла мне собраться.
— А ты, Колька?
— Батя сказал, что дел по дому полно. Что нужно дрова заготовить, много что нужно сделать. А я буду десять дней балду пинать. Короче, стыдно мне! Мать заступилась, что мне надо немного отдохнуть. Папа вспомнил, что у него не было каникул. Летом все в колхозе работали да у себя на огороде, со скотиной возились. Эх! Найти бы этот самолёт да переехать из этой развалюхи в нормальный дом!
— Найдём мы самолёт!—Славка был убеждён в своих словах.
— Ладно!—Колька рубанул рукой.—Идём в магазины. Много покупок сделать надо. Что-то из дома возьмём. Сашка, деньги взял?
— Не боись! Взял. Должно хватить. Недостаточно—у Наташки возьму или папе позвоню. Натаха

будет рада, что спровадит меня на десять дней. С глаз долой — из сердца вон.

Перво-наперво друзья отправились в магазин и купили рюкзаки. Колька пояснял:

— На охоту когда идёшь, то надо брать рюкзак тихий, не шуршащий. А у нас — всё равно. Только расцветку тихую, не яркую. Меня что-то беспокоит твой Ведьмак, Славка!

— Он такой же мой, как и твой, — огрызнулся Славка. — На самом деле очень страшный дядька! Жуть. Так смотрит, как будто медведь в человеческом обличье. Не дай Бог нам встретиться с ним. Поэтому как увидим, так сразу прятаться.

— Как сам думаешь, — спросил Саня, — кто он на самом деле? Что он там делает? Один, как бирюк, в тайге живёт, всех пугает. Как-то странно. И твой знакомый дядя Паша говорит, что лет ему чуть ли не сто. Как так? Столько не живут. А если и живут, то старенькие, еле ходят с палочкой. Не пойму.

— Да этот Ведьмак у меня из головы, пацаны, сам не выходит. С одной стороны, он квартировал у бабки Авдотьи. Выспрашивал, значит, про лётчика с… грузом. Ну, вы поняли. По Славкиной пади постоянно ходит, значит, всё ищет. Я вот думаю: может, он родственник дальний этого Славкина? Пытается найти своё наследство? Может, душу дьяволу продал, вот и ищет обоз и самолёт? Места там непонятные. Как дядя Паша говорил, там магнитная аномалия. Не знаю. Но не столько тайги боюсь, сколько Ведьмака.

Друзья медленно обходили магазин с туристическим снаряжением. Колька деловито выбирал. Заставлял мерить. Приседать, махать руками. Внимательно изучал состав одежды. «Энцефалитки», в состав которых входило даже ничтожное количество искусственного волокна, сразу отвергал. Обувь заставил выбрать на размер больше. Купили носки домашней вязки, каждому по две пары. Каждую вещь он подгонял на себе и на товарищах. Если что-то было некомфортно, тёрло, тянуло, безжалостно отвергалось.

Поначалу Славка с Сашкой с энтузиазмом отнеслись ко всем этим примеркам, но через час устали. Стали называть Кольку фашистом и извергом. С родителями в походах по магазинам и то меньше мерили.

Но на Кольку все эти «ворчалки» мало действовали. Он тщательно продолжал выбирать. Крестьянская последовательность, основательность, отсутствие спешки были у него уже в крови.

Набрали посуды на каждого. Гимнастические коврики. Мальчишки смеялись, что будут в тайге заниматься йогой. Колька лишь махал руками: мол, заткнитесь и не мешайте.

Так же основательно выбирал спальные мешки. Каждого заставил разуться и залезть в спальник.

Всем понравилось выбирать бинокль. Хотелось каждому носить бинокль и осматривать окрестности.

Колька сказал, что одного будет достаточно. А носить и смотреть в него можно по очереди.

Палатку он выбирал тоже сам. Из нескольких почти одинаковых выбрал ту, что полегче.

На мальчиков уже сбежался смотреть весь магазин. Немного было посетителей. Но таких юных путешественников они ещё не видели, тем более которые набирают так много покупок, да ещё на такую приличную сумму денег.

А в отделе альпинистского снаряжения, челюсти отвисли не только у Славки с Саней, но и у продавцов.

— Скажите, у вас имеется ординарная статическая кручёная альпинистская верёвка диаметром десять миллиметров?

— Конечно! — у продавца округлились глаза.

— Сто метров. А жумары есть?

— Да!

— Шесть штук. Они у вас попарно продаются или поштучно?

Потом шли ещё вопросы и ответы.

Вот то, что запомнили друзья и поняли:

— Вам верёвка для чего нужна? Может, всё-таки динамическую?

— Для переправы.

— А, тогда понятно! Клинья брать будете?

— Спасибо. Обойдёмся обвязкой.

Сашка рассчитался. Поинтересовался, будет ли скидка или бонусы какие-нибудь, а также подарки.

Им подарили от магазина два баллончика от комаров и выдали дисконтную карту. Кольку продавцы магазина пригласили поработать на каникулах у них в магазине, когда увидели, как он легко увязал моток верёвки.

Мальчики шли, сгибаясь под тяжестью рюкзаков. Сашка предложил всё спрятать в гараже у его отца. Мачеха всё равно им не пользуется. Машинку свою держит во дворе дома.

Потом был поход в продовольственный магазин. Колька кидал в тележку продукты. Только тушёнка, каши с мясом. Набрал много быстрорастворимой лапши, много всяких продуктов. Чипсы взять не позволил.

А в гараже он заставил мальчишек прямо в пакетах размять в пыль лапшу. Пояснил, что так меньше занимать места будет, да и на ходу есть можно. Высыпал в рот, водой запил, и можно дальше топать без остановки.

Узнали, во сколько отходит первый автобус. Попрощались, договорились, что встречаются в гараже. Утром. Главное, чтобы родители не поехали провожать. Тогда придётся делать круг. Садиться в автобус, который идёт в совершенно противоположном направлении, доезжать до окраины, а потом пробираться до гаража.

Когда выходили из гаража, то заметили, что Протасов и Соков проходили рядом.

Товарищи не придали значения этому факту. Ну проходят и проходят. Неприятно, конечно, но неприятности сейчас никому не нужны. Не приходить же с разбитыми лицами домой накануне поездки!

Ночь у всех была беспокойная. Мальчики ворочались в своих кроватях. Славке снился Ведьмак. Он преследовал его. Но Славке удавалось ускользать от него.

Утром мальчишкам родные и близкие вручили по рюкзаку с одеждой и продуктами, которые могли им понадобиться в течение десяти дней. Мама у Славы очень удивилась, что тот не берёт с собой книг. Он положил.

Не мог же он сообщить, что любой грамм веса ему придётся тащить на себе. А тот рюкзак, который его ждал в гараже, и так весил много.

Путешествие по тайге Славка представлял несколько иначе. Он предполагал, что будет тяжело, но не до такой же степени!!!

Друзья собрались в гараже. В сторону положили те вещи, которые им собрали в дорогу. Одно дело на отдыхе в лагере—кроссовки, футболки с коротким рукавом, шорты, тапочки, и другое—в тайге!

Оделись в новую туристическую одежду. Колька помог каждому сложить рюкзак. Оказывается, нужно укладывать так, чтобы правильно разместить вес вещей в рюкзаке, чтобы спину не набить, чтобы ничего не торчало, чтобы рюкзак не тянуло на одну сторону. Много, оказывается, премудростей в таком простом деле, как уложить рюкзак.

Славка вспоминал, как в прошлом году он ездил в летний лагерь, и когда уезжал, то укладывал вещи просто. Покидал всё в школьный рюкзак, потом утрамбовал ногой и добавил сверху то, что не влезло сразу. А сегодня так не получится.

Теперь ребята поняли, почему Колька вчера настоял взять гимнастические коврики не рулонные, а «гармошкой». Они их положили внутрь рюкзаков, чтобы спине мягче было, всё самое тяжёлое—наверх. Хотя казалось, что вниз надо.

Колька взял себе палатку, а верёвку привязали к Сашкиному рюкзаку. Славка хотел забрать себе бинокль, но Колька ответил, что даст потом, когда будут ориентиры искать.

Добрались до автовокзала, сели в автобус. Через четыре часа вышли на остановке.

—Ну что, Иван Сусанин? Веди нас к богатству и славе!

Сашка хлопнул Славку по плечу. Тот от тяжести рюкзака и хлопка чуть присел.

—Пошли.

До деревни Славка вёл уверенно. Дорога одна, он дважды по ней проезжал. В самой деревне делать нечего, ещё на Ведьмака напорешься, и Славка взял вправо и увёл в сторону реки.

Колька вырубил всем по крепкой палке—посоху. Чуть выше плеча у каждого получилась палка.

Остановились на взгорке. Красивый вид. Тайга, сопки, леса, пруд, тишина!

Вперёд вышел Колька. Глядя в небо, трижды перекрестился:

—Господи! Помоги зайти, найти и выйти! Аминь.

Колька был серьёзен.

Славка с Сашкой тоже на всякий случай перекрестились, глядя в небо.

—Так отец научил: когда в лес входишь—молиться. Помогало. Сейчас ещё раз проверим.

Пошли. Сердце у всех колотилось от волнения. Они впервые вот так, сами, в походе! Без взрослых! Никто не знает, где они! И хочется верить, что не узнают. А то шкуру-то спустят! Но победителей не судят!

После такого подготовительного этапа верилось, что они найдут золото!

И топали по тропинке. Она была малозаметная, но была.

Колька шёл первым. Поднял руку, потом стал смотреть в бинокль.

—Что там?—шёпотом спросил Сашка, он шёл вторым.

—Кажется, пасека.

—Уходим, пацаны, уходим. Быстро и тихо! Это пасека Ведьмака! Я его мёд ел. Мёд—вкусный, а он сам—страшный!—Славка зашептал через спину Сашки.

Колька кивнул. Стал осматривать окрестности и показал палкой направление движения. Нужно было спускаться резко к реке, без тропы. С гребня сопки вниз.

Славка шёл и тихо, вполголоса, говорил друзьям:

—Только тихо! Вниз покатимся—без воплей. Камни катятся. Сопки старые, наверное, такое бывает. Камнепад.

—Эх. Далеко катиться, пацаны!—Колька наклонился и осторожно смотрел вниз.

—А может, обойдём да где пониже и спустимся, а?—Сашке не хотелось спускаться здесь.

—Не получится, Саня, не получится,—Коля смотрел по-прежнему вниз.—Там, Саша, пасека. И мы её иначе не обойдём. Набитая тропа в поле зрения пасечника.

—Так, может, его там и нет!—Сашка упорствовал.

—А может, и есть! Но проверять не будем. Если боишься—возвращайся домой. Автобус через два часа пойдёт в город. Расписание сфотографировал.

—Я никуда не пойду! Домой сейчас не вернусь! Я вами!—Сашка даже ударил посохом о землю в подтверждение своих слов.

—Тогда—вниз!—Коля показал на обрыв, который скрывался за кустами.

Сашка подошёл к краю, держась за кусты и упираясь палкой в землю, чтобы не скатиться вниз.

— Может, как-то найдём другое место? — осторожно спросил Саня.

— Нá бинокль, внимательно смотри! — Коля передал ему бинокль. — Дальше — хуже. Либо здесь, либо домой вертайся. Можно через пасеку. Но тогда нас схватит пасечник. И тут или карту отберёт и пчёл-убийц натравит на нас, или к родителям отправит. Там родители убьют нас на месте. Выбирай!

— Да ну! — голос у Сашки был настороженный, недоверчивый.

От бинокля он не отрывался.

— Не веришь про пчёл? А ты на пасеку глянь.

Саша повернул бинокль в сторону ульев.

Колька повернулся к Славке и подмигнул: мол, давай поддерживай!

— Видишь один улей, он выделяется из всех?

— Красный, что ли? — Саша подвёл резкость у окуляров.

— Да.

— И что?

— А то, что на всех пасеках есть такой особый улей. Он предназначен для отпугивания медведей. Тот залезет на пасеку, а оттуда… Ж-ж-ж-ж-ж!!! — Колька изобразил рой. — Пчёлы-убийцы. У обычных — жала маленькие и яда мало, а эти могут медведя насмерть зажалить с десяти укусов. Человеку хватит двух. Так на всех пасеках, что в лесу стоят.

— Да ну! — Сашка по-прежнему не верит, но голос уже не такой уверенный.

— Так оно и есть, Сашок! — подключился Славка. — Мне дядя Паша говорил, но я как-то забыл. Не придал значения его словам. А сейчас Колька напомнил. Я мёд так себе ем. Могу ложку-две. Поэтому и забыл. Я тогда у него спросил: а почему так разрешают держать ульи с пчёлами-убийцами? А если кто случайно залезет, по незнанию?

— И что он сказал?

— Просто сказал. Для дураков, мол, которые в тайге набредут на пасеку, специально в красный цвет ульи такие со специальными пчёлами окрашивают. Мол, не влезай — убьёт. Ну, если убьёт, так вон с обрыва покойника в речку. И всё. Он и до Енисея не доплывёт — рыбы слопают до костей. Концы в воду.

Колька осторожно показал большой палец вверх. Мол, хорошо мы его разыграли.

Сашка оторвался от бинокля.

— Пацаны, а вы не врёте?

В глазах светилась надежда на то, что всё, что было рассказано, обернётся шуткой.

Но Славка с Колькой были серьёзны. Хотя Славку от внутреннего хохота распирало изнутри. Чтобы отвлечься и не прыснуть от смеха, он снял очки и начал их усиленно протирать, периодически глядя на свет, все ли пятнышки он вытер.

— Сашуля, а зачем нам врать? — голос у Кольки был вкрадчив.

Он не сознался во лжи.

— Ну, чтобы я полез с обрыва, — Сашка был неуверен.

— Ты и так полезешь как миленький. Осмотрел же местность, лучшего спуска не найдёшь. Только через пасеку, через распадок. А там — смерть, Сашок. Так что нет мне резона врать тебе, друг! — и потом уже более сухим голосом, не терпящим возражения: — Бинокль верни!

— А можно я с ним немного похожу, а?

— Можно, только пошли уже, а то мы с такими уговорами заночуем здесь. Пошли! Спустимся вниз — отдашь бинокль. А то как я, проводник — и без бинокля-то?! И ориентиры надо высматривать, которые на карте. Лет-то много прошло. Больше семидесяти. Они могли и измениться. Надеюсь, что ветер, вода не уничтожили их. А то так и вернёмся не солоно хлебавши, — посмотрел на Славку и Сашку, сплюнул. — Наберут в туристы по объявлению с улицы, а потом с ними мучайся! Пошли уже!

Коля поправил поясной солдатский ремень с жёлтой солдатской бляхой, со звездой посредине. Топорик в чехле, висевший у него сбоку, загнал на спину, чтобы не мешался, и решительно двинулся в сторону обрыва.

Крутой берег был каменистым, обильно поросшим кустарником. Коля сделал первый шаг. Перед собой упирал палку-посох, а левой рукой держался за куст.

— Значит, так. Я иду первым. Палкой сначала трогаете почву. Уверенно так трогаете. Если камень плохо сидит в гнезде, то он выскочит. Пусть так летит, чем под вашей ногой. И не след в след идём. Рядышком, уступом.

— А почему, Коля? — Славка не понимал.

— Если верхний сорвётся, то нижнего потянет. Мы же не альпинисты, связанные страховкой с кольями в скалах. Ну, всё! Двинули!

Коля решительно пошёл вниз. Потом Славка чуть правее, следом Сашка.

Идти было тяжело и страшно! Рюкзак ездил по спине, переваливаясь с боку на бок, стремясь сорвать хозяина вниз. Сразу стало жарко. Пот валил из-под головного убора, выедал глаза. Ладони сразу стали мокрыми от пота и раздавленных в руках листьев.

Славка пытался не отставать от Кольки. Тот шёл вниз широкими шагами. Сначала резко бил в землю палкой: если камень стоял на месте, то пару небольших ударов по бокам. Упирал палку и, отпустив ветку куста, делал шаг вниз. Потом приставлял левую ногу. И так снова и снова. У него так это ловко получалось, что не вызывало сомнения: он это не делал не впервой.

И за ветки Колька как-то держался уверенно. И не выскальзывали они у него из руки. И не перехватывал он судорожно, чтобы не свалиться с

этой кручи, ломая ноги и руки, в быструю речку. Бр-р-р! Славка иногда бросал быстрый взгляд на реку. Вода быстро неслась мимо них, иногда закручиваясь в небольшие водовороты. Жуть! Славка сильнее впивался в куст. И как это у Кольки так получается? И руки какие-то колючки не колют и не режут ладони!

Он обернулся на Сашку. Тому, казалось, ещё тяжелее. Большая масса тянула вниз, рюкзак как-то съехал набок. Сашка с трудом держался, балансируя на одной ноге, второй он размахивал в воздухе, не находя точку опоры, из-под правой ноги вниз катились мелкие камушки. Камень, на котором он стоял, шатался.

— Саня, уходи оттуда! Быстро!—Славка стал тыкать камни справа от себя, чтобы прийти на помощь Сане.

— Как уйти?—вид у него был испуган.

Пот катил по лицу ручьём, куртка на груди пропиталась по́том и стала чёрной.

— Оттолкнись назад и палку в сторону ткни—может, попадёшь в крепкий камень! Саня!—Славка отчаянно стал почти прыгать в сторону Сашки, идя на помощь.

Как назло, камни там попадались тоже непрочно сидящие. Там было много песка, нанесло ветром. Некогда было рассуждать.

Славка тыкал палкой; если камень шатался, то он вторым ударом отправлял его в реку. Потом прыгал на это место. Нога срывалась вниз. Хват за куст! Мама! Только бы ветка выдержала! Что-то кольнуло в ладонь. Инстинктивно ослабил хватку. И тут же рюкзак потащил вниз. Перехватился выше по кусту. Снова укололо. Было видно, что из зажатой ладони капает кровь на листья и на землю. Ох ты! Больно, страшно!

Сашка тем временем сумел вырваться из своего капкана, но попал точно в такой же. Нога заскользила по камню, тот вывернулся и полетел вниз. Только палка—крепкий посох—спасла Сашке жизнь. Он упёрся в каменистую почву и выкатил камень из его привычного крепления.

Приличный булыжник, с голову Славки, пронёсся рядом, увлекая за собой град мелких камушков, и с громким плюхом упал в воду.

— Держись, Саня! Держись! Я сейчас!—Славка перекидывался с камня на камень, был уже рядом.

— Держусь, Слава, но плохо!—у Сашки голос дрожал от страха, волнения и напряжения.

— Я сейчас! Сейчас!—выдавил из себя Славка.

Рот пересох. Водички бы глоточек! Ещё два шага! Всего два шага! Но куда? Куда?!

Всюду много песка. В нём сидят камни. Удар! Камень вылетает и катится вниз! Ещё раз в это место бьёт Славка. И ещё один мелкий камень вылетает. Так бы встал—и… привет родителям!

— Славка! Я больше не могу!—стонет Сашка.

— Терпи! Стой!

Славка, подгоняемый стоном Сашки, уже без разбора делает большой прыжок на место, откуда скатились камни. Нога соскальзывает по песку вниз.

Хватается за кустарник. И палку упирает вниз для упора, одновременно шарит ступнёй, ища точку опоры в песчаном грунте, забивая носок ботинка глубже в землю.

Рюкзак по инерции толкнул его вниз, он пошатнулся, чуть переставил палку вниз. Упёрся! Удержался!

Осторожно опустил ветку куста. Пошевелил носками ботинок: надёжно ли стоит? Надёжно! Уф!

Рукавом отёр пот со лба.

— Всё, Саша! Всё. Ставь сюда палку!—он показал место чуть выше своего плеча.

Сам потрогал, подёргал камень.

— Прочно сидит. Не бойся. Вставай сюда, потом вместе пойдём.

— Точно прочный?—Сашка дважды ткнул камень посохом, тот не шевельнулся.

— Точно. Не боись! Шагай! Потом за меня левой рукой ухватись! Я прочно стою.

— Ой!

Сашка сделал широкий шаг, остановился и схватился за Славку. Обоих потянуло вниз, но устояли мальчишки! Устояли! Выровнялись. Посмотрели друг на друга. Славка стоял ниже. И рассмеялись.

Они были счастливы. Не сговариваясь, каждый вытер пол со лба снова рукавом.

— Пошли, Саша! Я первым, а ты след в след.

— Так Колька же сказал, чтобы не друг за другом!

— Так мы и уступом пойдём. Если один сорвётся вниз, то пролетит мимо. Я точно не захвачу тебя в полёт, я же ниже. Ну а ты, если решишь искупаться, то мимо пронесёшься!

— Не хочу я купаться!—Сашка испуганно замотал головой.

— Никто не хочет! Вот помыться не помешает! Ну что, не спеша пошли?

— Давай!—Сашка сделал глубокий вдох и задержал дыхание, как перед прыжком в воду.

— Руку с рюкзака убери, а то не получится!—Славка аккуратно снял с рюкзака Сашкину руку.

Тот полусидел, опираясь на Славкин рюкзак. Затем встал в полный рост.

Славка почти прыгнул в свой старый след. Встал, устоял.

— Давай спускайся туда, где я был только что. Потом я перейду, и ты следом. Туда, где я был,—Славка махнул рукой, в каком направлении следовало двигаться.

С ладони слетело несколько капелек крови.

— Ой! А что у тебя с рукой? Порезал?—Сашка опять разволновался.

— Порезал. Наколол о колючки.

Покрутил перед глазами ладонью. Она была чёрная от грязи и запёкшейся крови.

— Перебинтовать надо!
— Спустимся — в речке промоем и забинтуем! Пошли!
— Эй! Вы скоро там?

Колька, до этого времени молча наблюдавший за приключениями друзей, подал голос. Потом продолжил:
— Здесь, на склоне, ни палатку не разбить, ни ужина не сварить, надо топать дальше. Да и вверх, назад, не поднимемся без снаряжения. Шевелитесь, пацаны. Помочь, может?
— Да нет. Уж сами поскачем! Тебе-то хорошо! Как горный макак, скачешь, а мы так не умеем.
— Ничего. Научитесь! Давайте, я жду. Отрываться не буду от вас далеко.

Колька потыкал палкой и уверенно прыгнул на новое место.
— Идите в мою сторону, по моим следам. Их хорошо видно!
— Хорошо ему говорить! Привык по своим косогорам прыгать! — ворчал Славка, выбирая место для нового шага с прицелом, чтобы попасть в Колькины следы.

Вышли постепенно, через пять шагов-полупрыжков, из зоны песчаника. Теперь дело пошло веселее. Камни не шатались. Прочно сидели на своём месте.

Шаг за шагом, прыжок за прыжком Славка с Сашкой приближались к Кольке. Тот не спешил спускаться вниз, ждал друзей.

И вот до земли оставалось не более трёх метров. Там узкая полоска берега, по ней можно идти вверх по реке, не боясь, что сверху тебя кто-то увидит.
— Вы можете побыстрее? — Колька посмотрел на часы. — Мы уже час пятнадцать как дошли до деревни, а всё ещё не начали двигаться. Всё болтаем и болтаем! Спуститься не можем! Это только в начале пути, а как по болоту пойдём? «Путёвки» надо было на месяцы выписывать, а не на десять дней! Как две бабки старые с клюками, спуститься не могут по склону! Спускаться — не подниматься! Как будете подниматься потом? Вертолёта рядом нет, и джипа с лебёдкой тоже!

Колька изобразил, как будто он карабкается по склону. Потешно приседал, «скрёб когтями» по воздуху, чесал, как обезьяна, свой бок, переваливался с ноги на ногу, как горилла. И махал руками.

Сашка и Славка злились, но упорно спускались.
— Выискался гамадрил!
— Ага! Он этим с рождения занимался. То по горам, то по деревьям то лазил, то скакал!
— Колян-обезьян! — громко крикнул Сашка.
— Кто первым обзывается — тот так и называется! — поддержал его Славка.

Это только раззадорило Кольку, и он ещё больше начал приплясывать на месте, изображая то обезьяну, то скрюченную бабку, держащуюся за поясницу и опирающуюся на палку, при этом очень убедительно кряхтел и стонал при каждом движении.

Все уже забыли про злобного и опасного пасечника деда Епифана — Ведьмака, настолько были увлечены желанием наказать Кольку за его обзывательства.
— Бабками старыми нас назвал! — пыхтел Славка, примериваясь, как удобнее перескочить на очередной камень.

Теперь дело пошло быстрее, когда они встали на путь, которым прошёл Николай. Чётко были видны следы, где он прошёл. И ребята безбоязненно туда прыгали, только шаг-прыжок у Кольки был широк, боязно как-то вот так прыгать с камня на камень. Далеко. Да и рюкзак всё норовит тебя сбросить вниз.

Колька тем временем, продолжая кривляться, спустился на пару камней вниз. До берега оставалось немного. И Коля снова продолжил своё представление. Но недолго…

При очередном пассаже он стоял спиной к реке, и камень вывернулся из-под ноги и покатился вниз. Колька, широко размахивая руками, полетел спиной вперёд вниз в воду.
— А-а-а! — закричал Колька.
— Сашка! — только успел крикнуть Славка.

К чёрту осторожность! Славка, упирая палку между ног, упал специально на спину и заскользил вниз. Ветки кустов хлестали по лицу, какие-то камни, которые Славка задевал при спуске, с задержкой катились вслед, иногда обгоняя, иногда ударялись о рюкзак и перескакивали через голову, пара прилетела в голову. Славка лишь досадливо потёр место удара. Выросла небольшая шишка на голове.

С грохотом Сашка последовал примеру Славы и тоже покатился вниз.

Колька тем временем плыл на спине, увлекаемый течением, беспомощно махая в воде руками.

Славке и Сашке казалось, что они очень долго спускались. Время растянулось. На самом деле они скатились за две секунды.
— Славка! Что делать?! Что делать?! Плыть?!

Сашка сбрасывал рюкзак. Застёжку на груди заело, замок не хотел расстёгиваться.
— Саня! У тебя верёвка! Давай её! — Славка быстро скинул свой рюкзак на берег. — Саня! Быстро!
— Сейчас! — тот по-прежнему не мог справиться с замком.

Славка бросился к нему.
— Рви! Рви его! — Славка орал, подбегая к Сашке.

Сашка своими могучими руками дёрнул за ремень, опоясывавший грудь. Пластиковый замок разлетелся на куски. Он сбросил рюкзак на землю, стал дёргать верёвку, которую приторочил к нему Колька перед походом.
— Не лезет! — Сашка готов был расплакаться от злости.

— Сейчас! Она привязана. Не дёргай!
— А как?! — Сашка пытался развязать узел, крепящий альпинистскую верёвку к рюкзаку.
— Не дёргай! — Славка орал на Сашку. — Это — «скользящий» узел! Чем больше дёргаешь, тем сильнее его затягиваешь!
— На! Сам распутывай! — Сашка бросил тяжёлый рюкзак навстречу Славке.

Славка грудью поймал и уронил рюкзак на землю.
— Вот! Гляди! Так надо! — он растянул узел.

Они бросились вдвоём к реке. Кольку уже отнесло метров на пятнадцать вниз по течению. Он справился с застёжкой рюкзака на груди, освободил правую руку и, накинув рюкзак на левую руку, пытался выгрести к берегу.

Было видно, что намокшая обувь, одежда, рюкзак с приторoченной палаткой тянут его вниз.

Колька боролся с течением, с тяжестью мокрой обуви, одежды и рюкзака.

Он стал часто уходить под воду, выныривал, выплёвывал воду и пытался выгрести. Течение его сносило ещё дальше.
— Коля! Бросай рюкзак!
— Бросай его к чёртовой матери!
— Брось!

Славка и Сашка бежали по срезу воды, ломая кусты.
— Только в воду не упади! Тут глубина большая! А я плаваю не очень! Только по-собачьи! — пыхтел сзади Сашка.
— Сам не свались! Я тебя не достану! Один не вытяну! Сначала Колю! Потом тони, мы вдвоём добудем тебя! Поднажми!

Славка сделал рывок вперёд. Бок справа заболел резко, скручивая пополам, дыхание сбилось, рот внезапно забился вязкой слюной, нос забила слизь.

Он сплёвывал то, что было во рту. Это всё висело в углу рта, от встречного потока воздуха растягивалось до уха и болталось где-то в районе плеча.

Сил бежать уже не было. Хотелось упасть прямо сейчас на каменистый берег, посыпанный редким песком, и чтобы холодная вода омывала твой левый бок, а потом перевернуться на спину, чтобы охладить правый бок, и смотреть в голубое небо, по которому проплывали редкие облака.

Но что он скажет родителям Кольки?! Что?! Что тот утонул на его глазах? И Славка не смог добежать до него? Не доплыть, а не смог добежать и не смог помочь товарищу из-за того, что бок у него заколол?!

На уроках физкультуры разрешалось, если заболел бок справа, сойти с дистанции и потом снова пробежать. Но сейчас нет физрука с секундомером. Нет группы поддержки, которые орут во всё горло: «Славка! Давай! Жми!.. Ты можешь!.. Вперёд, Славян!.. Поднажми, друг! Ты можешь! Поднажми!.. Не будь сопляком! Дави!» И Славка бежал короткую дистанцию в шестьдесят метров, опережая более резвых и спортивных товарищей. Тогда он понял, да и отец учил, что многое зависит от силы воли, от силы духа, от желания победить!

Но это там! Это дома! А это здесь и сейчас! Тайга! Нет никого!

У Славки билась только одна мысль: «Что я скажу родителям моим и Кольки?! Что я скажу?! Что?! Колька! Держись!»

Сил кричать не было. Славка почти не дышал. Сашка из-за избыточного веса давно отстал от Славки.

Почти теряя сознание, Славка скинул с плеча тяжеленный моток верёвки, развязал его. Колька связал его узлом, чтобы тот не разматывался. Для груза привязал свою палку-посох. Уложил кольцом бухту верёвки на берегу.

Славка понимал, что времени мало. До Кольки было метров пять, и расстояние увеличивалось. Колька сбросил рюкзак и уже просто пытался выгрести. Но у него это плохо получалось. Он всё больше времени проводил под водой. Казалось, что очередное его погружение в воду будет последним, он уже не так высоко выныривал, только, выныривая, показывал лицо, держался на воде, а потом уходил под воду.

Славка мгновенно просчитал в голове, где примерно вынырнет Колька в следующий раз, широко размахнулся, складываясь пополам, чтобы как можно дальше послать большую палку, с привязанной верёвкой, запустил её в сторону Кольки.

Кидал так, чтобы она упала впереди Коли.

Он понимал, что в случае неудачи придётся хватать тяжеленный моток верёвки и бежать вперёд, а сил для рывка уже не было. Один шанс на миллион! Только один раз! Коля! Держись, друг! Держись! Не погибай! Не тони! Коля!!! Что я скажу твоим родителям?! К чертям собачьим всё золото! Коля, живи! Коля! Мы найдём это золото! Я отдам тебе всю свою долю! Коля! Всё золото мира не стоит того, чтобы ты сейчас утонул! Коля! Держись, брат!

Палка взмыла сначала вверх. Под действием тяжёлой верёвки она стала резко снижаться и плюхнулась в воду. Колька в этот момент был под водой.

Палка с верёвкой упала раньше, чем рассчитывал Славка. Он тут же начал сбрасывать кольца верёвки в воду, стравливая вниз по течению.

Показалась голова Кольки над водой.
— Коля! Хватай палку! Там верёвка! Мы тебя втянем! Хватай!

Рот был забит вязкой слюной после бега. Она летела при каждом звуке. Лёгкие ещё не успокоились после бега, не выдавали нужное количество воздуха.

Славке казалось, что он орёт на всю тайгу, но было плохо слышно. Но Коля как-то понял, что хочет друг.

Он вынырнул ниже по течению от палки, но из последних сил рванулся к палке. Это был его единственный и последний шанс выжить. На второй шанс сил у Николая не было. Только рывок! Один рывок! Последний рывок!

Колька из последних сил рванулся вверх против течения, так рыба идёт против течения, выпрыгивая высоко вверх.

Он почти ухватился за Славкин посох, но не хватило нескольких сантиметров. Он почувствовал шершавую неровность коры палки, но пальцы схватили только воду.

Славка кидал верёвку в воду, удлиняя длину верёвки, что была в воде. Топая, как слон, подбежал Сашка. Он с ходу начал помогать Славке.

Колька снова рванулся вверх, гребя сажёнками против течения; было видно, что ему тяжело. Силы уже не было, и держится он только на стремлении выжить.

Славка с Сашкой бросали в воду верёвку. Понимали, что нужно действовать быстро и с умом, иначе верёвка запутается и станет одним большим бесполезным куском непонятно чего.

Колька пальцами нащупал палку, схватил её. Потом схватился второй рукой.

Верёвка стала разматываться с бешеной скоростью сама под действием Колькиного тела, увлекаемого течением.

— Сашка! Ставь ногу в центр верёвки! — просипел Славка.

Сашка топнул, поставив ногу в центр бухты.

— Вторую ногу на верёвку! — Славка сипел, хватая верёвку, которая стремительно уходила в воду.

Сашкина нога зафиксировала верёвку, Славка начала тянуть её на себя. Сашка тоже, не сходя с места, начал помогать. Медленно, но стали выбирать верёвку на себя, подтягивая Кольку к берегу.

Каждый тянул как мог. Славка стоял на обрезе берега, почти в воде, вытягивая верёвку. Сашка тоже пыхтел.

— Слава, зачем я стою в центре кольца из верёвки?

— Если сорвётся верёвка, она будет разматываться быстро. Можем не успеть схватить конец.

— А так?

— А так верёвка завяжется вокруг твоей ноги, — Славка сопел, тужился, вытаскивая Кольку.

— Так я же в воду свалюсь! — Сашка возмутился, чуть не бросил верёвку.

— Саня! Твоя масса больше чем у Кольки, и ты устоишь, а меня утянет следом.

— Это намёк, что я толстый?

— Это намёк, что ты сейчас обладаешь якорным преимуществом. И без тебя я Кольку в одиночку не спасу. Ты — главный якорь. Как на корабле. Давай тяни!

— Тяну! Но что-то плохо получается у нас с тобой. Тянем, но как-то слабо.

— У Кольки тоже сил не осталось.

— Давай рывками одновременно.

— Давай! И — раз! И — два! И — три! Разом! И — раз! И — два!

Так дело пошло веселее. Верёвка стала большими порциями вытягиваться на берег.

Показался Колька. Он держался обеими руками за палку. И только рывки Славки и Сашки не позволяли ему погружаться в воду. Было видно, что сил у него нет. Он уже не работал ногами, они просто болтались.

Подтянули к берегу Кольку. Бросились по колено в воду, подняли его за руки, вытащили на берег.

Колька лежал вниз лицом. И было непонятно, жив он или нет. Он просто лежал на берегу без движения, весь обмякший.

— Надо искусственное дыхание делать, — Славка стоял рядом с недвижимым телом. — Ты умеешь?

— Нет.

— Я тоже. Только в кино.

— И как?

— Надо сначала воду из него выгнать. Ставь колено и помоги, мы на него Кольку положим.

— А почему моё?

— Оно у тебя большое! Саня! Коля сейчас помрёт, а ты, как попугай, заладил, что ты толстый! У тебя самое широкое колено. Самое большое. И мне плевать, из-за природы или из-за жира!!! Оно сейчас нужно! Ставь! — Славка орал от страха, от возбуждения, оттого что Кольку могут не спасти.

Вдвоём они затащили Кольку на согнутую ногу Сашки. Тот повис на животе. Руки болтались, касаясь земли.

— И что теперь?

— Надо давить, чтобы выжать воду из него.

— Может, выкручивать надо? Как мама бельё?

— Кх-кх, — послышался голос Кольки. — Не надо меня выкручивать!

— Живой? — Славка радостно подскочил к Кольке, поднял обеими руками его голову. — Как ты?

— Кх-кх! Нормально. Помогите встать!

Сашка со Славкой помогли Николаю подняться на ноги. Вода бежала с него ручьями.

— Сам стоять можешь?

— Могу, — он стоял самостоятельно, немного пошатываясь.

— И как ты?

— Я очнулся у Сашки на колене. Ну, думаю, сейчас вы меня пороть будете за то, что я рюкзак с палаткой утопил. Так меня дед в детстве порол, когда ведро с парным молоком разлил. Ох и всыпал же мне он тогда!

Колька потёр зад при таком воспоминании.

Колька сплёвывал воду. Он посмотрел на воду.

— Получается, что вы мне жизнь спасли?

— Получается, что так. Но и если бы другой свалился, ты бы тоже спас нам жизнь. Так ведь?

— Конечно, так. Мы же друзья. Я теперь всю жизнь об этом буду помнить.

— Что делать-то будем? Домой потопаем? — Сашка с тревогой смотрел на друзей.
— Я могу идти дальше. Только обсохнуть надо, — Колька смотрел в небо, как будто видел его впервые. — Небо-то, оказывается, такое красивое! Я раньше не замечал!

Колька с трудом снял куртку и начал выкручивать её. Потом снял сапоги и стал выливать воду из них, попутно общался с друзьями.
— А как же без палатки?
— Смотрите сами. Топор у меня на месте. Он хоть и тянул меня вниз, но я подумал, что расстегнул ремень в последний момент, — Коля тронул ногой чехол, в котором хранился топор.
— А как же палатка?
— Палатка? Можно шалаш поставить, можно навес установить. Вот то, что спальник ушёл под воду, много продуктов, вся аптечка — вот это плохо. Славка, что у тебя с рукой?
— А-а-а! — Славка махнул, с руки по-прежнему капала кровь. — Сначала колючками, а потом уже и верёвкой разодрал.
— Надо подорожник приложить. Верное дело от ран и загнивания. Иди промой руку в реке, — Колька ещё был слаб, но уже начал действовать.

Славка пошёл, опустил пораненную ладонь в воду.
— Держи, держи руку в воде. Вода холодная, она и кровь остановит, и рану промоет.

Колька тем временем пошёл к кустам. Что-то там внимательно рассматривал, потом стал двумя руками срывать что-то малозаметное и скатывать в шарик.
— Сашка, посмотри подорожник!
— А это что?
— Трава такая с округлыми листьями.
— Я не знаю такую.
— Ладно. Сейчас покажу. Я перед полётом видел.

Колька подошёл к Сашке показал подорожник, сорвал, прополоскал в воде.
— Теперь понял?
— Понял. А для чего он?
— Кровь останавливает, опухоли снимает хорошо. Например, укусы пчёл: жало вытащил пчелиное и прикладывай. Можно измельчить. Можно до кашицы измельчить. Пожевал и сплюнь в рану. Сок только не глотай. Горький очень, и не знаю, как он на кишки действует. Как на мазях пишут, «для наружного применения». Так и осиные укусы лечить можно. Хорошая трава. Славка! Хватит мыть руку. Вытирай и топай сюда! Кровь ещё идёт?
— Немного.
— Сейчас законопатим твои дырки. Главное, чтобы нагноения не было. Но это тоже поправимо. Или ромашку найдём, или пихту. Много чего в лесу полезного есть. Аптека целая. И бесплатная. Главное, знать, где, что и отчего.

Славка подошёл, протянул руку:
— На. Конопать!

Колька достал несколько шариков из кучи ниток. Тоненьких. Бело-серого цвета.
— Это что? — Славка хотел убрать руку.
— Не бойся. Паутина. Да не дёргайся. Пауков там нет. Очень полезное насекомое. Уничтожает мух и комаров.
— Фу! Какая гадость! — Славка скривил лицо. — А ты уверен, что вот так паутина поможет?
— Были бы на болоте, то собрали бы белый мох. Его промыть — и он как вата с антибиотиком.

Колька аккуратно приложил комочки паутины к проколам и порезам на Славкиной ладони.

Сверху пристроил листья подорожника. Полез в карман, достал весь промокший носовой платок.
— Он чистый? — подозрительно спросил Славка.
— Конечно! Всего две недели таскал с собой, — Колька разорвал его на две половинки.
— Да? Он грязный! От инфекции помру твоей! Ты сопли вытирал, а мне на рану!
— Шучу я. Чистый в поход взял. Ну намок немного. Высохнет у тебя на руке.

Порванный платок связал, получилась длинная полоска ткани, как бинт с узлом посерёдке. Потом забинтовал руку.
— Как?
— Вроде нормально, — Славка покрутил кистью.
— До свадьбы заживёт!
— Хотелось бы раньше! Я вообще жениться не собираюсь!
— Почему?
— Пираты не женятся! У них в каждом порту по девушке!
— Ладно. Пора двигаться. Или домой? — Колька снова смотрел на небо. — Какое оно всё-таки красивое! И дышится так вкусно! Как я раньше этого не замечал?!
— Нормально дышится! Как всегда! — Сашка несколько раз глубоко вздохнул.
— Нет, Шура! Всё иначе. Поверь! Эх, рюкзак жалко!

Колька потёр себе плечи.
— Холодно. Очень.
— Что делать будем, Коля? Ты сможешь идти дальше? Или домой?
— Нормально всё! Надо просушиться! Пошли в лес! Там костёр хороший разведём.
— Ну, пошли! Только верёвку надо забрать!

Славка с Сашкой стали сматывать верёвку. Она намокла, стала тяжёлой. Она запутывалась. Они её смотали в один большой комок.
— Ну, давай, Саня, рюкзак свой. Мы его прикрепим.
— А почему снова я? Я её сюда тащил. Это тяжело. А ты, Славка, не нёс. Так нечестно!
— Саша, ты из нас — самый здоровый. Вот поэтому тебе и тащить. Верёвка высохнет — мы её на Кольку наденем. Хоть весь твой рюкзак. Он теперь как налегке будет ходить. Турист! Можешь даже

в рюкзак залезть, а мы его на Кольку поставим. Чтобы больше не кривлялся и не обзывался!
— Даже не знаю. Может, ему ничего отдавать не надо? А то утопит всё! — Сашка сделал озабоченное лицо.
— Мне холодно! — Колька уже тёр себя. — Бежать надо!
— Куда?
— В тайгу! — Колька показал в сторону леса.
— Только вылез, а уже командует!
— Бегом!
И Колька рванул вперёд.
— Ему хорошо. Он налегке. Попробовал бы с рюкзаком, который больше тебя весит!
Колька без поклажи бежал легко, только было видно, что в мокрых сапогах бежать неудобно.
Мальчишки припустили за ним.
Колька удалялся быстро. Вот уже и от берега отходила тропа вверх, в лес.
Когда добежали до леса, услышали треск веток. Это Колька рубил сухие ветки на деревьях и стаскивал на небольшую полянку.
— Спички! — губы у Кольки были синими и тряслись.
Сашка достал из нагрудного кармана спички в полиэтиленовом пакете. Бросил. Колька подобрал, трясущимися руками стал поджигать. Вода с рукавов капала и заливала огонь.
— Давай я сам! — Сашка сбросил рюкзак и подбежал к Кольке, забрал спички.
Зажёг спичку и поднёс огонь к основанию костра, там была береста.
Славка скинул свой рюкзак и стал в нём копаться. Достал спальный мешок, бросил на землю.
— Раздевайся! И лезь в мешок! Не хватало ещё, чтобы ты заболел. Что мы тут, в лесу, будем с тобой больным делать? Мы же не знаем, как тебя лечить.
Кольку уже начинало колотить от холода. Уже не губы были синими, а зубы выбивали неровную дробь.
— Ч-ч-чаю! — сумел он выдавить из себя.
— Сейчас!
Сашка и Славка начали помогать раздеваться другу. Достали полотенца и начали растирать.
— Три!
— Тру!
— Ты воду вытирай, а потом три одно место, например, лопатку, так, чтобы она стала красной, потом к другой переходи!
— В-в-вы мне т-т-так шкуру с-с-сотрёте! — выдавил из себя Колька. — Чаю!
Его упаковали в спальный мешок, который нёс Славка. Надели запасные шерстяные носки.
Парни бросились добывать ещё ветки для костра. Славка побежал к большой, залитой солнцем поляне. Он ещё успел подумать, отчего они там не разбили лагерь, как Колька заорал:
— Стой!
Славка по инерции пробежал два метра, потом обхватил дерево, чтобы остановиться. Обернулся к Кольке:
— Т-т-ты ч-ч-чего орёшь?! П-п-пугаешь!
— Не ходи туда! — Колька почти вылез из мешка.
— Почему? — Славка был в недоумении.
— Присядь! И издалека посмотри на траву. Только не подходи. И руками ничего не трогай! Только палкой!
— Там что, змеи? — Сашка подпрыгнул на месте, глядя себе под ноги.
— Хуже! — голос Кольки был мрачен.
Славка присел и начал осматривать траву на поляне.
— Чего там? — голос у Сашки был напряжён.
— Жуки, пауки какие-то. Почти на каждой травинке сидят! — ответил Славка, не отрываясь от наблюдения.
— Подумаешь! Жуки! Пауки! Мы же не девчонки, чтобы жуков бояться!
— Это клещи! — Колька был серьёзен. — Сейчас пик их активности.
— Ой! — Славка вскочил, отскочил, отряхивая с себя невидимых клещей и приплясывая на месте. — Тьфу! Сразу не мог сказать, Колька!
— Я тебе говорил, чтобы не ходил! Только ты же мне не поверил!
— Сказал бы сразу, что клещи, я бы и не пошёл!
— Ты бы не знал, сколько их там.
— Славка, там много? — голос Сашки был испуган.
— Миллионы!
— Бр-р-р-р-р! — Сашка отряхнул невидимых насекомых с себя.
— Дрова собирай! — Славка начал махать Колькиным топором, срубая сухие ветки.
Сашка собирал ветки и подкидывал в костёр. Огонь жадно поглощал сухие тонкие ветки.
Славка срубил тонкую сухую берёзу, стал её рубить. Потом с Сашкой отнесли к костру. Налили в котелок воды из фляжек, поставили на огонь.
Вскипятили воду, налили в металлические кружки, положили по пакетику чаю, стали пить.
Колька пил, грея руки о горячий металл. Постепенно лицо стало розоветь.
Сашка стал мастерить сушку для одежды Коли.
— Ты только над костром не развешивай — сгорит. Сбоку.
Мальчики стали обращать внимание на то, что поначалу им не мешало. Просто они не замечали раньше.
Это комары!
Они атаковали мальчишек. Славка и Сашка сначала махали, шлёпали их на себе, размазывая по щекам и шее. Потом надели капюшоны, затянули завязки. Но всё равно комары проникали, атаковали, противно жужжали.
— Колька! Где мазь, гель, пшикалки от комаров? — Сашка размахивал руками.

— Рыбы брызгаются от комаров,—Колька был мрачен.
— И что теперь?—Славка тоже махал сорванной веткой.
— Да чего вы машете, как вентиляторы? Это всего лишь комары, да их и немного. Была бы мошка, тогда бы—труба!
— И как нам спастись, утопитель средств от комаров?
— Самый простой способ—это натереть открытые участки кожи грязью. Для усиления эффекта растереть, смешать с черемшой.
— А где черемшу взять?
— Где, где! На базаре!—Колька психанул.—Вон, в низине. Она уже отцвела. Для еды непригодна, корни через пару месяцев можно на зиму заготавливать. А сейчас листья хорошо размять и натереться. Если уж будут совсем невтерпёж, можно и дёготь выгнать. Увидите полынь—натирайтесь. Из корней сварим отвар, и умоетесь. Что вы орёте, как бабы на базаре? Ну комары, и что? Дальше в лес—больше комаров и мошкары. Прадед рассказывал, что японцы пленных просто раздевали догола и на ночь привязывали в тайге. Утром их находили мёртвыми.
— Они что, всю кровь высасывали?—Сашка был в ужасе.
— Не знаю,—Колька был озадачен.—Я не спрашивал у деда Коли. Он сказал, что пленные умирали. А отчего, не знаю.

Славка с Сашкой активно натирались грязью и листьями черемши.

Сашка натёрся. Только белки́ глаз сверкали и зубы.
— Ха! Я теперь как Рэмбо! Ки-ийя!—Сашка сделал несколько выпадов из карате.
— Как негр ты выглядишь,—Славка был мрачен.

Он всегда был чистоплотным, папа-майор приучил. И поэтому Славке очень не нравилось быть обмазанным грязью. Понюхал руки.
— Фу! Не просто негр, а дурно пахнущий. Вонючий негр с помойки!
— Нет! Я—Рэмбо!—Сашка яростно махал руками.
— Сильно не маши!—заметил Колька.—Вспотеешь—грязь смоется. А комары очень любят пот. Для них это… Это как кусок жареного мяса для тебя!
— О! Только не говори про отбивные!—Сашка застонал.
— Колян, а почему тебя комары не грызут?—Славка был возмущён.—Мы тут бегаем, потеем, а он сидит, тихо греется в моём спальнике. И мокрый. Как спать буду? В воде? И ещё издевается!
— Наверное, я просто толстокожий. Часто ходил в тайгу. Вот и привыкли друг к другу. Я к комарам, а комары ко мне. Они меня уже пробовали. А тут двое молодых, свеженьких, городских, сладкая кровь!
— Славка! Сфотографируй меня!

Сашка включил свой смартфон и передал Славе. И начал активно корчить из себя крутого спецназовца, принимая наиболее, на его взгляд, агрессивные позы.
— Смотри, батарею посадишь, где заряжать будешь?—Колька внимательно наблюдал за друзьями.
— Там большая батарея! Надолго хватит!—Сашка был увлечён новой игрой.—А ты свой телефон утопил?
— Я его не брал с собой,—Колька отрицательно покачал головой.—Родителям же сказал: мол, в лагере связи не будет,—так зачем он мне нужен? И хорошо, что не взял, а то бы пришлось новый покупать. А сейчас… А сейчас нет денег у родителей. Сестрёнке надо много что покупать, да и меня в школу собирать. Из формы школьной вырос. Мама покупала с запасом, подшивала, а потом распускала постепенно. Рукава только болтались. Но не страшно было. А в этом году—растраты.

Колька задумался. Потом продолжил:
— Об одной вещи сожалею, что утопил.
— И какая?
— Магнит у меня был классный от какого-то динамика-громкоговорителя. Большой, мощный. Круглый. Как бублик, с дыркой посередине.
— И зачем магнит в тайге?
— А если самолёт в болоте лежит? Как мы узнаем, что он там? Нырять для разведки? Вот я и придумал. Магнит на моток крепкой лески. Она у нас для щуки была припасена. И кидай. Если магнитит, прилип, то тогда там наш самолётик. Наше золото. А так… Вот сижу, голову ломаю.
— Не думаю, Коля, что он в болоте. Как бы лётчик указал место на карте?
— Он указал два самолёта. Один с вопросительным знаком. Значит, не уверен точно, где он лежит. Выпрыгнул с парашютом, а потом по памяти нарисовал. Здесь или там. Упал бы с самолётом—не выжил бы. А так—катапультировался.
— Не было в то время катапульт!
— Ну ладно, вывалился из самолёта! Если грузовой, я в кино видел, значит, через дверь. И потом запомнил, в какую сторону тот упал. Может, его ветром крутило. Вот он и два нарисовал. Они вроде как не очень далеко друг от друга находятся. Один-то, тот, что с вопросительным знаком, точно в болоте, в пади, а второй в распадке между сопками. С ним могли ещё люди прыгать, но не выжили. Зима, тайга, мороз, ветер. Просто чудо, что дотопал.
— Сколько, по твоим меркам, километров до первого самолёта? А, Коля?
— Думаю, по прямой недалеко, километров двадцать. Но это по карте. Лётчик шёл по замёрзшей реке, А нам нужно переправляться с берега на берег. А потом назад. Снова на этот берег.

— А нельзя спрямить? Вот просто идти по этому берегу?

— Не получится. Я по карте смотрел. Там скалы прямо в воду уходят, а обходить их… Там по болоту. Я этих мест не знаю. Да и крюк приличный получается, километров в десять по тайге. Ничего хорошего. Нам три участка по болоту шлёпать. А вот там гнуса будет много. Так что привыкайте грязью мазаться. Где отвалится — добавьте «штукатурки».

Сашка было притих, слушая Кольку. Потом возобновил каратистские выпады.

С ветки заверещала птица и с шумом, продолжая противно кричать, взмыла вверх. Вслед за ней стали другие птицы шуметь.

— У, мерзкая! — Колька проводил первую птицу взглядом.

— Это кто?

— Это сойка. Часовой тайги, как сороки, голуби лесные.

— Какие же они часовые?

— Кто чужой в тайге появляется, они шумят, кричат. Зверей предупреждают, что незваные гости появились. В лесу всё продумано. Всё в равновесии находится.

— А ты охотился?

— Охотился, — Коля кивнул.

Сашке стало интересно. Он подвинулся ближе.

— А зверей тебе не жалко было?

— Жалко, — Коля кивнул головой. — А что делать?

— Как что?! Не охотиться!

— Тебе, Саша, этого не понять. Что такое голод. Мама сестру родила, ушла в декретный отпуск. Мироед у нас был в деревне…

— Кто-кто?

— Мироед. Считай, что вампир. Кровь у всех пил. Прикидывался крутым фермером, скупил у всех по дешёвке паи земли. Потом нанял обрабатывать эту землю. Золотые горы сулил всем. А потом… Потом и технику продал, убежал куда-то, и денег не заплатил никому. Вот так и батя без работы и денег остался. А мамке молоко нужно, сестру кормить. Коровы у нас не было к тому времени. К рождению сестры надо было дом отремонтировать. Вот… — помолчал Коля, было видно, что тяжело ему вспоминать. — Год выдался неурожайный. Все огороды смыло. Все засолки с прошлого года съели. Новых нет… Сестра кричит. Ей кушать хочется. Она болеет и хочет есть!!! Она кричит! Она так кричит! Я засовывал пальцы в уши, зажимал ладонями уши, но я всё слышу! Мама плачет. Нет молока! Нет еды! Нет молока! Я открывал раму и брал вату…

— Чего? Вата за окном?

— В деревне нет стеклопакетов. Обычные деревянные рамы. Между ними укладывают вату.

— Чтобы не дуло?

— И это тоже. А также впитывает воду, и стёкла не запотевают и зимой не так замерзают. Можно долго свет не включать дома, электричество экономить. Это понятно?

— Понятно.

— Вот эту вату в уши я и пихал и руками закрывал. А Маша кричит! Тут не только на охоту пойдёшь! Я хотел поехать в город и продать свою почку!

— Хотел продать почку?

— Да! Старшие пацаны рассказывали, что большие деньги в городе дают за почку. Когда семь километров идёшь в школу, о многом поговоришь!

— Семь километров в школу?!

— В нашей деревне закрыли школу. Денег нет держать школу. Вот у нас закрыли, а нас в другую перевели, в соседнюю деревню. Сначала возили на автобусе. А потом чиновники сказали, что автобус старый и нельзя детей возить. Опасно. А топать круглый год по дороге — это не опасно! И зимой в минус сорок градусов, и весной, и осенью в дождь и слякоть. И мимо тайги идёшь. И зимой темнеет рано!

— Обалдеть!

— Что ты знаешь?! Это в городе любимое словечко — «балдёж»! Это опьянение у домашней скотины!

— Вы что, в деревне скотину водкой поите?

— Никто не поит их! Вот, допустим, про такую траву люцерну слышали?

— Не-а! Траву такую не слышал. Город в Швейцарии есть такой, Люцерн. Красивый. Маме очень нравится, — Сашка покачал головой.

— Я про траву. Она, когда цветёт жёлтым цветом, очень красива и пахнет очень вкусно, приятно. Вот тогда коров нельзя там пасти. Они пьянеют. Вот так мы и не поймём друг друга. Ты про город в Швейцарии, а я про корм для коров. Ваша поездка стоила, наверное, как половина всей нашей деревни!

— Я не знаю, — Сашка пожал плечами. — Родители платили.

— И вот мы с отцом пошли на охоту браконьерами. Охотничьего билета нет. Лицензии нет.

— А оружие откуда?

— Не твоё дело. В деревне почти в каждом доме есть оружие. От дедов осталось, от отцов… А откуда деньги лицензию покупать?!

— И что? Убили кого-нибудь?

— Взяли… — Колька помолчал. — Свинью с выводком.

— Какую свинью? В тайге свинья?

— Кабаниха с поросятами! Да! Её убили, потом добили! И поросят тоже… И у нас было мясо! И маму накормили. И часть мяса продали. Купили детское питание, лекарство, мыло, стиральный порошок…

— Это ужасно!

— Да! Я люблю тайгу! И маму люблю! И всё сделаю, чтобы моя семья жила! Тебе, пузырь, этого никогда не понять! Как сыр в масле по жизни катаешься!

— Это я катаюсь? — Сашка рассвирепел. — Когда отца не видишь и только деньги. Тогда и понимаешь, что не нужны они! Я тебе завидую. И Славке завидую! У вас есть родители. А у меня нет родителей. Есть их деньги! И что делать с этими деньгами? Отца с матерью только в компьютере и вижу! Батя как приезжает, так с новой женой и Лизкой. Она же подлизка, с рук у него не слазит! А на меня только посмотрит и спросит: «Как дела? Как учёба?» И всё! Вот и зачем мне их деньги? Я вот тебе завидую. Чтобы вдвоём в тайгу. Да, пусть браконьер, но чтобы маму и сестру родную спасти от голода и болезни!

Славка видел, что у Сашки готовы побежать слёзы из глаз, он крепится, но может и сорваться на драку.

— Эй, пацаны, хватит на всю тайгу орать! Давайте уже ужин готовить да на ночлег устраиваться!

Сашка отошёл в сторону. Повернулся к друзьям спиной. Долго смотрел на реку.

Колька пощупал одежду:

— Почти просохла.

Стал натягивать влажную одежду.

— Что есть будем? — Славка копошился в своём рюкзаке.

— Давай тушёнку с макаронами. Макароны по-флотски будут. Чай.

— А воду откуда брать? С реки?

— Я ручья не вижу, как и ключа тоже нет. Можно и с болота. Но пока свежей наберём из реки.

— Я пойду, — Славка вызвался.

— Смотри не искупайся. Потом тебе ещё сушить придётся.

Славка принёс воды в котелке. Колька развёл огонь посильнее, соорудил палку над костром. Стали кипятить воду, готовить ужин. Сашка стоял камнем, глядя на воду.

Славка подошёл к нему. Тронул за плечо:

— Саня, ты чего замер? Отомри уже. Идём, будешь помогать готовить ужин.

Сашка молчал. Потом вытер глаза.

— Ты чего? — Славка удивился.

— Ничего. Нормально всё. Идём.

Мальчики готовили ужин. И опять без навыков Кольки ничего бы толком не получилось. Оказывается, макароны надо помешивать при варке, чтобы не слиплись. И варить так, чтобы они в кашу не превратились. Потом заварили чаю. Стемнело быстро. Солнце свалилось за сопку, и темнота стала опускаться на тайгу. Верхушки деревьев отблески солнца ещё освещали, а у корней было темно.

На ночлег устроились между двумя деревьями. Один спальный мешок положили на нарубленный лапник — нижние еловые ветки. На них положили ивовые ветки, чтобы спальный мешок не прилипал к смоле.

Сверху между деревьев закрепили несколько жердей и на них накидали веток.

— Еловые ветки для тепла снизу, и никто через них не поползёт. Ни мышь, ни змея, — пояснил Колька.

— Змеи! — Сашка поёжился. — Не хочу змей.

Мальчишки уселись у костра. Спать ещё не хотелось. Лес пробуждался для ночной жизни. Наполнялся новыми звуками, шорохами, запахами. Ночные птицы начали летать и что-то кричать.

— Как-то жутковато, — Славка потёр свои плечи.

— Да. Ночью тайга иная, чем днём, — Колька деловито согласился, прихлёбывая чаёк.

— И что делать? — Сашка тоже начал озираться.

— Ничего, — Колька пожал плечами. — Сейчас чай попьём, посидим да спать пойдём. Ночью кому в туалет приспит, то, ежели по-маленькому, не больше чем на два метра отходите.

— А по-большому?

— Тогда буди ближнего. От стоянки надо подальше отойти. А то спать невозможно будет. А одному бродить ночью по лесу — гиблое дело. Тем паче что не привыкшие вы к лесу. Сгинете враз.

— Кончай пугать, Колька! — Сашка был настроен скептически.

— Не пугаю. Просто всё по-другому ночью. И зверь ночью бодрствует, а днём кемарит. Испугаешься, в сторону побежишь — где искать потом? Отошёл от стоянки, повернулся и заблудился. Не пугаю. Так вернее будет, что никто не потеряется.

— Ладно, — Славка взял фонарик, включил и направил его снизу себе на подбородок. — Давайте страшные истории рассказывать!

— Ха! Кого ты захотел испугать бабушкиными сказками? — Колька махнул рукой. — Вы и так в тайге. Чего уж может быть страшнее?!

— Я начну, а потом вы сами уже решайте! — кивнул Славка.

При этом конус света ударил ему в лицо, черты были искажены и выглядели пугающе.

Славка страшным голосом, с завыванием начал свой рассказ:

— Однажды мама, уходя на работу, сказала дочке: «Никому дверь не открывай!» Через некоторое время зазвонил телефон. Девочка подняла трубку и услышала: «Девочка, девочка, гробик на колёсиках ищет тебя. Он уже нашёл твой город». Через некоторое время опять зазвонил телефон: «Девочка, девочка, гробик на колёсиках нашёл твою улицу и ищет твой дом». Девочка испугалась и стала прятаться. Опять зазвонил телефон, но девочка не брала трубку. Тогда радио включилось само собой и сказало: «Девочка, девочка, гробик на колёсиках нашёл твой этаж и квартиру». Тут же раздался звонок в дверь. Девочка вылезла из шкафа и посмотрела в глазок, но никого там не увидела. Поэтому она открыла дверь. Гробик на колёсиках въехал в комнату. Оттуда выскочил чёрт, затащил девочку в гробик и уехал…

— А-а-а-а!!! — заорал Славка, резко протягивая руки к друзьям.

Они подскочили на месте.
— Что, страшно? — веселился Славка.
— Ничуть не испугались! — Колька отряхивал что-то с рукава. — Подумаешь! Так совпало просто. Под нами с Сашкой что-то зашуршало, вот мы и вскочили. Правда, Сашка? Подтверди!
— Точно! Ни капельки не страшно! — голос у Сашки был не очень уверенным.

Славка откровенно потешался над друзьями.
— Давай я! — Сашка включил свой фонарь и тоже направил его снизу себе на лицо.

Черты лица тоже стали какими-то неприятными, пугающими. И он стал завывать:
— Одна семья получила новую квартиру. А там было красное пятно на стене. Его не успели замазать. И вот утром девочка видит, что мама её умерла. А пятно стало ещё ярче. На другой день ночью девочка спит и чувствует, что ей очень страшно. И вдруг она видит, что из красного пятна высовывается рука и тянется к ней. Девочка испугалась, написала записку и умерла. Потом пришла полиция и ничего не нашла. Один полицейский выстрелил в красное пятно на стене, и оно пропало. А потом этот полицейский пришёл домой и видит, что у него над кроватью на стене появилось красное пятно. Он ночью спит и чувствует, что кто-то хочет его задушить. Он стал стрелять. Прибежали соседи. Видят, полицейский лежит задушенный, и никакого пятна нет.
— Ха! Красное пятно! — Сашка выбросил руки вперёд, изображая, что пытается задушить своих друзей.

Колька и Славка отшатнулись.
— Кхм, — закашлял Славка, потирая горло. — Не-а. Не страшно.
— Не страшно, — Колька тоже потёр горло.
— Ага! Не страшно! — Сашка засмеялся. — Чуть подштанники не обмочили от страха!
— Ладно. Давай я теперь расскажу! — Колька забрал у Сашки фонарик.
— У тебя свой же есть! — возмутился Сашка.
— У тебя уже подсевший. Мой беречь будем!

Колька взял фонарик и тоже начал корчить страшные рожи.
— Я вам, дети, расскажу не просто страшную историю, а ужасть как ужасную! Одна девочка пошла в магазин покупать перчатки. Ей мама сказала, чтобы она купила любые, только красные не покупала. Когда девочка увидела в магазине красные перчатки, то они ей понравились, и она их купила. Когда она подошла к своему дому, то увидела, что он горит. Приехали пожарные. И они никак не могли погасить пожар. Тут вдруг из-за дерева появилась женщина с красным лицом. Когда её увидели, все испугались и убежали. Девочка одна осталась. Эта женщина сказала, что сможет потушить дом, если девочка потом выполнит одну её просьбу. Девочка согласилась. Женщина быстро потушила всё. Потом она сказала девочке, чтобы та ночью пришла на кладбище и положила на могилу в центре кладбища свои перчатки. Девочка очень испугалась. Но она ещё больше боялась не выполнить приказ. Она не знала, что делать. И она пошла на кладбище и положила в центре кладбища свои перчатки. Вдруг с одной могилы съехала крышка, и выскочила эта женщина. Она хотела схватить девочку за руку, но девочка побежала. Тогда эта женщина закричала: «Ты просто так от меня не отделаешься! У тебя умрёт бабушка!» Девочка пришла домой и увидела, что у неё умерла бабушка. Потом, когда хоронили бабушку, девочка опять встретила на кладбище эту женщину. Она снова ей сказала приходить на кладбище. Девочка пришла, и эта женщина с красным лицом и в красных перчатках сказала ей, что этой ночью она умрёт. Девочка пришла домой, легла спать и умерла. Её похоронили. Она лежит и вдруг видит, что она под землёй. Она увидела там свою маму и бабушку и побежала к ним. А потом вдруг заметила, что у них красные лица. И у неё самой тоже было красное лицо. Потом они сами стали приходить к людям, которые покупали красные перчатки. О! Красные перчатки! — Колька выбросил руки вперёд, изображая, что хочет задушить Славку и Сашку.

Те вскочили с мест.
— Ну что, детки, испугались?

Колька торжествовал.
— Да не страшно! — Сашка выхватил свой фонарик. — Вот вам ещё одна страшная-престрашная история. Одной девочке мать запрещала покупать кукол в чёрных платьях. Пошла однажды девочка в магазин покупать себе куклу. Все куклы были страшные, только одна красивая, но она была в чёрном платье. Девочка её купила и принесла домой. Вечером она положила её в постель и легла с ней спать. Ночью мать услышала крик девочки. Она пошла к ней в комнату и увидела, что девочки нет на кровати. Мать заглянула под кровать, а там кукла в чёрном платье доедала горло девочки.

Сашка наклонился и начал громко чавкать, изображая куклу. И настолько это было нелепо, что Славка с Колькой рассмеялись.
— Страшно?
— Смешно! Особенно как ты чавкаешь — как свинья в корыте! — Колька смеялся.
— Ладно! Давайте я вам хорошую историю расскажу! — Славка включил свой фонарик. — Девочка шла между дворами. Вдруг к ней подъезжает чёрная «Волга» с буквами «СРД». А это означает «Смерть российским детям». Девочка хотела убежать. Но из машины вышли три дяденьки, они схватили девочку, посадили в машину и уехали. Одна женщина всё видела и позвонила в полицию. Полиция догнала «Волгу-СРД» и спасла девочку.

А злодеев расстреляли. Пуф-пуф-пуф! — Славка изобразил стрельбу из пистолетов с двух рук.
— Хорошая история! — Сашка рассмеялся. — Как только увидишь «Волгу-СРД», так сразу и бежать надо!

Он откровенно потешался.

Мальчики ещё немного поговорили и пошли спать. Костёр потушили. Не хватало ещё, чтобы из-за них тайга загорелась!

Все спали на одном развёрнутом спальном мешке, вторым укрывались. Сашка лежал посередине, Славка с Колькой по краям.

Поворочавшись с боку на бок, мальчишки уснули. День был очень насыщенным.

Лес был полон звуков, но даже они не помешали уснуть.

Через несколько часов Сашке приспичило в туалет. По малой нужде. Он тихо вылез из-под общего одеяла, взял свою палку, стал тихо, осторожно делать шаги.

Луна освещала местность. Её неровные лучи ломались в шатающихся ветках деревьев, отбрасывая причудливые тени. Ветка хрустнула под ногой у Сашки. Он вздрогнул от неожиданности. В голове стали рождаться нехорошие мысли: «Полнолуние. Время вампиров. Нет! Не вампиров, а оборотней! Чушь! Вампиров и оборотней не существует! Это всё враки! Чтобы детей пугать! Это всё Славка виноват со своими страшными историями!»

Невдалеке закричала, завыла какая-то ночная птица или зверь!

Сашка подскочил на месте от страха и неожиданности! Сердце бешено заколотилось! Он включил левой рукой фонарик, а правой рукой замахал палкой, защищаясь. Справа в кустах прошуршал какой-то зверёк. Или змея? Сашка до смерти боялся змей.

На всякий случай он сделал несколько шагов влево и тут же провалился в небольшую ямку. Споткнулся и упал на бок. Яма была неглубокой. По колено. Но страшно! Тут же ему показалось, что видит красные огни.

«Это красное пятно», — подумал Сашка! Опираясь на палку, он выбрался из ямки. Вытер пот со лба. Отключил фонарь. Батареи нужно экономить.
— Это всё Славка со своими выдумками! Уф! Ничего бояться не нужно, кроме собственных страхов! — побормотал себе под нос шёпотом Саня.

Он расстегнул ширинку брюк, стал делать свои дела.

Сашка посмотрел вниз, под ноги, и оцепенел от ужаса. Под ногами горели тускло, мерцали жёлтые огоньки. И казалось, что они не просто мерцали, а даже немного перемещались.

Ноги отнялись, казалось, что их гвоздями прибили к земле. Из желудка что-то опустилось вниз живота.
— Мама! — только пискнул Сашка от страха и поднял голову вверх.

На ближайшем дереве, среди веток, в упор на него смотрели два огня, больших, огромных. Они иногда моргали, но смотрели на Сашку.

Страх заставил подпрыгнуть Саню на месте. Придерживая штаны одной рукой с фонарём, второй размахивая палкой, он рванул в сторону друзей, вопя на ходу:
— Пацаны! А-а-а-а! А-а-а-а!

Славка с Колькой подскочили на месте. Колька схватил топор, который лежал у него рядом. Славка судорожно начал искать очки. Нашёл, нацепил на нос.
— Аа-а-а! — на одной ноте орал Сашка, пока бежал к лагерю.

Славка включил фонарь, осветил Сашку и пространство за ним.
— Пацаны, — не отдышался от бега и страха Сашка. — Там! Там! — он махал рукой в сторону, откуда прибежал.
— Что там? — Колька светил своим фонарём за спину Сашки.
— Там! — дыхание сбилось у Сашки, не хватало воздуха. — Там!
— Чего там? Волки? Медведи?
— Нет! Там! — ему удалось восстановить дыхание. — Там огни!
— Да какие огни?! Люди?! — Колька был раздражён.
— НЛО? — в голосе у Славки зазвучала надежда.
— Нет! Там огни! — Сашка согнулся пополам, чтобы отдышаться от волнения.

Колька со Славкой переглянулись. Пожали плечами.
— Идём, покажешь огни.

И стали обуваться.
— Вон там! Огни! — Сашка, ещё в согнутом положении, показал в сторону, откуда он примчался.
— Идём.
— Не-а! Не пойду! — Сашка замотал головой.
— Пошли. Ты за нами. Дорогу покажешь!

Колька взял топор и фонарь, двинулся в сторону, откуда прибежал Сашка. Славка — следом с палкой и фонарём. Сашка — замыкающим.
— Куда? Туда? — Колька махнул фонариком.
— Да. Метров десять. Может, меньше.

Колька светил под ноги фонариком. Прошёл несколько метров.
— Здесь?
— Здесь! — Сашка двинулся вперёд.
— И что? Какие огни тут? — Колька светил фонарём под ноги, по ближним кустам.
— Да! Вот! Здесь! Здесь я видел! — Сашка тыкал палкой в траву.
— Ничего не вижу.
— Фонари погасим, — предложил Славка.

Погасили фонари.

— Вот! Я же говорил! Вот они! Видите? — Сашка орал, тыкая палку в траву. — А! Они у меня на ногах!

В темноте были видны бледные желтоватые огоньки. Некоторые действительно были на ногах у Сашки. Он прыгал на месте, пытаясь скинуть огни с себя.

— Да стой ты! Тьфу! — Колька сплюнул от досады и включил фонарик.

Таинственные жёлтые огни пропали.

— Вы видели?! Видели? Я не свихнулся! Это какие-то дьявольские огни! — Сашка тяжело дышал от волнения.

— Гнилушки, — Колька нагнулся и поднял какую-то труху с земли. — Иногда, когда деревья гниют, то светятся в темноте.

— А почему они светятся? — Сашке было обидно, что испугался каких-то гнилушек.

— Не знаю, — Колька пожал плечами. — Мы это в школе ещё не проходили. Наверное, на физике или химии будем проходить. Или на ботанике. Вот и спросим тогда. Пошли спать.

— Нет! — Сашка упёрся. — Я тут на ветке видел другие огни. Они так ярко горели и моргали.

— Где?

— Вон там! — Сашка палкой показал направление.

Коля посветил фонарём на дерево, которое указал Сашка. Луч выхватил сову, которая тут же возмущённо зажмурилась и отвернула голову за спину от наглых мальчишек.

— Эти огни ты видел? — Колька уже не ехидничал, а просто устало спрашивал.

— Наверное… — не очень уверенно отвечал Сашка. — Но знаете, как было страшно! Я сову никогда не видел! — подумал. — А чего она тут делает?

— Живёт она тут в лесу. Прилетела посмотреть на тебя, как ты стряхиваешь гнилушки с себя. Ночь, Саша, ночь. Сова — птица ночная. Охотится на мелкую живность, типа мышей, может и зайчика прихватить. Тут мышей-полёвок много. Вот она и высматривала их, а мы ей всю охоту испортили. Будет теперь птица голодной. Пошли спать. До утра в туалет не ходите, терпите, а то ещё какое-нибудь красное пятно увидите или «Волгу-СРД». Сам наслушался Славкиных баек перед сном, всякая жуть снилась.

— Я сразу сказал, что во всём виноват Славка! — безапелляционно заявил Сашка. — Если бы не твои пугалки, то я бы даже и не заметил огней.

— Угу! Я спал, пока ты чуть штаны не обмочил. Скажи ещё, что я там гнилушек подложил тебе и сову на дерево привязал, чтобы она тебе дорогу освещала, — возмущался Славка.

— Скажи ещё спасибо, что сова тихо сидела, не «гукнула», вот тогда бы ты не только обмочил штаны, но и ещё что побольше, — Колька шагал к лагерю. — Я первый раз когда услышал, а расстояние примерно такое же было, так чуть от страха под землю не провалился. Тайга чужаков не любит, особенно кто шумит шибко. Тут каждый звук для кого-то что-то означает. А мы вносим разброд в эту симфонию.

— Скажешь тоже! «Симфония», — Сашка презрительно хмыкнул.

— Некогда сейчас. Потом покажу, как надо слушать и понимать, что слышишь ночью в тайге. Днём всё равно ничего не услышишь, потому что топаешь как слон, ветки хрустят под ногой, зверей, птиц пугаешь. А вот ночью, когда боишься, тогда и слушаешь. Или на охоте когда, тогда тоже слушать надо. И не дай Бог услышать, как волчья стая воет. Это пострашнее всех страшилок будет. Вот просто услышал — и понимаешь, что тебе каюк. И не отобьёшься ты. А они просто стороной прошли и не пошли в твою сторону.

— Да ну! Неужели так страшно? — Сашка снова был недоверчив. — Я в зоопарке видел волчицу, она, как собака, тявкала и хвостом крутила.

— Я не знаю, кого ты видел в зоопарке, а я видел с дерева, на помосте мы с отцом лежали, кабанов ждали, когда волки прошли мимо. Душа в пятки ушла. Мы вдавились в помост, слились с ним, вошли в помост, только чтобы они не заметили нас. Поэтому вой волчий, если он недалеко от тебя, страшнее страшного. Только медведь страшнее. Но его я видел только издалека. Но и хорошо, что издалека. Всё, спать. Вставать рано. Мы с моим купанием отстали от графика на день, получается. Так что поутру будем навёрстывать. День трудный будет.

Мальчики улеглись спать.

Утром их разбудили птичьи трели и недовольный крик бурундука. Он верещал почти в ухо Славки, свесившись с ветки.

Славка подпрыгнул от неожиданности и задел Сашку, а тот уже Кольку.

— Коля, чего он орёт? — Славка надел очки и ткнул в сторону бурундука пальцем.

Полосатый зверёк отполз немного назад по ветке и заверещал ещё громче.

Колька потянулся, зевнул.

— Не знаю. Спроси у него сам. Он же на тебя орёт.

— А чего не уходит?

— Может, мы его на тайнике расположились. Кто знает? Я же говорю, спроси у него.

— А какой у него тайник?

— Бурундуки все лето делают тайники — закладки с едой для себя. Разоришь такой — он может с горя и умереть. У них несколько таких вот тайников. Как белки на зиму запасы делают, так и бурундуки. Но белки не такие ранимые, как эти полосатые. Может, своих детёнышей предупреждает об опасности. Я же говорю, мы в тайге чужие, вот о нас и предупреждают. Чтобы за своего принимали, то в тайге жить надо, а не туристами гулять. Ладно. Встаём и топаем.

— А завтрак? — Сашка был удивлён.
— Представь, костёр, кипятить воду, что-то варить. Сколько времени уйдёт? А нам нужно пройти много. Мы ещё ничего не прошли. Ну так как будем делать?
— А как же поесть? — Сашка не унимался.
— Помнишь, мы покупали пакеты с быстро приготавливаемой лапшой?
— Конечно, помню. Ты ещё заставил нас их в муку истолочь прямо в пакете.
— Берёшь пакет, открываешь его — и в рот.
— Как в рот? Там же труха одна, да и сухая она!
— Водичкой запил — и вперёд, — Колька был серьёзен. — Сейчас покажу. Собираемся.

Колька подал пример, что нужно собираться.
— Нет. Я не смогу такое есть, — Сашка отрицательно покачал головой.
— Ну и не ешь, — Колька пожал плечами. — Топать долго. Сможешь вытерпеть и идти — хорошо. Но до обеда очень далеко, а он у нас будет совмещён с ужином. Как темнеть начнёт, так и остановимся.

Быстро собрали вещи. Колька внимательно осмотрел стоянку, не обронили ли чего нужного. Только обугленные банки из-под тушёнки оставались в золе вчерашнего костра. Это Колька сказал, что нужно пустые консервные банки кидать в костёр, они обгорают и не наносят потом вреда природе. Да и звери не вылизывают их и не поранятся.

Достали карты, рисунки, фотографии. Отметили, где они находятся. Получалось, что примерно километров десять.

На наброске карты лётчика это был квадрат с винтовкой посередине.
— Меня больше пугает, что нам придётся идти вот здесь, — Колька указал на часть Славкиной пади. — Это болото. Очень надеюсь, что за семьдесят лет высохло. Не хочется от реки удаляться далеко.
— А чего ты так прилип к этой реке, Колька? — Славка был в недоумении.
— С реки есть ветерок, который сдувает насекомых. Из реки можно пить. И даже, если и случится что-то… тьфу-тьфу-тьфу, — Колька постучал по ближайшей берёзе трижды, — то можно обратиться за помощью к людям. Где вода — там люди. А на болоте как пить? Если торфяник, то можно…
— Чего? Не понял?
— Торфяные болота. В них всё как бы консервируется естественным путём. Даже находили людей, животных, которые провалились в такие болота ещё при царе, так думали, что их недавно убили. Милицию вызывали.
— Жуть какая.
— Врёшь ты всё, Колька! Такого быть не может! Опять пугаешь?
— В соседнем районе было. У нас в местной газете писали про это. Вернёмся домой — поищи в Интернете. Так вот. С торфяника пить можно. Мелкими глотками. Сначала попробовал немного, подождал, снова выпил. Чтобы живот привык. А вот с обычного болота пить нельзя. А мы отходим от реки.
— И что делать, если не хватит воды во фляжках?
— На месте будем смотреть. А что теперь сделаешь? Лётчик вон зимой выжил, вышел. А мы летом. Так что у нас преимущество. Посмотрим, какие деревья. Под корой у деревьев много влаги. Лилии водяные есть можно.
— Лилии?
— Ну, не сами цветки, а их луковицы, корни их. Там воды много. Съел — и поел, и воды попил сразу. Ладно. Пора идти.

Колька первым показал, как надо есть измельчённую лапшу. Он открыл пакет, высыпал в рот, начал жевать. Потом запил водой из фляжки. Проглотил. Снова запил.
— Ладно. Я тоже.

Славка, как будто, ныряя в воду, вдохнул воздух и высыпал пакет в рот, стал жевать.
— Ну и как? — Сашка внимательно наблюдал за Славкой.
— Во! — Славка понял большой палец руки.

Сделал большой глоток воды и продолжил жевать.
— Фкуфно! Ешь! — Славка снова поднял большой палец.

Сашка скорчил рожу, прищуренным взглядом посмотрел на Славку, Кольку, покачал отрицательно головой:
— Не-а. Не буду.

Достал из кармана шоколадный батончик, сорвал оболочку и слопал его в одиночку, запил водой.
— Я лучше так. Тут и калорий больше!
— А чего нам не предложил, жадина?
— А вы и не спрашивали. Хотите? Нате!

Сашка вынул из кармана два таких же батончика и отдал друзьям. Они тут же умяли их, запили.
— Вкусно? — поинтересовался Сашка.
— После этой муки — всё вкусно, — кивнул Славка.

Мальчишки пошли по намеченному маршруту. Колька впереди. Потом Славка и Сашка.

У Кольки получалось хорошо идти. Он шёл быстро и уверенно. На больших деревьях он топором делал зарубку. От одного дерева к другому. Сверялся с компасом, с солнцем, иногда осматривал мох на деревьях.
— Коля, а зарубки зачем?
— Чтобы обратно было проще найти дорогу, или со мной что-то случится, так чтобы кто-то из вас нашёл дорогу, когда пойдёт за помощью.
— Да ну, накаркаешь! Вместе выйдем!
— Не пригодится — хорошо! Но тайга, она баловства не терпит. Вот смотрите, мы идём вон в тот распадок, там и есть Славкина падь. А выходить нужно вот на эту сопку, — Колька показал палкой гряду, откуда они спустились.

— А чего всё на компас смотришь?
— С маршрутом сверяюсь. И мох на деревьях осматриваю. Он всегда растёт с северной стороны. Компас может врать. А природа не будет. Как и солнце. Встаёт на востоке, проходит через юг и садится на западе.
— Подумаешь! Это все знают! — хмыкнул Сашка.
— Это знают все. Но в городе тебе это ни разу не пригодилось, а здесь может и спасти жизнь. Поможет не сбиться с пути.

И мальчишки стали спускались вниз. Растительность менялась. Больше кустарника, больше тени. И комаров стало больше, и мошкары.

Славка с Сашкой натёрлись грязью. Стало полегче. Кровососущие насекомые подлетали, но не садились. А если и садились, то не могли прокусить корку грязи.

— Это ещё ничего, а вот слепни — те вообще сволочи! — Колька отмахивался веткой от гнуса. — Коров или лошадей когда ведёшь к реке, так там море слепней. Они кусают, пробивают шкуру и откладывают под кожу свои яйца, потом они начинают там расти. Вот у бедной скотины и выдавливаешь из раны этих червей.
— Тьфу! Колька! Ты не мог ничего получше рассказать?! — Сашка плюнул под ноги.
— Отчего же? Могу. Сашка!
— А! — откликнулся он.
— Ты змей боишься?
— Очень! Я их боюсь и ненавижу!
— А ты их сильно ненавидишь?
— Очень! До жути!
—Ну, тогда смотри! — Колька показал палкой на бугорок.

Туда падали солнечные лучи.

— И что?
— Внимательно смотри или поближе подойди.
— И чего там?
— Палку скрученную видишь? Чёрную с отливом. Видишь?
— Сейчас. Дай бинокль.
— На! — Колька отдал бинокль.

Сашка крутил окуляры.

— Ох! Мама!

Сашка подпрыгнул на месте.

— Это… — он трясущимся пальцем показывал в сторону этого бугра. — Это то, что я думаю?!

Он трясся, был бледен, губы тряслись, со лба полился пот, смывая грязь; глаза, казалось, сейчас выскочат из лица.

— Ага, — Колька важно кивнул. — Это она. Змея. Правда, не знаю, какая она. Ядовитая или уж. Но змея. На солнце греется. Потом на лягушек будет охотиться. Или на мышей.

Сашка, казалось, онемел, он с ужасом продолжал смотреть на холмик.

—Хватит трястись! Пошли. Она нас не тронет, пока мы её не тронем. Да, кстати, их можно есть! Я ел. Старшие пацаны угощали. Ничего так. Немного на курицу смахивает. Так. Немного.
— К-к-колька! — заикаясь, выдавил Сашка.
— Славка, ты его заиканием заразил? — Кольке было весело.
— Т-т-ты гад гадский! — продолжая выдавливать из себя слога, Сашка был готов побить Николая. — З-з-зачем ты мне её показал? Знаешь, что я её боюсь!
— Ты сам просил рассказать что-нибудь весёлое. Вот и получи!
— З-з-знаешь, Колька! — вступил в разговор Славка. — Чем больше я тебя слушаю, понимаю, что тайга против нас. И начинаю ещё сильнее любить город.
— Я вам тайгу не показываю. Нет времени. Тайга — это классно! Лес — это жизнь. Ты просто не знаешь о нём ничего, кроме как пикников с родителями с шашлыками, ну, может, за грибами сходите или на рыбалку. И всё. Пришли на час-другой, и всё. А здесь есть всё, что нужно. Еда какая хочешь. Лекарства — все! Кров.
— Угу. Скажи ещё, что и антибиотики есть?
— Здесь есть всё! Даже отвар из брусники снимает жар. Много чего! Сейчас нет времени. По ходу, что смогу, расскажу. А когда выберемся, то надо будет вас к тайге приучать!
— Когда выберемся! Да я тогда в тайгу ни ногой! — Сашка почти кричал. — Тут змеи. Тут гнусь!
— Гнус! — поправил Колька. — Гнусь — это Протасов с Соковым. Не оскорбляй насекомых.
— Да плевать! Гнусь или гнус! Они снова меня едят!
— Не ной! — Колька стал злым. — Вы сами меня позвали проводником! Я не напрашивался к вам! Так что идите и не нойте, как девчонки! Оденьтесь в платья и прыгайте в классики во дворе. И не приставайте к настоящим пацанам! Думали, что это будет прогулка по лесной опушке, усыпанной земляникой? Или вы сейчас заткнётесь и молча будете идти, или пошли домой. А самолёт с золотом я найду сам! А вы потом будете рассказывать, что не сумели пойти, потому что пальчик поранили и вам бо-бо! Ну!!! Решайте сейчас!

Славка с Сашкой переглянулись.

— Коля, ты остынь! — Славка тоже начинал злиться. — Самолёт он один найдёт! Если бы не мы, так ты бы уже в Енисее рыб кормил. Договорились же ещё дома, что мы один за всех и все за одного.
— Угу. Самолёт он один вытащит, — Сашка угрюмо кивнул. — Пупок не надорви. Лицо трещинами не покроется? От натуги или жадности. Пошли уже. А то устроил тут крик на всю тайгу. Всех птиц и животных распугал. Веди.
— Коля, ты понимаешь, куда идти? — Славка сменил тон.
— Понимаю, — Колька кивнул.

Красный как рак, Колька махнул посохом в сторону движения.

— По моим прикидкам, там должен быть остров среди болота. На карту смотрел и понять не мог, зачем там ёлочка нарисована. Обычно на болотах чахлые берёзы. А тут ель. Сейчас смотрите, за семьдесят с лишним лет она должна была или вырасти, или погибнуть. Срок-то немаленький.
— И что?
— Да ничего,— Колька снова психанул, сплюнул под ноги себе.— Глаза разуйте! Вон!

И Колька показал палкой на большую ель, что росла почти на линии горизонта. Он расчехлил бинокль, сам посмотрел, отдал мальчишкам, те смотрели по очереди.
— Хороший ориентир,— Славка важно кивнул.
— Издалека видно,— Сашка подтвердил.
— Это мы сейчас на вершине, и поэтому её хорошо видно. Вот туда и надо нам топать,— Колька снова показал на ель.— На равнине до линии горизонта примерно четыре километра, ну а мы на господствующей высоте, значит, умножай на два. Примерно восемь километров по болоту.
— Два часа идти,— Сашка смотрел на ель, приложив руку козырьком к бровям.
— Как же! Держи карман шире! Дай Бог успеть к ночёвке,— Колька был раздражён.

Было видно, что он сдерживает себя, чтобы не сорваться снова на друзей.
— По болоту будем шлёпать! И не по прямой! Лётчик шёл зимой. Да, тяжело. Да, неудобно без лыж или снегоступов! Но всё замёрзло до дна! И ты не провалишься и не утонешь! По большому счёту, нам бы всем связаться верёвкой. Если кто провалится, чтобы двое могли его вытащить.
— А если двое провалятся?— деловито поинтересовался Славка.
— Тогда один должен по очереди вытащить остальных,— Колька тряхнул головой.— В идеале нужно привязать конец верёвки к дереву и потом уже вытаскивать. Но это если есть деревья поблизости. Не лес же — болото! Эх!
— Не трусь, Колян! Прорвёмся!— Сашка хлопнул Кольку по плечу.— Или кикимор да леших испугался?
— За вас боюсь. На болоте может чёрт-те что примерекаться. Недаром же здесь видели и обозы, и людей, и коней. И охотники за Славкиным золотом пропадали. Болото, оно на то и болото. Его никто не знает. Сегодня можно пройти, а через полгода нельзя, или наоборот. Ладно, кончай лясы точить, двинули! Только как спустимся, так верёвкой обвяжемся! Наступайте на то, что возвышается над поверхностью. И на деревья не рассчитывайте сильно, они такие же, как и всё болото,— гнилые. Всё! Пошли!

Колька первым резво зашагал вниз по склону, в сторону Славкиной пади.

Славка с Сашкой шли сзади.
— Хорошо ему!— пыхтел Сашка.— Шагает налегке! А нам — тащить эти чёртовы рюкзаки! Специально, небось, свой утопил, чтобы прогуливаться.
— Не ворчи!— Славка тоже смахивал пот и отмахивался от назойливых насекомых.— Никто не будет топить сознательно свой рюкзак. Там вся аптечка была и палатка.

Спуск был крутой, между валунами и деревцами вилась тропинка, наверное, набитая какими-то животными. На самых опасных участках мальчишки утыкали свои палки в землю и тормозили ими своё движение, иначе сорвались бы и покатились кубарем в болото.

Очень сильно пахло от болота стоячей водой, прелыми растениями. Но самое главное и неприятное, что насекомые, которые избегали прямого солнечного света и ветерка, просто облепляли мальчишек. Они плотной тёмной кучей, тёмной массой, чёрным облаком кружили над тремя героями.

Махание веткой мало помогало. Уже были надеты капюшоны, затянуты верёвки на них, только глаза сверкали из них. Лица обмазаны грязью вперемешку с полынью. Но пот лился и смывал эту защиту. Мелкий гнус лез в глаза. Пот заливал глаза, и мелкая мошкара тоже лезла в глаза, пытаясь их выесть. Сквозь поднятый воротник тоже особо не подышишь, когда тебе жарко и хочется дышать полной грудью, когда прыгаешь с кочки на кочку. А они осклизлые, нога срывается, и ты можешь упасть в мокрую траву, которая между кочек. И неизвестно, выдержит ли тебя этот травяной покров.

Колька всех связал верёвкой. Обвязал себя и Славку с Сашкой на поясе. Хитрым узлом связал. Узел крепкий. Верёвка дважды опоясывает тебя и идёт дальше. Но если ты захотел от неё освободиться, то нужно просто дёрнуть свисающий конец, и она спадёт с тебя. А пока ты этого не сделал, то будешь крепко привязан к своим друзьям.

Колька выбирал маршрут подальше от открытых «окон» с водой. А они, по мере продвижения, попадались всё чаще.

Среди травы, кочек они темнели. Вроде и небольшие такие, но где там дно под ним — поди знай! И трава вокруг них не такая плотная.

Хотелось пить. Воду во фляжках мальчики выпили уже давно. Идти ещё предстояло долго. И голод крутил животы. Но остановиться негде было.

Колька постоял на месте. Глухо крикнул сквозь воротник, чтобы Славка с Сашкой оставались на месте, отвязался от верёвки и пошёл в сторону. Мальчишки с недоумением наблюдали за его походом.
— Как думаешь, куда он?
— Не знаю. Может, в туалет приспичило?
— Так его гнус заживо сожрёт, стоит только ему штаны расстегнуть! Я сам давно уже терплю.

Колька тем временем подошёл к какому-то растению, которое было почти с него ростом и с большими зеленоватыми зонтиковыми соцветиями. Ножом срезал большие верхние стебли. Потом также ножом содрал верхний слой кожицы на этих стеблях. И принёс три таких больших травяных палки.
— Вот, смотрите! — показал Коля.

Он опустил полую палку в более-менее чистую лужу.
— До конца не опускайте, до самого дна, почти сверху, но не с самого верху. А так, чтобы всегда было посерёдке. И пьёте.
— Как пьёте? Не понял! — возмутился Сашка.
— Молча пьёте. Всасываете воду, но так, чтобы со дна мути не поднять. И сверху не зацепить тоже. Можно первый глоток не глотать, а сплюнуть в сторону. А потом съедаете эту «дудку».
— Как?
— Сейчас попью и покажу!

Колька старательно водил своей травяной палкой по луже, напился, вытер рот и начал с хрустом откусывать и жевать большие куски от зелёного стебля.
— Коля, вкусно?

Сашки и Славка замерли, ожидая, что Колька сейчас рухнет в болото и начнёт корчиться, схватившись за живот.
— Ладно — пить из болота, — Славка отгонял назойливых насекомых. — Но вот так есть траву…
— Это он толково придумал, что нужно пить из серединной глубины лужи, — Сашка внимательно наблюдал за Колькой. — Но и есть я хочу. Готов даже эту травяную палку слопать. Кстати, если не хочешь жевать траву, то можешь и мне отдать!

Сашка тоже напился, как показывал Колька, из большой лужи с прозрачной водой, поводя своей гигантской «соломинкой» вправо-влево, выдерживая нужную глубину погружения. А потом аккуратно откусил маленький кусочек от своей «травинки». Медленно начал жевать, потом сильнее, проглотил, отхватил уже большой кусок и активно задвигал челюстями, пережёвывая, потом проглотил и снова откусил.
— Ну как? Вкусно? — Славка смотрел на Кольку и Сашку, активно жующих траву. — Разыгрываете?
— Не хочешь — не ешь. Отдай мне, — промычал Сашка с набитым ртом и протянул руку в сторону Славки.
— Сейчас. Только сначала попробую.

Славка понял технологию, как пить. Аккуратно опустил на середину ближайшей лужи свою «дудку», втянул воду, набрал почти полный рот и выплюнул. Теперь можно пить. Вода на удивление оказалась вкусной. Прохладной, чистой, освежающей. Он пил, пил, пил. Напился. Выпрямился. Сашка с Колькой доедали свою траву.

С большой опаской Славка попробовал стебель. Зажмурился даже. Откусил маленький кусочек. И начал жевать. На вкус оказалась с приятной кислинкой мясистая мякоть, очень много влаги. Проглотил. Прислушался к внутренним ощущениям. Живот не кричал: что́, мол, за гадость ты в меня впихиваешь?! Нет, он с благодарностью принял.

Пока он жевал, Колька стал себя привязывать к верёвке. А Сашка поинтересовался у него:
— Коля, что это за чудесная трава?
— Не знаю, как по-научному. У нас в деревне называли его пучкой, кто-то дудкой. Верхние стебли полые, вот их и срубаешь. Только когда кожуру будешь сдирать, смотри, чтобы на кожу не попадала она. Очень ядовитая. Волдыри появляются, особенно если солнечный свет попадёт. А так… Мы и жарили эти стебли, и в суп мама добавляла. Вкусно. Корень, если выкопать, разрубил — и кровь остановить можно. Некоторые в деревне и сушили на зиму, потом тоже в супы да в жарёху добавляли. Бабка у нас была, то ли ведунья, то ли колдунья, но всякие отвары знала, так она очень даже уважала это растение. Сушила, всякие отвары делала, лечила потом селян.
— Пучка, — Сашка в задумчивости смотрел на растение, которое стояло неподалёку от него. — Надо запомнить, потом в Интернете посмотрю. Интересно. И воды попил через него, и поел. Не могу сказать, что наелся от пуза, но жить можно.
— Я же говорю, что если знаешь, как в тайге жить, то будешь как у Христа за пазухой! — Колька отчаянно жестикулировал, отгоняя гнус от своего лица.

Колька махнул рукой, и троица потопала по болоту, выискивая места посуше да повыше. Часто ботинок скользил по мокрой травянистой кочке, и нога подворачивалась. Это больно, но и опасно.

Славка, падая, упёр свой посох в колыхающийся под ним травяной покров. И палка пробила его насквозь. Из образовавшейся дырки тут же начала поступать чёрная-пречёрная, как дёготь, вода.

Тут же выдернув палку назад, размахивая руками, рискуя рухнуть вниз, Славка сумел отойти от этой новой дырки.
— Ох! — он отёр пот со лба.
— Что, Славян, струхнул? — Сашка явно издевался.
— Было такое, — Славка всё ещё с опаской смотрел на эту дырку, оттуда вода поступала наружу при каждом шевелении травяного ковра.
— Штаны-то сухие? Не обмочил? Ха-ха! — Сашка продолжал издеваться.
— Не проверял. Иди посмотри или обнюхай, — Славке не хотелось ввязываться в перепалку. Силы беречь надо.

Сашка что-то буркнул в ответ.

Каждый шаг давался всё сложнее и труднее. Солнце встало высоко и слепило прямо в глаза. Но гнуса не стало меньше; казалось, что солнце не пугает их, не высушивает. Пот под куртками уже лил ручьями, реками, всё тело стало источником потоков пота. И отчего хлюпало в ботинках, то ли

от пота, то ли от воды, было неизвестно. Силы кончались. Кольке было нелегко. Было видно, что его пошатывает, но он шёл налегке, а что уж говорить про Сашку и Славку — у тех были рюкзаки.

Колька был прав. Пройти восемь километров по прямой на суше — это одно. А вот по болоту, постоянно петляя, выискивая маршрут, — это другое. Благо, что ель была хорошо видна на болоте. Прекрасный ориентир. Казалось, что Колька сбился с пути, потому что слишком извилиста была дорога, которой он вёл мальчишек на островок среди болота.

Чем ближе к островку, тем стало больше попадаться «окон» открытой воды в травяном покрытии. И тем сильнее хотелось попасть на твёрдую почву, чтобы не размахивать руками, удерживая равновесие, когда волна проходит под травой. Хотелось разжечь костёр, накидать туда елового лапника, чтобы дым разогнал насекомых, бросить в костёр полынь, пижму, чтобы можно было раздеться, сушить одежду и уже спокойно поесть. И самое главное — узнать, что же там скрыто. Что это за знак такой был — «винтовка в прямоугольнике».

Славка жадно сквозь облако мошкары вглядывался в островок, ища признаки самолёта или ещё каких-то знаков. Но ничего не было. Ель, большая, разлапистая, с мощными крепкими ветками, несколько берёз, не таких чахлых, которые росли прямо посреди болота, побольше и покрепче, да высокая трава. Всё остальное надо было искать, как доберутся.

Мальчишки шли, связанные одной верёвкой. Их мотало из стороны в сторону. В глазах темно, и непонятно — от голода и усталости или от чёрной тучи мошкары.

Славка лишь поплотнее прижимал к лицу очки. Они постоянно пытались свалиться с носа из-за пота. Очки хоть слабо, но защищали глаза.

Ходить связанными одной верёвкой хорошо и интересно только в кино. На самом деле всё не так просто. Если верёвка сильно провисает, то она падает в мокрую траву, намокает, цепляется за чахлые кустики. Если сильно натянута, то любой неровный рывок, когда кто-то из связки поскальзывается, тянет на землю и других. Вот и соблюдай баланс такой, чтобы верёвка не провисала сильно и чтобы не сильно была натянута. Под ногами скользко, и в глазах темно. Ноги разъезжаются, как у коровы на льду. И сил почти нет. И мысли в голове ворочаются тяжёлыми камнями: «А что я тут делаю?!» И только мысли о самолёте с золотом и стыд перед друзьями показаться, что ты слабак, толкают тебя вперёд, заставляют переставлять ноги. Лишь изредка кидаешь взгляд вперёд, где там твой товарищ, правильно ли ты идёшь следом. Что там сзади, уже не обращаешь внимания.

Так они брели, трое десятилетних мальчишек, по огромному, бескрайнему болоту. От горизонта до горизонта — только леса, болото, сопки и небо над головой, в котором не было ни облачка, только палящее солнце.

И хочется пить. Очень хочется пить. Губы, скрытые под воротником куртки, тёрлись о мокрый от пота воротник. Губы уже разбухли и начали трескаться. Нет ни одной приличной лужи, из которой можно было бы напиться, как несколько часов назад.

Глаза уже высматривают «окна» с болотной водой, и хочется напиться этой чёрной воды. Какая разница, какого цвета и состава вода, когда умираешь от жажды? Пить! Пить! Пить!!! Воды! И солнце, как огромная сковородка, жарит и светит прямо в глаза. Скорее бы этот чёртов остров! Пить! Воды!

Сзади Сашка только крикнул:

— Змея! Змея!!! Мама!

И сильно дёрнул верёвку, пытаясь убежать в сторону.

Верёвка натянулась, первым рухнул Славка. Сначала на бок, по привычке выставил руку вперёд, чтобы опереться. Под действием тяжести тела ладонь левой руки пробила толстый травяной покров, и рука по плечо ушла в воду. Она стала так быстро прибывать, что чуть не утопила Славку.

Ему удалось выдернуть руку из воды и травы, правой рукой подтянул под себя толстую палку-посох. Она немного ушла в траву, но не прорвала, а держала Славку на поверхности.

Верёвка была натянута и спереди, и сзади. Он посмотрел на Кольку. Тот тоже барахтался в траве и воде.

— Колька! Палку под себя. Плашмя! Обопрись на неё!

Оглянулся назад, а Сашки нет. Не видно. Только верёвка дёргается рывками. Сильно. Славка поднялся на ноги.

Не видно Сашки.

— Саня! Ты где? Не вижу!

Ответом был только какой-то сдавленный крик и два сильных рывка верёвки.

Славка начал вытягивать конец верёвки, к которой был привязан Сашка, на себя. Верёвка была натянута. Билась в руках, как живая, но не поддавалась. Ноги уходили в траву, выдавливая воду. Казалось, ещё немного — и Славка пробьёт, продавит траву и провалится в бездонное болото.

— Колька! Коля! — крикнул Славка. — На помощь! Я не смогу его вытянуть! Ноги уходят под траву!

— Сейчас! — откликнулся Коля. — Только встану. Не получается. Валюсь. Сейчас отвяжусь только…

— Не отвязывайся! Так поднимайся! Или вытягивай верёвку на меня. Я как-то укрепился.

— Сейчас!

Колькин конец верёвки натянулся. Славка расставил ноги пошире. Сашкина верёвка дёргалась. Колька тянул свой конец. Славку сдавило.

Казалось, ещё немного—и его живот затянут и из него полезут внутренности. Он только упирался, вытягивая одной рукой Кольку, а другой—Сашку.

Кольке удалось отползти в сторону и подняться на ноги. Держась за верёвку, он быстро шёл к Славке.

Когда он подошёл к Славке, то был весь мокрый.
—Где он?
—Там,—Славка махнул вдоль натянутой верёвки.
—Живой?
—Не знаю. Но дёргается.

Славка показал глазами на верёвку. Она вибрировала и дёргалась.
—Санёк! Ты живой?!—крикнул Колька.

Какое-то мычание только было в ответ.
—Давай вместе!!!

Колька встал впереди Славки и взялся за верёвку, намотал на руку.
—И—р-р-раз!

Мальчики дёрнули дружно верёвку. Она натянулась и, казалось, немного поддалась им.
—Идёт понемногу! Давай ещё! И—р-р-раз! Давай! Тяни!
—Тяну!

Со стороны Сашки раздался вопль:
—Не тяните!
—Идём смотреть!
—Идём! Но верёвку держим натянутой!
—Саня! Не дрейфь! Держись!
—Мы идём!
—А может, не надо? Я вам обуза же!—раздался голос Сашки с каким-то придыханием и бульканьем.
—Ты с ума сошёл, что ли?
—Сашка! Держись! Не сходи с ума! Сейчас тебя вытащим!
—Близко не подходите! «Окно» в болоте. Я в него попал. Трава вокруг хлипкая какая-то! Наступишь—и как в воронку скатываешься! Я же не специально в воду прыгнул! Наступил на край, а она… Трава эта и свалила меня…
—Сейчас разберёмся!

Славка с Колькой, выбирая верёвку, чтобы она всегда была натянута, осторожно пробирались на Сашкин голос.
—Не тяните сильно верёвку… Утопите!—кричал Сашка.—А может, оно и к лучшему! Я же всем мешаю. А так… Нет меня… и всё!—по голосу было слышно, что Сашка или плакал, или был готов это сделать.
—Ты сопли-то из меня не дави! И свои подбери! Я не дам тебе утопнуть! Тем более в поганом болоте!—Колька ускорил шаг, но выбирал кочки повыше и посуше.—Ты меня спас? Спас! И что теперь—я должен тебя бросить в этой чёрной воде? Обойдёшься! Вытащим! Ты давай говори со мной!
—О чём мне с вами говорить?—было слышно, что голос у Сашки слабый.
—Да о чём хочешь, Саня!—крикнул Коля.
—П-п-п-почему ты решил, что должен здесь остаться?!—ответил Славка, заикаясь от волнения.
—Вам не понять! Я никому не нужен!—Сашка говорил, но голос его булькал.
—Саня! Шура! Ты надышался болотным газом!—Колька орал во весь голос.

От Колькиного вопля заверещала сорока и взлетела с дерева.
—Вон и сорока меня поддерживает!
—Сашка, почему ты решил, что никому не нужен?—Славка тоже прыгал с кочки на кочку.

Пару раз он оступился и основательно промочил ноги.
—Верёвку натягивай постоянно, а то ещё уйдёт в болото!—Колька вполголоса шипел Славке.
—Да потому что обуза всем! И отцу! И матери! И вам тоже! И в классе надо мной все смеются! Потому что я—толстый!
—Дубина ты стоеросовая, а не толстый! Ты—друг! А друзей не интересует, какой ты! Толстый или худой! Богатый или бедный! Есть у тебя компьютер или нет! И какой у тебя мобильный телефон! Если ты дружишь—то дружишь! У меня нет компьютера дома, так ты что же, не будешь со мной общаться из-за этого? Тебе же плевать, Саня, на это?
—Мне безразлично, есть ли у тебя компьютер и какой он! Ты не понял! Меня не любят ни мать, ни отец! Вот это самое главное!

Мальчишки подошли осторожно к Сашке.

В большом «окне» среди травы Шура плавал на спине. Рюкзак тянул его вниз. Было видно, что он набух от воды. Сам Сашка успел умостить поперёк воды, упираясь в края травы, свою палку-посох. Держался за неё. И когда мальчишки сильно тянули верёвку, привязанную к поясу, то получалось, что лицо погружалось в чёрную воду.

Колька нашёл рядом чахлую кривую берёзу, растущую прямо из болота. Подёргал ствол, проверяя на прочность. Потом отвязал себя от верёвки и привязал конец к дереву.
—Слава, держи верёвку в натяг, но только не утопи его! Дерево—твоя страховка. Понял?
—Да!—Славка кивнул и выбрал слабину верёвки.

Потом Славка посмотрел на Сашку и крикнул ему:
—Саня, бросай рюкзак!
—Да как я его брошу-то?!
—Вот так и бросай! Всё, что там есть, уже испортило водой! Спальник мы никогда не просушим!
—А продукты?—Сашка возмущённо проорал, специально подтянулся над палкой и высунул лицо из воды.
—Да пёс с ними!—вступил в разговор Колька.—Я вас и так прокормлю! Вон у Славки есть ещё что погрызть!
—Я всё испортил!—Сашка снова заныл.—Я всегда всем всё порчу! И родителям порчу, и вам тоже!

— Саша! Я же тоже утопил рюкзак! И что? Выжили же! Если бы не вы со Славкой, то кормил бы уже рыбу! А здесь, Сашка, и рыбы-то нет! Обидно! Кормить некого!
— Да плевать! — голос у Сашки был полон угрюмой решимости. — Оставьте меня здесь!
— Нет, Саша! Друзья не бросают друзей! Русские своих не бросают! Ты как хочешь, но мы тебя не бросим! Меня ещё дед учил: «Сам погибай, но товарища выручай!» Что я потом деду своему скажу-то? И что Славка своему отцу-офицеру скажет? Сам подумай!
— Саня! — Славка продумывал, как половчее вытащить Сашку из этой западни. — Сам подумай. Пораскинь мозгами-то! Если бы ты мешал родителям, то они бы тебя давно пристроили в какой-нибудь детский дом.
— Да они меня в закрытую английскую школу попытались засунуть! Я там такое устроил!!! Что они меня оттуда выгнали да ещё все деньги вернули, чтобы родители меня забрали. И не выставляли стоимость нанесённого ущерба!
— Что же такого ты натворил, а? Если бы меня в такую школу родители определили!
— Да ничего особенного. Ну, это по нашим меркам! А по их — это скандал! На Хэллоуин подпёр дверь комнаты снаружи. Верёвку к ручке. Открыл дверь резко — и на тебя ведро с водой выливается, а через полсекунды — перья из двух подушек сверху валятся.
— И что? Нашёл чем удивить!
— Надо же было, чтобы они выбежали! Снаружи я сделал привидение. Простыня. На ней маркером нарисовал ужасную рожу. На палку. Палку на верёвку. Это одна верёвка. На вторую верёвку — кусок пористого пенопласта, так чтобы он плотно к стеклу прилегал. Его когда тянешь, то звук препротивнейший! Да, забыл сказать, что на полу возле двери масла налил оливкового.
— А за что так?
— Да там местный «Протасов» жил, из местных аборигенов — англичан. Всё издевался надо мной. То произношение ему моё не нравится, то толстый я для него. Достал он меня основательно. Вот я и решил ему отомстить, заодно — чтобы меня выгнали. Надоело мне там. Как в концлагере. Это нельзя, то не положено! Душно там! Тесно. Не моё! Да и родители меня как отдали, так и забыли. Ни звонка, ни письма!
— И что?
— Да не рассчитал я кусок пенопласта…
— Как это?
— Большой кусок я выбрал. Оказывается, чем больше кусок пенопласта — звук сильнее.
— И что дальше-то?
— Да ничего. Подождал, когда вся шайка-лейка богатенького англичанина угомонится. Уснёт, но так, чтобы несильно. Они всё конфеты ели, которые на праздник насобирали да родители им прислали… ну и давай пенопласт по стеклу гонять… А визг от пенопласта по стеклу… Это хуже, чем гвоздём по стеклу! Ну, эти проснулись, конечно. А тут я и привидение в ход пустил. Летает оно под окном… Иногда в стекло бьётся. Забыл сказать, что к палке изнутри я фонарик примотал. Всё получилось, как я и хотел.. Эти… Даже ручку не дёргали у двери, так её и вынесли… дверь. Вместе с петлями. В другую сторону вообще-то дверь открывалась. Ну, тут и вода сверху, и перья. Самый главный злодей впереди всех летел орлом. Потом заскользил по маслу, покатились они по коридору… да вот силу звука я не рассчитал… Скрип о стекло разбудил пол-этажа. И воспитатель пришёл. Да не вовремя! Он только вышел из комнаты и пошёл на шум, а тут эти… катятся, как на бобслее спортсмены. Ну и снесли его. Воспитатель сильно ушиб руку, упал он на самого главного моего обидчика… Эх… ну и поймали меня. Да я и сам особо не прятался. Хотел, чтобы поймали. Вот и выгнали. Зато тот, кто меня обижал, он в страхе весь курс держал. Мне потом ещё долго писали благодарственные письма однокурсники. Мол, после этого случая шакал прижал хвост, а родители через месяц его забрали. Стресс у него очень сильный случился, и не может он в этой школе учиться. А когда узнали, в какую школу его пристроили, то написали туда. Так его там задразнили. Когда узнали про пух и перья. У них в Англии, оказывается, это большой позор.
— Молодец! Молодец, Саша!
— Хулиган! Это для них! Если бы ты их ещё зубной пастой перемазал, так они бы от позора сгорели, наверное!

Мальчишки старались отвлечь друга от мрачных мыслей. Колька уже близко подошёл к Сашке.

Он палкой трогал «берега». Плохо. Они не держали веса и уходили под воду.

— Пацаны! — прохрипел Сашка. — Я замёрз. Руки почти не держат. Так что… вы это… отцу передайте, что я его очень люблю! И Лизку я понял, что люблю. Вот так. Повисел в болоте и понял, что всё не так уж и плохо. Папа старается деньги зарабатывать для меня и сестёр. Поэтому и нет его рядом, когда мне хочется. И Лизка — она маленькая, поэтому и бросается к нему на шею. Да и много ли для счастья надо-то? Дом есть. Что покушать — тоже есть. Родители живы. Не живут вместе — это плохо. Но они есть! Я всегда могу к маме слетать в Лондон. Но там скучно. Там красиво, но скучно. В России веселей и лучше. Все нормальные. Без лживых улыбочек. Я так и не научился улыбаться. Сестра научилась. Ей там нравится. А мне нет. Так что счастье — это когда есть дом и родители! И друзья!
— Саня, у меня сейчас розовые сопли из ушей польются от жалости и умиления! — Колька стоял неподалёку, размышляя, как бы вытащить Сашку из болотного плена.

Славке не было видно Сашу, но было слышно.
— Сашка! Ты чего это? Помирать собрался? Не, брат! Шалишь! Мы сюда вместе пришли, вместе и выйдем! Трое зашли, трое и выскочим! Найдём самолёт! Поделим золото и выйдем! Ты мне отчётность не путай! — Славка пытался шутить.
— Да ладно! Прощайте, братцы! Обуза я для вас и для всех. Но понял многое!
— Но если понял, так давай повоюем ещё вместе за жизнь и золото! — Колька максимально подобрался к Сашке.

Но вплотную так и не удалось. Ещё метра три было до открытой воды.
— Значит, так, Саня! Сейчас ты сначала одну руку вытащишь из-под лямки рюкзака, палку не отпускай! Потом вторую руку! А затем мы со Славкой будем тебя вытягивать. Понял?
— Не вытянете! Я же толстый!
— Саня! Ты уже надоел своим нытьём насчёт своего веса! Вытащим! Мы вдвоём, хоть и худые, но вытянем тебя. Наш общий вес больше твоего. К дереву верёвку примотали. Тоже не даст тебе уйти под воду. Готов? Я наблюдаю за тобой. Если что — приду на помощь. Брошусь в воду! Но очень мне этого не хочется! Так ты готов?

Сашка подумал, раскачиваясь на палке.
— Я п-п-п-попробую. З-з-замёрз сильно. Руки с-с-сковало. Не гнутся!
— Давай, Саша! Давай! Не спеши! Я рядом!

Саша медленно расцепил посиневшие пальцы на палке и стал медленно опускать её в воду.
— Вот, вот. Так. Молодец! Теперь руку под лямку рюкзака просовывай — и плечом, плечом. Плечом помогай себе сбросить её.

Сашка что-то делал в воде, пытаясь сбросить лямку.
— Не получается! — прокряхтел он.
— Ничего страшного. Получится, — успокаивал Колька Сашку. — Давай левую руку верни на палку. Попробуй правой рукой. Славка! Будь в готовности! Только верёвку сильно не тяни, а то утопишь! Саша! Левую руку на место! Правой рукой пробуй!
— Не могу! Всё задубело!
— Давай! Чего ты? Ты же мужик! Подумаешь, вода холодная!
— Бросьте меня!
— Не бросим! Не ной! Делай что говорят! Баба! Тряпка половая! Бросай рюкзак! Сопля! — Славка сорвался на крик.

Сашка покраснел от обиды. Снова попытался сбросить рюкзак, перехватывая руки. Получилось с левого плеча. Делал он всё медленно, было видно по мукам на лице, что ему это даётся непросто, тяжело. Он тяжело дышал.

Перехватив руки, он сбросил с правого плеча рюкзак.
— Всё! — он выдохнул. — И что дальше?
— А теперь, Санёк, хоть зубами цепляйся в палку, как собака, но не отпускай её. Славка, готов?
— Давно уже, — Славка кивнул.

Колька подбежал к Славке, привязал себя к верёвке, подёргал, насколько надёжно второй конец привязан к дереву. Поплевал на ладони, взялся верёвку.
— Ну, с Богом! — обращаясь к Славе: — На «и — раз»! Понял? Перехватываем верёвку, тянем. Быстро. Без остановок, пока не вытащим к себе. А то голова уйдёт под воду. Понял?
— Угу.
— Начали! И — раз!

Мальчики дёрнули верёвку. Она натянулась ещё сильнее, и Сашка начал двигаться вперёд. Рывок за рывком. Он вцепился в палку что было сил.
— Сашка! Подними ноги выше головы! Вытащи их из воды! — кричал Славка.
— Н-н-не могу! — заикаясь, хрипел Сашка.

За пять рывков Сашку подтянули к краю болотной «полыньи». Ноги у него были по-прежнему в воде.
— А сейчас сильно! И — р-р-раз! — кричал Колька, упираясь в болотный травяной ковёр и наваливаясь всем телом при рывке.

Дёрнули! Ноги Сашки ушли под травяной настил, самого его вытащило на траву, но она тут же ушла под воду, только благодаря крепкой палке, он не ушёл под воду. Она держала его, упираясь на крепкую основу.

Дёрнули! Ещё раз! Сашка дрогнул, но не вылез из воды.
— Сашка! Помогай! Вытаскивай ноги из воды при рывке! Опирайся на поверхность! Понял?! Борись, урод! Злись! Не кисни! Докажи своему бате, что ты что-то можешь сделать! Что ты не тряпка! Не кусок гудрона! Можешь себя спасти! Ну! И-и-и-и — р-р-раз! Навались!!!

При рывке Сашка с трудом выдрал ногу из чёрной воды и забросил её на тонкий слой травы. Мальчишки дёрнули, и тело Саши двинулось вперёд. Хоть носки его ботинок и были ещё в воде, а само тело было наклонено и готово скатиться назад в воду, но было ясно, что дело пошло!

Ещё раз! Ещё раз! Дело не так быстро, но пошло. Тело в воде было легче, на суше Сашка в намокшей одежде весил больше, чем раньше, но можно было уже не волноваться. Он не утонет! Рывками мальчишки подтянули Сашку поближе к себе, где можно было уже подойти без опаски, что провалишься.

Славка с Колькой повалились на спины на землю, тяжело дыша.
— Вытащили.
— Уф! Фу!
— Спасли!
— Ещё нет! Отогреть надо!
— Сейчас отдышимся и потащим на остров.

— Ага! Там костёр и чай заварим.
— Чая-то нет.
— Лист брусничный сойдёт. Он и пот гонит хорошо. Почти как малина. У тебя в рюкзаке ничего не осталось поесть?
— Нет. Всё съели. Остатки еды у Сашки были. Ягоды будем собирать?
— Нет времени. Да и ягод толком нет сейчас. Черемши наберём. На острове должна быть. И мясо нужно.
— Откуда мясо?
— Придумаю что-нибудь.
— Охотиться будешь?
— Буду. Ладно. Отдышались — потащили!

Не отвязываясь, они подхватили Сашку под руки и почти бегом потянули его к острову.

Он был заросший высокой травой, но там были крепкие деревья. Выделялась на общем фоне огромная ель. В основании она была в несколько обхватов. Под ней был толстый-претолстый слой опавших и высохших иголок, примерно по щиколотку. Тут же валялось множество сухих шишек.

Не доходя метров десять до ели, компания устроила бивуак.

Мальчики отвязались от верёвки. Стали сдирать с Сашки одежду, раздели догола. Славка сбросил рюкзак и вынул оттуда последний спальный мешок. Засунули в него Сашку. Сами начали готовить костёр.

Колька нашёл несколько поваленных сухих не сгнивших деревьев и махал топором, заготавливая дрова. Славка пригоршнями собирал сухие шишки и относил к месту, где будет костёр. Сухие шишки быстро загорелись, давая много жара, но сгорали быстро. Зато подпалили сухие ветки. Костёр быстро занялся. Славка с Колькой без устали таскали дрова, кидая их в костёр.

Сашку била крупная дрожь, прокатываясь по всему телу волнами. Зубы выбивали чечётку.

Колька быстро поставил котелок с водой на огонь, бросил в него брусничных листьев две пригоршни.

На сильном огне вода быстро закипела, и от котелка повалил пар. Колька ещё некоторое время поварил чай, снял с огня. Налил в кружку, сунул в руки Сашке и приказал:
— Пей! Плевать, что горячо и обжигаешься! Надо пить! Чтобы нутро согреть! Пей! Глотай!

Сашка, морщась, сделал первый глоток, стуча зубами о край кружки.
— Славка! Следи за костром, чтобы горел жарче, и Сашка чтобы пил чай. Выпьет кружку — ещё одну, пока не вспотеет!
— Ладно. Ты куда?
— За ужином.
— Сам справишься? Помочь?
— Сам управлюсь! Сашка на тебе! Смотри за ним! Пока не вспотеет — не давай спать!
— Понял.

Сашка поправил ремень, взял топор и пошёл по острову в сторону болота. А чего в сторону его ходить? Кругом вокруг суши и было болото.

Славка сходил, набрал сушняка, наломал ногами и бросил в костёр.

Сашка тем временем хлебал горячую жидкость. Щёки его немного порозовели. Славка налил ему новую порцию.
— Пей!
— Я вроде согрелся. И губы, рот и горло уже обжёг! — Сашка вяло протестовал.
— Ничего. Это зарастёт всё быстро. А вот воспаление лёгких нам тут не нужно.

Мальчишки уже почти не обращали внимания на тучи гнуса, что роился над ними, но почему-то не сильно лез. Славка наломал еловых свежих веток и бросил в костёр. Пошёл густой дым, который отпугнул летучих кровососущих насекомых.

Было слышно, как бродит Колька. Он что-то рубил. Потом несколько раз ругнулся. Что-то чавкало с той стороны, где он бродил.

Сашка выпил третью кружку горячего чая из брусничного листа.
— Уф! Хватит! Пот пошёл! — он вытер лоб тыльной стороной ладони и хотел уже распахнуть спальник.
— Э нет, Сашок! Потей дальше! Вот тебе ещё кружка!
— Не могу! Не хочу!
— Не капризничай! Я не мама! Уговаривать не буду! Волью в горло. Не справлюсь сам — Кольку позову. Пей, кому говорю!

Сашка сделал очередной глоток.
— Славка, у меня в штанах батончик валялся. Посмотри.

Славка снял с дерева Сашкины мокрые штаны и бросил ему.
— На. Сам смотри.

Сашка выудил батончик. Он был помят, но в герметичной упаковке не промок.

Саня разорвал оболочку, оторвал себе кусок, примерно в треть. Протянул Славке.
— На!

Очень, очень хотелось Славке этот сладкий, немного тягучий батончик с орехами. Но он помотал головой:
— Ешь сам, тебе сейчас энергия нужна!
— Да он большой! Ешь! Бери! — Сашка настойчиво протягивал его Славке.

Но Славка молча мотал головой.
— Жуй сам! Вода сейчас в животе остынет, и снова замёрзнешь. Поэтому — ешь!

Запахи шоколада, карамели доносились до Славкиного носа. В животе забурчало, и во рту потекла слюна. Ух как пахнул этот батончик! Кусочек бы! Маленький! Какой же он вкусный! И почему он дома не ел каждый день такой? Такие везде продаются! Славка ещё раз глубоко

вдохнул запах этого вожделенного лакомства. Даже казалось, что язык ощутил небесный вкус его! В животе ещё сильнее заурчало от голода. Чтобы не вводить себя в искушение, Славка пересел поближе к дыму, чтобы тот перебил запах шоколада и прочих сладостей в этом дьявольском искушении.

Чтобы отвлечься от мыслей про еду, он начал рассуждать про неизвестный указатель, что был на карте. Винтовка в квадрате, вернее, в прямоугольнике. И ель.

Он достал карту. Начал рассматривать. Потом аккуратно вынул оригинал ветхой карты.

Вот ель. Она единственная на острове. И за много лет вымахала с высоту многоэтажного дома.

Славка внимательно рассматривал оригинал карты и копию, не упустил ли чего. Даже просмотрел старую карту на просвет: а вдруг там есть проколы, которые указывают верный путь? Он читал об этом в книгах. Еле заметные проколы или наколы.

Но не было ни времени, ни сил у раненого, больного лётчика делать проколы. Просто ёлка, а внизу—прямоугольник с винтовкой.

Славка смотрел на ель.

Что бы сделал лётчик, продрогший, замёрзший, раненый, когда добрался до ели?

Что бы он сделал? Что?

Славка зажмурил глаза до боли в веках. Крепко зажмурил и начал представлять себя лётчиком, который в пургу бредёт по компасу по замёрзшему болоту к единственному ориентиру—ели. У неё широкие, разлапистые ветки. Там можно укрыться от ветра. Широкие корни раскинулись широко. Если нарубить, наломать лапника, можно постелить под себя. Сами ветки под тяжестью снега создают подобие шатра. Там, как в пещере, можно тоже спрятаться.

У него нет времени и сил обследовать весь остров. У него только одна цель—добраться до людей. Значит, он совершенно случайно мог найти то, что потом нанёс на карту. Ориентир.

Славка подошёл к Сашке. Тот хлебал чай.

—Как ты?

—Хорошо!—Сашка был уже пунцовым, и пот градом катил с него.

—Я пойду недалеко. Если что понадобится—кричи. Хорошо?

—Всё нормально. Иди. Спасибо, Слава, спасибо.

—Не за что. Ты бы сам так поступил для меня. Русские своих не бросают.

—И мы ещё и друзья. Правда ведь?

—Правда,—Славка был серьёзен.—Один за всех, и все за одного!

—Точно!—Сашка прихлебнул из кружки.

—Подлить ещё?

—Да.

Славка налил очередную порцию чая. Вылил всё, что было в котелке. Подкинул дров, набрал воды из болота, поставил кипятиться. Сам пошёл к ели.

Решил, что нужно двигаться по спирали вокруг ели, так чтобы она находилась в центре, постепенно приближаясь к ней.

Это он в военных книгах читал. Это называется «двигаться по улитке». Чтобы ничего не пропустить. Так экономишь время и силы.

Он шёл, внимательно смотрел себе под ноги, шевеля листву, траву палкой.

Ничего интересного не было. Он уже почти отчаялся, до ствола ели оставалось не больше двух метров, когда под опавшей хвоей что-то показалось. Это было инородное тело. Позеленевший металл. Славка поднял. И ахнул. Маленькая эмблема: крылышки и винт самолётный. Эмблема Военно-воздушных сил!

Немного не такая, как сейчас. Но похожа! Славка попытался оттереть зелень от латунной эмблемы. Она чуть не рассыпалась в прах, настолько она была тонка, и время с погодой не пощадили эмблему.

Теперь Славка, как метлой, палкой расчищал перед собой землю. Но не было ничего, что было бы достойно внимания.

Вот и корни большой ёлки.

Славка смотрел внимательно под ноги. Ему показалось, что с одной стороны у корней как будто яма, засыпанная лесным мусором. Ткнул палкой, она ударилось в какое-то деревянное покрытие с глухим звуком.

Славка тыкал снова и снова. Палка провалилась. Он упал на колени и начал отрывать руками, выкидывая за спину листья, хвою, ветки. Весь этот хлам царапал руки, но он не обращал внимания, продолжал откапывать вход куда-то. Он и не сомневался, что там на самом деле какой-то вход.

Вот и показалось какое-то подобие двери, сбитой из брёвен из лиственницы.

Она почти сгнила и только каким-то чудом держалась. Славка бил палкой по брёвнам. Они под ударами проламывались местами, но держались. Топор нужен.

Славка оторвался от земли, заорал что есть силы:

—Колька! Тащи топор сюда!

—Это срочно? Можешь подождать?

—Могу.

—Сейчас я обедо-ужин поставлю и приду. Воду поставил кипятиться?

—Поставил!

—Жди!

Славка продолжил бить палкой в брёвна, но они больше не поддавались.

Тогда он начал по-другому. Засунул руку в пробитое отверстие и начал тянуть на себя. Крышка немного дрогнула, но продолжала стоять на месте.

Дёрнув несколько раз, он понял, что это бесполезно. Можно ждать Колю, но можно и иначе попробовать!

Он сбегал за верёвкой. Побежал к ели, но забыл отвязать от дерева, чуть не упал на спину. Отвязал, прибежал к двери. Просунул верёвку сначала в одно отверстие, потом протянул через другое. Завязал крепким морским узлом. Его называют «прямым». Очень крепкий узел. И чем сильнее тянуть, тем сильнее он будет затягиваться. Говорят, что Геракл завязывал на груди так плащ из львиной шкуры.

Славка обвязал вокруг себя верёвку и начал тянуть её на себя, упираясь в землю, дёргая на себя. Потихоньку, сантиметр за сантиметром, крышка, которую не тревожили уже больше семидесяти лет, стала выходить. Медленно, очень медленно, но двигаться.

Славка упирался изо всех сил. И вот… с глухим звуком крышка открыла вход куда-то.

Славка скинул с себя верёвку, бросился к чёрному зеву лаза. Аккуратно сунул голову. Темнота. И в нос шибает какой-то невероятной сыростью и затхлостью. Аж голова кружится и болит сразу.

Славка вышел, прокашлялся. Нужен огонь.

Пошёл к костру. Там Сашка сидел и употреблял неведомо какую по счёту кружку с брусничным чаем.

Колька что-то колдовал над котелком.

— Ужин готовишь?

— Да! Вкуснятина будет — пальчики оближете! — как-то неестественно бодро ответил Колька.

Голос его звучал подозрительно оптимистично. Это не в его манере.

— А что там? — Славка насторожился.

— Сюрприз! — голос у Кольки стал ещё выше и бодрее.

— Давай колись!

— Ну, так… — Колька мялся. — Тебе не всё равно? Кроме этого супа, кушать нечего. Так что выбор не очень большой. А что ты нашёл?

— Лаз какой-то. Пещера, наверное. Дверь кое-как вытащил.

— Так для этого тебе нужен был топор?

— Да. Но потом сам справился.

— И что там?

— Темнота. Пришёл за огнём. Голова сильно болит.

— Это болотный газ. Представь, сколько его там скопилось за столько лет! Пусть проветрится немного! А то полезем и там останемся!

— Нужно поодиночке! И верёвкой обвязаться! Если одному станет плохо, то двое его вытащат на воздух!

— Точно! Ну а сейчас немного подождём и будем кушать! — снова голос у Кольки неестественно бодр.

Рядом лежали какие-то обрубки растений.

— А это что? — Сашка кивнул.

— Осот. Его минут за десять до окончания варки забросим. Жалко, что соли нет.

— Он туда какие-то светло-коричневые штуки забросил, — поябедничал Сашка.

— Это вторая кора от берёзы. Внутренняя кора, — пояснил Колька. — Из верхней коры мы потом можем дёготь выгнать. По болоту шлёпать ещё долго, а его с грязью смешаем и намажемся. Но это потом. Сейчас — ужин, совмещённый с обедом!

Колька помешивал варево, несколько раз пробовал. Славка с Сашкой с напряжением глядели на Кольку.

— Ну и как?

— Нормально. Есть можно! — Колька явно был доволен своим блюдом.

— Дай попробовать! — Славка потянулся к котелку.

— Обойдёшься! Жди! — Колька легонько ударил ложкой Славку по руке.

Славка взял Сашкину одежду и перевернул другой стороной, чтобы быстрее просохла.

— Как ты? — он обратился к Сашке.

— Согрелся. Кашля нет. Соплей нет! — он даже пошмыгал носом. — Жить буду! Только вот комары с гнусом стали кусать. Пока был холодным, не приставали. А сейчас… Любят, наверное, тёплую кровь. Тоже горяченького на ужин захотелось! Как и мы — любят горячий супчик!

— Вода болотная с тебя смыла запах, остудила. А сейчас они летят на запах пота. Вот и простое объяснение, — Колька не отрывался от котелка и периодически пробовал свой суп.

Жидкость в котелке заметно загустела и приобрела коричневый оттенок. Потом он бросил туда нарубленные стебли растений. И снова стал мешать.

— Всё! Готово! — объявил он и снял котелок с огня.

— А ложек у нас всего две! — объявил Сашка — Я свою утопил. А ты, Колька, откуда ложку взял?

— Я ложку ношу в кармане, — пояснил Коля.

— А нам почему не сказал?

— Не знаю. У меня привычка такая. Ничего. Я выстрогаю из деревяшки. Не переживай! Не такая, конечно, изящная будет. Но хлебать можно будет! Инструментов маловато. Только нож да топор.

Славка отдал свою ложку Сашке.

— Ешь! Мне оставите.

— Да нет, Слава! — Сашка хотел отказаться.

— Тебе силы сейчас нужнее. Ешь! Я потом.

Сашка с Колькой по очереди черпали варево из котелка и ели. Сашка первую ложку набрал чуть-чуть. Сначала долго рассматривал, потом нюхал.

— И чем пахнет? — Славке было любопытно.

— Деревом пахнет! — Сашка зажмурился и сунул ложку в рот, пожевал долго и проглотил.

Потом ещё какое-то время сидел, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям.

— И как?

— Нормально!

Сашка стал есть полными ложками. Потом вытащил изо рта какую-то мелкую косточку.
— О! Тут мясо! — удивился он.
— Конечно, мясо! — подтвердил Колька, уплетая быстрее, чем Сашка.
— А какое мясо? — Сашка не отступал.
— Тебе лучше не знать. Не бойся, не змея! Ешь! Славка ждёт!
— Какое мясо? — Сашка не унимался.
— Не важно какое. Мясо, оно и в Африке мясо. Жуй! Глотай! Тебе нужно силы восстановить. Для тебя же старался. Ешь!
— Ох! Чую, что мне лучше не знать! Газа не видят — желудок не страдает, — Сашка снова принялся за еду, и ему снова попалась мелкая кость.

Он уже не рассматривал кость, а просто её обсосал и бросил в костёр.
— Отдалённо напоминает курицу. Но не курица.
— Дичь! — коротко ответил Колька. — Всё, что в лесу поймано, — дичь!

Через несколько минут Колька поскрёб по стенкам котелка, сбрасывая вниз, что там налипло, и объявил:
— Шабаш, Саня! Остальное — Славке!
— Ага! Сейчас. Последнюю ложечку! Уф! Почти наелся! — отвалился. — Тебе, Коля, нужно в городе ресторан открыть, угощать блюдами из таёжных даров!
— Я лучше в деревню. И буду питаться со своего подворья!

Славка поначалу осторожно, потом уже входя во вкус, стал активно есть.

На вкус как будто варёная берёза, но не вызывает отторжения. Там были какие-то варёные луковицы. И отдавало чесноком.
— Нравится? — Колька был осторожен.
— Вкусно, Коля! Очень! Тем более что кушать нечего больше. Я думал, что будем ползать, ягоду собирать. Чесноком пахнет. Черемша?
— Она самая. Чтобы у берёзы немного вкус отбить.

Кусочки белого, почти прозрачного мяса попадались и Славке. В некоторых были мелкие косточки. Ему хотелось определить, чьи это косточки. Но мозг сразу рисовал страшные картинки, а желудок требовал, чтобы мозг замолчал, а Славка продолжил трапезу.

Когда Славка закончил есть, он облизал ложку.
— Жаль, что котелок маловат. Я бы голову туда засунул и вылизал все стенки! Спасибо, Коля! Спасибо, брат! Накормил! Не дал помереть голодной смертью! Спасибо!
— Да! Спасибо, Николай! Выручил! — присоединился Сашка.
— Глядите, пацаны, что я нашёл!

Славка вынул из кармана полуистлевшую эмблему ввс. Пустил её по рукам. Мальчишки рассматривали внимательно, тёрли, пытаясь оттереть грязь.
— Здорово!
— Ух ты!
— Точно лётчик здесь побывал. Просто чудо, что она нашлась. Значит, и карта не врёт, и мы на верном пути.
— А может, там золото?
— Хотелось бы. Но вряд ли.
— А почему, Слава?
— Зима. Он ранен. Ползёт. Ему бы выжить! А тут слитки с золотом тащить на себе!
— Всё верно. Я бы поесть побольше взял. Тушёнки, сала…
— Тебе бы, Саня, поесть только!
— Да! И побольше, можно и без хлеба! От хлеба полнеют! — Сашка рассмеялся и двумя руками покачал свой живот. — Я вот хлеба много ел, от этого и располнел!
— Ладно, Саня! Сиди, охраняй костёр. Сейчас мы сходим и осмотрим тайник или что там. Кипяти воду!
— Воду-то зачем?
— Котелок помыть. Да и кипячёная вода всегда пригодится. Мы не знаем, что там. Пригодится. Чаю, опять же, перед сном попить.

Славка с Колькой двинулись в сторону ели.

Колька попинал дверь-крышку, которую вытащил Славка. Потом присел, пощупал.
— Древняя дверь. Сработана на совесть. Таких гвоздей я не видел. Кованые. Им сноса нет. Сама дверь из лиственницы сделана. На века. Хороший плотник был. Петли, правда, сгнили, поэтому дверь стала как крышка у погреба.

Славка стоял на краю лаза и осторожно нюхал воздух.
— Колька, а болотный газ пахнет?
— Не знаю, но он ядовит. А ты что делаешь?
— Нюхаю.
— Не уверен точно, но, кажется, болотный газ горит. Давай бросим туда горящую ветку.
— А если взорвётся? И всё завалит? За столько лет его там могло много накопиться!
— Так и будем здесь стоять и, как маленькие трёхлетки, бояться войти в тёмную комнату? Ты боишься темноты?
— Ничего я не боюсь! — Славка обиженно шмыгнул носом. — Сейчас сбегаю за головешкой.

Через минуту Славка бросил головню в чёрный зев и тут же отпрянул за косяк.

Славка заткнул уши пальцами и открыл рот. Колька недоуменно смотрел на друга.
— Э-э-э! Ты чего?

Взрыва не было.

Славка вынул пальцы из ушей.
— Я с папой был на стрельбище. Там когда стреляли из миномётов, то он показал, так делать. Чтобы уши сберечь. Не знаю почему, но так помогает. Вернусь домой, обязательно спрошу, зачем так делать.

Славка с Колькой включили фонари и начали осматривать помещение. Были сделаны ступени в земле, обшитые деревянными плахами, ведущие вниз.

Со временем доски стали склизкими, ветхими, вот-вот они могли рассыпаться в прах.

— Давай мы обвяжемся верёвкой, конец привяжем к дереву. Верёвка длинная. Если даже ступени рухнут в тартарары, то сумеем выбраться по верёвке. Если поломаем ноги, то Сашка нас вытянет. Он больше нас — вытащит!

Мальчишки сходили за верёвкой, объяснили Сашке, что делать. Обвязались и начали спуск по очереди. Славка рвался первым. Больше семидесяти лет здесь не ступала нога человека! Что там? Золото? Золото! Эх, только бы там было золото!!! Золото!

Колька пустил верёвку в натяг, придерживая Славку.

— Кричи, рассказывай, что видишь!

— Не видно ничего.

— Совсем?

— Фонарь слабый.

— Давай я тебе факел брошу!

— Давай! Бросай! — Славка остановился.

— А не взорвётся?

— Бросали же головешку. Не взорвалось. Кидай. Я жду. Не двигаюсь.

Колька сбегал к костру, вынул большую ветку берёзовую в огне и бросил в пещеру, натянул верёвку.

— Давай, Славка, иди! И говори! Не молчи! Что видишь?

Слава поднял факел. Стал осматриваться. От факела огня было не сильно больше, но свет был объёмный.

Большая пещера. До потолка метра три. Все каменные стены в потёках, на полу хлюпало. Было видно, что пещера сделана природой, только вход обтесали, нанесли земли и изготовили входные ступени.

Большая пещера. У Славкиных родителей двухкомнатная квартира была меньше.

На стене напротив входа была сделана почти смывшаяся надпись: «Полковник Зак».

Посередине пещеры был сделан помост из дерева. На полметра от земли. Пять метров на пять. На нём были установлены ящики. Много ящиков. Большие, длинные, зелёные. Когда-то были зелёными. Сейчас облезлые, серые, полусгнившие.

Славка аккуратно залез на помост, открыл один из ящиков. Сердце забилось сильно. Дыхание сбилось. Пот потёк по спине, стал заливать глаза.

«Золото! Золото! Вот оно!» — только одна мысль стучала кровью в висках.

Ладони вспотели. Он по очереди отёр их о штаны. На ящике было три накидных замка. Дрожащими руками Славка начал открывать их. Они заржавели, почти истлели. С трудом, но поддавались. Дерево от многолетней сырости стало склизким, руки скользили по нему. Петли ящика тоже основательно заржавели.

Славка из всех сил навалился и приподнял крышку ящика… Она открылась, ударилась и отвалилась. Петли были ветхими. Славка жадно схватил факел и стал осматривать содержимое. Он ждал встречи с золотом!

Золота не было. Были винтовки. Много винтовок. Старинных. Славка с трудом вытащил одну. Она была ржавая, тяжёлая, скользкая от старой смазки и водяной слизи.

— Славка, что там? Нашёл чего? — Колька волновался.

— Спускайся!

— Чего нашёл-то, говорю?

— Оружие!

— Оружие? А золота или чего покушать нет?

— Ящиков много. Надо смотреть. Но пока не нашёл. Топай сюда. Только на входе аккуратнее, там ступени обвалились.

— Сейчас! Я верёвку закреплю и спущусь!

Колька спустился в пещеру, как заправский альпинист спускается по верёвке.

Славка с восхищением смотрел.

— Ты где так научился?

— Крышу с батей в деревне ремонтировали и соседям помогали, вот и научился. Жаль, что жумары утопил, я бы тебе не такое показал! Ну, показывай!

— Вот! Давай вместе смотреть!

Колька деловито взял винтовку у Славки, покрутил в руках. Вынул затвор, отщёлкнул магазин.

— И чего скажешь?

— Ничего не скажу, — Колька пожал плечами. — Винтовка Мосина. Выпущена в тысяча девятьсот десятом. Состояние… — он покрутил в руках. — Не очень. Можно из ящика, думаю, собрать одну целую. А что в других ящиках?

— Не знаю. Давай смотреть.

Мальчишки с трудом переставляли ящики. Но там везде было оружие и патроны к нему. Много оружия. Много патронов. И ящик с гранатами. Славка сказал, чтобы не трогали. Мало ли… Могут и рвануть из-за старости.

— Эх, жаль, что поесть нечего!

— А ты бы стал есть столетние консервы?

— Не знаю. Но снова варить такой суп, что я сделал вам, мне не хочется.

— Нормальный походный суп, — Славка показал большой палец.

— Если бы ты знал, что там внутри…

— Скажи.

— Не буду.

— Да не ломайся ты! Не набивай себе цену!

— Помнишь, мы Юрке заливали, что ферму лягушачью будем открывать на болоте?

— Ну.

— Баранки гну. Понял?
— Лягушки, что ли?..— из тощего Славкиного живота поднялась волна рвотного позыва.
— Ага.

Но живот передумал отторгать из себя пищу.
— Неделю назад меня бы уже вырвало. А сейчас… Гадость, но вкусно. И есть надо что-то. Пусть и не очень хорошее мясо, но мясо. Французы же не дураки. Едят уже много столетий, и ничего. Тьфу!
— Что делать будем?
— Давай обследуем пещеру и потом сюда перетащим лагерь. Здесь почему-то нет комаров и гнуса. На помосте можно спать, да и ящики если по кругу расставить, то тоже можно спать. Костёр наверху оставим. Но небольшой.

На крышке самого верхнего ящика мальчишки нашли надпись, выцарапанную ножом: «*Капитан Буров, ВВС РККА. Самолёт разбился возле порванной скалы в виде моста на отмели. Командир погиб. 18.20.1943*».

Мальчишки переглянулись.
— Точно! Он был здесь!
— Мы на верном пути! Поэтому он поставил метку на карте. Винтовка в прямоугольнике под елью. Тайник под елью. Под корнями ели. И на карте есть Чёртов мост. Всё правильно.

Мальчишки осмотрели ящик внимательно ещё раз. Нашли записку. Вернее, что от неё осталось. Она превратилась в одну большую слизь и при прикосновении просто стекла, развалилась на множество мелких кусочков-комочков.
— Обидно. Но мы на верном пути!
— Сейчас расскажу Сашке!— Колька полез наверх.

Славка остался в пещере, пытаясь найти ещё следы пребывания лётчика.

С трудом нашёл в углу следы кострища из ящика. Не сразу, но заметил, что несколько ящиков были разбиты, а винтовки свалены кучей в углу. Там же валялись патроны. На кострище лежали остатки жестяной коробки из-под патронов. Наверное, лётчик топил снег, кипятил воду, чтобы согреться или сварить себе что-нибудь.

Славка сел рядом с углями и решил представить себе, как тут оказался лётчик.

Вот он идёт, бредёт, ползёт по замёрзшему болоту. Видит большую ель, идёт к ней. Пытается спрятаться от ветра, мороза в её корнях, наломать, нарубить лапника, чтобы устроиться на ночлег или просто немного отдохнуть. Копает, отгребает снег от корней и натыкается на дверь лаза. Открывает её и попадает вниз. Он осматривает пещеру. Лётчик ослаб, болен, ранен. Понимает, что несколько часов он может здесь скоротать.

Сил нет. Он выбрасывает винтовки из ящика, из бумаги, что в оружии, он сооружает костёр, потом ногами ломает ящики и подкладывает в костёр. Выбрасывает патроны. Поднимается наверх, набивает коробку снегом, ломает ветки ели, как может сдирает кору, всё это кидает в снег. Всё это греет, кипятит на огне. Потом сушит одежду. Пьёт мелкими глотками отвар из хвои, коры. И медленно согревается от огня снаружи и тепла от кипятка изнутри.

Славка сидел рядом с давно потухшими углями, и воочию представил, себе как это было. Провёл рукой по стене пещеры. Увидел, что часть стены, закопчённая от костра. На верху копоти было выцарапано три больших вертикальных черты. Славка потрогал их. Внизу нашёл длинный камень. Провёл рядом черту. Почти такая же. Значит, лётчик рисовал им.

Наверное, он отмечал дни, которые провёл здесь. Три дня. Отлёживался, пытался восстановить силы. Один на бескрайнем болоте, один в бескрайней тайге. Тоскливо. Плохо. Страшно. Хотя он же лётчик и не должен бояться!

Чуть ниже лётчик пытался нацарапать Чёртов мост — разорванную дугообразную скалу, речку и под скалой, чуть в стороне — самолёт. И стоит над самолётом восклицательный знак и звёздочка! И чуть дальше был нарисован самолёт и стоял вопросительный знак.

Всё как на карте. Лётчик не был уверен, где самолёт. Но они рядом друг с другом! Значит, найдём! Найдём самолёт! Найдём золото! Золото! Спасибо тебе, лётчик, капитан Буров! Спасибо! Ты нашёл свой последний приют на деревенском погосте, а я нашёл твою карту! Верную карту. С самолётом!

Там самолёт! Карта не врёт! Карта не врёт! И никто не знает! Никто не знает ничего про этот склад с оружием какого-то полковника Зака. И зачем он сделал такой склад? И кому надо было так много оружия? Лучше бы склад золота здесь устроил из Славкиного клада! Или склад еды!

Славка был горд, что он на верном пути. Что поверил карте. И друзья поверили ему!

Славка, совершенно счастливый, сидел на мокром грязном полу пещеры и смотрел на закопчённой стене надписи. Камень, которым царапали надписи, он положил в карман. Казалось, он ощутил тепло руки лётчика.

Послышались голоса сверху. Первым спустился полуодетый Сашка. Потом Колька сбросил всё, что осталось от их снаряжения. Мальчики поймали и уложили на помост и ящики с оружием.

Сашка с удовольствием крутил винтовки.

Он взял две и изображал стрельбу с двух рук. Но они были длинными и тяжёлыми, выпадали из рук. Сашка опёрся спиной о стену, приклады тоже уткнул в пещерную стенку и продолжил корчить из себя боевика:
— Пыф, пыф! Ха! Убит! Пыф!

Он наставил винтовки в сторону мальчишек.

Славка с Колькой замерли на секунду, но тут же заорали на Сашку:
— Убери оружие!

— В сторону винтовки, пока я тебе морду не набил!
— Ты чего? Сдурел? Белены объелся, пока мы тут были?
— Чего вы испугались?— Сашка был ещё в игре и смотрел на друзей непонимающе.— Они же незаряженные! Вы чего?
— Ничего! Нельзя наставлять оружие на людей! Палка раз в год стреляет, а винтовка, пусть ей и сто лет, и подавно!— Колька злился.
— Меня отец тоже учил, я много раз был с ним на стрельбах, что никогда не направляй оружие на людей. Только на войне! У нас с тобой война, Саня?
— Да нет. Не воюем,— Сашка опустил стволы винтовок в пол.— Но здорово же, пацаны! Склад с оружием! Как в кино!
— Ага. Жаль, что есть его нельзя и на хлеб смазку не намажешь!
— Да ладно! Вон сварганил же ты нам супец на обед! Так же и на ужин что-нибудь сообразишь!

Сашка вынул из кармана свой телефон. Из него выливалась вода.

— Эх, жаль, что телефон утопил. Такие бы фотки были!

Было видно, что ему не жалко, что дорогущий смартфон утопил. Вся экспедиция стоила дешевле, чем Сашкин телефон! А вот фотографии не сделать!

— Славка! Давай на телефон сфотографируй меня!
— Не буду,— буркнул Славка.— Батарея нужна. Ещё пригодится!
— Ну и жмот!
— Пусть и жмот, но не дам!— сказал, как отрезал, Славка.

Мальчики начали обустраивать новый лагерь. В пещере было, конечно, теплее, чем на поверхности. Один спальный мешок. Его стелить или укрываться? Помост мокрый, склизкий. Но и сверху тоже холодно. Колька предложил, что он займётся ужином, но без обид и без вопросов о содержимом. А Славка с Сашкой будут рубить камыш, деревья и всё, что может послужить для постели.

Отмахиваясь от комаров, Колькиным топором ребята валили хилые берёзки и ёлочки. Верёвка снова пригодилась. Они обвязались, страховали друг друга и с помощью верёвки вытаскивали дрова.

Заготовить надо было много. И для постели, и для костра.

Колька тем временем ловил лягушек на ужин. Выкапывал корни хвоща, но собирал не корни, а маленькие клубеньки, что росли на них. Корни лопуха тоже пошли в дело. Ну и… лягушки.

Костёр был большой. Вода закипела. Колька принялся кашеварить. А Славка с Сашкой продолжали обустраивать ложе на ночь. Оставшийся последний гимнастический коврик решили положить поперёк в изголовье, чтобы ничто не заползло в ухо. Почему насекомые боятся синтетического коврика, ни Славка, ни Сашка не могли сказать, но почему-то были интуитивно уверены в этом. Не должна болотная живность любить городскую химию.

Славка достал из кармана камень лётчика и принялся царапать на стене: «Здесь были Славка, Колька и Сашка!»— и дата. И провёл одну большую вертикальную черту. Камень спрятал в карман.

— Одна черта— один день?— спросил Сашка.
— Да. Надеюсь, что завтра мы уйдём отсюда.
— Слушай, а ведь мы правильно сделали, что сделали себе фальшивые путёвки на десять дней. У нас что ни день— так засада какая-то. Представь, если бы отпросились бы на три-пять дней. Так и не вернулись бы к сроку.
— Скажи спасибо, что с нами Колька. Мы без него бы уже или домой вернулись, или бы сгинули.
— Это точно. Слушай, а он тебе сказал, что в супе было? Какое-то мясо было. Это я понял. А вот какое, не знаю. Сам думаешь, что за мясо было?
— Не знаю,— Славка соврал.— Он же сам сказал, что нам не нужно знать состав супа. Может, какие-то корешки, похожие на мясо? Не знаю. Съели да съели. Вкусно, и поноса нет— так мой отец говорит.
— Мудрый у тебя предок.
— Деревенский. Жизнь видел.

Мальчики продолжили обустраивать ночлег.

Потом был ужин. Снова Славка и Сашка хлебали Колькино варево и нахваливали его. А Колька напряжённо смотрел на них, не поймут ли, из чего оно сделано.

Ещё до заката мальчики решили лечь спать. День был короткий, но тяжёлый.

Сашка ворочался с боку на бок. То, что он замёрз, как цуцик, и был готов отпустить палку и пойти на дно, не давало ему уснуть.

Он понял, что был готов совершить глупость. И мама с папой его любят, несмотря на то что они далеко друг от друга и не живут вместе. И сестрёнка Лиза, которую он в душе называл «Лизун-облизун». И сам Сашка её тоже любит. И к новой папиной жене Наташе он хорошо относится. Иногда ему хотелось назвать её мамой, но язык не поворачивался. Мама-то, она одна. Она далеко, в Лондоне, но она есть. И Наташа есть. Рядом. И Сашке хотелось, чтобы мама была рядом, но её нет. А Наташа есть. Она как могла пыталась обогреть теплом своей души его. А Сашка был как злой ёрш. Колючки на гребне распушил и колет всех, кто рядом. И отца, и Лизку, и Наташу… и себя тоже.

Стыдно стало Сашке. Очень стыдно. Так, что хотелось плакать от злости и обиды на самого себя. Какой же он был дурак и идиот! Люди, близкие люди пытались помочь ему, а он всех отталкивал от себя. Эгоист. Сухой, каменный, ледяной. Только для себя и под себя. Эгоист!

Вот если бы сейчас, сегодня, Славка и Колька не помогли бы ему вырваться из болотного плена, то и утонул бы он! А они… Славка держал его. Колька уговаривал его как маленького… И ни слова же не сказали, что он струсил, смалодушничал одномоментно, готовый отпустить спасительную палку…

И понял Сашка, что готов жизнь отдать и за родителей своих, и за сестру Лизу, и за тех братьев-сестёр, что в Лондоне, и за Славку с Колькой. За них! За всех! И что он просто какой-то избалованный, никчёмный мальчишка, который капризничает и ничего не делает для окружающих!

Сашке захотелось на воздух. Чтобы подышать. Чтобы слёзы, которые не видели друзья, просохли на ветру.

Славка с Колькой, не подозревая о Сашкиных муках совести, просто сопели, просматривая сны.

Сашка, тихо, чтобы не разбудить своих друзей, выбрался из середины общей постели. Друзья, памятуя, что Сашка сегодня искупался в нетёплой болотной воде, положили его в середину, чтобы согреть теплом своих тел.

Сашка, выбирая верёвку, которая была привязана снаружи, по полуобвалившимся ступеням поднялся наверх.

Чтобы не быть смешным, как в прошлую ночь, он взял с собой фонарик, чтобы, когда что-то непонятно, осветить опасность.

Он стоял и дышал полной грудью, вдыхая ночной воздух. Хорошо! Слёзы просохли на лице.

Ему хотелось разбудить своих друзей и сказать, что он их очень любит и благодарен за своё спасение. Но тут же представил, как Славка скажет спросонья: «Саня, я тебя тоже очень люблю, но дай поспать, чёрт тебя побери! Сто чертей тебе в глотку и главный якорь сверху!» — перевернётся на другой бок и будет спать. А Колька пробурчит: «Саша! Розовые сопли подбери! Ты бы сделал то же самое для нас. А сейчас давай спать! Завтра очень сложный день!» И тоже будет спать дальше.

Эти двое в подземелье оружейного склада не понимали, что спасли Сашке жизнь. Они просто поступили как друзья и не делали из этого трагедии и праздника. Ну, спасли и спасли. Мы же друзья. Сегодня мы тебе жизнь спасли, а завтра ты нам спасёшь! Делов-то!

Сашка слушал ночной лес. Тот ожил и наполнился таинственными звуками. Шорох, треск, угуканье, ухуканье, чьё-то дыхание, всхлипы, взвизги, хлопанье крыльев, вздохи и охи, болотное чавканье.

Над лесом сияла полная луна, наполняя тайгу серебристым неровным светом.

Над болотом стелился неровный, кустообразный туман. Клочьями. Где-то больше, где-то меньше.

Сашка почувствовал, что кто-то за ним наблюдает сверху. Он осторожно поднял глаза. Два жёлтых огромных немигающих огня смотрели на него с ели.

Сашка тяжело, с трудом, громко сглотнул слюну. Страшно!

Ещё три дня назад он бы рванул с места так, что только пятки сверкали. Но после двух дней похода он просто включил фонарь и посветил наверх.

Широкий яркий луч от фонаря выхватил на разлапистой ветке ели сову. Она возмущённо что-то фыркнула, моргнула и отвернула голову назад, показывая всем своим видом возмущение и презрение к наглому мальчишке!

Сашка усмехнулся. Ему стало тепло на душе. Он не убежал от своего страха. Он победил страх! Он — мужчина! Стоит посреди болота. Один. И не боится! Ну, почти не боится! Он — мужик!

Боковым зрением Сашка увидел какое-то движение в тумане. Обернулся, погасил фонарь.

И чуть не вскрикнул от ужаса, страха и неожиданности…

Метрах в двадцати от него по болоту шёл обоз… Вернее, то, что казалось обозом. Десяток лошадей, с опущенными головами, опущенными ушами, медленно брели друг за другом.

Лошади тянули за собой телеги. На телегах что-то лежало, что-то прикрытое тканью, от этого груз был бесформенный. Рядом с каждой телегой брели люди. Они были одеты в старинную одежду. Какие-то пальто, подпоясанные широкими шарфами. Мозг Сашке подсказал, что эти шарфы называются кушаками. А пальто — это армяк. Шапки на головах тоже не такие, какие сейчас носят. Гречник!

Эти три слова — «армяк», «кушак», «гречник» — выплыли откуда-то из глубокого подсознания Сашки. Он и не слышал раньше таких названий. Или забыл.

Было ощущение, что лошади и люди очень устали. Они уже давно идут, но не могут дойти. Все фигуры — тени людей и животных — понурые. Смотрят под ноги, плечи сгорблены, походки у всех шаркающие.

Сашка мгновенно облился холодным, даже ледяным по́том. Сначала он остолбенел. Потом кубарем скатился в склад под землю.

Начал толкать друзей:

— Славка, Колька! Вставайте! Только тихо! Идём со мной!

— Мама! Ещё пять минут — и я иду! Пять минут! — бормотал Славка, пытаясь перевернуться от назойливых Сашкиных толчков, натягивая спальник на голову.

— Саня! Я тебе сейчас эти гнилушки в уши засуну, если ты меня просто так разбудил! — Колька ворчал, не открывая глаз. — Будешь светильником в пещере работать!

— Да не гнилушки это! Пацаны, просыпайтесь! Только тихо!

— Чего там? — Колька проснулся первым.
— Опять совы и жёлтые огни? — Славка напялил очки, но глаза не открыл, сидел покачиваясь.
— Там обоз, — громко прошептал Сашка, показывая пальцем наверх.
— Какой обоз? — Колька покрутил пальцем у виска.
— С золотом? — оживился Славка.
— С привидениями! — Сашка показывал по-прежнему пальцем наверх.

Колька понял, что Сашка от них не отстанет, вздохнул, начал натягивать ботинки.
— Видать, ты наглотался болотной воды немало, вот и мерекается тебе всякая чертовщина. Надо было перекреститься и сплюнуть три раза через левое плечо, приговаривая: «Чур меня, чур!» — тогда бы всякая нечисть бы и отлипла. Можно и «Отче наш» для верности прочитать. Чтобы наверняка!
— Не ворчи, хрыч старый, может, Саня дело говорит, и там обоз с золотом ночью передвигается!

Славка уже проснулся. Но не только он — азарт охотника за сокровищами тоже.

Мальчишки, выбирая верёвку, подталкивая друг друга в зад, выбрались наружу.

Прячась в корнях и низких разлапистых ветках ели, они залегли.
— Ну и где твои привидения? — Колька был раздражён.
— Вон! — Сашка показал пальцем.

Мальчишки посмотрели в указанном направлении.

Там по-прежнему брёл обоз. Яркий лунный свет просвечивал через них. Десять подвод и двадцать человек брели по болоту. На средней телеге откинулась ткань, и огромный самородок мерцал призрачно-ярким жёлтым светом. Было видно, что это золото. Казалось, что он вот-вот свалится с телеги и возницы не увидят это. Все фигуры были одеты почти одинаково. Только один гордо шагал рядом. Он выделялся на фоне других. Он был ярок.

Сапоги хромовые чёрным светом сияли при луне. Остальные были в лаптях и онучах, обмотанных вокруг ног до колена. На голове у этого призрака был чёрный картуз. Чёрный пиджак нараспашку. Рубашка-косоворотка, подпоясанная чёрным узким ремнём. На боку — кобура с револьвером внутри.

Он шагал важно. Подбородок вздёрнут. Небольшая борода лопатой торчала вперёд. Было видно, что он здесь главный. В руках нагайка. Он её свернул пополам, готовый в любой момент пустить в ход — что против лошадей, понуждая их прибавить шаг, что против своих работников, но, как читал Славка, в умелых руках это очень грозное оружие. И Славка догадался, что это тот самый золотопромышленник Славкин!

Хоть тот и шествовал важно, было видно, что он слушает лес, озирается, почти не поводя головой, как тигр, готов к немедленной атаке, к отражению нападения.

Славка надеялся, что Славкин покажет ему, где спрятан обоз с золотом. Он даже приподнялся, чтобы рассмотреть поподробнее. Обоз не шёл, а, скорее, полз. Были видны смертельная усталость и тоска в лицах людей, на мордах лошадей, в позах.

Колька всем телом навалился на Славку и прошипел в ухо:
— Тихо! Лежи тихо! Морок это! Хочет обморочить человека, в глубь трясины увлечь и там схоронить, чтобы он к обозу примкнул, стал в строй с ними и весь срок до Страшного суда шёл с обозом. Видать, погибли они все в один день, не достигли цели. Тихо лежи и повторяй за мной! Крестись!

Славка, хоть и прижатый Колькой, как мог, перекрестился и стал повторять за Колькой:
— Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь.

Обоз уходил в глубь болота. Когда Колька со Славкой начали читать молитву, Славкин замедлил шаг, стал крутить головой и, кажется, принюхиваться. Как будто чуял угрозу, опасность, но не мог понять откуда. Как зверь чует охотников, но не видит их. И когда мальчишки почти синхронно сказали: «Аминь», — остановился, казалось, что посмотрел на них — сразу потянуло склепным холодом, и погрозил кулаком, в котором была нагайка, потом резко на каблуках развернулся и пошагал со своим обозом в туман.

И сразу туман сгустился, почти закрыв луну и все окрестности. И холодной сыростью накрыло мальчишек. Казалось, что пар пошёл внезапно изо рта.

Колька только прошептал еле слышно:
— Уходим! В подвал!

И подал пример. По-пластунски пополз в сторону лаза. Змейкой, головой вперёд, нырнул в чёрный провал входа. Хватая верёвку, слез внутрь, перевернулся на ноги. Протянул руки, помог спуститься Славке, потом они вдвоём приняли тяжеленного Сашку.

Все тяжело дышали, как будто пробежали три километра.
— Ну как? — Сашка был горд. — С ума же все вместе не сходят. А поодиночке. Вы видели?! Видели? Обоз видели? И этого… самого яркого и страшного?!
— Видели, не видели — какая разница! Тьфу! — Колька сплюнул на земляной пол. — Обманка всё это. Для того чтобы новые души ловить! Слышал я про такие вот дела. Старики в деревне говорили. Я думал, что страшилки, так, детей маленьких долгими зимними вечерами пугать… Видать,

ошибался я. Не сказки. Но кто поверит? Да и зачем кому-то рассказывать? Не было ничего, коль мимо прошло. Свят, свят, свят! — Колька быстро трижды перекрестился.
— А тот! Главный! Видели, как он нам плёткой пригрозил? — Сашка не унимался.
— Н-н-не плётка, а н-н-нагайка! — Славка снова стал заикаться от волнения, потёр свои плечи. — Озяб я что-то. И не просто главный это. Славкин это. Я так думаю. Тот самый его знаменитый обоз. Видели, как самородок сиял? Всё серое. А самородок, как голова быка, сияет, как фонарь в ночи. Приди — возьми меня! Я хотел проследить, куда пойдут, да Колька придавил, да молитву прочитали. Если б не он… Я, может, и пошёл бы за обозом в болото. Тьфу! — Славка плюнул точно так же, как и Колька. — Правильно Колька мне в ухо шепнул, что морок всё это. Обман. Обманка. Не всё золото, что блестит.

Сашка был радостно возбуждён, всё болтал и болтал, переживая заново приключение. Славка и Колька были угрюмы, стали снова готовиться ко сну.

Каждый думал о своём. Славка — о том, что все эти люди умерли насильственной смертью, коль души бродят уже полтора столетия по этим болотам, а значит, и золото где-то в этих болотах лежит. Эх! Узнать бы точно, где оно лежит, да поднять его! Эх!

Колька же думал, вспоминал свою деревню и всё, что ему старые люди говорили, что нужно делать, когда в лесу встречаешь призрака, лешего, кикимору. Он даже тёр лоб кулаком в надежде, что это поможет.

Кто бы мог подумать, что всё это пригодится! Ушёл бы Славка на болото, так и остался бы там! А если бы Славкин пришёл бы к ним? Что делать?

Колька из двух веток соорудил крест, перекрестился и приладил его к земляной лестнице.
— Всё, хватит болтать. Не бабы, чтобы из пустого в порожнее переливать. Пошли спать! Завтра нам Чёртов мост штурмовать! За ним, судя по карте, и самолёт. Даст Бог, и управимся за день. Нам силы нужны. Спать!

Славка и Сашка послушались и полезли под спальник.
— А если до ветру захочется?! — подал голос Сашка.
— Терпеть! — отрезал Колька, укладываясь в постель.
— А если невтерпёж? — настаивал Сашка.
— Терпеть!!! — зарычал Колька. — Мы видели обоз. Неизвестно, что или кто шляется ночью по болоту. Сейчас обошлось. А через час — не знаю. Это, может, разведка была духовская. А кто дальше будет? Вий? Спать! Всем! Немедленно!

Мальчишки легли и забылись тревожным сном. У каждого был свой сон. Но все воевали с кем-то и побеждали!

Наутро мальчишки смотрели в то место, где ночью прошёл призрачный обоз. Ничего не видно, ни следов, ни намёка, что ночью здесь что-то происходило. Только трава и вода. Колька поднял камень и кинул в траву, где проходил обоз.

Казалось, что травяной покров такой же, как и везде. Толстый, надёжный. Но где упал камень, поднялся фонтанчик воды. Трава просто прикрывала воду. И любой, кто бы пошёл за обозом, утонул.
— Понял? — Колька спросил у Славки.
— Угу, — Славка исподлобья смотрел на болото, понимая, что его могли заманить в ловушку.
— Тьфу! — плюнул он в болото. Потом скрутил фигу и показал болоту: — На! Выкуси!

Мальчишки быстро свернули лагерь. Там и сворачивать-то особо нечего было. Всё поместилось в один рюкзак Славки. Он пытался передать его товарищам, чтобы они его понесли.
— Нет, друг! — Колька положил руку на Славкино плечо. — Мне доверять его нельзя! Я свой уже утопил, боюсь, что и с твоим такое же получится!
— Я тоже! — Сашка тоже был рад не нести Славкину ношу.
— У меня такое ощущение, что вы их специально утопили, чтобы не тащить! — бурчал громко Славка, забрасывая рюкзак.

Потом Славка достал компас, чтобы посмотреть. Стрелка компаса вела себя странно. Она колебалась вправо-влево, потом медленно сделала полный оборот.
— Эй! Пацаны! Смотрите, что делается!

Он показал, что происходит с компасом.
— Дядя Паша говорил, что здесь есть залежи магнитной руды, вот стрелка с ума и сходит. Может, поэтому и самолёт упал?
— Может, и поэтому, — Сашка деловито кивнул.
— Место здесь странное, вот и души умерших намагнитились и не улетают. Уходить надо отсюда. И побыстрее, — Колька был хмур. — Нехорошее здесь место. Поганое. Болото, оно и есть болото.

Славка и Сашка быстро свернули лагерь. Крышку входа в лаз поместили на место. Взяли несколько камней и как могли забили её в пазы. Неровно, неплотно, но она встала на место.

Снова обмотались верёвкой и пошли в направлении разрушенной скалы под названием Чёртов мост.

Болото выходило к нему. Колька не торопился. Казалось, что можно идти короткой дорогой, но он набрал полные карманы камней на острове, и где у него вызывало сомнения, то бросал перед собой. Интуиция его не подвела. Как и ночью, казалось, что травяной ковёр надёжен и выдержит тебя, камушки с лёгким всплеском уходили под воду.

Тогда Колька кидал в сторону. До тех пор, пока не был уверен в прочности тропы.

Сашка шёл посередине и, памятуя своё вчерашнее купание, тоже, прежде чем ступить, ощупывал ногой, шевелил траву палкой, чтобы выгнать там засевшую местную живность. Но, кроме встревоженных лягушек, никто не выползал, не выбегал.

Только птицы вспархивали и своими криками предупреждали таёжных обитателей о пришествии чужаков.

Мальчики не обращали внимания на птиц. У них была только одна задача—дойти до этого моста и найти самолёт!

Солнце уже взошло и слепило мальчишек, когда они вышли к скале.

Славка вышел последним, с удовольствием стянул с плеч рюкзак, бросил его на землю. Растёр затёкшие плечи, шею и потопал по камням.

— Эх, хорошо же, братцы, по земле ходить, а не по болоту, которое под тобой качается. Мне всю ночь снилось, что меня качает. Как на корабле или после поезда. Вроде уже и приехал, а тебя в голове всё равно шатает, качает, штормит. А тут—красота! Твёрдая почва! Эх! Хорошо же!

И он с удовольствием топнул ещё раз по земле.

— Давай смотреть, чего дальше,—Колька был сосредоточен.

Достали карты, развернули, стали ориентироваться на местности. Как и предполагали, лётчик пришёл, приполз с другого берега реки. Зимой это, пожалуй, самое удобное место.

Много тысяч лет назад вода пробила в скале отверстие, часть свода скалы обрушилась вниз, частично запрудив реку, создала пороги на реке. Вода шумела, билась среди огромных валунов. Отвесные скалы, и только здесь более пологий спуск. Вода в половодье сточила окрестные скалы. Зимой, когда река скована льдом, только тут можно более безопасно спуститься к реке и потом подняться по противоположному берегу. Но это зимой. Сейчас же шум, грохот рвущейся через камни воды как бы говорил мальчикам, что перед ними сложная и опасная задача.

Даже смотря сверху вниз, становилось страшно, что вот нужно пройти эти двадцать метров. По мокрым камням, сбиваемому водой.

Или же карабкаться наверх, на скалу, ещё метров на пять, а там, сверху, ползти. Только непонятно, как пройти по этой разорванной скале. Там метров пять разрыв. А внизу под тобой метров двадцать свободного падения.

Колька жевал травинку, перекидывая её из одного угла рта в другой.

— Ну что, как пойдём?—Славка бросил камушек вниз и смотрел, как тот падает в пену воды.

— Не знаю. Думаю,—Колька также следил за падением Славкиного камня.

— Сверху будет вроде как и покороче, но там метров десять неизвестно как пройти. Мост делать? Из чего? Лес валить? А как его затащить?

— Верёвку перекинуть и по ней переправиться?—предложил Сашка.

— Как ты её на той стороне закрепишь, умник?—Колька смотрел наверх.

— Можно, что один переправится понизу, двое страхуют, потом он в одиночку заберётся наверх и перебросит сюда свой конец верёвки,—настаивал Сашка.—И двое переберутся по ней, не намочив ног. Я вчера искупался, мне так не хочется в воду!

— За свой конец верёвки я уверен,—Колька обдумывал.—А вот как вы закрепите свой? Это ещё вопрос. Если сорвётесь, то повиснете и о скалы можете разбиться. Верёвка может перерезаться об острые камни. И тогда—привет родителям! Шмяк! И мозги по реке поплывут. Был бы опытный кто ещё.

— Если один переберётся понизу, то и остальные смогут!—Славка встрял в разговор.—А то один понизу, остальные поверху. Чего мы разделяться-то будем?!

Колька с Сашкой смотрели на Славку. Колька с одобрением, а Сашка—с осуждением.

— Ладно, Колька, как самый опытный, пойдёт первым,—начал Саня.—Мы страхуем. Привязываем верёвку на берегу и вдвоём, если что, вытягиваем на берег. Так?

— Так,—Славка кивнул.

— Потом ещё один идёт. Как он идёт?

— Верёвку натягиваем поперёк реки. Страховочную верёвку привязываем к основной свободной петлёй. Делаем обвязку под ногами, поясом, плечами. Даже если и споткнётся, то повиснет на основной верёвке, сможет встать на ноги, идти дальше. Так понятно? Одному тонущего не удержать. Потом третий отвязывает конец на этом берегу, привязывает себя и топает. Двое его страхуют. Так понятно?

— Понятно,—Сашка кивнул.—Только давайте я пойду вторым!

— Иди,—Славка пожал плечами.

— Было бы народу побольше да постарше, то, конечно, можно было бы и мост навести над разорванными камнями. Но как мы втроём лесины затянем наверх и уложим ровно? Мало народу! Не выдюжим!—Колька смотрел на разрыв в скале.—Жаль. Так бы здорово было. И переправа бы потом людям осталась на много лет. Они бы ходили и говорили бы спасибо неизвестным строителям, то есть нам с вами. Жаль. Ладно, давайте будем думать, как спуститься так, чтобы шею и ноги не поломать.

— Надо, чтобы Колька последним спускался. Он верёвку отвяжет и спустится,—вылез Сашка.

— Ага, и поломает себе всё, что можно и нельзя,—Славка смотрел вниз.

Спуск был крутой.

— Ты потом его мешок с костями потащишь домой?—Славка смотрел на Сашку зло.

— Ну давайте будем тащить соломинку! — Сашка стал срывать травинки.
— Не надо ничего тащить. Можно по-другому. Вот смотрите, верёвка у нас длинная. Одного спускаем вниз, страхуя сверху. Потом верёвку перебрасываем через дерево, два конца вниз. Один внизу держит конец, страхует второго. Кто наверху, страхует тоже. Третий обвязывается, и двое внизу страхуют его. Потом верёвка просто сдёргивается вниз. Так пойдёт? — Славка вспотел, пока говорил.

Волновался очень.
— Дело говоришь! — Колька одобрительно хлопнул его плечу. — Годится! Кто пойдёт первым?
— Давай я! — предложил Сашка.

Его обвязали вокруг пояса и начали осторожно спускать вниз.
— Спускай помалу! Майна вниз! Трави! — Сашке было весело.

Славке с Колькой было невесело. Сашка был тяжёл.
— Стравливай верёвку медленно, чтобы рывков не было! — шипел Колька сквозь зубы.
— Угу! В воде он был легче!
— Предлагаешь его окунуть, чтобы потом вытащить? — кряхтел Колька.
— Это очень интересная мысль! Но там мы с ним находились в горизонтали, а сейчас в вертикали. Потом всё равно его вверх тянуть придётся. Поэтому — пусть живёт!
— Эх, надо было его третьим пустить!
— А какая разница, как вертикальную скорость падения гасить? Либо вниз верёвку удерживаем, либо вверх.
— Когда вверх, то просто навались своим весом и стравливай. А тут и спину сорвать можно с таким кабанчиком!

Потом Колька крикнул Сашке:
— Саня, скоро там уже берег?
— Ещё метров пять! Вы держите! Не бросайте! — озабоченно проорал Сашка из-под обрыва.
— А то уже кажется, что мы тебя на тот берег спускаем! Верёвка скоро кончится!
— Не ври, Колька! Верёвка длинная! Хватит на меня! Спускайте без рывков, а то спине больно!
— Схватись за верёвку и подтянись! Чтобы нагрузка шла на руки, а не на пояс! А то дёрнешься ты или мы — и сломаем тебе спину. А тащить тебя мне неохота! Натаскался уже за два дня!
— Сейчас подтянусь! Подождите! — крикнул Сашка, и верёвка задёргалась. — Всё! Так действительно легче!
— Ну, так и держись!

Сашку спустили. Он крикнул. Отвязался. Потом полез Славка. Вернее, он сначала спустил рюкзак, привязав его к верёвке, а потом обвязался и полез вниз. Сашка — снизу, Колька — сверху страховали его.

Сашка натянул верёвку так, что Славка повис между небом и землёй. Колька кричал ему, чтобы тот немного отпускал. Славка командовал обоим. Но у Сашки внезапно сильно зачесалась нога.
— Ой, не могу! Сейчас ногу почешу! Кажется, кто-то укусил!
— Мыться чаще надо! Тогда и чесаться не будешь! — гремел Колька сверху.

Сашка отпустил верёвку, Кольке приходилось удерживать Славку одному, а это было нелегко.
— Давай быстрее! У меня уже мочи нет держать! Руки затекли, и спина не держит! Сейчас отпущу!
— Коля, держись! Сашка! Олух царя небесного! Хватай верёвку! А то грохнусь — костей не соберу! Держи, пенёк трухлявый!
— Сейчас!

Сашка чесал ожесточённо ногу, как шелудивый пёс чешет за ухом, выгоняя оттуда блох.

Потом Сашка схватил верёвку и рванул её на себя так, что Славку дёрнуло вверх, а Колька от неожиданности сел на землю.
— Потише! Не дёргай! Трави потихоньку! — заорал Колька.
— Вас не поймёшь: то дёргай, то не дёргай! — ворчал Сашка.
— Мы тебя как яичко куриное опустили на землю, ты даже не почувствовал, а сам дёргаешь, как слонопотам!

Славку спустили на землю. Он с удовольствием отвязался. Потёр кожу, где надавило верёвкой.
— Колька! Привязывайся! Мы тебя сейчас спускать будем! — крикнул Славка.
— Смотри, чтобы Сашка почесался везде, где может, чтобы потом не хотелось ему это сделать!
— Саня, ты почесался?
— Да, всё нормально! — бурчал Сашка под нос, обматывая для страховки верёвку вокруг себя.

Спускали Кольку с предосторожностями. Без рывков. Затем сдёрнули верёвку.
— Ну а сейчас надо перебраться на другой берег мне, — Колька не отвязывал себя.
— Подожди! — Сашка подошёл. — Отрежь от верёвки сколько надо и обвяжи меня. Ты будешь на другом берегу, а Славка не умеет, и я тоже. Мне что, без страховки перебираться? Ты сейчас будешь обвязан, Славка потом, а я?
— Ладно! Давай!

Колька молча, сноровисто сделал из верёвки обвязку вокруг Сашки наподобие той, что у парашютистов. Вокруг ног, плеч и пояса. От пояса он сделал большую петлю.
— Вот смотри. Когда пойдёшь и мы натянем основную верёвку, то перебрасываешь петлю и вот так затягиваешь здесь. Перебираешь руками по основной верёвке, гляди под ноги!
— А может, я, как обезьяна, спиной вниз?
— Мы не натянем так верёвку, чтобы она как струна была. Поэтому зад и спину намочишь и можешь

спиной о камни грохнуться. Поломаешь спину, ноги откажут, инвалидной коляски под рукой нет, и что нам с тобой делать? Поэтому то, что видел в кино,—не жизнь. Потопаешь нормально. Обвязка нормальная, выдержит. Главное—привяжи к основной верёвке покрепче и держись за неё. И помни: если упадёшь в воду, то на помощь придём тебе, но мы со Славкой без страховки. Понял?

— Вас может смыть?—Сашка кивнул головой.— Надо самому выбираться.

— Ну, примерно так,—Колька говорил, а сам рассматривал реку, прокладывая себе путь на другой берег.

Колька сам себя обвязал вокруг талии, подёргал, надёжно ли. Посмотрел в небо. Вздохнул глубоко, как перед прыжком в воду, задержал дыхание, перекрестился.

Славка обмотал верёвку вокруг пояса у себя. Сашка сделал то же самое. Встали боком к реке, широко расставив ноги. Так, чтобы в случае чего можно было своим телом застопорить верёвку и не дать Кольке далеко уплыть по течению.

Вода с шумом билась между валунов. И было страшно упасть в такую воду. Можно разбиться о камни. Это не ровное течение, там, где Колька упал в воду. Тут страшно. Очень.

Жизнь Кольки была в руках Славки и Сашки. И они это понимали.

— С Богом!— и, обращаясь к товарищам:—Верёвку сильно не натягивайте. Мне течение преодолевать и тащить ещё верёвку из ваших рук. Так, небольшую слабину давайте. Ну, всё! Я пошёл!

И сделал первый шаг на большой валун, опираясь на палку. Постоял, осматриваясь, выбирая, куда шагнуть. Вогнал палку между двух валунов и прыгнул.

Славка с Сашкой стравливали верёвку так, чтобы не сдёрнуть Кольку в воду. Верёвка провисла и уже лежала в воде.

— Сильно не отпускай, а то верёвка запутается между камней!—Славка вспотел от напряжения.

— Да знаю я! Не зуди!—огрызнулся Сашка.—Сам переживаю.

Колька встал на камень, но он скользкий, нога сорвалась.

— Натягивай!—заорал Славка.

Сашка сделал шаг назад, выбрал верёвку, натянул. Славка натянул тоже. Верёвка вышла из воды и, прогибаясь под собственным весом, натянулась.

Колька уцепился одной рукой за палкой, а другой за спиной за верёвку. Устоял на одной ноге, вытянул ногу из воды. Было видно, что до середины голени нога была мокрая.

— Я в порядке!—крикнул Колька.—Ослабьте верёвку.

— Фу!—Сашка смахнул пот со лба.—Я испугался.

— Я тоже. Всё, снова следим. Пока неплохо получилось. Поехали!

— Давай!

И снова Колька выбирает место для нового шага-прыжка. Он пытается укрепить свою палку между камней. Но не получается. То она становится криво, то в другом месте такое сильное течение, что неожиданно почти выбивает палку из рук. В третьем месте палка почти полностью уходит под воду. Было видно, что Колька сердится, психует, потом снова берёт себя в руки, успокаивается и возобновляет попытки. Снова тычет между осклизлых, местами поросших водорослями камней, пытаясь найти точку опоры. Сложно. Очень. И страшно. Тоже очень. Славка с Сашкой буквально по сантиметрам отпускали верёвку, готовые в любую секунду натянуть её.

Колька прекратил попытки найти подходящую опору для палки. Обернулся к друзьям:

— Стравите метра три. Буду так прыгать. Готовы?

— Сейчас!

— Отпускай!

— Ага!

Товарищи скинули требуемое количество верёвки. Она легла на камни и тут же под действием напора воды вытянулась дугой на реке.

— Как бы не зацепилась за камни!

— Будем надеяться, что пронесёт! Коля! Всё готово!

Колька махнул рукой, не отрывая взгляда от места, куда он собирался прыгать. Присел немного, размахивая руками, и… прыгнул!!!

Он приземлился на большой валун, тут же сорвался в воду одной ногой, только успел палку воткнуть рядом. Она встала твёрдо. Колька повис на ней. Подтянулся. Вытащил ногу. Почти вся штанина была в воде.

— Коля, ты как?

— Вроде нормально. Только, кажется, немного вывихнул,—он нагнулся и потёр стопу.

— Дальше-то сможешь идти?

— Думаю, что смогу!

— Постой, отдохни!

— Нам сегодня надо закончить всё! А если будем отдыхать, так и до первого сентября не успеем. Будем здесь скакать, как обезьяны, пока река зимой не встанет ото льда! Не орите! Всё нормально. Как бабы, заквохтали!

— Бабы не квохчут, а причитают! Это курицы квохчут!

— Много ты понимаешь! Я знавал таких, которые причитают, как курицы. Всё! Заткнулись и не мешайте! Два метра свободы верёвке!

Товарищи отпустили в свободное плавание по реке требуемое количество верёвки.

Колька продолжил свой путь. Палку загнал, прицелился, прыгнул. Устоял, размахивая руками. Бушующая вода в порогах уже заглушала его голос. Он три раза резко махнул рукой вниз.

— Как думаешь, что это он нам хочет сказать?

— Наверное, три метра.

— Наверное. Травим?
— Ага.
И так после каждого прыжка. Колька махал рукой, сколько ему нужно для следующего прыжка свободной верёвки. Славка с Сашкой отпускали. И так несколько раз. Колька уверенно приближался к противоположному берегу.
И вот он добрался! Он поднял две руки в победном жесте, потряс ими! Друзья тоже обрадовались.
— Уф! Я вспотел от волнения!
— Молодец Колька! Ей-ей, молодец!
— Давай крепить конец, как Колька даст команду.
Общими усилиями решили, что крепить будут к ближайшей большой сосне, притулившейся к скале.
Колька появился снова на берегу и покрутил руками, как будто кистями что-то наматывал.
— Ну, всё, вяжем!
Натянули максимально, сколько хватило сил. Подёргали — прочно. Уф!
Сашка начал себя привязывать к верёвке. Славка помогал. Закрепили.
— Попрыгай, повиси на верёвке: выдержит?
Сашка поджал ноги и повис. Основная верёвка, что с берега на берег, провисла, и Сашка опустился на землю на коленях.
— Нормально. Держит. Ну, я пошёл!
— Обожди!
Славка достал свой телефон и вложил его в Сашкин нагрудный карман куртки.
— Зачем? — Сашка удивился.
— Ты свой утопил. Колька вообще не брал. Последний телефон на нашу компанию.
— Так связи всё равно нет.
— Понимаешь, если я его утоплю, отец три шкуры спустит с меня. И когда купит новый — неизвестно. Ты на привязи идёшь, а я могу упасть и притопить его. А я этого очень не хочу делать! И вдруг мы найдём сотовую вышку? Пригодится.
— Понятно! — Сашка хлопнул по плечу друга. — Не дрейфь! Найдём золото — купишь себе телефонную фабрику и будешь каждый день менять на новую модель!
—Угу,— Славка угрюмо кивнул и ещё раз подёргал верёвки вокруг Сашки.
— Ну, всё! Смотри, как я буду скакать по камням.
— Ты особо не гарцуй. Это не игра! Береги телефон мой!
— Хорошо.
И Сашка отправился в поход на другой берег. Верёвка сильно провисала под собственной тяжестью и посередине реки почти касалась воды.
Саня, точно так же, как и Колька, вгонял палку впереди между камней, потом прыгал. Пару раз он срывался и проваливался между камней. До середины реки он был уже по пояс мокрый. Было слышно, как он ругает себя, реку, мокрые камни, течение, солнце, что светит ему в глаза. Но он упорно шёл вперёд. Хватался за верёвку, подтягивал своё тело вперёд, выбираясь из воды, поднимаясь с колен на мокрых валунах. Отёр лицо от пота и воды и снова примерился, прыгнул, устоял, схватился за палку-посох. Эх, молодец Колька, что вырубил им такие прочные посохи.
Славка — с одного берега, Колька — с другого тревожно наблюдали, как Сашка перебирается с камня на камень.
Колька уже разложил костёр и сушил там свои брюки и обувь. Из коры берёзы сделал себе что-то типа тапочек, чтобы не босыми ногами стоять на мокром холодном берегу, поджидал Сашку.
Сашка стал делать остановки, отдыхая, выискивая место, куда воткнуть палку и как правильно совершить прыжок.
И вот Сашка приблизился к берегу. Колька кричал ему, куда удобнее прыгать. И Сашка прыгал по его указаниям. Перебрался.
Колька его обнял. Отвязал от основной верёвки. Колька с Сашкой призывно замахали, показывая Славке, что пора и ему присоединиться к ним.
Славка с трудом отвязал верёвку от сосны. Одно дело вдвоём завязывать узлы, для прочности упираться ногами в ствол и тянуть со всей мочи верёвку. И совершенно иное дело, сдирая кожу с пальцев, распутывать узлы. И Сашки нет рядом, чтобы помог. Не звать же его обратно! Сам управлюсь!
Распутал, развязал, растянул узлы. Пальцы саднило.
Верёвку «скользящим» узлом завязал, эту самозатягивающуюся петлю — на пояс. Узел проверенный, выдержит! Помахал друзьям. Те стали выбирать верёвку, чтобы подстраховать Славку. И вот она натянулась, подёргалась — так друзья звали Славку к переходу через реку.
Славка часто дышал, сердце бешено билось. Он поддёрнул рюкзак повыше. Очки на переносице загнал поглубже.
Эх, надо было рюкзак отдать Сашке, подумалось Славке, но поздно. Надо идти!
Славка запоминал, как шли-прыгали Колька и Сашка. У каждого был свой маршрут. Оно и понятно. Колька ловчее, легче, жилистее, более физически подготовлен, чем Сашка.
Сашка выбирал путь длиннее, но там, где можно было меньше прыгать, чтобы камни были ближе друг к другу.
Славка считал, что у него физическая подготовка лучше, чем у Сашки, ноги у него длиннее, чем у Кольки, значит, он может прыгать дальше.
Он решил пойти Колькиным маршрутом. И даже немного улучшить результат. Надо сегодня найти самолёт! Надо!
Палку максимально выбросил вперёд, почувствовал, что она вошла между камнями, с небольшого разбега оттолкнулся и прыгнул так, как

прыгают через канаву, опираясь на палку. Палка осталась позади, приземлился на камень, ноги заскользили. Сила инерции бросила его вперёд, рюкзак толкал его в воду. Славка судорожно левой рукой вцепился в палку, а правой замахал, стараясь удержаться на округлом склизком мокром валуне. Просто чудом удалось это сделать.

Славка боялся, что пацаны сейчас дёрнут веревку и он слетит в реку.

Ему очень хотелось не замочить, не утопить рюкзак. С одной стороны, там были ценные вещи, ценные для выживания в тайге, а с другой — ему хотелось утереть нос друзьям, что он спас свой рюкзак, в отличие от них, которые утопили свои.

Сашка с Колькой одобрительно заорали, поддерживая Славку. Но крики публики, пусть даже и друзей, ему сейчас ни к чему. Отвлекают.

Славка выдернул палку и решил, что так больше сигать не стоит. Он вставил палку между валунов, прыгнул. Снова сумел устоять. Неплохо. Сашка с Колькой примерно тут свалились.

И снова палку выдернул, воткнул, тщательно выверил, куда прыгать, оттолкнулся и, не выпуская палку, перелетел, приземлился.

Вот и середина реки. Жаль, что нельзя прыгать по прямой, а приходится вот так — зигзагами. Снова поправил рюкзак, очки, примерился, прыгнул… Палка, пока он летел, ушла по течению. Славка потерял опору… И полетел вперёд. Выставил руки вперёд. Каким-то чудом удалось устоять. Выпрямился. Осмотрелся.

Друзья натянули верёвку. Славка потянул на себя, выбирая, ослабляя её.

— Так. Спокойно, Слава, спокойно! — сам с собой говорил Славка, успокаивая рвущееся сердце.— Думай. Думай! Палки нет. Опираться не на что. Это плохо. Я почти сухой. Это хорошо. Рюкзак целый. Это хорошо. Впереди ещё полпути. Это и хорошо, и плохо. Хорошо, что половину я уже одолел. Плохо, что столько же впереди. Положительного больше, чем плохого. Значит, надо топать вперёд. Эх, жалко, что я не орёл. Взял бы да полетел! Эх! Ладно. Буду прыгать, как зайчик, с камушка на валун! Уф! — он сильно выдохнул.— Начали! Бог не выдаст — свинья не съест!

Славка понимал, что уже нельзя совершать большие прыжки. Нужно делать маленькие шаги, а не прыжки. Выбирать камни, не покрытые водорослями, они-то самые скользкие!

И Славка начал выбирать такие. Пусть медленно, но он продвигался к берегу, к товарищам.

Те, стоя на берегу, напряжённо следили за Славкиными перемещениями. Когда уже оставалось немного, Славка мог слышать их крики:

— Молодец, Славян!

— Давай. Всё правильно. Маленькими шагами. Тут рядом, мы тебя на берег вытянем, если упадёшь! Держись!

— Немного осталось!

И Славка шагал. Сначала осторожно трогал камень, проверяя, устойчив он или нет, склизкий ли, крепко ли стоит нога. Значит, и вторую можно ставить! И так снова и снова. Сосредоточиться только на ногах, воде, камнях. И только не упасть! Только держаться! Только вперёд! Держаться! Сохранять равновесие! Вперёд! И ещё раз вперёд! Ещё шаг. И ещё шаг!

Маленький шаг. Но это шаг. И на шаг ближе к цели. Вперёд!

И вот Славка сделал завершающий шаг-прыжок. Сашка с Колькой его подхватили. Хлопали по плечам:

— Здорово! Молодец!

— А как мы испугались, когда палку у тебя из рук вырвало! Ну, думали, всё! Конец! Я тебе новую вырублю! Лучше прежней будет!

— Ага! И Колька хотел тебе на помощь уже броситься в воду. Говорит: мол, я уже раздетый! Надо Славку спасать! А ты устоял! Акробат! Гимнаст! Фокусник! Артист! Это было волнительно. Я весь вспотел от страха! Сам так не боялся, когда шёл.

— Тебе-то чего бояться было? Всего обмотали верёвками, привязали к верёвке. Захотел бы утопиться — не получилось бы!

Радостно-возбуждённые, мальчишки пошли собираться дальше в путь. Колька надел ещё не просохшую одежду. Славке вырубили новую палку. Теперь уже все втроём обсуждали, как знатоки, какая она должна быть и из какого дерева, какой толщины.

Колька был рад, что Славка с Сашкой поняли, для чего такая палка. Что это не просто дань походной жизни, а что она и жизнь может спасти, и поможет не пропасть.

Славка забрал у Сашки свой телефон. Проверил, работает или нет. Понятно, что сети мобильной связи не было. Он сфотографировал Кольку с Сашкой на фоне пейзажа. Им приглянулась сосна на дальней сопке. Ветер, непогода скрутили её как крючок. Смешная сосна.

— У отца в кабинете стоит маленькая сосна в горшке. Настоящая, но очень маленькая. Вся кривая и как крючок загнутая. Бонсай, кажется. Японское искусство — такие карликовые деревья выращивать.

— Оно и понятно. В Японии места мало, вот они и выращивают уродцев. Зато здесь сама природа так скрутила. Это необычно. Славка, потом распечатай!

Поднялись на пригорок. Вытащили карты, начали осматриваться. Где-то очень рядом должен быть самолёт. Только где? Осматривали ближайшие сопки. Ничего.

Стали осматривать то, что внизу. Первым заметил Колька:

— Пацаны! Смотрите!

— Куда?
— Да вон, левее! Неподалёку от реки!
— И что там?
— Небольшой отблеск. Как на металле. Как на алюминии. Видите?
— Точно! И там… Смотрите! Похоже на крыло! Как будто оторвалось и встало на торец! Видите?
— Ёлки-палки! Пацаны! Мы нашли! Мы нашли! Самолёт! Самолёт! Он есть! Он там!
— Там золото!
— Мы сделали это! Это наш самолёт! Наш! Ух!
— Вперёд! Бегом! Пошли! Побежали! А лётчик молодец! Точно всё указал!
— Пошли!
— Постойте, парни! — Колька что-то думал, морщил лоб.
— Ты чего, Колян? Пошли скорей!
— Давайте обвяжемся. Мало ли чего?
— Да чего там может быть? К чёрту её!
— Видите, много сухих веток, и трава там неестественно высокая. Тут она низкая, а там какая-то высокая. Мало ли чего там? Может, и болотина какая, вот и привяжемся. Так, на всякий случай! Бережёного Бог бережёт!
— Ну, если так — то давайте обвяжемся!

Обвязались по настоянию Кольки. И Славка, и Сашка рвались вперёд. Ощупывая траву вперёд, двигались цепочкой. Колька впереди. Вот он остановился. Позвал друзей.

Они были на небольшом склоне. А в тени деревьев уже без всякого сомнения лежал *он! Самолёт!* Вернее, то, что от него осталось! Был виден фюзеляж, колпак почти разрушен. Пропеллер, скрученный винтом, впился в дерево. Крыло, опираясь на деревья, стояло на основании почти вертикально. Даже были видны остатки красной звезды на крыле!

Славка, стоявший посередине, обнял за плечи товарищей.
— Вы понимаете?! Мы его нашли! Мы сумели! Что-то в жизни мы сумели сами сделать! Вот он! Он ждёт нас! И там… — горло перехватило от волнения. — Там несметные сокровища! Наши сокровища! Идём!

И, позабыв об опасности, все втрое пошли шеренгой к самолёту…

Это было их ошибкой. Роковой ошибкой… Все трое покатились кубарем вниз, ломая кусты, ветки.

Они катились, падали, разбивая руки, ноги, ударяясь головой о полусгнившие ветки и стволы деревьев.

Славка потерял сознание от сильного удара головой. Очнулся спустя какое-то время. Подташнивало. Застонал. Потрогал голову. Огромная шишка на лбу. Очки потерял. Рука болела. Попробовал пошевелиться. Не получилось.
— Эй! Живые есть?! — кричал Колька откуда-то сбоку.
— Я живой! — ответил Славка слабо.
— Я тоже жив! — Сашка.
— Коля, что это?
— Не знаю. Похоже на увал.
— Чего?
— Увал. Это когда буран, ураган закручивает деревья, вырывает их, ломает, швыряет друг на друга. А тут ложбина. Думаю, что давно это было. Деревья почти сгнили. Их тут много. Они и травой поросли. Она поэтому такая и высокая. Где-то слой земли нанесло ветром. А мы ломанулись сюда, как лоси, которые мухоморов объелись. Ничего не видя и не соображая. Гон устроили. Эх!
— Понятно. А как выбираться-то будем?
— Не знаю, — отвечал Колька. — Меня зажало между двумя деревьями. Внизу опоры нет. Вишу, как сосиска над пропастью. Опереться не могу. Ни вверх, ни вниз. Верёвка-то целая?

Колька подёргал верёвку. Славка почувствовал натяжение, колебание.
— Коля, верёвку чую. Сейчас у Сашки проверю.

Натянул на себя Сашкину сторону, тот ответил:
— Верёвка целая, чего не скажешь про меня.
— А что у тебя?
— Ногу сильно распорол. Крови много. Не вижу, но штанина полная крови.
— А у тебя, Славка, как дела? Цел?
— Головой приложился сильно. Подташнивает, шишка большая. И рука… Не знаю, или плечо выбил, или поломал. Больно шевелить. Ну и голова болит.
— Понятно. Похоже, что у тебя сотрясение головного мозга. Если не рвёт, значит, и сотрясение небольшое.
— Так в желудке нет ничего. Было бы что — всё бы вышло наружу.
— Что делать будем?
— Надо пытаться выбраться. Славка, сможешь меня на верёвке вытянуть?
— Попробую!

Славка одной рукой попытался вытянуть Кольку. Самого Славку немного придавило деревом. Он пытался одной рукой сдвинуть с себя дерево. Но не хватало сил. Он пыхтел. Упирался. Но силы быстро кончались, голова сильно болела. Сильно тошнило. Правая рука при каждом движении отдавала болью в плечо. Одной левой рукой не получалось ни сдвинуть тяжёлое бревно, ни вытянуть Кольку из западни.
— Коля, пока не получается. Я немного отдохну и снова попробую. Ладно?
— Конечно, Слава, отдохни. Чего-то голос слабый у тебя. Ты вытянешь?
— Да. Отдохну немного. Голова сильно болит. И рука. Тут бревно какое-то на мне спать устроилось. А одной рукой его выгнать не получается.
— Шутишь — это хорошо. Значит, и жить будешь! И выберемся отсюда. Сашка, а ты как там? Сможешь Славку вытащить или себя?

— Не могу. Я уже пытался подняться. Не получается.

Помолчал.

— Ой! По мне кто-то ползёт!

— Змея?

— Тьфу на тебя! Насекомое какое-то. У меня нога в пропасти болтается. Не вижу.

— Если змея, то ты ей голову откуси. Её, говорят, можно и сырой есть! — шутил Колька.

— Я как змею поймаю, так сразу тебе и заброшу — грызи её сам! Артист погорелого театра.

Помолчал немного Сашка. Потом продолжил:

— Друзья, а ведь мы так и не выберемся. Не думал, что так вот… умру.

Было слышно, что комок у него в горле, ему хотелось плакать.

— Саня, ты чего? Не ной уже! Смени пластинку! — стал кричать Славка как мог, превозмогая головную боль. — Лётчик, чья карта, тоже не сдавался. А он один был! И зимой! А лётчик Маресьев так с перебитыми ногами сколько зимой прополз! Ему ноги ампутировали, так он на протезах потом летал и фашистов бил! И генералом стал! А ты раскис!

— Слава! Друг! Они-то, лётчики, двигались. У них цель была… А у нас… цель-то рядом, только висим между небом и землёй. И никто не знает, где мы. И родители не знают, где искать. И сотовой связи нет, чтобы на помощь позвать!

— Саня, не хнычь! Соберись и попытайся выбраться, я тоже буду стараться. Славка вон отдохнёт немного и тоже будет шевелиться! Выберемся! Надо верить и делать!

Мальчики час пытались освободиться из плена, но не получалось. Почти выбились из сил. И они пали духом… Славка смотрел в небо и молчал. Он думал о родителях. И себя было жалко ему. Он такой ещё молодой мальчишка, а вот… сам и друзей привёл в ловушку на погибель. Там лежит самолёт, но он просто так не даётся. Правильно пишут в пиратских романах, что всё золото запачкано кровью. Вот и это золото взяло лётчика и их троих… Зачем ему это золото? Вот здесь и сейчас! Господи! Если Ты есть, помоги нам вырваться отсюда! Я буду себя хорошо вести! Обещаю! И буду хорошо учиться! Честное слово! Помоги нам! Если не можешь всех спасти, то спаси моих друзей! Это я виноват, что они здесь раненые! Их спаси! Помоги, если Ты существуешь!

— Славка! Ты чего затих? Жив?

— Да. Жив.

— А чего молчишь?

— А чего говорить? Думаю. Делать-то нечего. Вот и думаю.

— О чём?

— Да так… Обо всём и ни о чём. Думаю.

— Я тоже так. Молился я.

— Я тоже. Как умею. Коля, я немного устал. Голова болит. Пить хочется. В горле пересохло. Я помолчу. А то говорить тяжело. Хорошо?

— Понял. Эй, Сашка? А ты живой?

— Живой!

Было слышно, что Сашка плакал. Тихо, беззвучно. Но крепился, пытался не выдать себя.

— А чего голос такой? Ревел?

— Кто? Я? Я на девчонку похож, что ли? Вот они плаксы. Чуть что, так и глаза на мокром месте, — голос у него окреп.

Славка понял, что Колька его специально злит, чтобы тот не раскисал, а боролся за жизнь. И это его самого подбодрило.

Потом мальчики затихли. Берегли силы, и не о чем было говорить. Каждый думал о своём.

Каждый постепенно выбился из сил. Больше молчали. Изредка перекидывались парой-тройкой фраз. Потом снова молчали.

Каждый понимал, что ему отсюда без посторонней помощи не выбраться.

Славка корил себя, что втянул друзей в этот гибельный поход. Колька же злился на товарищей и на себя, что не послушались его, а он не настоял на своём. Пошли бы не развёрнутой цепью, а за ним гуськом, так всё бы и получилось. Ну, сорвался бы он один, так страховочная верёвка бы помогла. Славка с Сашкой остановили бы падение.

Колька вспоминал маршрут и понимал: прими они на десять метров левее, прошли бы по краю этой замаскированной пропасти, набитой поваленными деревьями.

Так нет же! Блеск золота, разрушенный самолёт затмили разум. Мозг перестал работать! Жадность, азарт обуяли! И понеслись напрямки! Тьфу! В тайге так нельзя!

Колька злился на себя в первую очередь. Именно он отвечал, как проводник, наиболее опытный, за безопасность похода и должен был навести дисциплину. Так нет же! Поддался всеобщему настроению!!! Проводник! Балбес ты, Коля, а не проводник! Как девчонка, обрадовался подарку и побежал, спотыкаясь! И что теперь делать? Как выбираться? Без воды продержатся они двое суток.

Всего двое суток! За это время нужно вырваться отсюда, иначе — хана всем! У Сашки нога разодрана. Значит, далеко не уйдёт. Славку тошнит. Тоже временно не боец. Надо их вырвать из древесного плена! Потом установить надёжный шалаш и идти за помощью. Сами не выберутся с двумя покалеченными!

Кровь знает как остановить! Если ещё жив Сашка, значит, артерия не повреждена. Со Славкой сложнее! Как лечить сотрясение в лесу, Колька не знал. Ладно. Выбраться бы отсюда! Только бы выбраться! А как?

Колька максимально подтянул верёвку на себя.

Первое. Не свалиться вниз! Надо закрепиться!

Колька начал привязывать себя к ближайшему крепкому дереву. Есть! Получилось! Теперь он не упадёт сам вниз!

Второе. Надо теперь вырваться из этих брёвен!

— Эй! Славка! Слышишь меня!

— Ага!

— Верёвку с моей стороны привяжи как можно крепче. Я буду пытаться вырваться, буду подтягиваться на этой верёвке. Понял?

— Понял. Сейчас!

Славка закрепил верёвку покрепче. Подёргал, крепко ли держится.

— Колька, можешь выбираться!!!

И Коля запыхтел, стараясь вытянуть себя. Ничего не получалось. Он прочно засел. Каждое движение проталкивало его вглубь между брёвен. Только натянутая верёвка не позволяла ему рухнуть вниз.

— Колька, как у тебя там, получается?—крикнул Сашка.

Колька сопел. Ему не хотелось признавать своё поражение.

— Пока—никак,—понуро ответил Коля.—Сейчас немного отдохну. Соберусь с силами, подумаю и начну.

Но не получалось у Николая. Как бы он ни старался, ни выбивался из сил—не получалось. Слёзы отчаяния и обиды душили его. От злости сбивалось дыхание. И слёзы текли по щекам. Беззвучно. Только хлюпанье носом выдавало его.

Славка с Сашкой слышали это и молчали. Они понимали, что сейчас их спасение зависит только от Коли. И больше ни от кого. Славка смотрел в темнеющее небо и молился. Молился как мог. От души. Молча. Про себя. Он не впадал в отчаяние. Понимал, что они могли уже триста раз погибнуть. Но они уцелели. И дошли. Так неужели в двух шагах от победы, от золота они должны вот пропасть?! Нет! Не должны! Выход есть. Просто они ещё не нашли его! Но он будет! Спасались же пираты, привязанные к дереву, с необитаемого острова! Выживали, и карали своих обидчиков, и забирали всю добычу! Так не должно быть! Надо думать!

Сашка же тихо, беззвучно плакал. Ему было жалко себя. Ему было стыдно перед отцом. Он не дошёл трёх шагов до победы. А если ты не достиг цели—значит, ты проиграл! Так учил его отец. Идти вперёд, невзирая на трудности и препятствия, идти по головам, но дойти!

Сашка так и не понял это выражение «идти по головам» и всегда боялся спросить у папы. Он представлял себе, как он будет идти по головам своих одноклассников. Так они просто полопаются, как орехи, под его тяжёлой поступью. Нет, конечно, пару голов он хотел бы расколоть, это Протасова и Сокова. Но это только мысленно.

А вот сейчас… немного осталось до золота! Чуть-чуть! И вот так! Обидно до слёз! Их никто не будет искать и никто не найдёт!

Спускалась ночь. На небе медленно разгоралась луна.

— Ну что? Спокойно ночи?!—крикнул Сашка друзьям.

— Он ещё издевается!—ответил Славка.

— Будете замерзать—гоняйте кровь по телу. Напрягайте и расслабляйте мышцы. По очереди. Можно и глазами согреться.

— Как это—глазами?

— Самые сильные мышцы относительно нагрузки какие?

— Ноги?

— Нет. Не ноги! А глаза! Сто раз посмотри вверх, потом сто раз быстро вниз. Потом такое же количество вправо, а затем влево. И напоследок—прямо сто раз до боли всматривайся. И тебя такой пот прошибёт!

— Врёшь! Откуда знаешь?

— У нас в деревне знахарь жил, он учил, как зрение сохранить. Это гимнастика для глаз такая. Но вот вспотеешь, как будто три километра пробежал! Я на себе проверял! Всё так и получилось. Но нужно каждый день такую гимнастику делать, минимум пару раз. И будешь смотреть на мир без очков всю жизнь!

Лес опять начал наполняться ночным шумом.

— А знаете, пацаны, я в первую ночь сильно струхнул,—начал Сашка.

— Это потому, что я тогда начал страшные истории рассказывать?

— Нет. Конечно, может, так оно и было! Но когда у тебя ноги жёлтым огнём горят и огни моргают над головой—то это страшно было. А сейчас мне даже смешно. Вроде всего несколько дней прошло, как мы бродим по тайге, а кажется, что уже полжизни! И сам я изменился. И стал на многое по-иному смотреть! И на отца, и на сестру Лизку, и на Наташку—жену папы. И на мать, и на её мужа, и на тех братьев-сестёр. Я понял, что мне не нужно ничего доказывать, привлекать к себе внимание. Они и так меня всегда любят и будут любить! Главное—выбраться и сказать им об этом!

— Выберемся, и расскажешь. Если батя сначала не зашибёт под горячую руку!

— Я и вас люблю тоже!—разоткровенничался Сашка.

— Славка, ты ближе! Кинь ему носовой платок! А то эти розовые сопли и слюни долетают уже до меня! Саня! Мы—друзья! И мы дружим, а не любим друг друга! Один за всех, и все за одного! Один выберется—спасёт всех!

Постепенно усталость одолела мальчиков, и вот в таких неудобных позах, не в своих тёплых кроватях, а на полусгнивших деревьях, усталые,

замученные, раненые, они забылись неровным, чутким сном, часто просыпаясь, и не было возможности перевернуться на другой бок. Они спали и видели сны. Сны про дом и родителей. Яркие сны. И как они нашли самолёт с золотом и принесли золото домой. Много золота. Это были золотые слитки! А у Славки это были золотые пиастры, как в «Острове сокровищ»! И невесть откуда взявшийся попугай дома кричал пронзительно: «Пиастры! Пиастры!» И топтался на своей жёрдочке так, что Славка проснулся.

Оказалось, что друзья давно уже не спят.

Послышался шум сверху. Ломались сухие ветки. Было слышно шумное дыхание.

— Коля! Это медведь? — громким шёпотом спросил Сашка.

— Тс-с-с! Смотрим.

Шум усилился и стал приближаться.

— Эй! Внизу! Живые есть?! — раздался басовитый голос сверху.

— Есть!

— Есть!

— Мы здесь!

— Так. Понятно. Не особо вас видно. Вас сколько там? Одного вижу.

— Трое нас!

— Давай так. Ты меня видишь?

— Вижу! — ответил Колька.

— Значит, делаем так. Я кидаю, малец, верёвку. Ты обвязываешься, и я тебя вытягиваю. Сможешь?

— Смогу, только вы на меня кидайте. Если в сторону не получится поймать. Я не смогу дотянутся. Меня между деревьев зажало.

— Сильно зажало?

— Крепко.

— Кости целы? А то потяну, а ты весь переломанный уже. И ещё сильнее доломаю.

— У меня всё цело. У товарищей не очень.

— Понятно. Ну, пробуем!

С третьей попытки удалось Кольке захватить верёвку, и он обвязал себя под мышками.

Было видно, что рывками Кольку вытягивают наверх сильные руки. Вот он вырвался из провала и ногами уже зашагал наверх.

— О! У тебя, смотрю, ещё верёвка.

— Это мои друзья привязаны.

— Ну, тогда сейчас дело и пойдёт! — и уже обращаясь к Славке, хотя и не видел его из-за листвы: — Готов?

— Да. Готов!

— Давайте я помогу вам! — Колька встал к верёвке. — Сильно не дёргайте. У него похоже на сотрясение и плечо или сломано, или выбито. И бревном придавило. Или сам под него залетел. Непонятно. Нас так кувыркало, что света белого не видно было.

— Потихоньку тогда поднимаем. Начали!

Рывок. Славка стал подниматься. Бревно соскользнуло с него. И он повис в воздухе. Его тянули вверх, а он не поднимался.

— Славка, чего там у тебя? Бревно?

— Бревно зацепилось за рюкзак!

— Так брось его!

— Жалко же! Там котелок и спальник!

— Да брось ты это барахло уже! — бас стал свирепым. — Тебе твоя жизнь дорога или рюкзак?

— Третий рюкзак! — хохотнул Сашка. — Никто не сберёг!

Славку поднимали медленно. Вот он коснулся ногами склона, попытался идти сам. Но плечо болело сильно, и он держался за верёвку только левой рукой. Когда поднялся, то его встречал… дед Епифан! Ведьмак!

Дед посмотрел на него строго из-под чёрных нависших бровей:

— То-то, я слышу, голос знакомый. Ладно! Потом поговорим! Давайте третьего товарища вашего достанем!

Славка попытался помочь, но не получалось. Он только мешался.

Ведьмак с Колькой поплевали на руки и принялись тянуть верёвку.

Сашка поднимался тяжело. Видно, что масса его была большая. Пару раз верёвка выскальзывала у Кольки из рук, дед Епифан сопел, упирался сильнее каблуками в землю, удерживая верёвку и висящего на ней Сашку. Потом Колька снова подхватывал верёвку, и дело вновь спорилось.

Наконец появился Сашка. Подхватили, помогли встать на одну ногу. Вторую он держал слегка на отлёте. Было видно, что штанина распорота, вся пропитана засохшей кровью.

Дед Епифан посмотрел на ногу. Пощупал её. Потрогал у Сашки лоб, словно проверяя температуру.

— Ну, ты, малец… — он покачал головой.

— Толстый я, — обречённо опустил голову Сашка.

— Нет. Не толстый. А крепкий не по годам! — поправил его дед Епифан. — Толстый бы сюда не забрался. Очень далеко. А вот крепкий и телом, и духом сможет так далеко прошагать по тайге.

Потом дед с Колькой помогли мальчикам отойти от пропасти подальше, разложили костёр. Колька сгонял на реку и принёс в дедовском котелке воды. Славка с Сашкой его выпили. Они пили по очереди, проливая воду на грудь, казалось, что живот лопнет от воды, но не могли напиться. Колька из реки пил точно так же. Его колени были мокрыми оттого, что он стоял на коленях у реки и пил. Ему казалось, что он может выпить всю реку. Так они хотели пить!

Потом Коля ещё раз сбегал за водой. Поставили кипятиться.

Дед Епифан внимательно осмотрел Славку. Пощупал плечо, потрогал руку.

— Здесь болит?

— Да,— Славка застонал от боли.
— А так?
— Не очень. Так. Далеко.
— Ясно. Расслабь руку.

Дед взял Славкину кисть руки, немного покачал из стороны в сторону, потом ка-а-ак резко дёрнет вниз!

У Славки в глазах потемнело. Но что-то в плече хрустнуло, и стало легче.

— Руку выбило из плеча. Ничего страшного. Легче?
— Да,— Славка поднял руку.— Не совсем. Но пройдёт. Было вообще больно!
— А как голова?

Дед раздвинул веки и внимательно смотрел в глаза, потом, как доктор, помахал пальцем у глаз, заставил дотронуться подбородком груди.

— Нормально. Небольшое сотрясение головного мозга, но всё пройдёт дней через десять, явного кровоизлияния и гематомы нет. Врачи посмотрят. Ну а теперь, дружочек, надо тебя осмотреть!— это уже обращаясь к Сашке.

Дед огромным ножом аккуратно распорол штанину. Глубокий неровный порез шёл по бедру от колена до пояса. Кровь засохла, но было видно, что он широкий, края развалились.

— Терпи. Как тебя зовут?
— Саша,— и сглотнул слюну от страха.— Я буду жить?
— А куда ты денешься? Конечно, будешь!
— А нога? Её не отрежут?
— Не отрежут,— дед успокоительно махнул рукой.— Температуры нет, значит, заражения нет. А порез твой мы сейчас промоем от грязи и заштопаем.
— Как заштопаем?— Сашка испугался.
— Как дырку на штанах,— пояснил дед.

Он достал из своего рюкзака чистую ткань, окунул в тёплую воду и начал промывать рану. Долго, тщательно, не пропуская ни одного кусочка кожи.

Сашка дёргался, когда ему было больно.

— Ну вот. Первую часть мы закончили. А сейчас тебе надо потерпеть.
— А что будет?
— Будет немного больно. Но так надо. Чтобы ногу сохранить и жизнь тебе. Буду зашивать. Ты бы в рот палку, что ли, оструганную взял. Да и друзья пусть тебя держат.
— Не надо,— Сашка насупился.— Так шейте!
— Ну смотри. Если что, я сказал, что и как делать.

Дед Епифан достал небольшой пузырёк с жидкостью, там была кривая иголка буквой «С» и вдетая нитка.

Остатками воды дед Епифан тщательно вымыл руки, закатал рукава. И начал шить. Прокалывал кожу, стягивал рану, потом аккуратно делал узелки и обрезал лишнюю нить. Потом снова повторял операцию.

Сашка закусывал губу, запрокидывал голову, громко сопел, но не издал ни одного слова. Иногда только невнятно мычал. Пот крупным градом катился по лбу, лицу. Он распахнул куртку на груди, чтобы было легче дышать.

Колька и Славка стояли рядом, переживая и сопереживая другу, готовые прийти в любую минуту на помощь. Но он мужественно терпел.

Дед Епифан распрямился. Долго смотрел в измученное лицо Сашки.

— Сильный ты человек, Саша. И порода у тебя, видать, сильная, крепкая, мужская. Не каждый взрослый такое вытерпит без звука и дёрганий. Молодец! Тебе уже есть чем гордиться!

Потом дед Епифан достал какой-то пузырёк, там была сероватая мазь. И он начал смазывать тщательно Сашкин порез. Мальчики смотрели.

— Это «ёлкины слёзки»,— пояснил дед Епифан.— Она же живица. Первое дело при порезах. Всё на натуральном воске. Ещё в годы войны поставляли на фронт. Многих спасло от сепсиса и гангрены, от заражения ран, чтобы было яснее.

Снова Коля поставил воду кипятиться. Дед Епифан достал какие-то чёрные куски, порезал на несколько частей и раздал мальчикам.

— Это что?— Славка крутил почти каменный кусочек неизвестного происхождения.
— Вяленое мясо. Кладёшь в рот, немного размачиваешь слюной, а потом жуёшь.

Мальчишки так и сделали. И когда рот враз наполнился слюной, они поняли, как проголодались. То, что казалось им каменным куском поначалу, показалось вкусным! Почти не жуя, как только оно стало помягче, они проглотили. И организм снова потребовал пищу!

А дед Епифан снова угостил их кусками сушёного мяса. Сам же подождал, когда закипит вода, высыпал туда полкулька перловой каши и покрошил вяленого мяса, немного посолил, стал помешивать.

— Я дома нос от каши воротил,— прошептал Сашка, который как заворожённый смотрел на котелок.— Кажется, что готов всё сам съесть!

Дед Епифан посмотрел на Славку.

— Ты, кажется, был в очках?
— П-п-потерял. Там,— Славка мотнул головой в сторону увала.
— Понятно,— дед продолжал помешивать кашу, чтобы она не пригорела.
— И-и-и-извините,— заикаясь от волнения, начал Славка.— Как вы нас нашли?
— Так ваши друзья мне и подсказали.
— Какие друзья?— почти хором спросили мальчишки.
— Ну, это вы сами решайте, друзья они вам или враги. С одной стороны, я понял, что они недруги ваши. Один худой, белобрысый, нос двигается, когда говорит, как морда у выхухоли.

— Протасов! — охнули друзья.
— Второй — толстый. Вот ты, Саша, крепкий, а тот — толстый!
— Соков! — снова ахнули мальчишки.
— Они хотели медком полакомиться из ульев, а пчёлы мои и задали им жару. Благо, что я дома был. Слышу крики. Побежал к пасеке, а там два этих субчика. Бегают, руками машут, кричат. А пчёлы от этого их ещё сильнее и жалят.
— Насмерть? — Сашка напрягся.
— Зачем насмерть? Живы они. Покусанные сильно. Но живы. За неделю всё пройдёт!
— А как же пчёлы-убийцы у вас? — не унимался Сашка.
— Какие пчёлы-убийцы? — удивился искренне дед. — Нет у меня никаких пчёл-убийц!
— А зачем вам красный улей? А? Почему у вас красный улей?
— Красный улей? — дед задумчиво почесал лоб, сдвинув шляпу назад, вернул шляпу на место. — Какая краска была, такой и покрасил!
— Так, значит, нет у вас пчёл-убийц?! Точно?! — настаивал Сашка.
— Да точно нет! Тьфу! Прилип как банный лист! Нет у меня таких пчёл! Да и без надобности они мне! Придумают же такое!
— Гад!

Сашка с разворота больно ударил Кольку в плечо.
— Ты чего?! Больно же! — Колька потёр ушибленное место.
— Пчёлы-убийцы! Пчёлы-убийцы! — передразнил его Сашка. — Чтобы не врал мне больше!
— Так тебя тогда не затащить было идти берегом. Вот и соврал. Это сейчас ты поумнел и опыта набрался. Сказали, что надо вот так идти, ты и пойдёшь. А тогда… как щенок бестолковый и радостный! Понял?
— Понял, — угрюмо ответил Сашка.
— Дед Епифан, а что дальше было с двумя мальчиками, которых пчёлы покусали? — спросил Славка.
— Да ничего не было. Оттащил я их в сторону. Пчёлы угомонились. Я жала пчелиные у них вытащил, места укусов смазал, поинтересовался, кто такие и что тут позабыли у меня на пасеке. Они и говорят, что ждут троих. Хотели у вас добычу отнять. Всё равно тут выход к трассе и на остановку один только. Карту показали Славкиной пади. Ну а чтобы вы добычу отдали, то приготовили для вас сюрприз. Биту американскую. Биту я отобрал, ни к чему она им. Буду зимой снег с валенок сбивать, прежде чем в избу войти. Как раз в самый раз она. И рогатка была у них. Видать, собирались они вас из неё расстреливать. Вот.

Дед Епифан вытащил из своих объёмистых карманов Колькину рогатку, которую он отдал Юрке Семёнову за поддельные путёвки в лагеря отдыха.

Мальчишки выпучили глаза. Они сразу опознали её.
— Это моя рогатка, — исподлобья глядя, сказал Колька.
— Точно? — дед Епифан крутил её в руках.
— Точно. Внизу рукоятки буква «К» — Коля. Я сам её вырезал.

Дед Епифан покрутил в руках, рассматривая витиеватую резьбу, потом протянул Николаю.
— На. Держи своё оружие. Как оно попало-то к тем?
— Долгая история, — Колька помолчал. — И потом, нас предал тот, кто был рядом.
— Да! Предал, — Славка кивнул головой.
— Колька, они хотели тебя расстреливать из твоей же рогатки! — Сашка рассмеялся.
— Хватит ржать, как конь! Я бы им эту рогатку потом бы засунул, куда доктора не дотянулись бы! — Колька был суров.

Дед Епифан внимательно посмотрел на каждого из троих мальчишек.
— Не думаю, что даже с битой и рогаткой им удалось бы у вас отобрать то, что вы собирались принести. Не похожи вы на тех, кто просто так сдаётся. А вот те — слабаки. Выхухолеобразный всю дорогу стонал и стенал, пока я его до дороги тащил, как будто помирает совсем. Лентяй и бездельник. Тот, что потолще, и то характером потвёрже будет. А друзья они вам или враги — решайте сами. Если бы они не пошли вас грабить, то их не покусали бы пчёлы, я их не нашёл бы и не спас вас. Так, что… пути Господни неисповедимы. Вот ведь как всё заплелось. А что вы тут искали?
— Самолёт, — ответил Славка.
— Самолёт? — переспросил дед Епифан насмешливо. — И как? Нашли?
— Нашли, — кивнул Славка.
— Да неужто? — дед Епифан не верил и насмехался над мальчишками. — И где он?
— У вас за спиной, — спокойно, с достоинством ответил Славка.

Дед встал, стал осматриваться. И увидел!
— Вы?! Вы нашли его?!
— Да. Нашли! Надо было чуть левее взять, видите, там тропа звериная.
— Вижу. Вы там были?
— Не дошли. Напрямки ломанулись, не подумали, — Колька виновато опустил голову.
— Ну, тогда я пошёл! — дед Епифан встал.
— Мы с вами! — Славка тоже поднялся.
— Да куда тебе, хворобый! Сиди уже тут!
— Нет! Я иду!

Славку немного пошатывало из стороны в сторону.

И Сашка тоже, опираясь на палку, как на костыль, собрался в путь.
— Ну, ежели вы такие настырные, то ты, Коля, веди Славу, а я Сашу возьму. Ему прыгать тяжело ещё будет.

Вот так они и стали спускаться. Славка не очень хорошо видел, и мотало немного из стороны в сторону, а Сашка больше прыгал, чем шёл, но всё равно они упорно продвигались вниз по склону к самолёту.

— Это тот Ведьмак, про которого я тебе рассказывал! — шипел на ухо Славка Кольке. — Это он у бабки Авдотьи жил и всё про самолёт расспрашивал. Сейчас отберёт всё наше золото. И всё!

— Да нет, — Колька отрицательно качал головой. — Нормальный дед. Если бы не он, так мы там в яме бы и сгинули.

— Так он нас сейчас снова туда и покидает. Как золото увидит, так снова, как котят, пошвыряет. Смотри, какой здоровый! — продолжал шептать Славка Кольке в ухо.

— Не будет, — уверенно сказал Коля. — Я ему в глаза смотрел. Не тот человек. Но на всякий случай будем обороняться. Если он кого первого и кинет в пропасть, так Сашку! Ты, Славка, за ним сразу, а я буду его на себя отвлекать. Прорвёмся! Всё будет хорошо! Не для этого мы столько прошли, чтобы вот так погибать! Не сдадимся без боя!

— Согласен! — Славка кивнул.

Все подошли к самолёту.

Дед побежал вперёд, к переднему сиденью. Мальчики подошли следом. Славка с Колькой держались плотно друг к другу, плечом к плечу, готовые прийти на помощь Сашке и друг другу.

На переднем сиденье лежал белый человеческий череп, глядя пустыми глазницами прямо в небо.

От этой картины мальчикам стало не по себе. Одно дело — в школьном кабинете гипсовый скелет и череп с пружинками на нижней челюсти. Когда учительница не видит, можно и палец ему сунуть в рот, как будто он отгрызает тебе палец. А другое дело… Вот так. Настоящий. Страшно. Жутко.

Дед Епифан стал бесцеремонно шарить на сиденье и на полу в кабине.

— Золото ищет, — шепнул Славка.

— Ага, — кивнул Коля.

Дед долго что-то перебирал — и вот нашёл. Поднял повыше. Это был небольшой, меньше ладошки, круглый плоский предмет. Стал оттирать его.

— Это часы? — спросил Сашка, стоявший ближе.

— Тихо! — приказал дед Епифан.

Было видно, что он торопится, взволнован, нетерпелив, немного суетлив.

Колька и Славка подошли ближе. Дед оттирал карманные часы-луковицу от многолетней грязи. На крышке показался рисунок. Один солдат стреляет с колена из винтовки, а другой стоит рядом, опирается на винтовку и, приложив руку к глазам козырьком, смотрит в сторону стрельбы.

А сверху по кругу надпись на старом русском языке, на таком писали ещё до революции: «За отличный глазомер».

Дед аккуратно, казалось, что не дышит, открыл крышку часов, подышал туда и пальцем прочистил крышку. Колька стоял ближе всех к Ведьмаку и успел прочитать гравировку: «Унтер-офицеру Иванову А. К. за отличную стрельбу». Дата непонятна. Только видно, что в 1913 году вручались.

Дед Епифан то ли громко застонал, то ли завыл, сбросил свою шляпу на землю, задрал голову в небо и начал креститься:

— Спасибо, Господи! Спасибо!

Потом упал на колени, повис руками на краю кабины и громко заплакал. И постоянно приговаривал:

— Спасибо! Нашёл! Спасибо! Дожил! Благодарю, Господи! Всё, Захар! Всё! Будет тебе покой! Спасибо.

Так продолжалось долго. Потом дед затих, только плечи его сотрясались от рыданий.

Славка подошёл, тронул осторожно его за плечо:

— Вам нехорошо?

Дед повернул красное, мокрое от слёз лицо, поднялся тяжело, опираясь о самолёт. Вынул из кармана несвежий носовой платок. Вытер лицо, нос.

— Так всё-таки ты нашёл что-то в доме Авдотьи? Признавайся.

— Да, — Славка кивнул головой.

— Я же чувствовал, что мне врёшь! И где там было?

— В подполье. Между подполом и полом. Там щель была газетами заткнута, вот там и лежала карта.

— Я там вроде всё обшарил, — дед покачал головой. — Воистину пути Господни неисповедимы! Каждый день молился, чтобы не помереть, не найдя брата и не предав его земле по-христиански. Спасибо тебе, Слава! — поднял голову в небо, перекрестился. — Спасибо Тебе, Господи! Вот уж точно. Пути Господни неисповедимы. Ты нашёл карту, потом попал в беду, я тебя вытащил и так нашёл через тебя брата.

Потом он посмотрел на мальчишек.

— Пойдёмте к костру. Там каша, наверное, уже сгорела.

И все пошли наверх.

На удивление, каша не пригорела. Дед достал пару ложек и раздал мальчикам. Они ели из котелка. Колька достал свою из кармана.

Дед добавил щедро мёда прямо в кашу с мясом, перемешал.

— Никогда не ел сладкую кашу с мясом, — Сашка пробовал.

— Это быстро силы восстановит и насытит. В тайге же не важны разносолы. Главное — чтобы поесть сытно и надолго. Так что — кушайте, мальчики, кушайте! Вы для меня сейчас — самые главные люди!

— Вы так давно ищете своего брата, дед Епифан? — спросил Славка, уплетая кашу.

— Очень давно. Часы, которые вы видели, — это часы нашего отца. Иванова Аристарха Карловича. Он

их в царской армии получил за отличную стрельбу и очень гордился ими. Всегда говорил, что тот, кто носит эти часы, совершит подвиг. Потом он воевал в Первую мировую войну. Хорошо воевал. Храбро. Потом революция. Он сразу перешёл на сторону советской власти. Когда закончилась Гражданская война, то вернулся в Ленинград, на Путиловский завод. Работал, учился, женился. Сначала родился старший брат — Захар. Он там… в самолёте. Когда началась Великая Отечественная война, то брат уже служил в армии лётчиком-истребителем. Воевал на фронте. Капитан. Боевые награды. И вот его отзывают с фронта, чтобы он перегонял самолёты с Америки. На фронте нужны были первоклассные лётчики, но и здесь требовались большие специалисты своего дела. Иначе — никак! Вот и стал брат перегонять самолёты. Тот, что разбился, — «Аэрокобра» TP-39F. Чтобы переучивать наших лётчиков с наших самолётов на американские. У нас в Союзе пытались переоборудовать, но не совсем получалось. Вот тогда и попросили американских товарищей сделать учебный вариант. Это очень важный самолёт. Очень. Я был младшим в семье. И для меня брат был олицетворением благородства и мужества. Потом началась блокада Ленинграда. Меня сумели отправить по «Дороге жизни». Родители остались. Они работали. Но умерли от голода и холода. Похоронили их на Пискарёвском кладбище. Там много людей похоронено. Очень много, — дед перекрестился. — Я попал в детский дом в Горьком. Оттуда поступил в суворовское училище. А потом хотел в лётное училище. Но по здоровью не прошёл. Пошёл в Ленинградскую военно-медицинскую академию имени Кирова. Отец работал на заводе имени Кирова, а я поступил одноимённую академию. Закончил её. Не смог пойти в ВВС лётчиком, так хоть военным медиком туда устроился. На Дальний Восток попал служить. Не знаю, как сейчас, а раньше в ВВС совершали прыжки с парашютом все. И командиры, и повара, и медики… И не первый десяток был таких прыжков. Капитаном был уже тогда. Не мальчик. Но что-то пошло не так в тот раз. Со сверхмалой высоты совершали прыжок… И парашют укладывал сам… запасной не предусмотрен на таких высотах. Он ни к чему, и вес лишний. Поломался я сильно. Год в госпиталях провёл. По кускам, по частям меня собирали. Жена моя, тоже из Ленинграда, всегда тяготилась службой на Дальнем Востоке, развелась, вернулась домой. Вышла замуж быстро. Двух моих ребятишек переписала на новую фамилию. Так что не знаю, где, кто, как. Ну да Бог с ними. Комиссовали меня вчистую. У меня ни кола ни двора. Предлагали устроить в дом инвалидов. Последний приют. Никто не думал, что я долго протяну. А я поставил перед собой цель, что могу умереть только после того, как брата найду и похороню. Я и в ВВС пошёл, чтобы побольше информации собрать. Тогда же всё было засекречено. Только вот так, от человека к человеку, идёшь и опрашиваешь. И рассказали мне, как отлично брат служил и летал. Все говорят, что отчаянный был. В любую непогоду летал. Говорил, что здесь не стреляют. А самолёты на фронте нужны для Победы! Не жалел ни себя, ни других. Рассказали мне, между какими контрольными точками нужно искать его самолёт и его тело. Вот так я и очутился в Красноярском крае. И тоже пошёл от деревни к деревне. Разговаривал со стариками про самолёты. Заодно и лечился у местных знахарей. То, что до конца не смогли сделать медики, сумели закончить знахари, травники. Многого от них набрался. Так и добрёл до этой деревни. И рассказали мне про Авдотью. Я её подробно расспрашивал. И на могиле лётчика каждый день бывал. Просил, чтобы его душа поговорила со мной, рассказала, где мой брат лежит. Вот так и получилось. А вы, значит, мальчики, нашли моего брата. Спасибо вам! Вы подвиг совершили! Вы ещё не понимаете, но это так!

— Э! Какой подвиг! — Славка опустил голову от стыда, покраснел. — Мы золото тут искали. Думали, что и вы за золотом охотитесь!

— Золото? — дед Епифан рассмеялся громким смехом. — Зачем мне золото в тайге?

Он повёл рукой вокруг.

— Золото в городе нужно. А здесь вся тайга — золото! Это и дом. И еда. И лекарство! Так-то много легенд тут про золото ходит. В крае много легенд про золото. А карту можно посмотреть?

— Конечно! — Славка достал заветную коробочку с вложенным листочком и свои карты.

Дед Епифан смотрел, крутил их. Полез в карман, достал точно такую же распечатанную карту, но без обозначений.

— Это я у тех отобрал. Понял, куда вы пойдёте. А теперь давайте-ка подробно мне докладывайте и без утайки!

И мальчики, перебивая друг друга, дополняя, стали рассказывать. Как они собирались. Как шли. Тонули в реке, болоте, ели, переправлялись через реку. Дед вёл по карте пальцем, слушая их рассказ.

— А вот здесь на острове — склад.

— Какой склад?

— Видите, на карте винтовка в прямоугольнике и ель сверху?

— Ну?

— У неё в корнях есть лаз. Из листвяжины сделан. Там склад с оружием. Винтовки Мосина, патроны к ней, гранаты. Старый склад. Там ещё надпись на стене: «Полковник Зак». И лётчик, когда ночевал, тоже рисовал свой путь. Вы не знаете, кто такой полковник Зак?

— Был тут во время Гражданской войны атаман Соловьёв. Он сначала в Первую мировую воевал. Отчаянно воевал. С доблестью! Потом вернулся

домой после революции. А тут адмирал Колчак шёл. И Соловьёва мобилизовали. Стал он с советской властью воевать. Когда дальше пошли на восток колчаковцы, Соловьёв остался. По слухам, Колчак часть своего золотого запаса передал. Вот видите, снова золото. Говорю же, что много тут в крае золота. А ещё больше — легенд про него! И был при атамане Соловьёве начальником штаба некий Зиновьев. Вот он и величал себя полковником Заком. Хотя какой из него полковник! Так, самозванец очередной. А про склад не знал. Этот островок хорошо знаю. Так-так. Понятно. Насчёт золота и легенд. Вспомнил. Есть у нас село, Миндерла называется. Про него говорили, что это посёлок разбойников. И что жители напали на обоз Колчака и отбили часть обоза с золотом. Опять легенда. Селяне до сих пор ищут это золото. Нечто подобное из легенд есть в посёлке Овсянка. Что везли два обоза с прииска. Один — «обманка» с трупом, а второй — настоящий. Первый, ложный, сильно охранялся. Его отбили местные. Когда поняли, что их обманули, то и второй тоже разбили, и золото пропало. Так что много легенд и слухов. Продолжайте, рассказывайте про свою авантюру.

И мальчишки снова начали ему рассказывать про свои приключения до того момента, как очутились в увале.

Дед внимательно слушал их, глядя им в глаза.

— Ещё раз повторяю. Вы сделали то, что не каждый взрослый сможет. Это и есть подвиг. И найти двух героев, которые перегоняли самолёт, — это второй подвиг. Запомните, ребятки, пока вы вместе, вам и сам чёрт не брат. Всех одолеете. И этих тоже — с ворованной рогаткой и американской битой. Тут лежит самолёт, чтобы врага учить бить, а в нескольких километрах от вас — вас ждут с битой из Америки, чтобы избить. Ирония судьбы, или как меняется мир, однако.

— И что нам теперь делать, дед Епифан? — спросил Славка.

— Что делать? Я бы посоветовал никому не говорить про золото. Вообще не говорить. Вы пошли искать в лес погибший самолёт. Пошли за самолётом и нашли самолёт! И всё! И точка! Про второй самолёт, что на карте, тоже молчок. Сожгите все карты.

— Как сжечь? — удивился Сашка.

— А вот так, — дед Епифан бросил в костёр свою карту, что отобрал у Протасова с Соковым.

Мальчики смотрели, как огонь пожирает бумагу.

— На, — дед протянул Славке все его карты.

Славка покрутил в руках их.

— Поймите, если кто-нибудь прознает про эти карты, то от тайги камня на камне не оставят. Будут копать, лес рубить. И золота не найдут, и всё запоганят. А со всеми я не справлюсь. Карта же у вас в голове. Правда?

— Ну да, — неуверенно ответил Славка.

Он закрыл глаза и представил карту. Всю. В мельчайших деталях.

— Я помню, — Колька кивнул. — Дед Епифан дело говорит. Если надо — восстановим по памяти. Да и золота-то нет. Второй пилот дополз до деревни и там умер. Всё. А карту помним.

— Я тоже помню, — Сашка кивнул.

Славка покрутил в руках бумаги. Коробочку алюминиевую. Вздохнул и бросил в огонь. Все молча смотрели, как горит бумага и корёжится от пламени, чернеет на глазах старая коробочка от армейского шоколада. Славка вздохнул тяжело. Коробочку жалко.

— А карту на болотном острове я уничтожу. Не переживайте.

— А как мы теперь домой будем добираться? — спросил Сашка, почёсывая свой порез.

— Спасатели, думаю, скоро здесь будут, — ответил дед Епифан.

— Какие спасатели? — удивился Славка.

— Обыкновенные. Я же когда ваших знакомых до трассы дотащил да всё выспросил, так и понял, что беда у вас, дети в тайге, на болоте несколько дней, на помощь надо звать. Остановил машину. Этих погрузил, чтобы в районную больницу отвезли. Попросил водителя, чтобы по телефону позвонил спасателям, взял трубку и, что слышал, рассказал. И как вас зовут, и примерно в какой стороне искать. Так что надо веток зелёных в костёр бросить, столб дыма авось и заметят как-нибудь. Я и им сказал, что пошёл на поиски. А то они пока растележатся, время-то и пройдёт безвозвратно. Так что сейчас дыма напустим. Авось заметят и прилетят.

Бросили в костёр много веток зелёных. Стали ждать. Все понимали, что спасатели обзвонят родителей и взбучки не избежать! А это пострашнее даже привидений с болота.

— Дед Епифан, — начал Сашка, — мы тут на болоте видели… — он замялся. — Привидений видели. Обоз шёл. И командир был у них такой злой.

— А, это! — дед рассмеялся. — Болотный газ и не такие шутки творит. Вы искали золото, золотой самолёт, золотой обоз. Вот вам и привиделось. Не знаю. Но я на болотах много чего чудного наблюдал. И не веришь, и не понимаешь, что это такое — явь или морок. Забудьте и не говорите никому. А то подумают, что вы умом тронулись, лечить начнут, таблетками пичкать да уколы ставить!

— Нет. Уколов не надо! — Сашка инстинктивно потёр зад.

— Дед, а скажите, как они нас найдут? По дыму? А как? — спросил Коля.

— Я по телефону сказал, где примерно вас искать буду. Ко мне спасатели часто обращаются. Никто, кроме меня, Славкиной пади так хорошо не знает. То грибники заблудятся, то ягодники. Вот и просят помочь. Так что найдут. Так и вы живите, помогая другим. По совести живите. Законов эвон сколько

много написали! Никто их не знает. Их каждый год всё пишут и пишут, пишут и пишут. Потом власть меняется, и снова пишут и пишут. Живите по совести — не ошибётесь. И жить надо не для себя. А для людей. Просят — помогите. Друг друга держитесь, поддерживайте друг друга — и всего добьётесь. Если сможете, то, когда вырастете, тоже будьте рядом. Тогда всего достигнете. Ставьте перед собой цель и идите к ней. Пошагово, медленно, но идите. Человек без цели — как без царя в голове. Растение, животное. Только чтобы ему хорошо сейчас было. Вот животное, возьмите кота того же, наелось, напилось, спать легло. И всё. Ему ничего и не надо больше. А человек — ему подвиги нужны. Пусть маленькие, но нужны. Иначе он дряхлеет и умом, и телом. Эх!

Мальчики слушали внимательно. Вроде и простые истины, которые рассказывал этот уже не молодой человек, но из его уст они казались весомыми. Гранитными. Как и он сам. Крепкий, монолитный, как будто сам сделан из вечного камня.

А когда он снова им сказал, что нужно держаться вместе, друзья непроизвольно сблизились плечами, почувствовали, как стали сами как гранит, монолит.

Дед что-то хотел ещё сказать, но послышался грохот, и над ними повис большой вертолёт спасателей. У него было два винта на одной оси.

Дед Епифан встал и стал махать над головой шляпой и палкой, привлекая внимание спасателей.

По громкоговорителю вертолётчики спросили у него:

— Епифан Аристархович, детей нашли? Мы правильно поняли?

Дед начал махать двумя руками сверху вниз, как будто приглашал вертолёт на посадку.

Вертолёт снова прогрохотал с небес:

— Приняли. Поняли. Садимся. Приземлимся на берегу. Потом к вам подойдём. Смотрите, чтобы не разбежались.

И вертолёт скрылся за деревьями.

— А зачем нас держать?

— И почему мы должны убежать?

— Да вертолётчики рассказывали, как однажды двое суток искали детей. Они в какой-то поход пошли. Спасатели их с земли нашли. Вызвали вертолёт. А когда пацаны поняли, что им от родителей попадёт, то не придумали ничего умнее, как дать стрекача. Их потом ещё сутки отлавливали. Глупые, не понимают, что для родителей их дети — самое главное в жизни! И они готовы погибнуть ради своих детей. Ну поругают, но что делать, если дети такое вытворяют?

Мальчишки переглянулись.

— Да уж. Достанется нам на орехи! — Колька покачал головой.

— А вы им рассказывайте, что искали самолёт с погибшими лётчиками. И нашли. Никто не нашёл со времён войны, а вы нашли. И героев предадут земле. Стоит за это ругать?

— За это ругать не будут! Это точно! А вот то, что обманули и без спроса в тайгу сунулись… Вот за это будут, — Славка поёжился.

Отцовский командирский гнев ему был знаком. Когда ты командуешь несколькими сотнями вооружённых людей, а твой сын у тебя удирает из-под носа с липовыми путёвками… М-да. Влип, очкарик!

Показались четверо спасателей с носилками и одеялами. Первым делом они укутали мальчишек, потом подошли к деду.

Поздоровались с дедом Епифаном.

— Спасибо, Епифан Аристархович! Быстро нашли.

— Родителям мальчиков сказали?

— Конечно, сообщили. Они ни сном ни духом. Они сказали, что поехали в какие-то летние лагеря, а сами в лес! Хулиганы!

— Не ругай их! Они подвиг совершили. Они искали самолёт времён Великой Отечественной войны. Им мой брат управлял. Там и брат мой сейчас, — дед Епифан смахнул слезу. — Все искали. Поисковые экспедиции, я больше полувека искал, хотя тут всё знал как свои пять пальцев, так думал. И не нашёл. А они нашли! Молодцы! Их награждать надо, а не ругать!

— Какой самолёт? — спасатели удивились.

Дед подвёл их к краю увала и показал. Спасатели подивились ещё больше. Хотели пойти, но дед остановил их:

— Не сейчас. В следующий раз. Я сам тут всё осмотрю. А вы летите. Врачам покажите.

— Полетели с нами, подкинем до дома, — спасатели махнули деду.

— Летите сами. А мне… — он глубоко вздохнул. — Мне с братом надо поговорить. Многое ему рассказать. Летите, — махнул рукой в сторону разбитого самолёта. — Я сам потом выберусь. Да и ещё кое-какие дела на болоте есть.

Дед снова смахнул слезу.

Спасатели подошли к мальчишкам.

— Вот и не знаем, что сказать вам. И дело большое сделали, но и всех на уши поставили…

— Ничего не говорите. Нам родители всё скажут и без вас, — Колька выступил вперёд.

— Ясно, — они кивнули. — Кому сложно идти?

— Сашку погрузите. У него нога порезана.

Сашку положили на носилки. Спасатели подняли носилки и крякнули от нагрузки. Один не выдержал:

— Ну, ты, парень, и раскормился. Чего такой молодой, а уже такой толстый?

— Он не толстый, а крепкий! — заступился за друга Славка. — Толстый бы сюда не дошёл.

— Может, ты и прав. Мы, когда летели, удивлялись. Пожалуй, самое гиблое место в этой топи. Нет подходов сюда. Только зверь знает тропу и дед

Епифан. Мы бы вас искали здесь в последнюю очередь.

Их погрузили в вертолёт.

— Держитесь крепче — тут восходящие потоки от реки! — крикнул один из спасателей.

Вертолёт завибрировал, внутри салона поднялся невообразимый грохот и гул, машину покачивало с боку на бок.

Когда поднялись и полетели, у Славки разболелась голова, в глазах потемнело, уши заложило, и стало тошнить. Ему подали пакет. Врач светил ему фонариком в глаза, щупал пульс. Потом пошёл к пилотам, вернулся.

— Потерпи немного. Сейчас сядем у районной больницы. А то, смотрю, тебе совсем худо. Сильно голова болит?

Славка, не отрываясь от гигиенического пакета, поднял большой палец руки: мол, всё отлично!

— Гусар! Сам весь зелёный, а всё в герои лезет! Терпи! — и хлопнул Славку по плечу.

Машина пошла на снижение и через минуту приземлилась на площадке перед районной больницей.

Оттуда выбежали медики, они приняли мальчишек и потащили внутрь. Славку и Сашку на носилках, Колька шёл сам. Спасатели помогали.

Им быстро сделали рентген: Сашке — ноги, Славке — головы. Всем троим, как они ни увиливали, вкололи несколько болючих уколов. Сашке и Славке потом ещё какие-то уколы дополнительно сделали. Сашке начали обрабатывать ногу, попутно поставили капельницу. Славке делали какие-то обследования. Голову намазали каким-то гелем и холодными противными электродами елозили по голове. Потом нацепили на голову какую-то резиновую сетку, засунули под неё электроды и тоже что-то измеряли. То светили ярким фонарём в глаза. Фонарь то моргал, то затухал, то ярко светил, то сидел Славка в полной темноте.

Послышался треск ещё одного вертолёта. Рядом с вертолётом спасателей сел чуть поменьше, с логотипом известной нефтегазовой компании на борту. Оттуда вышло четыре здоровых мужика и один поменьше и потолще.

Вид у всех был устрашающий и решительный. Как дверь не слетела с петель, когда они открыли её, — просто чудо.

Санитарка пыталась встать у них на пути, крича:

— Вам туда нельзя!

Тот, кто шёл первым, просто отодвинул в сторону её, как будто даже и заметил. Так отодвигают шторку на двери.

— Где он? Где мой сын? — громким властным голосом спросил у врача, который вышел на шум, тот, что старше всех был.

— Они все в процедурном кабинете. Идёмте. Только наденьте халат и бахилы. Без этого, несмотря на вашу охрану, — не пущу.

Мужчина послушался.

— Они живы? — голос его был сух, твёрд, но чувствовалось, что сильно взволнован.

— Все живы и в порядке, — заверил врач.

Мужчина шёл за врачом, охрану кивком оставил в коридоре.

Сашке почти закончили обрабатывать ногу. Это был его отец.

— Ты что, с ума сошёл? — заорал он так, что склянки зазвенели в кабинете. — Немедленно, завтра же, вылетаешь в Лондон! Пусть твоя мать занимается твоим воспитанием! Я постоянно в командировках! А ты — неблагодарный!

Увидел распоротую ногу, осёкся на полуслове. Молча смотрел на глубокий рваный порез, потом обратился к врачу:

— Что с ногой? Есть шанс её спасти? — потом с трудом проглотил слюну.

— С ногой всё в порядке. Не волнуйтесь! Глубокий порез. В лесу её зашили. Провели курс антибиотиков, противостолбнячная терапия. Кость цела. Небольшое переохлаждение. Покой ноге и эмоциональный покой. Вот и всё лечение.

— Сейчас же полетишь домой. В клинику! Я сейчас позвоню! А потом — в Лондон!

Мужчина вытащил телефон, начал яростно тыкать в экран, но что-то не получалось, он злился.

Сашка слушал отца молча. Сначала он сжался в комок, но потом распрямил плечи и покраснел, а затем жёстко, вполголоса ответил:

— Отец! Я без своих друзей никуда не полечу!

— Что? — он не услышал, что сказал сын, так был поглощен телефоном.

— Я без своих друзей никуда не полечу! Они мне несколько раз спасали жизнь!

— Друзья? Эти? — он бесцеремонно тыкал в сторону Славки и Кольки телефоном на вытянутой руке.

— Да! — голос у Сани стал сухой и злой. — Именно они. Я мог утонуть в болоте. Они рисковали своими жизнями…

— Так они и заманили тебя в это болото. Наверное, деньги хотели утащить?!

— Отец! — он повысил голос, чтобы увидеть глаза папы. — Отец! Мы пошли в лес, чтобы найти упавший в годы Великой Отечественной войны самолёт с погибшими лётчиками. И мы нашли! Никто не нашёл больше чем за семьдесят лет. А мы нашли втроём! И я без них никуда не полечу! И в Лондон не поеду. Хоть режь на куски и багажом отправляй! Я принял решение! Я — русский и буду жить и учиться в России!

Повисла пауза. Было слышно, как на улице переговариваются люди. Сашкин папа подошёл к кушетке и посмотрел сыну в глаза.

— Как-то, сын, я пропустил, что ты вырос и повзрослел.

Он смотрел на сына уже по-другому.

— Ничего, папа. У нас с тобой ещё есть несколько лет. Ты многое увидишь, и многое надо обсудить, о многом поговорить,— Сашка взял отца за локоть.— Там, в тайге, я многое понял. Очень многое… И… папа, я тебя очень люблю. Извини меня. Я порой вёл себя как осёл! И Лизу люблю, и Наташу тоже. Извини. Я был не прав.

В глазах у Сашки блестели слёзы, и голос срывался. Да и не только у него. У всех присутствующих почему-то навернулись слёзы на глаза. Сам Сашкин папа не выдержал и рванул сына к себе, прижал крепко.

— И ты, Саша, тоже извини меня! Я часто был не прав к тебе.

Потом отстранился от него.

— А в Лондон надо будет всё равно съездить. Мать волнуется. Я ей позвонил, рассказал.

— Папа, не хочу я в Лондон. Там душно, тесно, места мало. И нет там места подвигу русскому человеку!

Отец посмотрел на сына, но уже как на незнакомого человека:

— Вот поэтому я и уехал оттуда! И, наверное, с твоей мамой развёлся. Душно мне там было. Простора, размаха таёжного не хватало!

Подумал. Обратился к врачу:

— Доктор! Как мальчики? Я могу их забрать?

— Конечно. Я подготовлю документы.

Через десять минут мальчишки уже сидели в салоне комфортабельного вертолёта. Не такой шумный, кожаные сиденья и диваны. Взлетели и полетели в город. Отец Сашки постоянно кому-то звонил. И когда у него освобождалась одна рука, он гладил сына по плечу. Было видно, что эмоции его переполняли.

Потом он взял у пилота карту и, перекрикивая шум, попросил показать, где нашли самолёт. Мальчики уверенно показали. Карту вернул пилоту, что-то крикнул ему, тот согласно кивнул головой.

Вертолёт приземлился, а там уже ждала машина скорой помощи. Их доставили в больницу. Сашкин отец всегда был рядом. И он уже не делал разницы между сыном и его друзьями. Требовал, чтобы всех мальчиков обследовали одинаково.

Колька всё время порывался удрать, мотивируя, что он здоровый. Но Сашкин папа вызвал охрану, и у каждого мальчишки стоял огромный дядька в чёрном костюме, с непроницаемым лицом, в халате сверху, который был как маечка, и в бахилах на лакированных туфлях. Зрелище было бы комичное, если бы не выражение их лиц, как у каменных идолов, вообще никаких эмоций. То есть вообще. Колька сразу оставил попытку слинять. Мужественно терпел всякие обследования и вопросы врачей.

Славку и Сашку оставили в больнице, в разных отделениях. Кольку отпустили домой. Его Сашкин отец приказал отвезти на машине — видимо, боялся, что Колька исчезнет. Плохо он его знал!

К Славке родители примчались через полчаса. Они были бледными, волновались сильно.

Они обняли его. Прижали к себе… И Славке было стыдно. Так стыдно, что он был готов сквозь землю провалиться за то, что обманул их. Вот так обманул. Эх!

И он начал рассказывать. Только опустил, что они искали золото. Искали самолёт — и нашли самолёт. А остальное он рассказывал без утайки. Мама слушала сидя, смахивая слезинки, отец же периодически вскакивал и ходил. Иногда смеялся, иногда краснел, сопел, но молчал. Потом не выдержал:

— Почему ты не рассказал мне? Всё как есть!

— И ты бы отпустил меня?

Отец Славки подумал:

— Нет! Это очень опасно.

— Папа, а пошёл бы со мной?

— Я не могу! У меня служба!

— Вот видишь! Ты не можешь со мной идти. Одного не отпустишь. И что мне было делать?

— Ну ничего! Вот выйдешь из больницы, и я с тобой очень серьёзно поговорю!

— Хорошо, поговорим. Только сам вспомни, когда ты на учениях был и пошёл не по плану, где была засада, а через болото, и выиграл те учения. Помнишь?

— Помню этот учебный бой,— майор пожал плечами.— И что?

— Тогда Генеральный штаб приезжал с проверкой нашей боеготовности и привёз спецназ. И все были поражены, что ракетчики обманули и прошли незамеченными. Тебя ещё пытались отругать на совещании после учений, что ты не по плану действовал. Так?

— Ну, было дело. И что?

— Что ты сказал? «Победителей не судят!» Правильно?

— Так оно и было. Наградные часы тогда вручили,— отец покрутил запястьем левой руки, на котором были золотые часы.

— Так вот и мы с Колькой и Сашкой — победители!

У Славкиного отца округлились глаза от удивления и наглости:

— Ох, ничего себе, как ты заговорил! Молодец! С тебя бы три шкуры спустить, по-хорошему! Но коль ты в больнице… — помолчал.— Да ещё и победитель. Как тебя тут ругать? Домой приедешь — поговорим по-мужски. Понял?

Отец протянул сыну руку. Славка пожал её.

— Понял. Приеду — поговорим!

Прошло лето. Закончились каникулы.

Первого сентября, в День знаний, состоялись торжественные похороны лётчиков на центральном городском кладбище. Пришла почти вся школа, в которой учились Славка, Колька и Сашка. Было много ветеранов войны.

Они надели свои парадные костюмы, многие были в военных мундирах. На ветеранах было

много медалей, орденов. Когда они медленно шли к месту погребения лётчиков, медали стукались друг о друга, и их тихий звон поодиночке сливался в единый большой звенящий оркестр. Оркестр Победителей.

Славка шёл вместе с отцом. Тот тоже надел парадную форму с медалями. И звон медалей отца смешивался со звоном медалей ветеранов.

И сын был горд, что его отец—военный, и у него тоже есть медали, и они звучат в унисон с медалями легендарных солдат и офицеров Великой Отечественной войны!

— Эй, малец!—окликнул его знакомый голос.

Славка обернулся. В форме старого образца, тёмно-синего цвета, как отец говорил—форма цвета морской волны, стоял дед Епифан. Не просто дед Епифан, а капитан! Несколько медалей. Петлицы голубого цвета с эмблемами ВВС. Такой же статный, высокий, могучий, вот только за два месяца он стал седым. Голова, борода, даже брови и те стали седыми.

— Как ты?

— Нормально, дед… извините, товарищ капитан, всё хорошо.

— А я вот… брата хороню. Сбылась моя мечта. Спасибо тебе и твоим друзьям, Вячеслав!

— Вам спасибо, что спасли нас. Не вы—так и висели бы в том увале.

— Нет, не висели бы,—лицо деда стало суровым.—Я потом прошёл вашим маршрутом, видел зарубки, по следам читал, где вы срывались, что делали, чем питались. Не каждый подготовленный взрослый бы там сдюжил. А вы смогли! Думаю, что из увала выкарабкались бы. Не сразу, но что-нибудь придумали бы.

Понизил голос, чтобы никто не слышал.

— Был в схроне оружейном. Карту лётчика стёр. Теперь никто не знает, кроме вас и меня. Вы никому не сказали?

— Нет! Честное слово!

— Ну и правильно! И ещё запомни крепко, что сейчас я скажу. Не сейчас, так потом поймёшь. Тот, кто ищет навоз, всегда найдёт навоз. А тот, кто ищет золото, всегда найдёт золото. Только надо идти до конца по намеченному маршруту, согласно плану. Запомнил?

— Запомнил,—Славка кивнул.

— Повтори. Дословно.

— А зачем?

— Повтори. И запомни. Потом поймёшь. Не сейчас. Повтори!

Славка повторил. Посмотрел в конец аллеи. Подъехал автобус с военными и автобус, откуда вынесли два маленьких закрытых гроба с останками лётчиков.

— Один—это ваш брат. Это понятно. А второй лётчик—это с деревенского кладбища? Решили здесь похоронить?

— Нет. Второй лётчик—это второй пилот, тот, что был с братом. Я остался и внимательно стал осматривать самолёт и всё, что вокруг него. В пятнадцати метрах нашёл его. Он, наверное, выжил и пытался отползти подальше от самолёта, да там и преставился.

— Понятно.

Помолчали.

— Как думаете, а почему они разбились?

— Не знаю. Сам там много думал. У меня только две причины на ум пришли. Либо техническая неисправность. Либо другое. Я там компас посмотрел, стрелка крутится и не может остановиться. Была пурга, шли по компасу, но коль он вёл себя непонятно, решили спуститься пониже, чтобы идти по руслу реки, и зацепились или за сопку, или за деревья. И всё…

— Славка! Вот ты где!

Подбежали Сашка с Колькой. Сзади шёл отец Сашки.

— Здравствуйте дед Епифан!

— Здорово, мальчишки! Здорово!

Подошёл отец Сашки. Он поздоровался с дедом.

— Так это вы спасли моего сына и его друзей?

— Они бы сами спаслись. Они—герои!

— Знаете, я у вас в долгу. Если вам что-нибудь понадобится, вот моя визитка. Просто позвоните…

— Благодарствую,—капитан Иванов придержал руку отца Сашки.—У меня в тайге есть всё. Не надо. Прошу. Не обижайте меня.

Подошли люди и позвали всех их на приготовленные места. Там уже стояли губернатор, мэр с помощниками.

Заиграла музыка. И торжественно, с развёрнутым знаменем, военные понесли два гроба к приготовленным могилам.

Дед Епифан, он же капитан Иванов, замер, приложил руку к фуражке, отдавая воинскую честь.

Первым выступил губернатор. Он рассказал, что хоронят героев, которые погибли, когда перегоняли самолёты для нужд фронта. И почётно, что их нашли школьники. Они поступили тоже как герои. Преемственность поколений.

Губернатор вручил почётные грамоты мальчишкам. Славке выпало идти первым. Ему вручили два предмета: грамоту и кусочек обшивки самолёта, оправленный в рамочку. Славка, волнуясь, отвернулся от губернатора, встал по стойке «смирно» и прокричал присутствующим:

— Служу Отечеству!

Потом Сашка, а затем Колька повторили эту фразу, когда им вручили грамоту и кусочек обшивки. Так говорят военные, когда их награждают. Славка видел это, когда отцу вручали медаль. Он взял его с собой. Славка потом нёс её домой и был очень горд. И сейчас он был горд.

Вот и сейчас у всех мальчишек в горле пересохло от волнующего момента. Их наградили, а рядом были погибшие лётчики и живые ветераны!

И вот стали хоронить лётчиков. Опустили в могилы останки, трижды грянул оружейный салют из автоматов. И военные прошли торжественным маршем мимо могил.

Капитан Иванов стоял, отдавая честь военным, погибшим героям, и слёзы градом катились из глаз, оставляя на седой бороде тёмные полосы. Славкин отец стоял рядом. Тоже не отпуская руки в воинском приветствии. Лицо его сосредоточенно и сурово.

После окончания церемонии похорон набежали журналисты, которые фотографировали друзей. Потом друзей с дедом Епифаном. Потом всех их с губернатором.

Какой-то тележурналист подошёл к ним с микрофоном, рядом стоял оператор и снимал.

— Что вы хотите сказать, мальчики, в этот момент? Что вы чувствуете?

Славка стал волноваться и понял, что не выдавит из себя ни звука из-за заикания. Попытался ретироваться. Сашка тоже стоял красный как рак. Колька храбро сделал шаг вперёд:

— Я хотел бы сказать губернатору огромное спасибо за грамоту! И хотел бы обратиться с просьбой!

Губернатор, который стоял рядом, с обаятельной улыбкой посмотрел на Кольку.

— Говори, малыш, не бойся!

— Мы приехали из деревни. Там нет работы. Снимаем домик, а он разрушается. Сестрёнка сильно болеет. Сложно ей зимой будет! Помогите нам получить квартиру или общежитие. Очень прошу!

Губернатор потрепал Кольку по голове и улыбнулся:

— Посмотрим, что можно сделать.

И ушёл.

Репортёр что-то говорил в камеру. Мальчишки тихо отошли.

— Колька, ты чего?

— А чего? Дом не смогли отремонтировать. Там нужно капитальный ремонт делать, а денег нет! Вот и спросил. За спрос в нос не дают.

— А если не даст?

— Ну, не даст, так и не даст. У него пятнадцатого сентября выборы. Вот пусть и старается для народа! Я из народа.

Славка подошёл к отцу. Тот прижал молча его к себе. Отстранил от себя и сказал:

— Молодец, Слава, молодец! Мы гордимся тобой! Так держать!— потом поднёс кулак к носу Славки:— Но больше не врать мне! Понял?

— Угу! Пап, мне ехать в школу надо!

Школьники рассаживались в автобус. Друзья увидели Юрку Семёнова.

— О! Юра! Как мы тебе рады!

Юрка забился в угол и снял очки.

— Очки-то зачем снял?

— Ну вы же меня бить будете!— Юрка сжался в комок.

— Надень очки. Мы тебя бить не будем. Танки клопов не давят!

Юрка надел очки.

— Как же так, Юрок? Ты слово дал и не сдержал. Да ещё и рогатку отдал? А?

— Они! Они меня пытали!

— Шалабан дали по лбу?

— Ну да. А вы откуда знаете?

— Да не знаем. Просто предположили. И ты им всё выложил, да?

— Да,— Юрка понурил голову.

— Эх, ты! А мы думали, что друг. А ты— предатель! С таким в разведку не пойдёшь.

— Да если бы вы мне сразу сказали, что ищете погибший самолёт, я бы им ни слова не сказал!

— Ага! Конечно. А ты что сказал? Что ищем?

— Ну, про лягушачью ферму и золото, бриллианты. Они и поняли, что вы клад ищете. Извините, парни! Дружите со мной! Вы теперь такие знаменитые! Вон и по телевизору показывают!

— Юра, с друзьями просто дружат, потому что они— друзья, а не за то, что их по телевизору показывают!

Приехали. Все вышли, разошлись по группам. Классные руководители рассказали, какое расписание, какие учебники брать и многое, что понадобится ребятам в новом школьном году.

Потом ещё долго стояли. Одноклассники рассматривали грамоты, кусочки обшивки самолёта. Расспрашивали, как они искали, как всё было.

Солидно, не спеша, Славка, Колька, Сашка рассказывали о своих приключениях.

— Ха! Подумаешь, герои! Подумаешь, два скелета нашли! Тоже мне находки!

Народ расступился. Протасов с Соковым стояли плечом к плечу и презрительно смотрели на всех остальных одноклассников.

— Ты бы поаккуратнее,— вступил в разговор Серёга Чупринов.— У меня прадед погиб. Он воевал в составе семьдесят восьмой Добровольческой бригады. Мы почти каждый год ездим на могилу к нему!

— Добровольческая бригада? Фи! Твой прадед был неудачником, и весь ваш род такой!

— Не смей! Мой прадед— герой! У него была бронь на заводе, а он ушёл Родину защищать, чтобы такой, как ты, сейчас жил!

— Если бы такие, как твой дед, не защищали Родину, так мы бы сейчас жили не в России, а в Германии! Вон как мой прадед: не воевал, да ещё и капитал сколотил.

— Если бы мой прадед не воевал, так нас бы и не было! Всех бы поубивали!

— Твой предок, как и весь твой род,— неудачники, а не герои!

Серёга был на полголовы ниже Протасова. Решительно шагнул.
— И что ты мне сделаешь, деточка? У-тю-тю-тю! — Протасов глумливо попытался дать щелчка по носу Серёге.

Чупринов отскочил в сторону и с ноги ударил Протасова по голени. Тот согнулся. И тут почти весь класс налетел на Протасова и Сокова. Начали буцкать, мутузить.

Славка, Колька, Сашка стояли, не трогаясь с места. Славка обнял за плечи друзей:
— Пойдёмте, парни. Дети без нас разберутся. Не будем им мешать!

И они пошли. Колька остановился. Остальные тоже. Обернулись. Протасов уже лежал на земле. Соков только как медведь стоял, согнувшись от тяжести повисших на нём одноклассников.

Колька достал из кармана свою легендарную рогатку, подобрал с земли маленький камушек и выстрелил, тщательно прицелившись, в объёмистый зад Сокова. Тот взвизгнул, дёрнулся вперёд, схватился двумя руками за ушибленное место, тут его и повалили.

Коля довольно улыбнулся:
— А вот теперь можно и идти! — спрятал рогатку в карман.

А через неделю Колькиных родителей вызвали в районную администрацию и выдали ключи от двух комнат в общежитии. Были репортёры, брали интервью у засмущавшихся от такого внимания родителей Коли. Только Коля смело шагнул и сказал, что наш губернатор — молодец, настоящий мужик, помогает людям, и дай Бог ему здоровья!

Всем классом помогали переехать Колькиной семье на новое место. И грозный Черныш крутился, лаял и не понимал, что происходит. Славка исподтишка показывал ему язык и корчил рожи.

А губернатора избрали на очередной срок.

Началась учёба. События лета стали потихоньку стираться из памяти. И вот в ноябре раздался звонок в квартире Славки. Папа поговорил, потом пришёл к сыну:
— Сейчас дядя Паша Дадонов приедет. Хочет с тобой поговорить.
— А что случилось?
— Не знаю. Он сказал, что только с тобой будет говорить. Ты мне ничего не хочешь рассказать?
— Я ничего не делал.
— Ладно. Подождём. Никуда не уходи.

Через час приехал дядя Паша. Поздоровался за руку.
— Вячеслав, дед Епифан умер, — он перекрестился.

У Славки комок встал в горле.
— Я был у него незадолго. Он просил тебе передать.

Дядя Паша достал из кармана часы-луковицу, которые они нашли в самолёте.
— Не знаю уж как, но он сумел их отремонтировать. Они идут.

Славка нажал кнопку сверху, крышечка откинулась. И действительно, на большом эмалированном циферблате были большие чёрные стрелки. Секундная маленькая отсчитывала ход времени. Славка приложил к уху. Часы солидно, медленно говорили: ти-и-и-ик — та-а-а-а-ак! Не то что современные, которые частили: тик-так, тик-так.
— Их надо заводить. Вот так, — дядя Паша показал. — И ещё дед Епифан просил персонально тебе передать: «Тот, кто носит эти часы, всегда совершит подвиг!»
— Я знаю, — Славка кивнул, а самого душили слёзы.
— И ещё. Он просил тебе передать дословно. Даже заставил повторить: «Тот, кто ищет золото, — всегда его найдёт!» Сказал, что ты поймёшь. А мне он отдал, — дядя Паша достал большой ключ от амбарного замка, — ключ от часовни. Сказал, что я должен теперь за ней смотреть. Пока жива часовня — будет жить деревня. А он с небес будет присматривать и помогать.
— Дядя Паша, если что надо помочь по часовне — пилить, стругать, красить, носить, держать, — так вы скажите. Я поеду. Думаю, что и друзья мои тоже поедут помогать.
— Спасибо, Вячеслав! Я позову вас, как соберусь!

Потом мужчины стали говорить о своём. Славка ушёл в свою комнату. Сел за стол и стал рассматривать часы, вспоминая деда Епифана, как он поначалу его до смерти испугался и думал, что тот охотится за золотым самолётом. А ему и не нужно было это золото. Но всё время говорил, намекал Славке на золото.

Славка поднял голову. Над столом висела политическая карта мира, на ней были нарисованы все страны мира. А сбоку он приклеил карту местности, где они искали самолёт. Просто участок местности, безо всяких обозначений с карты погибшего лётчика.

И тут Славку словно что-то ударило. Он полез в стол и нашёл фотографию Кольки и Сашки. Единственная фотография. Взял лупу и начал рассматривать.

Потом схватил телефон, позвонил Кольке и Сашке:
— Алло! Срочно! Прямо срочно! Всё бросайте и на школьный двор! Там встретимся! Да! Прямо сейчас! Да! Прямо горит!

Быстро оделся:
— Дядя Паша, до свидания! Мама, папа! Я гулять! Скоро буду!

И бегом на школьный двор. Первым пришёл Колька. Потом Сашка. Пришёл не один, а с Лизой. Он теперь уже бережно обращался с ней.

— Лиза, ты вот здесь поиграй. Вот лопатка, побросай снег, а я с друзьями поговорю.

Славка рассказал про диалог на похоронах, про смерть деда Епифана, показал часы. А потом достал фотографию.

— И что? Ну, вот мы. И что?
— Ничего не видите?
— А что тут смотреть? Ну, вот мы.
— И всё?
— И всё!
— Вот! Возьмите линзу! — Славка достал из кармана. — Ничего не видите больше?
— Не видим. Ты чего придумал?
— Сзади, на заднем фоне, что?
— Сосна кривая.
— Она вам вопросительный знак не напоминает?

Колька и Сашка внимательно смотрели.

— Точно!
— Так это лётчик, что похоронен на деревенском кладбище, был с другого самолёта и не знал, как изобразить кривую сосну. Вот он и нарисовал вопросительный знак. А потом зачеркнул его многочисленными чёрточками. Только это не чёрточки были, а иголки! Он так сосну рисовал! Ну, вы поняли, парни?! Поняли?! Дошло?!

Сашка хлопнул себя по шапке в районе лба:

— Там второй самолёт! Там золотой самолёт!!!
— «Тот, кто ищет золото, — всегда найдёт золото. Только надо идти до конца по намеченному маршруту, согласно плану!» Это я запомнил. Дед всё понял, может, даже и ходил к нему, но не хотел, чтобы тайгу разорили! Поняли?!
— Да!
— Славка — ты гений! И что теперь делать?!

Славка выпрямился, поправил очки.

— Готовить новую экспедицию летом к золотому самолёту!

ДиН пародия

Евгений Степанов

Авторы достали!

Скромность

Никакой во мне порок
не сказался,
ибо божий ветерок
лба касался.
Евгений Евтушенко

Рифмой звонкою звеня,
я иду по жизни.
Нет пороков у меня,
есть любовь к Отчизне.

Никогда я не грешу,
бесов зля треклятых.
И о Родине пишу,
проживая в Штатах.

Я, конечно, не простак.
Я пишу о многом.
Что тут скажешь? Это так —
Я отмечен Богом.

Подлый Веснин

…И сказал тогда Зимин, —
Сквозь июнь — на мир глазея:
— Распустившийся жасмин —
Гордость нашего музея.
А ещё Зимин сказал:
— Выходные. Люди — с дачи…
Поспешите на вокзал.
Не уедете иначе…
Сергей Белорусец

И сказал тогда Веснин
(Он редактор был в журнале):
«В сердце — морок, в сердце — сплин.
Как же авторы достали!»
Был Веснин сердит, суров.
Он сказал: «Живи иначе,
Не пиши, Сергей, стихов,
Лучше отдыхай на даче!»

Томаш Соберай

Финал Театра Креста

Перевод с польского Андрея Базилевского

Оптика

И на восходе
И на закате Солнца
Даже обычный баран
Отбрасывает огромную тень
Особенно
Если стоит на вершине холма

Стадо баранов
При тех же условиях
Отбрасывает тень ещё больше
Во много раз гуще
А голоса баранов
Звучат громоподобно

Однако
Когда Солнце в зените
Видимость величия исчезает
Об этом знают тигры
Мирно спящие среди чайных кустов

Прощай

Прощай
Я на поле боя
Усну в одиночестве
Облаком
Уплывут мои крылья

Прощай
Меня пожирает огонь
Королей
И звёзд ночных
Где-то маячит пристань

Прощай
Это просто пепел
На ветру
Память
Останется чистой

Прощай
Когда-нибудь я вернусь
Как возвращается лист
Капля воды
Ветер

Человека выковывают молотом

Вопреки мнению простаков
Человека выковывают молотом
Лучше всего вырубать его из твёрдого камня
Рождённого в адском огне земного чрева
Необходимы также мысль
Стальной резец сила мускулов и время
Конечно можно что-то вылепить из глины
Или другого непрочного материала
Придать убогой субстанции
Человеческую форму
Даже покрыть её золотом
Возлюбить пустую красоту
Сочинять о ней мудрые трактаты
Но и тогда это будет всего лишь фигурка
Раб из отряда глиняных воинов
Человека
Выковывают молотом

Кафедральный собор

Мне не на что было купить билет
В храм
Я присел у подножья каменного Иисуса
Достал нож и хлеб

Мы смотрели
На радостную вереницу
Выходящих из собора

А собор спал
Под охраной стрельчатой башни
Надменный и мощный
Пустая
Красивая форма
Без Бога
И верующих

Финал
Театра
Креста
Стал явью

Безумное плавание

«Плывём!»
Взревел капитан
Крюком указав направление
«Отдать швартовы!
Руль право на борт!
А я пойду выпью рому!»

Сирены затянули песнь
Мы налегли на вёсла
Остальная команда
Взялась за такелаж
Настроение царило приподнятое

Океан был слегка суховат
Но невзирая на это
Мы подняли паруса
И даже тот факт
Что в суматохе повесили кока
Не особенно нас огорчал

Мы шли с лёгким ветром
Балла четыре по шкале Бофорта
Рейс выдался что надо
Хотя боцман тоже повис на рее
А кто-то выбил стёкла в иллюминаторах
Сломал мачту
И выбросил компас

«Ладно корабль-то не наш!»
Весело орал капитан
«Так что маленький погромчик
Да пара трупов
Не в счёт!
Вперёд команда!
Круши что попало!»

Пружинисто прыгали дельфины
Нос взрезал непокорное море
А Южный Крест
По ночам указывал путь
К коралловым островам
Тихим атоллам
Полным бананов
Цветов
И прекрасных женщин…

Мы уже были почти у цели
Безумной на вид эскапады
Но вдруг капитан
Единственным зрячим глазом
Увидел нечто необычайное
И побледнев
Рухнул с мостика на палубу
«Господа»
Тихо сказал он
Прерывающимся голосом
«Сестра Гризельда и доктор Иоганн
Уже здесь
Они принесли всем по дозе брома»

Серебряная тарелка

Говорят
Звёзды это дыры в небе
Пробитые обычными
Ружейными пулями
При обстоятельствах
Не вполне ясных даже поэтам
Говорят
Только за небесным сводом
Есть настоящий свет

Наверняка это так!
Мнимые звёзды
Прямое тому доказательство

Взгляд интересный
Потому-то
Его и не изучают в школах
Потому-то
Он и нравится мне
Больше
Чем к примеру
Теории маркетинга
(Да и не так смешон как они)

Люди говорят
Я наивен
Дескать наука
Космические полёты
Прибыль
Продукт
Продажа…
Но мне наплевать на новомодные теории
Я ем хлеб
Смотрю на Луну
И знаю
Это серебряная тарелка моей бабушки
Которая когда-то улетела
Из нашего сада

Быть может

Нельзя исключить
Возможность
Что нас вовсе нет
Как нет сонных призраков
Нет чудовищ
Из наркотических видений
Быть может
Мы всего лишь кошмар
Бесконечного бытия
Идея
Вечной сущности
Быть может
Нам только кажется
Что мы существуем и познаём
Как кажется крысам
Спесивым и наивным
Мнимым знатокам лабиринта

Четырнадцать минут

Известно
Поездки вправляют мозги
Даже когда едешь недалеко
Как на эту экскурсию в Хелмно
Над Нером

Широкая долина
На откосе белый костёл
«Станция обнажения»
С главного алтаря
Кротко взирает
Матерь Божья Ченстоховская
Неглубокий овраг
Отделяет храм
От места убийства
Двухсот тысяч людей

Их сердечно приветствовали
Перед дворцом
Потом раздевалка в бальном зале
Узкий коридор
К бане на грузовике
Скрежет закрываемой двери
Водитель бросает окурок
Поворачивает ключ
Сдвигает рычажок
Четырнадцать минут
Купания в выхлопных газах
И испражнениях
Четырнадцать минут
Криков и рвоты
А потом покой
Уже навеки
В ближнем лесу

Вечером
После тяжёлого трудового дня
В зондеркоманде
Пиво смех
Общая фотография
На память
Нормально
Как обычно
После работы

Осторожность

Прогулка по берегу океана
Была как спокойный сон
Счастливого человека
Не знающего о том
Что он каждый день умирает

Я шёл не спеша
Внимательно ставя ноги
Чтоб не растоптать раковину улитки
Или не стать виновником
Иной драмы

Слева
Манили травы и вереск
Справа
Глубь океана
Я шёл по берегу осторожно

Иногда останавливался
Смотрел
В идеальное пространство
Серость воды и неба
Сливались в любовном объятье

Путь кончился
На краю мыса Лизард-Пойнт
Я зашёл предельно далеко
Для человека
Столь осторожного

Теперь я мог только вернуться
Или прыгнуть в сладчайшие волны
Чтоб хоть немного познать глубины
Трепетным разумом
Пилигрима

Что ж как всегда
Я выбрал самое лёгкое
Дорогу домой по берегу океана
И недолговечный след
На песке

Эдуард Русаков

Бумажное пианино

Моя жена—корректор

Моя жена работает корректором в краевой газете «Кырская заря».

Она очень хороший корректор, моя жена. Дважды была участницей всероссийского «тотального» диктанта—и дважды получала оценки «отлично». Единственная отличница в нашем городе двоечников и троечников.

Правда, есть у неё один недостаток: она правит не только газетные тексты, но и мои рассказы, хотя никто её об этом не просит. И ладно б ещё только рассказы—она правит мою устную речь, мой характер, мои вкусы, привычки, мою повседневную жизнь. Она правит меня как личность! А это уже, согласитесь, слишком.

И чего ей неймётся? Сегодня, к примеру, суббота, выходной день,—занялась бы, к примеру, домашней уборкой, приготовлением обеда или, к примеру, сходила бы в парк с нашей дочкой Маришей… Так нет же—лезет ко мне со своими замечаниями:

— В одной фразе три раза подряд «к примеру»… Это плохо, мой милый!

— Отстань ты, ради Христа!—восклицаю я.— Сколько раз просил: не мешай мне работать. Если хочешь знать, я специально трижды повторил «к примеру»—уж таков мой стиль!

— Тоже мне—стилист,—хмыкнула жена.—И не надо всуе упоминать имя Божие…

— Твоё место—на кухне!—кричу я, отталкивая её.—Киндер, кухен, кирхен!

— Тебе мало калечить русский язык?—усмехается жена, отступая.—Пожалел бы хоть немцев… Не «кухен», а «кюхе»! «Кю-юхе»!.. Эх, ты… полиглот!

И она прикрывает за собой дверь.

А я продолжаю писать рассказ из цикла «Сказки для взрослых». Рассказ называется «Спящий красавец».

Герои этого рассказа—два брата-близнеца Ваня и Вася, призванные на военную службу из сибирского города Кырска (а откуда ж ещё?) в Москву, в Президентский полк, или, как его чаще называют, в Кремлёвский полк. Да, им сказочно повезло, Ване и Васе. Впрочем, они заслужили эту почётную службу…

— «Заслужили»… «службу»…—шепчет незримая тень моей жены.—Тавтология, милый…

— Отвали!—рычу я.

И продолжаю писать рассказ.

О том, что братья-близнецы Ваня и Вася больше всего мечтали попасть в роту специального караула, откуда формировались наряды на пост номер один возле Могилы Неизвестного солдата, что в Александровском саду, а также часовые у Мавзолея Ленина. Если честно, то близнецы особенно сильно мечтали охранять хрустальный гроб, где покоилось нетленное тело вождя Великой Октябрьской социалистической революции. Они очень любили великого Ильича, их воспитала в этой любви мама, старая несгибаемая коммунистка, и братья прочли много книг о Ленине, видели много фильмов и знали наизусть много стихотворений, посвящённых этому великому человеку…

— Два раза—«великому», три раза—«много»…— прошептала невидимая жена.

Да, да, да! И не два, и не три, а сто тысяч раз— «великому человеку»! Братья очень, очень, очень любили этого великого человека. И были поражены, когда в первый же день в Москве, на Ярославском вокзале, старуха-цыганка им нагадала два чуда: во-первых, сказала она, если Ваня (ткнула цыганка ему в грудь сухим коричневым пальцем) будет два часа подряд читать вслух ленинские тексты, а во-вторых, продолжала цыганка, повернувшись к Васе, если ты, Васёк, поцелуешь Ленина прямо в губы…

— Но как же?!..—прошептал растерянно Вася.— Как же я его поцелую? Ведь он в гробу…

— Главное—очень хотеть и верить!—грозно сказала цыганка, воздевая свой коричневый палец.— Верьте—и оба чуда свершатся!

— Какие?—пролепетали братья.—Какие два чуда?..

— Увидите,—усмехнулась цыганка.—С вас по тысяче рэ.

— У нас всего одна…—извиняющимся голосом произнёс Ваня.

— Давай хоть одну,—и цыганка вздохнула.—Главное—верить. И всё сбудется, как я сказала!

—…Что за бред?!—прошептала мне прямо в затылок незримая тень жены.—Да неужто эти твои близнецы такие уж идиоты?..

Отмахнувшись, я продолжал писать свой рассказ про Ваню и Васю, мечта которых очень скоро сбылась — их направили стоять в карауле возле Мавзолея Ленина.

Вот стоят они, значит, стоят, и брат Ваня, едва шевеля губами, читает вслух фрагменты из ленинского произведения «Государство и революция»:
— «…До тех пор, пока наступит „высшая“ фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен начаться с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством вооружённых рабочих…»

— Слишком длинная фраза! — хрюкнула мне прямо в ухо жена, но я — ноль внимания, я продолжал торопливо записывать сакральный текст, произносимый солдатом Ваней словно в забытьи.

— «…Но научная разница между социализмом и капитализмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал „первой“ или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово „коммунизм“ и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм…»
— Постой! Ты слышишь? — перебил брата Ваню брат Вася, кивая в сторону закрытой двери Мавзолея.
— Н-нет… А что?
— Там… там… там… — бормотал дрожащий Вася.
— А ну тебя. Читаю дальше! «…Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся из капитализма…» Нет, ты понял, Васёк? Ты понял?!
— Что-о?..
— А то, что коммунизм неизбежен! И капитализм, который сейчас временно воцарился в России, был запланирован Ильичом ещё тогда… он давно предсказывал, что из капитализма разовьётся коммунизм! Но в тысяча девятьсот семнадцатом году у нас не было настоящего капитализма, а сейчас он есть!
— И чего?
— А то, что, как и предсказывал Ленин, очень скоро из капитализма разовьётся коммунизм! И наступит рай на Земле!
— Ой! Что это?! — взвизгнул вдруг Вася, роняя от страха карабин.

Двери Мавзолея распахнулись — и оттуда вылетел хрустальный гроб с нетленным телом Владимира Ильича.

Братья-близнецы оцепенели от ужаса и восторга. Так же замерли и прохожие, и туристы, которых в тот момент было немало на Красной площади. Хрустальный гроб летал над площадью — круг за кругом, круг за кругом. Это было потрясающее, сказочное зрелище!
— Вот оно, первое чудо! — воскликнул Ваня. — Цыганка не соврала…
— А второе? — спросил нетерпеливый Вася. — Где второе чудо?
— Ты не в цирке, — строго одёрнул его Ваня, который был старше брата-близнеца на тринадцать минут. — Имей терпение, Васёк!..

Совершив над Красной площадью тринадцать кругов, хрустальный гроб аккуратно вернулся на своё место, в Мавзолей.

Двери Мавзолея остались открытыми, словно вождь приглашал близнецов к себе.
— Айда! — сказал Ваня. — Теперь твоя очередь, Васёк! Ведь ты любишь Ленина?
— Ещё как люблю! — восторженно прошептал Вася — и шагнул во мглу Мавзолея.

Брат — за ним.

Гроб стоял на прежнем месте, только крышка лежала в стороне.
— Ну, давай же! — подтолкнул Ваня брата. — Не бзди, Васёк!

Бледный и трепещущий Вася приблизился к нетленному телу любимого вождя, наклонился над его прекрасным лицом — и поцеловал в фиолетовые губы.

И второе чудо свершилось!

Ильич распахнул красивые, чуть раскосые карие глаза — и ласково улыбнулся братьям, которые смотрели на него, не мигая и не дыша.

Когда Ленин привстал в гробу, братья отшатнулись и попятились.
— Не бойтесь, братцы, — сказал Ильич, приятно грассируя. — Всё в полном порядке. За меня не волнуйтесь.

Он легко выпрыгнул из гроба, размял затёкшие плечи — и направился прочь из Мавзолея.
— Куда же вы, Владимир Ильич? — воскликнул Вася.
— Продолжать начатое дело, — ответил, не оборачиваясь, вождь мирового пролетариата. — А вы — продолжайте свою службу. Каждый должен оставаться на своём посту. Каждый должен вносить свой посильный вклад в дело построения коммунизма. Коммунизм неизбежен!

И на этом закончился мой рассказ «Спящий красавец» из цикла «Сказки для взрослых».
— Как ты мог?.. — прошептала ошеломлённая жена. — Как ты мог сочинить подобную ахинею?! Это даже не постмодернизм — это детский лепет и старческий маразм в одном флаконе! Ау, Альцгеймер! И хоть бы придумал что-нибудь оригинальное…

А то смешал гоголевского «Вия» со сказкой о спящей царевне — и доволен! И вообще, сколько можно терзать труп бедного Ильича?! Это просто пóшло! Пóшло!..

«Нет, не буду, не буду с тобой спорить, — думал я, глядя на разгневанную супругу, которая в гневе казалась ещё привлекательнее и сексапильнее (или это — тавтология, ма шер?). Говори что хочешь, кисуля. Уж я-то знаю, что эта история будет иметь успех, и скоро, очень скоро выйдет моя новая книга „Сказки для взрослых“, за которую я обязательно получу одну из престижнейших литературных премий... и тогда... и тогда...»

— Разбежался, — хмыкнула жена, словно услышав мои мысли. — Не будет ни книги, ни премии, ни читательского успеха, ни славы, ни денег, ни обещанной мне норковой шубы. Ничего не будет. Скорее Ильич и впрямь воскреснет, чем ты, ничтожество, станешь знаменитым. Скорее коммунизм победит во всей Вселенной, чем тебе улыбнётся удача в одной отдельно взятой стране.

...Я смотрел на неё, онемев от ужаса и мазохистского восторга. Жена не просто читала мои мысли — она их правила! Я её обожаю, мою царицу!

Бумажное пианино

(Наши дневники)

29 февраля 1984 года

Сегодня в автобусе встретила старую незнакомую женщину, которая вдруг обратилась ко мне и стала вспоминать, как ещё до войны мы с ней занимались на танцевальных курсах в клубе железнодорожников имени Карла Либкнехта, ласково — в «Карлуше»... «Сашенька, вы были такая красивая и молодая!» — сказала она. Сашенька — это я.

Да, я помню, помню, как в 1938 году мы с мужем ходили на курсы бальных танцев в «Карлушу». Посещали их аккуратно, прошли курсы полностью и потом всегда дома при случае танцевали под виктролу, заводя танцевальные пластинки. Всякие фокстроты, танго, «Рио-Рита», песни в исполнении Эдит Утёсовой, Изабеллы Юрьевой.

Почему-то чем ближе к старости, тем всё больше я слышу напоминаний о своей былой молодости и красоте. И приятно, и обидно. Неужели жизнь кончилась? Нет-нет-нет, надо жить, жить и воспринимать всё спокойно

15 марта 2004 года

Сашенька — это моя мама.

Странно, почему мне раньше не попадался на глаза этот мамин дневник? Пролежал столько лет в шкафу, под тряпьём, незамеченный. Вот уж двадцать лет мамы нет на свете...а я будто слышу её живой голос, вижу её лицо, её глаза, её улыбку. Как это она написала? «И приятно, и обидно».

1 июня 1984 года

Сегодня была в парке — День защиты детей. Видела сына с внуками, купила им мороженое.

Вечером посмотрела в зеркало — и впервые увидела следы старости: морщины, дряблая кожа, какие-то светло-коричневые пятнышки. Главное — ненормальная работа кишечника отражается на цвете лица и упругости кожи.

Сегодня же снова получила приглашение поработать киоскёром в «Союзпечати». Поработать, что ли, ещё? Заманчиво, но какая-то внутри леность. На питание пенсии и так хватает.

Вечером заходил мой Друг, посидели, попили чаю. Он принёс мне билеты на симфонический концерт, где он будет в качестве дирижёра. Вообще-то он уже на пенсии, но его иногда приглашают, и он соглашается. Он же не может без музыки! Мы с ним познакомились недавно в парке, после концерта, где Друг дирижировал в Зелёном театре. Оркестр играл произведения Чайковского. Мне так понравилось, что я даже расплакалась, а Друг это заметил и после концерта подошёл ко мне. Так мы с ним и познакомились. Он очень деликатный и предупредительный. Никогда не встречала таких деликатных людей.

15 марта 2004 года

Это ещё что за Друг? Уж не тот ли старикашка, который уговорил маму незадолго до её смерти купить пианино? Она никогда в жизни не играла, а тут... Пустая трата денег! В день маминых похорон этот Друг (даже имени его не знаю!) молча сидел за этим самым пианино — и всё играл, играл, играл. Моцарта, Шуберта, Шопена, кого-то ещё. Ни слова не сказал. Только играл и молча плакал. И на кладбище не поехал. И на поминки не остался. И потом совсем исчез, не появлялся.

А ведь был же — Друг! И, похоже, в последние месяцы маминой жизни он был для неё главным человеком.

Главнее меня. Главнее моих сыновей, её внуков.

Главнее её мужа, моего отца, не вернувшегося с войны.

Неужели — так?

7 июля 1984 года

Сегодня у меня в гостях был мой сын, и тут вдруг некстати пришёл мой Друг. Я ему через цепочку сказала шёпотом, чтобы уходил, и он сказал: «Хорошо, Сашенька», — и послушно ушёл. Вот какой деликатный!

Мне не хочется совмещать встречи с этим человеком и с моим сыном. Незачем, не нужно, хотя и не очень удобно было его выпроваживать. Зато с сыном посидели хорошо, спокойно, досыта

наговорились. А на улице в это время шёл продолжительный сильный дождь. И я уже потом пожалела бедного Друга, который, вероятно, промок под дождём, один, одинокий.

16 марта 2004 года

Может, попробовать через Интернет найти следы маминого Друга? Но для этого нужно предварительно узнать хотя бы его имя, отчество и фамилию... Да это ж легко! Если он работал в нашем музыкальном театре дирижёром, значит, в отделе кадров сохранилось его досье, фотография и прочие данные. Надо будет сходить.

15 июля 1984 года

Сегодня заходил сын, просидел полчаса, да так ничего путного и не сказал. Вижу, что заходил формально, из вежливости, а не по велению сердца. И когда я к нему домой прихожу, чтобы повидать внуков и невестку,—ко мне относятся с прохладцей, я же вижу, я вижу, вижу.

Что ж, буду жить одна, никому не навязываться, не мешать, доживать свой век, как подсказывает сама жизнь. Помогают лишь встречи с Другом—человеком тоже одиноким и очень нежным, добрым и внимательным. Он старше меня, но у него такие молодые глаза! Когда он говорит о музыке или обо мне, его светло-серые глаза горят, как у подростка! И так смешно размахивает своими длинными руками... Привык дирижировать—вот и дирижирует всем, что видит вокруг.

Без него—одиночество, мрак и тоска. Ужасно...

17 марта 2004 года

Сказано—сделано. Друга мамы звали Алексей Карлович Краузе, он из немцев Поволжья, работал пианистом и дирижёром оркестра музыкального театра. В 1987 году его сын уехал в Германию, на историческую родину. А в 1999 году и папаша свалил туда же. Сын его—известный пианист, Михаил Краузе, живут они вроде в Берлине.

Да, хорошего ты себе друга (Друга!) завела, мамочка, на склоне лет. Мужа твоего (моего отца!) немцы на фронте убили, а ты, значит, с немцем тут... с музыкантом, значит... с дирижёром, значит.

Интересно—жив ли он, этот Алексей Карлович? Да навряд ли, ему же сейчас было бы уж за девяносто. Впрочем, это легко проверить.

10 августа 1984 года

Вернулись с Другом с прогулки из леса, из берёзовой рощи, расположенной в Студенческом городке, где провели вот уже третий день подряд, и каждый раз возвращаемся в семь-восемь часов вечера, отдохнувшие, надышавшиеся свежим чистым воздухом, без городского шума и чада от машин.

Как хорошо в лесу! Как жаль, что так поздно мы начали выезжать из города...

Перестали уже волноваться из-за того, а что подумают люди при виде меня с *этим* человеком... Пусть думают что хотят, лишь бы *мне* было хорошо. Тем более что он тоже не стесняется никого и смело шагает со мной по городу. Всё хорошо! Всё правильно!

Если что и делаю неправильно в личной своей жизни, то это свыше нас, и в данном случае—меня. Так тому быть!..

И ты, сынуля, на меня не сердись.

18 марта 2004 года

А я и не сердился.

Хотя, конечно, было немного неловко, что мама, в её-то возрасте, завела роман, пусть и платонический, с каким-то дирижёром-пенсионером. Он уж почти и не дирижировал-то в ту пору в музыкальном театре. Иногда разрешали в Зелёном театре, в парке.

Я избегал говорить с мамой на эту тему, боялся сорваться и сказать лишнее, обидное для неё. Она чувствовала это и не пыталась быть откровенной. Помню, я лишь одного опасался—чтобы этот неведомый мне старик маму как-нибудь не огорчил, не причинил ей зла. Почему-то не верил я в его бескорыстие, мне всё мерещился в его ухаживании некий тайный, коварный замысел.

13 августа 1984 года

Всю жизнь, самые золотые годы моей жизни я провела в ожидании чего-то лучшего, томимая внутренней тоской, и вот на склоне лет дождалась встречи с человеком, который уделяет мне столько внимания, ласки и любви... Прожить жизнь—и не испытать этого раньше! Жить и страдать—так долго и всегда. Все мои болезни и были от этих страданий и от тоски о моих потерях, от одиночества.

И вот—эта встреча, которая возвращает меня к жизни, пусть короткой, но жизни. Нужно отбросить нелепое стеснение, смущение перед людьми, как чужими, так и своими, каждый живёт как может. И никто не обязан отчитываться и требовать отчёта. Хватит прятаться! Пусть все видят и знают о моих встречах с этим человеком.

Когда я его встречаю—в моей душе звучит музыка. А раньше никогда, никогда эта музыка не звучала!

Как хочется жить хорошо, красиво, спокойно... И это в шестьдесят-то восемь лет! Именно жить и радоваться, а не умирать, как было на протяжении многих лет—до встречи с Другом год тому назад. Это он вернул меня к жизни, вырвал из того состояния многолетнего умирания, в котором я долгие годы жила, не чувствуя самой себя.

Надо жить, жить, жить—даже тогда, когда организм изношен, жить с желанием что-то делать, встречаться с любящим человеком и быть

любимой. В шестьдесят восемь лет узнать, как можно и надо было любить… Поздно, поздно, но лучше поздно, чем никогда.

А сынуля мой ошибается, если считает этого человека хитрецом. Он не хитрый, он дружит со мной просто от своего одиночества, а не ради выгоды. Да и какая может быть от меня выгода?

18 марта 2004 года

Сознаюсь, и впрямь я подозревал старика, что он рассчитывает получить по завещанию мамину однокомнатную квартиру… Ну не верил я в человеческое бескорыстие!

Надо признать, тут я был неправ. После смерти мамы старик исчез, и я думать о нём забыл, а свою квартиру мама завещала мне. Такие дела.

14 сентября 1984 года

Мой Друг заразил меня любовью к музыке. Мы ходим с ним вместе на концерты, он подарил мне несколько замечательных пластинок — Моцарта, Мендельсона, Бетховена, Шопена. А когда я призналась ему, что с детства мечтала научиться играть на фортепьяно, мой друг предложил мне для начала познакомиться с нотами, с клавиатурой, нарисованной на бумаге. И нарисовал мне клавиатуру на большом листе обоев, на обратной стороне листа, и теперь я знаю все ноты, изучаю октавы и двигаю по ним пальцами.

Кто-то может надо мной посмеяться: в таком возрасте взялась играть на бумажном пианино!

Смейтесь, смейтесь.

Спустя полвека моя детская мечта начинает сбываться…

А сегодня вечером мне удалось в гостях у моих соседей поиграть на их настоящем пианино и сыграть вальс «Чижик», который я разучила на своём бумажном пианино. Соседи признали, что получилось неплохо; правда, в руках ещё чувствуется неуверенность, вернее сказать, стеснённость от моего волнения.

15 октября 1984 года

Вот уже больше месяца продолжается наша затея с бумажным пианино. Продолжаю знакомиться с музыкальными премудростями по нарисованным нотам. Скоро смогу разучивать на память. Желание есть, и пальцы пока шевелятся. А с бумажного пианино легко будет перенестись рукой на настоящее.

Чтобы не быть сплетницей, лучше делиться самым сокровенным с бумагой, чем с людьми, а без этого нельзя жить. С кем-то надо же поделиться!

Состояние моего организма прескверное, но настроение бодрое, и желание жить только сейчас появилось, после столь долгого ожидания и моей встречи с человеком, которого ждала полжизни. На старости лет встреча состоялась, и спустя год после нашего знакомства я даже увлеклась музыкой, которая даётся мне легко, а главное — с какой лёгкостью я играю, правда, пока на бумажном пианино, нарисованном как настоящее. И пусть никто не слышит музыку, когда я играю на бумажном пианино, но я-то её слышу, слышу!

Надо, надо ещё как-то потянуть, пожить, не волноваться из-за пустяков, избегать ненужных разговоров и встреч.

20 марта 2004 года

Узнал через Интернет электронный адрес сына Алексея Карловича, который живёт с девяностолетним отцом в Берлине, играет в местном симфоническом оркестре, часто гастролирует, имеет свой сайт и кучу поклонников. Послал ему по электронке письмо с просьбой помочь в установлении контакта с его отцом. Вкратце объяснил суть дела, чтобы он не напрягался. Ведь у меня и дела-то никакого к ним нет. Просто хочется передать запоздалый привет от моей мамы, познакомить старика с маминым дневником. Если это, конечно, ему ещё интересно.

20 октября 1984 года

Не знаю, радоваться или плакать после каждой встречи, каждого общения с человеком, который благоволит ко мне и с любовью ждёт каждой встречи со мной… И хорошо, и грустно… так грустно.

Сегодня побывала на квартире у своего Друга и Учителя, где поиграла на настоящем хорошем пианино. Это, конечно, не сравнить с бумажным пианино! Поняла, что по-настоящему играть пока не научилась, ни одной вещи не сыграла как следует…

31 декабря 1984 года

Одна-одинёшенька в новогоднюю ночь.

Звонил сынуля, поздравил. А больше — никто.

Душа-вещунья в час ночи уловила позывные от моего Принца: уверена, что мы с ним сейчас оба думаем друг о друге…

К Новому году я не подготовилась, только помылась в ванне, а уж полный порядок в квартире наведу к Рождеству. Всю ночь смотрела телевизор — одно и то же, одни и те же.

Мой Принц не позвонил. Убрала бумажное пианино в шкаф.

Отыгралась, отлюбилась, отжилась.

Состояние прескверное, болит живот, болит сердце.

Но не печалюсь — кончаю жизнь счастливейшим человеком, познав то, чего не знала раньше — ни любви, ни ласки, ни музыки.

5 января 1985 года

Сегодня проснулась в слезах — приснилась мама, умершая в 1968 году, которая стала звать меня на

улицу, я долго собиралась, не могла найти пальто, потом долго искала шарф, и мама так меня и не дождалась, и я проснулась с болью в голове, шумом в ушах и вся заплаканная.

Сразу подумала: наконец-то мама пришла за мной. Жаль только, что мы не успели с ней выйти вместе — значит, буду ещё мучиться и страдать. А чтобы облегчить страдания, надо продолжать дружбу с человеком, который встретился мне и льнёт ко мне со своей дружбой и лаской в обращении.

Достану из шкафа бумажное пианино и буду разучивать что-нибудь новое. Как хорошо, что в жизни моей появилась музыка!

17 апреля 2004 года

Получил ответ от Алексея Карловича и его сына из Берлина. Приглашают приехать к ним в гости. Вот уж не ожидал! Я-то думал лишь о виртуальном контакте, а тут — в гости… Хотя — почему бы и нет?

8 марта 1985 года

Был сынуля, поздравил с днём рождения и с Днём 8 марта, посидел недолго. Спасибо, что хоть не забывает.

Весь день провела одна, смотрела телевизор, скучала, плакала.

Вечером неожиданно явился Принц — с веткой свежей мимозы и бутылкой шампанского. Долго сидели, не могли наговориться, а я смотрела на него, смотрела, и мне казалось, что я знаю его всю жизнь. Он сказал мне, что пора уже переходить от бумажного пианино к настоящему, и если это для меня дорого, он может мне помочь деньгами. Но я сказала, что могу купить пианино сама, пусть он не беспокоится, а он сказал, что он вовсе не хотел меня обидеть, и взял мою руку и поцеловал, а я так растерялась, что не знала, что ему сказать, и вырвала руку, а он закрыл лицо обеими руками и тихо сказал, что он правда не хотел меня обидеть, наоборот. Да я знаю, знаю, сказала я, что вы не хотели меня обидеть, но только не надо, пожалуйста, так больше делать, потому что я, потому что мы, потому что вы, потому что я не могу ничего сказать!

10 марта 1985 года

Вот и закончилась моя игра на бумажном пианино!

Сегодня мы с моим Принцем купили мне настоящее пианино «Красный Октябрь» — бывшее в употреблении, но совсем как новое и с хорошим звуком (так сказал мой Принц).

Я ведь с детства мечтала научиться играть на пианино — и вот научилась в шестьдесят девять лет. Как же мне повезло, что я на закате жизни встретила этого замечательного человека, профессионального музыканта и дирижёра; правда, сейчас он уже на пенсии.

Да, стоит ещё пожить и продлить своё счастье, так поздно пришедшее ко мне. Так хочется жить, любить, слушать музыку!

17 апреля 2004 года

Этими словами заканчивается дневник моей мамы. Спустя три дня после этой записи она умерла от обширного инфаркта.

А теперь вот, спустя двадцать лет после маминой смерти, я собрался лететь в Берлин, чтобы повидаться с её Принцем, научившим маму играть на пианино и подарившим ей недолгое счастье.

25 мая 2004 года

Прилетел в Берлин, добрался на такси до озера Ванзее, на берегу которого, в двухэтажной вилле, жил Алексей Карлович со своим сыном.

Дверь открыла жена сына, невестка Алексея Карловича. Когда я представился по-немецки, она сказала по-русски почти без акцента, что меня ждут в гостиной, но она считает своим долгом предупредить меня, что вчера в их семье случилось несчастье. Я сразу почему-то подумал, что Алексей Карлович умер, не дождавшись меня. Я почти угадал, но не совсем. Он не умер, он перенёс вчера инсульт. В те самые минуты, когда мой самолёт взлетал с аэропорта Шереметьево, у Алексея Карловича взлетело давление… Плохой каламбур, конечно. Но я ведь не произнёс его вслух.

Я прошёл в гостиную, навстречу мне вышел Михаил Краузе, сын Алексея Карловича, — у него был очень утомлённый вид. И я понял, что сейчас он совсем не рад моему приезду. Быть может, он даже считает меня невольным виновником той беды, что случилась с его отцом. И он прав: ведь это я, я взволновал старика своими воспоминаниями и рассказом о мамином дневнике. Хотя — в девяносто с лишним лет такой беды можно ждать в любую минуту и по любому поводу.

— Битте… Пожалуйста, проходите в ту комнату, — сказал Михаил Краузе. — Отец в коме, но, может быть, ваше появление его взбодрит… В любом случае хуже ему уже не будет.

Разве можно взбодрить человека, находящегося в коме? — подумал я, но, конечно же, ничего не сказал и прошёл в ту комнату, где на широкой кровати, обложенный подушками, лежал Алексей Карлович.

Двадцать лет назад я встречал его у мамы раза три, не больше. В ту пору он был такой же седой, но очень стройный, по-молодому румяный, глаза его тогда жизнерадостно светились, белозубая улыбка украшала его лицо. А сейчас… Я б его ни за что не узнал, если бы точно не знал, что это — тот самый Алексей Карлович, научивший маму любить музыку и играть на пианино… тот самый, кто сделал мою маму счастливой в последний год её жизни, и пусть их смешная любовь длилась совсем

недолго, но ведь мама и впрямь была счастлива с этим человеком!

Передо мной лежал совершенно высохший, как мумия, старик, бледное лицо его было обтянуто как череп, глаза были открыты, но смотрели слепо поверх меня, в дальний угол комнаты.

Господи, зачем я сюда припёрся?

— Добрый день, Алексей Карлович,— сказал я, подходя к нему ближе.— Вы меня не узнаёте? Я— сын Сашеньки… Вы же прислали мне приглашение— и вот я приехал… вернее, прилетел. Как вы себя чувствуете?

Старик промычал что-то, так и не посмотрев на меня.

— Не удивляйтесь,— сказал мне Михаил Краузе,— он и меня, своего сына, не узнаёт… Да вы присаживайтесь! Будьте как дома. Может быть, заварить вам кофе? Или хотите виски? Или— воды?

— Спасибо, ничего не надо,— сказал я и достал из сумки свёрнутый в рулон лист плотной бумаги.— Как жаль, что Алексей Карлович так болен… А я вот хотел его развлечь… может быть, даже порадовать… Привёз ему привет из прошлого… привет от моей мамы…

— Что это?— вяло заинтересовался Михаил.

— Бумажное пианино,— сказал я смущённо и развернул рулон.— С его помощью, по совету вашего отца, моя мама училась постигать нотную грамоту… вот видите? На обратной стороне обоев… Тут нарисована вся клавиатура!

— Интересно,— вежливо, но почти равнодушно заметил Михаил, разглядывая бумажное пианино.— Ну и как, научилась ваша мама играть?

— Научилась! И даже купила незадолго до своей смерти настоящее пианино… И даже вот сочинила тут… кое-что…

Я показал написанные маминой рукой на обратной стороне листа обоев нотные знаки, а сверху— название опуса: «Вечерний романс» и посвящение: «Алексею— от Сашеньки»…

— «От Сашеньки»?— повторил Михаил, усмехнулся и обратился к неподвижному отцу:— Ты слышишь, папа? Это посвящено тебе! Хочешь услышать романс— «от Сашеньки»?

И старик, похожий на высохший труп, вдруг встрепенулся, услышав это имя,— он посмотрел на сына, потом на меня, потом его фиолетовые губы дрогнули, шевельнулись, порозовели— и он произнёс какое-то слово, мы не расслышали, но по движению его губ можно было легко догадаться, что это слово— «Сашенька».

— А хочешь, папа, я сыграю тебе эту вещицу?— предложил вдруг с улыбкой Михаил и подмигнул мне.— Рояль— рядом, идти никуда не надо… Айн момент!

Михаил подошёл к стоявшему возле окна роялю, развернул бумажный рулон, укрепил его на пюпитре— и стал играть, не спеша, вглядываясь в неуклюжие мамины ноты, а потом всё быстрее, быстрее…

Музыка была не очень стройной и гармоничной, наивной, простодушной, нервной, порывистой, словно спешащей высказаться, достучаться до любимого сердца, словно стремящейся передать ему, этому сердцу, свою любовь…

Я посмотрел на Алексея Карловича— голова его приподнялась над подушкой, светло-серые глаза горели, порозовевшие губы непрерывно что-то шептали, а руки… руки… он дирижировал этими руками!.. он дирижировал незримым оркестром!

А когда Михаил прекратил играть и встал из-за рояля, Алексей Карлович уронил голову на подушку, опустил руки, глаза его погасли и застыли, как у мертвеца.

Впрочем, он и впрямь был мёртв.

— Отмучился папа,— сказал Михаил, закрывая ему глаза.

— Он не мучился, он умер счастливым,— возразил я тихо.

Сказка о первой любви, которой не было

— Спи, сынок. Закрой глазки. Завтра в садик идти, вставать рано.

— Папа, расскажи мне сказку.

— О чём?

— О любви…

— О любви? Ну и заявка. Что это тебе вдруг в голову взбрело? Мал ещё для таких сказок.

— А что такое любовь?

— Хм… ну, любовь— это, брат, такое чувство, которое… очень возвышенное чувство… трудно выразить словами.

— А сколько раз ты влюблялся, папа?

— Сколько раз? Да как тебе сказать…

…Скажи правду,— подумал он.

Эта правда не для детских ушей. Эти сказки— для взрослых читателей «Тысячи и одной ночи».

Ну а всё-таки,— подумал он,— какая она была— моя первая любовь? В памяти сохранилось множество эротических эпизодов… но к любви они не имели никакого отношения.

…И где только не приходилось,— подумал он.— И в кровати, и на диване, и на голом полу, и на ковре, и на сеновале, и в стогу, и в поле на траве, и в тесной пляжной кабинке, и на сыром песке, и на гальке, и в лесу на сосновых шишках, и на больничной койке, и на вагонной полке, и в тамбуре, и на клумбе, и на могиле (прости меня, Господи!), и на бильярдном столе, и на прилавке в ночном магазине, и на мусорной куче, и на муравейнике, и в автобусе, и в старой «Победе», и в новеньких «Жигулях», и в «Москвиче», и в «Тойоте», и в «Мерседесе», и в кузове грузовика, и в подъездах, и на подоконниках, и на чердаках, и в подвалах,

и в своей супружеской кровати, и в чужой супружеской кровати, и на грязной гостиничной койке, и на балконе, и в сарае, и в гараже, и на даче, и в санатории, и в профилактории, и в кинозале, и в ванной комнате, и в туалете, и на кухне, и на раскладушке, и в гамаке, и в кресле-качалке, и на антресолях, и в кабинете начальника, и в будке сторожа, и на печке, и на крыше, и на плоту, и в моторной лодке, и в самолёте, и в беседке, и на скамейке, и в лифте, и на сырой земле, и на снегу, и на Луне, и на Марсе, и на Млечном Пути…

— Папа! Ты спишь?
— Извини, сынок. О чём мы с тобой говорили-то?
— О любви, папа. Ты не ответил: сколько раз ты влюблялся?

Он снова задумался, тщетно пытаясь вспомнить свою первую любовь… И не смог. Тогда он попробовал вспомнить свою вторую любовь… и тоже ничего не получилось. Он помнил лица разных женщин, с которыми приходилось спать, но ведь он никого из них не любил… Ни-ко-го! Ни блондинок, ни брюнеток, ни шатенок, ни рыжих, ни седых, ни крашеных, ни худышек, ни толстушек, ни весёлых хохлушек, ни страстных татарок, ни умных евреек, ни практичных немок, ни забавных хакасок, ни загадочных буряток, ни простых, как «Правда», русских бабёнок — он не любил никого! Но жену-то свою, мать своего сыночка, — уж её-то он, конечно, любил? Или нет? Или да? Или что? Или как? Да никак! Не любил, и всё тут!

Бог ты мой… Это что же такое получается?! Значит, не было, не было — ни первой, ни второй, ни третьей… никакой любви. Не было ничего, никогда, ни разу. Не было, нет и не будет. Печально, но факт. Обидно сознаваться в этом, но он никогда в жизни не был влюблён всерьёз и по-настоящему.

Может быть, я урод? — подумал он.

— Знаешь, сынок, — сказал он смущённо, — а ведь я ни разу в жизни не влюблялся…
— Бедный папа. Как мне тебя жаль. А я вот уже в третий раз влюбляюсь. Не веришь? Честное пацанское! Первый раз в Соньку из пятого подъезда, второй раз в Ларису — помнишь, на даче? А сегодня влюбился в Наташу Коноплёву, из подготовительной группы. Она такая красавица! Я на ней обязательно женюсь, когда вырасту… имей в виду.
— Непременно женишься, сынок. Я тебя заранее благословляю. А теперь — спи.

Он наклонился и поцеловал сына в душистую макушку. Сердце сжалось от сладкой нежности. Ах ты, мой маленький Дон Жуан…

Вот же она, моя первая любовь! — подумал он вдруг. — Мой сынок — моя первая любовь. Первая и последняя. Клянусь! Честное пацанское…

И ему стало легче.

Урна с прахом

Когда из далёкого Питера пришла весть о смерти моего дорогого друга, я сразу ощутил себя круглым сиротой.

Я — одинокий седой старик, пенсионер, давным-давно схоронивший родителей и недавно ушедший от постылой жены, редко встречающийся с бессердечным сыном и не имеющий на этом свете ни одной близкой души, кроме верного старого друга. Который умер, да. С которым мы дружили с детства. Который вот уже лет тридцать как перебрался в Питер. С которым мы продолжали дружить все эти годы, переписывались, изредка встречались — когда друг прилетал специально в Кырск, на малую родину, чтобы повидаться со мной и проведать могилу своей мамы.
— Обещай мне, — говорил друг, — что, когда я умру, ты похоронишь урну с моим прахом здесь, на кырском кладбище. Рядом с могилой моей мамы. Соответствующее разрешение местных властей у меня уже есть.
— Да брось ты! — отмахивался я, смеясь. — Что за похоронные настроения?
— Обещай! — и друг строго посмотрел мне прямо в глаза своим синим пронзительным взором. — Обещай!
— Ну хорошо, хорошо. Обещаю… А если я раньше тебя отдам концы?
— Тогда я прилечу — и похороню тебя, где ты пожелаешь.
— Да мне это как-то всё равно… — и я снова смеялся, смеялся. — Можешь развеять мой прах в космосе!
— Ох, братишка… есть вещи, которыми не шутят… — и он укоризненно качал плешивой мудрой головой.
— Что ещё за строгости? — притворно обижался я. — И зачем вообще говорить о смерти? Хочешь, открою тебе великую тайну? Слу-ушай. Смерти — нет! Она есть лишь в сознании тех, кто о ней говорит, кто её боится. Смерти нет. А есть просто разные формы проявления жизни, которая…
— Замолчи! — крикнул друг. — Не кощунствуй!

И я замолчал. Я вообще не люблю спорить. Тем более с другом. В спорах истина не рождается, зато умирает дружба.

А потом мы с ним долго ещё выпивали и закусывали, сидя на кухне моей однокомнатной квартиры, переполненной ненужными вещами и безделушками, а потом он улетел в свой сырой Питер, а потом мы почти ежедневно обменивались электронными письмами, а потом я получил послание, но уже не от него, а от его дочери, которая мне сообщила, что папа внезапно скончался после второго инфаркта, похороны завтра.

И я на следующее же утро вылетел в Питер, потому что, кроме друга, у меня в этом мире никого не было… впрочем, это я уже говорил, да и вообще надо поменьше болтать, больше делать. И если ты любишь своего друга, ты обязан выполнить его последнюю волю.

Я не опоздал на похороны, которых, можно сказать, и не было, потому что мой друг, как и предупреждал, завещал себя кремировать и похоронить свой прах в Кырске, на малой родине, в могиле мамы, и его многострадальное тело было предано кремации, и прощание с покойным состоялось там же, в соседнем зале, специально для этого предназначенном, а потом вдова, стараясь не глядеть на меня, вручила мне урну с прахом моего друга. Алюминиевая такая урна. Очень похожая на тот кубок, который мне вручали давным-давно, в пединституте, как капитану волейбольной команды, занявшей первое место в городской олимпиаде. Мне даже на секунду показалось, что эта урна — тоже почётный кубок за какую-то победу, но я тут же спохватился и быстро сказал вдове друга, что сделаю всё, как он завещал. Было очевидно, что вдове эта причуда супруга кажется обидной и даже оскорбительной, но, с другой стороны, не выполнить волю покойного она не могла.

А потом я отправился в Кырск на поезде, в плацкартном вагоне, так как денег на самолёт не хватило, а одалживаться у вдовы я ни в коем случае не хотел. И в одну из трёх душных кошмарных ночей у меня украли урну с прахом любимого друга.

Обнаружив пропажу, я чуть не сошёл с ума. Все поиски, разумеется, ни к чему не привели. Безуспешно метался я по вагону, пугая пассажиров криками: «Где урна?! Где моя урна?!..» Урна с прахом друга бесследно пропала! Ведь плацкартный вагон — это проходной двор на колёсах, и украсть там может кто угодно и что угодно — и никто ничего не заметит даже днём, а уж тем более ночью.

Вернувшись в Кырск, я несколько дней беспробудно пил, пропивая те небольшие деньги, которые были отложены на собственные похороны. Пил, заглушая отчаяние и острое чувство вины алкоголем, а потом, когда все мои «похоронные» сбережения были истрачены, а до пенсии оставалась ещё неделя, я решил обмануть самого себя. И других, конечно. Потому что покойного друга обмануть было невозможно. Я поступил как нашкодивший мальчишка, пытающийся оправдаться перед строгим, но справедливым старшим братом.

Короче, я купил в магазине ритуальных услуг алюминиевую урну, на которой попросил сделать соответствующую гравировку, а вечером, во дворе своего дома, набрал в детской песочнице полный пакет сухого песка. Придя домой, я высыпал этот песок в урну, закрыл её плотно и на следующий день отправился на старое кырское кладбище, где была похоронена мама моего друга. Могилу нашёл быстро, огляделся по сторонам — никого поблизости не было. Достал из сумки маленькую детскую лопатку (ведь я же впал в детство, а вы и не заметили?) — и выкопал с правого края могильного холма вполне достаточное углубление. Погрузил туда якобы урну якобы с прахом моего друга, засыпал аккуратно землёй, подровнял лопаткой… И облегчённо вздохнул.

Посидел на скамеечке, выпил четвертинку «шушенской» водки, закусил яблоком «фуши», побеседовал с другом о том о сём. Посетовал на свою одинокую никчёмную жизнь, пожаловался на постылую жену и бессердечного сына. И с чувством выполненного долга ушёл домой.

Через два-три дня я снова пришёл на кладбище — и снова пил, и беседовал с другом, и плакал, и жаловался на всё и всех. Я ходил туда почти ежедневно, как на работу, вернее сказать — как на службу, а это и была моя служба, вернее сказать — служение…

Вот и сегодня я снова пришёл на пустую могилу друга, снова выпил четвертинку «шушенской» водки и закусил яблоком «фуши», и снова начал плакать, и каяться, и жаловаться на свою бездарно прожитую жизнь, и, как часто случалось, заснул, сидя на скамейке, рядом с могилой…

— Не горюй, братишка! — услышал я вдруг голос друга, и когда я раскрыл испуганные глаза, то увидел перед собой белокрылого плешивого ангела с седой клочковатой бородой, а когда пригляделся, то понял, что этот ангел — и есть мой друг. — Не печалься, дружище, — сказал он, снисходительно улыбаясь. — Ни в чём себя не вини, потому что ни в чём ты не виноват. Потерялся мой прах? Ну и прах с ним! Ты же этого не хотел?

— Не хотел… — прошептал я.

— И ты сожалеешь об этом?

— Ещё как сожалею…

— Так я тебя прощаю! — и седобородый ангел, вернее, мой друг, осенил меня незримым крестом. — Главное — ты меня помнишь и любишь…

— Да… помню и люблю…

— И прекрасно! — воскликнул ангел, то есть мой друг. — Ты потерял мой прах, но нашёл мою душу. И моя благодарная бессмертная душа успокоилась — и теперь она навеки с тобой, брателло!

От избытка переполнявших меня чувств я потерял сознание, но не умер. Да, я вскоре пришёл в себя, я нашёл себя, я вернулся к себе, в себя — и я больше не одинок в этом холодном мире.

Мой верный бессмертный друг, дружище — мой седобородый плешивый ангел, мой ангел-хранитель — отныне всегда рядом, всегда со мной. И смерть нас никогда не разлучит, потому что смерти, как нам известно, нет.

Ольга Скибинская

Совсем другая женщина

1.

Про своего мужа, пропавшего без вести в сорок третьем, Мария и тридцать лет спустя говорила: «Вот сказали бы, что завтра Михаил вернётся,— не надо мне его!» При этих словах её выцветшие, забывшие свой девичий цвет глаза вдруг вспыхивали льдисто-голубым. Но уже через минуту блеск в глазах гас. Она старательно возила пластмассовой гребёнкой в поредевших волосах, потом плохо гнущимися пальцами делила их на пряди и начинала выплетать тощую, как вся её жизнь, косицу. Под конец—косицы и жизни— она вплетала узкую тряпичку—полоску, отрезанную то ли от исстиранной до дыр майки, то ли от донельзя вылинявшего ситцевого платья, потом скручивала косицу на затылке булочкой-витушкой и закалывала тремя шпильками. За секрет, как можно воткнуть в собственную голову железную шпильку и при этом не заплакать, я предлагала Марии заменить тряпичку в косе на мою капроновую ленту: хочешь—на будничную коричневую, хочешь—на белоснежную, под парадный школьный фартук. Мария каждый раз отказывалась, но и шпилькиного секрета не открывала.

Она роняла привычное: «Голова болит»,—и закрывалась в своей комнате, а у меня продолжало звучать в ушах: «Сказали бы, что завтра Михаил вернётся,—не надо мне его!»

Только спустя годы я поняла, что моя бабка до сих пор не может простить мужу Михаилу, моему деду, того, что в 1931 году он оставил её в деревне с двумя малыми, подался в город да и запропал там. Пять лет спустя кум отыскал Михаила в заводской коммуналке и пристыдил за жизнь праздного холостяка, в которой тот вольно парил аж на целых двенадцати квадратных метрах. Какие слова конкретно возымели действие на деда, семейная история умалчивает, но уже через сутки вагонной тряски Михаил стоял на пороге родной избы и, склоняясь под низкой притолокой, чтобы скрыть своё смущение, нарочито грубо покрикивал на законную жену:

—Куда?! Куда сундук пакуешь? Нет там места для сундука… Склади в бельевую корзину. Её хоть на чердак потом снесём. И сопрут ежели—не жалко будет.

—А что, там все воруют, в городе-то?—испуганно спрашивала Мария нежданно свалившегося на голову незнакомо раздобревшего мужа.

Она робела и его, и крутой перемены своей жизни.

—Миш, ты вправду на завод на транвае ездиешь?

Михаил оставлял без ответа её несмелое любопытство. Он сам не знал, к добру ли, к лиху будет воссоединение семьи. Он неловко трепал стеснявшегося его Кольку по белобрысой макушке и, забыв о напускной грубости, заискивающе тянул:

—Ну, подрос, сына! Подрос… А палку эту брось. Я тебе другую выстругаю дома. А пока… на вот гостинец тебе…

Порывшись в карманах, он разворачивал перед Колькиным носом пахнущий машинным маслом сатиновый узелок. С печки за сим действом, затаив дыхание, следила старшая, десятилетняя Валюшка: не леденец ли привёз дядя, которого мамка велит кликать батей? Да и сама Мария, уминая узлы, косилась, что там прячет Михаил в ладонях: для пряника маловат гостинец. Впрочем, разве угадаешь, какие в том городе хитрости водятся?

—Во!—победоносно оглядывал своё семейство Михаил, протягивая Кольке… подшипник.

Валюшка и Мария с недоумением рассматривали издали воняющую на всю избу бессмысленную железяку с поблёскивающими шариками. А Колька, замерев от счастья, едва выдыхал:

—Это мне?

Наконец он всем сердцем уверовал, что только родной батя и мог быть владельцем чуда с необыкновенным именем… как его, зараза?.. ага, подшипник—и так вот щедро с ним расстаться, подарив Кольке. Значит, не соврала мамка: и в самом деле батя его вернулся.

Громоздкий деревенский сундук и впрямь не поместился бы в их городском жилище. Бо́льшую часть комнаты занимала кровать. На ней, на перине, бывшей Марииным приданым, спали сама Мария и дети. В пустой шифоньер с расточительно высоким зеркалом, в мутной амальгаме которого Колька мог видеть себя в полный рост, засунули узлы с простецкой одежонкой. Батя же, чтобы устроить себе ночное лежбище на полу, каждый раз к самым дверям передвигал обеденный стол.

В длинный тёмный коридор коммуналки выходили двери десяти комнатушек, в каждой из которых ютилась заводская семья—родители, дети, старики. Колька решил было, что соседи по их огромной квартире—тоже его новые родственники, а потому рады ему за любой, в какую ни толкнись, дверью… Кольку в самом деле подолгу и с любопытством расспрашивали, далеко ли их деревня, была ли у них корова и почём её продали перед отъездом, почему Мария устроилась не на завод, а на ткацкую фабрику. Выставляли его обратно в коридор, только когда собирались садиться ужинать. Зато, вернувшись из школы, он уже охотно останавливался у подъезда возле греющих на солнце свои усыхающие тела старушек и пояснял им, непонятливым, что мамка ругает батю за то, что слишком часто у него бывают неурочные ночные смены, а денег в семье от этого больше не становится, в городе же страсть как всё дорого. Взять хоть свёклу, хоть картофель… Разомлевшие на припёке пенсионерки сочувственно кивали Кольке и многозначительно переглядывались, не слишком скрывая улыбки.

— Ночные смены, говоришь?—прошепелявила однажды самая старшая из них, бабка Комарова.—Глянь, вон идёт твоя вторая мамка! Вот-те и смена…

С той же блаженной улыбкой, с какой Колька только что рассказывал соседкам о купленной ему вчера с материной получки новой рубахе, он оглянулся, куда указывала бабка Комарова, и увидел женщину в креп-жоржетовом платье с пылающими на нём бордовыми пионами. Несмотря на высокие каблуки, женщина удалялась так стремительно, что чуть не сбила с ног точильщика ножей. Тот покачал головой, поправил на плече широкий ремень и, кивнув на свой чудо-станок, подмигнул Кольке. Но Колька, для которого приход точильщика всегда был праздником, на этот раз втянул шею в плечи и беспомощно проводил глазами пионы: он не успел разглядеть лица женщины.

Дома он обо всём рассказал Марии. Не привыкнув ещё до конца к городским неожиданностям, Колька пытал:

— Почему она—моя вторая мамка?

— Бляди!—процедила в коммунальный воздух Мария и закусила губу.

Испугавшись её побледневшего лица, Колька счёл за лучшее ни о чём больше не спрашивать…

К тому времени, когда Колька после семилетки поступил в училище, батя дома почти не бывал—заглядывал раз в месяц, а то и в два. Как тогда, в деревне, неуверенно трепал Колькину макушку, но подшипников больше не дарил. Не взглянув в сторону насупившихся враз Валюшки и Марии, он оставлял деньги на подоконнике и молча уходил.

Заглянув однажды к ним всё тем же гостем, батя принёс с собой слесарный ящик с инструментами. Потерянно обвёл глазами комнату, детей и жену.

— Вот,—кивнул он на ящик,—может, Кольке сгодится…

Потом достал из кармана фуфайки бутылку.

— Давайте, что ли, на прощание…

Он плеснул в подставленные стаканы: Марии и Кольке—на дно, себе—до половины. Валюшка, всхлипнув, испуганно затрясла головой—отказалась.

— Я аттестат на тебя записал,—сказал он, не глядя на Марию.

Та молча кивнула.

— Вот, карточки остались… И денег сколько есть…

Мария снова кивнула.

— Ну, выпьем, что ли…

Выпили без тоста. Мария, не разжимая губ, бесчувственно втянула в себя содержимое стакана. Колька глотнул раз, другой и закашлялся до слёз. Батя кувыркнул стакан в широкий рот, сморщился, пошарил глазами по пустому столу и, не найдя чем закусить, ткнулся носом в рукав.

Они ещё посидели вокруг пустого стола, но легче от водки не стало. Батя споткнулся об оставленный у порога ящик с инструментами.

— Ч-чёрт… Если что, поезжайте обратно в деревню. К куму. Он мужик толковый…

Мария сидела за столом и молчала. Михаил посмотрел на неё, на недопитую бутылку и махнул рукой:

— Ну… пошёл я. Не поминайте лихом…

Он вышел, забыв про Колькину макушку. По коридору глухо прозвучали его удаляющиеся шаги. Хлопнула дверь. Колька расслабленно подумал, что лучше совсем сегодня не ходить на занятия, чем получить от мастера трёпку за опоздание. А завтра он скажет правду, скажет, что провожал батю на фронт, и тогда всё обойдётся. Мать, словно расслышав его мысли, подняла голову, но так ничего и не сказала. Она опрокинула недопитую бутылку в свой стакан. Вышло ровно по края. Потом так же бесчувственно, только теперь глотками, как воду, она выпила всё до капли. Сидевшая на кровати Валюшка шарахнулась от неё. Мария легла и отвернулась лицом к стене.

Валюшка, тихонько подвывая, убежала к подружке. И тогда Колька, покосившись на окаменевшее тело матери, запустил руку поглубже за батарею. Давняя его захоронка оказалась на месте. Он сдул пыль, обтёр паутину, развернул сатиновый узелок и с наслаждением вдохнул запах машинного масла. Сначала он поднёс подшипник к самым глазам, снова с удовольствием потянул носом, потом полюбовался им на вытянутой руке, ощущая приятную тяжесть поблёскивающего металла. Он без всякого сожаления дал бы матери поносить это чудо несколько дней. В крайнем случае, они

могли бы носить в кармане этот давний отцовский подарок по очереди — неделю мать, неделю Колька, — но он смутно догадывался, что подшипником мать не утешить. Он ещё немного полюбовался своим сокровищем, а затем аккуратно завернул его в тряпицу и отправил в прежнее тайное место.

Когда стемнело, он похлебал холодных пустых щей, на глаз прикинув, чтобы в кастрюле осталось две трети. Он нарочно гремел кастрюлей и кружкой, потом громко отодвинул стол, чтобы постелить себе, как обычно, на полу, но мать так и не пошевелилась. Электричество опять отключили, и он зажёг керосиновую лампу, прикрутив побольше фитиль.

Валюшка вернулась к полуночи и, несмотря на уверенный свет стеклянного пузыря, всё равно споткнулась о ящик с инструментами, оставленный батей.

— Спишь ли? — спросила она Кольку и, не дождавшись ответа, заскребла ложкой в кастрюле, вылавливая гущу.

— Матери оставь, — не выдержал Колька.

— Без тебя знаю, — огрызнулась она.

Утром Мария, как обычно, поднялась на работу в половине пятого.

Ещё через месяц их дом начали бомбить. Точнее, бомбили немцы не Колькин дом, а железнодорожный мост через Волгу, рядом с которым стоял их дом. Михаил не писал, но деньги по аттестату приходили исправно. А через полтора года почтальонка принесла извещение, что он пропал без вести.

2.

— Тэ-э-экс… — эндокринолог не отрывал зачарованного взгляда от невнятных чёрно-серых точек, составляющих компьютерный портрет моей щитовидной железы. Судя по всему, компьютер застал железу врасплох. — Не хочу вас расстраивать, но, похоже, операции всё же не избежать. Так… Ага… Давайте месяца через три проведём ещё одно, контрольное, обследование. Хотя не думаю, что ситуация как-то изменится… А пока сдайте ещё эти анализы…

Классическими каракулями врача он начертал направления в кабинеты на первом этаже поликлиники и прокричал в смежный кабинет:

— Светочка, так, говоришь, чай готов?..

Наверное, на нервной почве у меня и поднялась температура. Собрав все силы, я позвонила мужу на работу и попросила вечером съездить на дачу — забросить продукты детям и присматривающей за ними моей маме. Ещё позвонила Юрасову, сказала, что у меня тридцать девять, что я сегодня-завтра хотела бы отлежаться… Потом я натянула на себя спортивный костюм, свитер, а сверху ещё укрылась ватным одеялом. Но всё равно не могла согреться. Мне казалось, что насквозь промёрзли все мои сосуды, все мышцы, все кости, все мои мысли и желания. И даже страх предстоящей операции промёрз до инея, рассыпающегося под пальцами в безжизненную белую пыль.

А потом так же внезапно, как и начался, озноб прекратился. Я стянула с себя свитер и лежала, уже не чувствуя своего тела, не думая ни о детях, ни о муже, ни о маме, ни о Юрасове. Я расслабленно плыла в своём неожиданном недуге. Не таком уж, надо теперь признать, и тяжёлом. Даже приятном прозрачностью и плавностью несущего меня потока… Я плыла до тех пор, пока не увидела Марию.

Мария одиноко сидела на лавочке и чего-то или кого-то терпеливо ждала. Я удивилась: после её смерти прошло уже более двадцати лет, а лицо моей бабушки выглядело намного моложе, чем я её помнила. Да, всё та же знакомая булочка-витушка из тощей косицы, чудом держащаяся на трёх шпильках, но на лице почти нет морщинок, и волосы кажутся темнее. Пожалуй, так Мария выглядела только на фотографии с мужем Михаилом — единственном их совместном снимке, сохранившемся в семейном альбоме. Чего она здесь ждёт? Она давно должна быть в *другом* месте, а не на сиротливой лавочке посреди обволакивающей безнадёжной черноты. Я почему-то точно знала, что — в *другом*.

— Мария, кого ты ждёшь? — я сама удивилась, что назвала бабушку по имени.

— Твоего деда.

— Михаила?

— Да.

— Но он ведь давно умер, — напомнила я. — Погиб. За тридцать пять лет до твоей смерти. Ты же знаешь… Или не знаешь?.. Я видела однажды во сне. Он страшно погиб. Рядом разорвалась мина… Его похоронили в братской могиле. Безымянным. Вместе с другими…

— Да, я знаю.

— И всё равно ждёшь?

— Жду.

«Самое мудрое, что ты сейчас могла бы сделать, это уйти и оставить её в покое, — сказал мне голос разума. — Горе не любит непрошеных свидетелей. И нечего попусту лить слёзы. Они тут никому не нужны». — «Я как раз и собиралась попрощаться с ней», — попробовала оправдаться я.

Разум всегда давал весьма ценные советы. Оставалось только собраться с духом и…

— А почему ты думаешь, что он сюда придёт? — робко спросила я Марию и попыталась вытереть слёзы.

Не потому, что это было разумно. Просто мне не хотелось расстраивать бабушку. Но со слезами я ничего не могла поделать. Они всё текли и текли.

— Он придёт, — уверенно сказала Мария, не обратив внимания на моё мокрое лицо. — Без него я не могу идти дальше…

— И ты сидишь тут вот уже двадцать лет?
— Двадцать два…

Мария не сказала, что я лезу не в своё дело. Наоборот, она спокойно отвечала на мои, признаюсь, бестактные вопросы.

— Но ты даже при жизни не ждала его ни одного дня после того, как пришло это извещение: «Пропал без вести». Мне рассказывал отец, твой сын Колька, что ты до конца своей жизни так и не простила его за то, что он бросил тебя и детей…
— Простила. Здесь простила.

Я растерялась:

— А разве *там*… разве у вас прощают?
— Простить никогда не поздно.

Я встала и пошла в ванную комнату. Я включила холодную воду и долго смотрела на вырывающуюся из рассекателя струю. Наконец вспомнила, зачем я здесь, и умылась. Потом накапала себе на кухне корвалола. Дала зашедшей соседке коробок спичек взаймы. Вернулась обратно к себе в комнату. Мария всё так же, не меняя позы, сидела на своей лавочке.

— Ну хочешь, я… поищу деда,— неуверенно предложила я в надежде, что она не захочет.— Если получится, конечно…
— У тебя получится,— уверенно сказала Мария.

Я снова растерялась. Деда я помнила смутно. Высокий крепкий мужчина с наголо обритой головой и уверенным взглядом серых глаз — так он выглядел на двух сохранившихся фотографиях середины тридцатых годов. Фотографии пожелтели от времени. Наверное, потому и нашла я Михаила не скоро.

Он был точно такой, как на снимках,— высокий и наголо обритый. Он… тоже ждал.

— Господи, что это за место такое, где все кого-то ждут?! — возопила я.— Там бабушка без тебя одна… А ты здесь, тоже в темноте… Тоже один… Ну кого ты тут дожидаешься?

Дед не обратил никакого внимания на поднятый мною шум. Он, как бабушка, не повернул и головы в мою сторону. И точно так же спокойно ответил:

— Её.
— Кого? — заорала я.— Кого её? Бабушка сидит совсем в другом…

И тут я заткнулась. До меня дошло… Душа деда была полна… любовью. Любовью к той женщине в креп-жоржетовых бордовых пионах, которая многие годы была его невенчанной женой. Этот простой деревенский мужик, этот заводской работяга, этот безымянный рядовой, спешно зарытый вместе с другими, такими же безымянными, в украинский чернозём,— он и после смерти продолжал любить ту разлучницу, о которой бабушка ни при жизни, ни после смерти не сказала своим близким ни слова. Так молчат или о тех, кого любят больше жизни, или о тех, кого больше жизни ненавидят.

— Дед, ты — псих…

Возвращаться к бабушке не имело смысла. Как не имело смысла и бороться с любовью Михаила, которая оказалась длиннее его жизни. Я пошла на кухню и затеяла борщ.

Я давно открыла этот секрет: когда на душе дерьмово, лучше всего помогает борщ. Ты достаёшь из морозилки говяжий соколок, а пока он размораживается, острым-острым ножом режешь в тонкую стружку полкочана капусты. Потом на тёрке строгаешь отдельно свёклу и морковь, чистишь пару картошин и луковицу. Ясно, что мясо так и не успевает растаять, но через час ты всё равно ставишь его на огонь. Свёкла в глубокой сковороде тушится отдельно. Отдельно пассеруются морковь, лук и помидоры. За полчаса до того, как блюдо, именуемое борщом, должно быть готово, можно бросить в кастрюлю и найденные в холодильнике, измельчённые до неузнаваемости яблоко и четвертинку апельсина…

Дело совсем не в том, чтобы сотворить некое кулинарное чудо, над которым вечером будет урчать муж. Пусть он даже откажется от гречки с котлетой, попросив добавки борща. Дело в том, что в течение трёх часов твоё существование будет расписано поминутно, и у выматывающих душу измышлизмов просто не останется шанса истерзать тебя и твою жизнь. Если же по истечении этих трёх часов ты чувствуешь, что душа твоя не очистилась от смуты, тогда берёшь ведро с тряпкой и начинаешь убирать всю квартиру, включая антресоли в кладовке, на которые никто не заглядывал за последние лет пять… Так и есть. Когда был вымыт пол во всех комнатах и я передвинула ведро в прихожую, от многолетней семейной истории про деда-гуляку в моей голове не осталось и следа.

Я протирала пыль на антресолях, когда зазвенел телефон и голос Юрасова прогнусил, что или я беру больничный, или еду через два дня в командировку. Борщ был сварен. Пыль на антресолях протёрта. Лоб стал влажный и холодный… Я заверила Юрасова, что завтра буду в КБ и к вечеру сдам ему чертёж заказанного воздуховода, а потом готова ехать хоть на Владимирский тракторный, хоть на Волжский машиностроительный.

Утром я не смогла подняться.

— Грипп у вас, голубушка,— укоризненно объявила участковый терапевт и села заполнять голубой листочек больничного.— Кислое питьё и побольше аскорбинки…

В груди ныло так, словно кто-то чересчур усердный пытался разрезать моё сердце тупым общепитовским ножом. Валидол и корвалол не помогали. И только голова оставалась необычайно ясной, даже прозрачной, а потому я порадовалась тому, что у моей мамы хватает терпения и здоровья вторую неделю пасти на даче моих детей, что муж

не вернётся с работы раньше половины седьмого, что на ужин ему хватит вчерашнего борща…

Деда я нашла на том же самом месте. И снова он не обратил на моё появление ни малейшего внимания.

— Ты извини… Я только хочу сказать, что ни в чём тебя не виню…— начала осторожно я.— Прости, что плохо думала о тебе все эти годы…

Дед остался абсолютно равнодушен к моим извинениям. Он молчал, но я была уверена, что он слышит меня.

— Наверное, в сущности, ты неплохой человек… Вернее, был им…

Михаил никак не отреагировал и на мою бестактную оговорку.

—…Но, понимаешь, из-за того, что ты не обращал никакого внимания на свою семью… от этого им всем было очень плохо. Пусть, пусть ты не любил Марию, но дети… Ты лишил свою дочь и своего сына отца. Да-да, война тут ни при чём… Отцы погибли у многих их одноклассников, а потому твою гибель Колька и Валюшка поняли бы и простили… Но ты осиротил их при своей жизни.

Я вытирала слёзы и боялась, что разрыдаюсь, а мне так много хотелось ему сказать. Мне казалось, что я должна открыть деду что-то очень важное. Что? Я не знала сама. Но чем дольше я говорила, тем больше наполнялась уверенностью в своей правоте. Бог весть откуда во мне брались слова, которые не успели сказать Михаилу ни скончавшаяся двадцать два года назад Мария, ни умершая в прошлом году от рака Валюшка, ни Колька, перенёсший недавно инсульт.

— Я верю, что ты любил ту женщину, но ты лишил своей любви самых близких своих людей… Мне сейчас столько же, сколько было тебе, когда ты уезжал на фронт, и у меня тоже двое детей, а потому, мне кажется, я имею право сказать… Ты слышишь меня? Никакой, никакой любовью нельзя оправдать творимое зло… Своим равнодушием, своей нелюбовью ты ранил их всех. Ранил на всю их жизнь. Смотри…

И я… я стала показывать деду жизнь его родных, перемещая её, как киноплёнку.

«С ума сошла! Ты же не умеешь этого делать!»— донёсся до меня прокурорский голос моего разума. «Отстань,— отмахнулась я.— Тут вопрос жизни и смерти, а ты со своими вечными нотациями: можно— нельзя, умеешь— не умеешь… Пока человек не записал себя в старики, ему каждый день что-то приходится делать впервые. Разве нет?»

Я обернулась к деду:

— Смотри, как жила без тебя Мария… Смотри, она по две смены работала у ткацкого станка. Эта работа, но главное— твоё равнодушие до конца иссушили её сердце, и у неё не осталось сил, чтобы спасти сына от дистрофии… И если бы не помощь твоей сестры, мой папка умер бы от голода ещё в сорок втором… Ты видишь, Мария после войны так и не взглянула ни на одного мужика. А могла, если бы хотела… Кум сватался к ней. Ну и что же, что вернулся с фронта без руки. Ты сам всегда говорил, что мужик он толковый, надёжный. В отличие от тебя… А как нелепо сложилась жизнь у твоей дочери, у Валюшки! Её муж бегал то к одной бабе, то к другой, то к третьей. И она молчала всю жизнь. Как Мария… Ты видишь, как тяжело и одиноко она умирала?! Ты видишь, она плачет, накрывшись с головой одеялом, чтобы не слышали соседки по палате. Точно так же она проплакала в тот день, когда ты зашёл к ним попрощаться перед отъездом на фронт. И ни к какой подружке она тогда не пошла. Проревела на чердаке, спрятавшись за поломанными бельевыми корзинами… Слушай, а может быть, рак— это болезнь одиночества?! Если человек не в силах вынести одиночество, он начинает умирать. А врачи называют это раком… Смотри, безотцовщина сломала не только Валюшкину жизнь, но и жизнь её дочерей, твоих внучек. Одна похоронила мужа, другая развелась… Ты понимаешь, что это твой след?! И Колька… У Юрасова, начальника моего кб, несколько лет назад на даче небывало расцвели пионы. Он принёс на работу целую охапку страстно распахнутых, влажно бордовых цветов. Бóльшая часть сотрудниц была в отпуске, и потому каждой из нас досталось по большому букету. Всю дорогу до дома я не могла отвести от него глаз. А мой отец, твой Колька, увидев пионы, изменился в лице. На вытянутых руках он вынес букет на балкон и выбросил, брезгливо отряхнув руки: «Запомни, в нашем доме никогда не будет этих цветов». Дед, ты слышишь его слова?

Михаил всё видел и слышал, но продолжал молчать. Он настолько был погружён в свою любовь, в ожидание Её, что его ничуть не трогали несчастья семьи. Ему было всё равно. Он не числил за собой вины.

Нет, всё же семья права: дед Михаил был обычным гулякой. Прости меня, моя семья, я усомнилась в твоей родовой мудрости! Прости… Но что же это за женщина, так привязавшая к себе Михаила? Как должен быть мужчина потрясён, смят, стёрт любовью, чтобы забыть обо всём на свете?! Кто она? Мать-одиночка, которая в отместку за неблагосклонность судьбы завела роман с женатым мужиком? Рядовой бухгалтер какой-нибудь жилищно-эксплуатационной конторы, решившая скрасить скуку и однообразие ежемесячных отчётов преданностью очередного поклонника? Роковая женщина? Фурия?.. Кто? Грубые слова— а как ещё заслониться от обиды за близких?— готовы были вот-вот сорваться… Или она тоже всем сердцем любила моего деда? Любила и помнила даже после его гибели? Может быть, её преданность стоила плотно сжатых губ

Марии, Колькиной дистрофии и смерти Валюшки?.. И тут я увидела…

Незнакомая мне женщина в креп-жоржетовом платье с бордовыми пионами—что ли, оно у неё единственное?—прощается с Михаилом, уходящим на фронт. На столе давно остыл самовар, а он всё не отпускает её руку. Досаду скрыть не просто: столько лет Михаил жил с ней, как… как с женой, а аттестат записал на эту деревенщину, на свою Марию! И кем считать себя после этого? Чёрт бы его побрал! Нужна мне такая любовь?.. С другой стороны, руки у неё развязаны, и значит, она ему ничего не должна. Справный ты, конечно, мужик, Михаил, но…

…Человек в чесучовом, мешковато сидящем пиджаке до упора крутит ручку патефона и приглашает её на танец. У старшего инженера механосборочного цеха бронь. Он уверен в своём положении. К тому же завод выделяет управленческому аппарату дополнительные пайки, так почему бы не отпраздновать ещё один день жизни на белом свете? Молодость проходит! Жизнь проходит! Кружится пластинка. Кружится женщина с чесучовым пиджаком. Кружится жизнь… Кружится… Кружится…

«…Товарищ старший сержант, это правда, что вы охраняете самого секретаря обкома? Разве я похожа на дурочку? Я понимаю, что государственная тайна… Хотите пирогов горячих? С морковью…» Женская ладошка гладит хэбэ, особенно сильно выеденное потом на спине, а товарищ старший сержант мужественно хмурит брови и долго пьёт чай со специально испечёнными по такому случаю пирогами…

«…Я совершенно с вами согласна, конечно, без снабжения фронт не продержался бы и дня. А вы, значит, в тылу воюете? На базе? Ага, бронь, значит. Нет? По возрасту? Конечно, зрелый мужчина—это как коньяк семилетней выдержки. Настоящая женщина всегда оценит мудрую заботу о ней. Вот спасибо… Спасибо… Спасибо… Да, и тушёнка от союзников тоже сгодится…» Она помешивает булькающий на электрической плитке суп с американской тушёнкой и поправляет бумажные папильотки в волосах… Почему я никак не могу разглядеть её лица?.. Какой Михаил? Ах да!.. Они долго приходили, треугольники с фиолетовыми печатями. Накарябанные неловким почерком неловкие слова… Странно, что слесарь знает такие слова… Она ему ничего не должна. Какая любовь? Он сошёл с ума там, в окопах под Киевом. Впрочем, уж год или больше как перестали приходить его письма. Закончилась слесарева любовь. Ха-ха! Так что нечего толочь воду в ступе… Что закончилось? Жизнь? Ерунду вы какую-то, гражданочка, изволите говорить…

Господи, ведь дед видит всё это вместе со мной!—спохватываюсь я. Видит, как легко жила его любимая после него. Я обернулась к Михаилу. Так и есть, он напряжённо следил за происходящим: и за инженером в чесучовом пиджаке, и за сменившим его вскоре товарищем старшим сержантом из обкомовской охраны, и за пожилым снабженцем, исправно подкармливающим бордовые пионы американской сгущёнкой и тушёнкой… Жалко деда. Может быть, счастье это—никогда не знать того, что будет после нашего ухода, и верить в то, во что нам всем хочется верить. Что солнце погаснет вместе с нами. Что любимые до конца жизни останутся безутешны. Что наши дети и внуки будут думать о нас только самое хорошее. Что… Дед, прости меня. Я не хотела лишать тебя счастья и веры. Я не знала, что так получится… Слушай, а может быть, это не она? Может, креп-жоржетовые пионы—совсем чужие цветы? Конечно, дед, это совсем другая женщина! Мы с тобой видели жизнь чужого человека… Та самая? Ты уверен?.. Ну… не расстраивайся так, я прошу тебя. Это живущие на земле могут позволить себе умереть от тоски и одиночества, надеясь таким образом освободиться от непомерной тяжести души. Но мы-то знаем с тобой, что смерть ни от чего не освобождает—ни от любви, ни от вины, ни от греха. Потому что нет её, смерти…

«Ты хоть понимаешь, сколько ерунды сейчас намолола?»—голос разума, как всегда, был трезв и ясен. К нему можно было не прислушиваться, но не слышать его было нельзя.

— Ладно, дед, я пойду.

— Постой.

— Стою.

— А может быть, когда она услышала о моей гибели… тогда и дрогнула её душа? Как же, ведь столько лет вместе… Я семью ради неё…

…На столе сковородка с жареной картошкой, початая бутылка водки с затычкой из замусоленного клочка «Правды» и тонко нарезанные ломтики хлеба. «Давай, подруга, помянем Василия Матвеевича,—поднимает женщина гранёную стопку.—Царство ему небесное. Хороший был человек. Можно сказать, от голодной смерти в войну спас». Лица той, с кем она поминает, не видно. Но та, другая, послушно тянет свою стопку: «И на базе у нас его тоже любили. Сам жил и другим давал… Кто ж знал, что язва откроется?.. Царство ему небесное… Я тут Комарову встретила на днях. Она в литейке у вас работала, должна ты её помнить… Ну, неважно. Так она сказала, что погиб твой Михаил. Вернее, пропал без вести… Ещё в прошлом году. Я думала, ты слышала, только говорить о нём не хочешь… Оттуда и знает, что она с его женой соседка по коммуналке… Да, первый дом от моста… Не спрашивала я, сколько метров их комната… Я думала, у вас любовь была… А может, и развёлся, если бы не война?.. Ну, не знаю тогда… Не, за Василия Матвеевича жена крепко держалась… Ладно, давай и Михаила

помянем… Слышь, а нынешний твой не жадный? А чего не знакомишь? Боишься, отобью? Ну, ты, подруга, даёшь…»

— Дед, я ухожу. Ты тут держись… Мне к Марии надо заглянуть. Я обещала.

Михаил ничего не ответил.

Я никогда раньше не замечала, как оглушительно звонит наш телефон.

— Нет, вы не туда попали.

Странный грипп. Даже не знобит. Только слабость и голова кружится. Для чего я зажгла газовую горелку? Ах да, на одну турку зёрен должно хватить… Передала ли секретарь Юрасову, что я ушла на больничный?.. Пожарный инспектор запрещает включать в дачных домиках обогреватели. Надеюсь, у мамы хватит здравого рассудка, чтобы наплевать на этот запрет. Ночи стоят прохладные, а дети всё время раскутываются… Расточительно высокое зеркало равнодушно продемонстрировало мне вытянутые на месте коленок треники, мятую футболку, грудь, которой насущно необходим хороший бюстгальтер, серое лицо, мешки под глазами и сосульки волос, как у вокзального бомжа. Мой грипп не имел к отражённой запущенности никакого отношения. Душ-то я принять в состоянии. И уложить волосы. И надеть к приходу мужа яркий турецкий халатик… Господи, что я скажу Марии?

Скажу, что сидеть ей на своей лавочке до скончания века, и всё равно она не дождётся Михаила? Что он сейчас пережил сильнейшее потрясение в своей… чуть не вырвалось: в своей жизни. Что муж бросил её и детей ради женщины, для которой он ничего не значил? Да, для Марии, для сына и дочери он был всем, а для разлучницы — почти пустым местом… Нет, лучше сказать, что я так и не нашла Михаила. Точно, и совсем неудивительно сие, ведь я никогда в жизни не видела своего деда, погибшего за двадцать лет до моего рождения.

— Мария, это опять я.

Она не обернулась.

— Мария… он не придёт к тебе. Как мне ни жаль говорить об этом…

— Он придёт.

Она сказала это так спокойно и так уверенно, что я только вздохнула. В конце концов, всем нам хочется верить, что солнце погаснет вместе с нами. Что близкие останутся безутешны. Что наши дети и внуки… Мария повернула голову в безнадёжную черноту и сказала:

— Я знала, что он придёт.

Я глянула в ту сторону и ничего не увидела.

Михаил подошёл к лавочке и сел рядом с женой.

Высокий крепкий мужчина с наголо обритой головой и маленькая хрупкая женщина с косой, заколотой на затылке в булочку-витушку, — они сидели, почти касаясь друг друга, но по-прежнему безнадёжно чужие. Дед был растерян и смущён.

— Спроси Марию, как они жили без тебя, — подсказала я ему.

— Как вы жили без меня, Маруся? — спросил он.

— Жили… — обронила она и плотно сжала губы.

— Расскажи ему, — строго сказала я. — Расскажи всю жизнь!

И она сначала неохотно, но чем дальше, тем с бóльшими подробностями начала рассказывать. Впрочем, я не слышала голоса бабушки, ведь её рассказ предназначался не мне, а Михаилу…

Я вымылась под душем. Смешала хну с басмой. Для тепла поверх целлофановой шапочки намотала на голову большое махровое полотенце. Мария рассказывала. Потом я смыла зелёную жижу и уложила волосы феном. К моей укладке очень шёл новый турецкий халатик с глубоким декольте. Мария рассказывала.

Муж вернулся с работы и удивился:

— Тебе очень к лицу сидеть на больничном. Может, я сбегаю прикупить сухого?

Пока он ходил в гастроном, я крошила салат. А Мария всё рассказывала…

Меня выписали с больничного. Мама привезла с дачи детей. Мы их перемыли, потом они сутки не отлипали от телевизора, а наутро уехали обратно на дачу. Я съездила в командировку на Владимирский тракторный. Юрасов был просто счастлив. Муж просил каждый вечер надевать тот яркий турецкий халатик с декольте. А Мария продолжала неторопливо и очень подробно рассказывать Михаилу о сыне, о дочке, о нас, внуках. Наверное, столько слов Мария не сказала мужу за всю их совместную семнадцатилетнюю жизнь. Он слушал её внимательно, не прерывая. Один раз даже прослезился — когда бабушка припомнила, как умирала Валюшка.

«И ты полагаешь, что с их лавочки видна четвёртая палата онкологического отделения?!» — голос разума был издевательски прав, но я не успела ответить, потому что по щеке деда покатилась первая слеза. Покатилась слеза, и сразу огромная незримая тяжесть свалилась с моих плеч. Удивительно, как я не замечала её раньше и таскала на себе почти тридцать пять лет — всю свою жизнь.

— Ты помолодела лет на десять! — удивилась по возвращении с дачи моя мама. — Чем это вы тут без нас занимались?

— Вот тем самым и занимались, — ответила я ей в тон. — Но на школьную ярмарку с детьми придётся идти тебе. Мише нужны ботинки, а Машеньке — белый фартук. И не дуйся, пожалуйста. Ты же знаешь, у Юрасова отпрашиваться бесполезно. Всё равно не отпустит…

Первые суматошные дни нового учебного года были позади. Жизнь незаметно входила в осеннее русло с ранними сумерками, переполненными в часы пик трамваями, двойками по английскому, нытьём на тему «купи компьютер» и маминым

обострившимся радикулитом. Тогда-то я и спохватилась: а как там мои старики?

Скамейка оказалась пуста. У меня внутри всё оборвалось.

«Вот видишь, нечего было и соваться,— в прокурорском голосе разума звучала нескрываемая насмешка.— Всё равно они разбежались по своим углам…»

Незнакомая прежде гулкая пустота начала разливаться внутри меня.

«Да, наверное, ты опять прав»,— начала я покаянную речь. Но тут я увидела…

Там, где нет места обволакивающей безнадёжной черноте, где сквозят тона, знакомые и земному глазу,— зелёный, голубой, лиловый,— Мария и Михаил шли вдвоём, взявшись за руки. Я уже не могла докричаться до них. Они не расслышали бы земного голоса. Да и что я могла им ещё сказать?.. Они шли плечо к плечу в неразличимую моим глазом даль. И тогда ещё одна тёмная завеса с треском порвалась и рухнула с нашего рода, как обветшавший театральный занавес…

3.

В кабинетной полутьме эндокринолог долго всматривался в экран компьютера.

— Какой, говорите, у вас диагноз?— переспросил он.

Я назвала.

— Странно. Ничего я у вас не нахожу. Нормальные размеры. Нормальная железа. Вы что принимали?

— Ну, рыбий жир…— начала перечислять я, в самом деле за три дня до обследования вспомнившая и про кальмаров, и про рыбий жир, и про морскую капусту.

Врач недоверчиво хмыкнул:

— Бывает, знаете ли. Уж человек ошибается, а компьютер тем более…

«Это не более чем простое совпадение,— услышала я невозмутимый голос разума.— И не воображай себе…»— «Я и не воображаю ничего»,— смиренно пожала я плечами.

Врач протянул мне мою карточку и прокричал в смежный кабинет:

— Светочка, так, говоришь, чай готов?

*Ди*Н лит

Алексей Рудевич

Апрель. Восьмое

● ● ●

Срывалась жизнь, как голос у подростка,
Как стебелёк, как камень, как звезда,
Срывалась просто так— обыденно и плоско,
Срывалась… и летела в никуда.

Чем дальше в лес, тем искушённей души,
Чем глубже в сон, тем ближе до рассвета,
Язык немеет, остаётся— слушать
И ждать— неочевидного ответа.

О том, как жизнь, срываясь и плутая
В лесу, во сне всё что-то ищет, чует,
Но не находит… и, как льдинка, тает,
Сама себя нещадно четвертует.

На чувства, мысли, на слова, на звуки
Зачем-то делит всё, ревниво разделяет,
И терпит, сносит неземные муки,
И— этой мукой— в вечность прорастает.

● ● ●

Апрель. Восьмое. Снег, как в январе,
В своём паденье чист и безупречен…
Особенно при свете фонарей:

Снежинки, точно маленькие свечи,
Горят и гаснут, Эльмовы огни…
И, опускаясь, обретают вечность.

Им суждено, растаяв, воспарить,
Нам суждено, оставшись, жить,
Лететь, кружась в сиянье фонаря,
И падать… но не зря, не зря…

Татьяна Ильдимирова

Нежность

1.

За окном трамвая, исчерченным вчерашним дождём, улетали в переменно-облачное небо полужёлтые листья. Как скоро пролетело лето, звякал трамвай, словно чайная ложка о стакан. У входа на рынок царила цветочная толчея — в первый раз в первый класс — торговали школьными астрами, из ведёрок любопытно торчали их лохматые головы.

Вслед за листьями в небо уходили трамвайные рельсы. Постепенно они поднимались выше троллейбусных проводов, тонких, как струны, выше верхушек тополей и крыш домов, туда, где небо переставало быть плоским и теряло едва уловимый утренний звон.

Трамвай принялся медленно набирать высоту, и внутри стало щекотно, будто нос был полон цветочной пыльцы. Кондукторша, вцепившись в поручень, громко и настырно требовала заплатить за проезд или предъявить проездной. Если потереть запотевшее стекло — за окном другой трамвай маршрута номер пять, ярко-весёлый и ярко-красный (как поролоновый клоунский нос), скользил по рельсам, невидимым, проложенным через всё небо неведомой рукой.

Ватным небом плотно заложило уши, все звуки потонули в его перине. Приоткрыв глаза, я столкнулась взглядом с потухшей надписью «Пристегните ремни».

Шёл второй час полёта. Из иллюминатора виднелся край самолётного крыла, где-то внизу на земном шаре густо нарисованы были реки и горы, не видные под пушистым небом. Планета медленно и безразлично плыла под подошвами. Голос стюардессы был звонок и предлагал на выбор мясо, рыбу или курицу. Вслед за голосом тянулись шуршание, покашливание, звуки потягивания оживших человеческих тел в неудобных креслах, освобождения запахов съестного от подогретой фольги.

Пройдёт ещё час, и трап будет испуганно подрагивать под затёкшими ногами. А до этого сообщат погоду, и всем в самолёте сразу же станет немного зябко. А до этого (или после?) лёгкий толчок — шасси коснулись земли, громким становится свист ветра, обнимающего такой маленький в сравнении с небом самолёт. Вздохи облегчения, аплодисменты. Не вставать с места до полной остановки самолёта, и всё равно же все полезут наверх за вещами. И будут толпиться в проходе — после трёх часов полёта приятно стоять.

Скоро я пересеку двор, который когда-то называла нашим. Колёсики чемодана будут увязать в листве, набрякшей росистой влагой. Качели, лысоватые кусты сирени, хоккейная коробка, кирпичная трансформаторная будка. У неё прыгали в козла, и ещё одна игра была похожая: куколка, балетница, воображуля, сплетница. Мы уехали отсюда восемь лет назад, а стрелки на асфальте — казаки-разбойники — так и не стёрлись.

В подъезде наверняка идёт (стоит) извечный ремонт; сыро, несъедобно пахнет штукатуркой. Дома же бабушка, круглая и тёплая, жарит пышные оладьи. Она обидится, если я съем меньше дюжины. А не спящий дед, наверное, сидит на диване в любимой клетчатой пижаме, весь в ожидании утреннего самолёта.

Дедушка Аркадий — виновник нашего приезда. Он во второй раз придумал умирать. Эта мысль уже приходила в его бедовую голову в прошлом году. Телефонные звонки бабушки несли через всю страну тревогу, но, прибыв в спешке, мы с мамой нашли деда в постели — чистого, свежего и с радостным блеском в глазах. Разукрасив жизнь нашим скоропостижным приездом, дед поднялся на ноги, слегка ослабшие от постельного режима. Мы гостили у стариков несколько дней, своей беззаботностью похожих на школьные каникулы.

Так мы встретили с ними прошлый Новый год. Дорога прошла в страхе, потому что за несколько дней до бабушкиного вызова позвонил сам дед, и его голос послышался мне высохшим. Помню, как я отстала, чтобы завязать шнурок, и застыла на лестничной площадке, боясь идти дальше. Прижималась лбом к холодному оконному стеклу, которое пахло хвоей, и растаявшим снегом, и пеплом. Я была в те топкие, как болото, минуты слабой (дорожную сумку не поднять) и маленькой (чуть выше подоконника, если встать коленями на радиатор).

Всё обошлось тогда, и теперь обойдётся тоже. Я знаю это наверняка.

Планета проплывает подо мной; такая дрожь внутри, что стынут пальцы рук. В иллюминаторе купаются облака, редко выныривают из-под ваты

нитки рек и жёлто-зелёные лоскутки. Виталий Алексеевич, я снова думаю о Вас. Это чувство похоже на мелодию, которая продолжает звучать, когда закончился концерт, а музыканты разошлись по барам, бабам и домам. Я живу хорошо, даже замечательно, но вдруг — всегда вдруг — занозой в сердце впивается ощущение того, что я не с Вами и от Вас далеко (каждый километр — во мне, холодный и острый, как циркуль).

Приземлившись, я буду никакая, как выжатый чайный пакетик. Зато вечером, когда усталость замнётся в дремотных складках кровати, взамен придёт желание говорить-говорить-говорить. На меня будут смотреть с тихой, безусловной любовью, от которой я уже успела отвыкнуть. Сейчас, в самолёте, мне немного стыдно думать об этом.

Наверняка мы будем играть в излюбленные игры деда из моего детства — домино, лото, «Эрудит». Может быть, достанем «Монополию». Довольный дедушка по-барски развалится в кресле. Я уже чувствую, как уютно пахнет лимоном и жасмином зелёный чай в знакомой чашке. Можете мне не верить, но в других чашках не бывает такого вкусного чая. Новые обои будут непривычны, но, конечно, я скажу, что всё мне нравится.

Когда наступит почти ночь и все заснут, я наконец-то наберусь смелости и закроюсь в ванной с телефоном. Наберу Ваш номер и буду считать гудки со страхом, что никто мне не ответит, и с такой же в точности надеждой.

После четвёртого гудка я услышу Ваш голос и скажу: «Доброй ночи, Виталий Алексеевич, это Лара».

Я не была в нашей школе тысячу лет. Целых десять. Недавно мне в очередной раз приснилось, как я бегу по пустым школьным лестницам. Бегу и бегу, словно этажей не четыре, а в четыре раза больше. Вниз, прыгая через две ступеньки, и вверх, галопом, подгоняемая сквозняками, и снова вниз, и по длиннющему переходу, и вновь по лестницам, запутанным, как наушники в кармане. То к запасному выходу, где, как и прежде, ядовито и сизо накурено, то к наглухо заколоченной двери чердака, пока под языком не делается колко. Школа почти пуста, ступени пахнут сырой тряпкой, издали доносятся плеск тряпки в ведре и глухое ворчание уборщицы.

Как только я останавливаюсь передохнуть, к моим ногам планирует самолётик из тетрадного листа. Это записка, и я знаю, что в ней написана очередная гадость обо мне — «овечка» или что-то вроде. Я убегаю от неё по лестнице вверх, из предыдущих снов зная, что между третьим и четвёртым этажами мне встретится завуч Евгения Михайловна (она же Евгеша), прикрикнет скрипуче: чего носишься как угорелая? — и я вцеплюсь в перила, я сожмусь до роста себя-пятиклассницы, такая-сякая: стихотворение не выучила, сменку забыла, через козла прыгать не получается.

Тогда я ещё не догадывалась, что случится через несколько лет, когда Евгеша первой узнает обо всём. Та самая Евгеша, длинная, сухая, как осеннее дерево; очки неловко притулились на переносице. Она носила мужские ботинки, одевалась в цвета осени, которые решительно не шли её бледному вытянутому лицу, и изо дня в день увешивалась бусами из самоцветов, пытаясь претендовать на звание первой красы учительской. Любила биологию в виде кабинетного аквариума и комнатных растений и не шибко привечала своих учеников, а особенно — учениц. Каждый её урок в пятых классах начинался с того, что несколько девочек отправлялись в туалет смывать ресницы. Со старшеклассниками всё было куда интереснее: уловив на уроке амурные флюиды, Евгеша вставала в стойку, как охотничий сеттер, дружелюбно улыбалась и во всеуслышание изрекала что-то вроде: «Ларионов, чудо моё, хорош пялиться на Сойкину! Она, конечно, девочка красивая, но ей родители всё равно кого получше найдут». Класс гоготал довольно и подобострастно.

Знаете, однажды я увидела её в кинотеатре. Тогда шёл «Титаник», и трудно было найти девочку, которая бы не утирала слёзы под переливы песни Селин Дион. Как оказалось, не устояла и Евгеша. Я заметила её в туалете после сеанса, где она, сняв очки, сморкалась и пудрила перед зеркалом унылый покрасневший нос. Я рассказала об этом Саньке, и мы хохотали вместе, но на душе было гадко.

Виталий Алексеевич, Вы помните Саньку? Она красила пряди у лица в розовый цвет тушью для волос, ногти — чёрным лаком, носила тяжёлые ботинки, узкие джинсы и дурацкие майки-балахоны. Читала фэнтези, бегала на рок-концерты местных групп, писала стихи о любви и смерти, год увлекалась каратэ и однажды сломала нос парню, который некстати распустил руки. В школу она приходила в образе девочки-припевочки с аккуратной причёской, в юбке, закрывающей колени, и со сделанной домашкой. Её любили все учителя, даже Евгеша к ней благоволила. Особенно Саше давались точные науки, и по химии у неё были одни пятёрки. На контрольных она решала оба варианта — и за себя, и за меня. Вы делали вид, что ничего не замечали, или Вам было всё равно? Антипова Саша — пять, Остапенко Лариса — пять. Молодцы, девочки.

Санька теперь живёт в Москве и собирается в скором времени перебраться в Швецию. Наша дружба переехала в социальную сеть и стала пресной и жиденькой, как суп из общепита. Иногда мы обмениваемся короткими сообщениями в «Фейсбуке»: как дела? — отлично — едем в отпуск на Сицилию — поменяла работу — была у родителей,

они передают тебе привет—тебе идёт стрижка—с днём рождения! любви!—спасибо, дорогая. Машинально ставим лайки на картинки с котятами и отпускные фотографии: Санька в бикини на берегу Эгейского моря, я—в той же позе по щиколотку в средиземноморском раю; Санька с мужем поедают лобстеров (муж старше её не меньше чем на десять лет, небрит и могуч, как викинг, с татуировкой на плече), я позирую на фоне древних руин; свадебная фотосессия Саньки—триста фотографий со свежеиспечённым мужем у памятников, у мужа на руках, в лесу, у фонтана: пышное платье до колен, лицо, не меньше часа рисованное визажистом, и пьяные от счастья глаза.

Однажды, когда я была в командировке, мы с ней встретились и посидели часок в «Шоколаднице»; я выпила две чашки кофе и коктейль—говорить было особо не о чем. Едва похвастались каждая своими успехами, обменялись парой комплиментов, вспомнили что-то незначительное из школьных лет—всё как на встрече выпускников.

А ведь когда-то я любила Саньку и страшно ревновала к другим её друзьям. Я по-дурацки привязывалась к людям, а Санька была моей единственной школьной подругой. Мне хотелось плакать, если иногда она хотела сесть за парту с другой девочкой, а стоило ей пропустить школу, как весь день без неё делался унылым и зряшным.

Помню, как я однажды призналась ей:

— Мне Виталий Алексеевич очень нравится.

Это было во время дежурства. Отбывая трудовую повинность, мы лениво елозили шваброй по полу, попутно собирая шпаргалки, пустые стержни от ручек, огрызок яблока и прочую ерунду, и оттирали зубной щёткой чёрные полосы, оставленные на линолеуме каблуками наших одноклассниц.

— Мне тоже,—ответила Саша, с отвращением выжимая в ведро склизкую тряпку.—Он клёвый. Жаль, что такой взрослый.

Тогда нам было по пятнадцать, Вам—двадцать шесть.

— Когда-нибудь мне будет двадцать, а ему—тридцать один. Это нормально! У моих родителей такая же разница в возрасте, и ничего.

— Всё равно это много,—упёрлась Санька.—Через десять лет у него уже будут борода, жена и двое детей. Может, даже начнёт лысеть. Фу! Представь себе Виталика лысым! Будет чахнуть над какой-нибудь диссертацией, такой противный, занудный профессор кислых щей.

Не знаю, Виталий Алексеевич, поверите ли Вы мне, но больше я никогда не рассказывала Саньке о Вас. Всё, что случилось после, было моим сокровенным, не допускающим свидетелей, которые запросто, пусть и не со зла, могли бы охать, удивляться, посмеиваться, сплетничать, убеждать, что я чувствую неверно,—короче говоря, наследить грязными ногами.

Недавно один из моих приятелей (пятничными вечерами в нём просыпался доморощенный философ) спросил меня алкогольным голосом:

— Чего ты вообще хочешь от жизни?

Когда такое спрашивают, всегда хочется отшутиться: «Шубу» или «Мира во всём мире». Тогда я сказала нечто банальное—кажется, про семью и детей. Ему не нужна была моя честность. А Вам я могу сказать правду.

Мне нравится моя жизнь, спокойная и правильная. Иногда я иду вечером с работы по аллее, и внутри всё замирает от счастья, когда я смотрю на оранжевые шары фонарей в осенней мороси или танцующем снегопаде: издали кажется, будто они парят в воздухе, а жизнь становится вкусной, как в детстве—петушок на палочке. Порой мне остро не хватает одиночества: в мире, в котором есть вай-фай и мобильные телефоны, сложно в полной мере наслаждаться уединением. А бывает наоборот—недостаёт ощущения, что моя душа принадлежит другому человеку. Мне хочется, чтобы снова мне кто-то понравился до головокружения, до мурашек, до желания кричать от радости—так, будто мне снова семь лет и я прыгаю на пружинистой кровати, вынесенной во двор, или словно несусь к морю со всех ног, чтобы сидеть в воде до посинения.

Вот, например, одно из подобных воспоминаний (налетает—и сердцу тепло).

Ранняя осень—сухая, нагретая, всё ещё летняя.

Мы учились в первую смену и после уроков всегда шли гулять. Покупали в буфете чего-нибудь попить, жареные пирожки, большую шоколадку на двоих и шли на набережную. Я тащила в руках новое красное пальто, которое хотелось надевать каждое утро, хотя днём солнце ещё поддавало жару. На набережной мы находили свободную скамейку, съедали пирожки, запивали тёплой колой (вспоминаю—и начинает болеть живот). Потом, медленно посасывая дольки шоколада, оставляющие сладкие следы на пальцах, слушали музыку в плеере. По наушнику каждой. «Queen», или «Pink Floyd», или «Romantic Collection», или сборник «Волшебный саксофон». Или кассеты, которые давал послушать Санин сосед-байкер,—нам редко нравилась эта музыка, но Санька слушала, от старания закрывая глаза, словно через маленький наушник можно было узнать и понять про этого соседа что-то важное.

Солнечно и легкомысленно. Речной ветерок щекочет лицо. В воздухе маняще пахнет жареной кукурузой и началом листопада.

— Здравствуйте, девушки!—услышали мы.

— Здравствуйте, Виталий Алексеевич, а мы вас и не заметили!—воскликнула Санька.

— Гуляете? Отдыхаете от трудов праведных?

Мы кивнули.

— Что слушаете?—спросили Вы.

— «Пинк Флойд»,— сказала Саня.— Вам нравится «Пинк Флойд»?
— Хорошая группа. Любите классический рок?
— Очень. О! Виталий Алексеевич!— встрепенулась Саня.— А вы что советуете нам послушать?

Призадумавшись, Вы ответили:
— Тори Эймос, например. Знаете такую?
— Нет. А что это за музыка?
— Хорошая музыка. Скорее всего, вам понравится. Кстати, Саша, вам очень идёт эта стрижка.
— Спасибо,— зарделась Саня и поправила волосы.
— Ну, счастливо. Да, Лариса!— Вы остановились и повернулись ко мне.— Подготовьте последнюю тему, я завтра вас обязательно спрошу.

Поиски хорошей музыки тогда, до эры победившего Интернета, были делом сложным. Кассеты подолгу искали в ларьках, записывали с радио, по ночам карауля нужную песню, переписывали друг у друга, пока плёнка не начинала подхрипывать, морщиться и заедать. Я нашла кассету Тори Эймос только через два месяца, слушала её в наушниках ночью под одеялом по два-три раза и представляла, что держу Вас за руку, а моё сердце переворачивалось в груди, словно щенок перед большой собакой.

Всё это было счастьем.

Знаете, почему я не позвонила Вам раньше?

Потому что я боялась почувствовать то же самое. Или не почувствовать ничего.

II.

— Я занимаюсь йогой с твоей бывшей учительницей,— говорит утром бабушка.
— С кем это?— спрашиваю я, отхлебнув чай.
— С Евгенией Михайловной. Она давно не работает в школе, теперь она тренер, очень гибкая женщина, это удивительно в таком возрасте,— бабушка ставит вымытые тарелки в шкаф и говорит без остановки.— Её муж тоже йог. Смешной такой, лысый, как коленка. Заходит за ней после тренировок, и они вместе идут домой. Они живут где-то недалеко от нас. Иногда собаку выгуливают на пустыре. У них, представь себе, дог.

Я не знаю, чему удивляться сильнее — новостям про Евгешу или тому, что бабушка увлеклась йогой. Я представляю её в позе лотоса и с трудом давлю смешок.
— Мы однажды говорили о тебе. Она же прекрасно тебя помнит, расспрашивала, где ты живёшь, чем занимаешься. Я ей сказала, будто ты замужем.

Во рту привкус горькой лимонной цедры:
— Зачем было врать?
— Просто сказала. Подумаешь, а что такого-то?— бабушка отворачивается к окну и поглаживает листья лимона. У неё на подоконниках целый ботанический сад.— И потом, ты тогда дружила с этим своим архитектором. У вас вполне могло получиться. Всё к тому и шло. Мы с дедом ждали приглашения на свадьбу. Я даже купила вам чайный сервиз,— чем дольше она говорит, тем острее звучит в её голосе обида.— Если хочешь, можешь увезти. Что ему пылиться?..

Она явно считает меня неудачницей. Мне хочется уйти, хлопнув дверью. Ненавижу чувствовать, что моё сокровенное, нутряное пытаются раскопать, проанализировать и раскритиковать, а я не могу защититься: бабушка старая, бабушка не вечная, она беспокоится, она меня любит и всё такое. А я сижу перед нею как оплёванная и жалею о том немногом, что ей рассказала.
— Там, в кладовке, остались твои вещи,— говорит она.— Посмотри, может, что заберёшь.

На часах половина десятого. Мама ушла к подруге, дедушка на балконе читает газеты. Он увлечён жёлтой прессой и ежедневно скупает в киоске всю макулатуру, откуда можно узнать о проявлениях сверхъестественного: будто Фокс Малдер, всё жаждет новых доказательств посещений нашей планеты инопланетянами.
— Лариса!— окликает он меня.— Вот тут пишут, что у вас под Рязанью на полях снова нашли загадочные круги. Обязательно почитай!

В кладовке обитают два пакета и картонная коробка с моими вещами. Я высыпаю одежду на пол и понимаю, что это те самые шмотки, которые я в свой прошлый приезд говорила отнести в Красный Крест. Бабушке всегда было трудно расставаться с одеждой, если та, по её мнению, ещё выглядит нормально. Здесь мой бирюзовый костюм с огромными золотыми пуговицами, купленный на ночном рынке Новосибирска специально для экзаменов. Леопардовая водолазка, джинсовая рубашка с гипюровыми вставками, растянутый лыжный свитер, узкие чёрные джинсы, посеревшие от многочисленных стирок, майка с «Титаником», летние туфли на огромных каблуках (в них я каждый раз натирала ноги)— весь тот ужас, который я носила в старших классах до переезда. Бабушка сохранила даже лиловый мохеровый капор, купленный в девяносто седьмом году по тогдашней моде, под фиолетовый пуховик, похожий на огромное стёганое одеяло: пух из капора постоянно лез мне в рот, но главное, что всё было по моде. «Может, ещё поносишь»,— сказала бабушка, и в её голосе не было сомнения, что однажды наступит день, когда мне, непутёвой, будет нечего надеть на голову, кроме этого несчастного капора. Мне хочется обнять её и попросить прощения за то, что редко звоню, считаю глупостями её вегетарианство и йогу, что в детстве не съедала её суп, а выливала его в унитаз, что до сих пор не вышла замуж и ей приходится врать обо мне, что мне совсем не нужен с любовью выбранный ею чайный сервиз— я не зову гостей в свою крохотную квартирку на окраине города. И обнять, знаете,

как маленькая девочка — головой уткнувшись ей в живот.

Роюсь в картонной коробке: две анкеты, заполненные дворовыми подружками, блокнот с рисунками и текстами песен, маленький альбом с марками (собирала в третьем классе), похвальные грамоты за отличные успехи и примерное поведение, диплом за первое место на конкурсе чтецов, читательский билет в детскую библиотеку, телефонная книжка, ни один из номеров в которой мне больше не нужен, десяток кассет и большая фотография восьмого «А», на которой у меня закрыты глаза, а Санька волком смотрит в камеру. Почти всё из этого пойдёт на выброс: ненавижу лишний хлам. Пачка школьных тетрадей, невесть зачем сохранённых, вот — по химии за девятый класс: мои каракули, куча давно забытых формул, а в середине лежит розовое сердечко, открытка на Валентинов день. «Вы лучший», — написала я когда-то и у самого почтового ящика, висящего в школе у дверей в столовую, передумала отправлять открытку. Боялась, что Вы узнаете меня по почерку.

Мне грустно смотреть, как меняется город. Дело не в новостройках, которые расползаются во все стороны, словно щупальца спрута, а в исчезновении любимых мест. Не имело права закрываться кафе около универсама, где продавали вкуснейшее мороженое в металлических вазочках и густой молочный коктейль. Нет больше магазина «Букинист», в который я ходила на охоту за недорогими книгами. Казалось бы, кому сейчас нужен видеосалон? — вместо него открылся очередной суши-бар. И да, я люблю суши, но от пропажи того волшебного места, куда мы тайком от родителей ездили на сэкономленные деньги, чтобы посмотреть «Кошмар на улице Вязов», мне немного не по себе.

Я иду мимо своей старой школы и почти решаю заглянуть внутрь, прогуляться по коридорам, найти кого-то из наших учителей. Но у самого крыльца (раньше здесь стояли корыта, в которых ученики без сменки мыли уличную обувь) вспоминаю, что сегодня воскресенье, и прохожу дальше. В окнах столовой виднеются те же самые голубые неуклюжие столы и стулья, что были у нас. Едва доносится запах пшённой каши, не выветрившийся со вчерашнего дня. Когда-то мы ненавидели дежурить по столовой, особенно вытирать со столов липкие лужи какао и остатки размазанного обеда.

Виталий Алексеевич, я знаю, что Вы давно не работаете в этой школе. Санька писала мне, что Вы уволились сразу после моего отъезда. И потом, когда у нас дома появился Интернет, долгое время я ежедневно набирала в поисковике Ваши фамилию и имя: первой выпадала страница местного университета: Арсентьев В. А., доцент. Несмотря на это, я обхожу школу и смотрю на окна кабинета химии на втором этаже. Мне приятно на них смотреть, хотя там давным-давно нет нас.

Я помню, словно это было вчера, зелёные парты, и таблицу Менделеева на стене, и бюст великого химика, и запах реактивов, и рисунки на своём столе, и растопыренные кактусовые лепёшки в горшках, и как противно чешутся ноги от шерстяных колготок под брюками (опаздывала на урок, не успела снять в раздевалке). Вы сидите за столом и читаете журнал, пока мы пишем контрольную. Для меня Вы по-своему (то есть по-моему) красивы: округлое, без острых углов, лицо, внимательные серые глаза, завидно густые ресницы. На Вас голубая рубашка в полоску, тёмные джинсы и кроссовки — один шнурок развязался. Я смотрю на Вас и чувствую, что я — Ваша. Всё, что есть во мне хорошего, готового любить, жаждущего держать за руку, гладить по щекам, пальцами приглаживать широкие кустистые брови, всем телом прижиматься, своим затылком впечатываться туда, где Ваши ключицы, — это всё для Вас.

— Виталий Алексеевич, а вы пойдёте сегодня на нашу дискотеку? — спрашивают с задних парт.

Сегодня — День святого Валентина, едва ли не самый главный праздник для тех, кому до шестнадцати.

— Нет, Жанна, вам там и без меня будет с кем потанцевать, — отвечаете Вы с улыбкой, не отрываясь от журнала.

Звонок. Поспешно дописываю решение. Сейчас будет ненавистная физкультура, перед которой надо переодеваться на глазах у других, потом бегать кругами по стадиону и идти на последний урок, чувствуя себя потной и липкой. Неделю назад кто-то забросил мои брюки в раздевалку к мальчикам, и все смеялись.

Иду дальше, через футбольное поле (на туфлях остаётся грязь от вчерашнего дождя), срезаю дорогу через детский сад, выхожу на улицу (здесь была кулинария, куда мы на большой перемене бегали за пончиками с повидлом) и сразу вижу Вас. Или мне только кажется? Вы стоите спиной ко мне на остановке и раньше, чем я успеваю понять, отчего так зашлось сердце, Вы заходите в дверь автобуса.

Я успеваю влететь следом. Краем глаза отмечаю, что Вы сели на первое сиденье, и остаюсь на задней площадке. Я стою спиной к Вам и не могу собраться с силами и подойти. Даже повернуться страшно. Сердце глухо бухает, как громкая музыка вдалеке, а воздух вокруг делается горячим и плотным.

Вы не видите меня, а я здесь. Это я, Лариса. Когда-то Вы учили меня химии. Я отвечала Вам у доски, от волнения заикаясь и забывая слова. Вы взяли меня под руку у школьных ворот, чтобы я не поскользнулась на раскатанной ледяной дорожке. Может быть, Вы помните, как в эпидемию гриппа мне стало плохо на Вашем уроке и Вы отвели меня к медсестре, придерживая за плечи?

И уж наверняка Вы не забыли, как я свернулась клубочком в Вашей кровати, укрытая с головой? Я притворялась спящей и со страхом думала, ляжете Вы рядом со мной или нет.

Мы переехали через мост: автобус неспешно везёт нас в спальный район. Мимо проплывают пожилые коренастые дома, бетонные заборы, заборы, заборы — промзона — и снова дома. В автобусе пахнет бензином, перегаром и копчёной рыбой. Я оглядываюсь: Вы что-то читаете — кажется, журнал. У Вас по-прежнему на редкость хорошая осанка, а шея трогательно торчит из кашне. К Вам всегда хотелось подойти и поправить шарф.

Что за странная женская привычка — видеть в мужчине, сколько бы ему ни было лет, маленького мальчика, который нуждается в заботе?

Вдали появляются белые, как айсберги, новостройки. Вы прячете журнал в портфель и встаёте у передней двери. Я хочу выйти на одной остановке с Вами. Если Вы узнаете меня, я подойду поздороваться, но пока я не знаю, чего хочу от этой встречи. Убедиться, что я ничего не смогла испоганить в Вашей жизни? Попросить прощения?

Мы выходим из автобуса. Я наступаю в лужу, чертыхаясь — холодная вода залилась в туфлю, прыгаю на бордюр и спешу за Вами.

— Здравствуйте! — говорю я громко, оказавшись рядом, и Вы оборачиваетесь на звук моего голоса, Вы вежливо улыбаетесь, Вы смотрите на меня, не узнавая, и тут я понимаю: это не Вы. Просто похожий человек.

На обратном пути в автобусе я без конца набираю Ваш номер и каждый раз слушаю длинные, как холодные макароны, гудки.

III.

Виталий Алексеевич, я часто вспоминаю тот самый зимний День здоровья.

Вы же помните, как обычно проходят подобные мероприятия? Выезд на турбазу, весёлые старты, лыжная эстафета, катание с горки на ногах или задницах, вечером — дискотека и посиделки по номерам с контрабандным алкоголем. Всем весело, иногда бьются стёкла, кто-то засыпает в бильярдной, кого-то тошнит в коридоре. Утро наступает поздно, весь класс мается похмельем, учителям не легче, поправить здоровье нечем.

Я всегда терпеть не могла лыжную физкультуру. Что хорошего? Получаешь древние покоцанные лыжи, неудобные ботинки и пару палок, тащишь на улицу всё это хозяйство, стараясь ничего не выронить, и в дурацком голубом синтепоне бродишь кругами по утренним мёрзлым сумеркам ближайшего парка. Тащишься медленно, как пожилой пони в зоопарке. Хочется домой, валяться под музыку с книжкой или пить чай с зефиром. Снежные парковые красоты остаются незамеченными: сопли мешают дышать, лицо горит от холода, ненадёжные крепления то и дело выскальзывают из-под ног, в ботинки забился снег, лыжи плохо скользят, а позади бежит физрук и кричит: «Толкайся задними ногами!» Всё это далеко от образа румяных весёлых лыжниц, изображённых на календаре в кандейке физрука. На День здоровья я поехала только оттого, что там могла увидеть Вас.

Турбаза «Юность» была скромной и походила на лагерь, в котором я когда-то провела тоскливый, дождливый август с тремя девочками в палате, нищенской библиотекой и жестокой невозможностью уединения. Вся турбаза — три длинные двухэтажные кишки корпусов (душевые и туалет — на этаже) и здание столовой на отшибе. Кресла в холле, казалось, стояли здесь не меньше тридцати лет и оглушительно пахли чем-то старческим.

К расстройству моему, не смогла поехать Санька — заболела. Меня поселили в номере с девочкой, с которой больше никто не хотел жить, и это порядком испортило мне настроение. Возможно, Вы помните её: Лина, полноватая, с угреватым лицом и вечной коростой на губе. Находиться рядом с ней было неприятно и даже брезгливо. Меня тоже не любили, но у меня была Санька, а с Линой не дружил никто. Казалось, её это не беспокоило: она смотрела на всех чуть выпуклыми и равнодушными, как у рыбы, глазами. Если в классе случалось что-то смешное, она не смеялась, а едва корчила губы то ли в улыбке, то ли в гримасе. А ещё от неё одновременно пахло по́том и ванильной туалетной водой.

В классе ходили слухи, будто Лину бьёт отец.

Мы почти не разговаривали. Вечером Лина лежала на кровати, не сняв растянутый лыжный свитер, и читала любовный роман в мягком переплёте. Я тоже взяла с собой книжку, но сидеть в одной комнате с Линой не хотелось и ещё больше не хотелось быть как Лина. Знаете, я ведь люблю одиночество, всегда любила, но в тот вечер меня потянуло на дискотеку в столовую, где уже вовсю бурлило варево из вырвавшихся на свободу десятиклассников: влиться в толпу, выпить пива, поплясать как умею. Чтобы всё было бестолково, весело и под дурацкую музыку.

Некоторые моменты жизни въедаются в память, как невидимая татуировка. Случайные, вроде бы ничего не значащие, но стойкие — не вытравить. До сих пор мне остро помнится, как я спускалась с высокого крыльца турбазы, осторожно ступая по скользким ступенькам. Небо было тёмно-фиолетовое, такое неровное, лохматое из-за вихрастых облаков. Беззвёздное. Сугробы переливались нежным светом, словно лунный камень. По обе стороны от крыльца стремились в небо две треугольные голубые ели. А Вы шли мне навстречу, в расстёгнутом пальто, без шапки, со

снежными звёздочками в тёмных волосах, красивый и статный, как романтический герой, как рыцарь, победивший дракона. Вы шли и улыбались, и на какую-то долю секунды мне показалось, что сейчас Вы заговорите со мной. Но выскочила на крыльцо Инночка — наша историчка, суматошная, с пушистой причёской, похожая на одуванчик, и крикнула Вам весело:

— Виталя, ты в бильярд умеешь?

Вы подмигнули мне, подбежали к ней, прыгая через ступеньку, и оттуда, сверху вниз, сказали мне строго:

— Лариса, сейчас же наденьте капюшон!

О том, что случилось в конце дискотеки, я раньше не говорила Вам, а сейчас, пожалуй, вкратце расскажу. Был объявлен белый танец. Чтобы не стоять у стенки, как та, которую никто никогда, я пригласила кавалера из числа тихонь (можно, я не буду называть его имя?). Когда танец закончился, он, оставив меня, подошёл к Жанне и сказал ей что-то, а та громко фыркнула и заявила на весь зал:

— Да от неё ссаньём несёт!

Все засмеялись, и всё бы ничего, но там оказалась Лина и хохотала вместе со всеми так, будто наконец-то стала частью коллектива.

И ещё это непонимание: только что мы с ним медленно покачивались под музыку *(«Oh you'd better stop before you tear me all apart…»)*, он гладил меня по спине и дышал мне в ухо, мои ладони прижимались к его лопаткам — к тёплому, живому, настоящему мальчишечьему телу *(«…ooh you'd better stop…»)*, я чувствовала его дыхание, во мне начинало бродить, пузыриться желание, волнение, предчувствие поцелуя…

Жанну-то Вы помните наверняка: королева, отличница, всеобщая любимица, как сейчас принято говорить — лидер, как всегда считала я — стерва. Она перевелась в нашу школу год назад и моментально покорила почти всех. Мне же доставалось от неё ежедневно, а я не могла ей ответить. Всё давно прошло и отболело, не будем о ней вспоминать, но до сих пор я не могу понять, что творилось с этим человеком. Что было в её душе искажённого, больного, требующего постоянно кого-нибудь высмеивать и унижать?

Я шла между корпусов и плакала, вытирая глаза замёрзшими ладонями. Щёки мои горели. Из диско-зала доносилось лихое: «Крошка моя, я по тебе скучаю!» Накатила обида, смешанная с усталостью, как под конец неудачного дня: вроде и не о чем плакать, всё ерунда, пустое, а слёзы не утихают.

Мне отчаянно нужен был человек. Или хорошая книга. Но лучше — человек, которому я была бы не совсем безразлична. Такого здесь не было, и я сидела в коридоре нашего корпуса — там, где в узкий аппендикс втиснули три кресла и старый телевизор. Показывали какой-то старый детектив про украденные драгоценности, а следом фильм, где герой разрывался между женой и не женой, а та, которая женой ему не была, грызла губы и провожала его злым взглядом. Я засыпала, съёжившись в кресле, просыпалась, резко вздрогнув, меняла позу, растирала затёкшие ноги, пыталась следить за актёрскими страданиями и снова погружалась в тяжёлую дремоту.

— Лариса, что вы здесь делаете? Почему вы не у себя в номере? Вы знаете, какой час?

Я помотала головой, с трудом выплывая из мутного полутелевизионного сна.

— Половина второго. Все спят давно, кроме двадцать четвёртого номера, — сказали Вы, устало опускаясь в соседнее кресло. — Иди же к себе. Что ты сидишь?

— Я лучше тут побуду, — ответила я, сдерживая слёзы. — Я не хочу туда.

— Тебя кто-то обидел? Твой мальчик?

Вы говорили со мной, словно с маленькой девочкой. Даже на «ты», не на «вы», как всегда обращались к ученикам. В другое время это было бы досадно, но сейчас хотелось только, чтобы меня покачали на ручках. Я уже не скрывала, что плачу, и мне было стыдно поднять на Вас глаза.

— Хотите, я позову кого-нибудь? Инну Максимовну или кого-то из девочек?

— Можно, я лучше ещё немного здесь одна посижу? — тихо попросила я.

Вы сказали:

— Нет, так нельзя! Пойдём! Пойдём со мной.

Вскоре я лежала в Вашей постели, в одежде, как была, не сняв даже колготок. Лежала, отвернувшись к стенке, под клетчатым байковым одеялом. Меня бил озноб не то от волнения, не то от начала простуды, а Вы сидели рядом со мной и говорили:

— Ты очень красивая, Лара. Ты сама ещё не понимаешь, какое лицо у тебя удивительное. Через несколько лет мужчины будут за тобой в очереди стоять.

— Правда? — глухо спросила я из-под казённого одеяла.

— Конечно, правда.

Вы повторяли:

— Лара, ты красивая, у тебя всё будет хорошо, всё обязательно будет хорошо, — и гладили меня по растрёпанным волосам, по плечам, по спине, как ласкают кошку, задерживали тёплую руку на оголённой шее.

Я вжалась лицом в подушку, замерла, принадлежала Вашей ладони, чуть всхлипывала от невозможного такого счастья. Весь мир и весь космос сжались сейчас до размеров этой неприбранной, по-казённому обставленной комнаты. За окном шептала ночь, выдыхала ветром, она скрипела по снегу валенками сторожа, лаяла далёкой собакой, а в соседнем номере, кажется, занимались любовью,

но это было настолько не здесь, насколько только возможно.
— Спи, моя хорошая,—сказали Вы, плотнее меня укрывая.—Спокойной ночи.

Вы убрали руку, а я продолжала чувствовать Ваши прикосновения всем позвоночником.

Я боялась засыпать, боялась проснуться в кресле перед телевизором, замёрзшая, скрюченная и совсем ничья. Свернувшись калачиком, я слушала, как Вы ходите по комнате, и ждала, когда Вы ляжете рядом со мной. Остаток ночи, даже во сне, я хотела знать, что Вы рядом, а это лучшее, что может случиться с человеком. Под одеялом я сцепила руки в замок, и мне казалось, что вторая рука—не моя, а Ваша. Я представляла себе, как целую Ваши ладони, как пальцами вожу по линиям, предрекающим долгую жизнь и счастливую любовь, и таяла, изнывала от нежности, терпкой, словно ароматы восточных специй. Этой ночью Вы были не моим учителем, а самым родным моим человеком.

Вы так и не пришли в свою постель. Не знаю, где Вы провели остаток ночи. Когда я проснулась, стояла мёртвая утренняя тишина, было холодно даже под одеялом, сквозь оконные щели сквозили струйки противного серого тумана; в комнате я была одна. Я чувствовала себя разбитой и помятой, будто и часа не спала. На стуле комком валялся Ваш свитер. Я прижала его к груди, ткнулась щекой в его колючую тёмно-синюю шерсть и с ним в обнимку легла в постель, тщетно пытаясь уловить Ваш запах—от свитера пахло только стиральным порошком.

Я аккуратно прикрыла дверь и пошла умываться. Часы в холле показывали половину шестого, и в коридоре было так тихо, словно, кроме меня, на турбазе ни души. Из зеркала искоса поглядывала на меня барышня бледная, лохматая, с опухшими глазами, красивая ли?—да ничуть. Я прислонилась к кафельной стене и быстро, в несколько всхлипов, выплакала в ладони ночное своё счастье и невесть откуда возникшее одиночество. Тем утром я не хотела Вас видеть.

Тогда я заболела и две недели провела дома с осипшим горлом. Было больно даже шептать. Дома я изнывала от скуки, читала всё подряд и много спала. По вечерам я набирала Ваш номер, найденный в телефонном справочнике, глубоко вдыхала Ваше «Алло» и немедленно клала трубку.

Трижды в неделю я ходила на процедуры в поликлинику, и однажды вместо этого я поехала к Вашему дому. Было морозное февральское утро, мерзкое и заиндевевшее. Я сидела на утопленной в снегу детской площадке, расчистив край скамейки, лицо прятала за шарфом и пыталась догадаться, какие из окон Ваши. Я не надеялась увидеть Вас, мне достаточно было смотреть на Ваш дом, чтобы внутри стало щекотно и захотелось возвращаться вприпрыжку.

Вы улыбаетесь? Или Вам противно вспоминать обо мне?

Я ещё несколько раз приезжала к Вашему дому, и однажды мне повезло. Я сидела на своём обычном месте, когда дверь подъезда отворилась. Сначала оттуда проковылял толстый кокер-спаниель, а потом появились Вы. Спаниель был ленив и медлителен, вероятно, от старости: сделав на газоне свои дела и обнюхав дерево, он уселся перед Вами и всем своим видом давал понять, что прогулка окончена. Такой славный был пёс! Мне было охота его погладить.

О чём ещё Вам рассказать? Как однажды Вы пошли с нашим классом в театр? Мы смотрели тогда «Трёх сестёр», по программе, Вы сидели между мной и Инной Максимовной. В первом же акте я случайно положила свою руку на Вашу—Вы убрали руку почти сразу, но в этом секундном «не сразу» уместилась моя робкая, дрожащая надежда на ответное тепло и мимолётную ласку. Сидеть рядом с Вами было невыносимо, и после антракта я поменялась местами с Санькой.

Я перебираю воспоминания, словно заново собираю лопнувшие жемчужные бусы, и каждая бусинка в моей руке—тёплая.

Бусинка—лабораторная по химии: Вы стоите у меня за спиной и смотрите, как мы с Санькой пытаемся получить в пробирке розовую жидкость.

Бусинка—на перемене Вы ловите меня за рукав и, улыбаясь, говорите: «У вас на щеке следы от ручки!»

Бусинка—на школьной дискотеке я, осмелившись, приглашаю Вас на медленный танец. Мы танцуем на безопасном расстоянии, как пристало учителю и ученице: моя рука на Вашем плече, Ваша—у меня на спине. «*Oh you'd better stop before you tear me all apart…*» Мы разговаривали, но о чём—не помню, весь танец я вся была там, где лежала Ваша рука, и мечтала навсегда запомнить Ваши прикосновения, законсервировать их, чтобы в грустную минуту глаза закрыть и погрузиться в то медовое предвкушение, шёлковые весенние дни, скользящие между пальцами.

Бусинка—из окна класса я смотрю, как Вы идёте к воротам, становясь всё меньше и меньше.

Бесценно.

Виталий Алексеевич, дорогой мой, я не знаю, как можно сказать: «Я больше не люблю». Вот что я знаю точно: там, где любилось, не леденеет, и пусть не рвётся больше и не горит, но рано или поздно остаётся главное—теплота, тихая нежность, грустная радость от былого.

Однажды настал день, в котором я спросила у Вас:
— А вот если бы вы не были моим учителем, могли бы мы тогда дружить?

Помните, как это было? Мы вместе вышли из библиотеки и брели через сквер, а за нами гналась воздушная, птичья весна. В воздухе акварельно пахло тюльпанами, талой водой и влажными камнями. Остатки серо-голубого снега расползались под ногами жидкой кашей. Во всём сквере мы были одни.
— Слышала такую поговорку,— назидательно ответили Вы мне,— кабы бабушка не бабушкой была, то была бы дедушкой?
— Вот когда я закончу школу…— начала было я, но Вы оборвали меня, взяв за запястье:
— Стоп. Только не надо ничего загадывать. Тут завтра не знаешь, что будет.

Мне не понравилось, как Вы говорили — тихо, осторожно, словно ватой оборачивая каждое слово.
— Скажите мне, Виталий Алексеевич, только честно: я вам нравлюсь?
— Лариса!— вы покраснели.— Такой разговор сейчас неуместен.
— Можете ответить честно? Один только раз! Я никогда больше вас об этом не спрошу!
— Лариса, я думаю, нам не надо общаться помимо уроков. Понимаете, такое иногда случается. Вы девушка милая, ранимая, очаровательная, но вы должны понимать! Вот как мне вам объяснить?
— Я понимаю. Вы… я бы для вас… я бы всё!

Вы отчаянно схватили меня за плечи и с силой прижали к себе:
— Хватит. Всё. Поговорили и будет. Не плачьте. Только не надо плакать.

Я и не плакала. В тот момент мне не было больно. Я упиралась локтями Вам в грудь и представляла себе, что существует некая параллельная реальность, в которой я уже учусь на первом курсе, мы живём вместе, Вы ходите по квартире в трусах, я жарю оладьи субботним утром и выгуливаю Вашего толстого пса, мы играем в теннис, вместе ходим в бассейн, летом ездим на шашлыки, по вечерам я готовлюсь к семинарам, а потом мы валяемся в кровати и смотрим фильмы. Где-то там Вы целуете меня перед уходом на работу. Я прижималась к Вам и чувствовала себя взрослой, красивой, изящной — такой, какой ещё не была, но — буду, теперь доподлинно знала, что буду.
— Можно, я один раз только?— спросила я шёпотом.

Кажется, Вы не услышали меня, а я обеими руками обхватила Вас за шею и поцеловала — Вы увернулись — в левый уголок губ. В сквере стало ещё тише. Вы выпустили меня и растерянно погладили по голове, как ребёнка:
— Не надо было.
— Простите!
— Да ничего. Хватит. Хватит. Давайте по домам, хорошо?
— Простите,— ещё раз сказала я, глядя под ноги.

Ботинки, забрызганные весенней грязью, на левой ноге колготки пустили тонкую, как шрам, стрелку. Надо домой, писать реферат. В понедельник сдавать. Ещё химия и сочинение. Постараться не думать, не вспоминать, твердила я себе.
— Здравствуйте, Виталий Алексеевич! Расскажите-ка мне, что у вас здесь происходит? Я уже давно за вами наблюдаю.

Евгения Михайловна стояла в двух шагах от нас, довольно щурилась и в нетерпении переминалась с ноги на ногу, словно собиралась бежать куда-то — спасать мир.

Рассказывать дальше?

Как Евгеша пришла к нам домой и разговаривала сначала с моей мамой, а потом со мной? Как мама назвала меня проституткой и обещала Вас посадить? Как они обе уговаривали меня не врать, хотя я говорила чистую правду? Как мне устроили домашний арест? Как я просила маму уехать куда угодно, лишь бы никогда больше не видеть Вас?

Как в поезде, увозящем меня к тёте в Рязань, понимала, что я позорно сбегаю, оставляя Вас доказывать свою невиновность?

Трусиха. Дура. Предательница.

IV.

Я иду через сквер к Вашему дому, ветер в спину, и мысленно представляю себе наш разговор: «Здравствуйте, Виталий Алексеевич».— «Здравствуй, Лариса».

Или нет: «Здравствуйте».— «Это же я, Лариса. Вы преподавали нам химию десять лет назад».— «А, да. Помню».— «Как ваши дела?» — «Всё хорошо. А вы как?» — «Тоже хорошо».

Мягкий осенний свет окутывает сквер, небо ясное, доброе. Шепчутся деревья, играют сухими листьями в подкидного дурака. На игровой площадке детские крики сливаются в воробьиный гвалт. Три девочки скачут в резиночку — думала, сейчас такого не увидишь.

Ощущение спокойствия и уюта. Как если разбираешь шкатулку с бабушкиными украшениями. Издалека медленно, из прошлого века, выплывает здание Дома культуры с белыми колоннами.

Кудрявая девочка в распахнутом красном пальтишке с папой кормят голубей батоном. Один из сизарей, привыкших к людям, за кусочком сдобы приземляется девочке на руку. Ей одновременно хочется расхохотаться и жалко спугнуть птицу, смешинки бегают по её круглому личику россыпью, как веснушки, и от неё невозможно отвести глаз. Я узнаю́ её отца.

В сумке моей завалялась половинка булочки, позавчера купленной в аэропорту. Я подхожу ближе, разламываю булку, присаживаюсь на корточки и кидаю в стаю сухие крошки. Голуби сминаются в крылатую воркующую кучу. Я смотрю на Вас снизу вверх: Вы почти не изменились. У Вас другая оправа. Волосы подстрижены короче, чем когда-то.

Золотой ободок кольца на руке, подставленной голубю.

На душе становится тепло, будто к ней, замерзающей, приложили грелку.

Бросаю голубям последние крошки, поднимаюсь на ноги и, поправив шарф, прохожу мимо Вас, не останавливаясь.

— Здравствуйте, Виталий Алексеевич,— на ходу говорю я Вам.

— Здравствуйте,— равнодушно отвечаете Вы.

Я иду домой. Завтра будет очередной хороший день, наполненный общением с моими стариками и прогулками по родному городу, а послезавтра у меня самолёт. В сердце нет сожаления, всё так просто: Вы есть. Вы — есть! Спасибо!

Я шуршу по траве и чувствую, будто во мне играет вальс: *когда уйдём со школьного двора, та-да-та, та-да-та-та, та-да-та-та…*

Литературное Красноярье ∴ БСР

Елена Тимченко

По красной дорожке

Наша прогулка по парку Боргезе (villa Borghese) началась в тот день не с того, так сказать, конца. Мы шли с коляской напролом по каким-то бесконечным неухоженным полям — задами Биопарка, спрыгивали с высоченного бордюра, передавая друг другу коляску, потом Тимофея, и взбирались по крутому взгорью, чтобы добраться наконец до цивилизованной части парка. А путеводной звездой нам служили призывные звуки живой музыки. Фактически уличный музыкант нас и вывел.

Когда мы до него добрались, Тимофей замер как вкопанный, как громом поражённый. Для него это был такой стресс и одновременно когнитивный диссонанс, что можно вот так просто — извлекать чудесные звуки на улице! Ребёнок никогда не видел и не слышал живого музыканта…

Дело в том, что нас обуяла идея отыскать в парке памятник Пушкину, а если повезёт, то и Гоголю. И мы действительно вышли на аллею с бесконечным количеством бюстов писателей, имён которых лично я не слыхивала никогда. Я ещё обнаружила там старинные водяные часы и восхитительные каменные сооружения непонятной этимологии — то ли беседки, то ли… непонятно, в общем, что-то, предназначенное для отдыха и неги. Небольшие, замшелые от старости, запущенные ленивыми итальянцами прелестные домики, жить в которых невозможно, но посидеть в жару приятно.

В этом месте Тимоша обнаружил аттракцион с машинками, и все культурные цели были забыты. Он изводил мать этими машинками, залезал последовательно в каждую из них, катался до тех пор, пока у хозяина терпение не лопнуло и Ксюше не пришлось заплатить за удовольствие.

Оставив дочь наедине с мелким мучителем, я немного прошлась. Невдалеке я обнаружила роскошную старинную виллу с захватывающим видом на город, простирающийся внизу. Я подумала, что это непременно какой-то музей, мне и в голову не могло прийти, что в таком историческом здании можно устроить ресторан. Да, это был шикарнейший ресторан для богатых. И что поразительно — длинная извилистая красная ковровая дорожка, как в Каннах, вела к входу. Столкнувшись с таким недемократичным признаком богатства, советский человек во мне смутился и застеснялся, и я направилась к уединённой скамейке на уютной панорамной площадке среди деревьев.

Не переставая внутри изумляться тому, что вот это я сижу солнечным декабрьским днём в сердце Рима, я наблюдала, как падают листья. Огромные, словно старательно вырезанные ребёнком из тонкой жёлтой бумаги, они полностью отвечали моему представлению, каким должен быть настоящий осенний лист. Падение с большой высоты позволяло проследить путь каждого из них.

И так по-разному они падают! Похоже на то, как люди проживают свою жизнь.

Вот энергичный и быстрый листочек деловито, словно человек, расталкивающий конкурентов локтями, устремился к земле. А вот вальяжный и плавный — летит бездумно, расслабленно, с наслаждением. Ещё один — выписывает затейливые кренделя, куролесит и выделывает экстремальные пируэты.

А этот подхватил ветер и погнал куда-то…

И у всех у них участь одна — неизбежный конец на земле. Как и у людей.

Я перевела взгляд вдаль… И весело фыркнула — всю философию с меня сдуло в один миг. А увидела я такую картину. Мой полуторагодовалый внук несётся стремглав по красной дорожке, которую, по-видимому, специально для него тут расстелили, как и весь мир, а за ним, бросив коляску, поспешает Ксюша.

Альбина Мамаева

Земля́чки

Бабья доля

— Мамаша, ты ково тут путасся? Ползашь весь день, а дéланово не видать. Бежала вры́ссю, думала, до управы хочь хлеба с чаем съись успею, а у тебя и чайник простыл… Ково бытто делашь?
— Ну дак как! Всё я у тебя никово не делаю… Это у добрых невесок старухам-ту обездéлле, по всему дню картами играют. А на миня уж всю домашнось свалили. Вам чё? Позавтрикали да разбежалися. Я после вас не знаю, за ково вперёд взятца. Хочь пополам разорвись — никаких рук не хватат! И управа на мне, и челядь… По всему дню в беготне: не то што присясь — продохнуть нековды!
—…Ты уж про челядь-ту не заикайся! Счас Лидку видела, возле Платонковых в лыве чупкатца, из грязи пряники стряпат. Одна девчончишка на семерых — и ту обиходить не можешь!

Старуха отмахнулась:
— От грязи не треснет, от чистово не воскреснет!..
— Уж не до большой чистоты, хочь бы нарошно расчесала! Волосишки не то што закло́чились — свалялись в потни́к! Нет бы косоплёткой подобрать, всё поба́шше… Однако во всёй деревне одна наша космачом бегат, какэсь волхи́тка и волхитка…
— Есь ковды мне косоплётки искать! Мне хто ково помогат? Эвон, до обеду в избе ковшика воды нету, а я Гошку с повети сташшить не могу! Весь папа родимай, лень-то вперед нево родилась. Докуль за ремень не взялась, ни за што по воду не пошёл!
— Нады было самово отправить, пушай бы промялся.

Старуха замельтешила, забегала по куте. Подхватила ведро с помоями, выскочила из избы.
— Мамаша, ты куды побежала? Но-ка сказывай, хто чево заспелось. Да не виляй мне!
— Я ково навиляю? Сама знашь: раз уж вчерась зауси́ло, дак ево хто удёржит? Счас ишшо на подамба́рье валятца… Еле-еле душа в теле…

Евдокея бросила чай, выскочила в ограду, направилась к анбару. По путе взялась костерить Семёна:
— Ох ты, весь ты урод ходишь! Последню голову потерял! Пьянчужка ты, боле нихто! Паравич бы тебя разбил! — на ходу повернулась к старухе: — А ты ково ево прячешь?

Старуха и сама за день-то всево ево изругала, а тут жалко сделалось… всё-даки родна кровь. Куды девашь? И невеску жалко… Всё же не утерпела, огрызнулась. Во весь-от голос не стала ругатца, бурчала себе под нос:
— Одичала — наскакиват на старуху! Каждай день ругань, никаково спокою… Одна Дуськя у лешака была, и та нам досталася! Коне-е-ешно, одна я кругом виновата, боле-то хто? А я бытто ково с ним сделаю, раз ему пить охота? Не налеваю вить ему…

Тут она увидела, што невеска сдёрнула с верёвки мокрый рушник. Счас Сеньке попадёт! Змея, глаза бы не выхвостала! Побежала наперерез, сыздале заревела:
— Не машись руками-то да хочь от стыда не реви во всю-то голову, лихоманка большерота… Соберёшь всю деревню…
— Как не заревёшь? Эти пьянчужки уж в печёнках сидят — про́паду на них нету!

Дуня какэсь сама собой не владела (убила бы ево, паразита!), добежала до анбару. Обопну́лась. Семён спал как ни в чём не бывало. Ноги до обоцины в грязе… Голова вся в куричьих перьях, свесилась до земли… Лежит недвижимо — никово не слышит. Другово места не нашёл!

Время от времени на Семёна садился паут, он здрагивал всем телом, приподымал голову и запевал:
— По долинам и по взго-о-орьям… шла дивизия вперё-о-од…

Дале песня никак не шла. Голова падала обратно.

Дуня не помнила, как заползла на повети. Упала на сено. Заревела в голос…

Старуха ишшо маленькя поворчала:
— Гляди-ка на неё — сколь воли-то взяла! В девках така смирна да пословна была… Мы вить не поглядели, што ихна-то семья нехто ничаво, голь перекатна! Приняли её… А счас?! Треплюсь на них — ни выходных, ни проходных, а всё в до́бры попась не могу…

Дуня скрозь слёзы проклинала всё на свете:
— Это што за проклята жись?! Все жилы вытянула! Ни днём, ни ноччю спокою нету… В колхозе навало́хаюсь, не знаю, как до дому доползти… А тут тоже вся работа стоит. Старуха-то не семижильна, наработалась на своём веку. Худо-бедно челядь настует да ковды ужну соберёт. А без неё — хочь в петлю лезь! С екой семьёй не присядешь — управа,

огородишко… сор в избе разгрести… Меньши стоскну́тца об мамке, облепят, умом-ту бытто пособить ладятца… Из них каки помошники? То чипу́шек в огород запустят, то поросят загонят… Какэсь из мо́чи с нимя выду… Да это хто чево? Неуж нету мне никаково счастья-то? Оно где заблудилося? Стало быть, на роду написано горе мыкать… Семён, бестыжа рожа, наделал ребят целу армию, а счас одичал с вином! Все ись-пить просят, а ему горя мало!.. Друга́ бы уж давно выгнала эково кормильца… А я-то ево почево держу? Сама на себя дивлюсь… Да нет… Не шибко и дивлюсь… Напрохо́т думаю: присушил он меня ли, ково ли?! Вот мря об нём умираю! Никово ба́шше ево на свете нету! Однем глазом поглядит — у меня какэсь ноги отымаютца! И никово мне боле не нады!.. Ну попиват он… Хто нонче не пьёт? Правда, все по-разному пьют… Это да. Эвон возьми Шурку Червянсково — напиватца раз в году. Дак он за этот один раз бедну Дашку вы́гадит и вы́страмит по-всякому! Нет, ему этово ишшо мало! Хто попадёт под руку — топор дак топор, лопата дак лопата — с этим и гоня́т её по всёй деревне! Это ишшо дивья, што Дашка на ногу лёгка. А то вить доведись ему хочь раз догнать — убил бы! А мой-от, Христос с ним, напьётца и спит. Што телёнок. Сроду худово слова не сказал. Не матери, не мне, не ребятам… И оне об нём с ума сходят. Нет уж! Два года терпела это вино, ишшо потерплю. Не век же пить будет!

Ну, раз уж надумала терпеть, слёзы высохли… Маленько посклыктывала… Да и задремала…

«Ой-ой, мамы родимы! Отлежала руку-ту во сне, висит как плеть! Вот дак изработалась я сёдни… Сколь стыда-то! Ишшо я худо живу?!.. И поспала-то недолго, с полчасика если… А бытто вся жись переменилась! Голова просветлела. Да я с чево худо-то живу?! Избу нову поставили. Полну ребят нарожали. Чево, што не каждай день умыть их успеваю? Не нами сказано: толше грязи — шире рожа. Вырастут, сами обмоютца… На работе без меня никово сделать не могут. Уважают. Мужик пьянай валятца? Да и лешай с ним! Хочь не валяйся! Зато не мешат никово делать, под ногами не путатца. Деньги не учитыват. Сама себе хозяйка! Дефки-и-и!!! Дак кака у меня жись-то хороша! Красота-то кака́ кругом! Корова эвон ревмя ревёт — дождатца не может, ковды ей сена брошу да доить сяду… Ребята на крылечке тоже реветь надцелись, ись отошша́ли. Ждут, штоб сопли вытерла да ужной накормила… Не забыть бы опосле мамаше на ночь крыльца намазать — жаловалась утресь: мол, разламыват… А давеча гляжу, идёт по ограде, вроде ково-то на леву ногу стала припадать… Коленки тоже нады будет натереть. Года-то немаленьки, не худо пристаёт… Не я, дак хто её пожалет? Семёна окинуть не помешало бы — околет да, не дай Бох, захворат… А здоровенькай-то проспитца, ишшо ково-нибудь родим. Не остарели. Потеряли меня все… А я, бестыжа рожа, в сене разлёживаюся! Нады сползать с поветей-то… Ну?! Да как што я не счастлива?! Ково ишшо этим бабам нады?!»

Засоня

Елена прибежала с работы, живо управилась со скотом, процедила молочишко… Потом растопила плиту. Сунула с краю жаровню с жарки́м да чайник — пушшай подогреватца к ужне. Сама попутно бегала по избе, подбиралась. Заглянула за полог — на койке посапывала Александра. Ковды успела уснуть?

— Шурка, ставай, хватит спать! Ой, ради Христа, ты в ково ека-то ленива? Вить сыпом спишь. Тибе скоро тридцать годов, а ты никуды не годна — ни квашню завести, ни похлёбку сварить… Спать даки можешь хоть сколь!

Шурка вытянулась на кровате… Позевнула… Отвернулась ко стене:

— Сама не спишь и никому не дашь… А у меня, можеть, одно щастье — поспать вдосталь.

— И куды в тебя толькя воходит? Ставай, говорю! Иди хочь в клуб сходи. Киншика стретила, сказывал, картину нову привезли, индейску.

— Ишшо меня учишь ково-то, а сама и разговаривать-то не умешь по-культурному… Сколь тебе тростить нады: не индейско кино-то, а индийско!

— Ой, лешай на! Опеть забыла! Оне где, эти неруси-то, живут?

Шурка спустила с койки ноги:

— Я почево тебе рассказываю, раз в твоёй голове нихто не дёржитца?! Индийцы, где кино ставят, живут в Индии. А индейцы — те в Америке. В Америке тоже кино ставят, но друго.

— Дак сама и путашь меня! Тут кино, там кино!.. По-добру-то, в Америке мериканцы жить должны… Ну да лешай с нимя! Я ково говорить-то начала? В конторе бригадирова баба пересказывала эту картину, дак сколь народу было — не то што бабы, а и мужики — все слезами умывалися! Ты бы сходила, поглядела да нам бы рассказала…

— Ах-ха, вам нады, дак идите и глядите! Нашли расскашшика!

Иван струхнул, што ему придётца идти в клуб. Он на дух не переносил этих индейцев вместе с ихными кинами и бабьими слезами в придачу. Пушше-то уж из-за этово заступился за Елену:

— Знашь вить, што у матери здоровье слабо! Попереживат об кине, серчишко схватит. Опеть ночь спать не будет… А там и до больницы недолго…

— Вот сколь ума у твоёво народу! Идут в клуб, штоб за свои деньги весь вечер проплакать! Которы дак навзрыд ревут! Ну и почево я туды пойду? Давно не плакала?

— Не доводи до греха, Шурка…

— Но-но, не машись ремнём-то. Ты чё раздухарилась? Из-за кина ли, чё ли? Лешай с вами, схожу, стало быть… Всё равно разбудила…

Шурка ополоснулась у рукомойника и направилась к дверям, на ходу заколола гребёлкой косу. Не глядя, сунула ноги в стары катанки, взялась за теплушку…

— А ты куды в буднишном-ту собирасся? Не ко скоту идёшь. Оболоки́сь половче́. На эвот — вя́занку пухову надень. Жакетка уж третяй год виситца ненадёвана!

Елена достала из яшшика юбку с кофтой, с печи — тёплы боты, сняла с гвоздя жакетку… Стала у дверей:

— Вот ково хошь делай, а в ремýгах не выпушшу! Стыдовишша: все дефки идут в клуб, дак выфрантятца… А ты у нас в ково ека-то? Это уж неоткуль было бы взять, а мы вить с отцом толькя на тебя и тянемся. Полон шкап нарядов, а ты ходишь што анчутка, прости Восподи…

Нет-нет да поддалась напору Шурка. Должно быть, спросоння не отошла… Принарядилася…

Мать вытолкала дефку из избы взашей, докуль та не одумалась да не отказалась идти. Перекрестила её всуго́нь:

— Восподи, бласлови! Можеть, да какой-нить поглядит… И так уж вся родня в глаза тычет: дескать, Шурка-то ваша не с добра в девках засиделась — то ли хворат чем-то, то ли уж порчена! Чё боле-то?! Нам с отцом стыдно людям в глаза глядеть… Восподи, пошли ей жениха! Смирного да здоровово!..

Земля́чки

Евденння направила обед челядятам, собрала их да повела на улицу. Пушшай промнутца. Засиделися в избе.

На лавочке сидела ишшо одна гуляльшица. Евденння подсяла к ней.

— День добрай, суседка! Тоже с челядью выползла ли, ково ли? Давно сидишь?

— Давненькя. Подсобирываюсь уж домой. Им вить хоть сколь — в избу не заташшишь… Из мочи вышла бегать за имя…

— Ты, родима, нездешна? Не ангарска ли? По разговору-ту какэсь бытто оттуль.

— Дак как не ангарска? Всю жись на Ангаре прожили. От Кежем сто километров. На Дворце. Дак ты тоже оттуль ли, чё ли? Вай, мамы родимы, я уж об наших-то до смерти стоскнулася. Тутака с робятами ковды выползу, дак поразговаривать не с кем. Вот и переспрашивают да подсмеиваютца. Дескать, не по-ихному… Не ндравитца имя…

— Не бай, дефка. Оне ково понимают, эти городски-то? Это мы из одной Ангары воду пили — все свои. А ты чья дворецка-то будешь? Я там полно народу-то знавала. Но-ка повернись лицом-ту ко мне! Ва-ай, дак ты не Валентина ли, Дуни Леваняччей внучка? Бытто на Михаила со шшеки-то пошибашь…

— Гляди-ка ты, признала… Я и есь. У тебя обличье-то тоже знакомо. А спомлить некак не могу…

— На Дворце-то мы недолго прожили, однако, года полтора. Ты ишшо небольшенькя была. Потом на Болтурин уехали. Евденння я. Так-ту должна меня помлить, наша-то изба как раз против вашей стояла, окошко в окошко.

— Ва-ай, мамы родимы! Счас вижу, што ты! Ради Христа, сколь годов-ту не видались? Дак ты откуль взялася? Живёшь тут ли, ково ли?

— Не-ет, мы никуды не поехали… Старику-то без рыбалки життя нету. Докуль, говорит, ползаю, никуды не пошевелюсь…

— Опроведать ребят приехала, стало быть?

— Ково боле-то? Самим-то всё нековды… А нонче садик прикрыли на всё лето. Направляют да красят. Деньжонок на нянькю-то неоткуль взять. Как петух жаренай клюнул — живо про мамку спомнили. Не двадни доставали меня суды! Даром што далёко, на своёй легковушке по меня явились, не то што чево…

— А мне девка меньша, Любка, вёснусь поднаумила посидеть с челядью, в садике-то скрозь хворают. Счас, говорит, всех вас с ребятнёй увезём до места. В деревне-то не скоре ли одыбаютца да окрепнут маленькя за лето…

— Н-н-но, а мне Варюша, однако, ишшо в третьем годе сказывала, тебя бытто суды перевезли. О-ой, все, говорит, бабёнки-то иззавидовались… Мы вить эдак-ту сроду не живали: воду не таскать, дрова не колоть… В избе теплотишша, зимой и то напрохот окошки отворяют… По лесницам пешком ползать не нады, лифт ли, хто ли подымат! Уборна в дому!!! Ково ишшо нады? Омманула Варюша-то, стало быть?

Евденння присяла рядом с Валентиной. Поглядела, куды убежали её Женька с Лёнькяй.

— Дак вот, умом-то на готово ладилась уехать… Перву зиму нарадоватца не могла: Маруся с семьёй рядом живут. Уж через день да каждый день оне у меня. Ходили за мной, што за барыней… А к весне стала примечать, как на сонцесходе, всё мне мерешшитца, бытто черёмушкой опахнуло… Кину глаза-то на окошки: кака черёмуха?! Одне тучи и видать… Так и пошло, дале — боле… Вот сделался немил белай свет! На крыльях бы улетела домой! Да всю-то вёсну прохворала… Думаю, с тоски. Поглядели-поглядели на меня — нады везти обратно… Я как услышала, што домой поеду, дак одыбыватца стала…

— Раз избу не продала, ежжай. Ково сделашь? Видать, тебе тут не климатит.

— Климат климатом, а мы вить тоже не вековечны. Хоть сколь бодрись, а Восподь и нас приберёт.

— Каждому свой строк.

— Здоровьишко, дас Бох, наладитца, дак ребят на лето ко мне возить будут… У Татьяны с Катериной молочко со сметанкой буду брать да отпаивать их после городской жисти.

— Ты не одичала ли? За две-то зимы, однако, всех коров сдали! Я тоже подумываю… Чижало держать стало… Из-за одново сена сколь намаесся! Накосить — нанимать нады, привезти — нанимать нады. Молоко-то в копеечку стаёт! Да счас и в сельпе всяково хватат…

Валентина махнула рукой:

— Сельповско-то на молоко несколь не находит… Из ково ево толькя и делают? Я уж на што люблю чай молочком забелить, а с сельповским пить не могу. Ну нету дак нету… Я чё-то не спрошу: твои-то которы тут бегают? Большиньки уж или ишшо нехто?

Евденя показала на своих:

— Каки больши-то? Сама покось: одному пять, другому семь годов. Желуни́цы, один другово башше. Весь-от денёшенек в избе ревишша!.. Наповадились музыку заводить — какэсь хоть уши затыкай!

— И у нас это же место. Несколь играть не умеют, некак не слушаютца… То оне чикотятца да хохочут, то опеть задерутца. Тово и гляди — глаза друг дружке вытычут! Некак мир не берёт! За день-от с нимя наревёсся, к вечеру голова несколь не варит…

— Не бай, дефка! Мои-то ишшо рисовать учатца… Дак уж как краски в руки попали — облеква́сятца с ног до головы, одёжу никакими судьбами отстирать неможно! И стены-то все испятнают! Вот и не знашь, куды с нимя деватца. Тоже не шибко слушаютца…

У Валентины отлегло от сердца. Она-то вся испереживалась об внучатах: в ково выродились еки неуёмны? Из них хто добро-то вырастет? А счас поглядела да послушала — у людей-то несколь не башше… Городской-от народ — не чета деревенским… Все нервенны… Потом пораскинешь мозгами-то, дак есколь народишшу да машин — как с ума не сойдёшь?!

— То и есь… На Дворце-то мале́нне: накормила их завтриком да спровадила на улицу — хочь не дичайте оне! А в городе-то, лешай ево поведи, однех никуды не выпустишь. Всё караулить нады. А их хто укараулит? По земле несколь не ходят, им по вершинам скакать нады… Не успем вытти, возьмутца прятатца от меня. А я их где найду, ковды я на лавке сижу под дверью и с места пошевелитца боюсь?! Дома-то Христовы — все на одно лицо. Я где потом, у лешака фатеру-то свою искать буду?

Евденя тоже из мо́чи вышла с непривычки:

— Не бай! Машин-то, мамы родимы, однако, со всево свету навезли! Одна за одной зад-перёд снуют, успевай гляди, как бы мои облезьяны на дорогу не выскочили да под колёсья не попали… А оне нарочи́ бегают, пужают меня. Дак я за всю жись естоль седых волос не нажила, сколь за эту неделю… Гляди-гляди, ково вытворят! На берёзе сидит, да ишшо и кобенитца, сволота! Заревела ему: «Лёнькя, всё отцу обскажу! Пушшай в угол ставит!» Лёнькя выпялил язык и перелез на другу ветку. Нарочи перелез, штобы баушка бадогом не достала.

— Мне бы с нимя дома-то как не легче, ково и говорить… Дак зять некак не отпускат: дескать, вы их за лето исповадите, не знам потом, ково с имя делать, — какэсь што дики приежжают! А большому-то нонче в школу идти. Как ево поведёшь, раз он никаково запрету не понимат?

— Едак-едак… У нас это же место… Старик-от живой был, дак слова против сказать не давал. Оне у нево с шеи не сползали. Один на нём верхом сидит, другой за коленки имат, шагнуть не даёт. Дедушка ишшо думат на мотоцикле ехать — оне уж обои напереде сидят! Раз гляжу — причаливают на моторке: старик в носу сидит, а эти желуницы двоём правят. Думай-ка! А как на бревно наскочат?! Я старика-то всево изругала… Не одичал ли? Долго ли перевернуться-то? Сам сжа́батца и ребят утопит!

— Я своёво-то старика толькя што не бью, а с нево как с гуся вода — знат похохатыват… не башше челяди!

— Дак опеть старики-то и учат их всякому мужичьему делу. За каку бы работу он ни взялся, оне уж тут как тут. И молотком стукают, и ножовкой пилят. Дедушкины помощники…

— Едак-едак. В городах-ту их хто учить будет? Отцов толькя за столом и видят. Вот и дичают!

Валентина заозиралась. Петька с прутом бегал за каким-то парнишкой, а меньшой из виду пропал. Куды успел деватца?! Она было собралась идти искать, да тут Славкина кепка промелькнула на клумбе. Слава Боху, никуды не убежал. Она успокоилась, повернулась к Евденне:

— У нонешной челяди-то никакой буднишной одежонки нету. На улицу в добром бегают. Все рубашонки-то уж до чево марки! А он вишь ково выделыват? В цветках на карачках ползат! Нет бы на качуле покачатца… ни рубаху, ни трусы не знатко! Мать-ту опеть до ночи стиратца будет… — тут баушка бросила глаза на Славкины ноги и обмерла: — Но-ка беги суды скоре! Ты где эдак стегно́-то убил? Всё синим-синё… Ково матери-то скажем?

Евденя успокоила:

— Ково ревёшь? Было бы больно, не ползал бы…

Она подвинулась к Валентине, показала рукой:

— Гляди-ка, эвон под кустом в синих трусишках — мой Женькя. Думашь, ково делат? Бука́р собират да в коробок из-под серя́нок садит. Крадчи собират, штоб я не видела… дома пужать будет. Знат, што я эту страмоту боюсь до смерти… Варнак

не на белай свет! Исхвостала бы ремнём! Задеть нельзя… Ой, мамы родимы! Там не твой на заплоте-то виситца?

Валентина из-под руки пригляделась:

— Чей ишшо туды попадёт, окроме моёво? Ох ты, лихоманка, тебе ково там нады?! Ворота-то полы стоят, а ты почево черезь-ту ползёшь? Вай, тошно мне-ка, однако, завязил ножонку-то, нады выручать!

Валентина подхватила юбку и побежала к парнишке. На бегу доревела:

— Ну, до завтре, стало быть! Побегу имать, докуль не убился, да в избу вести нады. По времю-то уж, однако, ись отошшали…

Варвара Юшманова

Рисует солнце витражи

Фонтан

Каждый день слепой приходил и слушал фонтан.
Плеск воды ему рассказывал о былом.
В перегретом воздухе тенью стоял каштан.
Голубь тихо шуршал крылом.

Струйки воздуха и воды устремлялись ввысь,
На мозаичные частички делили сквер.
Горожане устало мимо него плелись
В духоту таверн.

Ведь пейзаж привычный не был для них новей.
Лишь слепой не видел старых его основ.
И фонтана вид в его сердце и голове
Каждый день был нов.

● ● ●

Мои электрички, работа и институт
Не то чтобы мне наскучили… Временами
Во мне беспощадно высится, как цунами,
Вопрос: а зачем я тут?

И кажется, ни молитвой и ни трудом,
Ни даже стихами мне не прийти к ответу.
И только в любви томящую думу эту
Беспечно могу оставить я на потом.

А эта моя соломинка — на! держись! —
Меня приведёт к ответу и потрясенью.
Я крепко прижмусь к любимому, как к спасенью,
И ночью во мне зачнётся новая жизнь.

● ● ●

Сегодня ласковый Дунай
Суда собрал и приголубил:
Вставай и цепи окунай.
Похоже, в этом водном клубе

И мы. Причалим к берегам,
Пополнив лодок вереницу,
Доверимся своим ногам —
Исходим старую столицу.

Рисует солнце витражи.
Скучают лошади в фиакрах.
Дома стоят, как муляжи,
Пестря афишами театров.

Машин размеренный поток
Трамвайчик жёлтый разрезает.
И встречный ветер мой платок
В окне трамвайчика терзает.

Кричат скворцы наперебой,
Облюбовав родную стену.
И верю я, что мы с тобой
Когда-нибудь вернёмся в Вену.

Ольга Асеева

Необретённый крест

• • •

Ты тоже считаешь, что зима никогда не кончится,
Что навсегда этот лёд и вечная мерзлота,
Что остаётся только у батареи скорчиться,
И насыпать в миску «сухариков» для кота,
И книжку открыть, ну конечно, о дальних странах,
И, пока он, похрустывая, «Вискас» ест,
В перекрестье параллелей и меридианов
Обнаружить свой необретённый доселе крест?
И в нём, как молитва, шёпот чужого прибоя,
Как музыка, чужеземная речь звучит,
И море, и небо—пронзительно голубое,
И к закатному солнцу направлен резной бушприт…
Книга закрыта. Но во сне ты слушаешь волны.
Юго-восточный пассат к ночи ослаб.
А здесь, в этом городе, тёмном, замёрзшем и сонном,
Снится коту голубой тропический краб.

• • •

Фигуры прошлого в памяти—как истуканы,
Как фильм, просмотренный очень давно.
Ты, пожалуйста, не ищи счастья на дне стакана.
На дне стакана находится, как известно, одно лишь дно.
А на дне души, как известно, осколки гнездятся:
Былые мечты и планы под илом тоски,
И старые сны, что уже никогда не приснятся,
И скелеты в шкафу, что рассыпались на позвонки.
Ты, пожалуйста, посиди со мной, отгони виденья.
Всё, что было, то—было неправда и слишком давно…
Но плетутся былого холодные скользкие звенья,
И ночь обнажает бездонное чёрное дно.

• • •

Женщина вечером приходит с работы домой.
Смывает лицо у низкого умывальника.
Кот—угрюмый, неприветливый домовой—
Глядит из угла, как подушка из пододеяльника.
Ужина нет. Да и готовить… смысл?
Вино? Нет. Так недалеко и до запоя.
Кот прошуршал на кухню, сухарей погрыз.
И вновь тишина, которую нарушать не стоит.
Книги всё врут—бессмысленный эскапизм.
А выхода больше и нет. Ничего не осталось.
Кот-арестант с подоконника смотрит на жизнь.
Просто зима. Одиночество. Близкая старость.

Про море

Оно неизменно в твоей и моей судьбе…
Если б море было моим — я б его отдала тебе.
А себе бы оставила камешки на песке,
Потому что так легко их зажать в руке.
А море огромно, и его не обнять никак.
Рассыпаются волны о базальтовых скал костяк,
И солнце бликует в изломах зелёных глыб,
И серебряным роем плывут косяки рыб,
И идут корабли в вечерний туманный дым.
Я бы море тебе отдала, будь оно моим.
Потому что для тебя оно — не одна вода.
А себе бы тебя оставила. Навсегда.

• • •

Собрав свою нехитрую поклажу,
Перечеркнёшь квартирное «вчера».
Ты будешь босиком ходить по пляжу
И собирать растопку для костра.
А на песке — канаты мёртвым спрутом,
Буйков рыбацких жёлтые шары,
Ракушки с розоватым перламутром —
Седого моря щедрые дары.
Ах, запах йода от морской капусты!
И можно так бродить до темноты:
Рассматривать рыбёшек и моллюсков
И анемонов щупальца-цветы.
Разжечь костёр, чтоб искры к звёздам мчались!
Сквозь Млечный Путь, в потоке Персеид…
Чтоб волны пели, колыбель качая,
В которой мир новорождённый спит.

• • •

Это как окунуться в прибой,
Слиться с этой могучей глыбой.
А вернётся кто-то другой.
Или просто безмолвной рыбой
Ты уйдёшь в толщу тёмных вод,
Ты забудешь, что есть поверхность,
У тебя будет пять плавников
И двухкамерное сердце.
Ты услышишь могучий зов
Кистепёрых и древних предков,
Тех, что силой своих хребтов
Рыбакам прорывали сетку.
Восставали материки,
Океаны сменялись сушей,
Но на нерест шли косяки,
Но к истокам шли рыбьи души.
Горизонта вильнёт змея —
Неизменная год за годом…
Всё вернув на круги своя,
Мы однажды уйдём под воду.

• • •

«Проклятая зима!» — он выкрикнул в сердцах
И хлопнул дверью низкого жилища.
Ком снега съехал с деревянной крыши.
А он, смахнувши изморозь с лица,
Вновь взял лопату и взглянул на двор —
Двор белый, как халат у санитара,
И чёрный после прошлого пожара
Нетрезво завалившийся забор.
Мело еженедельно. К четвергу.
И пятницу, и даже часть субботы.
Что после было — на два дня работы.
Но обещали новую пургу
Синоптики. Вот черти! Кутерьма
Такая не иначе до апреля.
Заладили! Которую неделю?!
Ать ёжкин кот, проклятая зима!
…Отрыл сарай, набрал ведро угля,
Развёл огонь, откупорил заначку…
Чёрт, сигарет осталось меньше пачки!
А завтра вклеит «дцать» ниже нуля…
Ведь здесь недолго и сойти с ума,
В безумье провалиться, как в сугробы,
И там остаться, в снеговой утробе…
Проклятая, проклятая зима…

• • •

С возвышенья пляж — как на ладони,
Скалы по краям — как часовые.
По песку неспешно бродят кони —
Рыжие, соловые, гнедые.
Им солёный ветер треплет гривы,
В ноздри ударяет запах йода.
Кони спят на полосе отлива
Или пробуют копытом воду.
Вечереет. На ресницах рыжих
Оседают капельки тумана.
Кони к берегу подходят ближе
И вдыхают запах океана.
Рыбаки закидывают сети,
В устье косяком идёт горбуша.
Кони нюхают солёный ветер,
Фыркают и прижимают уши.
Вдалеке на отмели — тюлени,
Спящих, море их слегка качает.
Свет вечерний. Вырастают тени
Рыбаков, коней, примолкших чаек…
В позолоте океан и небо!
Но закат торжественен и краток.
Рыбаки сворачивают невод,
Кони возвращаются в распадок.

Григорий Горнов

Мы пришли из тёмных коридоров

● ● ●

Из впадин смертных выходя, как Сфинкс,
Не помня о величии потопа,
Тебя я вольной памятью носил
С днепровской дельты и до Конотопа.

И ты, опустошавшая меня,
Дышала чёрным воздухом под гривой.
И видел я метафору огня
В твоей душе иссолоно-пугливой.

Но даже если небо во сто крат
Преобразит качающийся терем,
Я буду только тем лишь виноват,
Что власть свою перебивал смятеньем.

● ● ●

Мы встретились и выбрали маршрут.
И провожал нас хор многоголосный.
Куда теперь нас иноки везут
на чёрной вагонетке восьмиосной?

Стучит земля. И газов выхлопных
за нами поднимаются колечки.
И линии огней береговых
до неба поднимаются от речки.

Пустые баржи в темноте идут,
не оставляя за собою волны.
И, кажется, тот ныне правит тут,
чьи звёзды молчаливы и проворны.

А там, где время продолжает тлеть,
слепая муза что-то прокричала:
Литинститут, затопленный на треть,
вверх дном лежит у ржавчины причала.

● ● ●

Растворяться, конечно, приятно,
Но есть одно но:
Появляются чёрные пятна
При взгляде в окно.

Где-то между стеклом и сетчаткой.
Непонятно в каком
Отдалении. Словно Курчатов
Под потолком.

● ● ●

Тебе одной, поскольку ты одна
и пять районов видишь из окна.
И долго говоришь по телефону
с далёким отражением своим,
которое преобразилось в дым
и поднимает звёзд ночных корону.
Из медных уст изнаночных лучей,
из сложной геометрии ничьей:
горизонтали держат вертикали
и ломятся от слипшихся плодов.
Ты надеваешь кружевной платок,
куда колокола перетекали,
в то время, когда были мы с тобой
оглохшей безъязыкой пустотой,
наполненные сном электролитным.
И прутья звёзд тогда легко вошли
нам в плоть, и пять прожекторов зажглись,
наполнив небо днём миндалевидным.

● ● ●

Здесь вечер полотняных гончаров
И журавлей не дышащая тризна.
Наверно, это лучший из миров,
Рождённых в результате катаклизма.

Там ты стоишь у мраморных колонн,
Как времени звучащая трахея,
И смотришь на раскрытый стадион,
Весь в раскалённых отблесках шалфея.

И кожа неба смята и груба,
И птичья стая солнце раскрошила.
И я лечу, как воздух, сквозь тебя,
Но горла нет у этого кувшина.

● ● ●

Преддождевые погашая сопла,
Уходит небо в чёрный окоём.
Здесь говорить на языке Эзопа
Отлично получается вдвоём.
И ты лежишь, и чай стоит на стуле.
И где-то рядом щёлкает реле.
Но ноября блуждающие струи
Уже не приближаются к земле.

• • •

Если поезд, родная, то, конечно, до Узловой,
Твои кости хотят на север, кровь же поближе к югу.
Причёска вязнет во времени и не поспевает за головой,
В которой детство любви выбирает чулки и юбку.

Но если из дома не выйти, тогда—торшер
Переместится в загробную жизнь на манер ракеты,
И мы встретимся на последнем противоэтаже,
Где звёзды висят, конвекцией тьмы нагреты.

Но если возникнет разряд, то его спасти
Нам удастся, заключив в шар из прозрачной кожи.
Но если ты вдруг ошибёшься, случайно замкнув пути,
Может так случиться, что выживут только кошки.

Ну а если реальность—то, конечно же, твой «Фейсбук»,
Где ты тащишь повозку жизни своей загрудинной лайкой
И говоришь: свет не надо, по́лно, не надо звук.
Не опаздывай, ровно постой, похвали, полайкай.

• • •

Ты хотела быть командиром космического челнока,
Перевозящего на Луну щебень и керамзит.
А теперь вокруг тебя сгущается чернота
И сквозь пальцы белая явь сквозит.

Утренний кофе опоясывает крылья ног.
Пусть мои мечты в твоём догорят быту.
Потому что до того, о чём думаешь, дотянутся мог
Только пик Коммунизма, в двадцатые—Блок в бреду.

Небо над нами—не шахматная доска,
Где с изменяемой стреловидностью—херувим,
И где-то в тумане, на расстоянии решающего броска,—
Мусульманский Нью-Йорк, православный Иерусалим,

А просто немое хранилище всех лампад,
Возжжённых за мёртвых, за полудохлых и за живых.
Ты стоишь перед зеркалом, в котором отражается водопад:
Струи белые, струи чёрные, переплетенья их.

Фугу играл на флейте Луне пастух,
Вызывая повсюду беспорядочные миражи,
Когда ты подходила к окну бессловесно и, плача вслух,
Выжимала над миром ветошь своей души.

• • •

Теряюсь в устах разговора
Над тёмным районом твоим,
Где в слякоти водозабора
Стоит металлический дым.

Местами он ржавый, местами
С вкраплением жил золотых.
Обломанный ветром, краями—
Опасен для тканей живых.

И, весь в застаревших стигматах,
Густым купоросом зарос,—
В овраге гудит трансформатор,
Питая подъёмный насос.

И льётся вода по развязке,
Течёт с Ленинградки на МКАД—
Она не итог этой сказки,
А просто растаявший град.

• • •

Сизокрылый робот разбирает
Аварийный дом в Иокогаме,
Словно арматуру опыляет
Линиеподобными руками.

В нём гудят три тысячи моторов.
Сервопривод щёлкает исправно.
Мы пришли из тёмных коридоров.
Кажется, что, в общем-то, недавно.

Сизокрылый робот заключает
Наши судьбы в алгоритм разбора.
Будто бы в одно соединяет
Нас двоих под сводами собора.

Тысячи кругов однообразных
Робота сменяются овалом.
Мы пришли из коридоров разных—
Тех, куда навеки расставались:
В свой вошла тогда ты безоглядно,
Думая, что входишь в тьму подъезда.

Богоматерь, выйдя из оклада,
Молча возвращается на место.

Владимир Яранцев

Водный мир современной прозы

Необходимое примечание:

Этот обзор можно было назвать и проблемной статьёй, к чему автор изначально не стремился. Стоило, однако, прочесть «первую прозу», (то есть романы и повести, открывающие данный номер) нескольких журналов, как обычный обзор перерос свои рамки. С другой стороны, может быть, так и надо писать о новинках толстых журналов, чтобы избежать рутины и скуки при написании автором и чтении читателями. Об одном можно пожалеть: что пришлось ограничить количество рассматриваемых здесь произведений. Но этому есть оправдание: тема, заявившая о себе в ходе обзора, стала диктовать свои условия, которым пришлось подчиниться. Остаётся надеяться, что это пошло только на пользу предлагаемому ниже тексту.

Проза поэта — субстанция особая, так просто её не разъять на составляющие в лаборатории критика ли, литературоведа. Она «жидкая», потому что должна вникать и проникать во всё, что встречается на её пути. Её не соблазнить «твёрдой» прозой матёрого прозаика, завязанной на сюжет, обязанной держать форму, архитектонику. Ей дороже всепроницаемость, пусть и за счёт «твёрдости» текста. Её не удержишь «решетом» логики, её не перескажешь.

Так что сравнения прозы поэта с водой не избежать. Оно кажется и слишком простым, и банальным, зато законным и всеобъемлющим: вода — основа основ, источник и податель жизни, ибо её естество и загадка — в движении. В статике она — болото, слякоть, грязь. И потому синоним воды — река, ручей, родник. Поэт, пишущий прозу над рекой, у реки, с помощью реки, многократно увеличивает текучесть и проницаемость своего слова. Такая «речная» проза быстра и протеична без натуги, непредсказуема, как изгибы новорождённого потока.

Таким поэтом-прозаиком «над рекой» предстаёт *Игорь Шкляревский* в своей «книге радостей и утешений» *«Золотая блесна» («Знамя», №1, 2016)*. Реальное, бытовое, зримое под его пером неокончательно, им жизненно необходимо преображаться в образ, мысль, мираж, абстракцию, сентенцию, метафору, менять субстанцию, течь в разных направлениях. Хотя, казалось бы, всего-то: трое друзей поехали на рыбалку куда-то на кулички северного края между Мезенью и Архангельском. Они обживают заброшенный дом в бывшей деревне, ловят сёмгу на блесну, переезжая с Сояны на Кереть и далее по маршруту, борются с комарами и непогодой, собирают грибы и впечатления от очередной поклёвки или наскоро приготовленного борща с тушёнкой.

Но весь этот обычный литературный сюжет каждословно размывается «водой» поэтической мысли, существующей как минимум в трёх измерениях: воспоминаний, главным образом детских; вечности философской, литературной, астрономической; в описаниях рыбалки, которая не даёт этому «жидкому» тексту окончательно размыться на островки. Хотя, возможно, это и подразумевается: очарованный всяческой архаикой автор, видимо, бессознательно подражает ей, формируя свою «книгу радостей и утешений» под древние ископаемые тексты, находимые в обрывках, фрагментах, истлевшими или порушенными временем. Не зря сам И. Шкляревский после более половины написанной «книги» наконец-то заметил: она «для прерывистого чтения».

А что он может поделать, если притяжение прошлого, этого материка со своей особой гравитацией, то и дело меняет маршрут его повествования, заставляя идти в противоход, видеть как наяву своё детство? Как «по тёмным улицам обугленного Могилёва убегал из дома на реку», смотрел заворожённо на воду «и радостно её не понимал». А скорее всего, боялся или не хотел понимать, ибо тогда пришлось бы узнать, что это «память о моём отсутствии, неясное воспоминание о миллионах лет, когда я был водой», задумываться о том, что «тонкий запах воды соединял меня с началом жизни» и что вообще всё вокруг вода: «Леса — вода! И яблоки — вода! И облако, и лошади — вода!»

Но автор ей не очень потворствует: аквафильские прозрения и восторги всё-таки не вытесняют магистральной темы охоты на сёмгу и сопутствующих ей детских водно-речных воспоминаний. И. Шкляревскому и его тексту удалось выработать — нащупать, обрести, открыть — такой алгоритм повествования, когда Игорь, Олег и Марухин рыбачат, едят, лежат на траве, говорят, шутят, цитируют и так далее в той же мере, как им являются образы, видения, слова. Прошлое тогда

обгоняет настоящее под аккомпанемент вечности, о которой так живо напоминает мимотекущая вода, как в той песне про речку, которая «движется и не движется».

И это уже не книга автора, для которого вода — вечная отрада, забота и загадка, а аквариум, где всё происходит словно в воде и с точки зрения воды. Каждая мысль, сентенция она или метафора, здесь как бы погружена в воду: «вода и воздух сохранят меня» навечно — «разве видим музыку, запахи» и так далее; «вода — это память о моём отсутствии, когда я был водой»; «все мы — сироты вечности, детдомовцы неба»; «странное дело, прошлое всё время впереди»; «я и есть Бог! Я преломляю свет в диапазоне чуда». В таких нелинейных и нелогичных преломлениях «аквариумного» пространства книги неслучайно и искажение перспективы, когда события магически, «удаляясь, приближаются». Может, это искажение благое, как в древнерусской живописи, ибо события и явления эти — «радости», а автор — их «собиратель». Да и слово «утешение» из того же православно-иконописного словаря. И вряд ли мешают такому идиллическому настрою неправославные имена, значимые для сей негородской книги, как Гомер, Гёте, Дефо с его Робинзоном. Они встроены во всё то же культурное пространство прошлого, его идиллический хронотоп, по М. Бахтину. А у его истоков — «Слово о полку Игореве», которое И. Шкляревский перевёл, заслужив похвалы Д. Лихачёва, как прожил это произведение двенадцатого века и будто до сих пор продолжает в нём жить. Закономерен и характерен поэтому такой вот образ в этой «книге»: «На Сояне есть ручей, напоминающий голос Дмитрия Сергеевича Лихачёва». Тут всё: и вода, и река, и «Слово», и классика с современностью, нераздельность и неслиянность всего, что здесь происходит.

Но порой кажется, что неслиянности, пестроты в «Золотой блесне» больше, чем нераздельности, целостности, что автор перебарщивает с «филологией», книжностью, словесностью, охотно сбиваясь на белый стих, ритмическую прозу. И тогда, для равновесия, он намеренно прибегает к метафорам грубой лепки, вроде: «Все самолёты — эпигоны сёмги!» Ведь радость, утверждает он, «грубое чувство». Отчего начинает казаться, что, может, нет в «книге» той глубины, о которой думаешь в связи с архиархаикой древнего мифа воды, и это просто книга о рыбалке — охоте на древнюю и благородную царь-рыбу сёмгу со всем реализмом этого простого действа: лодки, снасти, наживки, подсечки, осечки, угрозы (герой едва не утонул, не рассчитав время прилива) и заслуженные радости (сочные описания разделки, засолки, поедания оранжевой плоти со всеми ароматами и слюнками). Немедленно вспоминается тут соответствующий жанр отечественной прозы, в первую очередь Виктор Астафьев — не зря к книге написал восторженное послесловие его многолетний друг, критик и соратник по рыбалке Валентин Курбатов.

Но ещё ближе «Золотой блесне» собственное творчество И. Шкляревского, его книга с красноречивым названием «*Глаза воды*» 1989 года издания. Книга эта сугубо поэтическая и абсолютно «земная», «почвенная», несмотря на обилие воды, рек, рыб, рыбалок. Это книга о малой родине поэта, о том, что его вырастило, сформировало, дало зрение, слух, вкус, чувство и чутьё на стихи, ловящие на удочку каждой своей строки всё, что поэту ценно и мило с самого раннего детства. Вот поэма «Летописец реки, или Хроника забытых радостей, весенних бабочек-подёнок, страданий местного значения». Отмечая слова «летописец» и «хроника», значимые для понимания и «Золотой блесны», радуемся самохарактеристике И. Шкляревского: он

заместитель директора синего неба
Министр облаков и дождей!
Главный бухгалтер ворон!
Дирижёр приднепровского майского хора!

В «собирателе радостей» «Золотой блесны», его способе видения мира эти «должностные лица» продолжают жить.

И только возраст и суровый северный край, заставляющие говорить прозой, отмеренной на фрагменты, приглушили эмоции. Да и вода тогда «была молодая», и было кому, кто старше, рассказывать о ней в прозе:

Енисея хрустальную синь
шапкой черпал Астафьев,
и зубы ломила прозрачная сила.

Пил из Немана Быков Василь,
пескарей серебристая стая
от лица отплывала, сверкая.

Это и Борис Олейник, пьющий из Хорола, и Дмитрий Лихачёв — из Ладоги, и Виктор Козько — из Припяти. А самоцитаты, как «язь в золотой кольчуге с красными плавниками, как в „Слове о полку Игореве“» (ср. в новой книге: «Язи и голавли в серебристых кольчугах и красных плавниках, как „Слово о полку Игореве“»), и вовсе говорят о поэтической подоплёке «Золотой блесны», о том, что это, по большому счёту, стихи, книга стихов: текст ведь тут состоит из коротких фрагментов, отделённых друг от друга звёздочками, но намеренно обытовлённых, приземлённых под прозу.

Так Борис Пастернак, великий поэт прозы жизни, писал своего «Доктора Живаго», назвав его романом. И до сих пор все дружно повторяют за автором-мистификатором, столь же дружно признавая полную неудачу как прозы. Но стоит посмотреть на роман как на поэму, и всё изменится. Б. Пастернак ведь и сам для догадливых дал ключ в виде финальных «Стихотворений Юрия

Живаго». Так и И. Шкляревский завершает свою «поэму» стихами о мальчике, который «смотрел на убегающую воду / и радостно её не понимал». Если вы столь же радостно не поняли «беспрерывное струение» этой «Золотой блесны», значит, вы не догадались смотреть на неё как на поэму со «струйками» прозы. Может, лучше печатать это новое произведение И. Шкляревского с примечанием: «См. книгу „Глаза воды“ (М.: Современник, 1989)»?

Но не будем смотреть на это многоструйное произведение только лишь с точки зрения процентного соотношения в ней поэзии и прозы, то есть статистически. Всё дело в воде, которая является личным мифом И. Шкляревского, врождённым свойством его поэтического, художественного зрения. Она-то и размывает критерии, в том числе пространственно-временные. Зато даёт обзор и объём, широту и глубину, заставляет думать о воде реальной и символической как о хранителе и носителе вечности и памяти. А значит, и культуры, без чего даже простая рыбалка перестаёт быть обычным делом.

А вот в романе Валерия Бочкова *«Время воды» («Дружба народов», №12, 2015)* вода—понятие прежде всего метеорологическое: это большая, очень большая вода, потоп, смывающий не только целую прибалтийскую республику, но и угрожающий человеку и цивилизации. Это сила слепая, безымянная, неживая. Так, в центре этого произведения о катастрофическом наводнении оказывается пятидесятилетняя Филимонова, которую эта равнодушная стихия заставила быть героиней, на каковую она ранее никак не тянула. Плывя по течению своей невыдающейся жизни, она думала, что «с годами жизнь должна наполниться смыслом, мудростью; на самом деле всё шло по убывающей и ничего, кроме ненужного, грустного опыта и скуки, под конец не осталось».

И вот нежданная перемена: её утлое существование на волнах разбушевавшейся стихии становится апофеозом, апогеем, итогом её жизни, смысл, мудрость, логика в которой начинают убывать ещё стремительней. К ней, спасшейся на колокольне затонувшего храма и ждущей чуда, приплывает мёртвая лошадь с раздутыми боками, а не спасательный плот. Зато вместо украденных консервов судьба дарит ей плавучий контрабас, на который она, не раздумывая, взгромождается. Этот трагикомизм как символ нелепо сложившейся жизни, за которую, оказывается, надо ещё и бороться (Бог, которого она так безвольно игнорировала, тоже не помогал), далее в романе только нарастает, всё явственнее клонясь к абсурду. «Стая тощих шимпанзе на ветках вяза» и «бревно» плывущего по затопленной Елгаве крокодила—видимо, из затопленного зоопарка—предвещает главные перипетии романа, но и делает его трагифарсом.

Если немого мальчика в лодке, спасшего потерявшую сознание Филимонову, ещё как-то можно объяснить и допустить в остающемся ещё на почве реальности романе, то паром с сумасшедшими кажется галлюцинациями тонущей героини. Вообще, эти главки о буднях психов на пароме под главенством некой Ульрики и её клеврета Кахи, таких же «тронутых» (на самом деле это шизофреничка Наталья Конюхова, доцент кафедры романо-германских языков, жертва маньяка, и бывший геодезист с «биполярным расстройством»), читаются вставной новеллой, рассказом вполне самостоятельным. Автор даже помогает читателю, с помощью спасшегося доктора Гинзбурга указывая на Иеронима Босха и его «Корабль дураков» для объяснения происходящего. Хотя больше В. Бочкову помогает его вторая (или первая?) профессия—художника («более десяти персональных выставок в Европе и США»). Гинзбургу остаётся только всё окончательно разжевать, выводя из сравнения с картиной Босха мораль: «Всё, что смогли, вырубили, выловили, осушили, отравили, заасфальтировали. Заявили: „После нас хоть потоп“. Вот, собственно, и он»,—ставит точку доктор психиатрии в своём диагнозе человечеству.

До точки в романе, однако, ещё далеко. Оказавшуюся в океане Филимонову одолевают воспоминания, а читатель терпеливо ждёт её спасения. Писатель же торопится: после таких перипетий, которые устроил своей общечеловеческой героине, он словно колеблется, как с ней поступить, и в конце концов в финале подаёт ей и нам слабую надежду. Так наступило ли «время воды», и она действительно «всех расставит по своим местам», в чём уверена Ульрика-Наталья? Характерно, что об этом говорит именно она, помешанная на насилии—причине и следствии её болезни. Здравый рассудок, представленный в романе доктором Гинзбургом, говорит, что могут быть варианты наказания человечества: «огонь с небес», «болезнь покаяний, вроде чумы» и другие. Вода, значит, важна только как один из способов самонаказания людей. В своей сути и естестве, глубине и философии, в отличие от «книги» И. Шкляревского, вода в этом романе не ощущается. Она тут риторична и абстрактна, оживить её могли бы только кадры ТВ-новостей об очередных наводнениях. Роман лучше бы назвать «Время Филимоновой», которая всю жизнь не могла «воткнуться» в нужное место, на нужную работу, за нужного мужа выйти замуж, сделав в итоге вывод, что «не сложилось в жизни, и всё тут». А оказалось, что можно бороться и за такую вроде бы ненужную жизнь, и это тот «абсурд», который свыше: «Верую, ибо абсурдно».

Всё это, правда, в романе неявно, приходится додумывать за автора, который философствовать особо не стремится, оставляя свою героиню между

двух полюсов: стремлением скорее умереть, утонуть, «превратиться в воду» или спастись, доплыть до берега, то есть остаться человеком, а не водой. Иными словами: или сдаться, покориться фатуму, стать чем-то косным, или бороться, остаться живой. Можно и ещё короче, крупнее: без Бога или с Богом. Зачастую писатели, особенно постмодернистского замеса, этот промежуток заполняют эксцентрикой, юродством, шутовством — и нет дилеммы. Потому она и Филимонова — с чем-то несерьёзным в фамилии, где слышатся и «филькина грамота», и «фи» с «лимоном». Если мы и преувеличиваем смысл романа, усложняем его, так ведь это вода, настраивающая на философский лад.

У героя повести *Александра Григоренко «Потерял слепой дуду…» («Октябрь», №1, 2016)* Александра Шпигулина как будто тоже несерьёзное прозвище — Шурик. Но трагедия его жизни показана автором уже без всяких скидок на плавающие контрабасы и босховские паромы, заставляющие воспринимать трагедию Филимоновой в каком-то переносном смысле, как бы немного понарошку: появится свет в зале, и актриса, исполняющая роль героини «Времени воды», выйдет, улыбаясь, вместе с другими актёрами на финальный поклон.

Шурик уже точно не выйдет — настолько безвыходно, «безводно» его существование. И не потому, что он с рождения глухонемой, а потому, что страдает врождённой юродивостью доверия к миру. В этом смысле он ещё и «слеп», о чём говорит полюбившаяся ему бабушкина песенка «Потерял слепой дуду». А вот Шурик до последнего своего часа доверия к людям не теряет. Пусть они бросали его без жилья и паспорта гнить с обмороженными ногами на произвол судьбы, скитаясь по злачным местам, слепо идя за помощью к двум мерзавцам, избившим, ограбившим и бросившим его умирать в снегу. Возможна ли такая юродивая доверчивость, блаженная, нерассуждающая доброта, взывающая к потерявшим человеческий облик людям?

А. Григоренко, приводящий своё повествование к такому, может быть, ключевому эпизоду романа, считает, что возможна и даже нужна, необходима. Ибо в самом конце повести его отец, позволивший своей сожительнице ограбить своего брата Константина, лишив его жилья, говорит Константину: «Блаженного загубили». Перенеси автор этот диалог братьев из финала в начало, в пролог к роману, глядишь, эта мысль о кричащей необходимости почти что неуместной, навязываемой, обескураживающей доверчивости, обязывающей быть добрыми, бескорыстными, распахнутыми друг к другу, была бы более очевидной, акцентированной. Иначе же, на наш взгляд, повесть читается как ещё одна биография в мартиролог мучеников всё более ужесточающегося времени и ещё один документ высшему арбитру человечества на Страшный суд.

Так же, как у Филимоновой, у него «не сложилось» с самого начала жизни: потеря жены с ребёнком из-за мнимого алкоголизма, затем работы и жилья — по той же причине, а главное, из равнодушия, зависти, эгоизма его окружающих. Но в романе В. Бочкова выручает вода, наводнение, заставляющее героиню сделать выбор и отстаивать себя. А у А. Григоренко есть только бабушка Валентина и девушка Дина. Обе только дали надежду, ушли из его жизни. Первая обнадёжила песней про слепого, которая в исполнении бабушки оздоровила его детскую глухонемоту, поставив её «где-то на границу мира немых и мира говорящих», и умерла. Вторая дала иллюзию семейной жизни, но, как оказалось, могла воспринимать Шурика только в качестве «плюшевого мишки» своего детства. Стоило ему обморозить ноги, оказаться грязным, больным, вонючим — и сказка закончилась.

Кажется, что можно читать эту страшную историю с негодованием, жалея загубленную жизнь этого почти святого, Алексия, человека Божия нашей эпохи, или даже с любопытством заядлого любителя криминальных историй в ТВ-новостях о бомже, который был когда-то «волшебным мальчиком», с лицом «как в церкви, на иконе», «куклёнком», в котором видели «не будущего работника, а украшение жизни». Но всё-таки нельзя, пусть и не хватает цельного, катарсического впечатления. А так хочется, чтобы повесть трогала до глубины, «до костей», как тронула и потрясла, пишет автор, юного Шурика песня про слепого, потерявшего дуду. А этого нет. Уж слишком ровным кажется тон, неторопливой — манера писателя, порой вдруг насмешливый тон, при столь невесёлом содержании, можно сказать, кощунственный. Шурик, смешно говорящий вместо «т», «р», «л» — «б», «д», «п» («Победял! Депой! Дудудууу!»), сравниваемый с плюшевым медвежонком и куклой-неваляшкой, ходящий в затрапезной, а ля «обезьянья задница», шапке — выглядит уже не сакрально, а забавно благодаря таким штрихам к его портрету. В ту же «корзину» падают и такие отнюдь не мрачные сравнения, как деревянного дома с «засыпающим стариком: всё у него скрипело, дрожало, текло», и чуть ли не шаржевый образ спасителя обмороженного Шурика — Фёдора Ивановича Плакидкина, тщедушного, маленького пенсионера, затаскивающего габаритного Шурика в свою машину-«копейку», робко хлопочущего в больнице, «хоть и прижимистого, но честного до мелочей». Глядишь тогда сквозь эти детали на героя повести уже иначе, пока не замечаешь, что сам он, в общем-то, и не переживает происходящее с ним как трагедию и не задумывается, по большому счёту, над своей жизнью. Раньше его все любили, теперь — никто, вот и всё.

Можно ли тогда относиться иначе к своему герою, как не сдержанно-иронически, как к неудачнику, неудавшемуся блаженному, чей физический

порок превратился в социальный, а он этому не противился и растерял данный ему Богом дар? Впрочем, всё может оказаться куда проще, и этот Шурик Шпигулин мог быть списан автором с реального человека, которого писатель из Дивногорска сделал литературным героем, мало что изменив в его облике. Достаточно вспомнить наших сибирских В. Астафьева или В. Шукшина, бравших своих персонажей прямо из жизни. У таких «чудиков»-самородков плохое и хорошее спутаны в тугой клубок, а обязательная ущербинка в теле или характере только добавляет им живой непридуманности.

Антон Ратников, автор романа *«На районе» («Нева», №1, 2016)*, кажется, тоже знает своих героев не понаслышке, будто живёт рядом с ними на том же «районе». По крайней мере, пишет он о них так легко и непринуждённо, как пишут о хорошо знакомых людях. Но без какой-либо оценки их образа жизни, часто чудовищного. Мы, собственно, и не заметили, как эта безоценочность стала хорошим тоном в литературе, нормой изображения. Всё иное, согласились мы,—публицистика, морализм, советизм—помеха художественности. Достаточно описать, показать, изобразить, и задача выполнена. Но вот неожиданность: подобная художественность почему-то всегда соседствует с иронией и насмешливостью. Всё вдруг предстаёт каким-то несерьёзным или полусерьёзным. Хотя от каждого персонажа и каждой главы о насельниках этого района ждёшь очередной порции криминальных происшествий/приключений из жизни нетрезвых или наркозависимых, какой-нибудь мелкой или большой подлости, в лучшем случае—историй об обманутом доверии, о «лохах», которых привычно весело «разводят».

Всё просто: «мы», то есть жители этого типового района из одинаковых панельных домов, построенных на пустырях, «выросли на осколках старой цивилизации», советской. С её нехитрым наследством: «автобусные остановки», «система опорных пунктов милиции», «трубы теплоэлектростанции, выглядывающие из-за домов», «построенный на средства от коммунистического субботника детский сад» и прочие «комичные» вещи. Потому и ирония, и люди-осколки с их детьми-осколышами, и «чернушные» сюжеты, безысходные жизни, тупиковые судьбы. На обломках ведь живут, без почвы.

И тем не менее—роман. Целый роман о таких вот горемычных людях, вереница глав о местных «чудиках», безобидных или, наоборот, обижающих. Вот Иван-дурачок, ударенный ещё в армии ломом по голове, он любит забраться на дерево и показывать язык или зад. Вот Лис, один из самых прожжённых и неисправимых в своих наклонностях, сводящихся к страсти к мелкому воровству и самодельной «дури». Вот двадцатилетний Зуб, который ходит по двору и ищет, на кого можно «наехать». Есть тут ещё Циклоп, поящий школьников самогонкой и заманивающий их в свою квартиру-берлогу с какими-то низменными целями. А самый удачливый, деловой и искушённый во всяких торговых сделках («комиссионный магазин») носит кличку Шеф, обладая авторитетом в масштабах «районной» шпаны или для просто конченных, таких как Харитонов или Прокофьев, пленников алкоголя.

А. Ратников любит добавить каждому из своих героев чего-нибудь живого, светлого—деталь, штрих, подробность, эпизод. Наверное, чтобы оживить персонаж, сделать его нагляднее, интереснее. Он хочет явно увлечь читателя, вовлечь в карнавальный круг своих героев, пусть и напоминает это игру в «оживим покойничка». Человек-осколок—ведь это приговор, причём пожизненный. Хорошо, например, что Ивана-дурачка на время приводят в норму собаки, которых он любит выгуливать. Есть проблеск надежды в искреннем увлечении Лиса накалыванием тату. Наглый Зуб, не признающий над собой ничьей власти, мгновенно подчиняется материнскому окрику. А Шеф и вовсе может «разомлеть» от любви и «всё простить» своей неверной Светке.

Нет, не слепить все эти человеческие «осколки» в «цивилизацию», старую или новую. Даже если облагородить их сравнением с древними греками, имена которых то и дело вдруг всплывают в романе. А одна главка так и названа: «Аристотель в Ликее»,—о молодом учителе географии, бесславно закончившем своё педагогическое поприще, едва его начав. Слишком уж жалкий вид у этого претендента на Аристотеля, и слишком уж напоминают школьники орду варваров, издеваясь над доходягой. Как издеваются они над своим сверстником Синицыным по кличке Пушкин за его «эксклюзивность»—скрипку, в игре на которой он делает большие успехи. Осмеяны в романе и другие подобные «греки»—«главная по подъезду» Алла Семёновна, чья общественная активность не идёт дальше борьбы с гадящими во дворе собаками, или дядя Вадик, отчаянно цепляющийся за свои автомобиль-«копейку» и гараж, уже обречённые. Не приносят дивидендов и плюсов такие античные намёки, только усугубляют участь этих цивилизованных героев романа. Зато нецивилизованным тут приволье. Вся надежда на юную поросль—школьников Костю и Диму, первый из которых имеет ещё некие сдерживающие начала, инстинктивное чувство добра и справедливости, а второй—личность неординарная, холеричная, но плохо управляемая. И это всё.

Ясно, что А. Ратников не претендует на постановку каких-то фундаментальных проблем, на философичность и поучения. Его задача—просто

показать, дать материал, а желающий может подумать, объяснить, отыскать смысл. Недаром он по профессии «киношник», учившийся на режиссёра и сценариста. Но всё-таки под заголовком поставлено слово «роман», а не «сценарий», а столь фундаментальное слово, овеянное великими именами, всё-таки обязывает. Или всё-таки времена Толстых и Достоевских миновали, и можно ограничиться «картинками» вместо чтения духоподъёмного и смыслопитательного, и в современной жизни просто не осталось того, что способно возбудить тягу к чтению с большой, а не маленькой буквы?

И мы вновь возвращаемся к воде, которая так по-разному тронула И. Шкляревского и В. Бочкова, подвигла их на какие-то большие мысли и образы, всколыхнула осевшую было на дно современного актуального знания и сознания культурную составляющую, без которой нет ни интеллигента, ни писателя. Вода — одна из самых изначальных, глобальных стихий и символов человечества, с которыми связано и его рождение, и гибель, горизонты жизни и творчества, их объём и перспективы, один из главных «материалов» для образного освоения действительности, метафорического, символического, эмблематического. Словом, вода в разных её ипостасях, видах, состояниях, дозах, от океана до капли, — понятие культурное, вошедшее в культуру наряду с другими — земля, огонь, воздух, лес, трава, цветы, поле, степь и многие другие.

И прежде всего вода — имя поэтическое. Первое, что приходит на память, — Борис Пастернак, «световой ливень» его поэзии. И вряд ли после его стихов и прозы могут теперь быть непоэтичны произведения, где вода — одно из действующих лиц. Это мы видели у И. Шкляревского, это видно и у *Дмитрия Бавильского* в его «венецианской повести» *«Разбитое зеркало» («Новый мир», №1, 2016)*. Венеция — второе, что приходит в голову при слове «вода» как слове литературном, культурном. Но организм повести известного прозаика устроен так сложно, что собственно воды, которой так много в романе В. Бочкова, здесь не обнаружим. «Водой» здесь является умственный продукт, субстанция непрерывно изливающегося, крайне протеичного текста. Ближе всего к определению такой прозы было бы слово «эссе», но и оно не передаст всего качества этого «Разбитого зеркала», пересказать содержание которого затруднительно. Всё равно как пытаться удержать воду в решете. Но мы попробуем.

С помощью всё той же Венеции. Ибо само это слово давно уже стало священным символом, знаком высокой культуры, европейской и мировой, задавая и уровень произведений о ней. Как правило, высокоинтеллектуальных, чью планку поднимали до небес своим творчеством Шекспир и Т. Манн, Блок и Пастернак. Словом, обычным травелогом — путевыми записками — потенциальному автору тут не отделаться. Вот и Д. Бавильский на тесной площадке небольшой повести успевает сказать о многом, чуть ли не обо всём, что связано у него с этим магическим словом. Сделать это столь лаконично ему позволяет особый метод «отказов», «запретов», «отрицаний» — система «не»: не буду писать о Венеции как о культурном кладбище, оглядываться на «венецианский текст» мировой литературы, не будет здесь ни публицистики, ни описаний венецианских красот и музеев. Самое главное — не будет сюжета, последовательного, «правильного» рассказывания. Всё это заменяют зигзаги, параболы, синусоиды повествовательной нити, столь тонкой, что удивительно, как она не рвётся, так как автор в момент разрыва переключается на что-нибудь другое, не боясь «боковых ходов».

Он и попадает-то в первый раз в Венецию окольным путём, из Хорватии на катере, «из грязи и темноты, из „бедного невежества былого“ — и сразу в дамки. Сразу в конечную точку и эпилог любых странствий, любых мечтаний». Неудивительно, что героя (так и хочется сказать — лирического) этой спонтанной повести и в самой Венеции тянет на околичности: «нырнуть в любую отходящую вбок уличку за очередным эстетическим (и каким угодно) впечатлением, кардинально изменяя *историю* и *рисунок* своего первого неофициального визита». Заметим, что эта цитата взята автором в скобки — любимый приём Д. Бавильского, который может окольцевать ими и целый большой абзац, и всю главу (тридцатую), словно изымая их из текста. То же самое можно сказать и о сносках-примечаниях, которые автор специально подсчитал и вынес в подзаголовок: «Венецианская повесть в 82-х главах и 12-ти сносках», — и которые тоже словно бы в скобках, мало чем отличаясь от основного текста. И наоборот, рассказ о художнике эпохи Возрождения Учелло, перекормленном сы́ром в монастыре, где он жил и работал, импрессионистические заметки об отношениях Тициана и Тинторетто, пуантилизм вкраплений-ремарок о художниках той же генерации Робусти и Сальвиати, о своей работе в Чердачинском театре драмы и даже спор Жени Лукашина с Ипполитом из «Иронии судьбы…» можно смело ставить в скобки или отправить вниз, в сноски.

Но всё-таки литературная «венециана», в поле которой автор невольно попадает, вынуждает Д. Бавильского к некоей сюжетности, пусть и в неокончательном, зародышевом виде, в стиле черновика. Всё тут, в этом спонтанном микросюжете, зыбко, водянисто. Автор даже имя своему приехавшему на биеннале герою ленится придумать: сначала он Прогрессист и Рыбий Глаз, потом Алистер, заимствованный из сериала «Твин Пикс» вместе с темой пьянства, а потом высаженный

с катера на первый попавшийся из «островов лагуны» Робинзон. А там, как нарочно, живёт его оппонент и случайный сосед по самолётному рейсу в Венецию Консерватор, он же Человек в футляре. Последний пишет фантасмагорическую книгу о перенесении неуклонно затопляемой Венеции в другое место, на сушу, а Прогрессист, мигом упраздняя едва наметившийся сюжет, начинает рассуждать о призрачности Венеции, её ускользании от понимания «пришельцев» и всяческого понимания вообще.

Нет, физически она, конечно, существует, она «охватна». Но побеждает «межеумочность»: Венеция «ни земля, ни море; ни республика, ни олигархия; ни музей, ни курорт; ни для жизни, ни для смерти». Словом, сплошное «не», сплошная апофатика, сказали бы мы, в которой кроется интуиция Бога через то, чем Он не является. А по сути — тоска по полноте знания, целостности и гармонии, той далёкой поре, когда «ничто» превратится во «всё», бессчётное «не» — в бесконечное «да». А пока Венеция мерещится автору в образе не рыбы, как это принято, а зеркала, «некогда единого», а ныне дробящегося на осколки, вследствие чего «реальности больше не существует».

Существует он, этот вопрос реальности, скорее в самом Д. Бавильском, сосредоточенном в своей повести на гносеологии, проблемах сознания и отражения объективной реальности, то есть зеркала. Отсюда и проблема подступов к феномену Венеции, предпочтение окольных, боковых путей — скобок, сносок, «черновиков» сюжета, «точечных» мыслей, персонажей, версий и тому подобного. И то неразличение неполноты и незнания, их спутанность, которая иронично адресована «литературным Пинкертонам», но каковым, однако, сам автор в итоге и предстаёт. Недаром под конец этого глубокомысленного произведения рассказывается случай с экзаменом по философии, когда автобиографический герой, ответив на вопрос о теории познания, как ему казалось, с исчерпывающей полнотой, забыл о В. Ленине и его «теории отражения». И хоть дело было ещё при советской власти с её тошной обязаловкой марксизма-ленинизма, но анекдот этот явно смахивает на притчу о вечной неполноте познания. А это и есть источник всяческого пессимизма и субъективизма в жизни, философии, литературе. Особенно для страдающего синдромом одиночества, которым отмечено всё «Разбитое зеркало», не избежавшее таки контекста литературной «венецианы» с её вечной темой «смерти в Венеции». Городе, куда приезжают умирать то ли от переполненности культурой, то ли от её недостатка.

Роман *Романа Сенчина «Зона затопления»* тоже начинается со смерти, да и весь роман можно было назвать «Зона умирания». И хотя сибирским деревням Пылёво, Большаково и другим и далеко до Венеции, неотвратимая их гибель перерастает проблемы нескольких тысяч выселяемых оттуда жителей. Это проблемы человека, лишаемого не жилья, а души, и всего человечества, всё более забывающего свои истоки, погружающегося в бесчеловечие, в безбожие, бескультурье и прочие «бес»-ы. Впрочем, это, скорее, применимо к Валентину Распутину и его «Прощанию с Матёрой», где тема затопления деревни аккумулирует в себе все темы писателя-«почвенника», его публицистики, главная из которых — разрыв с традицией и торжество безродности, беспутных Петрух-поджигателей. В уста своей главной героини — «матёровки» Дарьи — В. Распутин вкладывает свои заветные мысли, и в то же время от её лица говорит вся деревня, вся память и традиция порушенной, поруганной земли.

У Р. Сенчина таких красноречивых и длинных монологов, составляющих нерв произведения В. Распутина, нет, как нет и таких выдающихся старух. Посвящая свой роман автору «Прощания…», он подражает ему только в теме, хотя и слово «подражает» тут неуместно. Подготовка к пуску Богучанской ГЭС на Енисее и волны переселений людей из зоны грядущего затопления просто-таки взывают к похожему событию тридцатипятилетней давности и его пафосу. Пафос творчества Р. Сенчина, правда, иного рода, отрицательного: это показ мрачных и невзрачных сторон жизни и быта человека с красноречивой бесстрастностью, в ущерб красотам стиля и риторике обличений. Это скорее беспафосность, составляющая контраст с повестью В. Распутина и одновременно её современную «версию», наводя на страшные мысли о сбывающихся пророчествах автора «Прощания…».

В 2011–2012 годах, времени действия «Зоны затопления», всё ещё безысходней, зло ещё сильней и успешней. В распутинские семидесятые ещё были, кроме Дарьи, Богодул, Хозяин острова, Царский листвень, символы нерушимости устоев, способности воскреснуть в таких честно заблуждающихся людях, как внук Дарьи Андрей. В путинско-чубайсовские (см. «похоронный» для будущих «затопленцев» диалог между Толиком и Володей в первой главке романа) двухтысячные и десятые их нет и в помине. Молодого Дмитрия Маслякова, совладельца семейного лесопильного бизнеса, и журналистку Ольгу — самых активных борцов с чиновничьим беспределом — ждёт крах: жестокое избиение первого и непробиваемые стены хранителей «служебной информации» в высоких кабинетах для второй. Смерть — единственный выход из нестерпимой ситуации круговой поруки хозяев «зоны затопления», лучший для тех, кто умер до выселения, как Наталья Привалихина, чем тех, кто медленно умирает после него.

Так, Алексей Брюханов, участвовавший в эксгумации, то есть перезахоронении останков могил пылёвского кладбища, заражается какой-то неизлечимой болезнью, гниёт заживо. Александр Ткачук, бывший глава поссовета деревни, «счастливее», умирая сразу после этой тягостной экзекуции. Умирает и гибнет здесь всё, что попало в эту «зону»: рушатся и горят дома, налаженное хозяйство — сады, огороды, скот, распадаются семьи. Особенно в новых городских квартирах, словно чума затопления вышла за границы предназначенной его организаторами зоны, расползаясь на всё новые и новые. Можно было бы, пожалуй, дописать произведение, закончив его эпизодами возмездия, о том, как стихия, вызванная искусственно, ради неких «имиджевых» целей мнимого развития края и страны в целом (см. первую главу), настигает самих организаторов. И вода, символ прежде всего жизни и высшего её проявления — культуры и искусства (Венеция), тут ни при чём. Их должна настигнуть волна насилия, чьим инструментом вода и стала: мотив насильного выселения людей с их земли разными путями — обманом, лазейками в законах, крючкотворством, вплоть до зловещих «санитарных бригад» из отпетых уголовников, по сути — и не людей уже, становится лейтмотивом. А «зона затопления», она же «зона умирания», превращается в ад, место пыток, мучений физических и нравственных.

Но и в этой беспросветности, атмосфере обречённости как минимум на серое, безысходное состояние жизнь тем не менее продолжается, теплится, идёт. Пусть и не вопреки, но как-то параллельно «основному курсу», под гнётом, но сохраняя все признаки жизни. Характерен в этом смысле диалог односельчан из второй главы, вырывших могилу для Привалихиной, о питающих сосну корнях. Один говорит, что корни у неё слишком слабы, чтобы брать питание из глубины, а другой, дядя Витя, объясняет: «Там есть внизу, под стволом… такой — треугольником… От него тонкие корешки навроде жил. И вот они глубоко уходят. Поэтому сосны любят на песке расти — тепло, а корни из глубины». Так и эти «затопленцы» (или «утопленники», как их иногда называют) всё же выживут везде, на «песке» любых обстоятельств, минуя все беды, пуская корешки-жилы, словно от того распутинского лиственя. Живут, продолжают жить на страницах романа, деля уныние пополам с надеждой, эти люди с простыми именами: Женя Глухих, Дмитрий Привалихин, Ульяна Павловна, Володя Крикау, Валентина Логинова, Юрий и Татьяна Масляковы, Виталька Синицын и ещё десятки и сотни большаковцев, пылёвцев и так далее. Это одна семья говорящих на одном языке затопленных земель — единственное, что нельзя затопить и что оживляет роман, обнадёживает, спасает от окончательного затопления. В конце произведения даже дан «Словарик» «затопленцев», меняя жанр романа-катастрофы на жанр романа-вече, народного романа.

Как ни странно, но этот скромный «Словарик» словно говорит, что до подлинного финала тут ещё далеко, несмотря на финальные «щупальца» струек воды, заливающей новое кладбище эксгумированных останков. Дети и внуки переселенцев ещё скажут своё слово, вернув реки в их привычные русла, а воде — её природное назначение: служить людям, а не «Толикам», не «системе», питать культуру, рождая новые образы и метафоры, а не апокалипсисы, большие и малые.

«Вода» же романа Р. Сенчина три года разливалась по страницам толстых литературных журналов. Пять глав из десяти были опубликованы в *«Дружбе народов»*, *«Новом мире»* и *«Октябре» с 2013 по 2015 год*. Главы эти напоминают самостоятельные рассказы-новеллы, напрашиваясь на очередное «водное» сравнение с речками-ручейками, слившимися в итоге в один водоём, водохранилище книги. При этом возможен обратный ход — возможность выделить при желании фрагмент, чтобы через частное увидеть общее. Через трагедию смерти Натальи Привалихиной, которую приходится хоронить в «чужой» земле, увидеть трагедию дотла разорённой земли (глава «В чужую землю»). А через события одних суток жизни срочно покидающей свой родной дом Ирины Викторовны увидеть способность обжить, обиходить, освятить любой уголок земли в любых обстоятельствах так же обстоятельно и умело, как покинуть насиженное место. Курица Чернушка, забираемая ею вопреки здравому смыслу с собой в город — верная примета такой живучести, как кошка, которую, по примете, пускают в новое жильё (глава «Чернушка»).

И, наконец, ещё один симптом, общий для всех рассматриваемых здесь произведений. Это желание, какой-то всё более распространяющийся ныне в прозе навык или привычка писать фрагментами, вполне самодостаточными, складывая из них тексты больших жанров — романа и повести. Следствие ли это «клипового» сознания нынешней дискретной эпохи или особой разновидности пристально-вдумчивого взгляда в быт и бытие, поделив их на «секторы»? Вода, особенно в самых её больших количествах и объёмах — океанах, представляется неделимой, слитной массой, хотя и без пополняющих их ручейков, родников, рек, дождей и ливней они не были бы такими грандиозными. Так и подобная проза: выглядит то множеством рек и ручьёв, то сразу океаном, если в ней затронуты действительно «океанические», глобальные проблемы.

Это двойное, двойственное существование — тоже, возможно, «водного» происхождения. Ибо

угроза нового всемирного потопа, подогреваемая метеорологическими катаклизмами по всей планете, транслируемыми всеми возможными СМИ, сознательно или бессознательно, отражается и на литературе, писателях. Пишут ли они о семчужной рыбалке или о прибалтийском наводнении, о глухонемом, уносимом рекой жизни к океану жизни вечной, или о жителях микрорайона, прозябающих на болоте своего «районного» существования, или о сплошь водяной Венеции во всех измерениях её многомерной жизни, или об уходящей под нездоровую воду Атлантиде старого уклада жизни, единственно разумного и нужного для человека, но не подходящего новому течению жизни, где правят иные, тёмные силы.

Но на то он и писатель, на то и литература вообще, чтобы останавливать мгновения, этот всё быстрее и полноводнее мчащийся поток жизни, осмыслить его и по капелькам, и с высоты гигантского маяка, в чём-то уподобившись им. Не позволяя ей, однако, ни застаиваться в болота, ни разливаться в искусственные «моря» большой неприкаянной воды. В этом искусстве, как мы видели, каждый автор единственен и неповторим в своих достоинствах и недостатках. Главное, чтобы творчество не иссякало, подпитываясь влагой жизни её стихий. И в этом его мудрость.

Д*и*Н пародия

Евгений Степанов

Путь у поэтов тернист

Читатель

Поэты вручают друг другу премии,
Потом гурьбою идут на фуршет…
Есть южное море, есть ветер времени,
небо есть,
а читателей нет…
Кирилл Ковальджи

Суть времени стала другою едва ли.
И путь у поэтов, как прежде, тернист.
Но раньше поэтов хотя бы читали.
Теперь же читатель один — пародист.

Три поэта

Цветная фотография хранится
В поношенном портфеле, а на ней:
Толпа, фойе, и около буфета
Стоим, обнявшись, будто бы родня,
Один актёр и сразу три поэта:
Слепых, Панкратов, Евтушенко, я.
Аркадий Пресман

А жизнь воспоминанием согрета.
Душевна фотография сия.
Здесь сразу три талантливых поэта:
Высоцкий, Евтушенко, я.

Возможно, неизвестен я кому-то,
А всё же я большой пиит.
Аркадий Пресман — это очень круто,
Аркадий Пресман будет знаменит!

Здесь

Где сороки трещат демократками
И дворняжки глядят коммунистками.
Дмитрий Курилов

Здесь сороки трещат демократками,
Здесь дворняжки глядят коммунистками.
Здесь медведи не кажутся гадкими,
Хоть известны поступками свинскими.

Здесь чинуши плывут крокодилами,
Здесь, увы, ничего не меняется.
Здесь японцы влекомы Курилами.
Здесь Курилов и пишет, и мается.

Крокодил науки

Так надо ли стремиться на Парнас
Или расчёту сдаться на поруки?
Туда, куда не долетел Пегас,
Вползёт упрямый крокодил науки.
Владимир Костров

Они давно забыли страх и стыд,
Учёные, законченные злюки.
Но никогда поэта не схарчит
Зубастый хищник — крокодил науки.

Учебники — вот ереси оплот,
Учёные доводят нас до краха.
Зато как замечательно поёт
Поэзии божественная птаха!

Владимир Замышляев

Просто женщина и просто мужчина

О романе Александра Астраханцева «Ты, тобою, о тебе»

В Год литературы в России я прочитал немалое количество книг с изображением человеческих ликов в эпоху глобализации. Даже если литературные герои в этих книгах перемещены из начала двадцатого века в двадцать первый, всё равно писатель мыслит их в духе настоящего времени—человек ведь, в сущности, един во все времена. Меняются лишь обстоятельства. Как говорил русский философ Константин Леонтьев: «Всё остаётся, только в иных сочетаниях».

Войны были всегда, есть они и сегодня: политические, социально-экономические, религиозные, расовые, тоталитарные и демократические. Не спасают толерантность и политкорректность. Художественная литература и искусство болеют, как глобальным гриппом, криминальными боями, перманентными конфликтами, безбрачным сексом, разделом собственности и неправым судом. Идут постоянные дискуссии: «Право знать», «Право голоса», «К барьеру» и прочие. Все много говорят—а пророков нет. Глобальное словоизвержение, сжигающее самого говорящего. И—человек, растерянный, подавленный налогами и кредитами, заражённый фобией на полюсах «олигарх» и «нищий», «власть» и «граждане», «Бог» и «сатана», «новый реализм» и «деструкция постмодернизма». Планетарная энтропия чувств.

Каково же было моё удивление, когда я в конце Года литературы России прочитал роман Александра Астраханцева «Ты, тобою, о тебе». Я сразу вспомнил о судьбе «маленького человека» в русской классической литературе. Оказывается, есть личный душевный мир, выразитель и носитель коего пытается отстоять в глобальном содоме право на такую простую и вечную ипостась, как Любовь!

Александр Астраханцев, знаток мировой литературы, берёт эпиграфами к роману высказывания Ибн-Хазма (одиннадцатый век), Фёдора Тютчева и Артура Шопенгауэра. Разрыв во времени между этими именами—восемь столетий, а между первым автором и нами—более девяти веков. Нынешний писатель приводит их высказывания о любви: «Сколько людей в летах омолодилось, сколько безупречных опозорилось…», «и роковое их слиянье, и…поединок роковой», «любовь—это временное сумасшествие». Позор, рок и безумие—вот наше метание, рок-музыка расхристанной души, исповедь без раскаяния.

Роман Александра Астраханцева начинается как былинный сказ: «Жил-был на свете простой человек с простой фамилией: Иванов. И были у него жена и сын». К герою романа и к самому себе писатель относится «не без юмора». Юмор, ирония—тоже характерная черта современной литературы. Сорок лет тому назад и Белла Ахмадулина писала: «Ирония—избранников занятье. Туманна окончательность конца». Однако сарказма в нынешней прозе и в поэзии всё-таки меньше, чем сочувствия; значит, не всё потеряно в мире глобальных катастроф.

С первой страницы романа мы узнаём, что главный его герой—Иванов, филолог, преподаватель высшей школы, и он «зарабатывать не умеет». Характерный и хорошо знакомый нам персонаж—«типический», как писали в классическом литературоведении. И настолько реальный, что я нашёл подтверждение этого «типического персонажа» романа в беседе с Борисом Егоровым, профессором, доктором филологических наук: под завершение Года литературы он встречался с преподавателями и студентами Сибирского федерального университета и на вопрос, нужны ли сегодня филологи, ответил: «Увы, сейчас филология действительно не очень востребована. Страшная вещь: что делать людям, которые оканчивают филфаки?» Но крупный учёный-филолог и успокаивает: «Могут быть самые невероятные варианты». В разные времена возможны разные приоритеты и неожиданная их смена.

Между писателем и учёным всегда есть разница в толковании одного и того же факта. Учёный озабочен «безработицей филолога», а писатель размышляет о социальном измерении Человека, будь то филолог или кто-то другой по профессии. В данном случае писатель избрал «филолога Иванова», чтобы через него показать современные социальные отношения в среде усреднённых интеллигентов, почти и незаметных в общественной жизни. Они фактически не бунтуют, не ходят на демонстрации, не верят в призывы и лозунги, живут и работают тихо, и никакие гражданские подвиги за ними сегодня не числятся.

Почему же писатель выбрал для изображения такого «тихоню»? Нам кажется, что А. Астраханцев преднамеренно взял для художественного воплощения именно вузовского доцента начала двадцать первого века: доцентов в образовательной практике много, следовательно, они составляют социальную общность, и хотя среди них «буйных мало» (по выражению Владимира Высоцкого), они всё же играют определённую роль в российском обществе, обучая нынешнее поколение молодых людей. Можно ли у них-то чему-нибудь учиться? Пример ли вялые доценты для рыночной эпохи?

Как и почему выбирал писатель «усреднённого доцента» в качестве героя романа, мы вряд ли узнаем. Но принимаем его, будучи знакомыми с вузовским сообществом, как узнаваемого, правдиво представленного на страницах текста. Филолог Иванов вполне сравним и с бедным Евгением в «Медном всаднике» Александра Пушкина, и с другими «маленькими людьми» в классической русской литературе, хотя всякое сравнение и хромает, ибо меняются времена и обстоятельства.

Персонаж А. Астраханцева склонен и к интеллектуальной рефлексии, и к спокойному упорству в своих убеждениях. В общем, он не такой уж пустой человек, чтобы его вычеркнуть из списка живых в буднях современности.

На страницах романа высвечивается традиционная судьба героя: семья, любовь, работа, распад семьи, отчаянье, развод, встреча с другой женщиной, воспоминание о пережитом, невольная философия бытия и быта. В это прокрустово ложе укладывается, по сути, жизнь любого человека. Все мы живём, радуемся, горюем и каемся перед вечным забвением.

В чём же смысл романа, и чем он привлекает? Не знаю, согласится ли с нами писатель, но нам кажется, что он сознательно «отрезал» персонажей романа от «глобализма» нынешнего столетья: нет в сочинении бурных общественных событий, нет криминальных перестрелок, нет «выборов власти» и проклятий в её адрес, нет шикарных гламурных вечеров и «встреч с Западом». Но есть простая повседневная жизнь Владимира Ивановича Иванова и его жены Ирины. Это первая часть судьбы. И она заканчивается крахом. Быт убивает любовь, что хорошо известно хотя бы на примере ухода из дома, из семьи Льва Николаевича Толстого.

Уже в начале романа «Ты, тобою, о тебе» завязывается конфликт (в качестве воспоминания о нём):
«— Я не виноват, что мне мало платят.
— Но ты же Вла-ди-мир! — ноюще пропела она.— Ты должен миром владеть, завоёвывать его для меня, а ты!..
— Я не завоеватель.
— Ну почему ты такой размазня?! Почему я должна тащиться на работу по этому холоду, зарабатывать эти паскудные деньги, видеть эти рожи?
— Между прочим, Фауст у Гёте в конце концов пришёл к простой мысли: главное — наполнить свою жизнь работой.
— Тьфу, соцреализм какой-то!
— Да, неоригинально — но гениально просто...»

В этом диалоге — два мировидения в отношениях между мужчиной и женщиной: мужчина, став главой семьи, не расстаётся с романтикой молодости и ссылается на авторитет Гёте в семейных делах; женщина же, став женой, всё измеряет бытом, и никто её в этих измерениях не поколеблет, не переубедит — ни Гёте, ни Лев Толстой. И женщина более права, потому что ей замужем нужен земной, всем обеспеченный дом, а не воздушные замки; мужчина же оправдывается перед женщиной «владением всей Вселенной», даже поёт: «Всю-то я Вселенную проехал, нигде милой не нашёл». Он мыслит космическими идеалами, а она — кровно земными.

Роман «Ты, тобою, о тебе» посвящён (осмелюсь так думать) исследованию отношений просто женщины и просто мужчины. Они не великие, а обыкновенные люди, и, как в капле воды, в жизни двуполой пары отражается весь мир. И это самое трудное во всяком искусстве: дать портрет одного лица — и рассказать через него обо всём роде человеческом.

Ещё труднее — удержать в многостраничном литературном тексте интерес читателя к обыденным лицам. А. Астраханцев взялся за очень трудную задачу. Он спасает себя и нас наивысшей человеческой ипостасью — Любовью. Не ново? Да. Но вся мировая литература строится на этом поле — на чувственных отношениях между мужчиной и женщиной, в их постели.

Стала ли в романе «Ты, тобою, о тебе» Любовь главным героем? Да, родилась и победила, но странным, конфликтным образом. Роман построен как воспоминание рядового филолога о его нерядовой, по нынешним временам, мужской изнывающей любви. С первой женой Ириной он развёлся без сожаления: «Была без радости любовь, разлука будет без печали». Роковая ошибка! С кем не бывает: «Не сошлись характером, разошлись в идеалах».

Бытовые размолвки в семье приводят к личностной рефлексии: «Да, уехать — ситуация требует пусть маленького, но обновления... Где-то тут черта, за которой лишь быт и физиология, и одиночество вдвоём, самый тягостный вид одиночества. Не довод, что так живут миллионы...» Можно сказать, что «одиночество вдвоём» — это первый шаг к бездне между мужчиной и женщиной. Не скрепляет их отношений даже общее дитя, сын отца Иванова и матери Ирины. Он в романе присутствует какой-то тенью, художественно невыразителен, не силён в желании удержать отца и мать вместе.

«Одиночество вдвоём» и упрёки, упрёки со стороны жены становятся с каждым днём всё тягостнее для филолога Иванова; не спасают отлучки в деревню, где живёт его мать, угнетает и скука однообразной преподавательской работы. В таких обстоятельствах начинает править людьми «его величество случай». Признаемся, что и мы побывали в его объятьях… Владимир Иванович Иванов неожиданно встречает бывшего сокурсника Арнольда на учительском семинаре в Доме молодёжи и свою бывшую ученицу Надю. И пошли они втроём сначала в кафе, потом — в квартирку Арнольда. И возвеселилась пирушка: вино, закуски, гвозди́ки и свечи. Банальная мизансцена в театральном спектакле «Жизнь»! Однако даже всё банальное ведёт в неизвестность, по логике развития «случая».

В хорошем подпитии проводили Арнольд и Владимир весёленькую Надю до дома, вернулись и продолжили приятельскую беседу. Но через некоторое время вернулась к ним и Надя, побитая мужем, «с фонарём под глазом», как говорят в народе.

Надя выпила ещё вина и «почувствовала себя увереннее»:

«— У меня такое настроение, будто я лечу в тартарары! Была бы гитара, так я бы для вас даже спела.

— Так за чем дело? Сейчас возьму у соседа! — вскочил Арнольд».

И читателю становится понятно, что сюжет будет иметь развитие. А далее были и песни, и Надины детские стихи. Потом она навсегда отказывается возвращаться домой и едет ночевать к подруге. Филолог Иванов взялся проводить её. И встречи их продолжились…

При этом давайте обратим внимание на одну метафору, употреблённую писателем. Букет тюльпанов, купленный Владимиром на платформе у электрички и поделённый им напополам с Надей, провожавшей его, превратился в символ чувственного цветения:

«…Вечером в деревне, сидя за рабочим столом, я поглядывал на эти недоразвитые тюльпаны в стеклянной банке и думал: жалко выбрасывать; завянут — так выброшу, и Надежда уйдёт вместе с ними; а пока пусть побудут…

А когда на следующий день вернулся из города снова — распустились!

…Солнце добралось до стола, и всё вместе: цветы, зелёные листья, прозрачная вода в банке, преломивши лучи и рассыпавши по столу с бумагами радужные круги, — наполнило меня ликованием, и всплыло имя: Надежда!»

Так его величество случай подарил филологу Иванову вторую женщину и завязавшуюся крепкую любовь. И началась у них почти весёлая жизнь, встречи с Надиными друзьями Станиславой Донатовной и Борисом Андреевичем. При этом Станислава предлагает Владимиру Иванову:

«— Женитесь!

— Помилуйте, но я женат! И она замужем.

— Да разве это когда-нибудь держало мужчин? Я её мужа знаю: ему нужно, чтобы для него варили, стирали и чтобы ночью что-то лежало рядом. Надежда слишком хороша для него — ей, как бриллианту, нужна оправа…»

В данном случае против быта как бы протестует женщина и толкает мужчину на «романтику». Это женская логика. Она возымела действие: филолог решает развестись с женой Ириной и жениться на Наде, уверовав, что новая «любовь» — может быть, даже навсегда, и отвечает Станиславе: «Знаете, у меня давным-давно не было праздника, и вдруг — праздник!» И будет праздник плоти, и полетит душа, как бабочка, на огонь любви. Надю не удержит и то, что у неё есть дочь, шестилетняя Алёна. Роковая встреча разведёт две семьи и их детей.

На упрёки сестры Татьяны в пасхальные дни (!) Иванов ответит: «Что-то же должно у человека меняться? Это вот и есть ощущение жизни, а иначе — болото; начинаешь или звереть, или болеть».

В пасхальный праздник в семье Павловских Станиславы и Бориса (а Иванов и Надя временно живут у них) в момент закипевшего веселья хозяйка дома увела филолога в ванную и хотела соблазнить, но он устоял. А Борис предложит Наде поменяться женщинами: Надя — ему, Станислава — Владимиру. Вот пасхальное воскресенье для современных интеллигентов! Писатель, об этом написавший, не солгал. Век глобализма предлагает «всеобщую коммуникацию».

В феврале 2016 года на Кубе встретились Патриарх всея Руси Кирилл и Папа Римский Франциск. В подписанной ими Декларации говорится об обеспокоенности кризисом семьи во многих странах: ведь брак в понимании католиков и православных — это «школа любви и верности», это призвание мужчин и женщин к отцовству и материнству.

Роман Александра Астраханцева наводит на аналогию с этой Декларацией двух духовных лидеров в лоне одной Христианской Церкви. Религия, бывшая монополистом в вопросах этики, сегодня не приказывает, а всего лишь просит «Адама и Еву» не вкушать яблоко соблазна в компьютерной цивилизации. Но человек взыскует и рискует. Ему — хочется! «Свобода приходит нагая», — эти слова о такой свободе сказаны в Серебряном веке русской поэзии Велимиром Хлебниковым. Приводит их в своём романе и Александр Астраханцев. Герои его повествования выбирают свободу в отношениях вопреки канонической морали об узах брака: стерпится — слюбится.

Любовь филолога Иванова и новой его избранницы Нади была бы самоутверждением на веки вечные. Но праздник жизни, которому обрадовался герой, оказался, как и все праздники, — краткосрочным. Он и Надя жили в мастерской

художника Коляды, временно уехавшего в другой город, свободными, не связанными узами брака; были поездки с друзьями Павловскими на рыбалку и охоту, в лес за грибами и ягодами. Однако Надя стала намекать на замужество, и в душу героя романа закрадывается рефлексия: «Почему мы не можем быть свободными всегда—ведь мы хотели ими быть?.. Но теперь мне нужно было оправдание брака, я его искал—и нашёл: да, я Тебя настолько люблю, что жертвую собственной свободой ради Твоего чувства защищённости; наша женитьба нужна окружающим—а раз так, получите её, только не троньте мою милую!..» На развод с прежней женой понадобилось «целое лето». Две семьи разошлись, третья пошла на регистрацию брака. Надя «летала, взмахивая руками, как крыльями, или ни с того ни с сего начинала петь, или порывисто обнимала» обретённого по загсу мужа. Праздник, обольстительный праздник! Были приятные хлопоты, свадебное платье Нади, розы ей от мужа (цветы всегда украшают любовь), приглашение друзей к свадебному столу и прочее.

И вот первый философский диалог между друзьями, Владимиром и Ильёй, тоже «преподом», но доктором наук (в отличие от доцента Иванова), прагматиком, скептиком. На удивление Ильи по поводу второго брака Иванова доцент заявляет доктору:

«—Но ведь жизнь, Илья,—такая уникальная вещь…

—Да кой чёрт уникальная!—скривился он.—Уникальной её ещё сделать надо. Вот придёт пора предстать перед Богом—или перед кем там ещё? да хотя бы и перед собой—и отчитаться; что ты предъявишь? Со сколькими бабами переспал? Представляешь бессмысленность ситуации?..»

Можно назвать заявление Ильи циничным, но в нём—тоже правда. Что выше: свобода в любви или свобода в творчестве? Вместе они трудно сочетаются.

И скажет ещё Илья в наставленье другу: «Семья, брат, это труд и терпение». Ну как тут не вспомнить народную поговорку: Бог терпел и нам велел? И прагматик, доктор «всех наук» Илья оказался для доцента Иванова и его новой жены Надежды прорицателем.

Вторая часть романа—о медленном созревании конфликта в устроенном быту их счастливой жизни: в своей квартире, в делах и обычных домашних заботах. Однажды филолог Иванов удивится неправильному произношению Надей некоторых слов и станет сокрушаться: «Я приходил в отчаянье: боже мой, ведь у Тебя высшее гуманитарное образование!.. Как же Ты училась?!»; «то был подспудный страх: что же я буду делать с Тобой всю оставшуюся жизнь, когда нам надоедят болтовня и смех?» Первая желчь при несходстве увлечений, при разных интеллектуальных потенциалах. И «зануда», усреднённый доцент Иванов потерпит крах, несмотря на то что Надя вместе с ним читала много книг, забрасывая порой кухонные заботы.

Филолог Иванов, пользуясь знакомством, устроит жену на должность лаборантки в социологическую лабораторию. Надя с большим рвением принялась за незнакомую прежде работу—социологические опросы и исследования; её успехи отмечены «светилом из Москвы»; ей предложено поступить в аспирантуру.

«В конце концов, у нас будет куча денег, когда я защищусь,—мы сможем тогда много себе позволить»,—убеждает она мужа; он же эти её «фантазии» вышучивает: перспектива иметь «кучу денег» и «кучу платьев» его не увлекает. Однако женщина думает по-другому: философия жизни для неё равна социологии быта.

После поступления Нади в аспирантуру муж-филолог расскажет ей о философии Платона. Поговорят они о Боге и Вселенной, о материализме и марксизме, о «теле и сознании». Аспирантка-жена выслушивает малопонятные рассуждения мужа с недоверием: «О-ох, милый, выучишь ты меня на мою голову!»

Не было бы романа «Ты, тобою, о тебе», если бы обученная социологии Надежда не изменила мужу-филологу. Это и случилось…

Не будем пересказывать историю разрыва филолога Иванова с Надеждой, уже кандидатом наук, увлёкшейся «молодым и красивым» научным сотрудником, влюбившим её в себя в корыстных целях. Читатель сам прочтёт и узнает подробности любовного треугольника, во второй раз ранившего добропорядочного филолога Иванова. Он искал оправдания случившемуся, впадая в морализаторство: «Счастья на все времена, видно, не бывает, и всё всегда смешано с горечью и утратами…» Попытки поучать заблудшего сына, как ему жить, вызвали в сыне насмешку над отцом: дети, оставленные отцом или матерью, всегда несут возмездие—в первую очередь моральное: «Сами жить не умеете, а нас поучаете».

Герой романа снова остаётся одиноким, теперь уже в крохотной холостяцкой квартирке. Тут его навещает его друг, Илья-скептик. Выпили они и откровенно, по-мужски заговорили о женщинах. Илья при этом вспоминает притчу: «В древних еврейских верованиях считалось, что у женщины нет души, и для вечной жизни спасаются только те из них, кого полюбит мужчина: на этом спасательном круге они переплывают в лучший мир. Так вот, по-моему, у них этот способ спасаться остался до сих пор…»—и высказывает наболевшую в душе скептическую мысль: «Человек, Вова, это существо с очень ограниченными возможностями, и ни образование, ни культура, ни Интернет не помогут ему эти возможности расширить; неужели ты этого не просёк?..»—а Вова сопротивляется доводам

Ильи, пытаясь всё объяснить спасительной любовью. Закончилась же их пьяная беседа согласием на том, что Иванову нужна «новая женщина». Они чокнулись под тост Ильи: «Д-давай в-выпьем за неё — и вперёд!»

Иванов сближается с «дамой с кафедры» Кариной Яковлевной, и через некоторое время они оказываются в её квартире и в её постели. Опять его величество случай или уже некая закономерность? Встреча — любовь — развод, только череда теперь — в обратном направлении, которая становится скучной: оказывается, от перемены мест ничто не меняется…

Через год, уже живя с Кариной, филолог Иванов всё время вспоминает о Надежде, корит себя и спрашивает: «…не выдумал ли я Тебя, в самом деле, и не жил ли я все эти годы с Тобой, придуманной мною?.. Или Ты сама слепила в моём сознании собственный образ, подверстав его под мои вкусы? Вот это загадку задала Ты мне! Кто Ты на самом деле?..»

Всё непонятое нами в жизни мы называем «загадкой», а до «разгадки» не созреваем. Человек разумный не способен объяснить себе себя самого. Обстоятельства сильнее нас, и нет в них никакой логики. Рационализм сочинён разумом, а чувства его разрушают. Чтобы сохранить семью при потере любви, требуется педагогическое насилие, принуждение к сосуществованию. Быть может, к этой методологии склоняет нас и писатель Александр Астраханцев? Во всяком случае, в антиподах-героях, Илье и Владимире Иванове, борются два начала или две противоположности: свобода любви и свобода творчества, домашний быт и Вселенная.

В двадцатом веке в Европе возникла философия экзистенциализма — бесцельности человеческого существования. Нет в бытии ни истины, ни смысла. Жизнь человека абсурдна. Всё течёт, но ничего не изменяется. Банальная схема: родился — жил — умер. И великая любовь — если ещё есть такая — абсурдна, безумна, и заканчивается она разочарованием и скукой. У французского писателя-экзистенциалиста Жана-Поля Сартра есть даже произведение с названием «Тошнота».

А что нам, живущим ныне, предлагает писатель Александр Астраханцев в романе «Ты, тобою, о тебе»? Герой романа с простой фамилией Иванов обращается к любимой женщине на «Ты» — с большой буквы; так пишут верующие имя Бог. Может ли быть земная любовь равной Любви к Богу?

По библейским канонам — ни в коем случае.

В отношениях просто женщины и просто мужчины есть только два варианта: сосуществование без любви («одиночество вдвоём») или страдание по любви в одиночестве. Что считать счастливым браком? Серебряные и золотые юбилеи его? Сказал же один пенсионер на золотом юбилее о том, что желания развестись с женой у него не было, а желание убить было. Значит, и в золоте есть трещина.

Мечты о вечной любви и вечном счастье при воплощении не абсолютны по ценности; они всегда относительны. Поэт (или поэтесса?) Ольга Берггольц рассуждала так: «Ожидание счастья сплошь и рядом сильней, чем само счастье». Лев Николаевич Толстой, познавший все бездны души, наставлял: «Счастье — это поступки, за которые не приходится раскаиваться». А давайте вспомним: с какого эпиграфа начинается роман «Анна Каренина»? Или его же «Крейцерова соната»?

Александр Астраханцев всё же написал роман не о семейном счастье, а о любви вопреки семье. Роман удался именно потому, что не удалась Любовь героя к женщине по имени «Ты». Она в себе и для себя, но — не для простого мужчины. Филолог Иванов совершил единственный мужской поступок, когда не открыл дверь стучавшейся в его квартиру бывшей жене Надежде.

Божественный — и одновременно призрачноложный — образ любви разбился о бытовую деревянную дверь.

Голос женщины за дверью — это голос, обращённый к простым женщинам и простым мужчинам.

Романы пишутся не для назиданий и поучений, а для проверки каждого из нас: мы влюблены — или уже угасли навсегда?

Александр Астраханцев написал «чувственный» роман «про *это*», не покривив душой, показывая, что филолог «не умеет зарабатывать», но умеет любить и продолжает жить убеждённым в Любви. Хорошо бы и нам присоединиться к такому убеждению, к философии смысла, а не абсурда.

Синяя тетрадь

«Если окажусь на распутье…»

Эссе учеников и учителей Жеблахтинской средней школы (Ермаковский район Красноярского края)

Путник шёл по дороге жизни

НИНА НИКОЛАЕВНА УЛЬЧУГАЧЕВА
директор

Есть такая рыба — лосось. Удивительны упорство и сила этих рыб, которые пробиваются вверх по течению через пороги и водопады. И им никто не ставит вешки для облегчения пути. Но самое замечательное то, что каждый лосось плывёт для метания икры в тот самый ручей, в котором когда-то вывелся из икринки сам.

Как бы было хорошо, если бы и человек, как рыба, возвращался испытанным путём в свой отчий дом и начинал весь путь сначала. Да только не бывать тому. Человеческая дорога жизни длинная — порогов и водопадов не счесть. И ты, может статься, никогда не вернёшься «в тот самый ручей, в котором когда-то вывелся из икринки сам».

Однажды, много лет назад, вывела женщина на дорогу жизни косолапую пухленькую девочку в зелёной шляпке и пальтишке-разлетайке. Она вела её в ясли и крепко держала за руку. Иногда девочка не шла, а подпрыгивала впереди мамы. Было радостно, потому что рядом всегда были любящие родители. В субботу, после бани, отец брал в руки баян и играл… Играл вальсы, краковяк, ночку. Маленькая дочка бойко плясала, смеялась и хлопала в ладоши. Зелёная лужайка тянулась для неё изо дня в день вдоль речки: и зимой, и летом, и весной, и осенью по ней легко бежали детские ножки.

А потом на лужайке стали появляться камни. Иногда они прятались в траве, и можно было, запнувшись, просто улететь, но девочка старалась разглядеть их, обойти. Иногда набивала шишки, но поднималась и шла дальше. Самым тяжёлым и опасным камнем была математика. Она трудно давалась путнице и в школе, и в педучилище, но девчонка точно знала, что «дорогу осилит идущий». Отец и мать иногда ставили вешки, чтобы дочка не сбилась с пути. Вместе с вешками они старались наполнить её сердце добром и надеждой. И алые паруса упорно несли её по дороге жизни.

Давно уже нет родителей той девочки. Да и девочка уже седовласая женщина. А дорога под названием «Жизнь» всё вьётся и вьётся. Камни, пороги и водопады нет-нет да встречаются на пути той женщины, но она научилась их преодолевать, научилась идти вперёд и «сторожить в себе Человека».

Иногда она плачет, но только потому, что путь становится всё короче.

ДАНИИЛ ЗАХАРОВ
8 класс

Моя дорога началась с рождения. Я помню из детства только большую собаку и как я забирал у других детей бутылочку с молоком и втихаря выпивал её. За четырнадцать лет своей жизни я прошёл по многим дорогам Красноярского края и жил во многих семьях. Я сирота, но это не мешает мне иметь цель своей жизни. Хотел стать футболистом, певцом, поэтом, путешественником, хоккеистом, директором. А самая большая мечта — стать чемпионом WWE и взять автограф у чемпиона Романа Рейнса. Но этой цели нужно добиться и долго-долго идти по дороге, а кирпичи будут падать на голову (так мне сказала учительница). И всё нет никакой цели. На самом деле я верю в загробную жизнь, иначе как так — прожить до восьмидесяти лет и вдруг умереть? Ради чего? То же самое, как Акакий Акакиевич. Была цель — заменить старую шинель на новую. Добился цели. Но она и ушла в первый же день — шинель украли. Не знаю, по какой дороге приду к своей цели, лишь бы поменьше кирпичей на голову падало.

АЛИНА НОВОТОРЖЕНЦЕВА
9 класс

По биологическому понятию, жизнь — это момент от рождения до смерти. Каждый из нас решает, как идти по дороге жизни, как меньше спотыкаться, как обойти овраги, реки, буреломы. Я не хочу убивать свою жизнь на зарабатывание денег. А некоторые берут от жизни всё, наслаждаясь каждой её минутой. Самое сложное на этом пути — научиться жить среди людей. Сейчас часто убивают люди время на ссоры с близкими, на

выдумывание проблем, не замечая, что счастье рядом. Надо быть просто счастливым, хотя бы потому, что ты живёшь. Многие теперь не живут, а существуют. Чтобы быть богатыми, они идут по дороге жизни, перешагивая через всё. Хочу, чтоб со мной в пути всегда были мои родные, чтобы мне светило солнце и сияло голубое небо.

ДАНИИЛ УЛЬЧУГАЧЕВ
9 класс

Очень часто люди задаются вопросом, что такое жизнь и как выбрать правильный жизненный путь. Всё в жизни зависит от самого человека. Он и добро, и зло. Полагаю, что очень важно понять это в молодости, когда ты ещё можешь выбрать путь, по которому ты пойдёшь, а для того, чтобы выбрать правильный путь, надо очень хорошо думать. У меня есть уже мечта, я пока не раскрою вам секрета, кем хочу стать, но я обещаю сам себе, что приложу максимум усилий, чтобы достичь цели. Жизненный путь—это путь проб и ошибок человека, поиск человеком самого себя. И если окажусь на распутье, буду, как витязь, долго думать, по какому пути идти. Лишь бы не ошибиться.

Моя мечта

ОЛЕГ КОЗЛИТИН
1 класс

Раньше я мечтал стать президентом, потому что его показывают по телевизору. Сейчас я знаю, что у нас есть президент Путин, а я решил стать полицейским. А ещё я мечтаю о маленькой собачке. Она будет жить со мной дома, а я буду играть с ней. У меня дома уже есть кот Тимон. Мы с ним большие друзья. Он любит, когда я катаю его в кузове своей машины. Если мне подарят собачку, у меня будет два друга.

АРИНА ШЕВЧЕНКО
2 класс

Всегда, когда меня мама спрашивала, о чём я мечтаю, я всегда говорила, что очень хочу летать. Но почему-то она сначала долго ничего мне на это не отвечала. Как-то мне мама рассказала, что можно летать во сне. Я закрывала глаза и представляла, что я маленькая фея. Во сне я порхала с цветка на цветок. И бывала там, где только могла вообразить.

Однажды я увидела по телевизору балерин. Они не танцевали, они летали, как прекрасные феи. Я смотрела, не отрываясь, а потом летала вместе с ними. Я решила: стану балериной. Но оказалось, что поблизости нет балетных школ. Тогда мама показала мне выступления акробаток и сказала, что у нас рядом есть спортивная школа. Туда я уже хожу третий год. И чем больше я работаю, тем выше я летаю.

СЕМЁН СТЕПАНЬКО
2 класс

Я ещё маленький и не знаю, что такое мечты. Но я очень хочу пожать руку самому главному в России—президенту Путину. Мы проходили в школе на уроке про него. Он самый главный в нашей стране и всё-всё может. А ещё я хочу домашнего питомца, только папа не очень-то хочет. Дорогой президент Путин, пожалуйста, позвоните моему папе и скажите ему, чтобы он разрешил завести домашнего питомца—котёнка. Вы же всё можете. Спасибо. Буду ждать.

СОНЯ ШИРОКОВА
4 класс

Моя мечта—прокатиться на Пегасе. Нет лучше этой мечты. Вот мечтаю—и всё тут. Вот иду я по полю пшеничному. Жарко. Хорошо бы ветерок. И вдруг подул ветер. Поворачиваюсь, и ко мне навстречу летит Пегас. Да не один, а целых пять. А гривы у них сверкают на солнце водопадом: то розовым, то синим, то зелёным. Один приземлился. Крылья у него золотые, из ноздрей пар столбом валит. Красота! Подхожу и сажусь на него. Он поднимается ввысь, к небу, под облака. Я лечу, лечу! Жаль, но это только мечта.

АНЯ АВЕРСОН
4 класс

Мама мне рассказала, что, когда я была маленькой, я мечтала стать певицей и продавцом. Но я расту, и мечты меняются. Вдруг решила стать ветврачом. Очень хотела лечить животных и птиц. Везде и всегда. А теперь хочу стать археологом. Эти люди ездят в разные страны, делают раскопки в земле и находят старинные вещи. Они узнают много нового о прошлом. Может быть, моя мечта изменится. Я хочу быть человеком, полезным для общества и для нашей страны.

ВИТАЛИЙ КОМКОВ
6 класс

Когда я вырасту, куплю большой земельный участок. Построю гостиницу на четыре этажа, а около гостиницы построю кафе. Мои дети будут всем этим пользоваться, у меня их будет трое, два мальчика и одна девочка. Мальчиков назову Сергей и Александр, в честь моих лучших друзей, а девочку будут звать Викой, как мою первую девушку.

ИРА ЛЕВШИНА
6 класс

У меня есть самая заветная мечта: никогда не уходить из школы. Если вы хотите мне задать вопрос, почему, то я отвечу. Потому что у меня тут первый

учитель. Это Пичугина Наталья Геннадьевна, это Варик Людмила Сергеевна и Ульчугачева Нина Николаевна. Я хочу всегда слышать их голоса. Если бы можно было перенести время назад, я бы снова начала учиться в первом классе.

НАСТЯ ЖУРОВА
7 класс

У меня есть одна сокровенная мечта: чтобы моя мама была всегда счастлива. У многих людей другие мечты: планшет, машина, съездить в путешествие по Европе, а у меня одна — для мамы. Ведь мама — самое дорогое, что может быть на свете, человек, который всегда поддержит, что бы ты ни сделал. Она всегда простит, поймёт, скажет всего четыре крохотных, но главных и важных слова: «Я верю в тебя». Она любит тебя ни за что. Просто за то, что ты есть. Я очень люблю свою маму и мечтаю о том, чтобы она была счастлива и здорова вечно.

ГРИША МААДЫР
7 класс

Я мечтаю, чтобы на всей Земле не было болезней, чтобы люди попросту не умирали и не теряли надежды на спасение. Учёные создают вакцины от болезней, эпидемий из ядов самых опасных хищников, таких как скорпионы, змеи, пауки. На что только люди не идут, чтобы спасти других. Рискуют жизнью, отправляются в дальние страны, и иногда у них всё получается. В Африке уже спасено около двухсот тысяч человек. Лидеры стран тратят миллионы средств на спасение людей, но смерть не щадит никого. Она медленно, но верно тянет человечество на гибель. Только она не знает, на что способно человечество, а мы в нескольких шагах от совершенства. Мы не остановимся, не сдадимся. Я верю, что выход есть. Он всегда есть.

РЕНАТ ШМИДТ
2 класс

Мы растём, и вместе с нами растут желания, стремления и мечты. Кто-то хочет стать врачом, чтобы ежедневно спасать людей. А кто-то хочет просто растить хлеб, чтобы накормить всех голодных. А я мечтаю иметь собственный ресторан. Эта мечта у меня с детства. Я очень люблю сам готовить еду. Мечтаю собирать в своём ресторане всю нашу большую семью. Я верю в себя, верю, что всё у меня получится.

АЛЬБЕРТ ШМИДТ
2 класс

У каждого взрослого или ребёнка есть мечта. Я мечтаю стать врачом, причём хирургом. А может быть, даже иметь свою клинику, чтобы лечить и помогать больным людям. Если человек будет стремиться к своей цели, то его мечта сбудется.

СОНЯ ВАРЮШКИНА
1 класс

Мне дома не с кем играть. Я мечтаю завести маленького беленького щеночка. Назову его Бимкой. Я буду заботиться о нём, кормить, гулять на улице, а потом заводить домой, мыть в ванной и играть до самой ночи. Это будет мой друг номер один.

ЖЕНЯ ЧЕРЕШНЕВ
6 класс

Я мечтаю побывать на море. Хочу, чтобы моя мечта сбылась. Я читаю много книжек про море, морские путешествия и приключения. Если мне выпадет возможность назвать корабль, то я назову его «Шторм». На нём у меня будет небольшая команда. И если мы встретимся с пиратами, то легко дадим им отпор. «Шторм» снесёт мачты вражеского корабля. Абордажная команда возьмёт на абордаж вражескую команду и «отправит их учить рыбий язык». Надеюсь, что моя мечта сбудется. Если это произойдёт, я буду рад.

САША ШМАЙЛОВ
6 класс

Жил-был на свете добрый крестьянин. Он жил в маленьком домике. Однажды он пошёл в лес по грибы и зашёл глубоко в лес. Там стоял домик, а в домике сидел на табуреточке старенький волшебник. Крестьянин рассказал ему про свою мечту, что он хочет жить хорошо. Тогда волшебник ему ответил: «Я помогу тебе, только с одним условием: ты будешь богатым, но ты будешь помогать бедным». Крестьянин сделался богатым, а волшебник ему напомнил, чтобы он не забывал условия. С тех пор крестьянин живёт хорошо, но всегда помогает бедным людям. И они его благодарят.

КИРИЛЛ ШМАЙЛОВ
3 класс

У меня есть заветная мечта. Когда я вырасту, буду лётчиком. Мечтаю летать на большом блестящем самолёте высоко-высоко в голубом небе. Перевозить людей буду из одного города в другой. А ещё грузы перевозить. Мне нравится наблюдать в небе за летящими самолётами. Ещё мне очень хочется посмотреть на землю с большой высоты. Наверное, она очень красивая.

ВОВА ЧЕРЕШНЕВ
3 класс

Моя мечта — это кот, потому что он хороший, и ловит мышей, и ласковый. Но кот бывает капризным. Папа их не любит. А я всё равно буду просить кота. Буду с ним гулять, играть, ухаживать за ним. Назову своего кота Маркиз. Если он залезет на стол, я его возьму за шкирку и брошу на пол. Мы будем лучшими друзьями.

стр. 213
Асеева Ольга
Южно-Сахалинск, 1986 г. р.

Родилась в Южно-Сахалинске. Окончила отделение славянской филологии института филологии СахГУ. Работает корреспондентом радио «105,5». Участница областного литературного объединения «Лира» и I слёта молодых литераторов юга Сахалина. Публиковалась в «Литературной газете», в журналах «День и ночь», «Юность», «Дальний Восток», «Сахалинское образование — XXI век», в литературно-художественном сборнике «Сахалин», в коллективных сборниках «Творчество молодых», «На берегах высоких». Лауреат литературного конкурса Всероссийского фестиваля «Я вхожу в мир искусств». Стипендиат Сахалинского фонда культуры. Автор книги «Братство первых костров».

стр. 63
Астраханцев Александр Иванович
Красноярск, 1938 г. р.

Родился в деревне Белоярка Мошковского района Новосибирской области. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Более 20 лет работал в строительстве в Красноярске. Публиковался в различных журналах и сборниках («Наш современник», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «День и ночь», «Дети Ра» и др.). Автор 10 книг прозы. Последние книги — «Антимужчина» (Москва, «Голос-пресс», 2011), «Портреты. Красноярск, XX век» (Красноярск, «КАСС», 2011), «Ты, тобою, о тебе» (Красноярск, «Литера-Принт», 2015). Член Союза российских писателей. Зам. главного редактора журнала «День и ночь».

стр. 178
Базилевский Андрей Борисович
Москва, 1957 г. р.

Родился в Калуге. Российский филолог и переводчик, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы (ИМЛИ) РАН. В 1979 году окончил славянское отделение филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; в 1985-м — заочную аспирантуру ИМЛИ имени А. М. Горького АН СССР. В 1985 году защитил кандидатскую диссертацию о поэзии Юлиана Тувима, в 2000-м — докторскую о творчестве Станислава Игнация Виткевича и гротеске в польской литературе. В 1979–1987 годах работал в Государственной республиканской юношеской библиотеке РСФСР и Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы. С 1987 года сотрудник ИМЛИ РАН. Автор множества статей и монографий. В его переводах и под его редакцией в России вышло около 30 книг польских писателей, среди них впервые в России опубликовано произведение Ст. Виткевича (1989). В 1991 году открыл в Москве издательство «имени Виткация» «Вахазар», где редактирует «Библиотеку славянских литератур». В 2000 году основал Фонд имени Иосафата Огрызко (Москва), задачей которого является издание произведений литературы славянских стран. За свою деятельность по пропаганде польской литературы отмечен наградами Республики Польша.

стр. 55, 82
Беликов Юрий Александрович
Пермь, 1958 г. р.

Родился в городе Чусовом Пермской области. Поэт, эссеист, публицист. Окончил филологический факультет Пермского госуниверситета. Автор четырёх поэтических книг: «Пульс птицы», «Прости, Леонардо!», «Не такой», «Я скоро из облака выйду». Обладатель Гран-при и звания «Махатма российских поэтов» (всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох», Алтай, 1989), лауреат международного фестиваля театрально-поэтического авангарда «Другие» (2006) и ряда литературных премий — имени Павла Бажова (2008), Алексея Решетова (2013) и общенациональной премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» (2014). В начале 90-х входил в редколлегию журнала «Юность». Основатель трёх поэтических групп: «Времири» (конец 70-х), «Политбюро» (конец 80-х), «Монарх» (конец 90-х). Лидер движения «дикороссов» и составитель книги «Приют неизвестных поэтов» (Москва, 2002). Работал собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором газеты «Труд». Стихи публиковались в журналах «Юность», «Знамя», «День и ночь», «Арион», «Дети Ра», «Флорида» (США), «Зарубежные записки» (Германия), «Киевская Русь» (Украина), «Иерусалимский журнал» (Израиль), в антологиях «Самиздат века», «Современная литература народов России», «Антология русского лиризма. XX век», «Молитвы русских поэтов». Награждён орденом-знаком Велимира «Крест поэта», орденом Достоевского I степени.

стр. 89
Берязев Владимир Алексеевич
Новосибирск, 1959 г. р.

Родился на юге Кузбасса, в шахтёрском городе Прокопьевске. Поэт, эссеист, переводчик, публицист. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Публиковался во многих журналах, альманахах и антологиях России: «Новый мир», «Наш современник», «Москва», «Северная Аврора», «Урал», «Сибирские огни», «Алтай», «Огни Кузбасса», «Дальний Восток», «Сибирь», «Рубеж» и др.

Широко публиковался и вне России: «Зарубежные записки», «Крещатик» (Германия), «Новое русское слово» (Нью-Йорк, США), «Немига» (Минск, Беларусь), «Дикое поле» (Украина), «Простор» и журнал «Аманат» (иностранная литература) в Казахстане, где были опубликованы несколько поэм и роман в стихах. Стихи автора входят в школьную хрестоматию «Шедевры русской поэзии второй половины XX века» (издательство «Внеклассное чтение», 2011). Более шести лет являлся автором писательской радиопрограммы «Слуховое окно» (1993–1999). С 1990 по 1997 год был директором издательства «Мангазея» и составителем одноимённого литературного альманаха. С 1997-го по март 2000 года являлся председателем правления Новосибирской писательской организации, затем более десяти лет — директором и главным редактором журнала «Сибирские огни», а также секретарём правления Союза писателей России. Лауреат многочисленных литературных премий. Член Русского ПЕН-центра. Имеет медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени и «За вклад в развитие Новосибирской области».

стр. 38
Вахто Марина Юрьевна
Москва, 1962 г. р.

Поэт, журналист. Родилась в городе Онега Архангельской области. В 1984 году приехала в Городец, долгое время работала художницей на «промысловой» фабрике и журналистом районной газеты. Автор сборника стихов «Оберег» (2000), книги очерков «Связь времён — связь судеб» (2002), коллективных сборников городецких авторов «Стихотворения» (1997), «Вдохновение» (1999), стихотворных публикаций в журналах «Нижний Новгород», «Роман-журнал XXI век», «Москва», «Студенческий меридиан», «Кириллица». Член Союза писателей России, Союза журналистов России.

стр. 87
Глумов Николай Николаевич
Пермь, 1957 г. р.

Родился в Перми. Поэт. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета. Работал следователем, начальником почтового вагона. После сорока лет, по признанию автора, неожиданно начали приходить поэтические строчки. Когда накопилось десятка три удавшихся стихотворений, автор обратился в Пермскую писательскую организацию. Здесь попал в мастерскую русского стихосложения «Чаша», к поэту Ю. А. Калашникову. Учился у него азам поэтического мастерства. Затем продолжил обучение у поэта и критика В. В. Якушева. Напечатал несколько подборок стихотворений в альманахе «Литературная Пермь». Публиковался в газете «Пермский писатель», в краевом журнале «Мы — земляки». В период с 2006 по 2012 год издал четыре книжки стихов. С 1985 года по настоящее время — рабочий завода «Пермские моторы». Награждён литературным орденом Ф. М. Достоевского III степени. Лауреат премии имени Алексея Решетова (2015) за сборник избранных стихотворений «Пролетарские дворы», изданный в серии «Антология пермской литературы». Член Союза писателей России.

обл.
Горбачёва Наталья Вениаминовна
Дивногорск, 1966 г. р.

Родилась в Новосибирске. Окончила Красноярское художественное училище им. В. И. Сурикова в 1985 году. В 1996 году получила высшее образование в Санкт-Петербургской академии художеств им. И. Е. Репина на отделении искусствоведения. Выставляется с 1998 года. С 2006 года — член Союза художников России. Участница краевых, региональных и зарубежных выставок. Работы Натальи Горбачёвой находятся в собраниях Министерства культуры России, а также в частных коллекциях России и за рубежом. В настоящее время художница преподаёт в Детской художественной школе им. Е. А. Шепелевича.

обл.
Горбачёва Олеся
Дивногорск, 1987 г. р.

Окончила Дивногорскую детскую художественную школу им. Е. А. Шепелевича, а в 2013 году — с отличием Красноярское художественное училище им. В. И. Сурикова. В 2012 году участвовала в губернаторском пленере в п. Шушенское, в этом же году стала лауреатом I степени второго международного конкурса «Душа родины… Родина души» в Санкт-Петербурге. В 2013 году состоялась персональная выставка «Времена года» в залах Дивногорской детской художественной школы им. Е. А. Шепелевича. Член Творческого союза художников России, участник городских коллективных художественных выставок. Работы находятся в частных коллекциях в России, Китае, Северной Корее и Италии. С 2013 года работает в частных и государственных галереях Китайской Народной Республики.

стр. 215
Горнов Григорий Владимирович
Москва, 1989 г. р.

Родился в Москве. Учился в Литературном институте имени А. М. Горького (семинар С. Арутюнова). Публикации в «Литературной газете», в журналах «Студенческий меридиан», «Новая реальность», «День и ночь» и др.

стр. 9
Грек Олесь (Алексей) Григорьевич
Майна, 1936 г. р.

Родился в Запорожье. В Кривом Роге работал подземщиком на шахте, машинистом электровоза и проходчиком. После окончания факультета журналистики Киевского университета приехал

в 1962 году в Красноярский край. В разные годы был автором и составителем сборников «Потомки Ермака». Автор очерков и книг о Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС, в строительстве которых он принимал участие: «Прометеева высота», «Саяногорск-Означенное», «Золотые секунды Саян», «Саянский взлёт. Маршалы СУОС», «Плотины и судьбы» и многие другие. С 1970 по 1979 год возглавлял литературное объединение «Стрежень», с 1979-го — Общество друзей Кубы города Саяногорска; с 2004 года — Общество ветеранов строительства Саяно-Шушенского гидроэнергокомплекса Управления строительства «КрасноярскгэСстрой». Награждён многочисленными государственными и отраслевыми наградами, почётными званиями.

стр. 31

Евсюков Александр Владимирович
Тульская область, 1982 г. р.

Выпускник Литинститута 2007 года (семинар М. П. Лобанова). Успел попробовать себя в целом ряде разнообразных профессий. Работал охранником, грузчиком, журналистом, респондентом, администратором, менеджером по продажам и т. д. Публикации в сборниках в журналах «Бельские просторы», «Звезда Востока», «Приокские зори» и др. Лауреат конкурсов малой прозы имени Андрея Платонова (2011), «Согласование времён» (2012). Организатор ряда литературных и музыкальных мероприятий. Участник семинара критики Совещания молодых писателей при СПМ (2014).

стр. 226

Замышляев Владимир Иванович
Красноярск, 1938 г. р.

Родился в Петрозаводске. Детство провёл в Сусанинском районе Костромской области. По окончании средней школы работал на заводе, служил в армии. Окончил Ленинградский институт культуры. По окончании института приехал в Красноярск. Работал директором краевого Дома народного творчества, в краевом управлении культуры, в краевом совете профсоюзов. В 1978–1983 годах работал директором Красноярского книжного издательства и зам. гл. редактора журнала «Енисей». Окончил Академию общественных наук (Москва). Кандидат философских наук. После академии находился на партийной работе, преподавал в Красноярском институте искусств. С 1991 года — в Сибирском аэрокосмическом университете имени М. Ф. Решетнёва. Автор четырёх поэтических сборников, публицистических книг «Философия выбора» и «Енисей — река свободы», соавтор более 20 коллективных сборников, альманахов поэзии и книг публицистики. Печатался в журналах «Енисей», «Звезда», «День и ночь», «Книжное обозрение» и др. Профессор СибГАУ, заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей и Союза журналистов России, член-корреспондент Академии гуманитарных наук (СПб).

стр. 198

Ильдимирова (Гаврилова) Татьяна
Кемерово, 1981 г. р.

Родилась в Кемерово. Окончила юридический факультет Кемеровского государственного университета. В настоящее время работает юристом в банковской сфере. Публиковалась в журналах «День и ночь», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», электронном журнале «Пролог», а также в сборнике «Новые писатели-2013», выпущенном ФСЭИП по итогам форума молодых писателей в 2012 году. Участница форумов молодых писателей в Липках (2003, 2004, 2006, 2012). В 2007 году участвовала в Совещании молодых писателей в городе Каменске-Уральском. Член Союза писателей России с 2008 года. В 2011 году — лонг-лист премии «Дебют» в номинации «Малая проза» с рассказом «Чужие квартиры», в 2014 году — лонг-лист в этой же номинации с тремя рассказами (под именем Татьяна Гаврилова).

стр. 28

Киляков Василий Васильевич
Электросталь, 1960 г. р.

Родился в Кирове. После окончания Московского политехникума работал мастером на заводе в городе Электросталь, служил в армии. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Печатался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Юность», «Молодая гвардия» и др. Лауреат литературной премии имени Б. Полевого и Всероссийской литературной премии «Традиция». Член Союза писателей России.

стр. 208

Мамаева Альбина Романовна
Красноярск

Родилась на Ангаре, в деревне Дворец Кежемского района Красноярского края. Долгое время работала в Туруханске. Публикуется впервые.

стр. 85

Мелехин Виктор Николаевич
Пермь, 1938 г. р.

Родился в д. Ананькина Юрлинского района, в семье крестьян. После окончания средней школы в Юрле поступает в Пермский горный институт. С отличием заканчивает его и работает инженером в городе Гремячинске Пермской области. Затем аспирантура, с 1965 года — старший научный сотрудник научно-исследовательского сектора кафедры РМПИ института. В последующие годы преподавал на кафедре РМПИ Пермского политехнического института. В 1977 году защищает диссертацию на учёную степень кандидата технических наук, а в 1991 году становится доцентом кафедры РМПИ. В феврале 1998 года вышел на пенсию. Одно из любимых занятий — сбор и коллекционирование камней. Он с увлечением занимается фото- и видеосъёмкой, создаёт фильмы о природе, родном крае, пишет стихи.

Миронов (Лазарев) Вячеслав Николаевич

стр. 96

Красноярск, 1966 г. р.

Родился в Кемерово, в семье военнослужащего. С родителями объездил половину Советского Союза. В 1988 году окончил ВВКУС, в 1992-м — Высшие курсы военной контрразведки МБ РФ, в 2004-м — СибЮИ МВД РФ. В различных должностях принимал участие в некоторых вооружённых конфликтах на территории СССР и РФ. Имеет ранения, награждён орденом Мужества. Лауреат различных литературных премий. Полковник полиции в отставке. Член Союза российских писателей.

Орлов Александр Сергеевич

стр. 23

Москва, 1935 г. р.

Советский и российский историк, автор многочисленных учебников. Специалист по социально-политической истории России XVIII века и истории науки и образования в этот период. Окончил исторический факультет МГУ (1965), в 1971 году защитил кандидатскую диссертацию «Волнения на Урале в 50–60-е гг. XVIII в. и экспедиция князя А. А. Вяземского» (научный руководитель — М. Т. Белявский). С 1968 года работает на историческом факультете. С 1995 года — директор Музея истории МГУ имени М. В. Ломоносова. В Литературном институте читает историю России до XIX века.

Пеньков Владислав

стр. 92

Таллинн, Эстония, 1969 г. р.

Родился во Владивостоке. Сменил несколько мест жительства и работ. Автор книг «Ладонь ангела» (2004), «Гефкер» (2006). Печатался в российской и эстонской периодике. Член Союза российских писателей.

Половникова Инна Алексеевна

стр. 67

Санкт-Петербург, 1934 г. р.

Родилась в Ленинграде. Кандидат геолого-минералогических наук. Правнучатая племянница и биограф Г. В. Юдина. Автор нескольких книг о Г. В. Юдине, в числе которых «Геннадий Васильевич Юдин. Жизнь. Библиотека».

Попцов Олег Максимович

стр. 55

Москва, 1934 г. р.

Родился в Ленинграде. Журналист, писатель, политический деятель, крупный деятель советского и российского телевидения. Окончил Ленинградскую высшую лесотехническую академию с квалификацией «учёный-лесовод» и Высшую партийную школу при ЦК КПСС (1959). Работал помощником лесничего в Красноярском крае. Был секретарём Ленинградского обкома комсомола. Работал в аппарате ЦК ВЛКСМ. Затем работал главным редактором журнала «Сельская молодёжь», позднее — первым заместителем главного редактора газеты «Московские новости». С 1990 года — председатель Всероссийской государственной телерадиокомпании. В том же году был избран народным депутатом России. Был членом комитета Верховного Совета РСФСР по средствам массовой информации, членом депутатской группы «Гласность». С 2000 по 2005 год — генеральный директор ОАО «ТВ Центр» (ТВЦ). Автор нескольких романов, повестей, сказок. Лауреат многочисленных премий.

Прашкевич Геннадий Мартович

стр. 81

Новосибирск, 1941 г. р.

Родился в селе Пировское Красноярского края. Учился в Томском государственном университете. Работал в Институте геологии и геофизики СО АН СССР (Новосибирск), Сахалинском комплексном научно-исследовательском институте СО АН СССР (Южно-Сахалинск), Западно-Сибирском книжном издательстве (Новосибирск). Первая публикация — в 1956 году. Член Союза писателей СССР с 1982 года, Союза писателей России — с 1992 года, Союза журналистов России — с 1974 года, Нью-Йоркского клуба русских писателей — с 1997 года, ПЕН-клуба — с 2002 года. Заслуженный работник культуры РФ (2007). Лауреат многочисленных премий. Редактор издательства «Свиньин и сыновья» (Новосибирск). Занимается переводами с многих языков мира. Книги автора переведены на многие языки и издавались в США, Англии, Германии, Франции, Польше, Болгарии, Югославии, Румынии, Литве, Узбекистане, Казахстане, Украине и других странах. Ряд произведений выходил под псевдонимами. Роман «Пятый сон Веры Павловны» (написанный в соавторстве с Александром Богданом) номинировался на Букеровскую премию (2002).

Рудевич Алексей

стр. 197

Москва, 1985 г. р.

Родился в Иркутске. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Е. Б. Рейна). В настоящее время проживает в Москве, работает шеф-редактором сайта «Русская семёрка». Стихи публиковались в журналах «День поэзии», «Московский литератор»… В 2015 году издал книгу «Перелом» (стихи и проза).

Русаков Эдуард Иванович

стр. 181

Красноярск, 1942 г. р.

Писатель, журналист. Родился в Красноярске. Окончил Красноярский медицинский институт (1966) и Литературный институт им. А. М. Горького (1979). Работал врачом-психиатром (1966–1981), редактором на Красноярской студии документальных фильмов (1981), руководителем литературной студии при красноярском Дворце культуры (1982–1991), корреспондентом газет «Евразия»,

«Вечерний Красноярск» (1991–1998). Печатается как прозаик с 1966 года. Автор нескольких книг прозы. Произведения переводились на азербайджанский, болгарский, венгерский, казахский, немецкий, словенский, финский, французский, японский языки. Член Союза писателей России, Международного ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр, сибирский филиал).

стр. 94

Семенчик Владимир Владимирович

Южно-Сахалинск, 1962 г. р.

Родился в городе Казатине Винницкой области. После окончания факультета журналистики Белорусского государственного университета работал корреспондентом газеты «Советский Сахалин», в дальнейшем — редактором Сахалинского отделения Дальневосточного книжного издательства, директором издательских фирм «Лик» и «Мир цвета», сотрудником пресс-центра мэрии Южно-Сахалинска, редактором газеты «Регион», главным редактором ООО «Тихоокеанское информационное агентство „Острова“». В настоящее время работает директором ОГУП «Издательский дом „Губернские ведомости“». Автор книг «Первое дыхание», «Инкогнито, или Хождение в народ руководителя Тетюкова», «На вольную тему», «Город на колёсах», «Супер-мупер». Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Дальний Восток», «День и ночь», «Юность», «Сахалинское образование — XXI век», в сербском литературном журнале «Свеске» («Тетради»), в коллективных сборниках «Сахалин», альманахе «Рубеж». Член Пен-центра. Лауреат премии Сахалинского фонда культуры. Член Союза писателей России.

стр. 190

Скибинская Ольга Николаевна

Ярославль, 1959 г. р.

Окончила экономический факультет Ярославского государственного университета (1981), Литературный институт имени А. М. Горького (1992). Работала редактором Верхне-Волжского книжного издательства. В журналистике прошла путь от корреспондента областной газеты до редактора представительства «Российской газеты». Кандидат культурологии, доцент кафедры журналистики и издательского дела Ярославского государственного педагогического университета. Руководитель Ярославского центра регионального литературоведения. Автор восьми книг. Член Союза писателей России.

стр. 178

Соберай Томаш

Лодзь, Польша, 1964 г. р.

Родился в Лодзи. Поэт, прозаик, критик, публицист, фотограф. Редактор литературно-художественного ежеквартальника «Литературная критика» (Лодзь). Окончил географический факультет Лодзинского университета (магистр гидрологии и климатологии), курс моделирования геоинформационных систем в Лиссабонском университете. Преподавал географию, работал специалистом статистического управления. Автор многочисленных персональных фотовыставок, в т. ч. «Banal Objects», номинированной на Prix Pictet — The Global Award in Photography and Sustainability (2013). Автор книг «Игра» (2008), «Война цветов (2009), «Дом надзора» (2009), «Общая теория осени» (2010), «Банальные объекты» (2011), «Портной» (2012), «За вратами Земли обетованной» (2013).

стр. 65

Ставер Сергей Петрович

Назарово, 1949–2016

Родился на станции Крутояр Красноярского края. По профессии — художник-оформитель. Автор 14 поэтических сборников. Участник Всероссийских литературных чтений имени В. П. Астафьева. Публиковался в литературных журналах «Енисей», «День и ночь», «Сибирские огни», «Сибирские Афины», альманахах «День российской поэзии», «Новый Енисейский литератор». Был руководителем народного коллектива назаровских литераторов «Эхо Арги». Член Союза российских писателей.

стр. 177, 255

Степанов Евгений Викторович

Москва, 1964 г. р.

Родился в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института (1986) по специальности «Французский и немецкий языки», Университет христианского образования в Женеве (1992), экономический факультет Чувашского государственного университета (2004) по специальности «Финансы и кредит», аспирантуру факультета журналистики МГУ (2004). Кандидат филологических наук. Докторант РГГУ. Поэт, прозаик, литературный критик, издатель, культуролог, экономист. Читал лекции в университетах России, США, Швейцарии, Финляндии, Румынии и многих других стран. Генеральный директор холдинга «Вест-Консалтинг». Издатель — главный редактор журналов «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Зинзивер» (Санкт-Петербург), газет «Литературные известия» и «Поэтоград», интернет-издания «Персона ПЛЮС». Соиздатель и заместитель главного редактора журнала «Крещатик». Почётный гражданин штата Кентукки (США). Лауреат Отметины имени Отца русского футуризма Д. Д. Бурлюка и международного фестиваля «FEED BACK» (Румыния). Как поэт, прозаик, критик, мемуарист, интервьюер печатался в журналах, альманахах и газетах. Автор нескольких книг стихов и прозы, вышедших в России и за рубежом, а также культурологических монографий «Плакаты Госстраха как социокультурное явление» (М., 2003), «Карманные календари Госстраха» (М., 2004), «Социальная реклама в России: генезис, жанры, эволюция» (М., 2006). Переведён

на английский, французский, немецкий, румынский, болгарский, венгерский языки. Президент Союза писателей XXI века, член президиума МГО СП России, Союза писателей Москвы, ПЕН-клуба, правления Союза литераторов России.

стр. 69 **Табунов Александр Павлович**
Амурская область, 1951 г. р.

Родился в селе (бывшей казачьей станице) Поярково Михайловского района Амурской области. Потомственный амурский казак. Первые публикации появились в возрасте 13 лет. В 1965 году был поощрён путёвкой во Всероссийский комсомольский лагерь «Орлёнок»; в школьные годы активно переписывался с редакциями газеты «Пионерская правда», журналов «Пионер» и «Костёр». Работал в районной и областной прессе. В 1982 году занял первое место в облконкурсе молодых журналистов. В 1989 году окончил заочное отделение журфака ДВГУ. Публиковался в альманахах и журналах «Амур», «Рубеж», «День и ночь». Член Союза журналистов СССР с 1976 года.

стр. 27 **Тамбовцев Дмитрий**
Шебекино Белгородской области, 1978 г. р.

Родился в столице Таджикистана, городе Душанбе. Работает ведущим радиопередачи «Светоч» ГТРК Белгород. Студент 6 курса Литературного института им. А. М. Горького, семинар поэзии С. С. Арутюнова. Обладатель Гран-при XIII Международного фестиваля студенческой авторской песни и поэзии «Нижегольская тропа» 2009 года. Лауреат XXII фестиваля «Оскольская лира» 2010 года. Печатается впервые.

стр. 25 **Тимофеев Андрей Николаевич**
Москва, 1985 г. р.

Родился в городе Салавате Республики Башкортостан. Окончил Московский физико-технический институт и Литературный институт имени А. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Публиковался в журналах «Наш современник», «Новый мир», «Октябрь», «Бельские просторы», «Подъём», «Волга—XXI век», «МолОКО», газетах «День литературы», «Литературная газета». Ведущий рубрики «Дневник читателя» на сайте «Российский писатель». Лауреат премии имени И. А. Гончарова в номинации «Ученики Гончарова» (2013), ежегодной премии журнала «Наш современник» (2014). Член Совета по критике при Союзе писателей России.

стр. 207 **Тимченко Елена Владимировна**
Красноярск, 1962 г. р.

Родилась в селе Шила Сухобузимского района Красноярского края. Окончила физический факультет Красноярского государственного университета. Работала в агроуниверситете на кафедре физики в должности ассистента и младшего научного сотрудника, преподавала программирование и информационные технологии в техникуме и информатику в гимназии. Автор повести-сказки «Мерзлотка и её друзья», победившей в грантовом конкурсе «Книжное Красноярье» в 2007 году. С 2001 года стала внештатным сотрудником газеты «Городские новости», с 2004 года—главный редактор приложения «Детский район». С 2004 года ведёт в Красноярском литературном лицее творческие мастерские. Член Союза российских писателей.

стр. 3 **Щербаков Александр Илларионович**
Красноярск, 1939 г. р.

Родился в Красноярском крае, в селе Таскино, в старообрядческой крестьянской семье. Образование: история и филология, экономика и журналистика. Работал учителем, корреспондентом краевых и центральных изданий, возглавлял Красноярское отделение Союза писателей России. Автор двух десятков книг стихотворений, прозы, публицистики, повести «Свет всю ночь», сборников рассказов «Деревянный всадник», «Лазоревая бабка», «Змеи оживают ночью», поэтических книг «Трубачи весны», «Глубинка», «Горлица», «Жалейка», «Дар любви» и др. Печатался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Уральский следопыт», «Сибирские огни», «Огонёк» и др. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Академик Петровской академии наук и искусств.

стр. 212 **Юшманова Варвара Алексеевна**
Москва, 1987 г. р.

Родилась в Братске. Поэт, журналист, редактор. Окончила Ульяновский государственный университет по специальности «Журналистика». Студентка пятого курса Литературного института имени А. М. Горького (семинар поэзии Игоря Волгина). Публиковалась в сборниках «Братск—Пушкину», «Жизнь творчества» (Братск), журналах «Волга—XXI век» (Саратов), «День и ночь» (Красноярск), «Новая реальность», «Русская жизнь». Финалист Международного литературного Волошинского конкурса (2013). Лауреат премии имени Риммы Казаковой «Начало» (2014).

стр. 217 **Яранцев Владимир Николаевич**
Новосибирск, 1958 г. р.

Родился в Калинине (ныне Тверь). Критик, литературовед. Окончил гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета. Кандидат филологических наук. Автор книги «Ещё предстоит открыть» (2008). Публиковался в журналах «Гуманитарные науки Сибири», «Сибирские огни», «День и ночь», «Алтай», «Складчина», «Огни Кузбасса» и др. Член Союза писателей России.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Марина Саввиных

РЕДАКТОРЫ

отдел прозы

Александр Астраханцев
Евгений Мамонтов

отдел поэзии

Сергей Кузнечихин

отдел публицистики

Геннадий Васильев

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК

Олег Наумов

КОРРЕКТОР

Андрей Леонтьев

СЕКРЕТАРИАТ

Юлия Вятчина
Артём Яковлев

Издание осуществляется при поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

Журнал издаётся с 1993 г. В его создании принимал участие В. П. Астафьев. Первым главным редактором с 1993 по 2007 гг. был Р. Х. Солнцев. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Николай Алешков
Набережные Челны

Сергей Арутюнов
Москва

Юрий Беликов
Пермь

Вера Зубарева
Филадельфия

Анатолий Кирилин
Барнаул

Владимир Костылев
Арсеньев

Валентин Курбатов
Псков

Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург

Евгений Минин
Иерусалим

Виталий Молчанов
Оренбург

Дмитрий Мурзин
Кемерово

Миясат Муслимова
Махачкала

Александр Петрушкин
Кыштым

Лев Роднов
Ижевск

Евгений Степанов
Москва

Михаил Тарковский
Бахта

Вероника Шелленберг
Омск

В оформлении обложки использованы картины Натальи и Олеси Горбачёвых.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬ

ООО «День и ночь».

ИНН 246 304 2749

Расчётный счёт
4070 2810 8006 0000 0186
в Новосибирском филиале
ОАО «Банк Москвы»
в г. Новосибирске

БИК 045 004 762

Корреспондентский счёт
3010 1810 9000 00-00 0762

Рукописи принимаются по электронной почте:
dayandnight@bk.ru

Адрес редакции:
г. Красноярск, пр. Мира, д. 3.
т. +7 923 571 4936

Наш сайт: www.krasdin.ru

Подписано к печати: 11.04.2016
Тираж: 1200 экз.

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт»

г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10; т. 294 15 77
эл. почта: 2007rex@mail.ru

Вербное воскресенье | 22 × 35,5 | 2015

Серый день | 29 × 41 | 2013

Олеся Горбачёва
Улочка в Пекине | 42 × 42,5 | 2015

На обложке:

Наталья Горбачёва
Круги на воде (фрагмент) | 2014